

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2023. № 494. Сентябрь

• ФИЛОЛОГИЯ

• PHILOLOGY

• ФИЛОСОФИЯ

• PHILOSOPHY

• СОЦИОЛОГИЯ

• SOCIOLOGY

И ПОЛИТОЛОГИЯ

AND POLITICAL SCIENCE

• ПЕДАГОГИКА

• PEDAGOGICS

• ПРАВО

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2023. № 494. September

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р физ.-мат. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательства
Томского государственного университета; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; С.П. Сущенко, д-р техн. наук,
проф.; П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р
юрид. наук, проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук,
проф.; Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р физ.-мат. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy,
Professor; D. Vorobyov, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov,
Dr. of Physics and Mathematics; A. Gortsev, Dr. of Engineering,
Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
Dr. of Philology, Professor; Yu. Yerшов, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; A. Korotaev, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy,
Professor; V. Parnachev, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; L. Prokumentov, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov,
PhD in Chemistry, Associate Professor; S. Sushchenko, Dr. of
Engineering, Professor; P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; V. Utkin, Dr. of Law, Professor; O. Chaikovskaya,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; E. Chernyak, Dr. of History,
Professor; V. Shilko, Dr. of Education, Professor; E. Shragher, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор
Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор
Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент
И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor
Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor
Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor
Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prokumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бочкарев А.И., Гордеева М.Н. Особенности актуализации ценностного концепта 'acceptance of grief' в рамках комического дискурса	5
Ершова В.Е. Информационные агентства в медиасистеме Томской области.....	13
Кузнецова Е.В. Вариации на тему: рецепция «Саломеи» О. Уайльда в драматургии Н. Тэффи	24
Мельникова С.В. Образ Сибири в документальной прозе Иакова (И.П. Домского), епископа Якутского и Вилюйского	35
Фокин П.Е. Творчество А.А. Зиновьева в оценках российской литературной критики 1990-х гг.	44
Шмидт Д.С. Новые заимствования как элементы лексики русского языка: системный аспект	53

ФИЛОСОФИЯ

Ланкин В.Г. Язык: способы образования смысла и варианты ментальных систем	60
---	----

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Беспалов А.М., Макарова О.Н., Власов М.С., Болотбек кызы А. Ценностные и моральные факторы мотивации к изучению кумандинского языка у кумандинских подростков	73
Болдовская Т.Е., Фролова Ю.Ю. Детерминанты миграционного оттока населения Омской области	83
Радионова О.Р., Авалуева Н.Б. Влияние ценностно-смысловых предпочтений российских подростков и молодежи на построение образов будущего	96
Старшинова А.В., Протченко И.А. Социальные сети как способ поддержки онкобольных: преимущества и риски	106
Шамшуря К.А. Общественно-консультативные советы по вопросам культурного наследия в российских регионах: информационная открытость и персональный состав	115

ПЕДАГОГИКА

Дубровская Ю.А., Руденко Г.В., Пихконен Л.В. Определение общей физической работоспособности студентов – будущих горных инженеров-спасателей	125
Красавина Ю.В., Пономаренко Е.П., Жуйкова О.В. Особенности использования печатных и электронных источников информации при обучении иностранному языку глухих и слабослышащих студентов технического вуза	135
Пашченко Л.Г. Современные тенденции развития физической рекреации на открытом воздухе: обзор отечественных и зарубежных исследований	144
Севастьянов В.В., Алтухова Е.В. Совершенствование реализации самостоятельной работы студентов по дисциплинам физической культуры и спорта	155
Шансков М.А., Мельников Д.С., Фокин А.М. Исследование эффективности тактического мышления у баскетболистов	163

CONTENTS

PHILOLOGY

Bochkarev A.I., Gordeeva M.N. On actualizing the axiological concept "acceptance of grief" in humorous discourse	5
Ershova V.E. News agencies in the media system of Tomsk Oblast	13
Kuznetsova E.V. Variations on the theme: Reception of Oscar Wilde's <i>Salome</i> in Nadezhda Teffi's dramas	24
Melnikova S.V. The image of Siberia in the documentary prose of Iakov (Ieronim Domsky), bishop of Yakutsk and Vilyuysk	35
Fokin P.E. Works of Alexander Zinoviev in the assessments of Russian literary criticism of the 1990s	44
Schmidt D.S. New borrowings as elements of Russian vocabulary: A systemic aspect	53

PHILOSOPHY

Lankin V.G. Language: Ways of sense-formation and variants of mental systems	60
--	----

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Bespalov A.M., Makarova O.N., Vlasov M.S., Bolotbek kyzy A. Value and moral factors of motivation to study the Kumandin language among Kumandin teenagers	73
Boldovskaya T.E., Frolova Yu.Yu. Determinants of migration outflow of Omsk Oblast population	83
Radionova O.R., Avalueva N.B. Analysis of axiological attitudes of Russian youth in a period of uncertainty	96
Starshinova A.V., Protsenko I.A. Social networks to support cancer patients: Advantages and risks	106
Shamshura K.A. Public advisory councils for cultural heritage in the Russian regions: Information openness and composition	115

PEDAGOGICS

Dubrovskaya Yu.A., Rudenko G.V., Pikhkonen L.V. Determination of the general physical performance of students – future mining rescue engineers	125
Krasavina Yu.V., Ponomarenko E.P., Zhuykova O.V. The use of printed and digital resources in teaching ESL to deaf and hard-of-hearing students at a technical university	135
Pashchenko L.G. Modern trends in the development of physical recreation in the open air: A review of domestic and foreign studies	144
Sevastyanov V.V., Altukhova E.V. Improving the implementation of students' independent work in the disciplines of physical culture and sports	155
Shanskov M.A., Melnikov D.S., Fokin A.M. A study of the effectiveness of basketball players' tactical thinking	163

Шевченко А.И. Онлайн-экскурсии как инструмент обучения иностранному языку в информационной образовательной среде вуза	172
Aleynikova D.V., Yarotskaya L.V. Learning and teaching in the contexts of artificial intelligence: Transforming content for the humanities	180

ПРАВО

Аничкин Е.С. Системы законодательства Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики от самопровозглашения до принятия в Российскую Федерацию: этапы и основные черты развития	187
Азарёнок Н.В., Давлетов А.А., Чарыков А.В. Обусловленность места и роли адвоката-защитника типом уголовного производства	198
Долгиев М.М. Особенности уголовной ответственности участников специальной военной операции в контексте национальных интересов России	205
Князев Д.В. Соглашения (оговорки) о досудебном урегулировании споров в Великобритании	211
Кравец И.А. Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация в современной доктрине и практике: теоретические, методологические и сравнительно-правовые аспекты	224

Shevchenko A.I. Online excursions as tools for teaching a foreign language in the university's informational educational environment	172
Aleynikova D.V., Yarotskaya L.V. Learning and teaching in the contexts of artificial intelligence: Transforming content for the humanities	180

LAW

Anichkin E.S. Legislative systems of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic from self-proclamation to acceptance into the Russian Federation: Stages and main development features	187
Azarenok N.V., Davletov A.A., Charykov A.V. Conditionality of a defense lawyer's place and role by the type of criminal proceedings	198
Dolgiev M.M. Features of criminal liability of participants in the special military operation in the context of Russia's national interests	205
Kniazev D.V. Alternative dispute resolution agreements (clauses) in the United Kingdom	211
Kravets I.A. Communicative constitutionalism and constitutional mobilization in modern doctrine and practice: Theoretical, methodological and comparative legal aspects.....	224

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81'811.111
doi: 10.17223/15617793/494/1

Особенности актуализации ценностного концепта ‘acceptance of grief’ в рамках комического дискурса

Арсентий Игоревич Бочкарев¹, Мария Николаевна Гордеева²

^{1,2}*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия*

¹*arsentiy_87@mail.ru*

²*aglie-svr@yandex.ru*

Аннотация. Впервые рассматривается ценностная составляющая концепта ‘acceptance’. В работе применяется аксиологический подход к исследованию комического. Практическим материалом послужили записи и скрипты стендап-комедий и ситкомов. Выявлены и подробно проанализированы следующие основные характеристики ценностного концепта ‘acceptance of grief’: нахождение положительного аспекта в собственной болезни или смерти; преодоление депрессии; осознание неизбежности смерти; отношение к смерти как к обычному событию.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, принятие, смерть, болезнь, комический дискурс, ценности

Для цитирования: Бочкарев А.И., Гордеева М.Н. Особенности актуализации ценностного концепта ‘acceptance of grief’ в рамках комического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/494/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/1

On actualizing the axiological concept “acceptance of grief” in humorous discourse

Arsentiy I. Bochkarev¹, Mariya N. Gordeeva²

^{1,2}*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation*

¹*arsentiy_87@mail.ru*

²*aglie-svr@yandex.ru*

Abstract. The work is aimed at studying the main humorous characteristics of the axiological concept “acceptance of grief”. This concept is considered to be an important value of humorous discourse. Nevertheless, the issue of actualizing this concept in humorous discourse attracts little attention. Moreover, the concept “acceptance” was studied in a context not related to the topic of grief and it was specified as “making a decision” and “making and implementing a decision” while the axiological status of this concept is of recent origin. This work develops an axiological approach for studying humor. The reaction of the audience to the axiological concept “acceptance of grief” is defined. The data comprise recordings and scripts of more than 70 stand-up specials and more than 500 episodes of sitcoms. The research showed that the axiological concept “acceptance of grief” was accompanied mostly by laughter and sometimes by moderate applauding. Axiological characteristics of the analyzed concept (based on literature on such phenomena as death and acceptance, definitions in dictionaries, and data analysis) are distinguished. In humorous discourse the following main characteristics of the axiological concept “acceptance of grief” are actualized: finding a positive side in one’s own illness or death; overcoming depression; realizing inevitability of death; treating own death as a common event. The positive side of illness is re-thinking the actions or states which result from diseases, but they can be treated positively under some circumstances. The advantages of death include: having an opportunity to die worthily; getting acknowledgment and becoming famous among other people after the death. In humorous discourse, depression is overcome through laughter therapy and special ritual actions. Realizing of the inevitability of death causes a change in attitude towards life from re-thinking its quality to the conscious will to die, which demonstrates an absolute acceptance of death. The attitude to death as a routine is expressed through the violation of established rituals. The language means which are used to express the axiological concept “acceptance of grief” are also analyzed. They include simile, metaphor, obscene and vulgar words. The axiological concept “acceptance of grief” is often actualized either through a positive assessment of certain aspects of illness or death, or through a negative assessment of various aspects of a healthy and long life. It is also worth mentioning that in stand-up comedies the concept “acceptance of grief” draws attention more frequently than in sitcoms.

Keywords: axiological linguistics, acceptance, death, illness, humorous discourse, values

For citation: Bochkarev, A.I. & Gordeeva, M.N. (2023) On actualizing the axiological concept “acceptance of grief” in humorous discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/1

Введение

В целом степень разработанности комического дискурса в науке высока. Рассмотрение получают различные аспекты комического, такие как этнокультурная специфика комического [1, 2], отдельные комические жанры [3, 4], языковые средства выражения комического [5–7] и т.д. При этом ценностный аспект комического остается недостаточно изученным.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать, обращаясь к концептосфере смерти: несмотря на многообразие исследований, посвященных концепту «смерть» и смежным с ним явлениям [8–12], его ценностные характеристики и комическая объективация в настоящее время освещены недостаточно. Также следует отметить, что выражение отношения к смерти является важной частью комического.

Данные факторы обуславливают актуальность нашего исследования. В представленной работе мы рассмотрим такое ценностное состояние, как принятие горя (смерти, тяжелых болезней и т.д.) через призму комического.

В англоязычных словарях среди значений слова ‘acceptance’ можно найти значения, в которых отражается принятие неприятных для человека вещей: the quality of being willing to accept an unpleasant or difficult situation (e.g. acceptance of death/suffering) [качество готовности человека к принятию неприятной или трудной ситуации (например, принятие смерти/страданий)] [13]; an attitude of accepting a difficult or unpleasant situation because you know that it cannot be changed or avoided [отношение принятия сложной или неприятной ситуации, потому что вы знаете, что ее нельзя изменить или избежать] [14]; your acceptance of a situation, especially an unpleasant or a difficult one, is an attitude of feeling that you cannot change it and that you must get used to it [ваше принятие ситуации, особенно неприятной или трудной, – это чувство того, что вы не можете изменить ситуацию и должны к ней привыкнуть] [15]; the ability to accept an unpleasant situation which cannot be changed, without getting angry or upset about it [способность принять неприятную ситуацию, которую нельзя изменить, не злясь и не расстраиваясь] [16].

Именно в данном значении концепт ‘acceptance’ проявляется в качестве ценностного концепта. На основании данных определений можно выделить следующие когнитивные признаки концепта ‘acceptance’: наличие неприятной и/или сложной ситуации (преимущественно смерть или страдания); желание и/или необходимость преодоления неприятной ситуации; неотвратимость ситуации.

Следует также отметить, что данное значение вошло в словарную дефиницию рассматриваемого явления относительно недавно. Так, в самом подробном словаре

английского языка The Oxford English Dictionary (20 volumes, 1989) данное значение не отражается ни в одном из определений рассматриваемого слова [17]. Указанное значение также не было найдено нами в более поздних, но менее подробных словарях (см. The Oxford Dictionary of Current English (1993), The Oxford American Dictionary of Current English (1999) и т.д.) [18, 19].

На наш взгляд, приобретение словом ‘acceptance’ данного значения обусловлено ростом популярности психологической модели Э. Кюблер-Росс (‘The five stages of grief model’), где принятие является пятой, последней стадией проживания горя.

Таким образом, для обозначения ценностного концепта, обозначающего принятие горе, в англоязычной лингвокультуре мы будем использовать словосочетание ‘acceptance of grief’, чтобы отделить его от остальных значений явления acceptance. Следует отметить, что обычно принятие горя касается неприятностей, произошедших с самим человеком или его близкими, при этом крайней формой проживания горя является принятие смерти.

Теоретическое основание

В рамках изучения комического такое явление, как горе, преимущественно рассматривается через крайнюю форму своего проявления – смерть. Большинство работ, посвященных изучению взаимосвязи комического и смерти, направлено на рассмотрение роли и функции смеха в дискурсе смерти. Следует отметить, что смех является основным эмоциональным средством выражения комического.

С одной стороны, смех является признаком жизни и противоположностью смерти в языческих ритуалах [20. С. 131]. В.Я. Пропп отмечает, что смерть представляет собой жизнь с обратным знаком, и различие между живыми и мертвыми четко определяется смехом: пребывание в состоянии смерти означает запрет смеха, а возвращение к жизни сопровождается смехом [21].

С другой стороны, ритуальный смех может быть связан со смертью [20]. Для народных празднеств были характерны похороны-пародии берез, русалок, кукушек и т.д., при этом данные события сопровождалось смехом [22]. Также смех может сопутствовать ситуации настоящих похорон и убийств. По мнению М.Т. Рюминой, смех при подобных обстоятельствах имеет ритуальный характер и *используется как средство защиты от мести духов мертвецов, от смерти и страха перед ними. Также подобный смех может относиться к ритуальному выражению скорби* [20].

Единство континуума жизни и смерти показывается через *одновременное утверждение одного через отрицание другого (жизнь одного за счет смерти другого в рамках одной целостности или даже в рамках одного тела)*. Так, в амбивалентной гротескной образности существует беременная старость, представляющая

собой два тела в одном: рождающее и затем умирающее, и рождаемое [23].

Если взаимосвязь смеха и горя (на примере смерти) изучена довольно подробно, то сам концепт 'acceptance of grief' не получил достаточного освещения. Более того, концепт «принятие» изучался в контексте, не имеющем отношения к теме горя, и был конкретизирован как «принятие решения» [24] и «принятие и исполнение решения» [25].

Модель из пяти стадий восприятия смерти (отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие) изначально описывала состояния неизлечимо больных пациентов, впоследствии она стала применяться также в отношении людей, потерявших своих близких [26].

Первый этап (стадия отрицания неизбежного) является временной формой защиты. На втором этапе (гнев) человек испытывает гнев из-за того, что беда случилась именно с ним. Третий этап (торг) подразумевает появление надежды на исполнение желания в обмен на определенные действия или обещания. На четвертом этапе (депрессия) человек выражает скорбь относительно своей предстоящей или свершившейся потери. Пятого этапа достигают только те, кто смог преодолеть мучения и страхи [26. С. 101]. Основными характеристиками стадии принятия являются: полное осознание неизбежного события; отсутствие остро негативных чувств, связанных с этим событием; возвращение в привычный ритм жизни [26].

На наш взгляд, ценностный концепт 'acceptance of grief' находится в довольно тесной связи с таким ценностным концептом, как 'courage', и на определенном этапе невозможно провести разграничение этих двух ценностей. Прежде всего, это касается тех случаев, когда человек преодолевает страх смерти и готов пожертвовать собственной жизнью ради чего-либо.

Материал и методы исследования

В представленной работе нами применяется аксиологический подход к исследованию комического, состоящий из четырех основных этапов. На первом этапе аудиально определялась реакция зрителей на комические и некомические высказывания. Было установлено, что основными реакциями на ценности являются аплодисменты и неодобрительные возгласы, в свою очередь, к основной реакции на антиценности относятся неодобрительные возгласы. Первоначальное определение принадлежности того или иного явления к ценностям или антиценностям осуществляется нами на основе реакции большей части аудитории, при этом отобранный практический материал представляет собой комические произведения культурной значимости. Основной аудиально фиксируемой реакцией на комическое является смех. В представленных примерах полужирным курсивом выделены высказывания, сопровождавшиеся смехом зрителей в моменты, которые связаны с актуализацией концепта 'acceptance of grief'. На втором этапе определяются комически значимые когнитивные признаки концепта 'acceptance of grief' на основе словарных дефиниций 'acceptance', теоретиче-

ского материала и практического материала. При анализе словарных дефиниций мы использовали такие англоязычные словари, как Oxford Advanced Learner's Dictionary, Macmillan Dictionary, Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, The Oxford English Dictionary. Vol. 1. A–Baz, The Oxford Dictionary of Current English, The Oxford American Dictionary of Current English. При исследовании словарных дефиниций использовался семный анализ. Следует также отметить, что анализ литературы по такому явлению, как принятие горя, позволил нам выявить общие когнитивные признаки соответствующего концепта (например, преодоление состояния депрессии), в то время как анализ практического материала позволил определить более конкретные признаки, характерные непосредственно для комического дискурса (например, смехотерапия). На третьем этапе устанавливались языковые средства, которые могут использоваться для комической объективации концепта 'acceptance of grief', а именно лексические средства (метафоры, гиперболы, сравнения и т.д.) и синтаксические средства (антитеза, парадокс, смешение стилей и т.д.). На четвертом этапе анализировались высказывания, в которых выражалась оценка автором текста или героями произведения актуализации концепта 'acceptance of grief', для верификации ценностной принадлежности концепта 'acceptance of grief'.

Практический материал представляет собой записи и скрипты таких популярных жанров современного комического дискурса, как стендап-комедии и ситуационные комедии. В общей сложности нами было проанализировано более 70 выпусков стендап-комедий и 500 эпизодов различных ситкомов. Отбор материала для исследования осуществлялся следующим образом: стендап-выступления выбирались на основе изучения рейтингов; выбор ситуационных комедий зависел от количества просмотров в момент премьеры на телевидении. Неоспоримое преимущество данного материала заключается в том, что можно оценить либо живую реакцию аудитории (стендап-выступления), либо позицию авторов материала относительно комичности тех или иных фрагментов на основе закадрового смеха (ситуационные комедии).

Результаты и обсуждение

В рамках комического дискурса выявлены следующие основные характеристики концепта 'acceptance of grief': нахождение положительного аспекта в собственной болезни или смерти; преодоление состояния депрессии; осознание неизбежности смерти; отношение к смерти как к обыденному событию.

Нахождение положительного аспекта в болезни или смерти. В болезни обычно находят такое преимущество, как переосмысление действий.

Пример 1. Переосмысление действий.

And I found out I had a bad heart because they did an echocardiogram and my heartbeat was like – [mimics irregular beating] My cardiologist went, "that's not good."

My latin friend said, “no, you could dance to that. That’s kinda cool [Я знал, что у меня большое сердце, потому что сделал эхокардиограмму. Сердце билось так (изображает нерегулярное сердцебиение). Кардиолог сказал: «Дело плохо». А мои друзья латиноамериканцы сказали: «Нет, ну под это можно танцевать. Крутой ритм»] [27].

В данном примере предлагается нестандартный взгляд на наличие плохого сердечного ритма героя, а именно: такой ритм позволяет герою танцевать под него. Аудитория отреагировала интенсивным смехом на соответствующее высказывание. Комический эффект основан на проявлении ума, новом взгляде на различные явления действительности (could dance to that). Соответственно, говорящий находит связь между танцами и нерегулярным сердцебиением. В приведенном примере представлены две разные оценки одного и того же явления (проблемы с сердцем): “that’s not good – That’s kinda cool”.

Рассматривая высказывания о смерти, среди ее преимуществ можно выделить следующие: возможность умереть достойно; получение признания со стороны окружающих после смерти.

Пример 2. Возможность достойной смерти.

Thinking about death, though, I’d like to die like my father died, right. **My father died fucking. He did. My father was 57 when he died, right, and the woman was 18. My father came and went at the same time** [Но если подумать о смерти, я бы хотел умереть так же, как умер мой отец. Мой отец умер во время секса. Это действительно было так. Моему отцу было 57 лет, когда он умер, а женщине было 18. Мой отец закончил и отошел в одно и то же время] [28].

Данное высказывание сопровождалось интенсивным смехом аудитории, в конце к нему добавились аплодисменты и одобрительные возгласы. В представленном примере актуализации смерти сопутствует использование обсценной лексики (fucking) без выражения говорящим гнева. Комический эффект основан на новом взгляде на различные явления действительности, а именно: восприятие сознанием соития как важного процесса, который придает смерти положительный оттенок. Комический эффект усиливается за счет использования вульгарного значения слова same. Положительная оценка данного события также реализуется в оценке автора, который желает себе подобной смерти (like to die like my father).

Пример 3. Получение признания со стороны окружающих после смерти.

Well, they say the nicest things about you, they say the nicest things when you die. Your popularity goes straight up when you die. They say the greatest things there are that can be said, they’ll even make stuff up if they have to. **Well, he was a real asshole, but he meant well, you know? He was a well-meaning asshole.** Yes, you get so popular when you die, all the flowers you get, think of the flowers you get when you die. **You get more flowers when you die than you got in your whole life. All of your flowers arrived at once too late** [Про тебя говорят такие хорошие вещи. Когда умираешь, столько хорошего говорят. Когда умираешь, твоя популярность взлетает.

Говорят самые прекрасные вещи на свете, при надобности даже немного привирают. Он был настоящий козел, но с добрым сердцем, понимаете? Он был сердечным козлом. Да, смерть приносит популярность. А сколько дарят цветов. Прикиньте, сколько цветов дарят на похоронах. На похоронах тебе дарят больше цветом, чем за всю жизнь вместе взятую. Все твои цветы доставляют одновременно, но поздравато] [29].

Комический эффект также основан на проявлении нового взгляда на привычные явления, а именно: демонстрации возможности увеличения популярности после смерти через всеобщее внимание, получение большого количества цветов и завоевание признания, даже если при жизни умерший был не очень приятным человеком. Соответствующие фразы сопровождалась интенсивным смехом зрителей. Ярким средством создания комического эффекта в данном примере служит оксюморон well-meaning asshole, демонстрирующий осторожное положительное обозначение отрицательно характеризуемого умершего персонажа. Положительная оценка подобной смерти также реализуется через положительно окрашенную лексику (the nicest things; greatest things; popular).

Преодоление состояния депрессии. Согласно модели Э. Кюблер-Росс преодоление состояния депрессии приводит к принятию горя. В комическом дискурсе существуют следующие способы преодоления депрессии: смехотерапия; совершение особых ритуальных действий.

Пример 4. Смехотерапия.

Barney: Wait a minute! Today, we are gonna make Marshall laugh. Robin: How? Barney: Ted, what’s the one thing that always cracks him up? Ted: Internet footage of a guy getting hit in the nuts. Barney: **Internet footage of a guy getting hit in the nuts, exactly! So we are gonna get our bro a four-star nad rattler.** You search knees, feet, banisters, fire hydrants and diving boards, and I’ll cover bats, rackets, hockey sticks, golf clubs and riding crops. Ted: What about animals? Barney: Uh... claws, paws, talons, hooves, beaks and clenched monkey fists. **We can do this!** [Барни: Придумал! Сегодня мы будем смешить Маршалла. Робин: Это как же? Барни: Тед, скажи-ка, что его всегда веселит? Тед: Видео, где мужика бьют между ног. Барни: Видео, где мужика бьют между ног, его всегда веселит! Поэтому мы найдем нашему братану высококласный паховый трюк. Ищи ноги, колени, перила, гидранты, трамплины, а я займусь битами, ракетками, хоккейными клюшками, клюшками для гольфа и седлами. Тед: Что насчет животных? Барни: Эх... когти, клешни, лапы, копыта, клювы и кулаки мартышек. Мы сможем!] [30].

В данном эпизоде ситуационной комедии зрительский смех присутствует трижды. Самое популярное выражение отношения к смерти или болезни – попытка их принятия с помощью шутки. Юмор является механизмом психологической защиты человека от тяжелых переживаний, сглаживания резкости восприятия трагических событий. В приведенном примере главные герои решают подбодрить друга на похоронах его отца

с помощью его любимых видео с ударами по мужским гениталиям. Комический эффект основан на несоответствии между ожидаемым поведением (отказ от грубых форм коммуникации) и реальным поведением (использование грубого комического) участников поминального мероприятия. Также комическому эффекту способствует использование перечисления ряда объектов (knees, feet, banisters, fire hydrants and diving boards, bats, rackets, hockey sticks, golf clubs, riding crops) или частей тела различных существ (claws, paws, talons, hooves, beaks, clenched monkey fists), осуществляющих соответствующее физическое воздействие. Сами герои произведения дают положительную оценку смеха в подобной ситуации, так как, на их взгляд, смеяться полезно для здоровья (We have to laugh today. It's healthy).

Следует отметить, что подобного рода смехотерапия обычно не вызывает смех людей, переживающих депрессию, тем не менее она является распространенным приемом, используемым для преодоления депрессии, так как помогает облегчить страдания человека даже без достижения своей цели.

Пример 5. Особые ритуальные действия.

So now, **instead of scratching out a name you get to delete the fuck**. And deleting someone is an even more powerful feeling than simply scratching out a name. You know how to delete someone. You select a name, highlight the person and then poof, straight into the trash. Now, if it's a really close friend of yours, **you might not want to empty the trash for about six weeks**. Or...or if it's a little too harsh for you, a little too harsh to delete an old friend, **you can always create a new folder, a special folder for dead people**. [Так что теперь, вместо зачеркивания имени, тебе нужно удалить урода. И удаление кого-либо дает тебе даже более сильное чувство, чем простое зачеркивание имени. Ты знаешь, как удалить кого-то. Ты выбираешь имя, выделяешь человека и потом прям в корзину. Если это твой очень близкий друг, возможно, ты не захочешь очищать корзину где-то шесть недель. Или, если это немного больно для тебя, немного больно удалить старого друга, ты всегда можешь создать новую папку, специальную папку для мертвых людей] [31].

Смех зрителей на протяжении рассматриваемого фрагмента интенсивен и сопровождается аплодисментами. В представленном примере актуализации смерти сопутствует использование обсценной лексики (fuck) без выражения говорящим гнева. В данном примере приведено принятие известия о смерти с позиции состарившегося человека путем создания особого ритуала вокруг стирания уже бесполезного контакта умершего. Комический эффект основан на использовании цифровой метафоры, т.е. жизнь человека представлена через его существование в цифровой среде. Так, умерший человек остается в контактах в течение шести недель, а затем его номер либо удаляется, либо помещается в особую папку для умерших. Цифровая метафора реализуется посредством соответствующих лексических единиц (to delete someone; select a name; highlight the person; straight to the trash; a special folder for the dead). Следует также отметить, что говорящий

положительно оценивает данный ритуал (more powerful feeling).

Осознание неизбежности смерти. Осознание неизбежности смерти приводит к изменению отношения к самой жизни, что выражается через переосмысление качества жизни, желание закончить жизнь из-за низкого качества.

Пример 6. Переосмысление значимости качества жизни.

Oh and by the way, an airplane flight shouldn't be completely safe. You need a little danger in your life. **Take a fucking chance once in a while, will you? What are you gonna do? Play with your prick for another 30 years?** [Да, и кстати, полет на самолете не должен быть полностью безопасным. Вам нужно периодически испытывать чувство опасности. Нужно рисковать время от времени, не так ли? Что ты собираешься делать? Играть со своим членом еще 30 лет?] [32].

Реакция зрителей на данный фрагмент помимо смеха включает как аплодисменты, так и одобрительные возгласы. В представленном примере актуализации смерти сопутствует использование обсценной лексики (fucking) без выражения говорящим гнева. При осознании неизбежности смерти во время авиаперелета качество жизни приобретает большую значимость по сравнению с количеством оставшихся человеку лет. Комический эффект основан на гиперболизации действительности, а именно: момент риска ставится и ценится выше, чем возможность прожить еще предполагаемые 30 лет.

Пример 7. Желание закончить жизнь.

«It's an awful sad expression in your face. **Is that because your friends are all dead? That was the white bread crowd. But you've got two weeks to go**. «Stick this spoon in my eye!» [«У Вас ужасно грустное выражение лица. Это оттого, что все Ваши друзья умерли? Просто они ели белый хлеб. Но у Вас есть еще две недели». «Воткни мне эту ложку в глаз!»] [33].

Выделенные фрагменты сопровождаются смехом аудитории. Рассматриваемый пример иллюстрирует стремление приблизить собственную смерть вследствие беспомощности и отсутствия желания жить. Смерть воспринимается как спасение от дискомфорта, который испытывает человек в возрасте из-за размышлений о собственной смерти, часто вызванных уходом своих ровесников. В основе комического эффекта лежит цинизм, который проявляется через прямой и грубый вопрос относительно причины депрессивного состояния человека (Is that because your friends are all dead?) и через такой же прямой и грубый ответ (Stick this spoon in my eye!). Желание закончить жизнь в определенный момент времени оценивается говорящим положительно на протяжении всего выступления. По мнению говорящего, ценность жизни в старости мизигнальна из-за своего низкого качества (How much longer are you gonna live then me?" A fortnight? Ten days? Don't say '20 years', you know that's crap. We are talking a fortnight. But it isn't a fortnight when you're 18, shagging everything that walks in front of you. No, it's a fortnight when you're in an old folks'

home peeing your trousers; And you know you're getting really old because your tongue comes out when the spoon's only halfway to your face).

Отношение к смерти или болезни как к обыденному событию. Отношение к смерти или болезни как к обыденному событию обычно реализуется через нарушение установленных ритуалов.

Пример 8. Нарушение установленных ритуалов.

I asked my mom what we wanted — what she wanted to do with her body. And she said, “Just burn it.” That’s what she said: **Burn it. What, in the yard with leaves? What the fuck?** She didn’t want a funeral, no pageantry, nothing. So she booked it herself. **That was her last act as an American consumer. She went online with a credit card and she booked her own cremation** [Я спросил маму, что мы хотим – что она хочет сделать со своим телом. И она сказала: «Сожги его». Так и сказала. «Сожги его». Что, прямо во дворе с листьями? Какого хрена? Она не хотела ни похорон, ни церемоний, ничего. Поэтому она заказала – это был ее последний поступок в качестве американского потребителя – зашла в интернет и по своей кредитной карте заказала себе кремацию] [34].

Анализируемый фрагмент сопровождается исключительно смехом зрителей. В представленном примере актуализации смерти сопутствует использование обсценной лексики (fuck) без выражения говорящим гнева. В приведенном примере мать главного героя относится к смерти как к обыденному явлению, она сама заказывает собственную кремацию и относится к ней как к обычной покупке (online with a credit... booked her own cremation). Кроме того, отсутствие особого интереса к собственной смерти показано через короткие предложения (just burn it) и отказа от стандартных ритуалов, связанных со смертью (didn’t want a funeral, no pageantry, nothing). В дальнейшем контексте стендап-комик принимает данную позицию своей матери (That’s what she wanted).

Заключение

В данной работе мы рассмотрели особенности актуализации ценностного концепта ‘acceptance of grief’ в комическом дискурсе. Прежде всего, следует отметить, что рассматриваемый концепт относится к однозначным ценностям комического дискурса в отличие от большинства других аксиологических концептов, имеющих амбивалентную ценностную природу. Так, в рамках комического дискурса многие концепты (например, неискренность, негативный эскапизм, трусость и т.д.) проявляют как ценностный, так и антиценностный характер, при этом одна из двух составляющих преобладает над другой [35–37].

Основной реакцией на проявление принятия горя в комическом дискурсе является смех. Зачастую смех также сопровождается аплодисментами зрителей.

К основным комическим ценностным характеристикам концепта ‘acceptance of grief’ относятся: нахождение положительного аспекта в собственной болезни

или смерти; преодоление состояния депрессии; осознание неизбежности смерти; отношение к смерти или болезни как к обыденному событию. Нахождение положительного аспекта в болезни обычно представляет собой переосмысление определенных действий, которые становится легче выполнять при наличии данной болезни. В свою очередь, к преимуществам смерти обычно относятся возможность умереть достойно и получение признания со стороны окружающих после своей смерти. В подобных ситуациях комический эффект обычно основан на проявлении ума, а именно на новом взгляде на различные явления действительности. Преодоление депрессии в комическом дискурсе осуществляется с помощью смехотерапии и особых ритуальных действий. Осознание неизбежности смерти влечет за собой изменение отношения к собственной жизни, которое варьируется от переосмысления значимости ее качества до желания прекратить жить, что свидетельствует о полном принятии собственной смерти. В свою очередь, отношение к смерти как к обыденному событию обычно реализуется через нарушение установленных ритуалов.

К языковым средствам выражения комической составляющей ценностного концепта ‘acceptance of grief’ относятся: сравнение (get more flowers when you die than you got in your whole life); метафора (a special folder for the dead); обсценная лексика (fucking chance). Как показал анализ практического материала, комический эффект может быть достигнут и без использования специализированных языковых средств (например, через проявление ума путем нового взгляда на привычные явления действительности). Также следует отметить тот факт, что в стендап-комедиях в целом часто используется обсценная лексика. В большинстве подобных контекстов использование обсценной лексики связано с актуализацией концепта ‘anger’ [38]. В контексте смерти использование нецензурной лексики обычно выполняет ритуальную функцию оберега [20. С. 145]. Так, употребление обсценной лексики направлено на отпугивание зла, которое зачастую является причиной смерти [39. С. 105–106]. Отмечается, что использование обсценной лексики наряду со смехом является одной из основных защитных реакций на актуализацию смерти [20. С. 145–146].

Принятие горя зачастую актуализируется либо через положительную оценку определенных аспектов болезни (That’s kinda cool) или смерти (I’d like to die like my father died; they say the nicest things when you die; popularity goes straight up when you die; get more flowers when you die than you got in your whole life; gives you a good feeling; gives you a sense of power), либо через негативную оценку аспектов здоровой и продолжительной жизни (Play with your prick for another 30 years; it isn’t a fortnight when you’re 18).

Следует также отметить, что в ситуационных комедиях ценностный концепт ‘acceptance of grief’ актуализируется довольно редко. В свою очередь, стендап-комики довольно часто поднимают тему смерти/болезней и их принятия.

Перспективой дальнейшего исследования видится изучение других ценностных состояний, входящих в концептосферу смерти.

Список источников

1. Davies Ch. Ethnic jokes, moral values and social boundaries // *The British Journal of Sociology*. 1982. № 33 (3). P. 384–403.
2. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара : Изд-во СГПУ, 2004. 263 с.
3. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград : Парадигма, 2015. 432 с.
4. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
5. Attardo S. *Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis*. N.Y. : Mouton de Gruyter, 2001. 238 p.
6. Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. N.Y. : Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.
7. Hempelmann C.F. Script Opposition and Logical Mechanism in Punning // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2004. № 4 (17). P. 381–392.
8. Грабарова Э.В. Лингвокультурологические характеристики концепта «смерть» // *Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности*. Волгоград : Перемена, 2001. С. 71–78.
9. Копейкина Н.В. Некоторые аспекты универсальных концептов «Жизнь» и «Смерть» в романе Маргарет Этвуд «Слепой убийца» // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Филология. 2014. № 4. С. 80–86.
10. Логинова М.М. Концептуализация лингвокультурных понятий «жизнь» и «смерть» в русской языковой картине мира: когнитивные, лексико-семантические характеристики и гендерная специфика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2017. 26 с.
11. Лю Сун. Похороны // *Антология концептов*. Т. 7. Волгоград : Парадигма, 2009. С. 258–271.
12. Скрипник А.В. Принципы исследования концепта «Смерть» в языковом сознании // *Язык и культура*. 2013. С. 161–165.
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 02.11.2022).
14. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 02.11.2022).
15. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. URL: <https://www.вокабула.рф/словари> (дата обращения: 02.11.2022).
16. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.вокабула.рф/словари> (дата обращения: 02.11.2022).
17. *The Oxford English Dictionary*. Vol. 1. A–Baz. Oxford : Calderon Press, 1989. 1091 p.
18. *The Oxford Dictionary of Current English*. Oxford : Oxford University Press, 1993. 1074 p.
19. *The Oxford American Dictionary of Current English*. Oxford : Oxford University Press, 1999. 1008 p.
20. Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 320 с.
21. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М. : Лабиринт, 1999. 288 с.
22. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). СПб.: Терра-Азбука, 1995. 176 с.
23. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 543 с.
24. Рец Н.И. Концепт «Принятие решения»: лингвокогнитивное моделирование // *Вестник Чувашского университета*. 2012. № 4. С. 260–262.
25. Чалабаева Л.В. Концепт «принятие и исполнение решения» (когнитивно-дискурсивный аспект) // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 158–164.
26. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. М. : София, 2001. 316 с.
27. Williams R. Weapons of Self-destruction. 2009. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/robin-williams-weapons-of-self-destruction-transcript/> (дата обращения: 02.11.2022).
28. Pryor R. Live in Concert. 1979. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/richard-pryor-live-concert-1979-full-transcript/> (дата обращения: 02.11.2022).
29. Carlin G. Again! 1978. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-1978-full-transcript/> (дата обращения: 02.11.2022).
30. How I Met Your Mother. Last Words. 2010. URL: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-6/episode-14-Last_Words (дата обращения: 02.11.2022).
31. Carlin G. It's bad for ya! 2008. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-its-bad-for-ya/> (дата обращения: 02.11.2022).
32. Carlin G. You are all diseased. 1999. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-you-are-all-diseased-transcript/> (дата обращения: 02.11.2022).
33. Connolly V. High Horse Tout Live. 2016. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-bad-2008-testo-italiano-completo/> (дата обращения: 02.11.2022).
34. Louis C.K. Sincerely Louis C.K. 2020. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/sincerely-louis-ck-transcript/> (дата обращения: 02.11.2022).
35. Бочкарев А.И. Антиценностный концепт трусость в комическом дискурсе англосаксонской лингвокультуры // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23, № 4. С. 1016–1023.
36. Бочкарев А.И. К особенностям актуализации сложного антиценностного концепта insincerity в комическом дискурсе английской лингвокультуры // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24, № 2. С. 239–246.
37. Бочкарев А.И. Лингвокогнитивные характеристики антиценностного концепта «negative escapism» в комическом дискурсе // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*. 2022. Т. 8 (74), № 2. С. 98–109.
38. Бочкарев А.И. Аксиологические особенности выражения антиценностного концепта 'anger' в комическом дискурсе англоязычной лингвокультуры // *Когнитивные исследования языка*. 2022. Вып. 3 (50): Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных исследованиях : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Новосибирск 15–16 сент. 2022 г. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2022. С. 715–719.
39. Байбурун А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета : этнографические очерки. Л. : Наука, 1990. 165 с.

References

1. Davies, Ch. (1982) Ethnic jokes, moral values and social boundaries. *The British Journal of Sociology*. 33 (3). pp. 384–403.
2. Kulnich, M.A. (2004) *Lingvokulturologiya yumora (na materiale angliyskogo yazyka)* [Linguistic and cultural studies of humor (based on the English language)]. Samara: Samara State Pedagogical University.
3. Karasik, V.I. (2015) *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, signs, motives]. Volgograd: Paradigma.
4. Shmeleva, E.Ya. & Shmelev, A.D. (2002) *Russkiy anekdot. Tekst i rechevoy zhanr* [Russian joke. Text and the speech genre]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Attardo, S. (2001) *Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis*. N.Y.: Mouton de Gruyter.
6. Attardo, S. (1994) *Linguistic Theories of Humor*. N.Y.: Mouton de Gruyter.
7. Hempelmann, C.F. (2004) Script Opposition and Logical Mechanism in Punning. *Humor: International Journal of Humor Research*. 4 (17). pp. 381–392.
8. Grabarova, E.V. (2001) Lingvokulturologicheskie kharakteristiki kontseptna "smert'" [Linguistic and cultural characteristics of the concept "death"]. In: *Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoy deyatel'nosti* [Language personality: problems of communicative activity]. Volgograd: Peremena. pp. 71–78.
9. Kopeykina, N.V. (2014) Nekotorye aspekty universal'nykh kontseptov "Zhizn'" i "Smert'" v romane Margaret Etvud "Slepoy ubiytsa" [Some aspects of the universal concepts "Life" and "Death" in Margaret Atwood's novel "The Blind Assassin"]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 4. pp. 80–86.

10. Loginova, M.M. (2017) *Kontseptualizatsiya lingvokul'turnykh ponyatiy "zhizn'" i "smert'" v russkoy yazykovoy kartine mira: kognitivnye, leksiko-semanticheskie kharakteristiki i gendernaya spetsifika* [Conceptualization of linguocultural concepts "life" and "death" in the Russian linguistic picture of the world: cognitive, lexical-semantic characteristics and gender specificity]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnodar.
11. Lyu Sun. (2009) Pokhorony [Funeral]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 7. Volgograd: Paradigma. pp. 258–271.
12. Skripnik, A.V. (2013) Printsipy issledovaniya kontsepta "Smert'" v yazykovom soznanii [Principles of research of the concept "Death" in linguistic consciousness]. *Yazyk i kul'tura*. 4. pp. 161–165.
13. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (Accessed: 02.11.2022).
14. *Macmillan Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.macmillandictionary.com> (Accessed: 02.11.2022).
15. *Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.vokabula.rf/slovari> (Accessed: 02.11.2022).
16. *Longman Dictionary of Contemporary English*. [Online] Available from: <https://www.vokabula.rf/slovari> (Accessed: 02.11.2022).
17. Calderon Press. (1989) *The Oxford English Dictionary*. Vol. 1. A–Baz. Oxford: Calderon Press.
18. OUP. (1993) *The Oxford Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press.
19. OUP. (1999) *The Oxford American Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press.
20. Ryumina, M.T. (2010) *Estetika smekha: Smekh kak virtual'naya real'nost'* [Aesthetics of laughter: Laughter as virtual reality]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
21. Propp, V.Ya. (1999) *Problemy komizma i smekha. Ritual'nyy smekh v fol'klore (po povodu skazki o Nesmeyane)* [Problems of the comic and laughter. Ritual laughter in folklore (on the fairy tale about Nesmeyana)]. Moscow: Labirint.
22. Propp, V.Ya. (1995) *Russkie agrarnye prazdniki: (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya)* [Russian agricultural holidays: (Experience of historical and ethnographic research)]. Saint Petersburg: Terra-Azbuka.
23. Bakhtin, M.M. (1990) *Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
24. Rets, N.I. (2012) Kontsept "Prinyatie resheniya": lingvokognitivnoe modelirovanie [Concept "Decision Making": linguocognitive modeling]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4. pp. 260–262.
25. Chalabaeva, L.V. (2011) Kontsept "prinyatie i ispolnenie resheniya" (kognitivno-diskursivnyy aspekt) [The concept "decision making and execution" (cognitive-discursive aspect)]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 1. pp. 158–164.
26. Kübler-Ross, E. (2001) *O smerti i umiranii* [On death and dying]. Translated from English. Moscow: Sofiya.
27. Williams, R. (2009) *Weapons of Self-destruction*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/robin-williams-weapons-of-self-destruction-transcript/> (Accessed: 02.11.2022).
28. Pryor, R. (1979) *Live in Concert*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/richard-pryor-live-concert-1979-full-transcript/> (Accessed: 02.11.2022).
29. Carlin, G. (1978) *Again!* [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-1978-full-transcript/> (Accessed: 02.11.2022).
30. Sublikescript. Com. (2010) *How I Met Your Mother. Last Words*. [Online] Available from: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-6/episode-14-Last_Words (Accessed: 02.11.2022).
31. Carlin, G. (2008) *It's bad for ya!* [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-its-bad-for-ya/> (Accessed: 02.11.2022).
32. Carlin, G. (1999) *You are all diseased*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-you-are-all-diseased-transcript/> (Accessed: 02.11.2022).
33. Connolly, B. (2016) *High Horse Tout Live*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-bad-2008-testo-italiano-completo/> (Accessed: 02.11.2022).
34. Louis, C.K. (2020) *Sincerely Louis C.K.* [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/sincerely-louis-ck-transcript/> (Accessed: 02.11.2022).
35. Bochkarev, A.I. (2021) Antitsennostnyy kontsept trusost' v komicheskom diskurse anglosaksonskoy lingvokul'tury [The anti-value concept of cowardice in the humorous discourse of Anglo-Saxon linguistic culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 23 (4). pp. 1016–1023.
36. Bochkarev, A.I. (2022) K osobennostyam aktualizatsii slozhnogo antitsennostnogo kontsepta insincerity v komicheskom diskurse angliyskoy lingvokul'tury [On the features of actualization of the complex anti-value concept "insincerity" in the humorous discourse of English linguistic culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 24 (2). pp. 239–246.
37. Bochkarev, A.I. (2022) Linguo-cognitive characteristics of the axiological concept "negative escapism" in humorous discourse. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 8 (74): 2. pp. 98–109. (In Russian).
38. Bochkarev, A.I. (2022) Aksiologicheskie osobennosti vyrazheniya antitsennostnogo kontsepta 'anger' v komicheskom diskurse angloyazychnoy lingvokul'tury [Axiological features of the expression of the anti-value concept 'anger' in the humorous discourse of English linguistic culture]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 3 (50). pp. 715–719.
39. Bayburin, A.K. & Toporkov, A.L. (1990) *U istokov etiketa: etnograficheskie ocherki* [At the origins of etiquette: ethnographic essays]. Leningrad: Nauka.

Информация об авторах:

Бочкарев А.И. – канд. филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: arsentiy_87@mail.ru

Гордеева М.Н. – старший преподаватель кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: aglie-svr@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.I. Bochkarev, Cand. Sci. (Philology), head of the Department of Foreign Languages (Technical Programs), Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: arsentiy_87@mail.ru

M.N. Gordeeva, senior lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: aglie-svr@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.11.2022;
одобрена после рецензирования 24.01.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 17.11.2022;
approved after reviewing 24.01.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 070
doi: 10.17223/15617793/494/2

Информационные агентства в медиасистеме Томской области

Валентина Евгеньевна Ершова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
ervalen@yandex.ru*

Аннотация. Описывается подсистема информационных агентств медиасистемы Томской области. На материале открытых источников и данных регионального управления Роскомнадзора анализируются различные организации Томской области, именуемые информационными агентствами. Они рассматриваются с позиции типологических характеристик, свойственных информагентствам как типу СМИ. На основе типологического анализа детально описываются три агентства: РИА Томск, НИА-Томск и томское бюро Интерфакс-Сибирь.

Ключевые слова: информационные агентства, медиасистема, СМИ, томская журналистика, Томская область

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00511, <https://rscf.ru/project/22-18-00511/>

Для цитирования: Ершова В.Е. Информационные агентства в медиасистеме Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 13–23. doi: 10.17223/15617793/494/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/2

News agencies in the media system of Tomsk Oblast

Valentina E. Ershova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
ervalen@yandex.ru*

Abstract. Modern media are influenced by global processes such as mediatization and digitalization of the society, the accelerated pace of implementing new technologies into social processes, and the evolving of the ecosystem paradigm. Transformation processes affect both new and traditional forms of media, including news agencies. Local media also have to adjust to the conditions of the continuous and accelerating changes. Tomsk media, including Tomsk news agencies, are no exception. However, neither academic nor professional public discourses discuss issues associated with Tomsk news agencies. Thus, the article aims to describe Tomsk news agencies that are also affected by various technological and social transformations. The article deals with the subsystem of news agencies in the Tomsk media system. The research is descriptive, and it is based on the study of data provided by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in Tomsk region, data from the official website of the Tomsk Region Administration, and the Medialogy website. Based on a comparison of data from these sources, eight organizations referred to as news agencies were identified. Only three of them meet most of the typological features of this media type: RIA Tomsk, NIA-Tomsk, and the Tomsk Bureau of Interfax-Siberia. These three agencies can be considered as regional only on account of local news agenda and the local Tomsk addressee, but not from formal and legal perspectives. Tomsk news agencies are a relatively closed part of the local media system: there is insufficient information about their activities in external Internet sources and on the websites of the agencies. Tomsk news agencies are characterized by two directly opposite trends. On the one hand, RIA Tomsk, NIA-Tomsk, and the Tomsk Bureau of Interfax-Siberia are multifunctional and multilevel agencies that are actively exploring new media environments. On the other hand, some other agencies, which were licensed by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in Tomsk region, are monofunctional, i.e., they serve as either advertising, or advisory, or monitoring organizations, but they are not directly related to journalism. Despite the identified contradictions and assumptions, RIA Tomsk, NIA-Tomsk, and the Tomsk Bureau of Interfax-Siberia considered together are an autonomous subsystem of the Tomsk media sphere

Keywords: news agencies, media system, mass media, Tomsk journalism, Tomsk region

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00511, <https://rscf.ru/project/22-18-00511/>

For citation: Ershova, V.E. (2023) News agencies in the media system of Tomsk Oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 13–23. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/2

Постановка проблемы

В современных отечественных публикациях рассматриваются проблемы трансформации информационных агентств как части национальных медиасистем, ученые описывают тенденции формирования и одновременного размывания типологических характеристик этого типа СМИ [1–6], активно изучают проблемы функционирования региональных информагентств [7–9].

Полагаем, что информационные агентства, как и другие типы традиционных и новых медиа, подвержены изменениям, которые спровоцированы самыми разнообразными тенденциями современности, в том числе медиатизацией и цифровизацией общества, развитием экосистемной парадигмы, ускорением темпов внедрения в социальную жизнь новых технологий. В то же время изменения, касающиеся развития информагентств в медиасистемах как национального, так и регионального уровней, отвечают «закону Рипля» [10. Р. 140] и законам, которые сформулировал Маршал Маклюэн («тетрада Маклюэна») [11], а именно: старые типы медиа не вытесняются полностью новыми, на какое-то время они отходят на второй план и затем подстраиваются под новые технологии, социокультурные изменения. Они трансформируются, но полностью не исчезают. В какой-то момент мы наблюдаем процессы конвергенции и дивергенции, которые свойственны не только медиасфере, но и другим подсистемам общества. В частности, информагентства перестраивают свою информационную политику, развивают мультимедийные направления и сближаются по форме, например, с новостными порталами. Мы наблюдаем также процессы дифференциации, когда информационные агентства ищут свою уникальную нишу в постоянно меняющейся медиасреде. Тем не менее монополия на сбор, обработку и распространение информации традиционными СМИ разрушена. На это, в частности, повлияли социальные медиа, открывшие возможность генерировать и распространять контент для самых разных участников коммуникации. Инфортагентства, как и традиционные СМИ в целом, реагируют на эти изменения и перестраиваются, в том числе за счет привлечения новых ресурсов: социальных сетей, новых аудиторий, тем, форматов взаимодействия с адресатами – будь то администрация, горожане, читающие местные новостные ленты, или локальный бизнес, который собирает данные для выстраивания коммерческой стратегии.

В этих условиях важно успевать рефлексировать текущие изменения, чтобы хоть сколько-нибудь точно прогнозировать возможные сценарии развития событий в медиасфере и видеть возможности по усовершенствованию системы. Эта глобальная задача актуальна и для местных медиа, которые не просто формируют городскую или региональную повестку, а вплетены в жизнь местных сообществ.

Вернемся к объекту анализа: к информационным агентствам. В этой работе мы описываем именно региональные – томские информагентства. Считаем важным описать этот тип СМИ по ряду причин.

Томская журналистика изучается длительное время, но в поле зрения в основном попадают печат-

ные СМИ, телевидение, некоторые интернет-издания (например, [12, 13]). Местные информагентства не становятся предметом публичных профессиональных обсуждений. К примеру, мы проанализировали 28 выпусков¹ с 2000 по 2022 г. журнала «Медиафорум»². В шести выпусках³ были обнаружены 9 контекстов упоминаний информационных агентств. Однако эти упоминания не связаны с раскрытием особенностей деятельности этого типа СМИ, с характеристикой деятельности конкретных агентств. В этих шести выпусках информационные агентства, скорее, упоминаются вскользь и не становятся центральной темой того или иного материала. За довольно большой период времени – примерно в 20 лет – на страницах специализированного журнала место информагентств в местной медиасистеме не рефлексировалось. Таким образом, комплексное обсуждение и изучение информационных агентств Томска позволит отчасти заполнить эту лауну.

Определив концептуальную рамку местных информационных агентств, мы сможем корректно вписать их в структуру томской медиасистемы. В дальнейшем это поможет в решении более масштабной проблемы: в перспективе появится возможность описать механизм работы томской медиасистемы на данном этапе ее развития.

Работа носит описательный характер, и интерпретация новостной повестки остается за пределами настоящего исследования – в статье предпринята попытка описать томские информационные агентства с точки зрения структурно-типологических черт. Основой для анализа послужили документы разного характера. В первую очередь мы опирались на данные сайтов информагентств, так как именно там размещена основная информация о деятельности рассматриваемых организаций. Мы обратились также к рейтингам портала «Медиафорум»⁴, так как на этом сайте представлены сведения о самых популярных медиа регионов, на основе этих данных мы отсеивали агентства, не занимающиеся сбором, обработкой и распространением новостей для СМИ и массовой аудитории. Специалисты Управления Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Томской области по запросу предоставили сведения о зарегистрированных в регионе СМИ с 1990-х по 2020-е гг. – мы использовали данные об официально зарегистрированных в регионе информационных агентствах. Мы использовали также данные официального портала Администрации Томской области⁵, так как на этом сайте дается описание различных подсистем общественно-политической и экономической системы региона, в том числе описание медиасистемы. Подчеркнем, что данные, представляющие собой коммерческую или иную тайну, нам доступны не были.

Типологические характеристики информационных агентств: общий контекст

Прежде чем перейти к рассмотрению предмета нашего изучения, к характеристикам томских информагентств и определению их места в медиасистеме Томской области, рассмотрим общие типологические

признаки этого СМИ. На основе этих признаков далее мы выделяем информационные агентства, де-факто функционирующие на территории региона.

1. Правовой аспект

Отдельного рассмотрения заслуживает именно правовой аспект, так как Закон о СМИ позволяет дифференцировать различные субъекты медиасферы. Считаем, что правовой статус информационных агентств дает возможность выделить этот тип СМИ в отдельную категорию.

Основы правового статуса информационных агентств регулирует статья 23 Закона РФ «О средствах массовой информации» [14]. Действующее законодательство не содержит полноценного определения информационного агентства. Ранее определение этого понятия можно было найти в Законе «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации», в котором под информационным агентством понималась организация, осуществляющая сбор и оперативное распространение информации [15]. Понятие информационного агентства, тем не менее, можно встретить в статье 1 «Соглашения об обмене материалами национальных информационных агентств государств – участников Содружества Независимых Государств»: «информационное агентство – организация, регулярно занимающаяся сбором и распространением информационного материала, организованная и функционирующая в соответствии с национальным законодательством Страны» [16].

Закон РФ «О средствах массовой информации» наделяет информационные агентства определенными характеристиками. В частности, в законе сказано, что на информагентства «одновременно распространяются статус редакции, издателя, распространителя и правовой режим СМИ» [14]. При этом информационные агентства создаются, регистрируются, действуют и ликвидируются по общим правилам, предусмотренным для всех средств массовой информации. Отметим, что учредителем СМИ может быть гражданин, объединение граждан, организация, государственный орган [17].

Роскомнадзор специфику информагентств определяет в том, что информацию они распространяют не периодически, а по мере появления, а ее основными потребителями являются СМИ. При этом и на само информационное агентство регулятор распространяет законодательство о СМИ [18].

Еще одной отличительной чертой является то, что бюллетень, вестник, иное издание или программа с постоянным наименованием (названием), учреждаемые информационным агентством, регистрируются в порядке, установленном Законом о СМИ [14]. Получается, что информационное агентство, будучи средством массовой информации, имеет возможность самостоятельно учреждать новые СМИ.

Еще одна важная черта касается авторства. Так, при распространении сообщений и материалов информаци-

онного агентства другим СМИ ссылка на информагентство обязательна [14], в то время как это правило не распространяется, например, на сетевые издания. Этот факт обусловлен спецификой деятельности информационного агентства как ресурсного центра для других СМИ. Таким образом, основными потребителями информации информагентств являются средства массовой информации. В то же время статус информационного агентства становится важным при рассмотрении споров о привлечении к ответственности за распространение недостоверных сведений – в силу статьи 57 Закона РФ «О средствах массовой информации» редакция, главный редактор, журналист освобождаются от ответственности в случае, если сведения получены ими от информационных агентств [19].

Мы рассмотрели не все правовые характеристики. Перспективным, например, представляется изучение вопросов, связанных с привязкой к доменному имени сайта, с каналами распространения этого СМИ, со статусом материалов, размещенных на сайте или в социальной сети того или иного информагентства (являются ли они информацией СМИ с правовой точки зрения), и других тем. Более того, в перспективе можно сравнить с правовой точки зрения особенности информагентств и сетевых изданий.

Чтобы подытожить эту тему, обратимся к публикации, в которой обсуждается неоднозначный правовой статус информационных агентств. Ее авторы М.А. Елкин и Д.А. Чирич подчеркивают, что не совсем корректно рассматривать информагентство как одну из форм распространения массовой информации, и которое возможно зарегистрировать в качестве СМИ, тем более распространять на него правовой статус средства массовой информации [20]. Проанализировав лакуны в определении статуса информагентств, исследователи предлагают внести изменение в Закон «О средствах массовой информации» в части формирования новой трактовки информационного агентства. Они предлагают понимать под информационным агентством специализированную организацию, основной задачей которой является поиск, сбор и подготовка информации для распространения ее в СМИ [20]. Считаем, что такой подход вполне уместен и обоснован.

2. Общие типологические характеристики информационных агентств

С правовой точки зрения, хотя и с определенными оговорками, информагентства – самостоятельный тип СМИ. Рассмотрим иные характерные черты информагентств и на основе некоторых из них далее дадим описание томским информационным агентствам.

По мысли Э.В. Могилевской [3. С. 85], типобразующие признаки, оказывающие первоочередное влияние на развитие информационных агентств, такие же, как и для любых других СМИ: издатель, цели и задачи, аудитория.

1. Учредителями информагентств, как говорилось выше, могут выступать те же лица, организации, которые имеют право учреждать иные типы СМИ.

2. Основная задача информагентств – передача преимущественно новостного контента: эксклюзивно, оперативно, непрерывно и в большом объеме [6. С. 18]. Отметим, что помимо новостного контента (Э.В. Могилевская обозначает этот информационный пласт как «информационные заметки и сообщения») сотрудники информационных агентств могут обращаться к жанрам интервью, репортажа, отчета, анонса, аналитического обзора, обзора СМИ [3. С. 97].

3. Важным типологическим признаком, выделяющим информационные агентства среди других СМИ, является аудитория. Основным потребителем информации агентств – другие СМИ. Однако в этот перечень можно включить также структуры государственного, экономического и бизнес-секторов [2. С. 191], а также частных лиц, являющихся подписчиками на продукцию агентств [21. С. 98]. Е.Л. Вартанова, Г.В. Вирен и Т.И. Фролова отмечают также тенденцию создания информационными агентствами продуктов, непосредственно адресованных широкой аудитории [6. С. 15]. Для работы с массовой аудиторией агентства нередко дублируют информацию в дополнительные источники: в группы в социальных сетях, в мессенджеры [2. С. 192].

Обозначим проблему, связанную с выделением типобразующего параметра «адресованность материалов информагентств различным СМИ». Эта характеристика хорошо прослеживается в случае, когда СМИ, использующие информацию агентств, в обязательном порядке ссылаются на первоисточник (как это определяет Закон о СМИ). Однако на практике может возникнуть проблема, которая особенно актуальна для локальных медиарынков. Обозначим ее в виде вопроса. Всегда ли СМИ добросовестно выполняют это обязательство, особенно если речь идет не об авторитетном федеральном, а о небольшом местном агентстве? Далее, учитывая это противоречие, мы выделяем данный признак при описании томских информационных агентств в случаях, когда указания на обязательное цитирование маркируются самими агентствами на собственных сайтах.

Вторичными, с нашей точки зрения, типологическими характеристиками информационных агентств можно считать следующие.

Информационные агентства – многоуровневая система. Е.Л. Вартанова, Г.В. Вирен и Т.И. Фролова в этом вопросе ссылаются на Е.П. Прохорова, который пишет, что «информационные агентства и службы – это система телеграфных агентств, агентств печати и аудиовизуальной информации, пресс-бюро, пресс-центров, служб по связям с общественностью, рекламных служб. Эти организации ведут разнообразную деятельность по сбору, обработке информации, ее распространению и снабжению ею органов СМИ, налаживанию контактов с журналистами» (цит. по: [6. С. 16]). Тем не менее авторы отделяют непосредственный функционал информагентств от других «подсистем», говоря о том, что они во многом являются дополнительными видами деятельности [6]. Н.Б. Кириллова отмечает,

что современные информационные агентства усиливают экспертно-аналитические службы, постоянно обновляют информационные продукты и диверсифицируют продукцию в целом [21. С. 99].

Е.Л. Вартанова, Г.В. Вирен, Т.И. Фролова добавляют еще одну специфическую задачу информационных агентств: хранение информации. Авторы утверждают, что базы данных этих СМИ востребованы подписчиками и приносят определенную коммерческую выгоду самим агентствам [6. С. 18].

К вторичным типологическим признакам информагентств Э.В. Могилевская относит также оформление сайта и иных ресурсов информагентства (например, групп в социальных сетях), а также посещаемость сайта [3. С. 99–108], которую можно узнать с помощью счетчиков или систем веб-аналитики, и косвенно – через рейтинги цитируемости СМИ.

Таким образом, информационные агентства – самодостаточный тип СМИ, который прежде всего можно выделить на основе правового статуса. Кроме того, информационные агентства имеют и иные характерные черты, позволяющие обособить данный тип СМИ.

Место информационных агентств в медиасистеме Томской области

Для описания системы информационных агентств в регионе мы обратились к нескольким источникам: к данным, которые были предоставлены территориальным органом Роскомнадзора, к информации, размещенной на официальном портале администрации Томской области, к рейтингам портала «Медиалогия», к материалам журнала «Медиатор».

Данные Роскомнадзора не соотносятся или соотносятся не полностью с данными официального портала администрации области. В таблице Роскомнадзора представлены 4 информационных агентства:

- «Визарт» (зарегистрировано в 1995 г., в 2012 исключено из реестра);
- «Томское информационно-консалтинговое агентство» (зарегистрировано в 1997 г.);
- «Понедельник. Томск» (зарегистрировано в 2000 г., исключено в 2011);
- «Информационное агентство «СибРейтинг» (зарегистрировано в 2008 г., исключено в 2012).

На сайте администрации указаны 5 информационных агентств⁶:

- «Информационное агентство «Время Томское»;
- «Интерфакс-Сибирь, томское бюро»;
- «Независимое информационное агентство (НИА-Томск)»;
- «Региональное информационное агентство «Томск» (РИА Томск)»;
- «Томское информационно-консалтинговое агентство (Томика)».

Во же время на другой странице портала администрации, в разделе «Медиафера», сказано, что на территории области действуют 4 информагентства, названия которых, однако, в тексте не указаны⁷. Отметим, что данные этого раздела были опубликованы в 2015 г.

и обновлены в 2019. Согласно более актуальным данным журнала «Медиатор» (выпуск февраля 2022 г.)⁸ к январю 2022 г. в Томской области действовали только два информационных агентства из 187 СМИ. Названия этих информагентств не указаны.

Только два агентства мы обнаружили в другом источнике: в рейтингах портала «Медиалогия». В источнике отражены томские информагентства, де-факто ведущие свою деятельность в качестве СМИ. Согласно данным «Медиалогии» за последние три года два томских информационных агентства систематически появлялись в списках самых цитируемых СМИ области. В топ-10⁹ самых цитируемых СМИ Томской области в 2020 г. вошли агентства РИА Томск и НИА-Томск. РИА Томск заняло второе место (на первом Tv2.today) с индексом цитируемости (ИЦ) 113,13. НИА-Томск на девятом месте с ИЦ 8,01. В 2021 г. в этот список вновь попали два информагентства¹⁰: РИА Томск на втором месте (на первом Tv2.today¹¹) с ИЦ 106,75, НИА-Томск на восьмом с ИЦ 5,07. В 2022 г. в топ-10¹² снова вошли РИА Томск и НИА-Томск. В этот раз РИА Томск стало первым в списке с ИЦ 60,99, НИА-Томск – десятое с ИЦ 3,10. Таким образом, информагентства занимают значительное место в томской медиасистеме с точки зрения цитируемости и качества распространения информации (индекс цитируемости учитывает не только количество ссылок на источник информации в других СМИ, но и влияние источника, опубликовавшего ссылку, а также социальную влияние самого СМИ¹³).

Итак, мы сталкиваемся с проблемой неоднородности данных, так как различные по типу источники предполагают разную информацию. Предполагаем, что несоответствия связаны, во-первых, с тем, что данные официального интернет-портала администрации обновлялись довольно давно. Во-вторых, в таблице Роскомнадзора представлены СМИ, которые были зарегистрированы именно региональным отделением ведомства. В-третьих, мы полагаем, что «Медиалогия» не учитывает, были ли региональные медиа зарегистрированы определенным территориальным органом Роскомнадзора.

Важно отметить, что многие организации, указанные в приведенных выше источниках, не в полной мере отвечают типологическим характеристикам информагентств. Приведем два примера организаций, которые ведут свою деятельность и в настоящий период. На сайте Томского информационно-консалтингового агентства¹⁴, которое согласно данным Роскомнадзора зарегистрировано в качестве информагентства, сказано, что компания предлагает различные тарифы интернет-подключения, цифровое ТВ, облачное видеонаблюдение, установку и обслуживание системы безопасности, однако на сайте нет признаков того, что организация занимается журналистской деятельностью, в том числе создает и распространяет новости широкой тематики для других СМИ и томичей. Другой пример – Информационное агентство «Время Томское» (в Сети также есть информация об ООО «Информационное агентство «Время Томска»»¹⁵ с указанием тех же учредителей и руководителей). На сайте¹⁶ администрации

области не указан веб-ресурс этого агентства, через поисковые системы мы также не обнаружили сайт агентства. На сайте Роскомнадзора мы не нашли свидетельств о регистрации этого СМИ (по запросам «Время Томска», «Время томское», «Информационное агентство Время томское», «Информационное агентство Время Томска»). Однако в системе СПАРК указано, что это ООО зарегистрировано с ОКВЭД 63.91 «Деятельность информационных агентств». Так как у агентства нет своего ресурса в интернете, то сложно найти описание деятельности компании. Однако такая информация доступна на сторонних сайтах. Так, на одном из ресурсов по сбору коммерческой и финансовой информации¹⁷ сказано, что компания предоставляет услуги по сбору и обобщению фактов и информации, ежедневные обзоры материалов в СМИ и ежедневный анализ потока материалов в СМИ. Таким образом, организация работает с медийной информацией, но не как СМИ, а как мониторинговая и аналитическая организация.

Считаем важным упомянуть более масштабную тенденцию размывания функций и целей региональных СМИ, на которую обратила внимание исследователь О.С. Довбыш. Если говорить о функциях томских СМИ в целом и функциях томских информагентств в частности, то здесь прослеживается тенденция формирования квазирынка, по мысли автора. Под квазирынком О.С. Довбыш понимает рынок, «направленный на устранение провалов регионального медиарынка, т.е. преобладания у массмедиа коммерческих целей над общественными» [22. С. 14]. Например, согласно этому исследованию, ООО «Томский медиасервис» (учредитель РИА Томск) участвует в государственных информационных контрактах и занимает конкурентное положение на квазирынке [22. С. 144–145]. Однако мы считаем, что сложно столь категорично разделять функции общественного блага и коммерческого интереса. Вероятно, эта тенденция – участие в квазирынке – не всегда противоречит основному назначению средств массовой информации и главным функциям того или иного типа СМИ. Тем не менее для томских СМИ (и томских информагентств в частности) функция предоставления информационных услуг государственным организациям становится одной из ведущих.

Подведем итог. В Томской области существуют организации, именующие себя информационными агентствами, но не выполняющие основные функции, свойственные этому типу СМИ. Только два информагентства, которые мы обнаружили в двух разных источниках, отвечают большему количеству характеристик информационных агентств – РИА Томск и НИА-Томск.

Характеристика томских информационных агентств

Несмотря на неоднородность данных, две организации можно отнести к подсистеме информационных агентств томской медиасистемы: 1) Региональное информационное агентство «Томск» (РИА Томск); 2) Независимое информационное агентство Томск (НИА-

Томск). Эти медиа составляют основу подсистемы по следующим причинам. Они входят в рейтинг самых цитируемых СМИ Томской области, представлены на сайте администрации региона в качестве функционирующих информационных агентств, отвечают многим характеристикам СМИ, в частности – выделенным типологическим характеристикам информагентств.

На периферии подсистемы находится еще одна организация: томское бюро Интерфакс-Сибирь. Мы не можем поставить ее в один ряд с РИА Томск и НИА-Томск потому, что у бюро нет собственных площадок для распространения новостей – только федеральная новостная лента. Однако мы считаем важным описать томское бюро, так как именно оно открывает историю возникновения информационных агентств в Томской области как журналистских организаций, а не просто как рекламных, мониторинговых или консалтинговых (отметим, что Томская область представлена и в федеральной новостной ленте ТАСС¹⁸, однако самостоятельного отделения в регионе нет – информацию собирают специальные корреспонденты на местах. Таким образом, ТАСС не вошло в нашу выборку).

Далее вкратце рассмотрим, как указанные агентства организуют свою информационную деятельность, как устроены их сайты. Очередность описания информагентств строится в соответствии с логикой увеличения количества типобразующих характеристик каждого представленного СМИ.

Томское бюро Интерфакс-Сибирь

Томское бюро появилось в год 400-летия Томска, в 2004 г.¹⁹ (для сравнения: медиацентр РИА Новости открылся в городе в 2011 г.).

На сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по запросу «Интерфакс» мы обнаружили в том числе информацию о регистрации СМИ «Интерфакс-Сибирь»²⁰. Это СМИ, согласно свидетельству ИА № ФС 77-64283, распространяется в форме информационного агентства на территории РФ и зарубежных стран. Однако мы не знаем, действует ли томское бюро на основании этого свидетельства или какого-либо иного.

Томское бюро стоит особняком в нашем исследовании по следующим причинам. У томского бюро нет своей отдельной площадки²¹, на которой размещались бы новости исключительно о Томске и Сибирском федеральном округе, адресованные местным аудиториям. Новостные материалы о Томской области публикуются, но на официальном сайте Интерфакса в разделе «Сибирь»²² и в официальных группах российского информагентства в социальных сетях. Томское бюро представлено на официальном сайте российского агентства формально: в разделе «контакты» можно найти адрес и телефоны томского отделения.

Как упоминалось выше, информационные агентства отличаются многофункциональностью и многокомпонентностью. В частности, агентства могут организовывать работу пресс-центров. Ранее пресс-

центр томского бюро Интерфакс-Сибирь функционировал, однако в настоящее время бюро работает без него (на сайте²³ указаны пресс-центры 5 сибирских городов, Томска в этом списке нет). Информацию о его закрытии в открытом доступе мы не нашли.

Интерфакс занимается не только непосредственно журналистской, новостной деятельностью. Организация предоставляет и другие виды услуг. В этом смысле Интерфакс перестает быть информационным агентством в традиционном понимании. Вот как позиционирует себя Интерфакс, подчеркивая многоуровневый и многокомпонентный характер своей деятельности: Интерфакс – это «негосударственная информационная группа, создатель передовых информационно-аналитических систем для B2B, одно из ведущих в стране и наиболее цитируемых в мире российских информационных агентств»²⁴. В самом широком понимании Интерфакс – организация, во многом отвечающая экосистемной логике.

Подведем итог. Мы не можем назвать томское бюро Интерфакс-Сибирь именно региональным информационным агентством, так как его целевой адресат – не только жители Томской области и Сибири, но и вся аудитория российского информагентства. Эта особенность обусловлена тем, что Интерфакс – большой информационный комплекс, который, тем не менее, аккумулирует информацию из разных регионов на собственных площадках. Несмотря на это, томское бюро занимает определенное – периферийное – место в подсистеме томских информационных агентств, так как работает с местной новостной повесткой, которая вляется в общероссийскую и мировую повестку на официальных ресурсах Интерфакса.

НИА-Томск

Информацию в открытом доступе об истории возникновения НИА-Томск мы не нашли. С некоторыми сведениями о деятельности агентства можно ознакомиться на его сайте²⁵, в разделе рекламы, где сказано, что НИА «одно из старейших и авторитетных информационных агентств в Сибирском регионе и в российском информационном пространстве. Материалы агентства постоянно используются в качестве источников оперативной информации. Новости НИА представлены в режиме реального времени и охватывают общественно-политическую, экономическую и финансовую тематику. Возможности сайта Независимого Информационного Агентства обладают достаточно высокой рекламной эффективностью»²⁶. Таким образом, информация о НИА-Томск, представленная на сайте, носит общий характер, и в большей степени она связана с «Независимым информационным агентством», а не с томским отделением. Тем не менее наличие отдельной площадки для размещения новостей – одна из типологических характеристик, позволяющая включить НИА-Томск в рассматриваемую подсистему региональных информагентств.

На сайте агентства нет информации об учредителях и о регистрации СМИ. При поиске свидетельства на сайте Роскомнадзора²⁷ (по ключевым словам «НИА», «НИА-

Томск», «НИА Томск», «НИА – Томск», «Независимое информационное агентство», «Независимое информационное агентство Томск») данные о томском СМИ не являются. При этом в списке выдачи есть информация о НИА в других регионах: например, НИА-Красноярск, Независимое информационное агентство «Нижний Новгород» (НИА Нижний Новгород) и др. В разделе «контакты» указаны только телефоны, адрес электронной почты, а также имена редактора и директора. Ни юридический, ни фактический адреса не указаны.

В верхней части сайта НИА-Томск даны ссылки на отделения агентства в различных регионах, включая Томскую область. На основе этого мы делаем вывод о сетевом характере организации деятельности «Независимого информационного агентства».

В навигации сайта НИА-Томск находятся разделы «экономика», «политика», «власть», «финансы», «общество», «наука и образование», «муниципалитеты», «главное в России», «мировые новости», «новости Сибири», «лента дня». Ниже на главной странице размещена новостная лента: сначала главные новости раздела «тема дня», затем «цитата дня», а далее – новости в соответствии с логикой навигации «экономика», «политика» и т.д. При этом во всех разделах, включая «главное в России» и «мировые новости», отражаются новости, так или иначе связанные с Томской областью. В информационной ленте НИА-Томск в среднем за день выходит около 11 материалов с учетом праздничных и выходных дней. За основу мы взяли среднее значение, посчитав материалы, вышедшие с 4 по 10 число²⁸ в январе, феврале, марте, апреле 2023 г. Отметим, что материалы выходили не каждый день: например, согласно архиву, новости не выходили 4 февраля и 5 марта²⁹. Таким образом, мы можем отнести НИА-Томск к сегменту томских информационных агентств на основе того, что это СМИ оперативно собирает, обрабатывает и распространяет эксклюзивные материалы о жизни региона преимущественно новостного характера. То, что НИА-Томск относится к информационным агентствам, маркируется также за счет размещаемого в конце материалов предупреждения о том, что при их использовании ссылка на Независимое информационное агентство обязательна. Отметим, что в этом случае упоминается не региональное отделение, а «Независимое информационное агентство». На странице «подписка» предложена форма подписки (это одна из характеристик, позволяющих выделить информационное агентство в отдельный тип СМИ), а также сказано, что при подготовке материалов использована информация региональных печатных изданий, местных телерадиоканалов, но основой является собственная информация НИА-Томск. Из-за недостатка информации сложно понять, на кого ориентирована подписка, является она платной или бесплатной, включает ли она мониторинг.

Рассмотрим НИА-Томск с точки зрения вторичных типологических признаков. Мы можем охарактеризовать НИА-Томск как многофункциональное агентство, но с некоторыми оговорками. Например, в разделе «реклама» предлагается текстовая, баннерная реклама, а также мониторинг региональных СМИ. Отметим, что мониторинг – одна из дополнительных функций

агентства, которая расширяет сферу деятельности этого типа СМИ. Однако на этом дополнительный функционал агентства заканчивается.

Ссылок на группы в социальных сетях и в мессенджерах на сайте нет. Однако мы обнаружили сходные по дизайну и контенту страницу во ВКонтакте и канал в Telegram³⁰.

Таким образом, НИА-Томск можно назвать региональным медиа только по содержательному признаку. Внешние – формальные – типологические признаки очертить сложно, так как предоставленная на сайте информация о самом агентстве и характере его деятельности довольно скудная.

РИА Томск

РИА Томск – не сетевая организация. РИА Томск имеет свои собственные площадки распространения информации, в том числе сайт³¹, на котором можно найти историю возникновения агентства и описание его деятельности. Так, в разделе «об агентстве» сказано, что в 2011 г. в Томске открылся региональный медиациентр РИА Новости, а в 2012 г. был запущен сайт; Региональное информационное агентство «Томск» (РИА Томск) было создано на базе регионального медиациентра РИА Новости после ликвидации последнего в 2014 г. Отметим, что РИА Томск во многом унаследовало от РИА Новостей формат и принципы работы с новостями.

Учредителем РИА Томск является ООО «Томский медиа-центр». РИА Томск зарегистрировано в качестве информационного агентства в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в 2019 г. Свидетельство о регистрации ИА № ФС 77-77122. Эти сведения, а также информация о возрастных ограничениях и правилах использования материалов агентства даны в нижнем сквозном блоке сайта. Отметим, что в качестве территории распространения руководители агентства³² указали не Томскую область, а РФ и зарубежные страны, так что на основе этой характеристики мы не можем считать РИА Томск региональным СМИ.

Сайт агентства состоит из десяти основных разделов: «новости», «аналитика», «мнения», «фото», «видео», «инфографика», «афиша», «вопрос-ответ», «пресс-центр», «тесты». Основной продукт РИА Томск, как сказано на сайте³³, – это лента новостей, которая распространяется также по подписке через электронную почту, социальные сети, мессенджеры. На сайте уточняется также, что для полной подписки на все продукты можно оформить платную подписку. Основа информационной ленты – местная новостная повестка: социально-политическая, экономическая и культурная жизнь Томска и региона. В среднем в день выходит 14 материалов в информационной ленте с учетом праздничных и выходных дней (за основу мы взяли среднее количество материалов, вышедших с 4 по 10 число в январе, феврале, марте, апреле 2023 г.; в праздничные и выходные дни, например, с 4 по 8 января или 8 марта, материалы также публиковались на сайте). При этом РИА Томск применяет в своей работе мультимедийный подход, создает и использует видео-

и фотоматериалы, инфографику, анимационные таблицы и графики, 3D-фото³⁴.

Таким образом, РИА Томск соответствует главному признаку информагентств: оно передает преимущественно новостной контент эксклюзивно, оперативно и непрерывно. Кроме того, характер деятельности организации в качестве информационного агентства маркируется благодаря указанию правил использования материалов, что заявлено в специальном разделе³⁵. Там же отражается правовая сторона использования публикаций информагентства другими участниками коммуникации, в том числе средствами массовой информации. При этом РИА Томск ориентируется на разные сегменты адресата: на СМИ, массовую аудиторию, бизнес и госучреждения, которые могут стать потребителями дополнительных услуг агентства.

Рассмотрим соответствие черт РИА Томск второстепенным типологическим признакам информагентств. Во-первых, РИА Томск ведет свою деятельность на разных платформах (в верхней части сайта указаны ссылки на социальные сети и иные ресурсы, где представлены информационные материалы агентства), что свидетельствует о многоуровневой информационной деятельности этого СМИ. Во-вторых, РИА Томск – многофункциональная организация. К примеру, в разделе о рекламе³⁶ сказано, что агентство выполняет задачи по информационному сопровождению деятельности органов власти, вузов, оказывает услуги представителям деловых кругов и бизнес-структур. Там же подчеркивается, что агентство может оказывать информационную поддержку в рамках соглашений об информационном спонсорстве. РИА Томск отличается от описанных выше организаций тем, что оно предоставляет услуги пресс-центра. Пресс-центр³⁷ – это специально оборудованный зал для проведения пресс-мероприятий с участием представителей власти, вузов, бизнеса, общественных объединений. Еще одно направление в работе агентства, как это обозначено на сайте, – образовательные программы для журналистов, сотрудников пресс-служб и ньюсмейкеров.

Подведем итог. РИА Томск в большей мере соответствует признакам информационных агентств, нежели описанные выше СМИ. Кроме того, это соответствие выражается и в определенных дискурсивных практиках: на сайте в разных разделах маркируется принадлежность РИА Томск к категории информационных агентств. РИА Томск – многофункциональное СМИ, и в этом смысле оно соответствует еще одному типологическому признаку – это многоуровневая система и с точки зрения функционала, и с точки зрения охвата информационных площадок разного типа.

Выводы

Мы проанализировали разного рода источники, содержащие данные об информационных агентствах Томской области: сведения Роскомнадзора, портала администрации региона, «Медиалогии». В итоге мы обнаружили 8 организаций, именуемых информагентствами. Только 3 из них мы смогли сопоставить с типобразующими характеристиками информационных агентств.

Перечислим основные результаты.

1. Информационные агентства – относительно самостоятельная подсистема томской медиасистемы. Только 3 медиа, претендующие на роль информационных агентств, ведут непосредственную деятельность по сбору, обработке и распространению новостей для других СМИ, для широкой аудитории, бизнеса и государственных организаций: РИА Томск, НИА-Томск и Томское бюро Интерфакс-Сибирь. Однако назвать эти медиа исключительно региональными нельзя, потому что с формальной позиции территория распространения их материалов – вся страна, что в некоторых случаях подтверждается свидетельствами о регистрации СМИ. Региональный аспект проявляется на уровне содержания, т.е. в местной повестке, а также в ориентации на локального адресата. Кроме того, как мы считаем, в случае Интерфакса целевые адресаты географически более рассредоточены, так как у томского бюро нет своей отдельной информационной площадки, предназначенной для местной аудитории.

2. Мы обнаружили лагуну в открытых источниках при сборе сведений об информационных агентствах. Во-первых, лагуна возникает из-за неоднородности данных официальных источников (регионального отделения Роскомнадзора, портала администрации Томской области, рейтингов «Медиалогии»). Во-вторых, недостаточно сведений на некоторых интернет-площадках самих агентств. Полагаем, что информационные среды РИА Томск организованы наиболее системно и полно в сравнении с НИА-Томск; томское бюро Интерфакса оставляем за пределами сравнения, так как у него нет отдельной информационной площадки. Таким образом, информационные агентства Томской области – относительно закрытый сегмент местной медиасистемы.

3. Рассмотренные информагентства отчасти соответствуют типологическим признакам, описанным в источниках, но у каждого рассмотренного здесь СМИ свой «набор» типологических характеристик. Общая для всех рассмотренных примеров черта – многофункциональность и многокомпонентность информагентств. Эти СМИ и в традиционном понимании всегда были комплексными. Сегодня информагентства, в том числе ориентированные на локальную аудиторию, трансформируются, ищут свою нишу, конкурируя, например, с новостными порталами, осваивают новые среды, которые формируют вокруг основного СМИ целую информационную систему.

4. В то же время мы наблюдаем противоположную тенденцию. Некоторые организации, которые с нормативно-правовой точки зрения относятся к информационным агентствам, делают ставку на одну или несколько функций, которые для информагентств не являются основными. Например, они сосредоточиваются на рекламных, консалтинговых, исключительно мониторинговых услугах. При этом основная функция – сбор, обработка и распространение собственных новостей – остается на периферии либо вовсе игнорируется.

Таким образом, несмотря на то, что мы не можем назвать рассмотренные информационные агентства исключительно региональными, все же они представляют собой отдельную подсистему томской медиасферы.

Примечания

- ¹ Медиатор. Томск. № 1. 2000; № 3. 2000; № 1 (4). 2001; № 2 (5). 2001; № 4 (7). 2001; № 1 (8). 2002; № 2 (9). 2002; № 3 (10). 2002; № 4 (11). 2002; № 1–2 (12–13). 2003; № 3 (14). 2003; № 15. 2004; № 2 (16). 2004; № 3 (20). 2006; № 2 (23). 2007; № 3 (24). 2007; № 1 (26). 2008; № 2 (27). 2008; № 1 (30). 2010; № 2 (31). 2010; № 2 (33). 2011; № 1 (35). 2015; № 1 (36). 2016; № 1 (37). 2017; № 1 (38). 2018; № 1 (39). 2019; № 1 (40). 2022; № 2 (41). 2022. Проанализированы все выпуски, которые были доступны нам к моменту проведения исследования: около 70% от общего количества выпусков.
- ² «Медиатор» – издание для сообщества профессионалов томской медиасферы, в котором рассказывается и о конкретных СМИ и журналистах Томской области (иногда и других регионов, но в виде исключения), даются комментарии относительно конкретных изданий, приводятся интервью с томскими журналистами, специалистами пресс-служб, ньюсмейкерами, преподавателями факультета журналистики, в самом общем ключе описывается томская журналистика в тот или иной период времени.
- ³ Медиатор. Томск. № 1 (26). 2008; № 1 (35). 2015; № 1 (36). 2016; № 1 (38). 2018; № 1 (40). 2022; № 2 (41). 2022.
- ⁴ Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/>.
- ⁵ Официальный интернет-портал Администрации Томской области. URL: <https://www.tomsk.gov.ru/>
- ⁶ Информационные агентства г. Томска. URL: <https://www.tomsk.gov.ru/opendata/front/getTable/id/1921>
- ⁷ Медиасфера. URL: <https://tomsk.gov.ru/Mediasfera>
- ⁸ Медиатор. Томск. № 1 (40). 2022. С. 9.
- ⁹ ТОП-10 самых цитируемых СМИ Томской области – 2020 год. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/10625/>
- ¹⁰ ТОП-10 самых цитируемых СМИ Томской области – 2021 год. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/11031/>
- ¹¹ Роскомнадзор заблокировал томский портал ТВ2. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6221b7299a7947f912a3722f?from=newsfeed>
- ¹² ТОП-10 самых цитируемых СМИ Томской области – 2022 год. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/11983/>
- ¹³ Технологии анализа СМИ и соцсетей. URL: <https://www.mlg.ru/about/technologies/#ic>
- ¹⁴ Томика. URL: <https://tomica.ru/company>
- ¹⁵ ООО ИА Время Томска. URL: <https://spark-interfax.ru/tomskaya-oblast-tomsk/ooo-ia-vremya-tomska-inn-7017199637-ogrn-1077017038218-43ca8de766a243b5ba34c7f86830e750>
- ¹⁶ Информационные агентства г. Томска. URL: <https://www.tomsk.gov.ru/opendata/front/getTable/id/1921>
- ¹⁷ ООО «ИА «Время Томска». URL: https://b2b.house/company/ООО-ИА-VREMYA-TOMSKA_cdf28a11-a8d3-472a-84b5-87deb804fd70/
- ¹⁸ Томская область. URL: <https://tass.ru/tag/tomskaya-oblast>
- ¹⁹ Томский губернатор встретился с заместителем гендиректора информагентства «Интерфакс». URL: <https://tomsk.gov.ru/news/front/view/id/27682>
- ²⁰ Перечень наименований зарегистрированных СМИ. URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/?id=239643&page=>
- ²¹ Под интернет-площадкой информационного агентства мы понимаем информационный ресурс в интернете (сайт, сообщество в социальной сети, канал мессенджера или видеохостинга), предназначенный для размещения информации преимущественно новостного характера и адресованный широкой аудитории, а также содержащий сведения о самой организации, ее деятельности и услугах; главная цель такого ресурса – многоформатное взаимодействие с адресатами разного типа.
- ²² Сибирь. URL: <https://www.interfax-russia.ru/siberia>
- ²³ Пресс-центры «Интерфакса». Сибирь. URL: <https://www.interfax-russia.ru/press-centers/siberia>
- ²⁴ Интерфакс сегодня. URL: <https://group.interfax.ru/interfax/about/today/>
- ²⁵ НИА Томск. URL: <https://niatomsk.ru/>
- ²⁶ Реклама. URL: <https://niatomsk.ru/adv/>
- ²⁷ Перечень наименований зарегистрированных СМИ. URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/>
- ²⁸ Даты выбраны случайным образом.
- ²⁹ Лента дня. URL: <https://niatomsk.ru/lenta/>
- ³⁰ НИА Томск. URL: <https://vk.com/public212764362>
- НИА Томск. URL: <https://t.me/niatomsk>
- ³¹ Региональное информационное агентство Томск (РИА Томск). URL: <https://www.riatomsk.ru/>
- ³² Перечень наименований зарегистрированных СМИ. URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/?id=487917&page=>
- ³³ Об агентстве. URL: <https://www.riatomsk.ru/Main/SpecPage.aspx?s=4>
- ³⁴ Рекламодателям. URL: <https://www.riatomsk.ru/Main/SpecPage.aspx?s=2>
- ³⁵ Правила использования материалов. URL: <https://www.riatomsk.ru/Main/SpecPage.aspx?s=3>
- ³⁶ Рекламодателям. URL: <https://www.riatomsk.ru/Main/SpecPage.aspx?s=2>
- ³⁷ Об агентстве. URL: <https://www.riatomsk.ru/Main/SpecPage.aspx?s=4>

Список источников

1. Вагнер И.Е. Информационные агентства в системе современных массмедиа: тенденции развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4–2. С. 200–206.
2. Курманина Т.С. К вопросу о типологических особенностях информационного агентства как группы СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 189–194.
3. Могилевская Э.В. Информационные агентства в интернете: особенности и принципы функционирования : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 152 с.
4. Польшов В.А. Содержательные модели сайтов российских информационных агентств в условиях медиаконвергенции : дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 182 с.
5. Стогова Е.С. Информационные агентства в современной системе СМИ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 3 (66). С. 262–268.
6. Варганова Е.Л., Вирен Г.В., Фролова Т.И. Типология информационных агентств // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № 3. С. 6–30.

7. Лободенко Л.К., Важенина О.А. Особенности развития концепции сайта регионального информационного агентства в современном информационно-коммуникационном пространстве // Вестник культуры и искусств. 2018. № 3 (55). С. 33–43.
8. Полюнов В.А. Региональные информационные агентства в новой коммуникационной среде // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. № 1. С. 105–118.
9. Шмелева Е.В. Типологический анализ региональных информационных агентств // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2010. № 4. С. 264–273.
10. Hasebrink U. Quality Assessments and Patterns of Use. Conceptual and Empirical Approaches to the Audiences of Public Service Media // Lowe G.F. (Ed.) *The Public in Public Service Media*. Göteborg : Nordicom, 2010. P. 135–149.
11. Архангельская И.Б. «Законы медиа» Маршалла Маклюэна // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2008. № 6. С. 19–26.
12. Жилиякова Н.В. Новейшая история томской журналистики: газеты, журналы и электронные СМИ в периоды «перестройки» и «лихих девяностых» // Век информации. 2020. Т. 8, № 3. С. 58–67.
13. Телевидение Сибири: история, теория и практика / В.С. Байдина, Э.В. Блинова, Е.А. Войтик и др. ; под ред. Ю.М. Ершова. Томск : Издательский дом Том. ун-та, 2015. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000524295> (дата обращения: 28.02.2023).
14. Федеральный закон от 27.12.1991 № 2124-1 (с изм. и доп.) «О средствах массовой информации». Статья 23 // СПС Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10164247/paragraph/181:0> (дата обращения: 24.02.2023).
15. Федеральный закон от 01.12.1995 № 191-ФЗ (ред. от 22.10.1998, с изм. от 22.11.2000) «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8480/757ad05ecd040e61ada7d9f1f0eae6ca322f5a4f/ (дата обращения: 12.02.2023).
16. Соглашение об обмене материалами национальных информационных агентств государств – участников Содружества Независимых Государств от 18.09.2003. Статья 1. URL: Многосторонние договоры – Министерство иностранных дел Российской Федерации (mid.ru) (дата обращения: 12.02.2023).
17. Федеральный закон от 27.12.1991 № 2124-1 (с изм. и доп.) «О средствах массовой информации». Статья 7 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/c83b24403a83729f289659050049d2f8ba0324f2/ (дата обращения: 09.03.2023).
18. Разъяснения по нарушениям обязательных требований законодательства в сфере средств массовой информации для сетевых изданий // Роскомнадзор. URL: <https://14.rkn.gov.ru/directions/p1941/rekomendacii/si/> (дата обращения: 24.02.2023).
19. Федеральный закон от 27.12.1991 № 2124-1 (с изм. и доп.) «О средствах массовой информации». Статья 57 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10164247/089b4a5b96814c6974a9dc40194fea2/> (дата обращения: 25.02.2023).
20. Елкин М.А., Чирич Д.А. Особенности правового статуса информационных агентств в современной России // Современные социально-экономические процессы: проблемы, тенденции, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2020. С. 153–157.
21. Кириллова Н.Б. Медиа среда российской модернизации. М. : Академический Проект, 2005. 400 с.
22. Довбыш О.С. Трансформация структурных связей между медиакомпаниями и государством на региональном медиарынке России : дис. ... канд. социол. наук. М., 2017. 199 с.

References

1. Vagner, I.E. (2013) Informatsionnye agentstva v sisteme sovremennykh massmedia: tendentsii razvitiya [News agencies in the system of modern mass media: development trends]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 4–2. pp. 200–206.
2. Kurmanina, T.S. (2019) K voprosu o tipologicheskikh osobennostyakh informatsionnogo agentstva kak gruppy SMI [On the typological features of a news agency as a group of media]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 1 (31). pp. 189–194.
3. Mogilevskaya, E.V. (2008) *Informatsionnye agentstva v internete: osobennosti i printsipy funktsionirovaniya* [News agencies on the Internet: features and principles of functioning]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
4. Polynov, V.A. (2020) *Soderzhatel'nye modeli saytov rossiyskikh informatsionnykh agentstv v usloviyakh mediakonvergentsii* [Content models of websites of Russian news agencies in conditions of media convergence]. Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Stogova, E.S. (2020) Informatsionnye agentstva v sovremennoy sisteme SMI [News agencies in the modern media system]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 3 (66). pp. 262–268.
6. Vartanova, E.L., Viren, G.V. & Frolova, T.I. (2013) Tipologiya informatsionnykh agentstv [Typology of news agencies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 3. pp. 6–30.
7. Lobodenko, L.K. & Vazhenina, O.A. (2018) Osobennosti razvitiya kontseptsii sayta regional'nogo informatsionnogo agentstva v sovremenno informatsionno-kommunikatsionnom prostranstve [Features of the development of the concept of a regional news agency website in the modern information and communication space]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 3 (55). pp. 33–43.
8. Polynov, V.A. (2017) Regional'nye informatsionnye agentstva v novoy kommunikatsionnoy srede [Regional news agencies in the new communication environment]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 1. pp. 105–118.
9. Shmeleva, E.V. (2010) Tipologicheskii analiz regional'nykh informatsionnykh agentstv [Typological analysis of regional news agencies]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika*. 4. pp. 264–273.
10. Hasebrink, U. (2010) Quality Assessments and Patterns of Use. Conceptual and Empirical Approaches to the Audiences of Public Service Media. In: Lowe, G.F. (ed.) *The Public in Public Service Media*. Göteborg: Nordicom. pp. 135–149.
11. Arkhangel'skaya, I.B. (2008) “Zakony media” Marshalla Maklyuena [“Laws of Media” by Marshall McLuhan]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 6. pp. 19–26.
12. Zhilyakova, N.V. (2020) Noveyshaya istoriya tomskoy zhurnalistiki: gazety, zhurnaly i elektronnye SMI v periody “perestroyki” i “likhikh devyanostykh” [The latest history of Tomsk journalism: newspapers, magazines and electronic media during the periods of “perestroika” and the “wild nineties”]. *Vek informatsii*. 8 (3). pp. 58–67.
13. Ershov, Yu.M. (ed.) (2015) *Televidenie Sibiri: istoriya, teoriya i praktika* [Television of Siberia: history, theory and practice]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000524295> (Accessed: 28.02.2023).
14. Russian Federation. (2023) *Federal Law of December 27, 1991, No. 2124-1 (as amended and supplemented); On the Mass Media. Article 23*. [Online] Available from: <http://ivo.garant.ru/#/document/10164247/paragraph/181:0> (Accessed: 24.02.2023).
15. Russian Federation. (2023) *Federal Law of December 1, 1995, No. 191-FZ (as amended on October 22, 1998, as amended on November 22, 2000: On state support of the media and book publishing of the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8480/757ad05ecd040e61ada7d9f1f0eae6ca322f5a4f/ (Accessed: 12.02.2023).
16. Garant. (2023) *Agreement on the exchange of materials from national news agencies of member states of the Commonwealth of Independent States dated September 18, 2003. Article 1*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/1156996/> (Accessed: 12.02.2023).
17. Russian Federation. (2023) *Federal Law of December 27, 1991, No. 2124-1 (as amended and supplemented): On the Mass Media. Article 7*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/c83b24403a83729f289659050049d2f8ba0324f2/ (Accessed: 09.03.2023). (In Russian).
18. Roskomnadzor. (2023) *Explanations on violations of mandatory legal requirements in the field of mass media for online publications*. [Online] Available from: <https://14.rkn.gov.ru/directions/p1941/rekomendacii/si/> (Accessed: 24.02.2023). (In Russian).

19. Russian Federation. (2023) *Federal Law of December 27, 1991, No. 2124-1 (as amended and supplemented): On the Mass Media. Article 57.* [Online] Available from: <https://base.garant.ru/10164247/089b4a5b96814c6974a9dc40194feaf2/> (Accessed: 25.02.2023). (In Russian).
20. Elkin, M.A. & Chirich, D.A. (2020) *Osobennosti pravovogo statusa informatsionnykh agentstv v sovremennoy Rossii* [Features of the legal status of news agencies in modern Russia]. *Sovremennye sotsial'no-ekonomicheskie protsessy: problemy, tendentsii, perspektivy* [Modern socio-economic processes: problems, trends, prospects]. Conference Proceedings. Khabarovsk. pp. 153–157. (In Russian).
21. Kirillova, N.B. (2005) *Mediasreda rossiyskoy modernizatsii* [Media environment of Russian modernization]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
22. Dovbysh, O.S. (2017) *Transformatsiya strukturnykh svyazey mezhdu mediakompaniyami i gosudarstvom na regional'nom mediarynke Rossii* [Transformation of structural connections between media companies and the state in the regional media market of Russia]. Sociology Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторе:

Ершова В.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры телерадиожурналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ervalen@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.E. Ershova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ervalen@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 13.04.2023;
approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 821.1/.2
doi: 10.17223/15617793/494/3

Вариации на тему: рецепция «Саломеи» О. Уайльда в драматургии Н. Тэффи

Екатерина Валентиновна Кузнецова¹

¹ Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия,
katkuz1@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются две одноактные пьесы Н. Тэффи «Полдень Дзохары» (1908) и «Царица Таир» (1912) в контексте русской рецепции трагедии Оскара Уайльда «Саломея» (1891). В результате сравнения сюжетной схемы, системы персонажей, стилистики и идейного содержания делается вывод, что русская писательница отталкивается от находок Уайльда. В первой драме она создает свою версию сюжета о демонической восточной царице, которая губит и своего возлюбленного и саму себя, т.е. мы можем говорить о подражании Уайльду. В комедии «Царица Таир» уже пародийно обыгрывается сюжет «Саломеи», а также иронически переосмысливается знаменитый Танец семи покрывал.

Ключевые слова: Н. Тэффи, О. Уайльд, образ Саломеи, драма, комедия, подражание, рецепция

Для цитирования: Кузнецова Е.В. Вариации на тему: рецепция «Саломеи» О. Уайльда в драматургии Н. Тэффи // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 24–34. doi: 10.17223/15617793/494/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/3

Variations on the theme: Reception of Oscar Wilde's *Salome* in Nadezhda Teffi's dramas

Ekaterina V. Kuznetsova¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
katkuz1@mail.ru

Abstract. The article examines two one-act plays by Nadezhda Teffi – *The Noon of Dzohara* (1908) and *Queen Tair* (1912) – in the context of the Russian reception of Oscar Wilde's infamous tragedy *Salome* (1891). The comparison of these works has not yet attracted researchers' attention, but it seems interesting from the point of view of cross-cultural interactions and the development of Russian women's literature of the modern era. Teffi's plays are analyzed in the cultural context associated with the translations and productions of *Salome* both in Russia and abroad, as well as with the general interest of symbolism in the entourage of the Ancient East. Not only Wilde's heritage, but also the literary experiences of Lkhvitskaya, Bryusov, Balmont, and Sologub, who sang of Eastern priestesses, queens, concubines and slaves, influenced Teffi. As a result of comparing the plot scheme, the system of characters, the style and ideological content of these plays, it can be concluded that Teffi really starts from Wilde's findings, but significantly refracts them. In *The Noon of Dzohara*, she creates her own version of the plot about a demonic, deadly eastern queen who destroys both her lover and herself, that is, we can talk about an imitation of Wilde. The dramatic work develops the theme of tragic outcomes that await a woman in love and are revealed in the lyrical poems of the collection *Seven Lights*. But if Wilde describes the duel of the wills and personalities of Salome and the prophet Jokanaan, then Teffi focuses all her attention on the main female character, Queen Shammuramat, reducing her lover, Tsarevich Ares, to a wordless object of passion. In the comedy *Queen Tair*, Teffi already parodically plays the plot of *Salome* and also separately focuses on the famous Dance of the Seven Veils, which by this time had already turned into an independent performance and was very popular. In Teffi's interpretation, the erotic dance that brings death becomes a means of salvation, and an infernal beauty turns into a clever schemer. Thus, Teffi develops from trying to create her own variation of *Salome* and reveal the idea of a woman's doom in love to depicting the image of a cheerful cheat, who acts as her travesty double and achieves all her goals. From the point of view of literary evolution, Teffi's interpretations demonstrate the inevitable parody interpretation of tragic samples and in a certain way complete the Russian reception of *Salome* in the modern era.

Keywords: Nadezhda Teffi, Oscar Wilde, image of Salome, drama, comedy, imitation, reception

For citation: Kuznetsova, E.V. (2023) Variations on the theme: Reception of Oscar Wilde's *Salome* in Nadezhda Teffi's dramas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 24–34. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/3

Драматургия Надежды Тэффи (1872–1952) – яркая сторона ее творчества, которая все еще остается в тени ее юмористической прозы. Как и драматические опыты других женщин-писательниц, она отразила ряд значимых тенденций в литературе начала XX в. По мнению М.В. Михайловой, «можно сказать, что предвосхищение открытий театра абсурда, расширенное понимание комического (его травестийный аспект), особое внимание к цветовому исполнению (насыщенность, контрастность, многоцветье осваиваемого мира, своего рода его пышность и нарядность), повышенная чувствительность к запахам (в том числе и отталкивающим, “гадким”), наконец, высокий градус чувственности и эротизма были впервые “опробованы” именно в женских пьесах» [1. С. 6]. Драмы и комедии Тэффи в последнее время привлекают к себе внимание исследователей, опирающихся и на гендерный подход в анализе литературного произведения, и в этом плане стоит отметить статьи М.В. Михайловой, В.Б. Зусевой-Озкан, А.А. Голубковой [2–4]. Продуктивным также представляется изучение драматургии писательницы на фоне широкого контекста литературной и культурной жизни эпохи с учетом преломления в ее творчестве прецедентных текстов других писателей.

Две малоизвестные одноактные пьесы Тэффи «Полдень Дзохары. Царица Шаммурагат. Легенда Вавилона» (1908) и «Царица Таир. Ассирийское приключение» (1912) не содержат прямых указаний на влияние творчества англо-ирландского писателя Оскара Уайльда (1854–1900), например эпиграфов, однако общий восточный колорит, сюжетные, языковые и стилистические совпадения позволяют сделать предположение о том, что Тэффи отталкивалась от его скандально известной трагедии «Саломея» (1891), запрещенной к постановке в России по цензурным соображениям, но получившей широкую мировую известность.

Путем сравнительного анализа в данной статье предполагается установить способы взаимодействия русской писательницы с претекстом¹: интерпретация, подражание или скрытое пародирование, а также выявить психологические нюансы раскрытия центрального женского персонажа, проследить его эволюцию и видоизменение сюжетной схемы, заданной Уайльдом, от пьесы «Полдень Дзохары» к пьесе «Царица Таир».

Е. Тарышкина в статье «Сюжет Саломей – Иродиады в литературе 19 – начала 20 в.» полагает, что «Саломея» Уайльда, написанная в 1891 г., уже завершает тему inferнальной страсти в лице прекрасной танцовщицы, до этого разрабатывавшуюся в произведениях литературы XIX в. от поэмы Г. Гейне «Атта Троль» через тексты Г. Флобера, С. Малларме, Г. Моро, Ж.К. Гюисманса и др. [5]. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, сюжет о дочери Иродиады был чрезвычайно популярен, Р. Нежинская пишет, что «пьеса “Саломея” была создана в конце XIX века, который можно назвать веком Саломей, ибо во Франции за этот период было создано в литературе и искусстве в общей сложности около

3 000 Саломей. Вообще XIX век, особенно его вторая половина, были освобождением Саломей из-под ига Иоанна Крестителя. Это был век, сочетавший женоненавистничество с культом и восхищением женщиной <...> Это женщина прекрасная, сильная, бесконечно притягательная для мужчин, но в то же время – чудовище и разрушительница» [6. С. 206–207]. Значимых литературных произведений, интерпретирующих библейский сюжет, после Уайльда не создавалось, не считая попытки А. Ремизова в 1906 г. обратиться к фольклорным истокам этой легенды в повести «О безумии Иродиадином», написанной, тем не менее, также не без влияния Уайльда [7]. Но на самом деле Уайльд аккумулировал предшествующую традицию и дал толчок осмыслению новой декадентской женственности. С его пьесы все только начиналось, так как наступала эпоха модерна, на протяжении которой «мортальная фемининность» будет одним из ключевых концептов, только ее воплощение, в том числе в образе Саломей, переместится из литературы в театр (драма, опера, балет) и на киноэкран². Рецепция сюжета о роковой восточной красавице, действующей порой и под другими именами, была максимально насыщенной именно после Уайльда и продолжалась вплоть до начала 1920-х гг.

Чтобы понять тот литературный и историко-культурный контекст, в котором возникли две интересные нас пьесы Тэффи, вкратце опишем театральную судьбу уайльдовской «Саломей». В Англии, существовал запрет на то, чтобы выводить на сцену библейских персонажей. Первое исполнение пьесы состоялось во Франции в Париже на французском языке в 1896 г. в театре Комеди Парезьен, в главной роли – Лина Мюнт (*Lina Munte*). В России цензура также не пропускала постановку на религиозный сюжет. Но в 1904 г. баронесса А.И. Радошевская представила публике версию пьесы под названием «Пляска семи покрывал» [10. С. 93]. Имена персонажей были изменены, действие перенесено в Древний Египет, и таким образом спектакль смог миновать цензурный барьер. «Пляска семи покрывал» была поставлена в петербургском Литературном театре О.В. Некрасовой-Колчинской, и этот спектакль можно считать первой театральной постановкой по произведениям Оскара Уайльда, осуществленной в России.

Представить пьесу Уайльда на сцене добивался Московский художественный театр, но ему было отказано. Знаменитая в будущем танцовщица и актриса Ида Рубинштейн боролась за постановку «Саломей» в Петербурге, которую собиралась организовать на свои собственные средства. Режиссером должен был выступить Вс. Мейрхольд, постановщиком танцев – М. Фокин, а декоратором и художником по костюмам – Л. Бакст. Но и это представление запретили. Позднее ее мечта осуществится, о чем мы скажем далее.

Обойти цензурный запрет пытался Н. Евреинов, переделав и смягчив пьесу. О. Матич сообщает, что Тэффи присутствовала на генеральной репетиции спектакля «Царевна», поставленного Евреиновым для Театра Комиссаржевской в 1908 г. В основу спектакля лег видоизмененный перевод «Саломей», выполненный

актрисой Н.И. Бутковской. В этом переводе были завуалированы имена главных персонажей (Иоанн Креститель стал Прорицателем, Ирод – Тетрархом и т.д.), опущен страстный монолог Саломеи, обращенный к голове Крестителя, и др. [10. С. 93; 11]. Роль Саломеи в постановке Евреинова должна была сыграть Наталья Волохова³, возлюбленная А. Блока, который также присутствовал на генеральной репетиции. Но премьера, назначенная на 28 октября, не состоялась: Священный Синод наложил свой запрет за несколько часов до начала первого спектакля⁴. Однако, скорее всего, постановка произвела впечатление на Тэффи и в дальнейшем отразилась на ее обращении к этому сюжету и к восточной экзотике в целом.

Популярность сюжету пьесы в России принес удачный перевод Леонида и Владимира Андрусонов под редакцией К. Бальмонта (и с его предисловием), опубликованный в 1904 г. и выдержавший к 1908 г. шесть изданий [14]. В этом же году в символистском журнале «Золотое руно» (№ 6) вышла важная в концептуальном смысле статья Н. Минского «Идея Саломеи». В ней пьеса осмыслилась как манифест индивидуализма, своего волевого «я» и желания, которое должно быть непременно удовлетворено, даже путем убийства любимого человека и собственной гибели. Минский оправдывает эгоистичную жестокость Саломеи и осуждает Иоканаана, слепого фанатика, не разглядевшего подлинной красоты и любви. Таким образом, Саломея предстает в его трактовке как женский вариант ницшеанского сверхчеловека, утверждающего свою субъектность несмотря ни на что [15]. Именно такая женщина, царица Шаммурагат, властная, страстная, волевая и негибкая в стремлении к своей цели, является центральным характером пьесы «Полдень Дзохары».

То, что Минский встает на сторону женщины в поединке Иоканаана и Саломеи, не могло не импонировать Тэффи, для которой тема «женщина в любви» была важна всегда вне зависимости от того, раскрывалась она в трагическом или комическом ключе. Однако, скорее всего, Тэффи написала свою пьесу еще до выхода статьи Минского и до осенней постановки Евреинова. Более того, Минский мог быть знаком с пьесой Тэффи до написания своей рецензии. В первой половине 1908 г. писательница отправляла рукопись в «Золотое руно» в надежде на публикацию. Об этом факте есть упоминание в майском номере общественно-политической газеты «Свободные мысли», а значит текст пьесы был в принципе доступен кругу авторов «Золотого руна», в который входил и Минский, выпустивший свою статью в июньском номере журнала [16. С. 4]⁵. Нам неизвестно, вносила ли позже Тэффи какую-либо правку в текст пьесы перед ее публикацией, уже в 1910 г. В любом случае образ демонической феминности, что называется, витал в воздухе, и оба автора, критик и писательница, спроецировали его на восточную царицу/царевну и оба оттапливались, прежде всего, от Уайльда.

Пьеса Тэффи была опубликована писательницей в составе авторского сборника «Семь огней», куда во-

шли также поэтические произведения, собранные в восемь циклов. Сложное многоуровневое заглавие пьесы («Полдень Дзохары. Царица Шаммурагат. Легенда Вавилона») и посвящение Федору Сологубу очерчивают определенную традицию в культуре Серебряного века, а именно – обращение к восточной экзотике в истолковании и представлении любовной темы и тайны пола, в русле которой Тэффи старается написать свою одноактную пьесу. Антураж Древнего Востока (Ассирия, Шумер, Вавилон) в творчестве таких поэтов, как Брюсов, Бальмонт и Сологуб, действительно ярко прозвучал на рубеже XIX–XX вв. и ознаменовал собой поиски путей обновления любовной лирики в русской поэзии, смещение ее платонического ракурса к чувственному.

Поэтов прельщала пряная эротика Востока, физическая страсть, тесно связанная с ощущением близости смерти и замешанная на мистике древних культов, особенно культа богини любви и войны Иштар. В этом эротическом мистицизме русским модернистам виделось как оправдание плоти, так и путь приобщения к скрытым тайнам потустороннего. Покрывала, скрывающие и раскрывающие тайну тела, обозначали в представлении символистов священные покровы, брошенные на тайны мироздания и отделяющие мир обыденный от мира потустороннего [10. С. 95]. «Женщина под покрывалом», одним из воплощений которой предстает Саломея, становится сквозным образом эпохи модерна: «Женщина под покрывалом в эпоху *fin de siècle* обитает в экзотической, овсянной древности, исторические координаты которого взаимозаменяемы. В древней ли Александрии или Иудее, она пересекает время и пространство, облаченная в покрывала таинственной эротической притягательности» [10. С. 91].

Обратилась к восточной экзотике и сестра Тэффи, поэтесса Мирра Лохвицкая, например, в поэтических циклах «Царица Савская», «Молох», «В лучах восточных звезд», «Союз магов», стихотворениях «Энис-Эль-Дженис», «В час полуденный», «Невеста Ваала», в драматической поэме «На пути к востоку» и др. В связи с вышесказанным, появление пьес «из жизни Древнего Востока» в творчестве Тэффи вполне закономерно, однако, как мы постараемся продемонстрировать далее, она не только продолжает эту традицию, но и определенным образом оформляет ее завершение.

В составе сборника Тэффи «Семь огней» пьеса «Полдень Дзохары» является логическим продолжением заключительного поэтического цикла «Топаз: видения о стране Сеннаарской», интерпретирующего древневосточные обряды, верования и предания. Любовь в стихотворениях этого цикла предстает как страсть, полностью подчиняющая себе судьбу и волю человека, а высшим проявлением этой любви является почитание богини Иштар, ради которой мужчина посылает на смерть (приносит в жертву) влюбленную в него женщину (стихотворение «Венчание пальмы»). Мир Древнего Востока, несомненно, привлекает Тэффи тем, что женская чувственность в нем не была

под столь строгим запретом, как в ее время, физическая страсть расценивалась как способ соединения с божественным и почиталась даже в виде священной храмовой проституции. Яркое стихотворение «Праздник дев» описывает подобную практику, но суть трагедии его героини в том, что рабыня и жрица Иштар искренно и на всю жизнь влюбляется в чужестранца, который покупает за деньги ее девственность в храме великой богини. Женская любовь в этом поэтическом сборнике предстает обреченной. Это страсть, не находящая счастливого воплощения в любом случае – идет ли речь о царице или о рабыне, или о современной женщине. Возлюбленный снова и снова предпочитает реальной возлюбленной из плоти и крови служение жестокой богине или минутное утоление похоти.

Эта же мысль о сокрушительной силе и смертельной власти над человеком роковой любви прослеживается в пьесе «Полдень Дзохары». Красавица-царица и владычица Вавилона Шаммурагат похоронила уже двух мужей, смерть которых, возможно, и не была естественной. Она влюблена в красавца-царевича из страны Урарту Ароя, но тот не обращает на нее никакого внимания и вообще равнодушен к женщинам. Любви жестокой царицы Вавилона добивается влюбленный в нее царевич Гимиар, но она с презрением отвергает его. Однако царица не оставляет надежды добиться благосклонности Ароя и посылает свои войска войной на Урарту, чтобы пленить своего возлюбленного. Войска Ароя терпят поражение, но царевич не желает сдаваться в плен к Шаммурагат, пронзает себе грудь копьем, и к царице приносят лишь его мертвое тело. В отчаянии она надеется оживить царевича и кладет его тело на царское ложе, а сама ложится рядом с ним, чтобы соединится с возлюбленным несмотря на смерть. За осквернение царского трона и ложа жрецы, народ и собственный сын Шаммурагат осуждают ее на смерть. Но жизнь отныне уже и не важна для царицы, передав добровольно власть сыну, она выбирается из окна дворца.

Одноактная драма Тэффи обнаруживает интересные и очевидные сюжетные переключки с пьесой Уайльда «Саломея»: любовный треугольник влюбленной царицы/царевны, отвергающего ее мужчины и отвергнутого ей самой поклонника; трагическая смерть главной героини и объекта ее страсти. Тэффи не обращается к библейскому сюжету или какой-либо известной легенде. Несмотря на подзаголовок «*Легенда Вавилона*», перед нами выдуманная история, но ряд действующих лиц имеют реальные прототипы. Прежде всего царица Шаммурагат – это исторически известное лицо, царица Ассирии IX в. до н. э., ее сын Ниниас и муж Нин, упоминаемые в пьесе, также известны из дошедших до нас источников как власти и полулегендарные цари Ближнего Востока. Некоторые исследователи считают, что Шаммурагат является одним из прототипов легендарной царицы Семирамиды, основательницы Вавилона и жестокой воительницы [17. С. 31].

В пьесе Тэффи скрещиваются легендарные черты двух цариц – Шаммурагат и Семирамиды, но на сюжетном уровне рассказанная история – это вариация *уайльдовского конфликта* чувственной и преступной любви и невозможности ее воплощения. Саломея безответно влюблена в пророка Иоканаана, отвергнута им и не может быть с ним при жизни, в результате она губит его своей любовью и символически соединяется с ним после смерти – целует в губы его отрубленную голову, а затем гибнет и сама. Царица Шаммурагат тоже делает любовь единственным смыслом своего существования и все подчиняет достижению заветной цели – обладанию возлюбленным. Тем самым она обрекает его на смерть, символически соединяется с ним после смерти и умирает сама, совершив святотатство. В обоих случаях гибель героини трактуется как плата за реализацию своего желания. Отметим совпадение этого концептуального посыла (власть страсти и утверждение собственной воли) с интерпретацией пьесы «Саломея», предложенной Н. Минским.

В обеих пьесах присутствует герой, влюбленный в героиню и отвергаемый ей ради ее запретной любви: в «Саломее» это начальник стражи, а в пьесе Тэффи – царевич Гимиар. Еще одно сходство между двумя произведениями заключается в том, что любовь живой и прекрасной женщины презирается мужчиной по причине его служения высшему божественному существу: Иоканаан посвятил себя Христу, а Арей – богине Иштар (об этом в пьесе не заявляется прямо, но такое умозаключение логично вытекает из стихотворений, предшествующих пьесе).

Однако есть и существенное отличие, которое, возможно, и побудило Тэффи дать свою версию этого сюжета. Если царевна Саломея социально все же неполноправна, подчинена отчиму и вынуждена манипулировать, чтобы добиться своей цели, то Шаммурагат является полновластной царицей, но в своем стремлении к любви терпит такой же крах. Вероятно, заветной целью Тэффи в рамках сборника «Семь огней» было показать *обреченность женщины в любви* вне зависимости от ее статуса и полноты власти.

Другое отличие трактовки Тэффи от сюжетной схемы Уайльда заключается в том, что пьеса «Саломея» строится на противостоянии, на борьбе двух сильных личностей – дочери Иродиады и пророка Иоканаана. Мужской персонаж не менее важен в этом поединке, тогда как у Тэффи царевич Арей не принимает никакого участия в развитии сюжета, о нем только говорят другие, но сам он не наделен правом голоса. Он всего лишь объект страсти Шаммурагат, а не достойный соперник. Раскрытия его образа и не требуется для развития интриги, важен только факт того, что он дважды отвергает любовь царицы – на свободе и после плена, выбирая смерть. Все внимание писательницы сосредоточено на образе Шаммурагат и на ее переживаниях. Субъектность вавилонской царицы и ее право решать свою судьбу подчеркнута и в добровольном отказе от жизни, тогда как Саломею в пьесе Уайльда убивают по приказу тетрарха Ирода.

Помимо сходства сюжетной канвы и идейного содержания, влияние Уайльда можно проследить и в обращении Тэффи к колориту древнего Ближнего Востока, и в стилистике пьесы, написанной условным поэтическим языком, чрезвычайно напоминающим пышный и изысканный стиль писателя, которого, в свою очередь, вдохновляла библейская «Песнь песней». Прямая речь персонажей Тэффи ничего общего не имеет с обычной разговорной речью. Это пышные и витиеватые фразы, максимально украшенные и риторически оформленные, с обилием восклицаний, инверсий, сравнений, экзотических эпитетов и лексем. Для примера приведем небольшой монолог Шаммурапат:

Шаммурапат. Арей! Арей!.. И еще отдам я богине длинные косы мои... Вот расчешут рабыни кудри мои и сладкой аравийской миррой обольют их и темными совьют их змеями. Отрежут рабыни косы мои. Иштар! Иштар! На твой жертвенник брошу я их, благоуханные. И ты дашь мне ночи темные и длинные, как длинны и темны пряди волос моих. Для утешения любви моей эти ночи! Иштар! Иштар! И еще отдам я богине красоту мою. Обнаженная буду я плясать с бубном перед храмом твоим. Вот возьмут рабы свирели свои, и настроят рабыни лютни, и увидят пришельцы, как пляшет царица во славу твою! И я возьму любовь их и на твой жертвенник брошу ее! Иштар! Иштар! [18. С. 90].

Сравним приведенную цитату с монологом Саломеи, обращенным к мертвому Иоканаану (пер. Л. и В. Андрусонов, под ред. К. Бальмонта):

А! Иоканаан, Иоканаан, ты единственным человеком, которого я любила. Все другие мужчины внушали мне отвращение. Но ты, ты прекрасен. Твое тело было как колонна из слоновой кости на серебряном пьедестале. Это был сад, полный гроздий и серебряных лилий. Это была серебряная башня, украшенная щитами из слоновой кости. Ничего на свете не могло сравниться с близкой твоего тела. Во всем мире не было ничего более красного, чем твой рот. Голос твой был сосудом с курениями, источавшим редкие ароматы, и когда я посмотрела на тебя, я услышала странную музыку. А! Зачем ты не смотрел на меня, Иоканаан? [14. С. 56].

Сборник «Семь огней», в котором была опубликована пьеса «Полдень Дзохары», не снискал восторгов критики. В Брюсов и Н. Гумилев вполне справедливо отметили вторичность стилизаций Тэффи, которая стала писать об экзотической любви и губительной страсти тогда, когда декадентская лирика этой темой практически переболела. Гумилев, отдав должное успешному обращению Тэффи к теме средневековых европейских сказок, констатировал: «Менее удачно справляется Тэффи с темами Ассирии и Вавилона, желание найти в них красоту иную, чем красота декора-

тивности, и связать ее с нашими переживаниями кажется слишком экзотическим. Как-то плохо веришь в царицу Шаммурапат и в рабыню Аторагу, и в горы Синджарские, может быть, уже по одному тому, что эти имена так необычно и так неприятно жестко звучат на русском языке» [19. С. 83]. Брюсов был еще более радикален: «...стихи г-жи Тэффи – ряд общих мест модернизма. Если угодно, в стихах г-жи Тэффи много красивого, красочного, эффектного; но это – красота дорогих косметик, красочность десятой копии, эффекты ловкого режиссера. У всех поэтов, от Гейне до Блока, от Леконта де Лиля до Бальмонта, позаимствованы г-жой Тэффи образы, эпитеты и приемы, и не без искусности слажены в строфы и новые стихотворения. “Семью огнями” называет г-жа Тэффи семь камней: сапфир, аметист, александрит, рубин, изумруд, алмаз, топаз. Увы, ожерелье г-жи Тэффи – из камней поддельных» [20. С. 248].

Можно согласиться с ведущими поэтами и критиками русского модернизма в том, что Тэффи во многом ученически следует за предшественниками. Однако ее пьеса представляется нам более оригинальным произведением, нежели лирика сборника «Семь огней». Безусловно, она является еще одним вариантом воплощения темы трагической декадентской любви-страсти, подчиняющей себе человека, повелевающей его судьбой, и прекрасной именно в силу своей обреченности и смертельного исхода⁶. Но писательница делает акцент на *гендерном аспекте* и развливает тему «женщина в любви», практически нивелируя мужского персонажа и усиливая центральный образ Шаммурапат.

Другая пьеса Тэффи в восточном стиле «Царица Таир» с подзаголовком «Приключение ассирийское» была написана спустя всего четыре года, в 1912 г. (опубликована в 1913 г.), и представляет собой иную грань рецепции уайльдовской «Саломеи» – *пародийную*. Прошло совсем немного времени и восточные реалии с грозным царем, невладающей собой от любви и преступающей закон царицей, с преданными рабами и рабынями становятся для писательницы источником комических коллизий и веселого смеха.

По сюжету пьесы молодая красавица Таир постоянно изменяет своему супругу, обедневшему царю Элама с бесконечно длинным именем «Назир-Габал-Ассур-Ил-Бил и прочее» (так и написано в ремарке пьесы) с красивыми рабами. Во время очередного, одиннадцатого по счету адюльтера царь застаёт жену врасплох и приговаривает ее и красавца-раба к казни. Но пока время казни не пришло, Назир-Габал занят размышлениями, как ему добыть недостающие деньги для уплаты дани царю Урхаму: дань составляет десять талантов, а у царя только пять. Во время этих раздумий, которые сопровождаются комическим советанием с волхвом, царю докладывают о прибытии знаменитой танцовщицы из Урарту, которая готова развеять его тоску и станцевать перед ним за один талант. Царь сначала скупится, но потом оплачивает танец. Заинтриговав повелителя, танцовщица, скрывающая свое лицо под покрывалом, просит еще талант за продолжение танца и таким образом выманивает у него все пять

талантов. Царь, оставшийся совсем без денег, приходит в отчаяние, тогда танцовщица возвращает ему серебро в обмен на осужденного красавца-раба, и восхищенный ее добротой царь нарекает танцовщицу своей женой. После этого она откидывает покрывало и оказывается, что это была сама царица Таир, которая в очередной раз провела своего супруга. Теперь он не может ее казнить, так как дважды сочетался с ней браком, а провинившегося раба умертвить также нельзя, так как он сам продал его жене под видом танцовщицы. В финале пьесы хитроумная царица обещает хранить супругу верность, но произнося слова клятвы снова тянется поцеловать молодого раба.

Если в более ранней пьесе рецепция драматургии Уайльда заключалась преимущественно в отсылках к стилистике и проблематике его трагедии «Саломея», то в пьесе «Царица Таир» следование за английским писателем идет, возможно, и под влиянием его комедий, которые к 1912 г. уже были переведены и опубликованы в России. По сути, под покровом восточного антуража Тэффи создает типичную салонную комедию, основу любовной интриги которой составляет некий обман, основанный на переодевании, неузнавании или недоразумении, на обыгрывании традиционных ролей (типажей) и сюжетных ходов. Страсти героев неглубоки и карикатурны, грозный царь оказывается недалеким рогатосцем, порочная страсть – домашним развлечением с рабом, а счастливый финал венчает несложную коллизию. Обаяние пьесы заключается не столько в сюжете, сколько в остроумных диалогах персонажей, из которых она и состоит:

Царь. О, я несчастный! Гумбаба!

Писец (сидя у ног царя). Держу резец в послушной руке!

Царь. Пиши, Гумбаба! Пиши и немедленно обожги кирпич – пусть потомство знает о страданиях великого Назир-Габала. Вот завтра чуть свет придет Урхам-царь Халдейский своих гонцов за данью, за десятью талантами. И, если я не заплачу ему, то этот самый Урхам способен будет на всякое урхамство. Он прямо будет бить меня по морде... (*Слохвотившись, Гумбабе*). Гумбаба!

Писец. Держу резец...

Царь. Про морду не пиши; про морду не надо. Вместо «морда» напиши просто «величественная внешность». И «бить» тоже не надо. Напиши так: «почтительно прикоснется к моей величественной внешности». (*Отпускает голову, вздыхает*). Гм!.. Почтительно прикоснется!.. Несчастный я! Мудрый и несчастный!.. Волхв! Помоги мне!

Волхв. Дозволь взглянуть на звезды, о великий, и я все предреку тебе.

Царь. Предрекать тут нечего. Тут нужно просто раздобыть пять талантов и баста. Прочти какое-нибудь заклинание, попроси богов.

Волхв (подумав). Я могу прочесть хорошее заклинание! Чудесное заклинание к богу грозы

Рамману. Это сейчас же вызовет сильный гром и молнию.

Царь. Ну?

Волхв. Ну и мы все очень перепугаемся.

Царь. Вот болван! Мне и без того тошно, а он еще пугать будет. Ты лучшие попроси богов, чтобы они дали мне пять талантов. Скажи, что отдам при первой же возможности.

Волхв. Н-нет. Из этого ничего не выйдет. Взаимы боги не дадут.

Царь. Хоть бы ломбарды были, так я бы заложил свои браслетки. Трудно жить древнему человеку. Ну, придумай что-нибудь. [22. С. 91–92]

Можно сказать, что классические способы создания юмористического эффекта (языковые каламбуры, например, «Урхам способен будет на всякое урхамство»), несоответствие высокого речевого стиля и бытовой ситуации, привнесение в текст несоответствующих эпохе реалий, например, «ломбарды») используются Тэффи для иронического переосмысления трагедии «Саломея». Если присмотреться, то в основе пьесы лежит переименованная сюжетная схема пьесы Уайльда: любовный треугольник между Саломеей, тайно влюбленным в нее царем Иродом и пророком Иоканааном трансформируется в треугольник царь Назир-Габал – царица Таир – красавец-раб. Как и в «Саломее», развязка конфликта в пьесе Тэффи наступает после исполнения главной героиней зажигательного танца, в результате которого она получает от обольщенного царя все желаемое. Аллюзией на Уайльда является не только сам танец как способ добиться женщиной своей цели, но и конкретное упоминание *Танца семи покрывал*, за исполнение которого Саломея, по версии Уайльда, и получила голову Иоканаана. Обсуждению танца у Тэффи посвящен целый диалог:

Царь. Ну, лестью ты со мной ничего не сделаешь. Утоли мою душу пляской, ибо душа моя тоскует. Сегодня приговорил я к смерти любимую жену мою и вот до сих пор не могу забыть ее, до сих пор, а ведь уж скоро вечер. Это даже удивительно! Только об одном прошу тебя, *не пляши ты танец семи покрывал*, потому что опротивел он всем до тошноты и пляшут его нынче по всем кафе-шантанам, да простят мне боги мой анахронизм.

Танцовщица. О, нет, повелитель. Да и как могла бы я *плясать танец семи покрывал*, когда на мне только одно [22. С. 97] (курсив мой. – Е.К.).

Слова о том, что Танец семи покрывал всем опротивел до тошноты, можно расценить как намек на современный Тэффи репертуар развлечений кабаре и артистических кафе, где часто исполнялся подобный танцевальный номер в различных интерпретациях, а также и на высокое искусство модерна, бредившее этим сценическим номером в течение нескольких десятилетий.

Сам Уайльд только называет фатальный танец («Dance of the Seven Veils»), но не дает его описания,

предпочитая фигуру умолчания. Отсутствие авторских ремарок и провокационное название породили множество толкований и версий, так или иначе связанных обнажением⁷.

Первое исполнение пьесы состоялось во Франции в Париже на французском языке в 1896 г. в театре Комеди Парезьен, в главной роли – Лина Мюнт (*Lina Munte*). Но Танец семи вуалей (другой перевод названия – Танец семи вуалей) начал свое победное шествие по миру с 1905 г., когда он был включен в оперу Рихарда Штрауса «Саломея» как отдельный танцевальный номер, а некоторые постановки оперы отличались откровенным эротизмом, о чем пишет американский исследователь балетного и оперного искусства Тони Бентли [24. Р. 36]. Пьеса Уайльда и опера Штрауса привели к феномену «Саломании»: различные исполнители ставили многочисленные номера, вдохновленные эротическим танцем дочери Иродиады. Некоторые из них подверглись критике за непристойность. В 1906 г. в Вене состоялась постановка Мод Аллан «Видение Саломеи». Ее версия Танца семи вуалей, основанная на пьесе Уайльда, снискала огромный успех, и саму исполнительницу нарекли «Танцовщицей Саломеи». Эту вариацию современники хвалили за восточный дух без бульварной вульгарности.

Своя «танцовщица Саломеи» появилась и в России. Летом 1908 г. в Швейцарии Михаил Фокин усердно репетировал с Идой Рубинштейн, которая мечтала исполнить роль дочери Иродиады [25. С. 121]. Рубинштейн привлекла балетмейстера своей готовностью к экспериментам, пластичкой тела, яркой внешностью, грацией и свободным мышлением, незашоренным классической балетной школой. Ее экзотическая восточная внешность, тонкая и высокая фигура подсказали балетмейстеру особый сценический образ inferнальной и неотразимой красоты, словно сошедший с иллюстраций О. Бердслея.

Рубинштейн готовила постановку «Саломеи» (музыка А. Глазунова, режиссура Вс. Мейерхольда) на собственные средства и должна была сыграть этот частный спектакль в Михайловском театре 3 ноября [26. С. 54]. Но выступление не состоялось. 20 декабря 1908 г. на вечере художественных танцев в Большом зале Санкт-Петербургской консерватории она все же воплотилась в Саломею и исполнила Танец семи покрывал (под названием «Восточный танец»), придуманный для нее Фокиным (постановщик номера Вс. Мейерхольд). Танцовщица выходила, закутанная в покрывала, и плясала, разворачивая с помощью невольниц в пластическом танце одну за другой легкие ткани. В конце танца на полуобнаженной актрисе оставался полупрозрачный костюм, сплошь украшенный рядами цветных бус, сшитый по эскизу Л. Бакста [26. С. 66].

А в 1909–1910 гг. Рубинштейн уже блистала в Париже в балетах «Ночь Клеопатры» и «Шахеразада», также наполненных восточной чувственностью и воплотивших мечту Фокина о возрождении древних танцев. Номер с разворачиванием семи покрывал был включен им в успешный балет «Ночь Клеопатры» (ко-

стюмы Л. Бакста). Свою главную мечту сыграть Саломею в полной версии драмы Уайльда настойчивая актриса воплотила в 1912 г., поставив пьесу в Париже в театре Шатле и исполнив ее без купюр, включая скандальный танец (музыка А. Глазунова, постановка А. Санина). А в следующем году труппой «Русских сезонов» С.П. Дягилева был поставлен балет «Трагедия Саломеи» на музыку Ф. Шмитта (балетмейстер Б.Г. Романов, Саломея – Т. Карсавина) [27].

Тэффи, скорее всего, видела фокинскую версию Танца семи покрывал, так как балетмейстер включал его в разные свои представления, а также, возможно, ей были знакомы бульварные версии танца, исполнявшиеся в кабаре и артистических кафе, например в открывшейся в самом конце 1911 г. «Бродячей собаке». Таким образом, ироническое упоминание этого номера в ее комедийной пьесе уже подводит черту под заметной культурной тенденцией своего времени (танцевальная эротика на сцене) и *высмеивает явление из новаторского превратившегося в клише*. Ироническому обыгрыванию подвергается не только конкретный танец, составляющий кульминацию трагедии Уайльда, но и символистский образ таинственной «женщины под покрывалом», столь актуальный, например, для А. Блока, и в целом – декадентский мотив эротической, гипнотизирующей женской пляски, за которую мужчина готов отдать все что угодно. Если в подлинной трагедии «Саломея» это была жизнь человека, то в комедии «Царица Таир» – это какие-то пять талантов серебра, которых недостаточно даже для уплаты дани.

Можно сказать, что Тэффи переворачивает с ног на голову трагический конфликт Уайльда и травестирует модернистский миф об inferнальной и mortalной фемининности: чувственный танец исполняется царицей Таир не для того, чтобы подобно Саломее соблазнить отчима, погубить чужую жизнь и свою собственную, а для того, чтобы спастись от наказания, очаровав и обманув своего глупого супруга. Смертельный танец становится средством спасения, а демоническая женщина – изворотливой и жизнерадостной плутовкой. Тэффи также снижает уайльдовский мотив порочного, непреодолимо притягательного поцелуя: царица Таир в финале целует не мертвую окровавленную голову, а тянется поцеловать красивого раба.

Предположим, что в комедии «Царица Таир» русская писательница посмеивается не только над Уайльдом, но и над самой собой четырехлетней давности, и с улыбкой расстается с черноглазыми красавицами, отдававшими свою жизнь за любовь. Таким образом, перед нами два пути рецепции наследия зарубежного писателя в литературе русского модерна: *подражание и пародирование*. Комического эффекта Тэффи добивается не за счет еще большего усиления трагических аффектов и доведения их до абсурда, а за счет обыгывания модернистской трагедии и превращения ее в водевиль. Причем пародированию подвергается не только Уайльд, а псевдоисторичность и условность театральных пьес «в восточном духе», шаржированность их персонажей, гиперболизация чувств и страстей.

Возникновение пародийной рецепции «Саломеи» Уайльда весьма закономерно, так как Тэффи, несомненно, была знакома с традицией русской театральной пародии, которая особенно ярко проявилась в эпоху модернизма. М.Я. Поляков описывает этот процесс следующим образом: «В конце первого десятилетия XX века широкое распространение и на Западе и в России приобретает театр пародии и гротеска, хотя театры пародии, гротеска, конферанса, литературной шутки и политического намека, импровизации и парадокса были весьма давней традицией. Для России в особенности. Пародия сопровождает жизнь русского театра буквально с первых дней его существования. <...> Нетрудно привести множество примеров того, как пародия вторгалась в сатирическую и бытовую драматургию (Островский, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, Сухово-Кобылин). Наличие пародийных элементов двусторонне связано и с отношением к социальной действительности и с оценкой определенных художественных течений» [28. С. 6].

Театральные пародии на русскоязычные и переводные пьесы еще в XIX в. писались русскими авторами в большом количестве, активно публиковались в журнале «Искра» (1859–1873), а позднее в «Будильнике», «Стрекозе», «Осколках» и др., и даже составили особое издание «Новейший российский театр» (1868). В 1864 г. Аполлон Григорьев так рисовал картину современного ему театра: «А что же такое этот так называемый “театральный мир”, как не вместилище великой плесени и рутины, не вечное убежище всяких, вырабатывающих ржанные трагиков, всяких *авилонских “принцесс”* и *соответственных им ассирийских принцев*, и всяких завывающих хохлы и лоснящих физиономии жен-премьеров?» [29. С. 245] (курсив мой. – Е.К.). Замечание Григорьева о «авилонских “принцессах”» и «ассирийских принцах» как о набивших оскомину театральных типажах еще XIX в. свидетельствует о том, что остроумная комедия Тэффи метила не только в Уайльда, а по сути являлась *собирающей пародией на театральные штампы*.

Нельзя не упомянуть также знаменитую театральную оперную пародию «Вампука, или Принцесса Африканская» (1900), написанную князем М.Н. Волконским под псевдонимом Анчар Манценилов и с успехом поставленную в театре «Кривое зеркало» в 1909 г. «Вампука» могла быть своеобразным образцом для «Царицы Таир» Тэффи в плане театрального гротеска и в общем стремлении пародировать сценические стереотипы (журнальная публикация пьесы в «Аргусе» сопровождалась подзаголовком «Гротеск»). Возможно, писательница создавала свою комедию с расчетом на постановку в «Кривом зеркале», где были поставлены другие две ее комедийные пьесы («Круг любви, или история одного яблока» и «Эволюция дьявола»), но, насколько нам известно, «Царица Таир» в этом театре не исполнялась. Первая постановка пьесы состоялась в 1913 г. на сцене Санкт-Петербургского литейного театра⁸.

Обе «восточные» пьесы Тэффи появились в то десятилетие (1907–1917), когда театры пародии и литературная пародия как жанр особенно бурно развивались, поэтому нельзя исключать легкого оттенка иронии и в пьесе «Полдень Дзохары». Этот эффект может возникать в результате воздействия на читателя нарочитой выспренности монологов и диалогов этого произведения, казавшихся архаичными уже современникам, а также как следствие очевидной вторичности сюжета. Современные исследователи указывают на умение писательницы играть «с уже сформировавшейся традицией и вносить оттенок иронии при обращении к классическим высоким образам» [30. С. 118]. Но все же мы не можем утверждать, что ироническая дистанция была сознательно задана Тэффи, и нельзя исключать серьезного прочтения ее пьесы про несчастную царицу Шаммурамат. Контекст всего сборника «Семь огней» не предоставляет иронических примеров, тогда как трагические и лирические стихотворения преобладают.

Не только уайльдовское наследие, но и литературный опыт Лохвицкой, Брюсова, Бальмонта и Сологуба, воспевавших восточных жриц, цариц, наложниц и рабынь, нашел завершение в беззлобном смехе Тэффи. Из литературы и даже из театра мотивы восточной эротики и образ женщины-соблазнительницы, несущей смерть, начинают к середине 1910-х гг. уходить, хотя образ переживает еще один всплеск популярности в годы русской революции и гражданской войны⁹.

Своеобразным итогом модернистско-декадентского этапа рецепции уайльдовской «Саломеи» можно считать фильм Аллы Назимовой «Саломея» (США), вышедший на экраны в 1923 г. и заслуженно провалившийся в прокате. Стремясь изобразить трагедию любви и страсти, сорокалетняя и не умеющая танцевать актриса в роли молодой обольстительницы невольно создала фарс. Не учла исполнительница (а по сути, еще и режиссер данной ленты) и того факта, что публика на тот момент уже пресытилась как Саломеей, так и Танцем семи покрывал¹⁰.

Тэффи едва избежала подобного фиаско. Она, очевидно, уже опоздала с выпуском сборника «Семь огней» в 1910 г., предложив темы и образы, не новые и пережитые как в русской, так и в западноевропейской литературе, а расставленные ей женские акценты (гендерная проблематика) практически не были считаны и учтены. Но потом она быстро поняла изменения общественного и культурного сознания.

На концептуальном уровне мы видим закономерное движение писательницы от попытки создать свою версию сюжета об inferнальной красавице и раскрыть идею обреченности женщины в любви к образу жизнерадостной плутовки, которая выступает ее трагедийным двойником и достигает всех своих целей. А с точки зрения литературной эволюции рецепция Тэффи пьесы Уайльда демонстрирует неизбежное пародийное осмысление трагических образцов.

Примечания

- ¹ Влияние «Саломеи» О. Уайльда на драматургические произведения Тэффи, насколько нам известно, еще не отмечалось и не становилось предметом исследования.
- ² Термин «мортальная фемининность» предложила ввести О.В. Федунина для анализа тех произведений Серебряного века, прежде всего драматургических, где создается персонафицированный в лице женской героини образ смерти. Такая особенная героиня-Смерть присутствует в пьесах «Балаганчик» А. Блока, «Веселая смерть» Н. Евреинова, «Ошибка смерти» В. Хлебникова. Однако границы этого понятия, как пишет О.В. Федунина, «могут быть расширены» за счет включения в него ряда «демонических» героинь, несущих смерть тем, с кем они соприкасаются, в первую очередь своим возлюбленным [8. С. 315–317]. Применительно к образу Саломеи правомерно также использовать термин Пера Факснелда «инфернальный феминизм» [9].
- ³ Этой роли в постановке Евреинова добивалась также настойчивая Ида Рубинштейн, мечтавшая сыграть Саломею. Но выбор пал на Н. Волохову.
- ⁴ См. подробнее [12, 13].
- ⁵ Автор выражает благодарность д-ру филол. наук Д.Д. Николаеву за уточнение информации об эпизоде, связанном с попыткой Тэффи опубликовать пьесу «Полдень Дзохары» в журнале «Золотое руно».
- ⁶ О ключевых декадентских мотивах смерти и желания, персонафицированных в Саломее, размышляет Джозеф Донахью (*Joseph Donohue*) в своей работе «Отстранение, смерть и желание в *Саломее*» («Distance, death and desire in *Salome*») [21].
- ⁷ Обри Бёрдслей, например, полагал, что речь идет о восточном танце живота, и его иллюстрация к «Саломее» изображает дочь Иродиады с голым животом и в прозрачных шароварах, хотя вариация с развевающимися вокруг Саломеи тканями тоже была им создана. М. Стёрджис сообщает, что Уайльд был доволен интерпретациями иллюстратора и подарил ему экземпляр французского издания «Саломеи» с надписью: «Обри, единственному художнику, кроме меня, который знает, что такое танец под семью вуалями, и может увидеть этот незримый танец. Оскар, март 1893 года» [23. С. 150].
- ⁸ Пьеса «Полдень Дзохары» не ставилась в театре.
- ⁹ После Октябрьской революции в России цензурный запрет на постановки с библейскими персонажами перестал действовать, и к пьесе Уайльда одновременно обратились Малый театр (Саломея – Ольга Гзовская) и Камерный театр (Саломея – Алиса Коонен, реж. А.Я. Таиров, костюмы и декорации в стиле кубофутуризма – А.А. Экстер). К. Голейзовский также поставил в 1922 г. одноактный балет «Саломея» на музыку Р. Штрауса. Пьесу «Саломея» считали революционной, отвергающей старый буржуазный порядок и мораль. И хотя это делалось не во имя социальной справедливости, а во имя эстетизма, освобождения тела и человеческих желаний, ее постановки воспринимались как соответствующие настроению времени.
- ¹⁰ К образу неотразимой восточной красавицы мировой кинематограф позже еще неоднократно вернется, найдя более адекватные, нежели в гротескном фильме Назимовой, способы его воплощения. Начиная с «Саломеи» 1953 г. с Ритой Хейворд в главной роли, выходят все новые и новые экранизации этого сюжета, однако модернистский период осмысления темы демонической женщины завершился, на наш взгляд, в начале 1920-х гг.

Список источников

1. Михайлова М.В. Женщины-драматурги Серебряного века // Гендерная проблематика в современной литературе : сб. науч. тр. М., 2010. С. 4–35.
2. Михайлова М.В. «Женский вопрос» в драматургии Тэффи // Russian Literature. 2021. № 125–126. С. 61–88.
3. Зусева-Озкан В.Б. Новый матриархат: гендерные инверсии в пьесах «Женский вопрос» Тэффи и «Судьба мужчины» Н. Урванцова // Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2022. С. 297–314.
4. Голубкова А.А. Репрезентация амбивалентности гендерного подхода в пьесе Тэффи «Женский вопрос» // Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов / под. ред. В.Б. Зусевой-Озкан. М. : Новое литературное обозрение, 2022. С. 287–296.
5. Тарышкина Е. Сюжет Саломеи – Иродиады в литературе 19 – начала 20 в. // Literatura Rosyjska. Nowe zjawiska. Reinterpretacje. Katowice, 1995. С. 82–98.
6. Нежинская Р. Танец как форма развлечения: праздник Ирода и танец Саломеи в русской культуре Серебряного века // Русская развлекательная культура Серебряного века. 1908–1918. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 206–221.
7. Топорков А.Л. Повесть А.М. Ремизова «О безумии Иродиадином», пьеса Оскара Уайльда «Саломея» и «Песнь песней» царя Соломона // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. М. : Индрик, 2015. С. 170–191.
8. Федунина О.В. Мортальная фемининность Серебряного века: «Ошибка смерти» В. Хлебникова в контексте драматургии А. Блока // Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2022. С. 315–333.
9. Факснелд П. Инфернальный феминизм. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 832 с.
10. Матич О. Покровы Саломеи: эрос, смерть и история // Эротизм без границ. М. : НЛЮ, 2004. С. 91–121.
11. Добротворская К. Русские Саломеи // Театр. 1993. № 5. С. 134–142.
12. Евреин Н.Н. К постановке «Саломеи» О. Уайльда // Pro Scena Sua. Пг. : Прометей, 1914. С. 16–28.
13. Вейконе М. На генеральной репетиции «Саломеи» в Театре В.Ф. Комиссаржевской. Памяти Веры Федоровны Комиссаржевской // Алконост. I. СПб. : Сириус, 1911. С. 139–141.
14. Уайльд О. Саломея / пер. В. и Л. Андрусон; под ред. К.Д. Бальмонта. М. : Гриф, 1904. 58 с.
15. Минский Н. Идея Саломеи // Золотое руно. 1908. № 6. С. 55–58.
16. Свободные мысли. 1908. № 55. 26 мая. С. 4.
17. Якобсон В.А. Новоассирийская держава // История Древнего мира. М. : Наука, 1989. Т. 2. 572 с.
18. Тэффи. Семь огней. СПб. : Шиповник, 1910. 120 с.
19. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М. : Мысль, 1923.
20. Брюсов В.Я. Библиографический отдел журнала «Русская мысль» // Русская мысль. 1910. № 8. С. 247–248.
21. Donohue J. Distance, death and desire in Salome // The Cambridge Companion to Oscar Wilde. Cambridge, U.K. ; New York : Cambridge University Press, 1997. P. 118–142.
22. Тэффи В.Я. Язвический. Храм Солнца. М. : Salamanra. P.V.P., 2016. С. 85–101.
23. Стёрджис М. Обри Бёрдслей. М. : КоЛибри ; Азбука-Аттикус, 2014. 426 с.
24. Bentley T. Sisters of Salome. New Haven ; London : Yale University Press, 2002. 223 p.

25. Фокин М. Против течения. Л. : Искусство, 1981. 510 с.
26. Борзенко В. Ида Рубинштейн. М. : Искусство-XXI век, 2019. 312 с.
27. Хазиева Д.З. Образ Саломей и его претворение в балетных постановках начала XX века // Вестник академии русского балета А.Я. Ваганова. 2019. № 4 (63). С. 78–93.
28. Поляков М.Я. Русский театр в кривом зеркале пародии // Русская театральная пародия XIX – начала XX века. М. : Искусство, 1976.
29. Григорьев Ап. Русский театр в Петербурге // Эпоха. 1864. № 6. С. 244–256.
30. Денисова Е.А., Лоцилов И.Е. Мифологический сюжет о голубом цветке в сборнике стихотворений Тэффи «Семь огней» // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 118–126.

References

1. Mikhaylova, M.V. (2010) Zhenshchiny-dramaturgi Serebryanogo veka [Women playwrights of the Silver Age]. In: *Gendernaya problematika v sovremennoy literature* [Gender issues in modern literature]. Moscow: INION RAN. pp. 4–35.
2. Mikhaylova, M.V. (2021) “Zhenskiy vopros” v dramaturgii Tefi [“Women’s question” in Tefi’s dramaturgy]. *Russian Literature*. 125–126. pp. 61–88.
3. Zuseva-Ozkan, V.B. (2022) Novyy matriarkhat: gendernye inversii v p’esakh “Zhenskiy vopros” Tefi i “Sud’ba muzhchiny” N. Urvantsova [New matriarchy: gender inversions in the plays “The Women’s Question” by Tefi and “The Fate of a Man” by N. Urvantsov]. In: Zuseva-Ozkan, V.B. (ed.) *Zhenshchina moderna: Gender v russkoy kul’ture 1890–1930-kh godov* [Modern Woman: Gender in Russian Culture of the 1890s–1930s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 297–314.
4. Golubkova, A.A. (2022) Reprezentatsiya ambivalentnosti gendernogo podkhoda v p’ese Tefi “Zhenskiy vopros” [Representation of the ambivalence of the gender approach in Tefi’s play “The Women’s Question”]. In: Zuseva-Ozkan, V.B. (ed.) *Zhenshchina moderna: Gender v russkoy kul’ture 1890–1930-kh godov* [Modern Woman: Gender in Russian Culture of the 1890s–1930s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 287–296.
5. Taryshkina, E. (1995) Syuzhet Salomei – Irodiady v literature 19 – nachala 20 v. [The plot of Salome – Herodias in the literature of the 19th – early 20th centuries]. In: *Literatura Rosyjska. Nowe zjawiska. Reinterpretacje*. Katowice. pp. 82–98.
6. Nezinskaya, R. (2018) Tanets kak forma razvlecheniya: prazdnik Iroda i tanets Salomei v russkoy kul’ture Serebryanogo veka [Dance as a form of entertainment: the festival of Herod and the dance of Salome in Russian culture of the Silver Age]. In: *Russkaya razvlekatel’naya kul’tura Serebryanogo veka. 1908–1918* [Russian entertainment culture of the Silver Age. 1908–1918]. Moscow: HSE. pp. 206–221.
7. Toporkov, A.L. (2015) Povest’ A.M. Remizova “O bezumii Irodiadinom”, p’esa Oskara Uayl’da “Salomeya” i “Pesn’ pesney” tsarya Solomona [A.M. Remizov’s story “On the Madness of Herodias”, Oscar Wilde’s play “Salome” and King Solomon’s “Song of Songs”]. In: *Vechnye syuzhety i obrazy v literature i iskusstve russkogo modernizma* [“Eternal” plots and images in the literature and art of Russian modernism]. Moscow: Indrik. pp. 170–191.
8. Fedunina, O.V. (2022) Mortal’naya femininnost’ Serebryanogo veka: “Oshibka smerti” V. Khlebnikova v kontekste dramaturgii A. Bloka [Mortal femininity of the Silver Age: “The Error of Death” by V. Khlebnikov in the context of A. Blok’s dramas]. In: Zuseva-Ozkan, V.B. (ed.) *Zhenshchina moderna: Gender v russkoy kul’ture 1890–1930-kh godov* [Modern Woman: Gender in Russian Culture of the 1890s–1930s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 315–333.
9. Faksnel’ d, P. (2022) *Infernal’nyy feminizm* [Infernal feminism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Matich, O. (2004) Pokrovy Salomei: eros, smert’ i istoriya [Veils of Salome: eros, death and history]. In: *Erotizm bez granits* [Eroticism without borders]. Moscow: NLO. pp. 91–121.
11. Dobrotvorskaya, K. (1993) Russkie Salomei [Russian Salomes]. *Teatr*. 5. pp. 134–142.
12. Evreinov, N.N. (1914) K postanovke “Salomei” O. Uayl’da [To the production of “Salome” by O. Wilde]. In: *Pro Scena Sua*. Petrograd: Prometej. pp. 16–28.
13. Veykone, M. (1911) Na general’noy repetitsii “Salomei” v Teatre V.F. Komissarzhevskoy. Pamyati Very Fedorovny Komissarzhevskoy [At the dress rehearsal of “Salome” at the V.F. Komissarzhevskaya Theater. In memory of Vera Feodorovna Komissarzhevskaya]. In: *Alkonost*. I. Saint Petersburg: Sirius. pp. 139–141.
14. Wilde, O. (1904) *Salomeya* [Salome]. Translated from English by V. and L. Andruson. Moscow: Grif.
15. Minskiy, N. (1908) Ideya Salomei [The idea of Salome]. *Zolotoe runo*. 6. pp. 55–58.
16. *Svobodnye mysli*. (1908) 55. 26 May. p. 4.
17. Yakobson, V.A. (1989) Novoassiriyskaya derzhava [New Assyrian power]. In: *Istoriya Drevnego mira* [History of the Ancient World]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
18. Tefi, V.Ya. (1910) *Sem’ ogney* [Seven lights]. Saint Petersburg: Shipovnik.
19. Gumilev, N.S. (1923) *Pis’ma o russkoy poezii* [Letters about Russian poetry]. Moscow: Mysl’.
20. Bryusov, V.Ya. (1910) Bibliograficheskiy otdel zhurnala “Russkaya mysl’” [Bibliographic department of Russkaya mysl’]. *Russkaya mysl’*. 8. pp. 247–248.
21. Donohue, J. (1997) Distance, death and desire in Salome. In: *The Cambridge Companion to Oscar Wilde*. Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press. pp. 118–142.
22. Tefi, V.Ya. (2016) *Yazvitskiy. Khram Solntsa* [Yazvitsky. Temple of the Sun]. Moscow: Salamanra. P.V.P. pp. 85–101.
23. Sturgis, M. (2014) *Obri Berdsley* [Aubrey Beardsley]. Translated from English. Moscow: KoLibri; Azbuka-Attikus.
24. Bentley, T. (2002) *Sisters of Salome*. New Haven; London: Yale University Press.
25. Fokin, M. (1981) *Protiv techeniya* [Against the flow]. Leningrad: Iskusstvo.
26. Borzenko, V. (2019) *Ida Rubinshteyn*. Moscow: Iskusstvo-XXI vek. (In Russian).
27. Khazieva, D.Z. (2019) Obraz Salomei i ego pretvorenie v baletnykh postanovkakh nachala XX veka [The image of Salome and its implementation in ballet performances of the early twentieth century]. *Vestnik akademii russkogo baleta A.Ya. Vaganova*. 4 (63). pp. 78–93.
28. Polyakov, M.Ya. (1976) Russkiy teatr v krivom zerkale parodii [Russian theater in the distorting mirror of parody]. In: *Russkaya teatral’naya parodiya XIX – nachala XX veka* [Russian theatrical parody of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Iskusstvo.
29. Grigor’ev, Ap. (1864) Russkiy teatr v Peterburge [Russian theater in St. Petersburg]. *Epokha*. 6. pp. 244–256.
30. Denisova, E.A. & Loshchilov, I.E. (2018) Mifologicheskiy syuzhet o golubom tsvetke v sbornike stikhotvoreniy Tefi “Sem’ ogney” [Mythological story about a blue flower in Tefi’s collection of poems “Seven Lights”]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2. pp. 118–126.

Информация об авторе:

Кузнецова Е.В. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: katkuzl@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6045-2162

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: katkuz1@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6045-2162

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.03.2023;
одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 16.03.2023;
approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 82-94:281.93(571.5)
doi: 10.17223/15617793/494/4

Образ Сибири в документальной прозе Иакова (И.П. Домского), епископа Якутского и Вилюйского

Софья Владимировна Мельникова^{1, 2}

¹ Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека имени И.И. Молчанова-Сибирского,
Иркутск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
^{1, 2} memuaristika@yandex.ru

Аннотация. На материале сочинений епископа Иакова (Домского) поднимается вопрос об участии дореволюционного духовенства в интеллектуальном и художественном освоении Сибири. Делается вывод о создании Домским оригинального образа Сибири, опирающегося на анализ нравственности сибиряков как ценностного отношения к миру, переходящего в качественные характеристики сибирского культурного ландшафта, который описывается как отличный от российского и оценивается с позиций христианской аксиологии.

Ключевые слова: образ Сибири, имагология, сибирский текст, духовная словесность, епископ Иаков (Домский), культурно-нравственный ландшафт, семиотика пространства, путевые дневники

Для цитирования: Мельникова С.В. Образ Сибири в документальной прозе Иакова (И.П. Домского), епископа Якутского и Вилюйского // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 35–43. doi: 10.17223/15617793/494/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/4

The image of Siberia in the documentary prose of Iakov (Ieronim Domskey), bishop of Yakutsk and Vilyuysk

Sofya V. Melnikova^{1, 2}

¹ Irkutsk Regional State Universal Scientific Library named after I.I. Molchanov-Sibirsky, Irkutsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
^{1, 2} memuaristika@yandex.ru

Abstract. The relevance and novelty of the article is determined by the new aspects of the image of Siberia, which are revealed when turning to the documentary prose of the Siberian Orthodox clergy of the 19th century. These works are currently little demanded by Russian literary science. The material of the analysis is the writings of Iakov (Ieronim Domskey, 1823–1889), bishop of Yakutsk and Vilyuysk, which form the “Siberian cycle”: the essay “Siberia and Perm”, *A Journey along the Lena*, and *Travel Notes*. In the Russian national consciousness, Siberia traditionally has the status of a space different from that of central Russia; therefore, when analyzing its image, an imagological approach is used. The specificity of Domskey’s creative method is determined by the fact that, when building the image of Siberia, he proceeds from the analysis of the morality of Siberians as a value-based attitude to the world, turning into the qualitative characteristics of the cultural landscape they create. The author of the article defines it as a cultural and moral landscape. Domskey describes different moral types of Siberians, evaluating them according to the degree and forms of transformation of traditional Christian values in Siberian conditions. The problem is given a historical and geographical dimension: moral degradation increases with distance from the center of Siberia; the “red dots” on the map of the moral landscape are the frontier, or frontier regions and cities, as well as gold mines and penal servitude – the “moral cemetery”. The world of the Siberian indigenous peoples is regarded as a pre-moral state. It is these peoples who are the image of the true “other”. The heterogeneous cultural and moral landscape of Siberia that combines sacred, frontier and infernal zones creates difficulties in its intellectual and spiritual exploration, including the attempt to build a personal life program in it. Domskey’s relationship with Siberia is dramatic, which follows not only from his own texts, but is also confirmed by the memoirs of his contemporaries. Topics of Domskey’s documentary prose coincides with the general themes of Siberian journalism of the turn of the 20th century, raised in works of N.M. Yadrintsev, G.N. Potanin, G.I. Uspensky, V.G. Korolenko, and others. However, the bishop adheres to imperial views on the historical perspective of Siberia’s development, which he sees as the leveling of differences and its complete merger with Russia. Thus, the author’s main intention – both in literature and life – is aimed at destroying the image of the Siberian “other” that he created. The peculiarity of Bishop Iakov’s “Siberian cycle” as a work of spiritual literature is determined by the presence in it of the discursive strategy of Christian preaching, which subordinates all other types of discourse – scientific,

memoir-autobiographical, journalistic. Thus, the Siberian text is brought to an axiological level of reality's generalisation.

Keywords: image of Siberia, imagology, Siberian text, spiritual literature, Bishop Iakov (Domskey), cultural and moral landscape, semiotics of space, travel diaries

For citation: Melnikova, S.V. (2023) The image of Siberia in the documentary prose of Iakov (Ieronim Domskey), bishop of Yakutsk and Vilyuysk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 35–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/4

Сибирь в русском национальном сознании всегда имела статус иного, отличного от центральной России пространства, что характерно для взгляда как извне, так и изнутри, т.е. самих сибиряков. Именно на этом основан миф о Сибири и его отражение в текстах культуры: в качестве литературного примера можно вспомнить описание «Сибирской Руси» у И.А. Гончарова, построенное на выявлении черт ее экзотичности, инородности¹. Данный статус может служить основанием для применения к образу Сибири принципов имагологического анализа, традиционно ориентированного на изучение образов других стран. Оппозиция русского и сибирского сохраняется до сих пор, что обуславливает актуальность введения в научный оборот новых примеров ее исторического и литературного выражения. Подобные примеры в изобилии дают сочинения дореволюционного православного духовенства, на настоящий момент еще слабо востребованные отечественной литературоведческой наукой.

Сибирское духовенство изначально имело пришлый характер², и чужое пространство требовало активного интеллектуального и духовного освоения. Процесс этот начался в XVII в. и нашел отражение в сибирских летописях, создание большинства из которых связано с литературной деятельностью Тобольского архиепископа дома. Сибирь в летописях – это языческая территория, провиденциально осваиваемая христианским миром; образ «другого» – коренные народы, представляемые в виде нечестивых язычников и варваров, которым противостоят казаки Ермака как христовы воины.

По мере развития сибирской духовной словесности и появления в ней авторизованных текстов, в том числе мемуарных – автобиографий, воспоминаний, путевых дневников и записок, усложняется и создаваемый в ней образ Сибири. В качестве примеров текстов XIX в., отразивших индивидуальный опыт освоения чужого пространства, можно привести травелог «От Вятки до Иркутска» епископа Нила (Исаковича) [2. С. 2–65], назначенного в 1838 г. на иркутскую кафедру, или автобиографические записки присланного по его запросу в Иркутск в 1840 г. выпускника Рязанской семинарии Дмитрия Хитрова, будущего первого якутского епископа Дионисия [3]. Оба автора раскрывают как мировоззренческий, так и психологический аспекты своего отношения к Сибири – от первого знакомства с ней до осознания собственной биографии как сибирской по преимуществу.

Мемуары и другие тексты духовенства обладают большой имагологической значимостью. Написанные людьми, как правило, образованными, склонными к наблюдению, в том числе к саморефлексии, а также ориентированными на определенную, христианскую в

своей основе картину мира, они демонстрируют особый, во многом отличный от светского, подход к пониманию и изображению сибирского хронотопа. Ярким подтверждением данного тезиса могут служить сочинения епископа Иакова (Иеронима Петровича Домского, 1823–1889 гг.), отражающие многогранный образ Сибири – научно обоснованный и мемуарно достоверный, но в то же время пропущенный сквозь призму универсальной христианской аксиологии. Анализ сочинений Домского с позиций имагологической проблематики и составит основное содержание настоящей статьи.

Преосвященный Иаков был уроженцем Подольской губернии и выпускником Санкт-Петербургской духовной академии, но все его сорокалетнее духовное служение было связано с Сибирью и Дальним Востоком. По окончании академии в 1849 г. он был назначен преподавателем в Иркутскую семинарию; в 1858 г. переведен в Томскую семинарию, где в 1860 г. принял постриг; в 1861 г. вернулся в Иркутскую семинарию и в 1866–1868 гг., с перерывами, в сане архимандрита исполнял должность ректора; в 1870 г. был назначен ректором Якутской семинарии и соединенного с нею духовного училища, переведенных в Благовещенск; в 1878 г. стал ректором Пермской семинарии; в 1884 г. был хиротонисан в епископа Якутского и Вилюйского. Епархией управлял 5 лет, до своей кончины, похоронен в Якутске. Епископ Иаков являлся не только опытным педагогом и церковным администратором, но и серьезным ученым – магистром богословия (1872 г.), историком русского проповедничества [4, 5]. Однако исследования его жизни и творчества ограничены несколькими публикациями [6–8], и только недавно был поставлен вопрос о переиздании его трудов [9]. Образ же Сибири у епископа Иакова рассматривался исключительно автором настоящей статьи [10].

Хотя Иаков не был природным сибиряком, он провел в Сибири достаточно времени, чтобы избежать поверхностности в ее восприятии и оценках. Эта территория не была для владыки однородна, как для многих его современников, он осознавал ее границы, протяженность и разнообразие. Будучи человеком высокообразованным, он стремился к концептуализации своих наблюдений и философским обобщениям. Наконец, как представитель духовенства, пастырь и проповедник, преосвященный Иаков обладал особой остротой духовного зрения и, очевидно, был склонен смотреть на мир в его бытийном измерении. Все эти факторы и определяют глубину и масштабность созданного им образа.

Комплекс сибирских текстов Домского представлен обширным научно-публицистическим очерком

«Сибирь и Пермь» [11], опубликованным в 1880–1882 гг. в «Пермских епархиальных ведомостях», и двумя травелогами: «Путешествие по Лене» [12] и «Путевые записки» [13], опубликованными в 1887–1889 гг. в «Якутских епархиальных ведомостях». В рассуждениях о Сибири Домский стремится к созданию метаповествования о ее территории, что и дает основание при интерпретации объединять в цикл разные по своей жанрово-стилевой природе сочинения.

Впервые сибирская тема поднимается в очерке «Сибирь и Пермь». Автор предлагает оригинальный ракурс: он смотрит на удаленный край не из центра России, Москвы или Санкт-Петербурга, что было бы привычно, а из Перми, которую называет «ближайшей окраиной Сибири», «входом в Сибирь, приемной этой обширной страны». Но, несмотря на такое, казалось бы, подчиненное положение, Пермь представляется ему более развитой – и именно она должна сыграть основную «цивилизаторскую роль в отношении Сибири» [11. 1880. № 15. С. 159]. Сделать это, однако, будет непросто, так как цивилизовать придется не регион, подобный многим регионам России, той же Пермской губернии, а, по сути, целую «обширную страну», сопоставимую с другими странами: «В продолжение многолетней службы в Сибири, нам довелось изучить ее, изъездить всю от пределов Камчатки до Урала, побывать в соседних странах – Китае, Японии и Манчжурии. Знакомство с соседними странами <...> облегчило изучение Сибири и путем сравнения выяснило ее особенности географические и этнографические...» [11. 1880. № 15. С. 159]. Определение «страна» имеет в этом случае не только географический, подчеркивающий величину и значимость самого объекта, но и лингвистический смысл: в нем есть сема отстранения или взгляда со стороны, который и позволяет автору выстроить многогранный, но в то же время целостный образ Сибири.

«Сибирь – оригинальная страна в свете» [11. 1880. № 15. С. 160]. Эта оригинальность и составляет для преосвященного Иакова основной предмет описания. Он обнаруживает ее во всем: как в природных (географическое положение, климат), так и в социально-экономических (промышленность, торговля, просвещение, многонациональный состав населения) факторах, которые подробно описывает, вплоть до анализа статистических данных и сравнения различных экономических показателей. По своей структуре (рубрицированность) и содержанию (стремление к полноте охвата самых разных сторон общественной и экономической жизни) очерк «Сибирь и Пермь» близок годичным памятным книжкам, а также историко-статистическим описаниям – губерний, епархий, империи в целом [14]. С этими изданиями, получившими распространение в России к середине XIX в., преосвященный Иаков совпадает в стремлении к созданию целостного «портрета территории». Очевидно, что при написании своего текста он пользовался отраженными в них данными. Однако его статья «Сибирь и Пермь» отличается нарративностью и художественностью, сближающей ее уже не с научной, но с документальной литературой и публицистикой. Важно, что это сознательная авторская

установка: «Изображая географическое, промышленное и религиозное состояние Сибири, для уяснения ее нужд, не опустим из виду и поэтической стороны предмета, тех ощущений и впечатлений, какие возбуждает в душе величественная природа пустынной Сибири. Все эти предметы изложим кратко, в выразительных чертах, в форме рассказа и описания...» [11. 1880. № 15. С. 160].

Основными категориями имагологии, на которых строится образ «другого», являются миф, стереотип, имаготип, имаготема [15]. Иаков не только христианский проповедник, но и ученый, и потому его мышлению не свойствен мифологизм, также он далек и от однозначных и часто агрессивных стереотипных представлений. На наш взгляд, к его сочинениям наиболее применимо понятие имаготипа или имаготемы, с помощью которых «выявляется система образов и мнений, а также раскрывается то, как именно эти представления вплетены в ткань интеллектуальной, общественной и социокультурной жизни» [16. С. 118].

Целостность выстраиваемой Домским имаготемы Сибири обуславливается тем, что в ее основание положена, по сути, единственная категория – *категория нравственности*, которая становится общим знаменателем ко всем рассуждениям преосвященного. «О Сибири и ее нравах пишут много, пространно и большею частью односторонне. Нравственность Сибири вообще порицают, на основании частных настроений осуждают все население ее. Предмет этот по своей сложности требует обширного изучения <...> И хотя нельзя оправдать нравы Сибири, вследствие гнетущих условий жизни, но нельзя безусловно и порицать их. Тем более нельзя подвести все области обширной страны под одну нравственную мерку <...> Вообще нравственность Сибири, как и всякой страны, подчинена историческим условиям <...> На нее имеют влияние и географические особенности, и разнохарактерность населения, и скудная промышленность и торговля, соединенная с жертвами, и не богатое просвещение. Под влиянием неблагоприятных условий жизни нельзя требовать особенных доблестей и нравственного процветания Сибири. На первых ступенях ее гражданского развития необходимо довольствоваться малыми нравственными успехами и быть справедливыми в оценке их. Нравы возвышаются веками и добродетели зреют медленно» [11. 1880. № 34. С. 327–328].

Проблема нравственности волновала его не только в контексте сибирской тематики, но и в связи с историей русского проповедничества, составлявшей область его научных интересов, а также в связи с практикой пастырской деятельности³. Нравственность понимается Домским как ценностное отношение человека к миру, переходящее в качественные характеристики создаваемой им среды. Именно поэтому она может быть важнейшей глубинной составляющей образа не только человека как своего носителя, но и территории его проживания, в конечном счете определяющей ее уникальность. Таким образом, Домский работает с концептом, который в современной науке определяется как *культурный ландшафт*⁴. Данный концепт как сложную се-

миотическую модель, описывающую систему взаимоотношений человека со средой, отличает универсальность, допускающая сведение на одном проблемном поле вопросов географии, истории, культурологии, филологии, философии. Говоря о сочинениях епископа Иакова, к определению «культурный» мы предлагаем добавить приставку «нравственный» как исключительно для них значимую.

Домский исследует разные нравственные типы сибиряков. Особенно его интересует тип *русских поселенцев*, в отношении которого он поднимает проблему трансформации в сибирских условиях христианского религиозного мировоззрения. При этом он разграничивает внешнюю и внутреннюю нравственность – как обрядовую религиозность, с одной стороны, и ценности, нормы поведения, жизненные цели – с другой: «Рассматриваемая с внешней стороны нравственность Сибири представляет много утешительного. Сибиряки преданы уставам церкви и соблюдают обрядовые постановления <...> Обрядовым благочестием особенно отличается среднее и низшее сословие Сибири. Видимым проявлением этого благочестия служит великолепие храмов, утварь часовен и домашних иконостасов. Таким же знаком служит праздничное поведение жителей...» [11. 1880. № 34. С. 328]. Обрядовая религиозность является генетическим наследием, она обусловлена исторической и родовой памятью, вынесенной переселенцами из мест их прошлого проживания в центральной России.

А вот истинная, или «внутренняя» нравственность сформирована уже преимущественно условиями Сибири, и именно она «...представляет много недостатков и слабостей <...> Внешнее благочестие усваивается механически, почти бессознательно. Внутренне – сознательно, требует борьбы и самообладания. Там навыки, здесь подвиг. На подвиги охотников мало. К тому же суровая обстановка жизни, личные выгоды и страсти ослабляют нравственное чувство <...> Главный недостаток сибиряков – корыстолюбие, склонность к легкой наживе. Отсюда вытекают другие страсти – криводушие в исполнении обязанностей, нарушение чужих прав и вообще недостаток правоты, сознания долга...» [11. 1880. № 34. С. 328–329].

Глубина нравственной деградации, по мнениюладыки, увеличивается по мере продвижения из центра Сибири: «Чем дальше от суда и закона, тем сильнее власть порока, страсти необузданные, преступлений больше, произвол заступает место права...» [11. 1880. № 34. С. 329]. Таким образом, *проблема нравственности получает и географическое измерение* – как фактор изменения и протяженности.

Сибирь – зона переселения и освоения, или *зона фронта*. И для епископа Иакова фронтальные, или пограничные, области и города – одни из проблемных, «красных» точек сибирского культурно-нравственного ландшафта. «Амурский край в особенности терпит лишения от злоупотреблений чиновников и стремления рабочих сил на прииски... В отдаленном Николаевске... идут в продажу разные жидкости под видом вина, испаряются тысячи пудов соли и т.п.» [11. 1880. № 34. С. 330]; «...в сем городе [Благовещенске], полном иноверцев, где, что улица, то вера, что переулочек, то раскол, что дом, то

секта и предрассудок» [11. 1880. № 30. С. 298]. В приморских городах возникает пестрая религиозная и культурная среда, воспринимаемая автором как потенциально опасная.

Близким к такого рода маргинальному и переходному пространству являются *золотые прииски*. В самом золоте, как части природы, и в умеренном его потреблении с целью «украшения жизни» автор не видит никакой угрозы. Более того, «Предусмотрительная природа... изредка сулит золотые горы счастливицам. Тогда она делает золото рычагом общественных предприятий, великих дел и знает своих избранников. Избранных у нее мало...» [11. 1880. № 19. С. 199]. Золото может стать залогом развития промышленности и торговли. «Промышленность – первый шаг к образованию. Вывода человека из дикого состояния, она приучает его к оседлости, удобствам жизни, развивает <...> память и смысл. Торговля расширяет смысл и сообразительность, знакомит с чужими нравам и роскошью и окончательно пролагает путь к образованию» [11. 1880. № 30. С. 296].

Но это, скорее, идеальная модель. А пока на карте Сибири прииски появляются не как центры развития, но как нравственные опухоли: «В настоящее время золотые прииски приносят стране ущерб, обогащая частных лиц <...> Где они ни появятся, производят дороговизну, повышение цен на все потребности жизни... приманивают на прииски тысячи рабочих людей, отрывая их от земледелия <...> В зимнее время этот бездомный люд, опутанный долгам и во всем нуждающийся, расходится по городам и селениям, неся с собою нравственную порчу» [11. 1880. № 19. С. 198]. Прииски представляют собой временную социальную общность случайно собравшихся вместе и оторванных от почвы людей, формирующую особую зону бифуркации, или неустойчивого развития и исторической неопределенности.

Но подлинное нравственное дно – это каторга и ссылка: именно они делают Сибирь «нравственным кладбищем»: «...я нахожусь в стране злобных поселенцев, и ссыльнопоселенцев, сосланных неоднократно; стало быть, в области страстей свирепых и необузданных <...> приходится иметь столкновения с пороком, искусно замаскированным, с преступниками, упорными во зле, изворотливыми в самозащите, в отражении суда и преследователя» [11. 1880. № 16. С. 174]. «Образование и знание законов расходуются на обманы и сутяжничество! Остроумие и дар слова – на пасквильные стихотворения и ядовитые сатиры! Живопись и живопись – на бесстыдные карикатуры и поддельвание – ассигнаций!.. Пусть из этих уроков научатся пренебрегающие правилами религии, что всегдешнее нарушение их весьма опасно. Обращаясь в привычку, оно ведет к оскудению нравственных чувств и отуплению самого острого и восприимчивого разума...» [12. 1887. № 17. С. 263–264]. Ссыльнокаторжное «нравственное кладбище» имеет и пространственную локализацию: «Центр пороков и преступников, откуда разливается зло по Сибири, – это Дуэ, на о. Сахалине. Здесь собираются гении зла и артистов всех художеств со всей Империи» [11. 1880. № 36. С. 345].

Однако у этой нравственной деградации есть свои отчасти извиняющие причины: «...оторванный от общества и семьи, лишенный прав и чести, брошенный на жертву нищете, он [ссылнокасторжный] не имеет побуждений исправиться. В борьбе за существование еще больше ожесточается, идет наперекор общественным законам и требованиям совести» [11. 1880. № 36. С. 343]. Возникает мысль об оторванности от почвы, в которой, как и в понимании того, что, лишая человеческого достоинства, каторга не исправляет, епископ Иаков солидарен с гуманистическими идеями Ф.М. Достоевского.

Нравственное падение русских и других представителей цивилизованных народов связано с нарушением или искажением заранее установленных и когда-то усвоенных образцов христианской нравственности, а значит, они «другие» только отчасти. *Образ же подлинного «другого» формируют представители коренных народов Сибири, или инородцы.* Им присуща не просто нравственная деградация, они находятся в качестве ином, диком, по сути, *до-нравственном* состоянии.

В очерке «Сибирь и Пермь» преосвященный Иаков формулирует свое общее мнение о сибирских инородцах – обобщенное и весьма нелюбимое: «Нет спора, что азиатские племена погружены в невежество, суеверие, неразлучные с ними пороки и нищету. Обстановка их жизни жалкая, полная лишений и нужд <...> Они малодушны, недеятельны, преданы низким порокам и страстям, и на лице своем носят отпечаток физической слабости и духовной нищеты. Лица их, с выдающимися скулами и низким лбом, свидетельствуют о давнем вырождении племенной породы <...> Понимая выгоды цивилизации по-своему, они предпочитают всему на свете свободу, независимость от законов, обязательств и неразлучных с ними трудов» [11. 1880. № 46. С. 464].

В «Путешествии по Лене» и в «Путевых записках» Домский рисует еще более мрачными красками «мир якутов», подкрепляя его личными впечатлениями и воспоминаниями. Отправляясь в миссионерскую поездку к якутам, владыка пишет: «Со всеми этими благами [цивилизации, которые можно было наблюдать еще в Якутске] пришлось проститься надолго и подчиниться законам нового мира, чуждого цивилизации, беспощадно обрекающего на тяжкие труды и лишения. Это мир якутов, чистой породы, без примеси иных национальностей <...> это область беспомощного племени, обреченного законами истории и природы на рабство, бездействие, нищету и вымирание» [13. 1889. № 3. С. 37–38]. Он детально рассматривает этот мир, буквально препарируя его, выделяя в качестве отдельных тем своих путевых записок «Суеверие и нравственную косность якутов», «Предрассудки, развращающие нравственность», «Предрассудки, наносящие ущерб хозяйству».

Сейчас подобные характеристики, особенно основанные на представлениях, в том числе о физиологической неполноценности этносов, являются абсолютно недопустимыми. Единственный возможный взгляд на

них – объективно-исторический, как на документ эпохи, к которой принадлежал епископ Иаков и для которой определение «дикарь» в отношении инородцев не резало слух даже в официальных документах. Философским тому обоснованием являлась просветительская теория линейного развития прогресса, оказавшая большое влияние на формирование патерналистской политики [22]. В соответствии с ней «дикари» находились на низшей его стадии и не обладали правом на собственный, отличный от «цивилизованного», путь исторического развития. Было сформировано устойчивое представление о неизбежном вымирании инородцев как единственной исторической для них перспективы в отсутствии опеки со стороны русских⁵. В антропологическом аспекте данная позиция сводилась к вопросу об интеллектуальной состоятельности целых народов и их восприимчивости к духовному развитию и усвоению высших религиозных и нравственных целей. Решался он, по сути, отрицательно. И у епископа Иакова мы видим одну из наиболее радикальных форм подобного отрицания.

Но следует признать, что в той или иной степени сходные взгляды выражали многие православные миссионеры. О донравственном состоянии коренных этносов, причем не только сибирских, говорил, например, в своих «Путевых записках» иркутский архиепископ Нил (Н.Ф. Исакович), управлявший епархией с 1838 по 1853 г.: «Народ, лишенный всякого понятия о достоинстве человеческой природы, движимый лишь скотскими побуждениями, способен ли к приятию высоких истин христианского вероучения? Если же неспособен, то, конечно, прежде приведения и для приведения невежествующих к христианскому благочестию и верованию надлежало бы попечиться об озарении ума их наукою» [2. С. 30]. Так отзывается он о коренном населении Вятки, «вотяхах». Не менее критичен Нил и в отношении киргизов: «Смотря на киргизское племя, не раз спрашивал я себя: как могли пройти для народа сего тысячелетия, не подвинув его ни на шаг вперед на пути образования и цивилизаций? Как мог он остаться при той простоте нравов и всего семейного быта, какая только была в гомеровские времена, или вернее во времена Иовила, родоначальника и отца живущих ей селениях скотопитателей? Ответы на подобные вопросы заключаются в книге судеб Вышнего, запечатленной семью печатями» [2. С. 44]. Для Исаковича, как и для Домского, это дикие племена, он отмечает их интеллектуальную, нравственную и культурную косность и незрелость, они для него не являются современниками в истории.

Понимаемый так образ «другого» естественно делает чужим, пугающим, неудобным, а по сути, inferнальным и образ самого пространства, в котором этот «другой» обитает, – образ Сибири. Не случайно, описывая еще первое впечатление о Сибири, епископ Иаков отмечает, что «проезжающего из центральной России в Сибирь одолевает чувство сиротства и одиночества. Места пустынные, встречи с людьми неожиданные. Села и города редки и представляются взору сразу, как говорится, без предисловий, без загородных домов и построек...» [12. 1887. № 12. С.189].

Очевидно, что Сибирь нуждается в коренных преобразованиях. Нравственный идеал для владыки Иакова неотделим от Православия. Но современные ему народы Сибири еще не готовы к принятию всей полноты Откровения, и потому его проповеди должно предшествовать просвещение: «Цивилизация предшествует религии и служит <...> подготовкой к ее учению и возвышению нрава. Такова программа истории и совершенствования человека...» [11. 1880. № 52. С. 560]. При этом «не столько <...> выгоды цивилизации смягчают нравы дикарей, сколько идеал счастья, внушаемый цивилизацией и ее произведениями» [11. 1880. № 48. С. 495].

Проводниками цивилизации являлись, по мнению епископа, русские жители Сибири, прежде всего, отдельные, пассионарные личности, такие как митрополит Иннокентий (И.Е. Вениаминов), историк и писатель П.А. Словцов, издатель П.И. Макушин. Особую роль играли сибирские святые – Иннокентий Иркутский Чудотворец, Даниил Ачинский: они не только исправляли нравы, но буквально освящали собой пространство. Следовательно, в культурно-нравственном ландшафте Сибири, выстраиваемом епископом Иаковом, имели место не только inferнальные и фронтальные, но и сакральные зоны.

И сам Домский стремился быть таким цивилизатором и просветителем: за период его пятилетнего управления епархией были открыты Якутская духовная семинария, епархиальное женское училище, первая публичная библиотека, учреждены «Якутские епархиальные ведомости». Однако все эти усилия не получили должного признания. Не только епископ Иаков не мог принять Сибирь, но и она, судя по откликам, не принимала его полностью: «Почему такая светлая личность, как преосвященный Иаков, бесспорно стоящий целою головою выше своих современников и не в Якутске только, сделавший очень много для просвещения Якутской епархии и области, и имеющий неоспоримое право на внимание к нему потомства, не был достаточно ценен этими современниками? Даже напротив, сколько нам известно, постоянным уделом этого, пробудившего вековую спячку, преосвященного деятеля было злоречие и глухое или явное противоборство» [23. С. 4], – писал протоиерей Ф.А. Стуков⁶, видевший единственную причину негативного отношения к епископу Иакову в косности самого якутского общества, не готового к принятию личностей подобного масштаба. Это непонимание было уделом и многих других православных миссионеров, чьи идеальные представления о должном развитии Сибири часто вступали в конфликт с действительностью.

В перенесенных на страницы путевых записок размышлениях о природе и цивилизации, о соотношении «своего» и «чужого», о целесообразности и этичности ссылки и каторги, о судьбе русских переселенцев и коренных народов, о экономике и геополитике епископ Иаков совпадает с общими темами сибирской публицистики рубежа XIX–XX вв. Аналогичные вопросы поднимаются в статьях Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, очерках Г.И. Успенского, В.Г. Короленко и др.

Присущий сочинениям Домского жанрово-стилевой синкретизм – сочетание научного, мемуарно-автобиографического и публицистического типов дискурса с явным преобладанием последнего – также сближает их с основными тенденциями современного ему литературного процесса: к концу XIX в. основной формой травелога становится именно публицистический очерк.

Выявляя различные негативные явления в жизни Сибири, церковный иерарх, однако, критикует их не с либерально-демократических, но с имперских, антисепаратистских позиций. Историческую перспективу развития Сибири владыка Иаков видит в нивелировании отличий, в полном ее *слиянии с Россией*. При ряде эффективных мер в области экономики и просвещения эта перспектива может быть не такой отдаленной: «И теперь уже говорят: “пространство Сибири не существует!”» [11. 1880. № 19. С. 197]. В этом убеждении он полностью совпадает с И.А. Гончаровым и с его известным замечанием о Сибири, высказанном во «Фрегате “Паллада”»: «Много и русского и нерусского, что со временем будет тоже русское» [1. С. 563]. Таким образом, основная авторская интенция у Домского – и литературная, и жизненная – *направлена на разрушение созданного им образа сибирского «другого»*.

Но подлинный смысл «сибирского цикла» епископа Иакова выходит за пределы публицистического обобщения и определяется спецификой и задачами духовной словесности. Более важным, чем точное описание явлений и связей в реальной действительности, представляется обнаружение в них духовных параллелей и знаков, соотносимых с универсальными категориями христианской аксиологии. Одним из поэтических средств выражения этого посыла становится вводимая в текст внутренняя символика: «Вода – подвижная стихия и непостоянная. Своею подвижностью она изображает непостоянство жизни. Широкими видами в розовом цвете и спокойствием она отображает привлекательные стороны жизни, с ее надеждами и обольщениями, а бурей и грозой во тьме – ее опасности и тревоги, и дает урок не забываться в счастье...» [12. 1888. № 8. С. 124–125].

Извлечение нравственных уроков из наблюдений над действительностью – «изображая в описательной форме нравы местного населения и картины пустынной реки, геологическим строем напоминающей об усовершенности природы, это сочинение послужит занимательным уроком, серьезно напоминающим о необходимости улучшения жизни, грамоты и выхода из юрты...» [12. 1888. № 19. С. 300.] – соотносится с дискурсивной стратегией *проповеди*. Именно проповедь, на наш взгляд, является наиболее точным метажанровым определением для всего цикла: ее дискурсивная стратегия подчиняет себе все остальные типы дискурса – научный, мемуарно-автобиографический, публицистический, в результате чего сама *нравственность из предмета описания переходит во внутреннюю меру художественного целого*.

Значение трудов преосвященного Иакова для сибирской историографии и литературы заключается,

очевидно, в уникальности созданного в них образа Сибири как культурно-нравственного ландшафта – неоднородного и изменчивого, со своими фронтальными линиями, инфернальными областями, точками бифуркации, которые могут стать либо нравственными ямами, либо дать импульс к его развитию. Это представление дает новый инструментарий в обсуждении проблем колонизации Сибири и взаимодействия разных этносов и культур в ее пространстве, описанные же епископом

нравственные типы сибиряков могут рассматриваться как новый подход к изображению сибирского характера – и этот факт имеет не только историческое, но и литературное значение. В целом же специфика сочинений Иакова определяется ценностным отношением к миру и способностью видеть в наличной действительности скрытые бытийные смыслы. Таким образом, созданный духовным писателем образ Сибири существенно обогащает онтологию и аксиологию сибирского текста.

Примечания

¹ «Где это видано на Руси, чтоб не было ни одного садика и палисадника... А этот узкоглазый, плосконосый народ разве русский? <...> Нужды нет, что якуты населяют город, а всё же мне стало отрадно, когда я въехал в кучу почерневших от времени, одноэтажных, деревянных домов: все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь!» [1. С. 562–563].

² Первые Тобольские митрополиты назначались из числа настоятелей русских, главным образом, северных монастырей (новгородских, Соловецкого), в Петровскую эпоху их заменили представители южно-русского духовенства, воспитанники Киевской духовной академии. Из 17 иркутских архиереев, правящих епархией от момента ее основания в 1727 г. до 1918 г., уроженцем Сибири был только один – архиепископ Михаил (Бурдуков); из южных и центральных областей России назначались в Сибирь и рядовые священники и миссионеры.

³ В «Историческом очерке русского проповедничества» подробно рассматривался нравственно-аскетический аспект русской проповеди; отдельная глава была посвящена обличению нравственных недостатков народа, с особым выделением нравственности сибиряков. В другом своем труде – учебнике по пастырскому богословию архимандрит Иаков писал: «Поднятие нравственного и умственного уровня народа – вот та громадная задача, в решении которой наше духовенство... должно принять самое деятельное участие. А для того чтобы с успехом действовать на этом поприще <...>, нашим пастырям необходимо проникнуться своим призванием» [17. С. 1–3].

⁴ О понятии культурного ландшафта, его семантике и способах применения в анализе литературных произведений см.: [18–21].

⁵ Данной позиции в 1860–1880 гг. активно противостояли областники, и прежде всего Н. М. Ядринцев, автор знаменитой книги «Сибирь как колония». Они критиковали однолинейность европейского европоцентризма и предлагали увидеть в культуре кочевников не низший, но иной вариант цивилизации, постепенно развивающийся и совершенствующийся в пределах одной, наиболее соответствующей условиям их обитания среде.

⁶ Ф.А. Стуков оказался в Якутске в 1893 г., уже после смерти преосвященного, однако очень интересовался его личностью и судьбой, очевидно, видя в них сходство с собственными. Стуков был направлен в Якутскую духовную семинарию (ректором которой он вскоре стал) из Казанской духовной академии, где служил преподавателем и защитил магистерскую диссертацию. Помимо ректорства Стуков являлся редактором основанных Иаковом «Якутских епархиальных ведомостей», автором мемуарных и публицистических сочинений о Сибири.

Список источников

1. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. Иркутск : Восточно-Сиб. кн. изд-во, 1982. 640 с.
2. Нил (Исакович Н.Ф.), архиеп. Путевые записки. Ярославль : Тип. губ. земской управы, 1874 : в 2 ч. 495 с.
3. Дионисий (Хитров Д.В.), еп. Автобиографические записки Дионисия, епископа Уфимского и Мензелинского // Уфимские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1900. № 4. С. 95–105, № 5. С. 140–149, № 6. С. 176–183, № 7. С. 218–226.
4. Иаков (Домский И.П.), архим. Русское проповедничество, исторический его обзор и взгляд на современное его направление. СПб. : Тип. журн. «Странник», 1871. 444 с.
5. Иаков (Домский И.П.), архим. Исторический очерк русского проповедничества. СПб. : Тип. Ф.Г. Елеонского и К°, 1878. Т. 1. 800 с.
6. Зосима (Давыдов), еп. Иаков (Домский Иероним Петрович) // Православная энциклопедия. М. : Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2000. Т. 20. С. 508–510.
7. Аксенова Г.В. Кирилло-Мефодиевская просветительская традиция и ее оценка в трудах епископа Иакова (Домского) // Пути и задачи духовного возрождения России : сб. науч. трудов. М. : РУДН, 2014. С. 8–24.
8. Аксенова Г.В., Роман (Сокольников Е.В.), иером. Жизненный путь и особенности служения преосвященного епископа Якутского и Вилюйского Иакова (Домского) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17, № 2. С. 408–439. doi: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-408-439
9. Захарова Т.В. Наследие преосвященного Иакова (Домского, ум. 1889), епископа Якутского и Вилюйского: подготовка текстов к публикации // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2019. № 6. С. 173–177.
10. Мельникова С.В. Сибирь как объект научного, философского и художественного осмысления в сочинениях архиепископа Иркутского Нила (Н.Ф. Исаковича, 1779–1874) и епископа Якутского Иакова (И.П. Домского, 1823–1889) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 184–200.
11. Иаков (Домский И.П.), еп. Сибирь и Пермь // Пермские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1880. № 15. С. 159–161, № 16. С. 173–177, № 19. С. 195–199, № 24. С. 248–251, № 25. С. 255–260, № 26. С. 266–267, № 30. С. 296–299, № 31. С. 305–307, № 34. С. 327–331, № 35. С. 335–338, № 36. С. 343–347, № 46. С. 463–465, № 48. С. 495–498, № 52. С. 560–566; 1881. № 6. С. 61–68, № 7. С. 77–81, № 23. С. 262–264, № 24. С. 265–274, № 34. С. 367–371, № 35. С. 375–381, № 36. С. 391–398, № 52. С. 617–622; 1882. № 1. С. 6–10, № 2. С. 20–23, № 3. С. 25–29, № 21. С. 235–241.
12. Иаков (Домский И. П.), еп. Путешествие по Лене // Якутские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1887. № 12. С. 187–192, № 13. С. 199–205, № 14. С. 219–223, № 15. С. 236–239, № 16. С. 249–252, № 17. С. 263–266; 1888. № 1. С. 7–8, № 2. С. 25–28, № 4. С. 53–58, № 5. С. 69–76, № 6. С. 87–95, № 7. С. 103–106, № 8. С. 123–128, № 10. С. 153–157, № 11. С. 169–172, № 14. С. 218–224, № 18. С. 283–288, № 19. С. 295–304.
13. Иаков (Домский И. П.), еп. Путевые записки // Якутские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1888. № 19. С. 301–304, № 20. С. 30–313, № 21. С. 326–336, № 22. С. 340–345; 1889. № 1. С. 3–9, № 2. С. 22–26, № 3. С. 37–43, № 4. С. 50–54, № 5. С. 68–75, № 7. С. 98–105, № 8. С. 114–126, № 10. С. 151–155, № 11. С. 167–172, № 12. С. 181–190.

14. Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах : в 2 т. СПб. : Русская скоропечатня (П.С. Нихимова), 1875–1876.
15. Лапина Л.А. Историческая имагология: проблема методов и категорий // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 4 (85). С. 28–32.
16. Козлова А.А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. № 3. 2015. С. 114–118.
17. Иаков (Домский И.П.), архим. Пастырь в отношении к себе и пастве. СПб. : Тип. Н.А. Лебедева, 1880. 140 с.
18. Замятин Д. Н. Ландшафт и бытие // Гуманитарная география : научный и культурно-просветительский альманах. М. : [б.и.], 2007. Вып. 4. С. 362–380.
19. Лавренова О.А. Семантика культурного ландшафта : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 371 с.
20. Калинина Г.Н., Тикунова С.В. Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 17 (238), вып. 37. С. 105–110.
21. Александрова-Осокина О.Н. Культурный ландшафт русской провинции в путевом очерке первой половины XIX в. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 2, № 2. С. 1–9. doi: 10.51965/2076-7919_2021_2_2_5
22. Самрина Е.В. Эпоха просвещения и сибирские инородцы: истоки политики патернализма // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 4 (12). С. 66–70.
23. Стуков А.Ф. Воспоминание о преосвященном Иакове, епископе Якутском и Вилюйском. Иркутск : Тип. обл. правления, 1900. 36 с.

References

1. Goncharov, I.A. (1982) *Fregat "Pallada". Ocherki puteshestviya v dvukh tomakh* [Frigate "Pallada". Travel essays in two volumes]. Irkutsk: Vostochno-Sib. kn. izd-vo.
2. Nil (Isakovich N.F.), archbishop. (1874) *Putevye zapiski* [Travel notes]. In 2 parts. Yaroslavl: Tip. gub. zemskoy upravly.
3. Dionisiy (Khitrov, D.V.), bishop. (1900) *Avtobiograficheskie zapiski Dionisiya, episkopa Ufimskogo i Menzelinskogo* [Autobiographical notes of Dionisiy, bishop of Ufa and Menzelinsky]. *Ufimskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 4. pp. 95–105; 5. pp. 140–149; 6. pp. 176–183; 7. pp. 218–226.
4. Iakov (Domskiy, I.P.), archimandrite. (1871) *Russkoe propovednichestvo, istoricheskiy ego obzor i vzglyad na sovremennoe ego napravlenie* [Russian preaching, its historical review and a look at its modern direction]. Saint Petersburg: Tip. zhurn. "Strannik".
5. Iakov (Domskiy, I.P.), archimandrite. (1878) *Istoricheskiy ocherk russkogo propovednichestva* [Historical essay of Russian preaching]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. F.G. Eleonskogo i K^o.
6. Pravoslavnaya entsiklopediya. (2000) Zosima (Davydov), ep. Iakov (Domskiy Ieronim Petrovich) [Zosima (Davydov), bishop. Iakov (Ieronim Petrovich Domskiy)]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 20. Moscow: Tserkovno-nauch. tsentr "Pravoslavnaya entsikl.". pp. 508–510.
7. Aksenova, G.V. (2014) Kirillo-Mefodievskaya prosvetitel'skaya traditsiya i ee otsenka v trudakh episkopa Iakova (Domskogo) [Cyril and Methodius educational tradition and its assessment in the works of Bishop Iakov (Domskiy)]. In: *Puti i zadachi dukhovnogo vrozhdeniya Rossii* [Paths and tasks of the spiritual revival of Russia]. Moscow: RUDN. pp. 8–24.
8. Aksenova, G.V. & Roman (Sokol'nikov E.V.), hieromonk. (2018) Zhiznenny put' i osobennosti sluzheniya preosvyashchennogo episkopa Yakutskogo i Vilyuyskogo Iakova (Domskogo) [The life path and features of the ministry of Iakov (Domskiy), the right reverend bishop of Yakutsk and Vilyuisk]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 17 (2). pp. 408–439. (In Russian). doi: 10.22363/2312-8674-2018-17-2-408-439
9. Zakharova, T.V. (2019) Nasledie preosvyashchennogo Iakova (Domskogo, um. 1889), episkopa Yakutskogo i Vilyuyskogo: podgotovka tekstov k publikatsii [The legacy of the Right Reverend Iakov (Domskiy, d. 1889), bishop of Yakutsk and Vilyuisk: preparation of texts for publication]. *Sbornik trudov Yakutskoy dukhovnoy seminarii*. 6. pp. 173–177.
10. Mel'nikova, S.V. (2018) Siberia as an Object of Scientific, Philosophical and Artistic Comprehension in the Works of Nil (Nikolay Isakovich, 1779–1874), Archbishop of Irkutsk, and Iakov (Ieronim Domskiy, 1823–1889), Bishop of Yakutsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 52. pp. 184–200. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/52/1
11. Iakov (Domskiy I. P.), bishop. (1880–1881) Sibir' i Perm' [Siberia and Perm]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 15. pp. 159–161; 16. pp. 173–177; 19. pp. 195–199; 24. pp. 248–251; 25. pp. 255–260; 26. pp. 266–267; 30. pp. 296–299; 31. pp. 305–307; 34. pp. 327–331; 35. pp. 335–338; 36. pp. 343–347; 46. pp. 463–465; 48. pp. 495–498; 52. pp. 560–566; 6. pp. 61–68; 7. pp. 77–81; 23. pp. 262–264; 24. pp. 265–274; 34. pp. 367–371; 35. pp. 375–381; 36. pp. 391–398; 52. pp. 617–622; 1882. № 1. pp. 6–10; 2. pp. 20–23; 3. pp. 25–29; 21. pp. 235–241.
12. Iakov (Domskiy I. P.), bishop. (1887–1888) Puteshestvie po Lene [A Journey along the Lena]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 12. pp. 187–192; 13. pp. 199–205; 14. pp. 219–223; 15. pp. 236–239; 16. pp. 249–252; 17. pp. 263–266; 1. pp. 7–8; 2. pp. 25–28; 4. pp. 53–58; 5. pp. 69–76; 6. pp. 87–95; 7. pp. 103–106; 8. pp. 123–128; 10. pp. 153–157; 11. pp. 169–172; 14. pp. 218–224; 18. pp. 283–288; 19. pp. 295–304.
13. Iakov (Domskiy I. P.), bishop. (1888–1889) Putevye zapiski [Travel notes]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 19. pp. 301–304; 20. pp. 30–313; 21. pp. 326–336; 22. pp. 340–345; 1. pp. 3–9; 2. pp. 22–26; 3. pp. 37–43; 4. pp. 50–54; 5 pp. 68–75; 7. pp. 98–105; 8. pp. 114–126; 10. pp. 151–155; 11. pp. 167–172; 12. pp. 181–190.
14. Russkaya skoropechatnya. (1875–1876) *Sbornik istoriko-statisticheskikh svedeniy o Sibiri i sopredel'nykh ey stranakh: v 2 t.* [Collection of historical and statistical information about Siberia and its neighboring countries: in 2 volumes]. Saint Petersburg: Russkaya skoropechatnya (P.S. Nihimova).
15. Lapina, L.A. (2019) *Istoricheskaya imagologiya: problema metodov i kategoriy* [Historical imagology: the problem of methods and categories]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (85). pp. 28–32.
16. Kozlova, A.A. (2015) *Imagologicheskiy metod v issledovaniyakh literatury i kul'tury* [Imagological method in studies of literature and culture]. *Obseratoriya kul'tury*. 3. pp. 114–118.
17. Iakov (Domskiy, I.P.), archimandrite. (1880) *Pastyr' v otnoshenii k sebe i pasve* [The shepherd in relation to himself and his flock]. Saint Petersburg: Tip. N.A. Lebedeva.
18. Zamyatin, D.N. (2007) *Landshaft i bytie* [Landscape and being]. *Gumanitarnaya geografiya: nauchnyy i kul'turno-prosvetitel'skiy al'manakh*. 4. pp. 362–380.
19. Lavrenova, O.A. (2010) *Semantika kul'turnogo landshafta* [Semantics of cultural landscape]. Philology Dr. Diss. Moscow.
20. Kalinina, G.N. & Tikunova, S.V. (2016) Kontsept "kul'turnyy landshaft": filosofsko-kul'turologicheskaya eksplikatsiya [The concept "cultural landscape": philosophical and cultural explication]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 17 (238):37. pp. 105–110.
21. Aleksandrova-Osokina, O.N. (2021) The Cultural Landscape of the Russian Province in the Travel Essay First Half of the XIX Century. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2 (2). pp. 1–9. (In Russian). doi: 10.51965/2076-7919_2021_2_2_5
22. Samrina, E.V. (2015) Epokha prosveshcheniya i sibirskie inorodtsy: istoki politiki paternalizma [The Age of Enlightenment and Siberian foreigners: the origins of the policy of paternalism]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 4 (12). pp. 66–70.
23. Stukov, A.F. (1900) *Vospominanie o preosvyashchennom Iakove, episkope Yakutskom i Vilyuyskom* [Memories of the Right Reverend Iakov, Bishop of Yakutsk and Vilyuisk]. Irkutsk: Tip. obl. pravleniya.

Информация об авторе:

Мельникова С.В. – канд. филол. наук, главный научный сотрудник Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского (Иркутск, Россия); докторант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: memuaristika@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2106-5730

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Melnikova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Irkutsk Regional State Universal Scientific Library named after I.I. Molchanov-Sibirsky (Irkutsk, Russian Federation); postdoctoral student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: memuaristika@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2106-5730

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.07.2023;
одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 21.07.2023;
approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/494/5

Творчество А.А. Зиновьева в оценках российской литературной критики 1990-х гг.

Павел Евгеньевич Фокин^{1, 2}

¹ Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, Москва, Россия

² Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия
^{1, 2} pfokin@mail.ru

Аннотация. На материале газетных и журнальных рецензий, опубликованных в российской прессе в 1990-е гг., дается анализ рецепции литературного творчества А.А. Зиновьева в отечественной критике. Представлена история возвращения в литературную жизнь России произведений одного из наиболее ярких писателей русской эмиграции. Приводятся материалы из малотиражных региональных изданий и личного архива писателя.

Ключевые слова: А.А. Зиновьев, «Зияющие высоты», литература русской эмиграции, литературная критика

Источник финансирования: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Для цитирования: Фокин П.Е. Творчество А.А. Зиновьева в оценках российской литературной критики 1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 44–52. doi: 10.17223/15617793/494/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/5

Works of Alexander Zinoviev in the assessments of Russian literary criticism of the 1990s

Pavel E. Fokin^{1, 2}

¹ Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature, Moscow, Russian Federation

² Russian Christian Academy for the Humanities, Saint Petersburg, Russian Federation
^{1, 2} pfokin@mail.ru

Abstract. The article aims to restore in detail and analyze the history of the return to Russia's literary life in the 1990s of the works of Alexander Zinoviev, one of the most significant writers of Russian emigration. The work is based on the analysis of publications in the Russian press from 1990 to 1999. The capital and regional magazines and newspapers are investigated. All publications of Zinoviev's works were identified: out of 18 novels and novellas of the writer, only eight were published during the analyzed period. The main printed responses are presented. The analysis of critical articles is given in the context of the socio-political situation in the country and in the light of the ideological struggle. It is noted that the articles published in the Russian press generally give a high assessment of Zinoviev's works, describe the features of his artistic method, identify the essential elements of his poetics; the novel *Yawning Heights* is especially popular. Attention is drawn to the fact that the number of published reviews does not correspond to the scale and significance of Zinoviev's literary activities: the leading Russian critics of the 1990s did not show much interest in either his previous or new works. Editions of his books have single reviews: *Literaturnaya Gazeta* published one small article; the all-Russian socio-political newspapers *Kommersant* and *Rossiia* also published one piece each; several small notes were published in regional periodicals. In many ways, this attitude to Zinoviev's works is explained by his political views, in particular, his sharp rejection of the reforms carried out in Russia. Most critics held opposite positions, and their ignoring of Zinoviev's works was caused not by their low aesthetic level, but by the rejection of his views as a whole. As a result, one of the most prominent and relevant Russian writers was deliberately ousted from the literary process. The story of the Russian critics' boycott against Zinoviev represents a dramatic episode of the ideological struggle in Russia in the 1990s. The article gives a detailed analysis of the reviews of Zinoviev's works published in the 1990s and cites from them.

Keywords: Alexander Zinoviev, *Yawning Heights*, literature of Russian emigration, literary criticism

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>

For citation: Fokin, P.E. (2023) Works of Alexander Zinoviev in the assessments of Russian literary criticism of the 1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 44–52. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/5

7 августа 1978 г. на информационном небосклоне западной журналистики вспыхнула новая интеллектуальная суперзвезда. Накануне поздно вечером, в 22 часа 20 минут, в аэропорту Франкфурта-на-Майне приземлился самолет компании «Люфтганза», на борту которого в Западную Германию прибыл из Советского Союза автор «Зияющих высот», философ-логик Александр Зиновьев с семьей. В аэропорту их встречали десятки журналистов, сообщение об этом событии передали все ведущие информационные агентства Запада.

8 августа состоялась первая пресс-конференция Зиновьева. В течение нескольких дней европейские газеты публиковали на своих страницах отчеты о ней и репортажи о прибытии Зиновьева на Запад, интервью с писателем. Среди них такие издания, как берлинские «Die Welt», «Deutsche Zeitung», «Bild», мюнхенские «Sueddeutsche Zeitung» и «Münchener Merkur», кельнская «Kölnische Rundschau», франкфуртские «Frankfurter Rundschau» и «Frankfurter Allgemeine Zeitung», парижские «Le Monde», «Figaro», «Libération», цюрихские «Nuew Zürcher Zeitung», «Die Weltwoche», «Tages-Anzeiger», базельская «Basler Zeitung» и др. Соответствующие репортажи и информация прошли на радио и телевидении. С этого времени Александр Зиновьев становится не переменным ньюмейкером западной прессы.

В течение двадцати лет пребывания Зиновьева в эмиграции его личность, оценки, мировоззрение, книги будут находиться в постоянном поле внимания средств массовой информации. Не было ни одной недели, чтобы имя Зиновьева не появлялось на страницах западной периодики. Он – самый авторитетный эксперт по вопросам советской политики и социальной жизни. Газеты предоставляют ему целые полосы, журналы – десятки страниц. Его любят фотографы. Он – эффектная натура, с выразительной мимикой и жестиком. Публикации неизменно сопровождаются портретом Зиновьева, а часто двумя-тремя и более. Он узнаваем в лицо. Карикатуристы рисуют его шаржи. Уличные художники выставляют его портреты в качестве рекламы своего искусства.

На фоне абсолютной и исключительной известности Зиновьева на Западе в те же годы в Советском Союзе его имя остается известным разве что только группе инакомыслящих слушателей радиостанций «Свобода» и «Немецкая волна», да сотрудникам КГБ. Если высылка Солженицына в 1974 г. сопровождалась информационным скандалом, когда советские газеты одна за другой публиковали отклики трудящихся и интеллигенции на решение советского правительства о лишении Солженицына гражданства с показательными названиями «Предательство не прощается», «Предателю – по заслугам», «Отщепенцу – презрение народа» и т.п. [1. С. 113–114], то отъезд Зиновьева был прессой игнорирован. Обжегшись на «кантирекламе», Солженицына, которую они сами устроили, власти в случае с Зиновьевым избрали иную тактику. Когда его роман «Зияющие высоты» был в 1976 г. опубликован в Швейцарии, советская контрпропаганда сделала вид, что не заметила его, и хотя над самим Зиновьевым

была учинена форменная гражданская расправа с лишением его работы, ученых степеней, званий, воинских наград, ни один официальный печатный орган не обмолвился ни словом о происходящем.

Впервые на страницах советской печати «Зияющие высоты» (и лишь однажды!) упоминаются только в 1981 г. в фельетоне «Литературной газеты» «Пакостник из Нью-Йорка», осуждавшем американского издателя Роберта Бернстайна, который, как пишет автор фельетона А. Николаев, получил «скандальную известность», «выпустив на английском языке хулиганский пасквиль на Советский Союз – переводную книжонку под издевательским названием “Зияющие высоты”» [2. С. 14]. Об авторе «пасквиля» – ни слова. Его имя забетонировано наглухо. Более того, судя по итоговой «оценке», данной фельетонистом сочинению, можно подумать, что «книжонку» и вовсе написал какой-то американец: «Никогда еще прежде антисоветизм в США не извергал таких зловонных фонтанов» [2. С. 14].

Установленная по отношению к Зиновьеву политика умолчания соблюдалась в советской прессе последовательно и неукоснительно. В 1989 г. в «Московских новостях» ведущий научный сотрудник Института книги Сергей Шведов в статье «Многоликий читатель» констатировал: «Есть авторы, многим из нас почти неизвестные, интерес к которым велик, – Саша Соколов, Александр Зиновьев» [3. С. 11].

С середины 1980-х гг., со сменой идеологического курса в СССР, в советских литературных журналах стали появляться произведения авторов, чьи имена в течение десятилетий находились под запретом цензуры, о многих из них массовый читатель прежде и вовсе не слышал. Начался процесс «возвращения» в литературу ранее вычеркнутых из нее писателей и поэтов.

Волнами, наперебой журналы Москвы, Ленинграда, республиканских и региональных российских писательских организаций публиковали произведения представителей так называемого Серебряного века и первой волны русской эмиграции – Н. Гумилёва, В. Набокова, Е. Замятина, В. Ходасевича, Г. Иванова, М. Цветаевой, И. Бунина и др. Немного времени спустя их сменили представители «третьей волны» – В. Аксёнов, В. Войнович, Г. Владимов, В. Некрасов, А. Синявский (Абрам Терц), И. Бродский, С. Довлатов, Саша Соколов. Одновременно «из стола» были извлечены романы А. Платонова, В. Дудинцева, Б. Можая, А. Рыбакова, В. Гроссмана. Десятки имен, сотни произведений. Развернулась кампания с требованием напечатать книги опальных нобелиатов – «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына. И их наконец напечатали. Вспомнили и «вернули» всех. Кроме Александра Зиновьева.

Только в 1989 г. в февральском номере журнала «Иностранная литература» его имя впервые появляется на страницах перестроечной печати, да и то в форме краткой автобиографии перед ответами на анкету журнала, с которой редакция обратилась к русским писателям-эмигрантам, и в самом конце подборки, после ответов А. Синявского, Г. Владимова,

В. Войновича и Н. Коржавина. Отвечая на вопросы анкеты, Зиновьев дал емкую формулу своего места в русской литературе:

Сам я себя считаю национальным русским писателем. Пишу, имея в виду в качестве основного ценителя качеств литературного произведения советских читателей. Думаю, что, если бы в России напечатали мои книги, я в течение кратчайшего срока был бы принят как русский писатель в самом глубоком смысле слова. Но быть мне в русской литературе или нет, это зависит не от меня, а от возможности советских людей свободно читать мои книги [4. С. 250].

Первая публикация на родине состоялась лишь в 1990 г. – в октябре в издательстве «ПИК» двумя томами, в мягкой обложке, на дешевой бумаге, впрочем, все еще значительным «советским» тиражом в 250 тысяч вышел главный роман Зиновьева «Зияющие высоты». А спустя несколько месяцев, в трех первых книжках журнала «Октябрь» за 1991 г. (январь–март) появилась его сокращенная версия. Монументальная фреска советской эпохи, потрясая воображение западных критиков и читателей, в журнальной публикации уложилась на 142 страницах!

Похоже, что журнальные архивы и запасники к этому времени были уже почти опустошены, и редакторы вспомнили про Зиновьева. Тогда же, в январе 1991 г., журнал «Смена» напечатал роман «Иди на Голгофу». Ленинградский журнал «Звезда» в октябре публикует роман «Живи», а в ноябре на страницах «Нового журнала» (№ 6) была представлена подборка стихотворений из книги «Евангелие для Ивана». В целом 1991 г. можно было бы, хоть и с оговорками, все же назвать «годом Зиновьева». Кроме упомянутых журнальных публикаций будут еще две книги: в январе на прилавках книжных магазинов появится подготовленный в 1990 г. в издательстве «Московский рабочий» том, в который войдут романы «Гомо советикус» и «Пара беллум» (тираж 50 тысяч), а в середине года в качестве приложения к журналу «Лепта» выйдет сборник, в который войдет все тот же роман «Гомо советикус» и повесть в стихах «Мой дом – Моя чужбина» (тираж 75 тысяч).

Однако 1991 г. стал последним в истории читательского бума в СССР. После трагических потрясений августа и декабря, с началом экономических реформ Е. Гайдара жителям России стало не до чтения, а цены на издательскую продукцию (как и на все прочие товары) взлетели до немыслимых по советским меркам величин. Тиражи литературных журналов рухнули с миллионов до десятка тысяч, а писатели и поэты из «властителей дум» в одночасье превратились в изгоев и маргиналов. Эпоха «гласности» завершилась трагикомически. «Возвращаться» в таких условиях стало практически невозможно – некуда, не к кому.

Последний раз на страницах отечественных литературных журналов имя Зиновьева появится весной 1993 г. В апрельском и майском выпусках «Нашего современника», тираж которого сник к этому времени с

478 тысяч в 1990 г. и 275 тысяч в 1991 до 57 тысяч 115 экземпляров.

В постсоветской России в течение 1990-х гг. книги Зиновьева будут выходить только отдельными изданиями. Как и на Западе, у него появится «свой» издатель – московский «Центрполиграф». Здесь в разные годы будут изданы «Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма» (1994), «Запад. Феномен западнизма» (1995), «Смута» (1995), «Русский эксперимент» (1995), «Глобальный человек» (1997), «Русская судьба. Исповедь отщепенца» (1999). Еще одна книга – «Посткоммунистическая Россия» – выйдет в 1996 г. в издательстве «Республика».

Из десяти книг Зиновьева, вышедших в 1990-е, только четыре – его художественные произведения. «Великий русский писатель», как называли Зиновьева западные критики, «возвращался» на родину в первую очередь как социолог. Его романы «Светлое будущее», «Записки ночного сторожа», «В преддверии рая», «Жёлтый дом», «Нашей юности полет» так и остались «за рубежом».

А что же критика? В письме к другу М. Зальцбергу 18 октября 1995 г. Зиновьев констатировал:

<...> в Москве опубликовали три моих книги – «Смута», «Запад» и «Русский эксперимент». Мизерными тиражами, но хоть что-то. Официальная и интеллектуальная Россия меня бойкотирует сильнее, чем в брежневские годы, хотя и новыми (демократическими) методами. Но «по гамбургскому счёту» вес у меня там все-таки есть. Например, в сентябре на книжной ярмарке в Москве моих книг продали больше, чем всех прочих авторов вместе взятых. Я за пару дней подписал несколько сот экземпляров. В газетах писали о всех авторах, даже о тех, чьих книг не было на ярмарке или не было продано ни одной. А о буме с моими книгами – ни слова (цитируется по рукописи оригинала. Из личного архива О.М. Зиновьевой).

И действительно, количество газетных и журнальных откликов на произведения Зиновьева, появившееся в российской периодике с 1990 по 1999 г., не превосходит количества самих изданных за это время книг. Иными словами, их можно сосчитать на пальцах рук. А по сути – литературный феномен Зиновьева в отечественной критике 1990-х остался без внимания и осмысления.

Первой (и долгие годы единственной) обстоятельной аналитической работой, посвященной литературной деятельности Зиновьева, стала статья его друга, известного философа и эстетика Карла Кантора «Сияющая высота словесности», предварявшая публикацию «Зияющих высот» в журнале «Октябрь». Поскольку она была первой, то значительная часть ее посвящена биографии и творческому пути Зиновьева.

Обращаясь к роману, К. Кантор прежде всего подчеркивает его специфику как произведения словесности:

Под словесностью я мыслю безымянное народное творчество, вплетенное в жизненный процесс. Это фундамент литературы. Вырастая из нее, литература «порывает» с культом и бытом, становится их познанием, концентрацией и хранительницей религиозных, моральных, поэтических смыслов человеческого существования. Словесность, фольклор – искусство *внутрижизненное*, литература – *автономное, самозаконное*. Приобретая независимость от общенародных, массовых форм жизнедеятельности, становясь творчеством свободного индивида, литература в то же время вынуждена подчиниться условностям, правилам, канонам, стилевым требованиям, культурным традициям определенной эпохи. В XX столетии литература претерпевает изменения самые радикальные за всю ее историю: она как бы возвращается в жизнь, сливается с устным словесным творчеством. «Зияющие высоты» – пример такого слияния. Зиновьев выступает здесь в двух ипостасях: и как анонимный современный «сказитель», и как индивидуальный автор литературного текста [5. С. 34].

В этой связи К. Кантор обращает внимание на композиционную структуру романа, в которой, по его мнению, отразилась сама реальность советского бытия:

Словесная постройка гигантского повествования воздвигается непрерывными разговорами, громящимися друг на друга.

Перебранки, треп, болтовня, споры, прения, полемики, дознания образуют разговорный каркас социальной организации. Они создают иллюзию гибкости, подвижности структуры, структуры на самом деле жесткой и неизменной. Им противостоит ДИАЛОГ – свободный обмен идеями, а не мнениями, духовное взаимообогащение собеседников, поиск, а иногда и обретение истины [5. С. 35].

Не обходит вниманием К. Кантор и само название, данное Зиновьевым своему жанру, – «социологический роман».

Действительными героями книги, по утверждению автора, являются не люди, а социальные законы – грязные и жестокие ничтожества. А персонажи романа, которым автор взамен имен присвоил названия по их социальной роли (как она воспринимается средой), используются всего лишь как материал, из которого «лепят» разнообразные лики социальности [5. С. 35].

Но, как представляет К. Кантору, Зиновьев не порывает полностью и с традиционной эстетикой, предполагающей наличие героя и характеров.

И все-таки, как мне кажется, художник в Зиновьеве берет верх над ученым. Хряк, Забан, Мыслитель, Претендент, Социолог, Неврастеник, Брат и

особенно Шизофреник, Клеветник, Болтун и Мазила – не только социальные маски, но и живые лица, хотя и предстают перед читателем всего лишь как «система фраз» [5. С. 35].

Иначе и быть не могло, ведь, считает К. Кантор, «Главная проблема “З.В.” – проблема личности, ее свободы. Она – движущая сила сюжетостроения» [5. С. 35]. Среди многочисленных лиц и масок, представленных в романе, критик выделяет группу персонажей, в которых нашли отражения черты самого Зиновьева и которые образуют некое смысловое единство наподобие категории «лишнего человека», описанной некогда русскими классиками. Но если «лишние люди» Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Гончарова наделены драматической судьбой, судьба «лишних людей» Зиновьева трагична.

<...> те – богатые натуры – не знали, куда себя деть, томилась бездельем, им не к чему было приложить свои силы и, презирая общество, они все-таки нуждались в нем. Герой Зиновьева, напротив, разносторонне деятелен, он поглощен исследованием общества, открывает законы, управляющие социумом. Герой Зиновьева мог бы быть полезен обществу. Но именно за это общество выталкивает его в никуда. Тут достигнут предел взаимоотчуждения: «лишний человек», с одной стороны, и «лишнее общество» – с другой [5. С. 35].

Спустя почти десять лет, в 1999 г., К. Кантор напишет еще одно предисловие к «Зияющим высотам» – для первого тома собрания сочинений Зиновьева (М.: Евразия+, 1999. Тираж 5 000 экз.). В качестве анонса издания оно будет напечатано в еженедельнике «Книжное обозрение» (№ 44 от 1 ноября). К. Кантор продолжает размышлять над уникальной книгой, написанной его другом. Он придумывает для нее замечательный неологизм: «словостроение».

В это время К. Кантор работает над книгой, посвященной Владимиру Маяковскому, и новаторство Зиновьева-художника рассматривает в свете традиций творческих экспериментов лидера русского футуризма. Свою статью он называет «Мистерия-буфф Александра Зиновьева».

Свою первую послеоктябрьскую пьесу Маяковский назвал «Мистерия-Буфф» с заголовком «Героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи». Было это в 1918 г. Прошло шестьдесят лет. Начинаясь совсем другая «наша эпоха». И появилась новая «Мистерия-Буфф» – об агонии советской власти накануне Перестройки, предавшей идеалы Великой Революции и оставившей России только «Буфф» без «Мистерии».

Те, кто противопоставляет сегодняшнего Зиновьева, автора «Катастрофки», «Посткоммунистической России» и гневной политической публицистики, Зиновьеву «Зияющих высот», – либо недобросовестны, либо эстетически близоруки. Зиновьев в «Зияющих высотах» написал сатиру не на Ок-

тябрь, не на коммунистические идеалы, а на двурушнические круги «марксистско-ленинской» (не диссидентской! – заметьте это) интеллигенции, подрывавшей устои уже деградировавшего советского строя, выдавая его упадок за подъем. Обнимая – душили.

Теперь очевидно: «Зияющие высоты» были предвидением неизбежного перерождения комических персонажей его «Мистерии-Буфф» в откровенных антисоветчиков и антикоммунистов [6. С. 8].

Говоря о художественных приемах Зиновьева, К. Кантор сосредотачивает внимание на включенный в текст романа социологический трактат, написанный персонажем по прозвищу Шизофреник – только такой диагноз мог получить советский социолог, предложивший научный анализ ненаучного «реального коммунизма». «Книга в книге» не является открытием Зиновьева, но он часто использует его в своих романах. В «Зияющих высотах» этот прием позволяет достичь эффекта остранения, благодаря которому вскрывается вся нелепость и уродство построенного в Ибанске социального строя.

Социологический трактат Шизофреника в «Зияющих высотах» – не простое внутреннее зеркало. Он превращает роман в рентгенологическую «комнату смеха». Одних действующих лиц она уменьшает, других увеличивает, третьих сплющивает, четвертых раздувает, красавиц делает дурнушками, а золушек королевами, за маской «Мыслитель» она обнаруживает, что он лишь воплощает социальную функцию считаться таковым, а на самом деле Мыслитель – эрудит-компилятор, тогда как Шизофреник – воплощение антисоциальной функции – на самом деле истинный мыслитель. «Социолог» – маска социальной функции ибанского общества, а на деле он – эпигон зарубежной псевдосоциологии, а тот же Шизофреник – социолог «от Бога»; за маской «Сотрудник» – социальная функция в Ибанске первостатейная – скрывается клеветник и доносчик, а за маской антисоциальной функции «Клеветник» – «режущий правду-матку» при любых обстоятельствах и невзирая на лица. Под маской «Художник» выполняет социальную функцию вождеписца бездарный мазила, а под маской изгоя «Мазилы» лепит свою антисоциальную функцию великий скульптор.

Перед нами еще одна грань многогранного кристалла, выращенного Зиновьевым, – комедия масок, маскарад жонглеров, канатоходцев, скоморохов, шутов. Маски флиртуют, фехтуют, социальные маски теснят антисоциальные, ибо «социальный прогресс, – как говорит Зиновьев, – процесс антисоциальный». А в Ибанске прогресса нет [6. С. 8].

Текст Зиновьева, подчеркивает К. Кантор, не замкнут сам в себе. Напротив, он открыт для диалога. Он стимулирует мысль.

Весь громадный том «Зияющих высот» разделен на сотни коротких глав – по одной, две, три страницы. Это кванты творческой энергии автора, заражающие читателя стремлением к сотворчеству, пониманию, «срыванию всех и всяческих масок» [6. С. 8].

К. Кантор был, безусловно, апологетом «Зияющих высот», он восхищался и боготворил своего друга, при этом он оставался профессиональным мыслителем и все свои суждения строил на базе тщательной интеллектуальной рефлексии. Наблюдения К. Кантора высказаны тезисно (что обусловлено жанром и объемом высказывания – вступительная статья в журнале, предисловие к книге), однако они указывают на существенные особенности поэтики и проблематики как романа «Зияющие высоты», так и всего литературного творчества Зиновьева в целом. Основанные на пристальном анализе текста, они сохраняют свою ценность и могли бы стать основой для более тщательных и детальных исследований. Статьи К. Кантора отличаются оригинальностью и глубиной, служат методологическим образцом для научного разговора о литературном феномене Зиновьева.

Единственный раз за десять лет обратила внимание на произведения Зиновьева «Литературная газета», откликнувшись в 1991 г. небольшой заметкой П. Басинского на выход книги «Гомо советикус. Пара беллум» (М.: Московский рабочий, 1991). Очевидно, что проза Зиновьева произвела на автора сильное впечатление. Свою рецензию он начинает словами:

Книга написана талантливо, зло и беспощадно. Она рассчитана на читателя, обладающего вкусом к политике и социологии в их чистом виде. Беллетристический элемент безусловно является для автора чем-то второстепенным – способом, но не целью. И все же это художественное повествование, имеющее героев, сюжет, развязку и т.д. [7. С. 10].

Начинавший тогда свою литературную деятельность молодой критик, пожалуй, точнее всего сформулировал причину, по которой Зиновьев окажется чужим в перестроечной России: «Читать это интересно, но... неприятно» [7. С. 10].

Впрочем, П. Басинский признает: «Однако знать правду, которую она (книга. – П.Ф.) в себе несет, необходимо. Хотя бы для того, чтобы с нею не согласиться» [7. С. 10]. И в итоге, естественно, не соглашается. Простодушие критика обескураживает.

Прав или нет Александр Зиновьев в своих расчетах и прогнозах, не мне судить. Возможно, что и прав. Только я этой его правды не хочу, поскольку в ней нет решительно никакого смысла. В ситуации господства онтологического зла, которую предлагает Зиновьев, выдавая ее за научную, «последнюю» модель, всякий выход является злом и всякие надежды на обустройство мира тщетны. Зачем же в таком случае правда Зиновьева? [7. С. 10].

П. Басинский не принимает бескомпромиссности зиновьевской эстетики, построенной на логике социального анализа.

В желчной, сухой и рациональной прозе Зиновьева, не претендующей на высоты художественного стиля, как ни странно, господствует своеобразный «эстетизм». Безукоризненно точный анализ двух мировых систем – Запада и коммунизма, – если не ошибаюсь, доставляет писателю чисто эстетическое наслаждение и не связан ни с какими моральными обязательствами.

Это можно сравнить с профессиональной гордостью опытного хирурга, выполняющего сложную, но, в общем, привычную для него операцию на глазах у ошеломленных зрителей. Сияют простыни, сверкает нож, течет кровь, пульсируют органы... [7. С. 10].

Точности профессионального знания, бесстрашия, с которым писатель изображает действительность, по мнению П. Басинского, недостаточно. Оставаясь в рамках традиционных представлений о роли и назначении литературы, П. Басинский требует от автора, в конкретном случае – Зиновьева, гуманизма по отношению к читателю. Писатель должен давать читателю надежду. Пессимизм и безысходность не принимаются, даже если они обоснованы.

Позиция критика симптоматична. Она отражает растерянность «прорабов перестройки» перед развернувшейся бездной надвигающегося социально-политического краха и попытку спрятаться от правды, закрыв глаза и отвернувшись в сторону. Либералы прикрывались рыночной системой, патриоты – Богом. Свой спор с Зиновьевым П. Басинский заключает пассажем, который кажется ему неопровержимым.

Она (правда Зиновьева. – П.Ф.) – логическое завершение той правды наших «шестидесятников», которая пришла на смену соцреалистической лжи. В своей ненависти к любым формам социального иллюзиона и благородном стремлении непременно сказать «всю правду» они проскочили мимо очевидной вещи, которую мы только сегодня мучительно осознаем.

Правда еще не есть истина. Не есть Бог [7. С. 10].

С последним утверждением не поспоришь. Только Бог не отменяет правды, не делает ее бессмысленной и бесполезной, как хотелось бы не только П. Басинскому, но и большинству *его* читателей.

Для Зиновьева это не было новостью. Как-то, еще в январе 1987 г., он написал М. Зальцбергу: «Люди упорно не хотят слушать правду, когда она актуальна. Они признают ее постфактум, когда она теряет смысл, причем – признают, чтобы помешать новой актуальной правде» (цитируется по рукописи оригинала. Из личного архива О.М. Зиновьевой).

Если бы статья А. Гимельштейна «Из тупика радикализма» была бы напечатана не в 1994 г. на страницах иркутской «Восточно-Сибирской правды», то можно было бы предположить, что ее автор непосредственно полемизирует с П. Басинским. Но скорее всего, переключка оценок и образов носит случайный характер. Тем интереснее, что то, что вызывает неприязнь в столице, оказывается близким глубинному российскому читателю.

Нельзя сказать, что Зиновьев – добрый человек. И книги у него недобрые. Ну и что с того?! Как показала жизнь, талант очень часто не бывает гуманным. Да и хирург ведь тоже руководствуется чем-то большим, когда причиняет боль. Целью Зиновьева, наверное, было и есть сказать современникам и потомкам: ну научитесь чему-нибудь, поймите себя, поймите отцов, научитесь не падать два раза в одну и ту же яму, думайте... [8. С. 7].

Статья написана в форме своеобразного диалога с романом «Зияющие высоты», который критик оценивает как пророческий: «<...> с 1976 г. (со времени публикации «Зияющих высот») прошло без малого два десятилетия, и стало ясно, что это нечто большее, чем беспощадная критика того, ушедшего режима» [8. С. 7]. Всего в статье приводится десять пространных цитат, выделенных жирным шрифтом, которыми автор как бы подсвечивает события текущего дня. Парадокс же этой статьи заключается в том, что сквозь призму зиновьевского романа автор размышляет над политической судьбой вернувшегося в Россию А.И. Солженицына, предрекая «конструктивную критику», которая последует в его адрес со стороны «пропагандистской машины» и которой будет прикрываться действительная травля писателя. Учитывая взаимное негативное отношение Зиновьева и Солженицына, о котором А. Гимельштейн, похоже, не догадывается, его статья представляет собой своеобразный курьез, что, конечно, не лишает ее содержательности. Увы, эту публикацию зачислить в список критических работ о Зиновьеве не получится, хотя ее автор, несомненно, внимательный и вдумчивый читатель «Зияющих высот».

Примечательно, что имена Солженицына и Зиновьева в это время часто появляются вместе в публицистических статьях. Следует особо выделить статью В. Васильева «Между Солженицыным и Кастанедой» в газете «Россия», в которой «“Одиссея” духа российской интеллигенции» рассматривается на материале «Архипелага ГУЛАГ» и «Гомо советикус».

Автор отмечает точность Зиновьева в описании феномена советского человека, выделяя в особенности всесторонность анализа его поведенческой психологии.

Проследивая поведение советских людей в различных условиях, в том числе и в эмиграции, ученый усматривает в нем изначальную двойственность и противоречивость, словно заданная ситуация или сумма идей побуждает «гомо советикуса» действовать и мыслить «оппозиционно», в противовес им и в их отрицание. И это поведение во многих случаях оказывается совершенно оправданным,

поскольку полярные экстремы внешней реальности воплощают фальшь и условность бытия. <...>

Зиновьев совершенно верно, на мой взгляд, вскрыл раздвоенность, расколотость сознания людей коммунистической формации [9. С. 5].

В этом же 1994 г. небольшую, но исключительно глубокую статью о «Зияющих высотах» и Зиновьеве вообще опубликует в московской газете «Коммерсантъ» Н. Климонтович, а информационным поводом послужит выход в свет книги Зиновьева «Коммунизм как реальность» (М.: Центрполиграф, 1994).

Чем-чем, а легким чтением эти книги не назовешь. «Высоты» – не роман и вообще не беллетристика; скажем, эссе размером с два первых тома «Войны и мира». Впрочем, в этом произведении есть круг постоянных действующих лиц, точнее – лиц бездействующих, но выпивающих и беседующих. Однако это и не античный жанр диалогов, хотя, быть может, именно такая ассоциация ближе всего к сути дела, и платоновский «Пир», конечно же, нельзя не числить среди источников зиновьевского вдохновения. Воспроизводя умозаключения своих героев, Зиновьев строит образ замкнутого коммунистического мира, где интеллектуалам отведена роль маргиналов и люмпенов. Не будет натяжкой сказать, что этот процесс люмпенизации «мыслящего тростника» в социалистическом раю и есть главная тема Зиновьева-беллетриста, написавшего после «Высот» целую серию книг, в большей степени похожих на традиционные повествования: «Светлое будущее», «Желтый дом», «Евангелие от Ивана» [10. С. 7].

Как когда-то первые критики Зиновьева Пётр Вайль и Александр Генис [11], Н. Климонтович, возможно, читавший в свое время статью своих нью-йоркских коллег, определяет жанр созданного Зиновьевым произведения термином «мениппея».

Зиновьев создал принципиально новый литературный жанр, как Монтень некогда придумал эссеистику. Определить его весьма затруднительно, и ближе всего здесь подходит слово мениппея, как Бахтин определил романы Достоевского. Это полифоническое повествование, внутри которого не только разворачивается действие, но и «называется» мир, именно называется, а не описывается. Все вещи и предметы у Зиновьева заново получают имена и дефиниции. И авторские определения рядом с общепринятыми звучат либо как парадоксы, либо как нарочитые трюизмы [10. С. 7].

Н. Климонтович пронизательно высказывает мысль о типологической схожести (при всей разности форм) – произведений Зиновьева и Василия Розанова, имевшего отчаянную дерзость говорить со своими современниками без оглядки на литературные и идеологические условности, всматриваясь в суть и обнажая подлинные смыслы.

Мыслителя, использующего столь многообразный литературный инструментарий, российская словесность до Зиновьева, кажется, не знала. На Западе были Ницше, Кьеркегор, Сартр, Барт и Леви-Стросс; у нас, пожалуй – один лишь Розанов. И именно розановские поздние книги – единственное, что приходит в голову, коли задаться целью искать в русской литературе предшественников Зиновьева.

С Розановым Зиновьева сближает и еще одно. Безукоризненная логика и интеллектуальная честность не могут не конфликтовать с расхожими либеральными мифами, и оба писателя-философа испытали на себе давление «интеллигентской цензуры». Позиция интеллектуала-одиночки, открыто заявляющего свою точку зрения перед лицом либерального общественного мнения, всегда по-своему притягательна, но зачастую очень неудобна: будь то Вольтер или Галковский. Думается, в сегодняшней России, как, впрочем, и на сегодняшнем Западе, Зиновьев должен испытывать одиночество. Философ такого ранга никогда не может вписаться в картину, построенную на лобовых оппозициях: правое – левое, политкорректное – маркобесное [10. С. 7].

Публикация такой статьи Н. Климонтовича на страницах достаточно буржуазно-либерального «Коммерсанта» выглядит неожиданно. Объяснить это можно заключительным полемическим тезисом, адресованном, впрочем, не Зиновьеву, а его «единомышленникам» из патриотической оппозиции.

Зиновьев в своих интервью заявляет: я никогда не был либералом, диссиденты для меня служили лишь объектом изучения и описания. <...> Но было бы ошибкой со стороны «духовной оппозиции» записывать писателя в свои ряды: логика «не либерал – значит, “наш”» в случае Зиновьева не работает. В ответ на вопрос о духовном будущем России Зиновьев говорит: ни за какой идеей он не видит будущего, ни за «социалистическим выбором», ни за «православием и народностью». То есть буквально – ни за какой [10. С. 7].

Зиновьев прочитал эту заметку с большим удовлетворением. В вырезке, хранящейся в архиве О.М. Зиновьевой, предложение «Мыслителя, использующего столь многообразный литературный инструментарий, российская словесность до Зиновьева, кажется, не знала» – обведено Зиновьевым в рамку.

Статья Н. Климонтовича называется несколько странно, на первый взгляд: «Может быть пророк и в своем отечестве, даже не один». Но если вспомнить, что она написана в дни возвращения из эмиграции Солженицына, становится понятен подтекст. Именно Солженицына называла пророком российская пресса в эйфории от его многодневного турне по России. Не впадая в «партийность», Н. Климонтович деликатно утверждает, что на Солженицыне свет клином не сошелся, и у России есть еще и другие выдающиеся

мыслители, не менее масштабные и значительные, достойные звания пророков. Как минимум еще один – Александр Зиновьев.

К слову, о «духовной оппозиции». Несмотря на то, что и Александр Проханов, возглавлявший газету «Завтра», и Владимир Бондаренко – редактор «Дня» были дружны с Зиновьевым и не раз брали у него интервью, а Бондаренко даже оказался под следствием по признакам преступлений, предусматривающих ответственность за призывы к насильственному изменению конституционного строя (ст. 70 УК РФ) и пропаганду войны (ст. 71 УК РФ) за публикацию одной из бесед с Зиновьевым, в которой тот достаточно резко высказался о российской власти, ни сами они, ни авторы издаваемых ими газет, не написали ни одной строки о его романах. Даже в дни юбилеев Зиновьева, которые в течение 1990-х отмечались дважды – в 1992 и 1997.

Лишь совсем уж маргинальная «газета борьбы общественных идей – для тех, кто любит думать» «Дуэль» поместила на своих страницах рецензию на новый роман Зиновьева «Русский эксперимент». Ее автор, главный редактор газеты, радикальный критик власти и духовный экстремист Ю. Мухин, в первых строках вроде бы признает близость ему идей Зиновьева: «когда я прочитал “Запад” А. Зиновьева, то обрадовался – хоть и не так, но Зиновьев обрабатывает мой участок» [12. С. 8]. Однако «Русский эксперимент» пришелся Ю. Мухину не по душе, и его довольно пространная, на полполосы статья представляет собой скорее глумливое издевательство, нежели серьезную полемику с оппонентом. Ю. Мухин упрекает Зиновьева в высокомерии авторской позиции, считает ее идейно невнятной, сложной для восприятия и понимания и даже малодушной.

Один из главных упреков Ю. Мухина – недостаточный демократизм Зиновьева, его якобы оторванность от простых людей.

Зиновьев вроде пишет популярную книгу о коммунизме и даже придает ей форму романа. Но в качестве собеседника выбирает себе не врача или инженера, а доктора философии. Вот и представьте каким идиотом вы себя почувствуете, когда по ходу чтения станете слушателем дебатов «носителя интеллектуальных и творческих потенций народа» и доктора философии. Ведь эти люди используют любую возможность, чтобы ничего вам не сказать по-русски. Они не скажут вам, к примеру, что этому понятию не требуется строгое толкование, они скажут только по-латыни: «строгая дефиниция тут не

требуется». (Кстати, нарочно не придумаешь. Когда я переписывал цитату, то ошибся и написал «дефинация». Машинистка, перепечатавшая всю статью и ни сделавшая ни единой ошибки, расшифровала с помощью компьютера «дефинацию» как «дефекацию». (Дефекация – естественная потребность, при которой мы очищаем желудок) [12. С. 8].

Ю. Мухин выдергивает из текста различные слова и тезисы и ехидно высмеивает те смыслы, которые вкладывает в них сам. Свой поток словесной желчи он завершает обращением к Зиновьеву: «Напишите другую книгу и не для себя, а читателей. Напишите ее прокоммунистически, и тогда коммунисты не будут шараться от вас, как от попа Гапона» [12. С. 8].

1990-е гг. были, пожалуй, последним периодом в истории отечественной литературной критики, когда в ней активно и плодотворно работали десятки талантливых, самобытных, глубоких литераторов. Имена Л. Анненского, И. Золотусского, А. Туркова, Ст. Рассадина, И. Роднянской, С. Чупринина, В. Курбатова, В. Кардина, Ю. Буртина, И. Дедкова, К. Степаняна, А. Марченко (список можно продолжить) составляют «золотой фонд» русской критики. Они не были ограничены никакими цензурными предписаниями, могли свободно высказывать свое мнение, мыслить, спорить, утверждать. У них был большой выбор изданий, где бы они могли публиковать свои статьи: по-прежнему ежемесячно выходили в свет все созданные в советское время литературные журналы и газеты, появились десятки новых, независимых изданий, общеполитические газеты, как центральные, так и региональные, также еще следили за литературным процессом. И вот в этих условиях наибольшего благоприятствования, в условиях уже даже и не «гласности», а подлинной свободы слова русская критика проявила в отношении страстного, огненного, горестного, всецело обращенного к своим современникам-соотечественникам Зиновьева «скорбное бесчувствие».

Проглядели? Не заметили? Или – сознательно бойкотировали? Как бы то ни было, но факт остается фактом: за *десять лет* о романах Зиновьева было *написано пять с половиной* статей, из которых две – наиболее обстоятельных – не профессиональным критиком, а философом. «Неформатность» Зиновьева сделала его чужим в стане литераторов. Он, как и в прежние годы, в 1990-е оказался вне «литературы» – наедине со своими читателями.

Список источников

1. Александр Исаевич Солженицын: материалы к биобиблиографии / сост. Д.Б. Азиатцев и др. ; отв. ред. Н.Г. Захаренко. СПб. : Российская национальная библиотека, 2007. 800 с.
2. Николаев А. Пакостник из Нью-Йорка // Литературная газета. 1981. № 27. С. 14.
3. Шведов С. Многоликий читатель // Московские новости. 1989 № 15. С. 11.
4. На анкету «ИЛ» отвечают писатели русского зарубежья. А. Синявский, Г. Владимов, В. Войнович, Н. Коржавин, А. Зиновьев // Иностранная литература. 1989. № 2. С. 242–250.
5. Кантор К. Сияющая высота словесности // Октябрь. 1991. № 1. С. 30–35.
6. Кантор К. «Мистерия-буфф» Александра Зиновьева // Книжное обозрение. 1999. № 44. С. 8.
7. Басинский П. Зиновьев А.А. Гомо советикус. Пара беллум. М. : Московский рабочий, 1991 // Литературная газета. 1991. № 29. С. 10.
8. Гимельштейн А. Из тупика радикализма // Восточно-сибирская правда. № 146. С. 7.
9. Васильев В. Между Солженицыным и Кастанедой. «Одиссея» духа российской интеллигенции // Россия. 1994. № 31. С. 5.
10. Климонтович Н. Может быть пророк и в своем отечестве, даже не один // Коммерсантъ. 1994. № 102. С. 7.

11. Вайль П., Генис А. Вселенная без мозжечка. Зиновьев и менипея // *Время и мы*. Тель-Авив, 1979. № 39. С. 147–158.
12. Мухин Ю. «Русский эксперимент» А. Зиновьева // *Дуэль*. 1996. № 20. С. 8.

References

1. Zakharenko, N.G. (ed.) (2007) *Aleksandr Isaevich Solzhenitsyn: materialy k biobibliografii* [Alexander Isaevich Solzhenitsyn: materials for biobibliography]. Saint Petersburg: Russian National Library.
2. Nikolaev, A. (1981) Pakostnik iz N'yu-Yorka [A vile man from New York]. *Literaturnaya gazeta*. 27. p. 14.
3. Shvedov, S. (1989) Mnogolikiy chitatel' [Many-faced reader]. *Moskovskie novosti*. 15. p. 11.
4. *Inostrannaya literatura*. (1989) Na anketu "IL" otvechayut pisateli russkogo zarubezh'ya. A. Sinyavskiy, G. Vladimov, V. Voynovich, N. Korzhavin, A. Zinov'ev [Writers from Russia abroad respond to the "IL" questionnaire. A. Sinyavsky, G. Vladimov, V. Voinovich, N. Korzhavin, A. Zinoviev]. 2. pp. 242–250.
5. Kantor, K. (1991) Siyayushchaya vysota slovesnosti [The shining height of literature]. *Oktyabr'*. 1. pp. 30–35.
6. Kantor, K. (1999) "Misteriya-buff" Aleksandra Zinov'eva ["Mystery-bouffe" by Alexander Zinoviev]. *Knizhnoe obozrenie*. 44. p. 8.
7. Basinskiy, P. (1991) Zinov'ev A.A. Gomo soveticus. Para bellum. Moskva: Moskovskiy rabochiy, 1991 [Zinoviev A.A. Homo soviticus. Para bellum. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1991]. *Literaturnaya gazeta*. 29. p. 10.
8. Gimel'shteyn, A. (n.d.) Iz tupika radikalizma [From the dead end of radicalism]. *Vostochno-sibirskaya pravda*. 146. p. 7.
9. Vasil'ev, V. (1994) Mezhdru Solzhenitsynym i Kastanedoy. "Odisseya" dukha rossiyskoy intelligentsii [Between Solzhenitsyn and Castaneda. "Odyssey" of the spirit of the Russian intelligentsia]. *Rossiya*. 31. p. 5.
10. Klimontovich, N. (1994) Mozhet byt' prorok i v svoem otechestve, dazhe ne odin [There may be a prophet in one's own country, even more than one]. *Kommersant*". 102. p. 7.
11. Vayl', P. & Genis, A. (1979) Vseleynaya bez mozzhechka. Zinov'ev i mennipeya [Universe without a cerebellum. Zinoviev and mennipea]. *Vremya i my*. 39. pp. 147–158.
12. Mukhin, Yu. (1996) "Russkiy eksperiment" A. Zinov'eva ["Russian experiment" by A. Zinoviev]. *Duel'*. 20. p. 8.

Информация об авторе:

Фокин П.Е. – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (Москва, Россия); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: pfokin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.E. Fokin, Cand. Sci. (Philology), deputy head for research, Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Moscow, Russian Federation); Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: pfokin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.08.2023;
одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 15.08.2023;
approved after reviewing 12.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 81'1
doi: 10.17223/15617793/494/6

Новые заимствования как элементы лексики русского языка: системный аспект

Дарья Сергеевна Шмидт¹

¹ Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, chikacheva@list.ru

Аннотация. Изучаются системные связи новых заимствований, возникшие в результате вхождения последних в лексику русского языка. Описываются семантические процессы, отражающие освоение иноязычных слов. Отмечается образование новых значений у заимствований на базе русского языка, анализируются их системные семантические изменения вследствие действия метафорического и метонимического механизмов. Описываются лексические омонимы, появившиеся в результате встраивания заимствованных слов в систему языка реципиента и расщепления полисемии.

Ключевые слова: заимствования, освоение иноязычной лексики, полисемия, лексическая омонимия, семантика

Для цитирования: Шмидт Д.С. Новые заимствования как элементы лексики русского языка: системный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 53–59. doi: 10.17223/15617793/494/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/6

New borrowings as elements of Russian vocabulary: A systemic aspect

Daria S. Schmidt¹

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, chikacheva@list.ru

Abstract. The article examines the features of the semantic development of new foreign words in the Russian language system. The article examines the vocabulary that was borrowed at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries and underwent systemic semantic changes in the history of functioning in the recipient language as a result of the action of the metaphorical and metonymic mechanism, and describes the place of these words in the lexical structure of the Russian language. It also analyzes new borrowings that, when embedded in the system of the recipient language, entered into a relationship of lexical homonymy. The author studied the main large dictionaries of new loan words. In addition, she turned to the Russian National Corpus in order to find out in what meanings new borrowings are used by native speakers of Russian. Since the source language of the foreign language vocabulary under consideration was English, when studying the semantics of borrowed words in the source language, she used the Cambridge Dictionary (2021) and the Corpus of Contemporary American English. In the course of the study, the author analyzed the specifics of the semantic assimilation of foreign words and found that borrowings are included in paradigmatic relations represented by polysemy and homonymy. Having considered the polysemantic words *kopipast* (copy and paste) and *vamp*, the author traced how metonymic models implement the general cognitive scheme: elements of the environment ↔ characteristics of elements of the environment. Using the examples of the borrowings *avatar*, *muppet-show* (muppet show), *kvest* (quest), the author analyzed the meanings of foreign words, which reflect the semantic connection between a certain area characterized by certain features, its features, subjects operating in this area, their actions, objects that are acted upon. Any part of this area can be named by the name of any other feature of the area. At the same time, real life and the virtual world are considered as adjacent. The author traced the phenomenon of lexical homonymy among the borrowings of the 21st century using the example of such words as *kesh* (cash), *topik* (topic), *stretch*. She established that homonymy developed as a result of the interaction of the following assimilative processes: splitting of polysemy, coincidence with the already mastered earlier borrowing, graphic design. The studied material made it possible to conclude that new borrowings are not only mastered semantically, but also develop new meanings already in the system of the Russian language based on the action of metonymic and metaphorical mechanisms, at the same time entering into a relationship of lexical homonymy.

Keywords: borrowings, mastering foreign language vocabulary, polysemy, lexical homonymy, semantics

For citation: Schmidt, D.S. (2023) New borrowings as elements of Russian vocabulary: A systemic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 53–59. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/6

\

Введение

С конца XX в. в русском языке наблюдается активизация процесса заимствования иноязычных слов. Этому явлению способствуют цифровизация (компьютерная автоматизация), расширение культурных и деловых связей России, распространение, популярность английского языка в повседневной жизни и другие факторы.

Лингвисты по-разному квалифицируют это явление: некоторые критически высказываются относительно необходимости процесса заимствования [1, 2]. Например, А.П. Сковородников, считает, что ситуация с заимствованиями «порождают тревогу за судьбу русской цивилизации, поскольку язык ценностно не нейтрален, так как в нем, прежде всего в лексике и фразеологии, отражается та или иная национальная картина мира с ее социальными, мировоззренческими и другими аспектами» [1. С. 76]. Также с настороженностью к процессу заимствования относится М.А. Кронгауз: «Заимствований в русском языке всегда было много, но сейчас они хлынули таким потоком, что часто даже затрудняют понимание текста» [3. С. 90].

Другие ученые отмечают, что иноязычная лексика занимает важное место в словарном составе русского языка [4–6]. «Бывают в истории общества и другие времена, когда преобладает более терпимое отношение к внешним влияниям и, в частности, к заимствованию новых иноязычных слов. Таким временем можно считать конец прошлого столетия и начало нынешнего, когда возникли и существуют такие политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики», – считает Л.П. Крысин [4. С. 27]. «Особенно актуальным спор консерваторов и новаторов становится в конце XX в., когда происходит падение железного занавеса и в русский язык начинает приходить огромное количество американских заимствований», – подчеркивает С.М. Пометелина [5. С. 56]. Процесс заимствования, по мнению лингвиста, неизбежен и необходим: «Просто мы живем в эпоху глобальных перемен, а в такое время язык меняется резко, быстро, иногда неприятно для нас. И это неизбежный, естественный процесс, ведь благодаря ему наш язык остается живым, обслуживает все коммуникативные сферы» [5. С. 59].

На рубеже XX и XXI вв. появилось большое количество заимствованных слов, обозначающих новые явления в сферах техники (*блютус¹, букридер, гаджет, девайс, дисплей, лэптоп, макбук, модем, нетбук, нетворкинг, ноутбук, плейстеин, попсокет, профайл, реалтон, ресивер, ридер, смартбук, тачпад, флеш*), индустрии красоты (*вамп, майнд-фитнес, свотч, мастхэв, селебрити, лайнер, шугаринг, лук, хайлайтер, консилер, карвинг, татуаж*), экономики (*стартап, кеи, аутсорсинг, ретейл, холдинг*), а также наименований одежды (*топ, худи, лонгслив, оверсайз, свитшот*), продуктов и блюд (*брауни, латте, гамбургер, милкшейк*) и т.п.

Признаками ассимиляции иноязычного слова в языке-реципиенте являются его грамматическое, фонетическое, семантическое освоение. Исследователи процесса заимствования слов в лексическую систему русского языка отмечают, что зачастую иноязычные слова приобретают в языке-реципиенте новые *характеристики по сравнению с теми, которые они имели в языке-источнике* [6–9]. Как пишет Е.Н. Шагалова, со временем многие слова становятся привычными для слуха, перемещаются с периферии языка в центр, начинают употребляться образно, меняется и графический облик заимствований, они перестают писаться в кавычках; все это свидетельствует об укоренении иноязычной лексики в русском языке [10. С. 5]. За последние два десятилетия на базе русского языка были образованы единицы, представляющие собой полиморфемные (членимые) образования, в которых корень и/или словообразовательный аффикс являются иноязычными по происхождению (*онлайнный, лайкнуть, тиктокерша*). Эти системные деривационные процессы, зафиксированные в русском словообразовании уже давно, активны и на сегодняшний день [11. С. 10].

В XXI в. процесс заимствования не останавливается, а, скорее, активизируется, и лингвисты стараются восполнить пробелы в изучении освоения иноязычных слов, чтобы понять, какое влияние они оказывают на лексический фонд русского языка [6–9, 12–14]. Систематизации данных в этом вопросе недостаточно, и ученые пытаются ответить на вопросы: в каком объеме заимствуется семантика отдельного слова, как она развивается при взаимодействии с лексикой русского языка, какие системные связи образуются в результате освоения иноязычного слова. Указанные вопросы находятся в центре данного исследования.

Методика исследования

Процесс семантического освоения новых заимствований требует его рассмотрения с помощью методов сравнительно-сопоставительного анализа. На первоначальном этапе с помощью интернет-ресурсов, толковых словарей было проанализировано 390 новейших заимствований, вошедших в русский язык в 2000–2015 гг. При исследовании парадигматических отношений иноязычных слов как элементов русского языка были выделены единицы, претерпевшие изменения *в семантической структуре и в парадигматике. Эти заимствования послужили материалом настоящего исследования.*

Сопоставлялся семантический объем слова в языке-источнике и в русском языке на основе сравнения набора значений, зафиксированных у соответствующего слова в английских толковых словарях [15], русских толковых словарях новых заимствованных слов [10, 16–19], а также не описанных в лексикографических источниках, но отраженных в контекстах национальных корпусов [20, 21]. Таким образом был выявлен наиболее полный спектр значений каждого слова в обоих языках и достигнута валидность сопоставления.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа для дальнейшего исследования были отобраны

новейшие заимствования, которые развили новые значения в системе русского языка: *копипаст*, *вамп*, *аватар*, *марионет-шоу*, *квест*, *стретч*, *топик*, *сайт*, *кеш*.

Новизна работы определяется новизной анализируемого материала, а также новизной предмета исследования. Изучение иноязычной лексики проведено с системных позиций: адаптация заимствований как элементов лексики русского языка рассмотрена через призму новых парадигматических отношений, в которые вступили описанные единицы в результате функционирования в языке-реципиенте.

В ходе исследования проанализированы модели переноса наименований. При определении метонимических и метафорических моделей мы основывались на формулировках, предложенных М.И. Фоминой, Л.П. Крысиным, А.К. Бирихом [22], кроме того, нами отмечена новая метонимическая модель, в соответствии с которой проходит семантическое развитие новых заимствований.

Результаты исследования

«Семантическое освоение заимствований в русском языке – это включение их в лексико-семантическую систему принявшего языка, в разнообразные ряды и цепи зависимостей, свойственных словарному составу языка-реципиента», – пишет О.А. Фролова [14. С. 283]. Семантическая ассимиляция иноязычных слов протекает достаточно активно: многие заимствования, оказываясь в лексическом составе русского языка, включаются в парадигматические отношения, представленные явлениями полисемии и омонимии, и претерпевают системные изменения.

Итак, отметим явления, характеризующие встраивание англицизмов в лексическую систему русского языка.

1. Слово-полисемант в языке-источнике заимствуется в одном из его значений, близком к терминологическому.

Например, слово *ресивер* вошло в русский язык в одном значении ‘в теле- и аудиосистемах – автономное или встроенное устройство для приема, усиления и преобразования исходного сигнала’ [18], тогда как в языке-источнике *ресивер* имеет более 10 значений, в том числе ‘приёмник’, ‘телефонная трубка’, ‘получатель’, ‘укрыватель или скупщик краденого’. Слово *лифтинг* в русском языке используется в значениях ‘в косметологии – подтяжка кожи, удаление морщин, складок и т.п. чаще нехирургическими методами (в результате применения специальных масок и кремов, стимуляции мышц при помощи электродов и т.п.)’, ‘способ реставрационных работ, при которых строение не разбирается полностью, а отдельные его части вывешиваются на специальных конструкциях для замены изношенных элементов’ [18]. В языке-источнике у этого слова намного больше значений: ‘поднимать’, ‘рассеиваться (о тумане)’, ‘отменять’, ‘красть, совершать плагиат’, ‘лифт’, ‘подъём’, ‘подтягивание’ и т.д. У слова *материнг* в русском языке фиксируется значение ‘завер-

шающий этап процесса создания мастер-диска, мастер-кассеты, заключающийся в редактировании и записи информации на носитель’ [18]. В английском языке у этого слова больше значений: ‘изготовление оригинала диска, изготовление мастер-диска (при тиражировании компакт-дисков)’, ‘овладение, освоение’. Таким образом, обнаруживается, что часто из английского языка заимствуются слова только в тех значениях, которые называют особые виды денотатов, различение которых важно для узкой профессиональной деятельности носителей русского языка. Причиной этого явления становится необходимость специализации понятий в какой-либо сфере, кроме того, вхождение в язык новых заимствований облегчается, если в языке-реципиенте уже есть система сложившихся систем терминов, обслуживающих ту или иную тематическую область. Профессиональные сферы со временем обрастают новыми иноязычными номинациями: например, за последние 15 лет в индустрии красоты появились такие иноязычные слова, как *лифтинг*, *карвинг*, *микроблейдинг*, *шугаринг* и т.д.

2. Развитие у заимствованного слова нового значения, которого не было в языке-источнике.

При развитии многозначности новых заимствований задействованы как метафорические, так и метонимические механизмы. Метонимические модели используются наиболее часто по сравнению с метафорическими.

На примере переноса наименований у слов *копипаст*, *вамп*, *аватар*, *марионет-шоу*, *квест* мы можем проследить, как метонимические модели реализуют общую когнитивную схему **элементы среды ↔ характеристики элементов среды**.

Так, слово *копипаст* в русском языке имеет два значения: ‘в компьютерных технологиях – операция, заключающаяся в копировании элемента информации (фрагмента текста, файла, изображения и т.п.) и вставки скопированного в другое место’, ‘метод создания текста, состоящий в механическом комбинировании цитат из одного или нескольких источников, иногда даже без редактирования получившегося текста’ [10. С. 149]. В языке-источнике это слово употребляется только во втором значении. Новое значение было сформировано на основе метонимической модели, описанной А.К. Бирихом: «действие => способ действия» [22. С. 86].

Словом *вамп* в языке-источнике, как правило, называют женщину, уверенную в своей привлекательности и пользующуюся этим, чтобы получить то, чего она хочет [15]. В русском языке это заимствование приобрело еще одно значение: ‘стиль макияжа, для которого характерны яркие тона губ, фиолетовые или синие тени, подчеркнутый излом бровей и светлая пудра; а также стиль одежды, для которого характерны контрастные, часто черные и красные тона’ [10. С. 65]. Как видим, в данном случае метонимический перенос наименования построен по типу синекдохи, здесь реализуется следующая метонимическая модель, предложенная А.К. Бирихом: «предмет => характерная деталь, признак предмета».

Та же метонимическая модель используется при формировании нового значения слова *квест*. Согласно кембриджскому словарю английского языка, квест означает 'поиск, действие, направленное на достижение сложной цели' [15]. Также в английских контекстах встречаются не зафиксированные словарями английского языка значения 'задача, требующая решения логических задач', 'литературное произведение, фильм, игра в этом жанре', 'литературное произведение, фильм, игра в этом жанре', 'жанр командных интеллектуально-подвижных игр, включающих элементы городского ориентирования; игра в этом жанре', которые отмечены словарями заимствованных слов русского языка [10. С. 135]. Кроме того, в русском языке появилось значение 'то же, что автоквест – жанр командных интеллектуально-спортивных игр, на автомобилях, включающих элементы городского ориентирования'.

В ходе анализа материала было установлено, что ряд заимствований развивает в русском языке новые значения по ранее не описанной метонимической модели. Так, слово *аватар* в языке-источнике функционирует в следующих основных значениях: 'изображение, картинка, которая используется для персонализации пользователя сетевого сервиса в онлайн-играх, чатах и т.д. и которую можно перемещать по экрану' и 'в индуизме бог, который появляется на земле как личность' [15]. В русском языке зафиксировано три значения: 'в компьютерных играх – образ, который пользователь выбирает для участия в игре', 'изображение, картинка, используемая для персонализации пользователя сетевого сервиса (форума, чата, блога, социальной сети и т.п.), часто создаваемая на основе фотографии', 'о фильме, снятом в формате 3D' [10. С. 19]. Первое и второе значения встречаются и в языке-источнике, а третье значение слово приобрело уже в русском языке. Для переноса наименования была использована следующая выявленная нами метонимическая модель: «характерный признак произведения (фильма, программы) => формат произведения (фильма, программы)». Такой же тип метонимического переноса наблюдается в случае со словом *матпет-шоу*, которое в русском языке, кроме исходного английского значения ('англо-американская телевизионная юмористическая программа, созданная Джимом Хенсоном с основными действующими лицами – куклами-матпетами'), используется в значении 'спектакль с участием кукол' [10. С. 170] (*Все желающие могут.. посмотреть скейт-контест, научиться какому-нибудь мастерству на площадке мастер-классов (в том числе жонглированию и матпет-шоу), поиграть в классические настольные игры в зоне отдыха* (Изв. 05.12.09)).

Таким образом, в семантике заимствований *аватар*, *матпет-шоу*, *квест* отражается смысловая связь между некоторой областью, характеризующейся определенными признаками, субъектами, оперирующими в этой области, их действиями, объектами, над которыми производятся действия. Любая из сторон этой области может называться именем любой другой характеристики области. При этом как смежные рассматриваются реальная жизнь и виртуальный мир.

Среди новых заимствований встречаются и такие, у которых новые значения сформировались с помощью метафоры. Например, слово *мультиплекс*, имеющее в английском языке значение 'очень большое здание кинотеатра, в котором много отдельных кинотеатров' [15], в русском приобрело новое значение 'набор телевизионных и радиовещательных каналов, передаваемых по одному цифровому каналу' [10. С. 191]. Метафорическое значение – перенос названия с одного предмета на другой на основании сходства их структуры, устройства.

3. Формирование системных связей, отсутствующих в языке-источнике.

Данное явление, характеризующее лексическую систему русского языка в его современном состоянии, прежде всего обнаруживается в описанных выше системных связях между значениями полисемантов, отличающихся по структуре от соответствующих многозначных слов в языке-источнике.

В течение последних 20 лет в русском языке в результате заимствований сформировалась новая группа омонимов. Явление лексической омонимии можно проследить на примере таких слов, как *стретч*, *топик*, *сайт*, *кеш*.

Рассмотрим подробнее слово *стретч*². В языке-источнике оно употребляется в основном в глагольных значениях, которые актуализируют сему 'делать длиннее': 'зайти далеко или превысить обычный предел чего-либо', 'сделать так, чтобы процесс или задача продолжались в течение более длительного периода времени, чем первоначально планировалось' [15]. Таким образом, в английском языке глагольные значения слова *стретч* связаны друг с другом, и на их основе часто появляются предметные значения, соотносимые друг с другом опосредованно (только через глагольные): 'сделать своё тело или руки и ноги прямыми, чтобы они были как можно длиннее, чтобы тренировать суставы после того, как вы долгое время находились в одном и том же месте или положении' → 'растяжка тела, тренировка', 'заставить материал стать длиннее или шире, чем обычно, в результате натяжения по краям' → 'растяжка какого-либо материала', 'распространяться на большой площади или расстоянии' → 'отрезок, участок территории' и т.д. [15]. В русском языке произошла морфологическая переориентация заимствования, оно не сохранило глагольных значений, и связующего звена между значениями существительных не осталось. В результате произошло расщепление полисемии, и сформировалось два омонима. Первое слово многозначно, у него выделяются следующие значения: 'растягивающаяся пластиковая плёнка, служащая для упаковки каких-либо товаров или грузов, в частности на поддонах', 'сильно тянущийся материал, используемый для изготовления одежды' [10. С. 290]. Полисемия основана на семе 'сходство характерного действия'.

Второй омоним, возникший в русском языке позднее, имеет значение 'удлиненный автомобиль представительского класса' [10. С. 290]. В Национальном корпусе русского языка можно вычислить примерное время появления омонимов: первый (в значении

‘ткань’) начал употребляться в 1995 г., второй (в значении ‘форма автомобиля’) – в 1998 г. [20]. Значение ‘форма автомобиля’ в русском из-за отсутствия связующего глагольного значения уже не осознается как ‘результат растягивания’, и слово квалифицируется как омоним.

В русском языке сформировалось три омонима *топик* с лексическими значениями ‘лёгкая женская блузка без рукавов, часто на бретельках; женская короткая маечка’, ‘предмет обсуждения, дискуссии; тематический раздел сайта’ [10. С. 310] и ‘маршрутное такси (Севастополь)’ [23]. Первый омоним является словообразовательным дериватом заимствованного слова *top*, он был образован в русском языке в конце XX в. Таким образом, квалификация слова *топик* как заимствования, зафиксированная в словаре Е.Н. Шагаловой, нуждается в корректировке: в «Самом новейшем словаре иностранных слов» [10. С. 310] указано, что *топик* – заимствованное слово (образовано от англ. *topic*), означающее ‘то же, что *top*’, однако в английском языке у слова *topic* нет значения ‘блузка’, этот вид одежды именуется словом *top* [15], слово *топик* как наименование одежды является словообразовательным дериватом русского языка, образованным по модели груз → грузик, стол → столик. В Национальном корпусе русского языка можно увидеть, что впервые слово *топик* было употреблено в значении ‘лёгкая блузка’ в 1989 г. При этом в конце 1990-х в русском языке стало активно использоваться новое слово (*topic* – от англ. «тема»), которое употребляется в значении ‘предмет обсуждения, дискуссии’ [10. С. 310]. Таким образом вследствие совпадения звуковой и грамматической формы русского и заимствованного слова возникла лексическая омонимия.

В результате заимствования омофонов из английского языка (*cache* и *cash*) в русском языке появились омонимы *кеш* и *кеш*, для которых «Академос» кодифицирует одинаковое написание [24]. Первый омоним употребляется в значениях ‘запоминающее устройство, используемое в качестве буфера между процессором и памятью в компьютерных системах’, ‘память, предназначенная для хранения промежуточных результатов, а также часто используемых данных и ко-

манд’ [10. С. 139; 23]. У второго омонима тоже зафиксировано два значения: ‘законное средство платежа в форме наличных денег, банкнот и монет’, ‘то же, что кеш-игра’ [23]. Таким же образом в русском языке появились омонимы *сайт* и *сайт* (*site* и *sight*). Первый омоним имеет значение ‘тематически или концептуально объединённая информация, предоставляемая пользователям сети при обращении по определённой адресу; веб-сайт’, второй омоним употребляется в значении ‘торговая сессия, во время которой осуществляется оптовая продажа алмазов привилегированным фирмам’. Как видим, в языке-источнике слова являлись омофонами, а в русском языке стали лексическими омонимами.

Выводы

Исследованный материал позволяет сделать вывод о том, что зачастую слово заимствуется не во всех значениях, имеющихся у него в языке-источнике, а только в тех, которые связаны с номинацией специфического денотата. Современные заимствования в ходе функционирования в русском языке включаются в парадигматические отношения, представленные явлениями полисемии и омонимии, и семантическая структура этих слов со временем претерпевает системные изменения.

Заимствования осваиваются семантически, развивая новые значения уже в системе русского языка по метонимическим и метафорическим моделям, – как по уже известным, так и по новой модели, обнаруженной нами («характерный признак произведения (фильма, программы) => формат произведения (фильма, программы)»).

В результате взаимодействия разных ассимилятивных процессов (расщепления полисемии, совпадения с уже освоенным более ранним заимствованием, графического оформления) новые заимствования включаются в отношения омонимии.

Отметим, что семантическая адаптация заимствований – довольно длительный процесс, который показывает, что иноязычное слово становится элементом системы русского языка, при этом обогащая и развивая его.

Примечания

¹ Здесь и далее написание слова при условии его фиксации в орфографическом словаре соответствует норме, отраженной на Орфографическом академическом ресурсе «Академос» (URL: <http://orfo.ruslang.ru/>).

² «Академос» фиксирует именно такое написание слова вопреки распространенному *стрейч*.

Список источников

1. Сковородников А.П. Экология русского языка. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2016. 388 с.
2. Соллогуб Н. Экология слова и экология языка. 2010. URL: <http://www.litprichal.ru/work/48538/> (дата обращения: 11.12.2022).
3. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 2-е изд., стереотип. М. : Знак, 2009. 232 с.
4. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий. // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–36.
5. Пометелина С.М. Современные заимствования: обогащение русского языка или угроза нашей самобытности? // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2018. № 1 (3). С. 54–60.
6. Богословская В.Р. Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований: На материале спортивной лексики английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 24 с.
7. Лемов А.В., Сечнев С.А. Расширение понятийных характеристик как способ адаптации заимствованных слов в русском языке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 1–2. С. 151–154.

8. Лемов А.В., Сечнев С.А. Изменение семантического объема заимствованной лексемы в процессе ее функционирования в русском языке // Русский язык в диалоге культур : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием). 2017. С. 357–362.
9. Селиванова М.С. Семантическая адаптация англицизмов в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2007. 25 с.
10. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М. : АСТ; Астрель, 2011. 416 с.
11. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования. М. : Изд-во Эллис, 2008. 495 с.
12. Бахтина С.И. Семантическая деривация слов иноязычного происхождения в русском языке // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. Т. 28. С. 6–9.
13. Сечнев С.А. Основные типы сужения исходного значения заимствованных слов в русском языке // Материалы XXI научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва : в 3 ч. / сост. А.В. Столяров; отв. за вып. П.В. Сенин. Саранск, 2017. С. 195–199.
14. Фролова О.А. Семантическое освоение заимствований // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 283–286.
15. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 23.10.2021).
16. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М. : АСТ-ПРЕСС, 2014. 410 с.
17. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний: [наиболее употребительная иноязычная лексика, вошедшая в русский язык в XVIII–XX и начале XXI в.]. М. : Эксмо, 2005. 939 с.
18. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов: [около 3 500 слов: цитаты из СМИ и интернета: подробная этимологическая справка]. М. : АСТ-ПРЕСС, 2017. 571 с.
19. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: [свыше 25 000 слов и словосочетаний: толкование, этимология, примеры употребления]. 3-е изд., испр. и доп. М. : Азбуковник, 2008. 1037 с.
20. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 05.11.2021).
21. Корпус современного американского английского языка. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 04.11.2021).
22. Бирikh, А.К. Метонимия в современном русском языке: семантический и грамматический аспекты. Мюнхен, 1995. 191 с.
23. Wiktionary. URL: <https://www.wiktionary.org/> (дата обращения: 30.10.2021).
24. Орфографический академический ресурс «Академос». URL: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 05.01.2021).

References

1. Skovorodnikov, A.P. (2016) *Ekologiya russkogo yazyka* [Ecology of the Russian language]. Krasnoyarsk: SFU.
2. Sollogub, N. (2010) *Ekologiya slova i ekologiya yazyka* [Ecology of the word and ecology of the language]. [Online] Available from: <http://www.litprichal.ru/work/48538/> (Accessed: 11.12.2022).
3. Krongauz, M.A. (2009) *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. 2nd ed. Moscow: Znaniye.
4. Krysin, L.P. (2002) *Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednikh desyatiletiiy*. [Lexical borrowing and calquing in the Russian language of recent decades]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 27–36.
5. Pometelina, S.M. (2018) *Sovremennyye zaimstvovaniya: obogashchenie russkogo yazyka ili ugroza nashey samobytnosti?* [Modern borrowings: enrichment of the Russian language or a threat to our identity?]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: Gumanitarnyye issledovaniya*. 1 (3). pp. 54–60.
6. Bogoslovskaya, V.R. (2003) *Strukturno-semanticheskaya i funktsional'naya adaptatsiya zaimstvovaniy: Na materiale sportivnoy leksiki angliyskogo i russkogo yazykov* [Structural-semantic and functional adaptation of borrowings: Based on the material of sports vocabulary in English and Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
7. Lemov, A.V. & Sechnev, S.A. (2017) *Rasshirenie ponyatiynykh kharakteristik kak sposob adaptatsii zaimstvovannykh slov v russkom yazyke* [Expansion of conceptual characteristics as a way of adapting borrowed words in the Russian language]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 9 (1–2). pp. 151–154.
8. Lemov, A.V. & Sechnev, S.A. (2017) [Changing the semantic volume of a borrowed lexeme in its functioning in the Russian language]. *Russkii yazyk v dialoge kul'tur* [Russian language in the dialogue of cultures]. Conference Proceedings. Saransk. pp. 357–362. (In Russian).
9. Selivanova, M.S. (2007) *Semanticheskaya adaptatsiya anglizimov v russkom yazyke* [Semantic adaptation of Anglicisms in the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Velikiy Novgorod.
10. Shagalova, E.N. (2011) *Samyi noveystiyi tolkovyy slovar' russkogo yazyka XXI veka* [The latest explanatory dictionary of the Russian language of the 21st century]. Moscow: AST; Astrel'.
11. Marinova, E.V. (2008) *Inoyazychnyye slova v russkoy rechi kontsa XX – nachala XXI vv.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign words in Russian speech at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries: problems of development and functioning]. Moscow: Izd-vo Elpis.
12. Bakhtina, S.I. (2017) *Semanticheskaya derivatsiya slov inoyazychnogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke* [Semantic derivation of words of foreign origin in the Russian language]. *Kontsept*. 28. pp. 6–9.
13. Sechnev, S.A. (2017) [The main types of narrowing the original meaning of borrowed words in the Russian language]. *Materialy XXI nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchennykh, aspirantov i studentov Natsional'nogo issledovatel'skogo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.P. Ogareva: v 3 ch.* [Proceedings of the XXI conference of young scientists, graduate students and students of the National Research Mordovian State University: in 3 parts]. Saransk. pp. 195–199. (In Russian).
14. Frolova, O.A. (2010) *Semanticheskoe osvoenie zaimstvovaniy* [Semantic development of borrowings]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 12. pp. 283–286.
15. Cambridge Dictionary. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (Accessed: 23.10.2021).
16. Krysin, L.P. (2014) *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov* [Contemporary dictionary of foreign words]. Moscow: AST-PRESS.
17. Krysin, L.P. (2005) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov: svyshe 25 000 slov i slovosochetaniy: [naibolee upotrebitel'naya inoyazychnaya leksika, voshedshaya v russkii yazyk v XVIII–XX i nachale XXI v.]* [Explanatory dictionary of foreign words: over 25,000 words and phrases: [the most common foreign language vocabulary that entered the Russian language in the 18th–20th and early 21st centuries]]. Moscow: Eksmo.
18. Shagalova, E.N. (2017) *Slovar' noveystikh inostrannykh slov: [okolo 3 500 slov: tsitaty iz SMI i interneta: podrobnaya etimologicheskaya spravka]* [Dictionary of the latest foreign words: [about 3,500 words: quotes from the media and the Internet: detailed etymological information]]. Moscow: AST-PRESS.
19. Zakharenko, E.N., Komarova, L.N. & Nechaeva, I.V. (2008) *Novyy slovar' inostrannykh slov: [svyshe 25 000 slov i slovosochetaniy: tolkovanie, etimologiya, primery upotrebleniya]* [New dictionary of foreign words: [over 25,000 words and phrases: interpretation, etymology, usage examples]]. 3rd ed. Moscow: Azbukovnik.
20. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/new/> (Accessed: 05.11.2021). (In Russian).
21. *Corpus of Contemporary American English*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Accessed: 04.11.2021).
22. Biriikh, A.K. (1995) *Metonimiya v sovremennom russkom yazyke: semanticheskii i grammaticheskii aspekty* [Metonymy in modern Russian: semantic and grammatical aspects]. Munich: [s.n.].

23. *Wiktionary*. [Online] Available from: <https://www.wiktionary.org/> (Accessed: 30.10.2021).

24. *Akados*. [Online] Available from: <http://orfo.ruslang.ru/> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).

Информация об авторе:

Шмидт Д.С. – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: chikacheva@list.ru.

Information about the author:

D.S. Schmidt, postgraduate student, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: chikacheva@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.01.2022;
одобрена после рецензирования 03.06.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 21.01.2022;
approved after reviewing 03.06.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 16
doi: 10.17223/15617793/494/7

Язык: способы образования смысла и варианты ментальных систем

Вадим Геннадьевич Ланкин¹

¹ *Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия,
lankinvg@mail.ru*

Аннотация. Обсуждается проблема лингвистической относительности на основе понимания языка как средства артикуляции смысла – образования целостности в системных связях осознания. Объясняется, как система языка несет собою характерный для той или иной культуры тип ментальности. В языке выделяются средства артикуляции смысла. В том числе обращается внимание на то, как в ряде языков организуется связность высказывания, взаимосвязь модальностей реального, действительного и возможного, представление событийности и причинности.

Ключевые слова: язык, смысл, логика, сознание, артикуляция смысла, ментальность, типы культуры, лингвистическая относительность, событие, возможное

Для цитирования: Ланкин В.Г. Язык: способы образования смысла и варианты ментальных систем // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 60–72. doi: 10.17223/15617793/494/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/7

Language: Ways of sense-formation and variants of mental systems

Vadim G. Lankin¹

¹ *Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation,
lankinvg@mail.ru*

Abstract. The article discusses the problem of linguistic relativity in its cardinal version: language as a means for a consciousness to articulate sense-formation includes not only forming the system of categories for identifying and ordering the world, not only setting the rules of semantic games which determine the horizons of knowledge and the facets of metaphysics, not only providing the tools and the grounds for constructing logical connections. Language actually participates in the formation of sense, which gives the coordinate system for actualizing of our thinking. Sense is understood in the article as the formation of integrity and wholeness in the systemic connections of consciousness. Sense-formation acts as the essence of the event of consciousness and its phenomenological structure. Meanings are derived directly from sense, like exact values of geometric points are derived by means of the coordinate system because it forms the integrity of a given mathematical variety. It means that one meaning cannot have several senses, as semiotic theories suggest, going back to the views of Frege and Wittgenstein. One or another precise meaning can be formed only in one or another specific sense. The article explains how language participates in the process of meaning formation as an active factor due to which language systems carry mental types of different cultures. Accordingly, there are specific means of articulating sense in language. Among them are ways of indicating the sphere of objectivity by the subject of thought (for example, via articles) and ways of implying own sense-forming centers in the sphere of the linguistically mediated objectivity (for example, via the presence of masculine and feminine genders). Particular attention is paid to the sense-forming effects of the organization of a statement's coherence and to the relationship between the modalities in a number of languages, to the representation of event and causality, to ways of conveying the unity of objects and actions, and to models of the generation of tense forms in different languages – especially in Chinese and Arabic. The article shows correlations between these language means and the specific frames of spirituality and the mental systems of these civilizations as cultural and semantic types. These means are formed by a holistic experience of culture as sense-forming activity, which is reflected in the language as a stable system of articulation of sense. Language is not only a means of preserving of sense designs, but also a part and a phase of the processes of realizing sense formations. Language develops in connection with the experience of thinking, but it is older than religion and philosophy, and the experience of sense-formation, which is already embedded in the articulatory forms of language, is a priority condition for all further acts of finding sense in this culture.

Keywords: language, meaning, logic, consciousness, articulation of feelings, mentality, types of culture, linguistic relativity, event, possibility

For citation: Lankin, V.G. (2023) Language: Ways of sense-formation and variants of mental systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 60–72. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/7

Философия объективно сталкивается с наличием разных языков. Считает ли она при этом, что сталкивается с разными способами понимания, с разным типом экзистенции, с разными законами и нормами сигнификации и коммуникации, с разными вариантами отнесения значений к действительности – с разными образами мысли, с разными логиками, с разными типами смысла? Долгое время философия развивалась в монокультурной, в монологической среде. Притом что в XX в. кросс-культурные связи философского дискурса усилились и привычным стала интерпретация тех или иных ключевых философских понятий с учетом их специфичности для той или иной языковой культуры, эта склонность мыслить в рамках единого и единственного поля смысла, единой и единственной логики остается характерной для философии. Даже если философия строит теорию смысла, понимаемого в его вариантности, пластичности и динамичности, как это делает, например, Ж. Делез, допуская переходы от нон-сенса к смыслу и обратно, сама она остается моно-мысловой дисциплиной, не допуская, что собственно смысл может быть организован как-то иначе. Если же философия утверждает плюрализм языков, множественность «языковых игр», как это делает Л. Витгенштейн и в той или иной мере поддерживающие эту идею другие представители аналитической философии, то допустить логический плюрализм при этом все же оказывается крайне трудно. И тем не менее плюрализм логичности на основе лингвистической обусловленности – та идея, которая пробивает себе дорогу в последнее время, о чем свидетельствуют, в частности, публикации самых последних лет [1–6].

Эта тенденция в современной философии, разумеется, коррелирует с давней тематикой в языкознании, которую принято маркировать общим понятием *лингвистической относительности*. Эта тематика, берущая начало от идей В. Гумбольдта и Й.Г. Гамана, нашедшая свое классическое выражение в работах Э. Сепира и особенно Б. Уорфа, имеет сложную историю и стоит, вероятно, в начале нового подъема сегодня. В частности, отечественные работы последнего времени показывают это [7, 8]. Для работ о языке в таком ключе характерен выход за принятые рамки лингвистики в пространства философского и психологического рядов понятий, где обобщающее значение приобретают понятия ментальности, когнитивности, конструирования смысловых полей и др. И все же для философа здесь остается открытым вопрос: имеется ли в виду языковая относительность чего – мысли, познания, видения мира, социальной ориентации, культурных стереотипов и ценностных систем..? Требуется специальное обсуждение и конкретного решения вопрос, на каком уровне взаимодействуют язык и человеческое мышление и, соответственно, каков статус языка в жизни сознания.

Со своей стороны философия культуры давно сталкивается с проблемой подобного рода и разрабатывает идею различных не сводимых друг к другу и при этом

принципиально равноценных типов осмысления действительности – прежде всего выраженных в ценностно-этических приоритетах и способах видения мира. На пути развития этой идеи появляются больше мотивов и аргументов к тому, чтобы связать логику типов культур с вариантами образования смысла, обосновываемыми на уровне феноменологии сознания, понимаемого именно как конструктивное смыслообразующее событие [9–11]. Данный подход подводит к мысли, что для разных типов культур существенно различны не только системы концептуализации и экспликации ментальных миров, выраженные в структуре языков, различны не только принятые конфигурации логики, но также (а может быть, и прежде всего) – сами ракурсы осознания, способы осмысления, некоторым образом опосредованные спецификой языка. Причем роль языка тогда не только в том, что особенные смысловые миры закреплены в присущих ему формах и нормах как в устойчивых носителях мыслительных связей, но и в том, что благодаря устройству языка эти миры вызываются к жизни, актуально создаются на основе структуры выражения и понимания мысли – на основе артикуляции смысла. То есть язык тогда может и должен пониматься не только как продукт, носитель, хранитель и выразитель культурного опыта, а как конструктор этого опыта – как организующий медиатор смысла.

Обратим внимание, понимание смысла в данном аспекте отлично от того, которое характерно для семиотического подхода к языку и которое упрощенно можно было бы выразить как «смысл слов». Рассматривая язык в качестве модуса артикуляции смысла, мы предполагаем и стремимся выделить в нем свойства активного фактора осмысления – осознания, выходящие за пределы семиотического аспекта рассмотрения, равно как не укладывающиеся в рамки когнитивного, прагматического и коммуникативного подходов. При этом мы исходим из того, что пока теория таких возможностей и функций языка исчерпывающим образом не сформулирована, как не развернута в полной мере и теория смысла на уровне феноменологии сознания, понимаемого как вариантное событие. Хотя подходы такого плана конкретно обозначены в работах недавнего времени [12–14].

В них отстаивается идея вариантности смысла: феноменологическая структура смыслообразования такова, что предполагает варианты выстраивания смысловой системы. Это тот методологический ход, который позволяет преодолеть поверхностность того релятивизма, который характерен для концепции «языковых игр», разыгрываемых, тем не менее, на основе единообразно понимаемой логичности, одной осмысленности как таковой (что подталкивает в мыслимом пределе объединить все правила таких игр в одной «универсальной грамматике»). И одновременно этот подход позволяет избежать опасной радикализации вопроса о несовместимости логик, «логических чужаков» как носителей совсем разных ментальных миров.

Идея вариантности смысла предполагает, во-первых, единое и точное определение общего понятия «смысл» – определение, обоснованное на уровне феноменологии сознания. Это понятие не должно тогда смешиваться со смежными ментальными явлениями эпистемологического, семиотического и прагматического порядка. Должен иметься в виду смысл как таковой – как явление целостности в системных связях осознания. Во-вторых, должна быть раскрыта феноменальная структура того, как складывается смысл; смысл должен пониматься не просто как данность, а как событие, имеющее феноменальную структуру, варианты соотношения внутри которой и определяют возможность различных типов образования связной целостности мысли – того, что можно назвать вариантами смысла. Что же касается связи языка с понятием смысла, дело, видимо, не ограничивается тем, что каждый язык представляет уникальную модель категоризации, конструирования и дескрипции смыслового поля [8]. Надо признать и конкретно аргументировать следующее: язык участвует в создании смыслового поля – в формировании, образовании смысла – как фактор артикуляции в рамках активной рефлексивной структуры осознания. Язык в этом плане предстает как «зеркало» или «эхо», через которое сознание, разворачивая представление осознанного, возвращается к себе – формирует свою субъектность в отношении осмысляемого другого.

В связи с этим, сопоставляя понятия *язык* и *смысл*, важно отойти от давно усвоенной привычки рассматривать смысл как нечто, существующее внутри языка, как смысл слов или как осмысленность речи. Понятно, что такой подход имманентно присущ лингвистическому повороту – властной тенденции философии XX в. Но понятие языка, феномен языка слишком многогранны, чтобы стать методологической опорой, тем более основанием для понимания столь фундаментального и конкретного феномена, как смысл. Язык это не только язык слов, и тем более смысл не только феномен языка. Смысл это феномен сознания.

Язык это прежде всего система артикуляции образующегося смысла. Это первично, и без этого не может быть ни языка как средства общения, ни языка как инструмента мышления, ни языка как системы семантики и средства референции. Чтобы общаться, включаться в сеть социальных взаимодействий и выстраивать прагматику речи, уже должен быть язык как форма осмысленности; чтобы мыслить, должны быть артикулируемые формы осмысленности, вызывающие и вовлекающие в это осмысляющее событие (*процесс*) сети представлений; чтобы появлялась отсылка к объективной действительности, нужна связка как таковая – общее измерение для обретения единства мысли и вещи – связка *смысла*, присоединяющая реальность к ментальности в виде характерной феноменальности.

Подход к языку как к системе артикуляции смысла позволяет наиболее глубоко проникнуть в природу того, как язык формирует мысль: язык при таком подходе раскрывается как фактор слагания смысла, принимает участие в образовании смыслового события,

т.е. он включен в действие сознания на более фундаментальном уровне, чем только выражение или формирование мысли, – на уровне, где могут быть заданы базовые условия для такого формирования, где могут быть обнаружены варианты того, каким способом устанавливается и актуализируется смысл.

Язык как таковой предстает целостной системой, отображающей образование смысла: это не только система слов в их соответствии другим словам, вещам и действиям, а это то, благодаря чему конструкции из слов могут образовывать мысль как целое. Смысл не рождается из совокупности отсылок и связей, он именно образуется как целое. Смысл это качество целого, которое постоянно образуется, обновляется в слагании мыслей, в событии осознания. И благодаря тому, что образуется целостность мысли – смысл, – «клейкость» связей преобразуется в конкретность отсылок и обретает статус мыслимых значений.

Если исходить из этой позиции, можно выявить комплекс задач, ставимых и в той или иной степени решаемых в данной статье. Для определения соответствия смысла и языка, надо четко определить, что такое смысл на фундаментальном уровне. Чтобы утверждать, что смысл – сам смысл как таковой – не сводится к структурам и значениям языка, а выступает конститутивным началом по отношению к ним, надо выявить онтологический статус образования смысла, конкретизируя тем самым онтологический статус сознания, понятого как смыслообразование, причем имеющее феноменальную структуру, и основывающиеся на ней варианты – варианты феноменов смысла. На этой основе важно выделить некоторые специфические средства образования смысла в структуре языка, вариантное использование которых в разных языках организует разные способы образования смысла. И далее можно проследить соответствие строящихся с их помощью языковых систем культурно-смысловым системам, типологически представленным как мировые цивилизации со свойственной каждой из них характерной метафизикой, мировоззренческими и ценностными приоритетами – со свойственным каждой из них, лежащим в основе всего этого, способом смыслообразования, организующим разнообразие проявлений культуры как системы смысла.

Говоря о языке как о факторе артикуляции смысла, надо оставить крайности: мы имеем дело не с податливым и прозрачным средством выражения мысли, равно как и не с заданным логико-грамматическим алгоритмом. Язык определяет – направляет мысль (слово «детерминирует» здесь не подходит) в качестве ресурса и условия для ее развертывания, но он не производит мысль – ментальную связь как таковую; это ментальные связи производят язык как необходимое средство их актуализации и благодаря этому их закрепления и сообщения. Впрочем, столь важное свойство этого инструмента – закрепление моделей ментальных связей – приводит к тому, что условия артикуляции движения мысли оказываются существенным образом заданными, своеобразно направляющими и ограничивающими это движение, придающими осмыслению свойство конкретного устойчивого модуса.

Для большинства философских школ – от немецкого трансцендентализма до англо-американской аналитической философии – характерна принципиальная позиция: мысль как таковая в своем логическом устройстве стандартна. Однако люди, говорящие на разных языках, очевидно, и мыслят по-разному. Это, казалось бы, можно объяснить особенностями семантической организации и категориальной систематизации, свойственной языкам, а также отличием по-разному заданных точек зрения, заставляющих помещать мысль в разные ситуативные координаты, выдвигать разные интерпретации понимания. Но такого рода объяснения, как правило, не затрагивают логики, т.е. принципиального устройства связи понятий, образующей смысл, и тем более они не затрагивают смысла как основы логичности, особенно если смысл трактовать как *common sense*. Однако философский анализ типов культур подсказывает, что само устройство мысли может быть различно, что само образование смысла вариантно [10, 11, 1] и что за расхожим понятием «ментальность» лежит нечто более глубокое и существенное, нежели стереотипы и привычки мысли и деятельности, а именно склад мышления в собственном и полном смысле этого выражения – то, как складывается мысль в поле образования смысла.

Стоит в связи с этим обратить внимание на соотношение языка и логики. Язык слов, конечно, соотносим с логикой. Его семантика и грамматика выглядят как сращенные продолжения для структуры понятий и их логических соотношений. Но язык это более фундаментальное основание осмысления, нежели логика; логика рации вторична, и надстраиваясь над системой языка, она связана с этой глубинной системой как некоторый продвинутый и дополнительный вариант мыслительной работы, возможный на основе смыслового потенциала языка. Логика рации надстроена над языком – как система силлогизмов, суждений и понятий, возможность для которых дают слова, их ассоциации и конструкции сообщений из них. Вряд ли можно утверждать, что законы логики прямо представлены в языке как таковом. Язык может создавать амбивалентности, включать оксюмороны и формировать увлекательную игру слов. И такая игра языка вовсе не имеет обязательств в отношении законов тождества, противоречия или исключенного третьего. Стандарт, принятый в отношении логики рации, основывающейся на обобщающей точности понятий и на законах их соотношения, предназначенных для столь же точного выведения знания, – такой стандарт явно не распространяется на *логику* мифа, каковая, очевидно, имеет место и точно имманентна генезису языка, равно как и на *логику* художественного мышления, каковая, конечно, существует и, в частности, выражается в поэтической магии слова. То есть для того, чтобы сопоставить язык и логику, понятие логики в тесном значении надо дополнить понятием логики в более общем значении – в значении системы форм организации мышления, посредством которого сознание управляет своими представлениями. Язык же как таковой, любой конкретный язык сгенерирован так, что способен вбирать в себя многие логики,

точнее, использовать те или иные конструктивные возможности разных логик на основе присущей этому языку особой системы артикуляции осмысленности. А поскольку смыслообразование вариантно, возможны варианты логик и варианты языков, в своем развитии образующие типологически органичные системы ментальности, в которых взаимозависимым образом соединяются смысл, грамматика, логика, семантика и метафизика.

Главное же то, что никак нельзя считать логику той инстанцией, которая вносит измерение смысла в стихию языка. Соответствия логического порядка, которые заложены в языке (такие, к примеру, как способ связи подлежащего и сказуемого), – они уже являются проявлениями феномена смысла, присущего языку как таковому, и как раз они дают возможность формированию смысла рационально-логического типа – как частного варианта реализации генеральной возможности языка – быть системой осмысленности.

В свою очередь, и язык как таковой – не источник, не генератор смысла. В нем, как в инструменте артикуляции смысла, только отражена система смыслообразования. Она отражена в грамматике, в семантике и прагматике. Говоря о языке, философы привыкли рассуждать в семиотической перспективе: в словах отражаются вещи и действия. Лингвисты же преимущественно обсуждают грамматику. Но в языке как системе слов в их отношении к вещам отражается и само сознание как событие, задающее горизонт смысла.

Связь слов со словами (что, как кажется, относится именно к грамматике) это не что иное, как включение слов в систему осмысленности – в рефлексивную смыслообразующую работу сознания.

Отсылка слов и предложений к вещам и явлениям, столь гипнотизирующая семиотическую философию языка, это не что иное, как способ включения вещей и явлений в тех или иных аспектах в актуальность образования смысла, каковому и служит язык в качестве средства артикуляции мысли и «зеркала» смыслообразования. Слова в таком подходе не столько *отсылки* к реальности, сколько *вызывания*, вовлечения реальности в поле мысли (заметим, слова и родились когда-то в слагающейся мифологической мысли как *имена вызывания богов* или как *образы событий*, а не как *эквиваленты-суррогаты вещей*). Слова изначально актуализируют имеющиеся представления о порядке вещей, но в их динамичной связи обнаруживается новый возможный смысл; актуальный центр смыслополагания вступает в событие слагания возможного нового смысла – происходит смысловое преобразование. В пульсе таких переосмыслений и состоит активность сознания.

Если мы скажем, что тот или иной текст, книга, мышление это своего рода «зеркало» сознания, с этим, пожалуй, все легко согласится. Но можно ли усмотреть такую роль у языка? У языка как суммы слов, потенциально предназначенных для выражения смысла, пожалуй, нет. У языка как системы отсылок к вещам, определено, нет. Но у языка как системы связей слов, предназначенной для артикуляции образования смысла, вероятно, да. Слова, а точнее, связи слов несут

собой тогда энергию переосмысления – преобразования представлений. Они тогда не просто вызывают образы вещей, но в них отображены и способы отношения к открывающемуся сквозь связь вещей *другому* смыслу, а соответственно и отношения к опознанию исходного *своего* смысла. Исходное *свое* – это имеющийся смысл, *другое* – открывающийся возможный смысл. В их взаимной данности и совершается смыслообразование, в их взаимоданности и состоит феноменальная рефлексивная структура со-знания. С-мысл это некоторое всегда осознающее живое соотношение *своего* и *другого* как центров осмысления, как сторон рефлексии. В силу этого смыслообразование – обретающее целостность системное событие осознания – имеет качественное отличие от систем любого другого уровня: его холистическое, эмерджентное свойство – это приведение *действительного* к структуре рефлексии в свете *возможного*, а *возможного* – к координации в контексте *действительного*. Это соотносение имевшегося целого с открывающимся новым целым. Событие сознания это не просто отражение реального и не только реакция актуального, это освоение возможного – именно то, что и делает носителя сознания способным переосмыслять действительность и, соответственно, преобразовывать реальность.

В связи с этим было бы важно выделить смысл как таковой, не смешивая его как таковой феномен со смыслом в языке, выраженном как смысл слов, со смыслом в логике, представляющем в виде соотношений понятий, со смыслом в облике предметного содержания или в виде целесообразных мотивации и действий. Да, наверное, можно допустить, что *смысл* это общее понятие, объединяющее проявления смысла разного рода и разного уровня. Но нельзя при этом впасть в номинализм, разбавляющий понятие и явление смысла до консистенции слова «смысл». Можно ли помыслить и определить смысл независимо от тех конкретных значений, которые несут для нас смысл в конкретных контекстах? Мы постараемся это сделать, впрочем, не разрывая связь такого определения с такими конкретными проявлениями, но, напротив, раскрывая их производность от выделенного феномена смысла как такового.

Слово «смысл» употребляется в весьма различных значениях. Смысл в отношении прагматики отнюдь не то, что смысл в семантике. Смысл в ключе теории деятельности это несколько не то, что смысл в теории сознания, смысл как свойство языка не то, что смысл текста. Понятие «смысл» связывают с функцией или целесообразностью, в связи с ним усматривают фактор целостности, его связывают с авторской интенцией, а также с возможностью референции к денотату, объединяя с понятием значения или же, отличая от него, с мысленным содержанием значения. Не указывает ли эта разногласия на то, что за этим словом усматривают разные значения, что отчасти связано с различием аналогического слова в разных языках? Можно заподозрить, что смысл по-русски, *sense* по-английски, *sinn* по-немецки не только означают разные коннотации, но и разные денотации – отсылки к разным объективным ментальным событиям, хотя и потенциально

связанным друг с другом или представляющим разные стороны единого ментального события. Нам надо выделить и определить такое понятие смысла, которое способно было бы стать базой для интеграции ряда близких явлений – базой для логического обобщения, и которое не смешивалось бы при этом со смежными понятиями. Особенно важно отличить понятия *смысл* и *значение*. Этот вопрос весьма запутан в современной философии, начиная с подходов Г. Фреге и Ф. Чёрча и заканчивая дефинициями Ж. Делеза и А.В. Смирнова. Он требует разрешения на фундаментальном уровне, каковой может дать философии языка только философия сознания.

Смысл – это явление целостности в системных связях осознания [12]. Это то, как свое целое дается своему целому в саморефлексивном событии осознания, которое является событием преобразования целостностей – событием переосмысления [14]. Отсюда вытекают и частные применения: смысл жизни, смысл событий, смысл текста или сообщения, смысл как стержень культуры, смысл в структуре языка и даже смысл, опознаваемый и усматриваемый на уровне осознания в неперсональном и невитальном бытии.

Смысл в языке это частный случай, а отнюдь не генеральная модель осмысления. Смысл здесь это целостность связей, делающая отсылаемость слов к вещам, знаков к означаемым, намерений к высказываниям возможной некоторым конкретным образом. Смысл это целостность, задающая ракурс видения единства связей. Таких ракурсов может быть несколько, и они не «склеиваются» между собой – мы отличаем значащие связи слов и вещей «в этом смысле» и «совсем в другом смысле». Смысл это система координат, в которой разнородные элементы только и обретают характер определенной соотносительности, связности друг с другом, и соответственно, обретают *значения* – и таким образом дают возможность отсылки одного к другому в качестве соотносимых значений. Смысл это та подразумеваемая целостность, которая образует данный порядок связей – и организует, таким образом, сеть значений. Обратимся к математической метафоре: точки на плоскости еще не значения. Значениями, числовыми геометрическими значениями они оказываются, когда рассматриваются в конкретной системе координат, в принятой метрике.

Данный подход в разъяснении соотношения смысла и значения явственно контрастирует с той широко распространенной версией сопоставления этих понятий, которую предложил в свое время Г. Фреге и в соответствии с которой значение понимается как указание знака на означаемое, а смысл – как способ данности, способ выражения обозначаемого, *т.е. рассматривается как нечто вторичное по отношению к значению*.

Трудно уклониться от сравнения этих подходов по характеру их обоснованности. Такое сравнение возможно, так как базовая интуиция Г. Фреге представлена столь же наглядно, как и наш пример с системой координат и координатами точек в этой системе [15]. Г. Фреге берет точку внутри треугольника, значение которой изначально задано – это точка пересечения

прямых a , b , c , опущенных из вершин треугольника к его сторонам. Выразить знаковым образом значение этой точки в треугольнике можно по-разному – и как пересечение a и b , и как пересечение b и c . Эту возможность Г. Фреге представляет как множественность смысловых конструкций для передачи одного и того же значения, понимаемого как соответствие обозначения единственному денотату. Но здесь налицо упущение, которое не видно из характерной семиотической перспективы рассмотрения, но которое сразу заметно с наших позиций: эта избранная точка (означаемое) не просто выражается соответствующим знаковым способом, а она изначально устанавливается именно этим самым способом – как точка пересечения тех линий, через соотношение которых потом описывается ее место (значение) в треугольнике. То есть положение, что смысл определяет саму возможность значений, более фундаментально и более очевидно, чем замечание, что смысл выражает значение как смысл слов, указывающих на него. И это так даже в отношении того предмета рассмотрения, который избирает Г. Фреге, чтобы показать, что его определение соотношения смысла и значения не произвольно.

Очевидно, исходя из семиотического подхода, приоритетно рассматривающего язык как систему слов о вещах (знаков об означаемых), смысл просто не удастся заметить, можно заметить только его следы в наших высказываниях о вещах. При этом таких следов – способов выражения – может быть несколько. Получается парадоксальный эффект, воспроизводимый по-своему и Л. Витгенштейном: у одного значения несколько смыслов. С предлагаемых нами позиций это выглядит невозможным: данное значение может быть только в данном смысле – в данной системе смысла, в которой и установлено данное значение. Не смысл зависит от значения, а значение от смысла. Смысл как принцип соответствия логически предшествует значению как конкретному соответствию.

Подобная же позиция отстаивается А.В. Смирновым, убедительно обосновывающим противопоставление логики знаков *логике смысла* и показывающим преимущества последней, нодвигающимся при этом по другой траектории объяснения, чем мы, и рассматривающим другой логико-лингвистический материал [1]. А.В. Смирнов, *хотя и не дает прямого определения смысла*, рассматривает смысл в ключе выделения связности как таковой, которую ассоциирует или даже отождествляет ее с понятием целостности. Он приходит к сходным обобщениям: «Связность задает логико-содержательную соотнесенность» [1. С. 114]; «значение появляется из не-значения: такова работа нашего сознания, способного к связности на основе целостности» [1. С. 117]. При этом он, правда, под связностью, смыслополагаем и осмысленностью как основой человеческого сознания подразумевает главным образом или только субъект-предикатную связность в организации высказывания и, соответственно этому, мысли как таковой, что в свете данной статьи представляется частным аспектом, случаем. Смысл это не только целостность высказывания или целостность

мысли, это явление целостности, характеризующее способ существования нашего сознания как пульсирующего переосмысления – перегруппировки, перестройки и достройки впечатлений, представлений и мотивов при рефлексивном соотношении ранее образованного целого и возможного нового целого – что собственно и образует специфический «рефлектор» о-сознания. Язык же при этом – важный инструмент артикуляции смыслообразования, позволяющий не просто слагать мысль (образовывать с-мысл), а развивать, распространять и сохранять мысли.

Сознание это не просто система смысла, это система смыслообразования – событие переосмысления. Это событие наращивания смыслов – модальность смысловой интеграции мироздания. Сознание пульсирует в озаряюще-мерцающем ритме знаний и догадок – представлений и переосмыслений, воспоминаний и прозрений. И это пульс взаимодействия заданного *своего* целого – актуального и имманентного – и *другого* целого – потенциального и только появляющегося – выводящего в новый смысловой горизонт. Здесь, таким образом, выстраивается вариантная структура – возможны три варианта структурно-феноменологических соотношений: 1) *другое* может быть подчиненно встроено в системообразующий и доминирующий смысл *своего*; 2) или же наоборот: *другое* образует систему целого, в которую встраивается *свое*, обретая в приобщении к нему другой – высший смысл, несводимый к эгоцентрически управляющему «здоровому смыслу»; 3) может быть и неиерархическое отношение *своего* и *другого* – отношение их своеобразного взаимопроникновения, при котором *свое* и *другое* включены в открытое событие, где *другое* насыщается энергией своего, переставая выглядеть как предметная вещьность, а *свое* ощущается как момент включенности в такое динамичное событие – в открытый контекст образования целостности эстетического типа.

Все подобные феноменологические варианты артикуляции смысла мы далее найдем в примерах устройства языков: английского и немецкого как версий первого варианта – варианта смысловой доминанты *своего*; арабского и русского как разных версий опоры на смысловое *другое*; китайского как ярко выраженного третьего варианта – варианта организации языка как контекстного события. И обратим внимание, данные языково-смысловые системы отображают нечто более масштабное: они встроены в культурно-смысловые системы – цивилизационные смысловые миры, – для каждого из которых один из способов образования смысла выступает как приоритетный стандарт и преимущественный вариант, другой все же присутствует, но играет роль вспомогательного, а третий тоже имеет место, но только в качестве периферийного, маргинального – оказывается зоной активного вытеснения или пассивного пренебрежения (что зависит от степени акцентуации доминантного (стандартно приоритетного) образа смысла). В ряде работ мы обосновываем и выстраиваем логику многообразия мировых цивилизаций как культурно-смысловых типов, опираясь на выявляемую таким образом феноменальную структуру смыслообразования и подтверждая эту теорию

анализом специфических эпохальных результатов развития культур [9–11].

Итак, мы говорим о явлении смысла как о событии. Но если инструменты смыслообразования заложены в языке, то это выглядит как своего рода стабилизатор модели образования смысла. Это значит, что мысли в ее, как кажется, вольном движении не только не просто выйти за рамки имеющихся в языке понятий, но и еще более сложно сменить сам способ смыслообразования – ракурс смыслового самоопределения сознания и видения бытия. Язык как оформленная смысловая координация некоторым образом предрасположен к актам осмысления – переосмысления, открывая спектр возможностей таких актов или даже задавая как бы предопределенный сектор таких возможностей. Впрочем, это предопределение не абсолютно. Мысль пульсирует в ритме события осмысления–переосмысления, артикуляцией этого процесса выступает речь, а язык при этом отражает событийность смыслообразования. И очевидно, не столько в виде совокупности концептов – «квантов» или «узлов» мысли, – не в виде заданного канала возможной ментальной деятельности, сколько в виде некоторого образа связей, организующих мысль в ее возможном многообразии – образ связей, весьма особенного для различных языковых систем и соответствующих культурно-смысловых типов. То, как представления феноменального *другого* выстраиваются относительно субъекта мысли и речи (*своего*), как это их отношение организуется в целостную мысль – в событие слагания смысла, то, как такая структура мыслящего мысль, говорящего речь (о другом) проецируется на структуру мыслимого (*освоенного другого*) – в виде ли связки субъекта и предиката или в виде координации значащего контекста, а также как это позволяет чувствовать модальности в качестве онтологических граней события и схватывать горизонты времени – все это и определяет возможности и варианты способов формирования смысла в опыте различных культур.

Это определяет и специфический образ логичности в разных культурах – в разных ментальных системах. Концепция возможной универсальной логики, соответствующей возможной «универсальной грамматике», в связи с этим не столько принципиально не верна; она не соответствует реальной истории и жизни человеческой мысли. Это можно сопоставить с одной биологической гипотезой: при том что гены всех клеток одинаковы, генотип живого существа един, в результате гены разных клеток почему-то производят столь разные ткани, образующие разные органы. Эту тайну биологии предлагается объяснить тем, что генетическая цепочка по-разному пространственно упакована, свернута, так что ряд генов свободно продуцирует белки, а другие гены оказываются заблокированными, стянутыми этой «упаковкой». И для разных тканей организма такая блокировка различна. Для разных типов ментальности, можно сказать, действуют подобные механизмы: помыслить в общем-то можно практически все потенциально мыслимое, но мысль направляется и ограничивается средствами артикуляции

смысла и тем самым приоритетно направляется по определенному руслу.

В связи с этим определение смысла как феномена целостности в системных связях осознания – это верная, но слишком общая формулировка. Наличие же типов смысла – разных способов образования смысла – слагания, построения смысловой целостности – учет вариантности таких способов это уже не абстракция, а конкретность смысла. Причем конкретность смысла на уровне осознания как такового, по сравнению с которым все нижние этажи образования смысловых целостностей из элементов, отдельно не имевших смысла (например, в языке фонем, морфем, слов, предложений), играют служебную, несамостоятельную роль. В конце концов, ведь смысл любого текста не столько в его реферативном содержании и практической мотивации, сколько в способе проявления субъектности в бытии, благодаря чему и это бытие, и эта субъектность оказываются сторонами события осмысленности. А грамматика и семантика, равно как и репрезентация вовлекаемых фактов, и актуальная прагматика речевых актов – только составляющие конструкции такой системы осмысленности. Их маленькие смыслы оживают только в таком генеральном событии осмысленности – в событии осознания. И этот способ осмысленности прорастает сквозь них, он внутренне организует их, он организует язык как систему артикуляции смысла – он присутствует там как базовое организующее начало. И поэтому маркеры и драйверы такого начала могут быть обнаружены на любом уровне языковой структуры вплоть до фонетики. Мы же сфокусируем свое внимание только на некоторых средствах артикуляции смысла, понимаемого как целостность мыслящего, мыслимого и означающего – высказываемого.

Мы предлагаем обратить внимание на следующие аспекты смыслообразования, отображенные и поддерживаемые в формах языка, которые могут быть выражены:

- 1) как способы указания субъектом мысли (высказывания) на сферу предметности или шире, как курсы усмотрения (видения) предметности;
- 2) как подразумевание субъектности (субъективации), позволяющее маркировать смыслообразующие центры в задаваемом, таким образом, событии осознания;
- 3) как способы организации смысловой связности высказывания мысли;
- 4) как представление в языке статуса, иерархии и взаимосвязи *реального*, *действительного* и *возможного*, что находит выражение в соотношении временных горизонтов и что отражает понимание структуры открывающейся событийности осмысляемого – осмысляющего в задаваемой речью и мыслью активности осознания, проецирующей горизонты события и времени.

К первому аспекту следует отнести наличие артиклей как фактора указания на предмет и, таким образом, установления статуса предметности в сопоставлении со статусом субъектности говорящего; ко второму – специфику наличия и способов установления родов в языках; к третьему – способы построения связного высказывания.

звания, наличие управляющего порядка, согласований – то, что обычно квалифицируется лингвистами в понятиях аналитических и синтетических языков и которым соответствует в том числе разный способ связанности подлежащего со сказуемым – или фактор значащего контекста, что в лингвистике связывают с изолирующими (или аморфными) языками; к четвертому аспекту – временные формы, как они представлены в разных языках и соотношение глаголов и существительных при субъектно-предикативной структуре представления граней события или при ее отсутствии.

Вначале кратко охарактеризуем возможности сопоставления аналитического типа языка (на примере английского) и синтетического (на примере русского) в том, какое действие в плане феноменологии сознания и логики оказывают характерные для них средства смыслообразования.

В аналитическом типе языка – особенно в таком, где строго и единообразно выстраивается порядок слов, где детально контролируется порядок времен и где превалируют указания на объекты в форме артиклей, превращающих эти объекты в предметы – предметы актуально конкретных указаний (*the*) или безличных и относительно безразличных элементов предметной реальности (*a, an* – от *one*) – в таком типе языка именно подразумеваемый источник речи играет ключевую смыслоорганизующую роль. Правила языка здесь это правила реорганизации бытия относительно властного центра такой реорганизации. А это не подлежащее, не сказуемое и не дополнение, а именно субъект организации высказывания; причем это не случайный субъект актуальной речи, а абсолютный субъект властного упорядочения предметного поля, в роли которого оказывается каждый говорящий. Неотъемлемые связи *is* и *have* раскладывают реальность в пространствах предметного присутствия и обладания. Все предметы маркируются как *it* – предметное «оно», только *he* и *she* сохраняют признаки подразумеваемой персонифицированности – могут отдаленно ощущаться как собственные источники смысла. (Впрочем, нынешняя характерная для англоязычного мира редукция природного пола к дизайну гендера мотивирует представление о том, что и человек в собственной объективной основе – *it*, сущностное *оно*, которому лишь социальными технологиями придается статус квазисубъектности.) Без сомнения, здесь имеет место смысловая система, организующая реальность относительно субъекта эго, и эта система – основание ментальности. Проявление ее можно обнаружить в том числе в характерном экземпляризме, номинализме, эмпиризме, а также и в прагматизме англо-американской философии и науки. Б. Рассел отмечает, обобщая: «Британская философия более подробна, нежели континентальная, и исходит из частных причин; когда же она позволяет себе некоторые общие причины, то доказывает их индуктивно, путем рассмотрения их различных применений» [16. С. 159–160]. С этим ментально связаны и характерный способ умозаключения от частного к общему, и характерное применение такового – прецедентное право. Здесь про-

являются неотъемлемые свойства специфичной ментальности – свойства культуры эгоцентрического типа осмысления.

Тип языка, названный некогда Э. Сепиром аналитическим, можно было бы вполне корректно назвать языком *техническим*, в противовес синтетическому типу, как раз в большей степени воспроизводящим смысловую перспективу постижения *другого* – перспективу познания, – типу языка, который можно назвать, таким образом, *постигающим*.

В таком типе языка речь организуется главным образом за счет согласований и флексий. Феноменологически это ощущается как внутренняя, собственная связность мыслимого в языке, связность, которой подчиняется субъективность высказывания как объективной связи вещей и смыслов. Субъективное *я* здесь свободно от строгой организации фразы своего высказывания, но существенно зависимо от объективности, несомой языком, как раз в плане того, что эта тотальность объективных связей сильнее субъективного *я*, что *я* вынуждено не столько проявлять произвол активности, сколько прислушиваться к тому, как «говорит язык». Язык побуждает прислушиваться к собственному смыслу объективности и в том плане, что большинство слов, выражающих реальность, мужского и женского рода (в арабском языке – все слова). Такого рода персонифицированность феноменологически означает усмотрение в объективной реальности источник смысла разного свойства (разного типа смыслообразования, если уловить что ассоциативное поле мужского рода *маркирует* эгоцентрически-устойчивый тип субъектности, а женского – эстетически чуткий и пластичный).

В языках, где нет артиклей, стирается различие конкретного и абстрактного – там общее мыслится столь же конкретно, как и индивидуальное. А с другой стороны – и это еще более значимо – в каждом отдельном усматривается качество общности: говоря по-русски «идет человек», мы одновременно с выделением конкретного идущего усматриваем свойство человеческого как такового: это человек вообще.

Кстати там, где используется только один определенный артикль (*al* в арабском языке), где нет, таким образом, сопоставления определенного и неопределенного указаний, проявляется не столько эффект указательности как таковой, сколько подчеркивание объективной конкретности другого как источника смысла. «Именно этот человек» тогда не означает выделение экземпляра из человеческого рода, а выражает конкретную прямую встречность человека – именно его как человека. «Именно этот Бог» вовсе не означает указание на бога из множества богов, а выражает единственное истинно Божественное: *Аллах*.

Феноменологический подход позволяет вскрыть связь аспектов частного указания и подразумевания общего с факторами, которые отражают модальности, – обратим внимание, тогда не просто логические модальности, но модальности онтологические, метафизические, ибо они раскрывают событийную структуру являющегося – сбывающегося – существующего.

Общее это *возможное* – то, что вообще может быть так-то или тем-то. Конкретное же воплощение, реализация – это частное *актуальное* проявление. Сохранение подразумевания общего, совмещенное с указанием на частное («идет человек»), несет собою некоторое переключение нашего внимания и понимания с предмета как наличного *присутствующего* на вообще *возможное* и *соответственно* с прагматически заряжаемой *актуальности* – на *возможное будущее* или *возможное-вечное*. Реальное это всегда частное. Указание на частное как на подручное («вот это», предметы, вещи) это утверждение смыслового приоритета *имеющегося* и *актуально данного* при смысловом приоритете активного субъекта предметной деятельности. Это «здравый смысл» актуальной прагматики – актуальное мыслится в горизонте вещиности – присутствующей реальности, подлежащей субъект-центричной реорганизации. Объективность *возможного-грядущего* вызывает в такой смысловое системе недоверие, как, собственно, и теоретическое мышление в общих понятиях.

Но есть системы языка, и соответственно смысловые типы культуры, где имеется особая возможность представить актуальное как открытое слагающееся событие. Неотличимость форм глаголов и существительных, – соответственно, неразличимость значения действия от значения объекта вне конкретно ясного контекста, характерная для китайского языка, ведет к акцентуации особой роли настоящего – вот слагающегося. Действительное здесь не равно деятельному – оно, напротив, может слагаться само, требуя чуткости субъективного недеяния. В такой специфической модальности слагающегося события можно уловить стороны и появления, и присутствия, но нельзя их разделить как стороны единого. Обратим внимание: не элементы и их свойства, а переходящие друг в друга стороны события, в котором образуются свойства. Как активное и пассивное, как *инь* и *янь* в их взаимодействии и взаимопроникновении, как свершенное и еще не начавшееся («*Старик-Младенец*») – даже не как стороны, а как *Переход* (одна из наиболее точных трансляций интуиции *Дао*). Тонкая понятийная рецепция события как перехода, таким образом, не просто и не только экзотическая особенность философии *Дао*, это и свойство китайского языка, объединяющего появляющееся (действие) и присутствующее (основу) – языка, побуждающего мыслить именно так.

Ряд авторов отмечают отсутствие идеи вечного бытия в китайской картине мира и объясняют это тем, что глагол «есть» не используется в качестве связующего [17, 18]. Но он не используется и в русском языке, и однако, образ вечного бытия не чужд русской культуре. Дело здесь, скорее, как раз в этой специфической первичности понимания изменчивости, на дающей принять идею вечности, и первичности интуиции появления/исчезновения, мешающей представлению об устойчивом бытии. Дело здесь в первичных интуициях, которые производны в конечном счете от таких форм артикуляции смысла, где нет различения существительного и глагола.

Для восточноазиатских культур характерна более артикуляция состояний, нежели вещей. Глагол и существительное в китайском языке малоразличимы, и в связи с этим здесь формируется особая логика – не субъектов и предикатов, а логики текучих событий, отчасти, логики состояний процесса. И понятие в рамках такой логики состояний процесса значительно более обобщенно, нежели понятие, получаемое как указание на частный денотат. Это больше понятие – пластический динамичный образ, нежели понятие-субстанция – скорее приоритетное сказуемое, чем приоритетное подлежащее.

С этим, вполне вероятно, связано иероглифическое письмо Китая: иероглифы как емкие образы-понятия – это не указания на вещи по преимуществу, а отсылки к обобщенным состояниям. Более правильно сказать, это «фигуры событий».

Если сравнить феноменологические истоки формирования китайской мысли с истоками формирования мысли индоевропейской, то привлекает внимание приоритет магической интуиции для Китая и особая роль мифологического или мифопоэтического начала в слагании смысловой артикуляции индоевропейских народов. Китайцы первично вызывают не *богов*, а *энергии*, и это начало оказывается ключевым основанием как для строя языка, так и для ментальных приоритетов, сказавшихся в итоге во многих сферах культуры. Можно сказать, что субъектность и предикативность слитны в вызываемом, артикулируемом таким образом феномене. *Дао* – это и путь, и переход и движение: в «Книге перемен» одним из элементов является не воздух, а ветер, т.е. движение воздуха, не камень, а скала – т.е. нависающий конгломерат камня и т.д.. И вообще, характерные понятия «И Цзин» выражают моменты событийной динамики – именно фазы события перемен. В канонах эстетики закон живописи – *циюнь шэньдун* (духовный трепет – движение жизни) – закон передачи именно присущей внутренней динамики изображаемых вещей и существ.

Событийной конфигурацией оказывается и весь текст. Его смысловая связность понимается из контекста – и проступает только в живом понимании этого контекста. Это соответствует и контекстуальному типу связывания понятий в системе языка. Причем контекст организуется не по принципу предметности, а по принципу операций, конструктивных действий над предметами [19. С. 116, 119].

Итак, не столько *память* как твердое знание фактов и вещей, сколько *воспоминание* как понимающее истолкование определяют характерный ракурс психологии модальностей в китайской ментальности. Здесь можно сказать, что смешиваются факторы *реального* и *актуального* с приоритетом и преимуществом актуального. Но не будем объединять то, что мы назвали «*воспоминанием*», с тем, что следует назвать *откровением*. В откровении обретается модальность возможного, это данность совершенной новизны – *другости* смысла. Для китайской ментальности это не характерно. Эта культура не религиозна в смысле религий откровения; эта культура ретроспективно традиционна – обращена к воссозданию, оживлению и почитанию наследия

предков, а не к мистическому прозрению; это культура в высшей степени коллективна и подражательна – творческий порыв за рамками общепринятого и одобряемого шаблона ей не свойствен. Очевидно, с этим связан характерный семейно-иерархический социальный коллективизм китайцев (как и вьетнамцев, и японцев), столь отличный от всего, что свойственно в этом отношении индоевропейским народам.

В китайском языке нет управляющей произвольности по отношению к данности языка, а есть только чуткая созерцающая интуиция: сознание должно тонко улавливать эстетический смысловой контекст никак не отсылающих друг к другу, а только соположенных элементов – слогов или пиктограмм. Надо уловить жизнь и переход в соотношении этих неживых элементов. В речи, конечно, прагматическая интенция скрадывает этот эффект, но не полностью. Казалось бы, это должно открывать огромную свободу смысловотворчества. Но для этого не хватает логических инструментов – грамматических форм. Вообще, обилие синтаксических форм вместе с флексиями, несущими согласующие взаимоотношения слов, – это и есть залог мыслительной гибкости. Если этого не хватает, равно как и тогда, когда эти формы слишком жесткие, мысль оказывается запертой в конфигурации предзаданного порядка. А с другой стороны, нехватка грамматических форм, естественно, компенсируется семантической перегруженностью – в китайском языке более 6 000 иероглифов. И это ведет к повышенной роли конвенциональности понимания: надо перенять всю эту сумму значений. Все эти элементы значений надо одинаково понимать – выучить в смысле знать, что и как они значат для всех других. Здесь неизбежна стандартизация мысли и конформизм, своеобразный коллективизм мышления. Здесь велика роль традиции и очень мала возможность произвольной игры со сгибами смыслов.

В арабском, как и в других семитских языках, формы настоящего и будущего времени глаголов совпадают. Причем форма настоящего образуется путем прибавления к основе приставок будущего времени – т.е. настоящее тоже выражается в форме будущего и различается только по контексту. Настоящее образовано как бы по образцу будущего. Если присоединить здесь к грамматике феноменологию осознания и психологию восприятия, то, несмотря на ясный контекст такого высказывания, всегда сохраняется некоторая амбивалентность: настоящее мыслится здесь, скорее, как то, что будет, и при этом вот уже есть – как свершающееся возможное. И в этой слитности все же ощущается как бы некоторый приоритет возможного над действительным: действительное артикулируется как наступающее возможное. Эта слитность, ощущение присутствия будущего в настоящем как бы приближает понимание действия в настоящем к ощущению импульса к действию: «я говорю» равно «я хочу или должен говорить» или «я намерен – и говорю».

«Альфой и омегой этических построений в арабо-мусульманской культуре служит непосредственная связанность намерения и действия... намерение не просто служит импульсом, дающим начало действию. Оно

должно сопровождать действие на всем протяжении его исполнения, не исчезая и не ослабевая до его завершения», – пишет А.В. Смирнов [20. С. 89]. Более того, он разъясняет: «намерение должно влечь действие сразу (откладываемое “на потом” не будет считаться действием, вызванным данным намерением)» [20. С. 89]. Это относится к этической интуиции и ментальности. Но как не увидеть здесь прямую экспликацию главной идеи ислама, сути самого слова «ислам» – покорность, интерпретируемая как немедленное повиновение? Настоящее нельзя мыслить отдельно от производящего его грядущего, от грядущего, мотивирующего настоящее. Но при этом грядущее не имманентно налично актуальному – оно вливает свою волю как неведомое Другое. И сами человеческие намерения производны в конечном счете от этой Другой воли – намерения вкладываются в имманентное «я» сознания или вменены ему.

Актуальное немислимо в такой системе артикуляции смысла без побудительного *возможного*, обретающего таким образом черты повелевающего необходимого *грядущего*. И это столь контрастно западноевропейскому стереотипу представления о детерминации как способе причинения, где эффект настоящего выводится из условий в прошлом.

Эту особенность арабского менталитета связывают порой с религиозной максимой: «Все в воле Аллаха». Отметим, и данная особенность ментальности, и эта особенность религии прямо связаны с фактором смыслового доминирования в актуальном возможного будущего, представляющего как непосредственно грядущее.

В индоевропейской мысли возможное задается через видение («идея», «интуиция»), т.е. как функция активности субъекта, «моей» человеческой активности – как *взятость*, схваченность *мною*. В семитской мысли оно опознается как весть (из онтологического Будущего) – как *данность*. «Ангел» это персонифицированная весть. Почему обязательно персонифицированная? Потому что это феномен смыслового другого. Как сказал бы М. Бубер, не «я» (вижу), а «ты» (вещасшь). Возможное дается, а не берется, принимается, а не усматривается. Источник возможного не подчинен человеческой воле. Отсюда и характерный фатализм ислама, и представление о непознаваемости Аллаха.

В арабской философии и теологии ислама мы сталкиваемся с кажущимся нам весьма непривычным объяснением движения и времени: Аллах каждое мгновение созидает все вещи мира, каждое мгновение уничтожает и вновь пересоздает их. И в этом мерцании стояний бьется пульс времени. Разбираясь в логике такого объяснения, А.В. Смирнов пишет: «Каждый момент времени включает два события: уничтожение тела (сотворенного в предыдущий момент времени) и сотворение его заново. <...> длительность “внутри” такого момента времени отсутствует. <...> состояние мгновенно, оно фиксирует вещь в ее данной неизменности, а момент времени (*вакт*) оказывается соединением двух таких “состояний”» [21. С. 197]. Для европейца, скорее, очевидно то, что возникновение и есть

движение или даже основание в объяснении движения. Мы говорим «момент возникновения», а не «состояние возникновения». Для арабской ментальности – иначе, и дело здесь в том, что настоящее время задано в языке формой будущего. Средства для выражения собственно настоящего ослаблены, настоящее как «просвет» события нельзя выделить, поэтому можно представить только состояния – и это состояния грядущего и прошлого, настоящее же как возникающее берет на себя свойство грядущего – причем как свойство вечности возможного, приобретающего черты *неизбежного*, приобретающего свойство непосредственно связующего действия.

А.В. Смирнов противопоставляет субстанциальной аристотелевской логике процессуальную логику, характерную для арабской языковой традиции и, соответственно, для классической арабской науки и культуры [1]. Он выявляет характер связывания понятий в такой логике: действующее – действие – претерпевающее [1. С. 91]. Роль логической связки играет здесь не факт бытия (*есть*), объединяющий субъект с предикатом, а фактор действия, исходящего от субъекта. И это означает не столько процессуальность в смысле длительности, и не столько существо действия, сколько действие как акт, относимый к имени – протекание как цепочка таких актов. Говоря об этических, правовых, политических и социальных исламских теориях, А.В. Смирнов пишет: «их не интересуют классы вещей; их не интересует подведение под общие свойства, их не интересует иерархия свойств или следствия, которые вытекают из этого; их интересует всегда цепочка действий и возведение к перводействователю» [1. С. 58]. Заметим, вещи это следы событий и присутствующие условия новых возможных событий, действие же это само событие – и оно временем течет из будущего как причиняющего возможного. Перводействитель – не в прошлом вещей, не в бытии реальности, а в будущем, дающем возможность и действующем в настоящем – этим своим действием из будущего и составляющим свершение настоящего. Приоритет будущего по отношению к настоящему и настоящего по отношению к прошлому – это и есть модель времени события – модель актуальности (действия) как причинения, а не актуальности просто изменения (вещей) или деятельности (субъекта). Так понимаемое будущее имеет черты вечности – это не будущее проекта или заботы, а будущее истока творящей воли. Действие вытекает из «воли» Перводействителя, а не из субъективного умысла человека. Оно строится как входящее в мир объективно возможное, а не как план, исходящий из условий прошлого – из обстоятельств реальности. Возможное же тогда понимается не как нечто гадательное (будет – не будет), а именно как могущее – дающее бытие.

Значение бытия реальности в таком образе мышления кардинально меньше, чем значение действующего-возможного. И такой метафизике соответствует особенная логика. А.В. Смирнов указывает, что в арабском языке отсутствует глагол «быть» в качестве логической связки подлежащего и сказуемого; роль связки

иногда играет глагол *кана* – «возникать» или «случаться» [1. С. 71, 73]. Он связывает это с ослаблением интуиций субстанции и места, столь характерных для европейцев, и усилением интуиции действия и времени в представлении связи вещей и событий. Для европейца кажется смыслоорганизующим логическое сочетание: *«имеет место быть»*. Это звучит почти как цитата из Хайдеггера. И одновременно это выглядит как несколько ироничное присловие по-русски. Ведь «есть» и «имеет» – эти привязки к месту присутствия редуцированы и в русском языке. Такая редукция выражает ментальное преобразование в направлении понимания истока причинности как *вечности*, а не как *местности* – как возможности, а не как обстоятельств при-сутствия, в направлении замены логической связки «есть» на подразумеваемое «является». Впрочем, для русской языковой культуры это не означает, что метафизика эволюционирует от субстанциальности реального к процессуальности сбывающегося, но означает освоение полноты событийности. Которой, к сравнению, не хватает семитской ментальности, в основе которой – сращенность будущего с настоящим с приматом будущего.

Метафизика, логика и этика тесно связаны в типе ментальности, организация которой поддерживается в языке. И арабский язык допускает и побуждает мыслить таким образом, что здесь субъектом мысли управляет объективно возможное грядущее, сближающееся, если не отождествляемое с действительным. Субъективное программирование будущего оказывается затрудненным; детальное планирование столь не свойственно данной культуре. В этом плане арабский язык – антипод английского с его точно дифференцированным различием соотношений времен. Субъективная свобода здесь подчинена мистической силе довлеющего Грядущего, которое предстает как волящая Вечность.

Следует сделать вывод: то, что мы постарались раскрыть на примерах ряда сопоставленных языковых традиций, это не отдельные особенности организации грамматики и эффекты когнитивной сферы, а именно система смысла. Они образованы целостным опытом культуры – опытом осмысления, и они отражены в языке как устойчивой системе артикуляции смысла. При этом вопрос – язык определяет особенность опыта культуры или этот опыт определяет конфигурацию языка – не будет вполне корректным. Осмысление – событие осознания, а язык это артикуляционный способ осуществления такого события – это взаимодополнительные стороны одного процесса.

Язык – это не просто сумма значений и смыслообразующих отношений, которая отражает и даже формирует картину мира, организует мировоззрение и направляет стиль практической мотивации. Это результат бесконечно многочисленных актов смыслообразования, вновь и вновь воспроизводящихся в их типологической идентичности и кристаллизующихся в значениях языка. Следовательно, это не только средство консервации смысла, но и часть, фаза, дискретно рассыпанная мозаика осуществленных и осуществляе-

мых словообразований. Язык постоянно претерпевает всевозможные спонтанные изменения, провоцируемые меняющимся историческим контекстом. Язык эволюционно разрастается, становясь материалом сложных ментальных конструкций. Но закрепляются в качестве норм языка именно те новообразования, которые оказываются значимыми для выражения существенных смысловых определенностей культуры.

Впрочем, не надо забывать, что язык, в том числе и его основное словообразующее устройство, древнее религиозных учений и философских теорий, представляющих великие порывы осмысления бытия в развитии культуры. Язык древнее и религии, и философии как таковых форм сознания. Поэтому тот опыт осмысления, который уже заложен в артикуляционных формах языка, является приоритетным условием для всех дальнейших актов обретения смысла в данной культуре.

То, что язык образован как способ активно воспроизводить акты осознания – артикулировать образование смысла, в системе координат которого актуализируется мышление, – это первичное свойство, на основании которого складываются средства для конструирования логических связей, образуется система категорий для опознания и упорядочения мира, определяется специфическая направленность познания, формируется образ метафизики, что, в свою очередь, влияет на ценностные приоритеты и исторические преимущества типа культуры.

Язык – это и скрепление результатов опыта культуры и одновременно «колея» мысли, выбиться за которую крайне трудно, порой почти невозможно. Помыслить можно то, что можно проартикулировать как осмысленность. То есть язык в его словообразующих формах – это своего рода динамичный «кристалл» события словообразования, каждый новый акт которого должен быть соразмерен условиям этой априорной заданности. Что, конечно, не сводит мысль как событие к заданным условиям. «Язык говорит нами» не в том смысле, что он вынуждает нас проговаривать его формы и смыслы и что у нас нет выхода за пределы смысловой системы языка, а в том, что мы говорим им, мысля формами его организации, при организации своей мысли с необходимостью прибегая к этим формам. Мы чувствуем, что грамматика не должна управлять нашей мыслью, тем более устанавливать ее. Но она все же определяет нашу мысль – ограничивает или открывает для нее степени свободы в разных отношениях. В одних языках таких степеней свободы больше, в других – меньше, но главное, это разные отношения для степеней свободы. И это либо открывает мысли особые возможности ее креативности, либо в чем-то блокирует их и направляет мысль по особому смысловому заданному руслу. При этом в системах языков отражаются варианты смысла – варианты способов осмысления и переосмысления бытия, составляющие своеобразие жизни культур и цивилизаций, каждая из которых ведет осознание бытия своим путем, оригинальным, но не закрытым для понимания другими.

Список источников

1. Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 448 с.
2. Смирнов А.В. Процессуальная логика и ее обоснование // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 5–14.
3. Gobbo F., Russo F. Epistemic Diversity and the Question of Lingua Franca in Science and Philosophy // Foundations of Science. 2020. Vol. 25 (1). P. 185–207.
4. Дружинин А.С. Язык и реальность: до или после, вместе или вместо? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 67–93. doi: 10.17223/19986645/69/4
5. Maksudova-Eliseeva G. Logical aliens and where to find them // Logical Investigations. 2020. Vol. 26, № 2. P. 160–175.
6. Конев В.А. Об онтологических основаниях процессуальной логики // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 17–26.
7. Петров Д.Ю. Язык мира. М.: Центр Дмитрия Петрова, 2018. 256 с.
8. Бородай С.Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм. М.: Садр; Издательский Дом ЯСК, 2020. 800 с.
9. Ланкин В.Г. Вариантность смысла и типология культур // Вестник ТГПУ. 2011. Вып. 11. С. 180–186.
10. Ланкин В.Г. Феноменология смысловых типов как основа систематизации многообразия культур // Полигнозис. 2012. № 2. С. 32–40.
11. Ланкин В.Г. Россия: Смысловый космос культуры. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2018. 248 с.
12. Ланкин В.Г. Явление смысла. Эстетизис и логос. Томск: Издательство ТГПУ, 2003. 423 с.
13. Ланкин В.Г. Артикуляция смысла: язык, логика, метафизика. Lambert Academic Publishing, 2020. 90 с.
14. Ланкин В.Г. Сознание как событие. Lambert Academic Publishing, 2021. 187 с.
15. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1997. Вып. 35. С. 351–379.
16. Рассел Б. История западной философии. М.: Миф, 1993. Т. 2. 444 с.
17. Кобзев А.И. Общемировоззренческие следствия отсутствия связки «быть» («есть») и понятия «бытие» // Титаренко М.Л. и др. Духовная культура Китая. Философия. М., 2006. С. 120–126.
18. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: Познание запредельного. СПб.: Азбука-классика, 2007. 480 с.
19. Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2013. 394 с.
20. Смирнов А.В. О логической интуиции арабо-мусульманской культуры // Новое литературное обозрение. 2003. № 6 (64). С. 81–96.
21. Смирнов А.В. Соизмеримы ли основания рациональности в разных философских традициях? // Сравнительная философия. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 167–212.

References

1. Smirnov, A.V. (2021) *Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglashenie k razmyshleniyu* [The logic of meaning as a philosophy of consciousness: an invitation to reflection]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK.
2. Smirnov, A.V. (2019) *Protsessual'naya logika i ee obosnovanie* [Procedural logic and its justification]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 5–14.
3. Gobbo, F. & Russo, F. (2020) Epistemic Diversity and the Question of Lingua Franca in Science and Philosophy. *Foundations of Science*. 25 (1). pp. 185–207.
4. Druzhinin, A.S. (2021) Druzhinin A.S. Language and reality: before or after, in or instead? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 69. pp. 67–93. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/69/4
5. Maksudova-Eliseeva, G. (2020) Logical aliens and where to find them. *Logical Investigations*. 26 (2). pp. 160–175.

6. Konev, V.A. (2019) Ob ontologicheskikh osnovaniyakh protsessual'noy logiki [On the ontological foundations of procedural logic]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 17–26.
7. Petrov, D.Yu. (2018) *Yazyk mira* [Language of the world]. Moscow: Tsentr Dmitriya Petrova.
8. Boroday, S.Yu. (2020) *Yazyk i poznanie: Vvedenie v postrelyativizm* [Language and cognition: An introduction to post-relativism]. Moscow: Sadra; Izdatel'skiy Dom YaSK.
9. Lankin, V.G. (2011) Variantnost' smysla i tipologiya kul'tur [Variation of meaning and typology of cultures]. *Vestnik TGPU*. 11. pp. 180–186.
10. Lankin, V.G. (2012) Fenomenologiya smyslovykh tipov kak osnova sistematizatsii mnogoobraziya kul'tur [Phenomenology of semantic types as the basis for systematization of the diversity of cultures]. *Polignozis*. 2. pp. 32–40.
11. Lankin, V.G. (2018) *Rossiya: Smyslovoy kosmos kul'tury* [Russia: The semantic space of culture]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
12. Lankin, V.G. (2003) *Yavlenie smysla. Estezis i logos* [The appearance of meaning. Aesthetics and logos]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
13. Lankin, V.G. (2020) *Artikulyatsiya smysla: yazyk, logika, metafizika* [Articulation of meaning: language, logic, metaphysics]. Lambert Academic Publishing.
14. Lankin, V.G. (2021) *Soznanie kak sobytie* [Consciousness as an event]. Lambert Academic Publishing.
15. Frege, G. (1997) Smysl i denotat [Meaning and denotation]. *Semiotika i informatika*. 35. pp. 351–379.
16. Russel, B. (1993) *Istoriya zapadnoy filosofii* [A History of Western Philosophy]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Mif.
17. Kobzev, A.I. (2006) Obshchemirovozzrencheskie sledstviya otsutstviya svyazki “byt” (“est”) i ponyatiya “bytie” [General worldview consequences of the absence of the connective “to be” (“is”) and the concept “being”]. In: Titarenko, M.L. et al. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [Spiritual culture of China]. Vol. 1. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, RAS. pp. 120–126.
18. Torchinov, E.A. (2007) *Puti filosofii Vostoka i Zapada: Poznanie zapredel'nogo* [Paths of philosophy of East and West: Knowledge of the beyond]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
19. Krushinskiy, A.A. (2013) *Logika Drevnego Kitaya* [Logic of Ancient China]. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, RAS.
20. Smirnov, A.V. (2003) O logicheskoy intuitsii arabo-musul'manskoj kul'tury [On the logical intuition of Arab-Muslim culture]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6 (64). pp. 81–96.
21. Smirnov, A.V. (2000) Soizmerimy li osnovaniya ratsional'nosti v raznykh filosofskikh traditsiyakh? [Are the foundations of rationality comparable in different philosophical traditions?]. In: *Sravnitel'naya filosofiya* [Comparative philosophy]. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 167–212.

Информация об авторе:

Ланкин В.Г. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: lankinvg@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.G. Lankin, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lankinvg@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.05.2022;
одобрена после рецензирования 22.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 04.05.2022;
approved after reviewing 22.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.648.2
doi: 10.17223/15617793/494/8

Ценностные и моральные факторы мотивации к изучению кумандинского языка у кумандинских подростков

Александр Михайлович Беспалов^{1, 2}, Ольга Николаевна Макарова^{1, 3},
^{1, 4}Михаил Сергеевич Власов, ^{1, 5}Алмаш Болотбек кызы

¹Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукинина, Бийск, Россия

²bam56@mail.ru

³fmfmak.on@mail.ru

⁴vlasov_mikhailo@mail.ru

⁵almashbolotbek@gmail.com

Аннотация. Рассматривается вопрос о связи ценностей и моральных оснований с мотивацией к изучению языка своего народа у кумандинских подростков. С помощью опросника, составленного на основе теории Р. Гарднера, и соответствующих опросников ценностей и моральных оснований на выборке из 94 кумандинских подростков показано, что интегративная мотивация наиболее тесно связана с выраженностью кумандинской идентичности. Ценности сохранения и моральное основание «Уважение» связано с интегративной мотивацией опосредованно через кумандинскую идентичность.

Ключевые слова: этническая идентичность, мотивация к изучению языка, ценности, моральные основания, кумандинцы

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20420, <https://rscf.ru/project/22-28-20420/> и Министерства образования и науки Алтайского края (договор № Н-3 от 11.04.2022).

Для цитирования: Беспалов А.М., Макарова О.Н., Власов М.С., Болотбек кызы А. Ценностные и моральные факторы мотивации к изучению кумандинского языка у кумандинских подростков // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 73–82. doi: 10.17223/15617793/494/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/8

Value and moral factors of motivation to study the Kumandin language among Kumandin teenagers

Aleksandr M. Bepalov^{1, 2}, Olga N. Makarova^{1, 3}, Mikhail S. Vlasov^{1, 4}, Almash Bolotbek kzy^{1, 5}

¹Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russian Federation

²bam56@mail.ru

³fmfmak.on@mail.ru

⁴vlasov_mikhailo@mail.ru

⁵almashbolotbek@gmail.com

Abstract. The article examines the associations of basic individual values and moral foundations with the motivation to learn the language of their people among Kumandin teenagers. The urgency of this problem is determined by the fact that the Kumandin language is on the verge of extinction, since most teenagers (more than 90%) do not speak it at all. Motivation is of fundamental importance for success in independent language learning, but it is undermined by the lack of a language environment. In this regard, the analysis of factors supporting motivation to study the Kumandin language is of great importance. Based on Gardner's theory, we developed a questionnaire measuring the integrative and instrumental motivation of learning the Kumandin language, as well as amotivation. The results of the factor analysis and estimation of scales' internal consistency confirmed the correspondence of the structure of the proposed questionnaire to the expectations based on Gardner's theory. Using this questionnaire, Finney's scale of ethnic identity, an abridged version of Schwartz's value questionnaire (PVQ-21) and the Moral Foundations Questionnaire (MFQ), we conducted a survey in a group of 94 Kumandin teenagers (84% of all Kumandin teenagers living in Altai Krai). In the course of the quantitative analysis of the results, correlation analysis and general linear models were used. The survey

results showed that integrative motivation based on the desire to master the Kumandin culture and communicate in this language with other Kumandins is predominant among the surveyed adolescents. Integrative motivation was expected to be most closely related to the intensity of the Kumandin identity. Identity mediates the effect of conservation values and the moral foundation of authority on integrative motivation. We also found that the moral foundation of equality is directly and positively related to instrumental motivation, reflecting the desire to obtain practical benefits from language proficiency and amotivation (loss of the meaning of language learning). This may mean rejecting the need for language learning by teenagers who focus on their equality with teenagers of other nationalities. The significance of the results obtained for practice is that the cultivation of conservation values and binding moral foundations among Kumandin teenagers will contribute to the maintenance of ethnic identity and motivation to learn the Kumandin language.

Keywords: ethnic identity, motivation to learn language, values, moral grounds, Kumandins

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-20420, <https://rscf.ru/project/22-28-20420/>, and the Ministry of Education and Science of Altai Krai (Agreement No. N-3 dated April 11, 2022).

For citation: Bepalov, A.M., Makarova, O.N., Vlasov, M.S. & Bolotbek kyzy, A. (2023) Value and moral factors of motivation to study the Kumandin language among Kumandin teenagers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 73–82. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/8

Введение

Знание родного языка и желание его изучать и приносить – важная часть этнической идентичности. Усилия общества, направленные на сохранение коренных малочисленных народов, связаны не только с предотвращением сокращения численности представителей этих народов, но и с поддержанием их этнической идентичности, сохранением их языка и культуры. Вместе с тем эффективность этих усилий оставляет желать лучшего, о чем свидетельствует, в частности, вымирание языков коренных малочисленных народов [1]. Трудности сохранения языка таких народов можно проиллюстрировать на примере кумандинцев – малочисленного коренного народа, проживающего в Алтайском крае, Республике Алтай и Кемеровской области России. В одном из недавних исследований на основе выборки подростков-кумандинцев, проживающих в Алтайском крае, было продемонстрировано, что кумандинским языком совершенно не владеют 94% опрошенных [2]. Эти данные, указывающие на весьма высокий риск утраты кумандинского языка в ближайшие десятилетия, подтверждают актуальность вопроса о том, какие социально-психологические факторы имеют значение для мотивации к изучению родного языка у кумандинских подростков.

Результаты прошлых социологических исследований свидетельствуют о тенденции к снижению мотивации к изучению своего языка у школьников из числа коренных малочисленных народов, чему способствует, по мнению экспертов, отсутствие соответствующей языковой среды и перспектив использования языка, а также отсутствие соответствующего предмета в числе дисциплин, участвующих в итоговой аттестации или же вовсе отсутствие соответствующего курса в школьной программе (как в случае с кумандинским языком) [1]. Отсутствие реальной языковой среды и соответствующего курса в программе относится к числу объективных социальных факторов, изменение которых в благоприятном направлении с целью сохранения кумандинского языка представляется довольно затруднительным. Наиболее важным фактором представляется именно отсутствие полноценной языковой среды: по мнению В.Я. Унаровой, «если отсутствует языковая

среда – нет и мотивации к овладению языком, отсутствует мотивация – не быть языковой средой» [3. С. 817].

С учетом такой взаимообусловленности языковой среды и мотивации к изучению языка, можно предположить, что одним из решений проблемы вымирания кумандинского языка может стать поддержка мотивации к его изучению у детей и подростков. Отметим, что наличие активных носителей кумандинского языка и общественных организаций, заинтересованных в сохранении и распространении языка, оставляет возможности его освоения подрастающим поколением, однако в такой ситуации первостепенное значение приобретает личная мотивация детей и подростков, а также поддерживающие или подрывающие такую мотивацию социально-психологические факторы.

Среди социально-психологических факторов мотивации к изучению языка своего народа в первую очередь следует назвать этническую идентичность – ее роль достаточно очевидна, и, по всей видимости, она выступает в качестве одного из важнейших факторов мотивации. При этом следует отметить в качестве благоприятных условия, способствующие укреплению мотивации к изучению языка, продемонстрированный ранее достаточно высокий уровень этнической идентичности у кумандинских подростков [2]. Рассматривая другие социально-психологические факторы, необходимо уделить внимание тем явлениям, которые регулируют отношения между личностью и ее сообществом: ценностям и моральным нормам.

К числу наиболее актуальных подходов к исследованию ценностей, обеспечивающих не только их теоретическое понимание, но и операционализацию представлений об их структуре, относится теория базовых ценностей Ш. Шварца [4–6]. В рамках этой теории предполагается, что структура ценностной сферы может быть охарактеризована в самом общем виде четырьмя категориями, образующими сектора в круговом мотивационном континууме [5, 6]. Первая из двух осей этого континуума определяется противостоянием ценностей – открытости изменениям и сохранения. *Ценности открытости изменениям* отражают стремление к новым, преобразующим идеям и действиям,

свежему опыту и переживаниям. Эта категория включает ценности самостоятельности, риска и гедонизма. Ценности открытости противоположны *ценностям сохранения*, отражающим стремление избегать перемен и риска, склонность к самоограничению и соблюдению традиций. Ценности сохранения включают в себя конформность как соблюдение правил, законов и формальных обязательств, безопасность как заботу о стабильности, общественной и личной безопасности, а также ценность традиции как уважение, принятие существующих в культуре обычаев и идей, стремление следовать им. По всей видимости, ценности сохранения могут представлять собой важный фактор этнической идентичности и мотивации к изучению языка, так как они поощряют приверженность культуре и традициям своего народа.

Вторая ценностная ось этого кругового континуума задана противостоянием ценностей самоутверждения и самопреодоления. *Ценности самоутверждения* характеризуют стремление к реализации личных интересов, удовлетворению мотивов узкого личного характера. Эта категория включает ценности достижения и власти. Противоположными им являются *ценности самопреодоления*, которые, как следует из их названия, связаны с преодолением личных интересов во имя интересов других людей и сообщества в целом. В эту группу ценностей входят благожелательность, отражающая преданность и заботу о близких людях, и универсализм как широкая ценность, включающая защиту благополучия всех людей и природы, понимание и терпимость по отношению ко всем людям.

Нравственные ценности и моральные нормы, регулирующие отношения между людьми и человека с обществом, рассматриваются в теории моральных оснований, разработанной Дж. Хайдтом с коллегами [7–9]. В последней версии теории описывается шесть основных критериев для моральной оценки поступков и событий, выступающих в качестве моральных оснований: забота, равенство, пропорциональность вознаграждения, лояльность группе, уважение, праведность. Авторами данной теории отмечается, что наряду с перечисленными к числу возможных моральных оснований относится также свобода [8], в которой отражаются представления о ценности независимости человека от общества и личной свободы.

В контексте данного исследования наибольший интерес представляют спланированные моральные основания, названные так потому, что они охватывают ценности и нормы, ориентированные на объединение группы вокруг лидера и общих ценностей. В эту категорию входят моральные основания, поощряющие преданность своей группе (лояльность), уважение ее традиций и лидеров (уважение) и праведный образ жизни, проявляющийся в соблюдении ограничений, накладываемых традициями и религией (праведность). Известно, что эти моральные основания связаны с предпочтением консервативной идеологии, гражданской идентичностью и патриотизмом [8, 10–12]. Поскольку этническая идентичность в значительной мере основывается на лояльности собственной группе и ува-

жении к ее традициям и авторитетам, можно предположить, что спланированные моральные основания выступают в качестве важного морального фактора такой идентичности. Также следует ожидать, что спланированные моральные основания непосредственно или опосредованно через этническую идентичность будут поддерживать мотивацию к изучению языка своего народа у представителей коренных малочисленных народов.

Для анализа мотивации кумандинских подростков необходимо конкретизировать представления о ее содержании и структуре. Поскольку для большинства современных кумандинских подростков кумандинский язык лишь номинально является родным, то его изучение можно попытаться рассматривать по аналогии с изучением любого другого неродного языка. Несмотря на значительное разнообразие теорий и подходов в современных исследованиях мотивации к изучению второго языка, одной из наиболее востребованных по-прежнему остается теория мотивации Р. Гарднера [13–15], особенностью которой является большое внимание к социально-культурным факторам мотивации изучения языка. В рамках такого подхода предполагается, что большое значение для мотивации имеют ценности и установки, связанные с иностранным языком, его носителями и их культурой, а также с процессом изучения языка. В одной из первых значительных работ в рамках данного подхода [14] Р. Гарднером и У. Ламбертом были выделены и описаны два типа мотивации в отношении изучения второго языка: интегративная и инструментальная мотивация. Интегративная мотивация отражает интерес к культуре и народу изучаемого языка, стремление к общению с его носителями. Инструментальная мотивация складывается под влиянием требований среды и внешних факторов, к примеру, необходимости освоения языка для получения определенной работы. Представления об интегративной и инструментальной мотивации к изучению языка достаточно хорошо подходят для описания возможных мотивов изучения кумандинского языка у кумандинских подростков: интегративная мотивация в этом случае отражает основанный на этнической идентичности интерес к культуре и прошлому своего народа, желание общаться с представителями своего народа на национальном языке. Инструментальная мотивация также может иметь место у кумандинских подростков: хотя знание кумандинского языка дает не слишком много практических выгод, тем не менее, как язык тюркской языковой семьи он может оказаться полезен для общения с представителями других тюркских народов.

В доработанной и дополненной социо-образовательной модели мотивации Р. Гарднера, помимо мотивационных ориентаций, в качестве важных показателей мотивации рассматриваются: отношение к ситуации обучения (в том числе к курсу и педагогу), интегративность (интерес к иностранным языкам вообще, отношение к носителям и культуре изучаемого языка), характеристика интенсивности мотивации к изучению языка [15]. Очевидно, что дополнительные компоненты мотивации, относящиеся к

ситуации систематического изучения языка в рамках некоторой образовательной программы, слабо применимы к случаю с кумандинским языком ввиду того, что он практически не преподается в форме систематического курса. Интерес к иностранным языкам в целом также представляется нерелевантным в ситуации изучения языка своего народа.

Важным показателем мотивации наряду с мотивационными ориентациями, по нашему мнению, является интенсивность мотивации к изучению языка. В то же время, с учетом сложившейся ситуации, в которой кумандинские подростки зачастую не имеют опыта изучения языка, трудно рассчитывать, что оценка интенсивности мотивации к деятельности, в которой они не участвовали, будет сколь-нибудь правдоподобной. Более разумной выглядит попытка оценки противоположного и не менее важного показателя – амотивации, рассматриваемой как как утрата смысла в изучении кумандинского языка, отсутствие субъективных причин для изучения. Понятие амотивации, введенное в рамках одной из наиболее авторитетных современных теорий мотивации – теории самодетерминации [16], представляется более адекватным ситуации, в которой деятельность по изучению языка практически отсутствует и важно уточнить причины такого положения.

Таким образом, целью исследования стал анализ зависимости мотивации к изучению кумандинского языка у кумандинских подростков от базовых ценностей и моральных оснований при контроле этнической идентичности. Гипотезу составило предположение о том, что ценности сохранения и спланивающие моральные основания (в первую очередь уважение и лояльность группе) непосредственно или опосредованно через выраженность этнической идентичности поддерживают мотивацию к изучению кумандинского языка.

Выборка и методы исследования

Выборку составили обучающиеся в школах г. Бийска, Красногорского и Солтонского районов 94 кумандинских подростка (47 девушек и 47 юношей). Средний возраст $M = 15,7$ (стандартное отклонение $SD = 1,67$). Из числа участников 43 (46%) проживают в сельской местности, остальные 51 – в г. Бийске. Исследование проводилось с помощью бланкового опроса в школьных классах, участие в исследовании было добровольным, вознаграждения или обратной связи участникам не предоставлялось. Хотя размер выборки в абсолютном выражении является небольшим, он приближается по величине (составляя 84%) к размеру всей популяции кумандинских подростков, проживающих на территории Алтайского края, включающей 112 человек в возрасте 14–20 лет.

Для решения задач данного исследования на основе концепции Р. Гарднера был составлен опросник мотивации к изучению кумандинского языка, направленной на оценку трех показателей: интегративной мотивации, инструментальной мотивации и амотивации. В первой части опросника, включающей шесть утверждений для первых двух шкал (см. текст утверждений

в табл. 1), испытуемых просили оценить по пятибалльной шкале (от 1 – совершенно не согласен до 5 – полностью согласен) разные варианты продолжения фразы «Я хотел бы изучать язык, потому что...». Во второй части опросника, включающей два пункта (табл. 1), отражающих амотивацию как утрату смысла изучения родного языка, по аналогичной шкале оценивались варианты продолжения фразы «В изучении кумандинского языка я не вижу смысла, так как...». При вычислении итоговых индивидуальных результатов по шкалам для этой и последующих методик использовалось среднее значение по соответствующим пунктам. Результаты анализа структуры предложенного опросника и внутренней согласованности его шкал приведены далее в разделе «Результаты».

Моральные факторы мотивации к изучению языка оценивались с помощью сокращенной версии пересмотренного опросника моральных оснований (MFQ-2) [17]. В сокращенную версию входят 21 утверждение, согласие с каждым из которых необходимо оценить по пятибалльной шкале. Они образуют три шкалы этики автономии (забота, равенство, пропорциональность), три шкалы этики сообщества (лояльность, уважение, праведность) и дополнительную шкалу морального основания – свобода. Внутренняя согласованность (α Кронбаха) шкал моральных оснований лежит в пределах 0,71–0,90.

Для диагностики ценностей кумандинских подростков была использована сокращенная версия ценностного опросника Ш. Шварца (PVQ-21) [18]. Данная версия опросника включает 21 утверждение и позволяет оценить четыре базовых ценности: открытости изменениям (6 пунктов, коэффициент α Кронбаха составил 0,75), ценности сохранения (6 пунктов, $\alpha = 0,68$), самоутверждения (4 пункта, $\alpha = 0,66$) и самопреодоления (5 пунктов, $\alpha = 0,70$). В ходе оценки каждого из утверждений, описывающих человека с некоторыми ценностями, использовалась шестибалльная шкала от 1 – совершенно не похож на меня до 6 – очень похож на меня. Следуя рекомендациям Ш. Шварца [6, 18], итоговые оценки по шкалам были центрированы для контроля систематических ошибок, вызванных склонностью выражать согласие со всеми пунктами опросника. Опираясь на них, мы использовали центрированные оценки в ходе корреляционного и сравнительного анализа, в то время как в ходе анализа общих линейных моделей использовались сырые баллы.

Для оценки этнической идентичности использовалась соответствующая шкала Дж. Финни (Multigroup Ethnic Identity Measure, MEIM), адаптированная А.М. Арбитайло [19, 20]. Методика состоит из 12 утверждений, степень согласия с каждым из них оценивается по пятибалльной шкале от 1 – «совершенно не согласен», до 5 – «совершенно согласен». Наряду с общим показателем выраженности этнической идентичности данная шкала позволяет оценить когнитивный и эмоциональный компоненты идентичности, которые в нашем исследовании не рассматривались, так как анализ составляющих идентичности выходит за пределы задач данной работы. В нашей выборке шкала показала высокую внутреннюю согласованность (α Кронбаха составила 0,94).

В ходе статистической обработки полученных данных использовались методы сравнительного, корреляционного и эксплораторного факторного анализа (ЭФА) методом «минимальных остатков» с облическим вращением факторов «Облимин», также применялись общие линейные модели (ОЛМ). Для выявления опосредованных эффектов проводился медиационный анализ с дополнительной бутстреп-оценкой статистической значимости (5 000 выборок) [21]. Вычисления производились в программе Statistica 10 и среде статистического программирования и анализа R.

Результаты

Для анализа структуры опросника мотивации к изучению кумандинского языка был проведен ЭФА. Пригодность данных для ЭФА подтверждается значениями критерия Бартлетта ($\chi^2(28) = 377,62; p \leq 0,001$) и Кайзера–Мейера–Олкина (КМО = 0,73). На основе результатов параллельного анализа было выделено три фактора, в общей сложности объясняющих 67% общей дисперсии (табл. 1). Коэффициенты корреляции между выделенными факторами лежат в пределах от $-0,34$ до $0,36$.

Таблица 1

Результаты факторного анализа структуры опросника мотивации к изучению кумандинского языка

Утверждения	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
<i>Я хотел бы изучать язык, потому что ...</i>			
1. Я смогу лучше понимать кумандинское искусство и фольклор на родном языке	0,96	-0,08	0,03
2. Я смогу общаться с людьми, говорящими на кумандинском языке	0,90	0,01	-0,09
3. Я смогу изучать культурное наследие кумандинского народа	0,78	0,18	0,05
4. Кумандинский язык важен в экономической и деловой сфере, так как на похожих языках говорят многие народы	0,02	0,84	0,27
5. Это поможет мне найти хорошую работу, требующую знания тюркских языков	0,04	0,74	-0,31
6. Это поможет мне общаться в других странах, где говорят на похожих языках	0,14	0,55	-0,14
<i>В изучении кумандинского языка я не вижу смысла, так как ...</i>			
7. На кумандинском языке не говорят в моем окружении	0,04	-0,09	0,65
8. Кумандинская культура мне неинтересна	-0,12	0,11	0,74
Собственные значения	2,47	1,67	1,19
Доля объясняемой дисперсии	0,31	0,21	0,15
Корреляции факторов			
Фактор 1	–		
Фактор 2	0,36	–	
Фактор 3	-0,34	0,11	–

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены факторные нагрузки, превышающие 0,5. Курсивом выделены начальные фразы, возможным продолжением которых выступают все пункты соответствующего раздела опросника.

Первый фактор объединяет три утверждения шкалы интегративной мотивации, характеризующие стремление изучать кумандинский язык с целью понимания культурного наследия кумандинского народа и общения с его представителями. Второй фактор включает три утверждения, отражающие стремление изучать язык ввиду его прикладного значения в деловой сфере и международных контактах с представителями других тюркоязычных народов, говорящих на близких языках. В третий фактор вошли два утверждения, отражающие потерю смысла изучения языка ввиду отсутствия интереса к кумандинской культуре и невозможности его использования ввиду отсутствия носителей языка в окружении. Таким образом, эмпирическая структура опросника, обнаруженная в результате ЭФА, полностью соответствует ожидаемой структуре, что подтверждает возможность выделения указанных шкал опросника. О достаточной внутренней согласованности этих шкал свидетельствуют значения коэффициентов α Кронбаха, составившие 0,91 для интегративной мотивации, 0,75 для инструментальной и 0,65 для амотивации.

Анализ средних показателей по шкалам опросника мотивации к изучению иностранного языка (табл. 2)

показал, что доминирующей у кумандинских подростков является интегративная мотивация, инструментальная мотивация выражена слабее, причем амотивация имеет наименьшую величину. Судя по усредненным центрированным оценкам, в ценностном профиле кумандинских подростков преобладают ценности самопреодоления, заметно слабее выражены ценности самоуверенности и открытости и на последнем месте в профиле располагаются ценности сохранения. Среди моральных оснований в среднем преобладающее значение имеют пропорциональность, лояльность и свобода, следующими по значению являются праведность, лояльность, забота, значительно менее важным является моральное основание равенства.

Анализ корреляций между показателями мотивации (табл. 2) демонстрирует наличие прямой статистически значимой связи интегративной мотивации с инструментальной и обратной связи с амотивацией. При этом инструментальная мотивация с амотивацией значимой связи не показывает. Все шкалы мотивации показали подтверждающие валидность ожидаемые корреляции с этнической идентичностью: сильную прямую связь демонстрирует интегративная мотивация, умеренную прямую – инструментальная и умеренную обратную – амотивация.

Описательная статистика и корреляции показателей мотивации к изучению кумандинского языка, базовых ценностей и моральных оснований

Показатели	Средние	Ст. откл.	ИМ	ИНМ	АМ	ЭИ
Интегративная мотивация (ИМ)	3,76	0,72	–	0,55***	–0,30**	0,68***
Инструментальная мотивация (ИНМ)	3,30	0,58	0,55***	–	–0,07	0,47***
Амотивация (АМ)	2,10	0,99	–0,30**	–0,07	–	–0,47***
Этническая идентичность (ЭИ)	3,34	0,70	0,68***	0,47***	–0,47***	–
Ценности сохранения	–0,38	0,44	0,19	–0,16	–0,30**	0,07
Ценности открытости	–0,14	0,57	–0,12	0,26*	0,38***	–0,12
Ценности самоутверждения	–0,03	0,44	–0,30**	–0,18	0,08	–0,19
Ценности самопреодоления	0,65	0,38	0,24*	–0,07	–0,34***	0,31**
МО Забота	4,01	0,61	0,23*	–0,09	–0,29**	0,29**
МО Равенство	2,62	0,76	0,06	0,33**	0,35***	–0,09
МО Пропорциональность	4,56	0,72	0,13	–0,26*	–0,52***	0,30**
МО Лояльность	4,41	0,75	0,25*	–0,02	–0,42***	0,48***
МО Уважение	4,18	0,66	0,40***	0,13	–0,45***	0,56***
МО Праведность	4,20	0,83	0,20	–0,07	–0,42***	0,44***
МО Свобода	4,35	0,69	0,16	–0,11	–0,38***	0,28**

Примечание. Значимость: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$. Ст. откл. – стандартные отклонения, МО – моральное основание.

Каждая из ценностей оказалась связана хотя бы с одним из показателей мотивации. В частности, с интегративной мотивацией обратно связаны ценности самоутверждения и прямо – ценности самопреодоления. С инструментальной мотивацией прямую связь показали лишь ценности открытости. С амотивацией обратно связаны ценности сохранения и ценности самопреодоления, а ценности открытости показали прямую связь.

Корреляции мотивации с моральными основаниями указывают на наличие прямых связей интегративной мотивации с заботой, лояльностью группе и уважением. Инструментальная мотивация показала прямую связь с моральным основанием равенства и обратную – с пропорциональностью. Амотивация показывает статистически значимые корреляции со всеми моральными основаниями, но прямой является связь лишь с равенством. Этническая идентичность подростков показала прямую связь с ценностями самопреодоления и всеми моральными основаниями за исключением равенства.

Анализ различий между мальчиками и девочками по изучаемым переменным с помощью критерия Манна–Уитни продемонстрировал их отсутствие по показателям мотивации к изучению кумандинского языка. При этом были обнаружены различия по ценностям самопреодоления: у мальчиков они оказались выражены несколько выше, чем у девочек ($U = 721,5$; $p \leq 0,01$). Также обнаружили статистически значимые различия по моральным основаниям забота ($U = 788,5$; $p \leq 0,05$), пропорциональность ($U = 719$; $p \leq 0,001$) и праведность ($U = 832,5$; $p \leq 0,05$). Во всех этих случаях выраженность соответствующих моральных оснований у мальчиков оказалась несколько выше, чем у девочек. Статистически значимых различий между подростками, проживающими в городской и сельской местности, в ходе подобного анализа не обнаружилось.

Полученные результаты указывают на наличие множества парных связей между изучаемыми пере-

менными, однако в корреляционном анализе не учитывались зависимости между ценностями, моральными основаниями и полом. Кроме того, вклад ценностей и моральных оснований в мотивацию может измениться при контроле этнической идентичности. Поэтому далее были проверены две многомерные общие линейные модели. В первой предикторами трех показателей мотивации рассматривались ценности, моральные основания и пол (место проживания не учитывалось ввиду того, что результаты проведенного анализа свидетельствуют об отсутствии его статистически значимых эффектов). Во второй модели к этому составу предикторов для контроля была добавлена этническая идентичность. Анализ остатков в этих моделях показал, что их распределение близко к нормальному с центром около нуля и постоянной дисперсией, что говорит о подтверждении предположений, необходимых для применения ОЛМ.

Представленные в табл. 3 результаты свидетельствуют о наличии статистически значимого прямого эффекта ценностей сохранения и морального основания уважения на интегративную мотивацию, при наличии обратного эффекта ценностей самоутверждения. Инструментальная мотивация в этой модели показала связь только с моральным основанием равенства. Амотивация демонстрирует прямую зависимость от ценностей самоутверждения, морального основания равенства, обратную зависимость – от моральных оснований пропорциональности и уважения.

Аналогичная модель с контролем этнической идентичности (табл. 4) демонстрирует в первую очередь весьма существенный прямой вклад идентичности в интегративную и инструментальную мотивацию, при наличии ее обратного вклада в амотивацию. Как и в прошлой модели, наблюдается статистически значимый прямой эффект морального основания равенства на инструментальную мотивацию и амотивацию, а также обратный эффект морального основания пропорциональности на амотивацию.

Таблица 3

Многомерная общая линейная модель зависимости мотивации к изучению кумандинского языка от ценностей, моральных оснований и пола

Шкалы и показатели	Стандартизованные коэффициенты (b)		
	Интегративная мотивация	Инструментальная мотивация	Амотивация
Ценности сохранения	0,30*	-0,06	-0,19
Ценности открытости	0,19	0,19	-0,07
Ценности самоутверждения	-0,42**	-0,21	0,34*
Ценности самопреодоления	0,23	0,18	-0,16
МО Забота	-0,09	-0,14	0,18
МО Равенство	0,13	0,30**	0,19*
МО Пропорциональность	-0,14	-0,27	-0,48**
МО Лояльность	-0,04	0,06	0,15
МО Уважение	0,38**	0,30	-0,35**
МО Праведность	0,06	0,11	-0,05
МО Свобода	0,05	0,03	0,05
Пол (0 – Ж; 1 – М)	-0,08	0,06	-0,09
<i>Одномерные характеристики модели:</i>			
F-статистика	3,46	2,68	5,44
Статистическая значимость p	$p \leq 0,001$	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,001$
R ²	0,34	0,29	0,45

Таблица 4

Многомерная общая линейная модель зависимости мотивации к изучению кумандинского языка от ценностей, моральных оснований и пола при контроле этнической идентичности

Шкалы и показатели	Стандартизованные коэффициенты (b)		
	Интегративная мотивация	Инструментальная мотивация	Амотивация
Этническая идентичность	0,64***	0,63***	-0,26*
Ценности сохранения	0,20	-0,16	-0,14
Ценности открытости	-0,03	-0,04	0,03
Ценности самоутверждения	-0,12	0,09	0,21
Ценности самопреодоления	0,05	-0,02	-0,08
МО Забота	0,02	-0,03	0,14
МО Равенство	0,11	0,28**	0,20*
МО Пропорциональность	-0,17	-0,30	-0,48**
МО Лояльность	-0,11	-0,01	0,18
МО Уважение	0,15	0,06	-0,26
МО Праведность	-0,13	-0,07	0,04
МО Свобода	0,11	0,08	0,03
Пол (0 – Ж; 1 – М)	-0,12	0,03	-0,07
<i>Одномерные характеристики модели:</i>			
F-статистика	7,09	5,61	5,44
Статистическая значимость p	$p \leq 0,001$	$p \leq 0,001$	$p \leq 0,001$
R ²	0,55	0,49	0,48

Вместе с тем сравнение моделей, представленных в табл. 3 и 4, показывает, что при контроле этнической идентичности теряет статистическую значимость эффект ценностей сохранения и самоутверждения, а также морального основания уважения на интегративную мотивацию. Аналогичным образом становятся незначимыми эффекты на амотивацию для ценностей самоутверждения и морального основания уважения. Эти изменения в моделях могут означать, что эффекты, потерявшие статистическую значимость в последней модели, могут быть опосредованы через этническую идентичность.

Для проверки этого предположения был выполнен медиационный анализ, результаты которого показали, что статистически значимым является опосредованный через этническую идентичность эффект на интегративную мотивацию ценностей сохранения (опосредованный эффект $ab = 0,30$; $Z = 2,61$; $p \leq 0,01$) и морального основания уважения ($ab = 0,39$; $Z = 4,96$; $p \leq 0,001$), в то время

как опосредованный эффект ценностей самоутверждения на интегративную мотивацию не показал статистической значимости. Опосредованный через этническую идентичность эффект ценностей самоутверждения на амотивацию не показал статистической значимости, в то время как аналогичный эффект морального основания уважения оказался статистически значимым ($ab = -0,26$; $Z = 1,97$; $p \leq 0,05$). Таким образом, результаты медиационного анализа подтверждают опосредованный через этническую идентичность эффект ценностей сохранения и морального основания уважения на показатели мотивации к изучению кумандинского языка.

Обсуждение результатов

Результаты эмпирического исследования частично подтверждают выдвинутую гипотезу: ценности сохранения и морального основания уважения

поддерживают мотивацию к изучению кумандинского языка опосредованно через выраженность этнической идентичности. Моральное основание лояльности показало менее тесную связь с мотивацией к изучению языка, чем уважение, поэтому эффект первого в целостной линейной модели оказался несущественным. Следовательно, именно ценность уважения традиций и авторитетов имеет наиболее существенное значение для мотивации к изучению языка среди моральных оснований. Тот факт, что эффект этих ценностей и моральных оснований оказался целиком опосредованным, не вызывает удивления, поскольку результаты нашего исследования подтвердили предсказуемую ведущую роль этнической идентичности в мотивации к изучению языка. Таким образом, ценности сохранения и морального основания уважения, поддерживая этническую идентичность подростков, укрепляют их интегративную мотивацию к изучению языка.

Наряду с ожидаемыми опосредованными эффектами ценностей и моральных оснований на показатели мотивации в ходе эмпирического исследования обнаружили также некоторые неожиданные факты. В частности, моральное основание равенство показало непосредственные прямые связи с инструментальной мотивацией и амотивацией. Это означает, что подростки, для которых относительно большое значение имеет равенство распределения вознаграждений и ресурсов, в большей мере склонны интересоваться языком ради возможных практических выгод, а также для них более характерна утрата смысла для изучения языка. Вероятно, что такие подростки, трактуя равенство чересчур широко и полагая себя «равными» во всем подросткам других национальностей, не считают, что принадлежность к кумандинскому народу обязывает их к изучению кумандинского языка. При этом они находят субъективные причины к изучению языка только лишь в связи с возможностью извлечения из этого некоторых практических выгод, но не ради постижения культуры и наследия своего народа. Интересно, что противоположное по смыслу моральное основание пропорциональность, отражающее озабоченность пропорциональностью вознаграждения в соответствии с вкладом каждого, показало обратную связь с амотивацией. Вероятно, что подростки, не склонные акцентировать равенство и уделять повышенное внимание вопросу о равенстве с другими национальностями, в меньшей мере склонны отвергать необходимость изучения кумандинского языка,

воспринимая это как должную, естественную часть своей этнической идентичности.

Ограничения проведенного исследования связаны, во-первых, с относительно небольшим объемом выборки, который не угрожает репрезентативности, поскольку приближается по величине к размеру всей совокупности кумандинских подростков, проживающих в Алтайском крае. Тем не менее такой объем выборки ограничил возможности статистического анализа данных, сделал невозможным использование современных методов анализа многомерных данных, таких как путевой анализ и структурное моделирование. Во-вторых, ограничением исследования является отсутствие контроля тенденции к социально желательным ответам, которая могла оказать влияние как на оценки ценностей и моральных оснований, так и на оценки мотивации к изучению языка. Перспективы исследования связаны с проверкой полученных выводов о роли ценностей и моральных оснований в мотивации к изучению языка на примере молодежи других малочисленных народов, а также анализом других социально-психологических факторов такой мотивации.

Практическая значимость исследования связана с тем, что полученные результаты указывают на направление совершенствования работы в области воспитания кумандинских подростков по укреплению ценностей сохранения и сплачивающих моральных оснований, в сочетании с развенчанием идеи о том, что принцип равенства освобождает человека от обязательств, связанных с его этнической идентичностью. Ожидаемым последствием такой работы должно стать укрепление этнической идентичности и мотивации к изучению кумандинского языка.

Заключение

У кумандинских подростков преобладает интегративная мотивация к изучению языка своего народа, отражающая их стремление к освоению кумандинской культуры и общению на этом языке с другими кумандинцами. Основным фактором интегративной мотивации является выраженность кумандинской идентичности, выступающая в качестве медиатора, опосредствующего эффект ценностей сохранения и морального основания уважения на мотивацию. Воспитание таких ценностей и моральных оснований у кумандинских подростков будет способствовать поддержанию этнической идентичности и мотивации к изучению языка.

Список источников

1. Арефьев А.Л. О языках коренных малочисленных народов России // Социологические исследования. 2015. № 8 (376). С. 75–84.
2. Беспалов А.М., Макарова О.Н., Власов М.С. Этническая идентичность кумандинских подростков: ее проявления и связь с семейной идентичностью // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 207–217. doi: 10.17223/15617793/484/23
3. Унарова В.Я. Развивающая речевая среда как педагогическое условие сохранения родных языков коренных малочисленных народов в образовательном пространстве // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5, № 6. С. 816–822.
4. Кисельникова Н.В. Методологические проблемы измерения ценностей и ценностно-ориентированного поведения человека // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 4. С. 20–33. doi: 10.17759/sps.2021120402
5. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 2. С. 43–70.

6. Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values // Online readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2, № 1. doi: 10.9707/2307-0919.1116
7. Atari M., Haidt J., Graham J., Koleva S., Stevens S.T., Dehghani M. Morality Beyond the WEIRD: How the Nomological Network of Morality Varies Across Cultures // Preprint. PsyArXiv. 2022. P. 1–79. doi: 10.31234/osf.io/q6c9r
8. Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwicz C., Muijman M. Moral Foundations Theory // Atlas of Moral Psychology / Eds. K. Gray, J. Graham. New York ; London : The Guilford Press, 2018. P. 211–222.
9. Haidt J., Craig J. The moral mind: How five sets of innate intuitions guide the development of many culture-specific virtues, and perhaps even modules // The innate mind: Vol. 3. New York : Oxford University Press, 2008. P. 367–391.
10. Сычев О.А., Белоусов К.И., Зелянская Н.Л., Аношкин И.В. Миграционные намерения россиян: связь с идентичностью и моральными основаниями // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 3. С. 52–63. doi: 10.31857/S020595920015193-8
11. Сычев О.А., Протасова И.Н. Связь этики автономии, этики сообщества и национализма с внешнеполитическими установками россиян // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 4. С. 53–70. doi: 10.17759/sps.2021120404
12. Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96, № 5. P. 1029–1046. doi: 10.1037/a0015141
13. Gardner R.C. Attitudes and Motivation // Annual Review of Applied Linguistics. 1988. Vol. 9. P. 135–148. doi: 10.1017/S0267190500000854
14. Gardner R.C., Lambert W.E. Attitudes and motivation in second-language learning. Rowley, MA : ERIC, 1972. 316 p.
15. Masgoret A.-M., Gardner R.C. Attitudes, Motivation, and Second Language Learning: A Meta-Analysis of Studies Conducted by Gardner and Associates: Attitudes, Motivation, and Second Language // Language Learning. 2003. Vol. 53, № S1. P. 167–210. doi: 10.1111/1467-9922.00227
16. Ryan R.M., Deci E.L. Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions // Contemporary educational psychology. 2000. Vol. 25, № 1. P. 54–67. doi: 10.1006/ceps.1999.1020
17. Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19, № 3. С. 528–549. doi: 10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549
18. Schwartz S.H. A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations. Chapter 7 // The Questionnaire Development Package of the European Social Survey. 2003. P. 259–319. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_human_values.pdf (дата обращения: 03.07.2021).
19. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2013. 224 с.
20. Арбитайло А.М. Этнические предрассудки и возможности юмора для их преодоления : дис. ... канд. психол. наук. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. 184 с.
21. Hayes A.F. Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis, Second Edition: A Regression-Based Approach. New York ; London : Guilford Publications, 2018. 714 p.

References

1. Aref'ev, A.L. (2015) O yazykakh korennykh malochislennykh narodov Rossii [On the languages of the indigenous peoples of Russia]. *Sotsiologicheskoe issledovaniya*. 8 (376). pp. 75–84.
2. Bespalov, A.M., Makarov, O.N. & Vlasov, M.S. (2022) Ethnic identity of Kumandin teenagers: Its manifestations and connection with family identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp.207–217. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/23
3. Unarova, V.Ya. (2020) Razvivayushchaya rechevaya sreda kak pedagogicheskoe uslovie sokhraneniya rodnnykh yazykov korennykh malochislennykh narodov v obrazovatel'nom prostranstve [Developing speech environment as a pedagogical condition for preserving the native languages of indigenous peoples in the educational space]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 5 (6). pp. 816–822.
4. Kisel'nikova, N.V. (2021) Metodologicheskie problemy izmereniya tsennostey i tsennostno-orientirovannogo povedeniya cheloveka [Methodological problems of measuring values and value-oriented human behavior]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 12 (4). pp. 20–33. doi: 10.17759/sps.2021120402
5. Shvarts, Sh., Butenko, T.P., Sedova, D.S. & Lipatova, A.S. (2012) Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostey: primeneniye v Rossii [Refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. 9 (2). pp. 43–70.
6. Schwartz, S.H. (2012) An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2 (1). doi: 10.9707/2307-0919.1116
7. Atari, M. et al. (2022) *Morality Beyond the WEIRD: How the Nomological Network of Morality Varies Across Cultures*. Preprint. PsyArXiv. pp. 1–79. doi: 10.31234/osf.io/q6c9r
8. Graham, J. et al. (2018) Moral Foundations Theory. In: Gray, K. & Graham, J. (eds) *Atlas of Moral Psychology*. New York; London: The Guilford Press. pp. 211–222.
9. Haidt, J. & Craig, J. (2008) The moral mind: How five sets of innate intuitions guide the development of many culture-specific virtues, and perhaps even modules. In: *The innate mind: Vol. 3*. New York: Oxford University Press. pp. 367–391.
10. Sychev, O.A. et al. (2021) Migratsionnye namereniya rossiyan: svyaz' s identichnost'yu i moral'nymi osnovaniyami [Migration intentions of Russians: connection with identity and moral foundations]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 42 (3). pp. 52–63. doi: 10.31857/S020595920015193-8
11. Sychev, O.A. & Protasova, I.N. (2021) Svyaz' etiki avtonomii, etiki soobshchestva i natsionalizma s vneshnepolicheskimi ustanovkami rossiyan [The connection between the ethics of autonomy, the ethics of community and nationalism with the foreign policy attitudes of Russians]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 12 (4). pp. 53–70. doi: 10.17759/sps.2021120404
12. Graham, J., Haidt, J. & Nosek, B.A. (2009) Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations. *Journal of Personality and Social Psychology*. 96 (5). pp. 1029–1046. doi: 10.1037/a0015141
13. Gardner, R.C. (1988) Attitudes and Motivation. *Annual Review of Applied Linguistics*. 9. pp. 135–148. doi: 10.1017/S0267190500000854
14. Gardner, R.C. & Lambert, W.E. (1972) *Attitudes and motivation in second-language learning*. Rowley, MA: ERIC.
15. Masgoret, A.-M. & Gardner, R.C. (2003) Attitudes, Motivation, and Second Language Learning: A Meta-Analysis of Studies Conducted by Gardner and Associates: Attitudes, Motivation, and Second Language. *Language Learning*. 53 (S1). pp. 167–210. doi: 10.1111/1467-9922.00227
16. Ryan, R.M. & Deci, E.L. (2000) Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions. *Contemporary Educational Psychology*. 25 (1). pp. 54–67. doi: 10.1006/ceps.1999.1020
17. Sychev, O.A. & Nestic, T.A. (2022) Moral'nye osnovaniya styda i gordosti za svoyu stranu [Moral foundations of shame and pride for one's country]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*. 19 (3). pp. 528–549. doi: 10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549
18. Schwartz, S.H. (2003) A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations. Chapter 7. In: *The Questionnaire Development Package of the European Social Survey*. pp. 259–319. [Online] Available from: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_human_values.pdf (Accessed: 03.07.2021).
19. Stefanenko, T.G. (2013) *Etnopsikhologiya: ucheb. posobie* [Ethnopsychology: textbook]. Moscow: Aspekt Press.
20. Arbitaylo, A.M. (2008) *Etnicheskie predubezhdeniya i vozmozhnosti yumora dlya ikh preodoleniya* [Ethnic prejudices and the possibilities of humor for overcoming them]. Psychology Cand. Diss. Moscow.

21. Hayes, A.F. (2018) *Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis*. Second Edition: A Regression-Based Approach. New York; London: Guilford Publications.

Информация об авторах:

Беспалов А.М. – канд. филос. наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия). E-mail: bam56@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3518-4554

Макарова О.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры физики, математики, информатики Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия). E-mail: fmfmak.on@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3591-0875

Власов М.С. – канд. филол. наук, начальник научно-исследовательского отдела Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия). E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7848-5114

Болотбек кызы А. – преподаватель кафедры иностранных языков Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия). E-mail: almashbolotbek@gmail.com
ORCID: 0009-0009-2974-2474

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.M. Bespalov, Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher of the Research Department, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russian Federation). E-mail: bam56@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3518-4554

O.N. Makarova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor of the Department of Physics, Mathematics, Informatics, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russian Federation). E-mail: fmfmak.on@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3591-0875

M.S. Vlasov, Cand. Sci. (Philology), head of the Research Department, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russian Federation). E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7848-5114

A. Bolotbek kyzy, teacher of foreign languages, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russian Federation). E-mail: almashbolotbek@gmail.com
ORCID: 0009-0009-2974-2474

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.07.2023;
одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 16.07.2023;
approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 314.728
doi: 10.17223/15617793/494/9

Детерминанты миграционного оттока населения Омской области

Татьяна Ерофеевна Болдовская^{1, 3}, Юлия Юрьевна Фролова²

^{1, 2}Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

³Омский технический университет, Омск, Россия

^{1, 3}teb73@mail.ru

²frolovajulia01@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению миграционного оттока населения Омской области как актуальной проблемы экономической безопасности региона. Проведен анализ численности населения, прибывших, выбывших и миграционного прироста (убыли) с территории Омской области за 2008–2020 гг. По итогам анализа сформулированы выводы о взаимосвязи сокращения среднегодовой численности населения, численности трудоспособного населения и увеличения миграционного оттока населения с территории региона.

Ключевые слова: население, миграционный отток, миграция, депопуляция, регион-донор, регион-реципиент, множественная линейная регрессия

Для цитирования: Болдовская Т.Е., Фролова Ю.Ю. Детерминанты миграционного оттока населения Омской области // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 83–95. doi: 10.17223/15617793/494/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/9

Determinants of migration outflow of Omsk Oblast population

Tatiana E. Boldovskaya^{1, 3}, Yulia Yu. Frolova²

^{1, 2}Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

³Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

^{1, 3}teb73@mail.ru

²frolovajulia01@mail.ru

Abstract. The article explores migration processes in Omsk Oblast as an urgent problem of economic security of the region. Using the data of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for Omsk Oblast for 2008–2020, we carried out a horizontal analysis, which resulted in the following: in the period from 2008 to 2013, there was a decrease in the population of Omsk Oblast, which resumed in the period from 2016 to 2020; the reduction in the average annual population of the region was closely interrelated with the stable migration outflow taking place in the period from 2008 to 2020, with the exception of 2014. The migration loss has had an impact on the number of working-age population of Omsk Oblast, which has decreased by 205.1 thousand people over the past 12 years. On the basis of scientific literature, six groups of factors of population outflow from Omsk Oblast were identified and described: educational, labor, economic, environmental and climatic, social and cultural, political. In this context, we carried out an econometric study aimed at identifying the degree of correlation between socio-economic indicators reflecting the previously identified factors of population outflow and the number of people who left the region. The information base of the study included official data of the Federal State Statistics Service, data of the Territorial Body of the Federal Statistics Service for Omsk Oblast, statistical materials of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Omsk Oblast. To assess the degree of dependence of the explanatory variables and the target variable, we used a linear multiple regression model, which was tested for the normality of the distribution of residuals and the absence of multicollinearity. We constructed a linear model of multiple regression using a specialized application software package (IBM SPSS StatisticsBase). According to the results of the regression analysis, we found that the greatest impact on the reduction in the number of people leaving Omsk Oblast has an indicator characterizing the number of admission places to educational institutions of secondary vocational education (with an increase in admission places per 1,000 people, the migration outflow is reduced by 6,287 people), as well as an indicator reflecting the provision of the population with hospital beds per person (with an increase in the provision of the population with hospital beds by 1 unit, the migration outflow is reduced by 1,168 people). In conclusion, we proposed priority tasks within the framework of the migration policy of Omsk Oblast in order to ensure the socio-economic security of the region: the development of secondary vocational education, improvement of the quality of health services, creation of a favorable urban environment, and better availability of comfortable housing.

Keywords: population, migration outflow, migration, depopulation, donor region, recipient region, multiple linear regression

For citation: Boldovskaya, T.E. & Frolova, Yu.Yu. (2023) Determinants of migration outflow of Omsk Oblast population. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 83–95. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/9

Проблема и цель

В современном обществе миграционные процессы приобретают глобальный характер и оказывают непосредственное влияние на экономическое, политическое, социальное, культурно-духовное развитие той или иной территориальной системы [1–4]. Течение миграционных процессов принято рассматривать с позиции внешнего (межгосударственного) и внутреннего (межрегионального и межселенческого) движений населения [5–9]. При этом ключевыми показателями, позволяющими количественно оценить миграционные потоки, являются показатели «миграционного оттока» и «миграционного притока», обозначающие численность населения, вышедшего с определенной территории либо прибывшего на нее.

Выступая инструментом трансформационных изменений, миграция влечет за собой ряд позитивных и негативных последствий как для регионов-доноров, где на протяжении длительного периода времени наблюдается миграционный отток населения, так и для регионов-реципиентов, принимающих мигрантов и обеспечивающих тем самым миграционный прирост населения.

Так, в научной литературе представлены следующие негативные последствия миграционных процессов для регионов-доноров:

- нарастание проблемы кадрового обеспечения [10–12], в частности: дефицит высококвалифицированных кадров [11, 13–16], приток «дешевой» иностранной рабочей силы, характеризующейся малопродуктивным физическим трудом [12];

- сокращение численности населения региона в целом [12–14, 17], в том числе убыль населения трудоспособного возраста [10, 15], убыль численности женщин основных репродуктивных когорт [12, 13], убыль коренного населения [11];

- увеличение доли пожилого населения, происходящее в связи с оттоком населения трудоспособного возраста [11, 13, 18];

- нарастание военно-стратегической проблемы вследствие возникновения необходимости заселения приграничных территорий [10];

- сокращение научно-технической деятельности и изобретательской активности вследствие «утечки умов» [15, 19];

- нарастание проблемы культурного истощения, а также потеря социального капитала из-за разрушения цепи передачи культурных ценностей от их носителей к следующему поколению [14, 18, 20];

- ухудшение качества системы высшего образования из-за дефицита кадровых, материально-технических и финансовых ресурсов и, как следствие, невостребованность вузов на территориях регионов-доноров [21];

- сокращение отдачи от затрат, связанных с образовательной и профессиональной подготовкой мигрантов с территорий регионов-доноров [18];

- создание угрозы экономической безопасности регионов-доноров [15, 18].

Позитивные последствия миграционного движения населения для регионов-доноров, по мнению отечественных ученых, выражены в следующем [13, 15, 18, 22]:

- снижение уровня напряженности на рынке труда за счет сокращения числа безработных лиц в части вышедшего незанятого населения трудоспособного возраста;

- возможность возвращения на прежнее место жительства квалифицированного населения, применяющего накопленные знания и опыт в «родном донорском регионе»;

- стимулирование вертикальной мобильности среди населения региона-донора;

- экономия в части расходов на социальную политику (пенсии, материальные меры поддержки) и расходов на образование (в случае временной миграции);

- снижение социальной напряженности;

- снижение нагрузки на транспортную и социальную инфраструктуру.

В свою очередь, для регионов-реципиентов к отрицательным последствиям миграционных процессов исследователи относят [8, 13, 18, 22–31]:

- повышение напряженности на региональном рынке труда: падение доходов местного населения, увеличение численности безработного населения среди местных жителей вследствие усиления конкуренции за рабочие места с «приезжими»;

- снижение качества совокупного трудового потенциала за счет притока низкоквалифицированной рабочей силы;

- рост ксенофобии и возникновение социальных конфликтов между местными жителями и «приезжими»;

- нарушение этноконфессионального баланса «местного населения» (размывание собственной идентичности, самобытности и культурной общности) вследствие чужеродных ценностей, традиций и правил поведения, присущих «приезжим»;

- возникновение рисков для арендодателей жилья в связи с необходимостью осуществления временной регистрации «приезжих» по месту пребывания;

- увеличение нагрузки на транспортную и социальную инфраструктуру;

- повышение уровня преступности.

Положительные последствия миграционного движения населения для регионов-реципиентов заключаются, по мнению отечественных ученых, в следующем [7, 23–25, 28, 32]:

– снижение напряженности на рынке труда за счет сокращения дефицита трудовых ресурсов на региональном рынке труда, удовлетворения потребности рынка труда в низкоквалифицированной рабочей силе, увеличения численности высококвалифицированных специалистов;

– улучшение демографических показателей;

– повышение качества жизни населения;

– возможность получения большего объема прибыли за счет привлечения высококвалифицированных специалистов из других регионов при одновременном отсутствии дополнительных предварительных затрат для получения отдачи;

– увеличение научно-исследовательского и инновационного потенциала региона-реципиента;

– обогащение культуры принимающего региона за счет внедрения новых знаний и ценностей, присущих «приезжему» населению.

Омская область в контексте миграционного движения населения выступает регионом-донором, где, по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области [33] за 2008–2020 гг., наблюдаются деструктивные демографические процессы.

Так, среднегодовая численность населения Омской области в 2020 г. составила 1915,2 тыс. чел., что на 100,9 тыс. чел. (или на 5%) меньше, по сравнению с величиной данного показателя в 2008 г.

Исходя из динамики среднегодовой численности населения Омской области за 2008–2020 гг. (рис. 1) можно констатировать, что в период с 2008 по

2013 г. наблюдается тенденция сокращения численности населения Омской области – с 2016,1 тыс. чел. до 1973,9 тыс. чел.

В 2014 г., а также в 2015 г. можно зафиксировать ежегодный прирост среднегодовой численности населения Омской области (на 2,1 тыс. чел. в 2014 г. по сравнению с 2013 г.; на 2,3 тыс. чел. в 2015 г. по сравнению с 2014 г.).

Однако, в 2016 г. среднегодовая численность населения Омской области сократилась на 2,7 тыс. чел. по сравнению с 2015 г. Тенденции сокращения численности населения возобновились и наблюдались от года к году в период с 2016 по 2020 г.

Максимальные потери населения, по сравнению со среднегодовой численностью населения в предыдущем году, наблюдались в 2010 г. (–32,8 тыс. чел.), а также в 2020 г. (–20,2 тыс. чел.), в 2019 г. (–16,7 тыс. чел.) и в 2018 г. (–14,3 тыс. чел.). Минимальные потери населения – в 2013 г. (–0,5 тыс. чел. по сравнению с 2012 г.).

Сокращение среднегодовой численности населения Омской области тесно взаимосвязано с миграционными процессами, происходящими в регионе. Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что в период с 2008 по 2020 г. наблюдается стабильный миграционный отток населения Омской области, за исключением 2014 г., где был зафиксирован миграционный прирост населения в количестве 702 чел. Наибольшая убыль населения, связанная с миграцией, прослеживается начиная с 2018 г.: 2018 г. (–12 102 чел.), 2019 г. (–12 109 чел.), 2020 г. (–10 373 чел.). Наименьшая миграционная убыль за исследуемый период зафиксирована в 2008 г. (–93 чел.) и 2009 г. (–340 чел.).

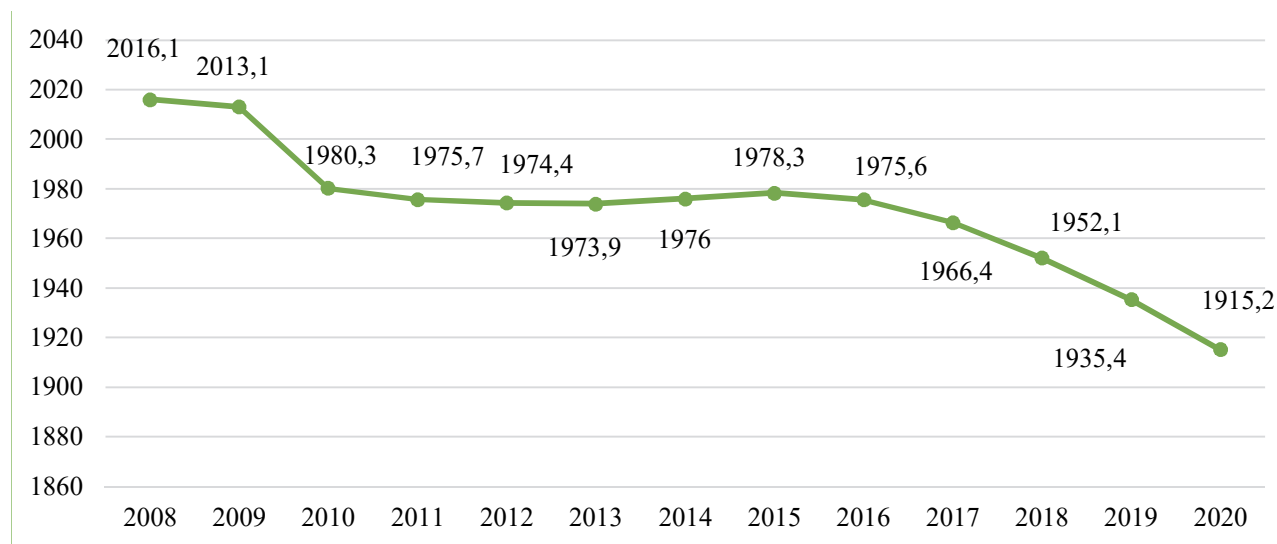

Рис. 1. Динамика численности населения Омской области за 2008–2020 гг., тыс. чел.

Таблица 1

Миграция населения Омской области за 2008–2020 гг., чел.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Прибывшие – всего, чел.	31 179	26 848	27 857	47 273	53 910	54 763	59 011
Выбывшие всего, чел.	31 272	27 188	30 485	49 039	56 983	57 536	58 309

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Миграционный прирост (убыль (-)) – всего, чел.	-93	-340	-2 628	-1 786	-3 073	-2 773	+702
Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Прибывшие – всего, чел.	58 165	55 095	54 082	54 605	49 945	40 901	
Выбывшие – всего, чел.	59 965	61 037	63 935	66 707	61 054	51 274	
Миграционный прирост (убыль (-)) – всего, чел.	-1 800	-5 942	-9 853	-12 102	-12 109	-10 373	

Здесь же отметим влияние миграционной убыли на численность трудоспособного населения Омской области. В период с 2008 по 2020 г. фиксируется постепенное сокращение трудоспособного населения, за исключением 2016 г., где численность населения в трудоспо-

собном возрасте увеличилась на 24,3 тыс. чел., по сравнению с 2015 г. (рис. 2). Суммарная численность населения в трудоспособном возрасте за последние 12 лет уменьшилась на 205,1 тыс. чел. Среднегодовые потери регионального трудового потенциала составили 1 166 тыс. чел.

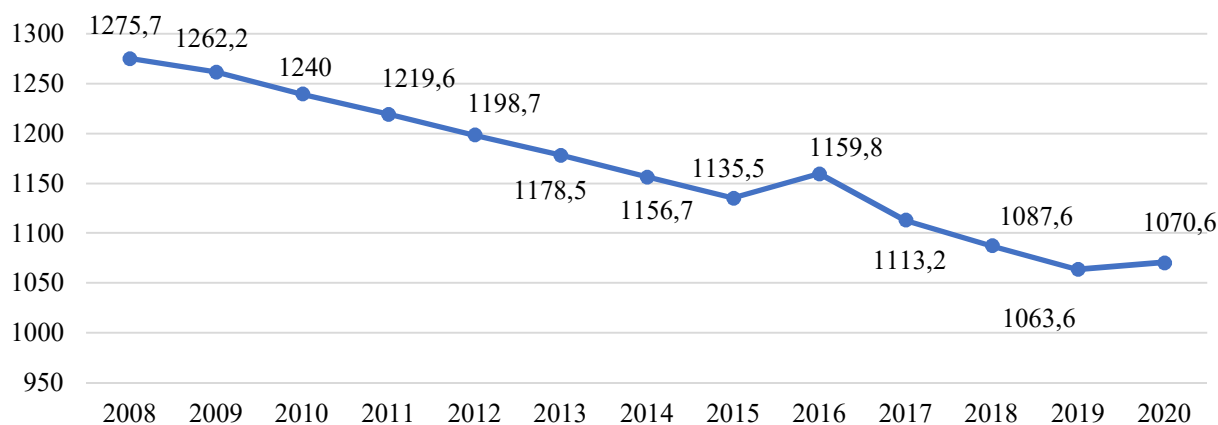

Рис. 2. Динамика численности трудоспособного населения Омской области за 2008–2020 гг., тыс. чел.

Таким образом, миграционный отток и, как следствие, снижение численности и трудового потенциала оказывают существенное влияние на состояние региона.

В настоящее время одной из стратегических задач социально-экономического развития Омской области является преодоление этих негативных тенденций на базе создания комфортных условий для жизни и развития [34]. Обзор научной литературы, в которой рассматриваются различные аспекты межрегиональных миграций, позволил выделить факторы оттока населения из Омской области.

Среди этих факторов:

- образовательный [35, 36];
- трудовой [35, 37–44];
- экономический [35–40];
- экологический и природно-климатический [37, 38, 42].
- социальный и культурный [36–38];
- политический [38, 41, 45].

Описание факторов, формирующих основные детерминанты оттока населения из Омской области, представлено в табл. 2.

Таблица 2

Основные факторы оттока населения из Омской области

№	Факторы	Содержание факторов
1	Образовательный	– Низкий уровень качества образовательных услуг, предоставляемых высшими и средними учебными заведениями; – сокращение бюджетных мест; – слабое информирование школьников о направлениях подготовки и образовательном потенциале вузов, техникумов и колледжей Омской области; – отсутствие перспектив получения образования по востребованной специальности с возможностью дальнейшего трудоустройства
2	Трудовой	– Отсутствие на рынке труда Омской области вакансий, соответствующих запросам, полученной профессии и требованиям к заработной плате жителей Омской области;

№	Факторы	Содержание факторов
		<ul style="list-style-type: none"> – несоответствие ожиданий в отношении заработной платы с реальным уровнем оплаты труда; – низкий уровень владения населением информацией о рынке труда и возможностях трудоустройства на предприятиях Омской области; – отсутствие возможностей для карьерного роста; – низкий уровень оплаты труда на фоне инфляции; – высокий уровень безработицы относительно близлежащих регионов; – переход на нестандартную и удаленную формы занятости как возможность изменения постоянного места жительства
3	Экономический	<ul style="list-style-type: none"> – Общий спад промышленного производства; – повышение цен; – продолжающееся снижение доходов населения, в особенности сельского; – закредитованность населения; – недостаточность условий для развития малого и среднего предпринимательства; – низкий уровень бюджетной обеспеченности региона; – отсутствие эффективной инвестиционной и инновационной политики как аспект формирования проблемы «утечки умов»; – увеличение степени дифференциации Омской области от других регионов по качеству жизни
4	Экологический и природно-климатический	<ul style="list-style-type: none"> – Экологическое неблагополучие территории Омской области; – континентальный климат, сочетающий длинную и холодную зиму, а также непродолжительное и жаркое лето
5	Социальный и культурный	<ul style="list-style-type: none"> – Неразвитая социальная политика; – недостаточно развитая социальная инфраструктура (здравоохранение, транспорт и др.); – низкий уровень социального самочувствия жителей региона; – недостаток инфраструктуры для культуры и отдыха
6	Политический	<ul style="list-style-type: none"> – Отсутствие механизмов, направленных на эффективное регулирование процессов миграции на территории Омской области; – ситуации столкновения интересов различных субъектов региональной власти в вопросах регулирования миграционных процессов; – несоответствие региональной политики существующим демографическим и экономическим процессам в регионе; – отсутствие взаимодействия между региональными органами власти и неправительственными организациями с целью формирования и реализации эффективной миграционной политики

В этом контексте нам представлялась весьма актуальной реализация эконометрического исследования факторов, оказывающих влияние на миграционный отток с территории Омской области. В качестве объясняющих переменных были приняты социально-экономические показатели, характеризующие описанные ранее аспекты формирования детерминантов убыли населения Омской области. Данное исследование было направлено на выявление степени взаимосвязи между социально-экономическими показателями и численностью выбывших, а также на определение приоритетных направлений работы региона в рамках миграционной политики.

Методология

Информационная база исследования включала официальные данные Федеральной службы государственной статистики [46], данные Федеральной службы статистики по Омской области [47], статистические материалы Управления МВД России по Омской области «Об итогах оперативно-служебной деятельности УМВД России по Омской области и состоянии оперативной обстановки в Омской области» за 2019 г. и 2020 г. [48]. В ходе исследования применялись логический и системный подходы, методы эконометрического анализа данных экономической статистики с использованием специализированного пакета прикладных программ (IBM SPSS Statistics Base).

Процесс построения эконометрической модели включал в себя основные этапы: определение цели

исследования; построение системы показателей и логический отбор факторов, оказывающих влияние на каждый показатель; выбор типа эконометрической модели и определение ее параметров; проверка статистической значимости и качества построенной модели; адекватность выбранной модели для дальнейшего применения; использование полученной модели для экономического анализа и прогнозирования.

При формировании спецификации модели в качестве целевой была принята переменная, характеризующая миграционный отток населения Омской области.

Набор объясняющих переменных включал в себя шесть групп. В первую группу вошли переменные, характеризующие уровень занятости и безработицы: a_1 – численность занятых, тыс. чел.; a_2 – численность безработных, тыс. чел.; a_3 – среднее время поиска работы безработными, мес.; a_4 – потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения, чел.

Вторая группа переменных определяла уровень жизни населения: b_1 – среднедушевые денежные доходы, руб.; b_2 – удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %; b_3 – валовой региональный продукт на душу населения, руб.; b_4 – индекс потребительских цен; b_5 – расходы бюджета на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, тыс. руб.

В третью группу были отобраны переменные, характеризующие жилищно-коммунальное хозяйство, в

частности жилищные условия населения, эффективность жилищной политики, объем расходования средств на благоустройство жилищного фонда: c_1 – число семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях (на конец года), тыс. чел.; c_2 – расходы консолидированного бюджета Омской области на жилищно-коммунальное хозяйство, млн руб.; c_3 – средние цены на первичном рынке жилья, руб. за 1 кв. м.; c_4 – средние цены на вторичном рынке жилья, руб. за 1 кв. м.; c_5 – ввод в действие жилых домов на 1 000 человек населения, м. кв.; c_6 – ввод в действие квартир на 1 000 человек населения, ед.; c_7 – общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года), м. кв.

Четвертая группа переменных отражала состояние системы здравоохранения Омской области как общественного блага и включала следующие переменные: d_1 – численность населения на одну больничную койку, чел.; d_2 – численность населения на одного врача, чел.; d_3 – мощность амбулаторно-поликлинических организаций, тыс. посещений в смену; d_4 – расходы консолидированного бюджета Омской области на здравоохранение, млн руб.

В пятую группу были включены переменные, определяющие состояние образовательной системы и предположительно оказывающие влияние на миграционный отток населения Омской области: e_1 – расходы консолидированного бюджета Омской области на образование, млн руб.; e_2 – прием на обучение по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, тыс. чел.; e_3 – прием студентов в образовательные учреждения среднего профессионального образования, тыс. чел.

Последняя, шестая группа переменных характеризовала уровень культурной и спортивной жизни на территории Омской области, а также объем расходования

средств на социальную политику и включала такие переменные, как f_1 – число посещений музеев на 1 000 человек населения, чел.; f_2 – число плавательных бассейнов, ед.; f_3 – библиотечный фонд на 1 000 человек населения, экз.; f_4 – расходы консолидированного бюджета Омской области на социальную политику, млн руб.; f_5 – число спортивных залов, ед.

Для оценки степени зависимости объясняющих переменных в каждой группе и целевой переменной применялась линейная модель множественной регрессии, проходящая проверку на нормальность распределения остатков и отсутствие мультиколлинеарности (сильной линейной корреляционной связи между независимыми переменными).

В качестве методики построения множественной регрессии была избрана «пошаговая вперед» модель. Первоначальная модель строилась с одной объясняющей переменной каждой группы. Затем добавлялась следующая и строилась новая модель. Модели сравнивались и, в зависимости от того ухудшилась или улучшилась модель, введенная переменная либо оставалась в модели, либо заменялась на другую.

Оценка качества полученной модели производилась при помощи коэффициента множественной детерминации R^2 . Статистическая значимость коэффициентов регрессии проверялась по уровню значимости 0,005 и построению 95% доверительных интервалов.

Результаты

Результаты построения модели множественной регрессии с первой группой объясняющих переменных, характеризующих уровень занятости и безработицы, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Модель множественной регрессии «Миграционный отток – уровень занятости и безработицы»

№	Переменные	Коэффициент детерминации	Нестандартные коэффициенты	Стандартные коэффициенты	Уровень значимости	95%-ый доверительный интервал	
1	a_1	0,242	-239,436	-0,492	0,088	-520,897	42,024
2	a_1	0,772	-162,319	-0,333	0,057	-330,194	5,556
	a_2		-1125,177	-0,745	0,001	-1645,808	-604,546
3	a_1	0,781	-189,478	-0,389	0,064	-392,271	13,315
	a_2		-1135,710	-0,752	0,001	-1683,089	-588,331
	a_3		1968,732	0,111	0,557	-5327,620	9265,085
4	a_1	0,890	135,873	0,279	0,339	-172,250	443,996
	a_2		-907,962	-0,601	0,002	-1366,668	-449,256
	a_3		3115,868	0,176	0,240	-2549,808	8781,544
	a_4		1,057	0,820	0,023	0,192	1,922

По максимальному коэффициенту детерминации ($R^2 = 0,890$) была выбрана регрессионная модель № 4 с полным набором переменных. Данная модель прошла проверку на нормальное распределение остатков и мультиколлинеарность. В модели № 4 значимой является только переменная a_2 , характеризующая численность безработных, чел.: уровень значимости ($0,002$) < $0,005$, в доверительный интервал (-1366,668; -449,256) не попадает 0.

Исходя из значения стандартизованного коэффициента при данной объясняющей переменной,

можно констатировать, что между миграционным оттоком и численностью безработных существует обратная статистическая связь: кризисные процессы на рынке рабочей силы детерминируют сокращение миграционного оттока вследствие недостатка у населения финансовых ресурсов для осуществления внутренних или внешних миграционных движений.

Далее была построена модель множественной регрессии на базе второй группы объясняющих переменных, описывающих уровень жизни населения. Результаты построения представлены в табл. 4.

Модель множественной регрессии «Миграционный отток – уровень жизни населения»

№	Переменные	Коэффициент детерминации	Нестандартные коэффициенты	Стандартные коэффициенты	Уровень значимости	95%-ый доверительный интервал	
1	b_1	0,756	2,287	0,869	0,000	1,424	3,150
2	b_1	0,851	2,224	0,845	0,000	1,507	2,941
	b_2		-3544,806	-0,310	0,030	-6660,523	429,090
3	b_1	0,853	2,647	1,006	0,073	-0,303	5,597
	b_2		-3510,394	-0,307	0,041	-6832,203	-188,586
	b_3		-0,027	-0,166	0,745	-0,212	0,157
4	b_1	0,897	3,801	1,445	0,020	0,764	6,837
	b_2		-3784,206	-0,331	0,020	-6812,685	-755,728
	b_3		-0,124	-0,751	0,203	-0,330	0,082
	b_4		-1185,884	-0,289	0,103	-2669,503	297,735
5	b_1	0,974	2,405	0,914	0,017	0,574	4,237
	b_2		-2184,355	-0,191	0,028	-4056,866	-311,845
	b_3		0,140	-0,849	0,107	-0,039	0,319
	b_4		-809,925	-0,197	0,058	-1653,944	34,093
	b_5		-0,006	-1,082	0,003	-0,009	-0,003
6	b_1	0,961	-2696,633	-0,236	0,013	-4649,472	-743,793
	b_2		-1167,973	-0,284	0,009	-1957,433	-378,514
	b_4		3,656	1,389	0,000	2,659	4,652
	b_5		-0,004	-0,741	0,003	-0,006	-0,002

Наибольшее значение меры R^2 (0,974) представлено в модели № 5, включающей в себя все переменные, характеризующие уровень жизни населения. Однако данная модель не прошла проверку на отсутствие мультиколлинеарности – коэффициент корреляции Пирсона между переменными b_1 и b_3 составил 0,966, между переменными b_5 и b_3 – 0,951, что, в соответствии со шкалой Чеддока, свидетельствует о наличии весьма высокой связи.

Вследствие наличия мультиколлинеарности в модели № 5 была построена модель № 6, исключая переменную b_3 . Мера R^2 в модели № 6 составила 0,961, следовательно, с помощью данной модели можно объяснить более 96% вариации целевой переменной. Мультиколлинеарность в модели № 6 отсутствует, остатки имеют нормальное распределение.

Статистически значимой переменной в данной модели стала переменная b_4 , характеризующая индекс потребительских цен: уровень значимости (0,000) < 0,005, в доверительный интервал (2,659; 4,652) не попадает 0. Следовательно, базируясь на значении нестандартизированного коэффициента при

данной переменной, мы можем утверждать, что увеличение индекса потребительских цен на 1% ведет к увеличению миграционного оттока населения Омской области на 3 чел.

Также в модели № 6 статистически значимой переменной стала переменная b_5 , отражающая расходы бюджета на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, тыс. руб.: уровень значимости (0,003) < 0,005, в доверительный интервал (-0,006; -0,002) не попадает 0.

Значение нестандартизированного коэффициента при данной переменной позволяет констатировать, что увеличение расходов бюджета на реализацию социальной поддержки отдельных категорий граждан Омской области на 1 млн руб. ведет к уменьшению числа выбывших с территории Омской области на 4 чел.

На следующем этапе исследования была построена модель множественной линейной регрессии на базе третьей группы переменных, описывающих состояние жилищно-коммунального хозяйства Омской области. Результаты построения модели представлены в табл. 5.

Таблица 5

Модель множественной регрессии «Миграционный отток – состояние жилищно-коммунального хозяйства»

№	Переменные	Коэффициент детерминации	Нестандартные коэффициенты	Стандартные коэффициенты	Уровень значимости	95%-ый доверительный интервал	
1	c_1	0,015	-394,277	-0,122	0,691	-2 521,398	1 732,845
2	c_1	0,192	-409,020	-0,127	0,665	-2 454,920	1 636,880
	c_2		-5,481	-0,421	0,170	-13,737	2,776
3	c_1	0,739	1 099,000	0,340	0,125	-372,834	2 570,835
	c_2		-4,177	-0,321	0,095	-9,246	0,891

№	Переменные	Коэффициент детерминации	Нестандартные коэффициенты	Стандартные коэффициенты	Уровень значимости	95%-ый доверительный интервал	
	c_3		2,224	0,880	0,002	1,065	3,382
4	c_1	0,782	1 768,971	0,548	0,065	-139,335	3 677,276
	c_2		-3,400	-0,261	0,171	-8,612	1,812
	c_3		4,850	1,919	0,055	-0,122	9,821
	c_4		-2,482	-0,963	0,246	-7,055	2,091
5	c_1	0,785	1 678,017	0,520	0,110	-490,681	3 846,716
	c_2		-3,754	-0,288	0,194	-9,929	2,421
	c_3		3,906	1,546	0,313	-4,585	12,397
	c_4		-1,624	-0,630	0,636	-9,381	6,132
	c_5		-18,182	-0,107	0,743	-144,370	108,007
6	c_1	0,786	1 631,439	0,505	0,181	-1 008,043	4 270,921
	c_2		-3,626	-0,278	0,280	-11,098	3,846
	c_3		3,658	1,448	0,447	-7,345	14,661
	c_4		-1,441	-0,559	0,726	-11,039	8,158
	c_5		-36,782	-0,217	0,846	-479,168	405,604
	c_6		1 016,493	0,098	0,917	-21 900,233	23 933,218
7	c_1	0,858	1 011,033	0,313	0,374	-1 654,698	3 676,765
	c_2		-3,165	-0,243	0,300	-10,201	3,871
	c_3		-0,575	-0,228	0,909	-12,928	11,777
	c_4		0,439	0,170	0,910	-9,045	9,922
	c_5		-110,421	-0,650	0,539	-541,302	320,460
	c_6		8 941,206	0,863	0,399	-16 022,320	33 904,732
	c_7		9 703,575	0,989	0,171	-5 912,613	25 319,762
8	c_1	0,770	1 384,393	0,429	0,085	-240,357	3 009,144
	c_2		-4,729	-0,363	0,073	-10,021	0,564
	c_3		2,258	0,893	0,002	1,079	3,437
	c_6		-2 059,412	-0,199	0,332	-6 654,977	2 536,153

По сравнению с моделями № 1–6, модель № 7, включающая все переменные, описывающие состояние жилищно-коммунального хозяйства, получила наибольшее значение меры R^2 (0,858). Вместе с тем модель № 7 не прошла проверку на отсутствие мультиколлинеарности – коэффициент корреляции Пирсона между переменными c_3 и c_4 составил 0,958, между c_3 и c_7 – 0,851, между c_4 и c_7 – 0,729, между c_5 и c_6 – 0,941, между c_5 и c_7 – (-0,681).

Наличие мультиколлинеарности между объясняющими переменными в модели № 7 послужило причиной для построения модели № 8, где, по сравнению с моделью № 7, были исключены переменные c_4 , c_5 и c_7 .

По результатам построения модели № 8 мера R^2 составила 0,770, таким образом, с помощью данной модели можно объяснить 77% вариации объясняемой переменной. Также в модели № 8 отсутствует мультиколлинеарность, остатки имеют нормальное распределение.

Статистически значимой переменной в модели № 8 выступила переменная c_3 , описывающая средние цены на первичном рынке жилья, руб. за 1 кв. м: уровень значимости (0,002) < 0,005, в доверительный интервал (1,079; 3,437) не попадает 0. Исходя из значения нестандартизированного коэффициента при данной переменной, можно утверждать, что увеличение средней цены «первичного жилья» на 1 тыс. руб. за 1 кв. м. влечет за собой увеличение миграционного оттока населения Омской области на 2 258 чел.

Далее была построена регрессионная модель, базированная на четвертой группе объясняющих переменных, характеризующих состояние системы здравоохранения Омской области. Результаты построения представлены в табл. 6.

Таблица 6

Модель множественной регрессии «Миграционный отток – состояние системы здравоохранения»

№	Переменные	Коэффициент детерминации	Нестандартные коэффициенты	Стандартные коэффициенты	Уровень значимости	95%-ый доверительный интервал	
1	d_1	0,713	888,773	0,844	0,000	514,242	1 263,305
2	d_1	0,800	1 557,534	1,479	0,001	769,359	2 345,709
	d_2		-940,790	-0,700	0,064	-1 946,393	64,813
3	d_1	0,838	1 765,535	1,677	0,001	942,045	2 589,026
	d_2		-868,922	-0,647	0,074	-1 842,534	104,691

№	Переменные	Коэффициент детерминации	Нестандартные коэффициенты	Стандартные коэффициенты	Уровень значимости	95%-ый доверительный интервал	
	d_3		-2 228,847	-0,316	0,177	-5 674,474	1 216,779
4	d_1	0,840	1 742,942	1,655	0,002	841,116	2 644,768
	d_2		-853,043	-0,635	0,099	-1 906,680	200,594
	d_3		-2 013,053	-0,285	0,285	-6 064,653	2 038,547
	d_4		0,204	0,049	0,769	-1,345	1,752
5	d_1	0,770	1 168,096	1,109	0,002	551,914	1 784,279
	d_3		-2 200,705	-0,312	0,296	-6 683,339	2 281,930
	d_4		0,347	0,084	0,656	-1,357	2,052

Модель № 4 имеет наибольшее значение меры R^2 (0,84), вместе с тем в данной модели не соблюдается требование к отсутствию мультиколлинеарности: коэффициент корреляции между переменными d_1 и d_2 равен 0,907, между d_2 и d_3 – 0,737. Вследствие этого была построена модель № 5, включающая переменные d_1 , d_3 и d_4 . Мультиколлинеарность в модели № 5 отсутствует, остатки имеют нормальное распределение.

Статистически значимой переменной в модели № 5 оказалась переменная d_1 , характеризующая численность населения на одну больничную койку, чел.: уро-

вень значимости (0,002) < 0,005, в доверительный интервал (551,914; 1784,279) не попадает 0. Следовательно, это позволяет констатировать, что увеличение относительного показателя численности населения в расчете на одну больничную койку на 1 ед. детерминирует увеличение миграционного оттока из Омской области на 1 168 человек.

В рамках построения регрессионной модели с использованием факторов, отражающих состояние образовательной системы в Омской области, были получены результаты, представленные в табл. 7.

Таблица 7

Модель множественной регрессии «Миграционный отток – состояние образовательной системы»

№	Переменные	Коэффициент детерминации	Нестандартные коэффициенты	Стандартные коэффициенты	Уровень значимости	95%-ый доверительный интервал	
1	e_1	0,658	1,579	0,811	0,001	0,824	2,334
2	e_1	0,693	1,783	0,916	0,001	0,911	2,655
	e_2		1 673,059	0,214	0,312	-1 829,570	5 175,689
3	e_1	0,924	1,377	0,708	0,000	0,883	1,872
	e_2		-815,643	-0,104	0,412	-2 962,834	1 331,548
	e_3		-6 287,231	-0,558	0,001	-8 996,962	-3 577,500

По итогам построения модели № 3 с полным набором переменных, характеризующих состояние образовательной системы, мера R^2 составила 0,924, что свидетельствует о высоком качестве построенной модели, с помощью объясняющих переменных которой можно объяснить около 92% вариации целевой переменной; остатки имеют нормальное распределение; мультиколлинеарность отсутствует.

Статистически значимой переменной в модели № 3 выступили две переменные:

– e_1 , характеризующая расходы консолидированного бюджета Омской области на образование, млн руб. (уровень значимости (0,000) < 0,005, в доверительный интервал (0,883; 1,782) не попадает 0);

– e_3 , отражающая прием студентов в образовательные учреждения среднего профессионального образования, тыс. чел. (уровень значимости (0,001) < 0,005, в доверительный интервал (-8996,962; -3577,500) не попадает 0).

Таким образом, можно констатировать, что постепенное увеличение расходов консолидированного бюджета Омской области на образование за 2008–2020 гг. не оказывает существенного влияния на изменение миграционного оттока с территории региона. В то же время следует отметить, что увеличение числа приемных мест в образовательные учреждения среднего профессионального образования на 1 тыс. чел. детерминирует существенное сокращение миграционного оттока из Омской области – на 6 287 человек.

Заключительной регрессионной моделью, построенной в рамках данного исследования, стала модель, отражающая взаимосвязь целевой переменной с шестой группой объясняющих переменных, характеризующих уровень культурной и спортивной жизни на территории Омской области (табл. 8). Несмотря на достаточно высокое значение меры R^2 в модели № 5 (0,898), отсутствие мультиколлинеарности и нормальное распределение остатков, коэффициенты при переменных в данной модели оказались статистически незначимыми.

Таблица 8

Модель множественной регрессии «Миграционный отток – уровень культурной, спортивной и социальной жизни»

№	Переменные	Коэффициент детерминации	Нестандартные коэффициенты	Стандартные коэффициенты	Уровень значимости	95%-ый доверительный интервал	
1	f_1	0,087	57,591	0,295	0,328	-66,204	181,386
2	f_1	0,246	45,132	0,231	0,425	-75,876	166,141

№	Переменные	Коэффициент детерминации	Нестандартные коэффициенты	Стандартные коэффициенты	Уровень значимости	95%-ый доверительный интервал	
	f_2		289,738	0,403	0,178	-155,617	735,094
3	f_1	0,761	37,735	0,193	0,272	-35,206	110,675
	f_2		342,945	0,477	0,018	73,476	612,413
	f_3		-40,200	-0,722	0,020	-60,822	-19,578
	f_4		51,953	0,266	0,233	-40,963	144,869
4	f_1	0,773	324,304	0,451	0,034	31,853	616,756
	f_2		-31,259	-0,562	0,104	-70,558	8,040
	f_3		0,310	0,202	0,546	-0,824	1,444
	f_4		-74,125	-0,380	0,194	-196,234	47,983
5	f_1	0,898	-496,129	-0,690	0,135	-1 189,594	197,335
	f_2		13,927	0,250	0,500	-32,433	60,287
	f_3		-1,797	-1,172	0,059	-3,683	0,090
	f_4		7755,429	2,376	0,022	1 521,339	13 989,519
	f_5						

Выводы

В результате статистического анализа данных Росстата, описывающих численность и миграцию населения Омской области за 2008–2020 гг., нами были выявлены тенденции постепенного снижения численности населения Омской области, в частности сокращение населения трудоспособного возраста за счет увеличивающегося миграционного оттока.

На основе проведенного регрессионного анализа, направленного на определение степени влияния социально-экономических показателей на миграционный отток Омской области, нами были установлены следующие причинно-следственные связи.

Наибольшее влияние на сокращение численности выехавших из Омской области оказывает показатель, характеризующий число приемных мест в образовательные учреждения среднего профессионального образования. При увеличении данного показателя на 1 000 чел. миграционный отток сокращается на 6 287 чел.

Также отметим показатель, характеризующий систему здравоохранения Омской области, а именно обеспеченность населения больничными койками в расчете на 1 чел., увеличение которого на 1 ед. детерминирует сокращение миграционного оттока из Омской области на 1 168 чел.

В свою очередь, на увеличение численности выехавших наибольшее влияние оказывает величина средней цены «первичного жилья» за 1 кв. м., возрастание которой на 1 тыс. руб. влечет за собой увеличение миграционного оттока населения Омской области на 2 258 чел.

Исходя из полученных результатов, полагаем, что приоритетными задачами в рамках миграционной по-

литики Омской области в целях обеспечения социально-экономической безопасности региона должны стать:

- развитие системы среднего профессионального образования за счет увеличения количества приемных (бюджетных и платных) мест на образовательные программы, повышения уровня материально-технической оснащенности колледжей и техникумов, создания малых инновационных предприятий при колледжах, привлечения молодых преподавателей и ученых к работе в учреждениях СПО;

- формирование сбалансированной кадровой политики, предусматривающей своевременное реагирование на изменение кадровой потребности предприятий Омской области и развитие рынка трудовых ресурсов;

- создание благоприятной городской среды и повышение доступности комфортного жилья с целью закрепления населения в трудоспособном возрасте на территории Омской области;

- повышение качества предоставления услуг в сфере здравоохранения, в частности, модернизация материально-технической базы медицинских организаций с целью полного оснащения современным медицинским оборудованием, а также повышения обеспеченности больничными койками;

- повышение эффективности расходования средств бюджета на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, а также увеличение сумм бюджетных средств, направленных на предоставление социальных пособий, доплат, субсидий и компенсаций, с целью создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и снижение социального неравенства, как составляющих социальной защиты населения.

Список источников

1. Kim A.S., Talipov A.K. The inversion of the gender roles during migration // European research: innovation in science, education and technology. Collection of scientific articles LXI International correspondence scientific and practical conference. 2020. P. 112–116.
2. Охотников А.В., Воронина А.В. Факторы и проблемы трудовой привлекательности региона // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 10 (137). С. 31–34.
3. Петрова О.В. Характеристика миграционного процесса и подходы к его определению в контексте влияния на экономическую безопасность России // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2018. № 1. С. 62–66.
4. Яркова Е.Н. Миграция: типология этнокультурной политики // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3, № 2. С. 25–35.
5. Вакуленко Е.С. Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? // Прикладная эконометрика. 2019. № 3 (55). С. 113–138.
6. Винокурова Д.М., Томаска А.Г. Внутренняя и внешняя миграция в Республике Саха (Якутия): отношение студенческой молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 177–187.

7. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Аликова А.С. Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов // Вестник Российской академии наук. 2020. № 12. С. 1156–1163.
8. Ерохин Н.А. Механическое движение населения в России как политическая проблема // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 1. С. 34–47.
9. Лифшиц М.Л., Неклюдова Н.П. Влияние международной и внутренней миграции на распространение некоторых инфекционных заболеваний и наркомании в регионах РФ // Экономика региона. 2019. № 4. С. 1184–1198.
10. Варганова М.Л. Анализ миграционных процессов и тенденций их развития в условиях проведения радикальных реформ // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 4 (36). С. 61–67.
11. Латкин А.П., Чупахина Л.Е. Миграционная политика на Дальнем Востоке России: вызовы и перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 4 (59). С. 15–23.
12. Романов В.Г., Романова И.В. Современная демографическая ситуация Забайкальского края: динамика и направленность основных показателей // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. № 7. С. 73–86.
13. Адиев А.З. Влияние внутренней и внешней миграции на демографию, экономику и межэтнические отношения в Республике Дагестан // Вестник Института социологии. 2020. № 1. С. 137–152.
14. Воронин Г.Л., Мамлев Д.О. Изучение факторов миграционных процессов в Приволжском федеральном округе через призму социально-экономического положения индивидов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 4 (64). С. 50–60.
15. Полянская Э.В., Карлина Е.П., Колмакова Л.Х. Миграционный отток квалифицированных кадров как угроза экономической безопасности региона // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2021. № 4. С. 51–61.
16. Судакова А.Е., Тарасьев А.А., Кокшаров В.А. Миграционные тренды российских ученых: региональный аспект // Пространство экономики. 2021. № 2. С. 91–104.
17. Мусин У.Р. Миграция и демографическая ситуация в регионе // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 12–2. С. 175–178.
18. Троянская М.А. Миграция населения: понятие, виды, значение для территорий // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. № 2 (35). С. 356–360.
19. Юкиш В.Ф. Сравнительная характеристика регионов России с наивысшими показателями миграционного прироста и миграционной убыли населения по отраслевой структуре // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 10–2. С. 156–163.
20. Бареев М.Ю., Курмышкина О.Н. Внешняя миграция как потеря социального капитала в региональном социуме // Регинология. 2022. № 1 (118). С. 31–54.
21. Курбатова М.В., Доновна И.В., Кранзеева Е.А., Леухова М.Г. Образовательная миграция в регионах ресурсного типа // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 1. С. 91–112.
22. Васильева Е.В., Васильева А.В. Демографические исследования в контексте потенциала развития и экономической безопасности территории // Экономика региона. 2022. № 1. С. 1–20.
23. Бойцова О.А. Миграция сельской молодежи // Научный журнал. 2019. № 2 (36). С. 48–50.
24. Брылева А.С. Последствия внутренней трудовой миграции населения в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2–1. С. 135–139.
25. Криворучко Д.Р. Внутренняя миграция: сопоставление с международными миграционными процессами, влияние на рынок труда // Финансовые рынки и банки. 2021. № 4. С. 44–49.
26. Курбанов М.Ю. Социально-экономические проблемы миграций даргинцев за пределы Дагестана (Ставропольский край и Калмыкия) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 8 (106). С. 168–174.
27. Осеев А.А., Дудуева Ф.А. Особенности этносоциальных конфликтов на российском рынке труда: отношение к иммигрантам в России (на примере г. Москвы). Сравнительный анализ со странами Западной Европы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. № 4. С. 185–204.
28. Самадов Х.Б., Салимов Ш.Ю. Социально-экономические последствия трудовой миграции (на примере стран Центральной Азии) // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социально-трудовых отношений». Махачкала: Изд-во Дагестанского федер. исслед. центра РАН, 2019. С. 339–341.
29. Скрыбина К.А. Анализ особенностей региональных миграционных процессов в Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2019. № 4. С. 396–400.
30. Тюньков А.В. Исследование и сравнительная оценка внешних и внутренних факторов миграционных процессов в г. Москве // Инновации и инвестиции. 2019. № 3. С. 126–129.
31. Шлапко Е.А., Кондратьева С.В. Миграция как вызов национальной безопасности: проблемы адаптации просителей убежища (опыт г. Торнио, Финляндия) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 150–157.
32. Яковлева Е.Б. Трудовая миграция: история и современное состояние // Проблемы современной экономики. 2016. № 4 (60). С. 83–86.
33. Численность и состав населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 10.03.2023 г.).
34. О Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2030 года : постановление Правительства Омской области от 12.10.2022 № 543–п // ИПС Система ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/405435369/> (дата обращения: 15.03.2023 г.).
35. Потуданская В.Ф., Боровских Н.В., Кипервар Е.А. Трудовая миграция и ее социально-экономические последствия для региона // Экономика труда. 2018. Т. 5, № 4. С. 997–1006.
36. Голова Е.Е. Состояние и перспективы миграционных процессов в Омской области как показатель качества жизни сельского населения // Московский экономический журнал. 2020. № 6. С. 349–354.
37. Боровских Н.В. Миграционные процессы в регионе: анализ и направления регулирования // Концепт. 2018. № 10. С. 273–280.
38. Половинко В.С. Модель регулирования миграционных процессов региона (на примере Омской области) // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2018. № 2. С. 177–189.
39. Киселева А.М. Миграционная безопасность Омской области: молодежный аспект // Вестник СибАДИ. 2018. № 1 (59). С. 121–132.
40. Карпов В.В., Дубовенко П.А. Особенности формирования миграционных процессов в приграничных регионах // Вестник Сибирского института бизнеса и инновационных технологий. 2021. № 2. С. 67–73.
41. Арбуз А.В. Экспертная оценка миграционных процессов в Омской области // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2017. № 3. С. 165–172.
42. Рой О.М. Влияние неравномерности развития сибирских регионов на миграционную убыль // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 53. С. 100–110.
43. Арбуз А.В., Ширококолобова О.С. Молодежная миграция в условиях регионального рынка труда (на материалах Омской области) // Siberian Socium. 2017. № 2. С. 61–71.
44. Половинко В.С., Арбуз А.В. Миграционные установки населения в контексте регионального рынка труда // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. № 1. С. 38–50.

45. Маковецкий М.Ю., Маковецкая Е.Н., Рудаков Д.В. Трансформация Омского региона в контексте актуальных трендов социально-экономического развития Российской Федерации // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2021. № 4 (39). С. 14–23.
46. Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.03.2023).
47. Официальная статистика // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 25.03.2023).
48. Статистика // Управление МВД России по Омской области. URL: <https://55.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/Statistika> (дата обращения: 25.03.2023).

References

1. Kim, A.S. & Talipov, A.K. (2020) The inversion of the gender roles during migration. *European research: innovation in science, education and technology*. Collection of scientific articles LXI International correspondence scientific and practical conference pp. 112–116.
2. Okhotnikov, A.V. & Voronina, A.V. (2021) Faktory i problemy trudovoy privlekatel'nosti regiona [Factors and problems of labor attractiveness of the region]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 10 (137). pp. 31–34.
3. Petrova, O.V. (2018) Kharakteristika migratsionnogo protsessa i podkhody k ego opredeleniyu v kontekste vliyaniya na ekonomicheskuyu bezopasnost' Rossii [Characteristics of the migration process and approaches to its definition in the context of the impact on the economic security of Russia]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya*. 1. pp. 62–66.
4. Yarkova, E.N. (2017) Migratsiya: tipologiya etnokul'turnoy politiki [Migration: typology of ethnocultural policy]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*. 3 (2). pp. 25–35.
5. Vakulenko, E.S. (2019) Motivy vnutrenney migratsii naseleniya v Rossii: chto izmenilos' v poslednie gody? [Motives for internal migration of the population in Russia: what has changed in recent years?]. *Prikladnaya ekonometrika*. 3 (55). pp. 113–138.
6. Vinokurova, D.M. & Tomaska, A.G. (2021) Vnutrennyaya i vneshnyaya migratsiya v Respublike Sakha (Yakutiya): otnoshenie studencheskoy molodezhi [Internal and external migration in the Republic of Sakha (Yakutia): the attitude of student youth]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 1 (94). pp. 177–187.
7. Vorob'eva, O.D., Topilin, A.V. & Alikova, A.S. (2020) Sotsial'no-demograficheskie posledstviya vnutrenney migratsii trudovykh resursov [Socio-demographic consequences of internal migration of labor resources]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 12. pp. 1156–1163.
8. Erokhin, N.A. (2019) Mekhanicheskoe dvizhenie naseleniya v Rossii kak politicheskaya problema [Mechanical movement of the population in Russia as a political problem]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 1. pp. 34–47.
9. Lifshits, M.L. & Neklyudova, N.P. (2019) Vliyanie mezhdunarodnoy i vnutrenney migratsii na rasprostraneniye nekotorykh infektsionnykh zabolnavaniy i narkomaniy v regionakh RF [The influence of international and internal migration on the spread of some infectious diseases and drug addiction in the regions of the Russian Federation]. *Ekonomika regiona*. 4. pp. 1184–1198.
10. Vartanova, M.L. (2021) Analiz migratsionnykh protsessov i tendentsiy ikh razvitiya v usloviyakh provedeniya radikal'nykh reform [Analysis of migration processes and trends in their development in the context of radical reforms]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. 4 (36). pp. 61–67.
11. Latkin, A.P. & Chupakhina, L.E. (2021) Migratsionnaya politika na Dal'nem Vostoke Rossii: vyzovy i perspektivy [Migration policy in the Russian Far East: challenges and prospects]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 4 (59). pp. 15–23.
12. Romanov, V.G. & Romanova, I.V. (2021) Sovremennaya demograficheskaya situatsiya Zabaykal'skogo kraya: dinamika i napravlenost' osnovnykh pokazateley [Current demographic situation of Zabaykalsky Krai: dynamics and direction of the main indicators]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 73–86.
13. Adiev, A.Z. (2020) Vliyanie vnutrenney i vneshney migratsii na demografiyu, ekonomiku i mezhetnicheskoye otnosheniya v Respublike Dagestan [The influence of internal and external migration on demography, economics and interethnic relations in the Republic of Dagestan]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 1. pp. 137–152.
14. Voronin, G.L. & Mamlev, D.O. (2021) Izuchenie faktorov migratsionnykh protsessov v Privolzhskom federal'nom okruge cherez prizmu sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya individov [Studying the factors of migration processes in the Volga Federal District through the prism of the socio-economic status of individuals]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 4 (64). pp. 50–60.
15. Polyanskaya, E.V., Karlina, E.P. & Kolmakova, L.Kh. (2021) Migratsionnyy ottok kvalifitsirovannykh kadrov kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti regiona [Migration outflow of qualified personnel as a threat to the economic security of the region]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. 4. pp. 51–61.
16. Sudakova, A.E., Taras'ev, A.A. & Koksharov, V.A. (2021) Migratsionnye trendy rossiyskikh uchenykh: regional'nyy aspekt [Migration trends of Russian scientists: regional aspect]. *Prostranstvo ekonomiki*. 2. pp. 91–104.
17. Musin, U.R. (2021) Migratsiya i demograficheskaya situatsiya v regione [Migration and demographic situation in the region]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. 12–2. pp. 175–178.
18. Troyanskaya, M.A. (2021) Migratsiya naseleniya: ponyatie, vidy, znachenie dlya territoriy [Population migration: concept, types, significance for territories]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 2 (35). pp. 356–360.
19. Yukish, V.F. (2021) Sravnitel'naya kharakteristika regionov Rossii s naivysshimi pokazatelyami migratsionnogo prirosta i migratsionnoy ubyli naseleniya po otraslevoy strukture [Comparative characteristics of Russian regions with the highest rates of migration growth and migration decline by industry structure]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. 10–2. pp. 156–163.
20. Bareev, M.Yu. & Kurmyshkina, O.N. (2022) Vneshnyaya migratsiya kak poterya sotsial'nogo kapitala v regional'nom sotsiume [External migration as a loss of social capital in regional society]. *Regionologiya*. 1 (118). pp. 31–54.
21. Kurbatova, M.V. et al. (2022) Obrazovatel'naya migratsiya v regionakh resursnogo tipa [Educational migration in resource-type regions]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 1. pp. 91–112.
22. Vasil'eva, E.V. & Vasil'eva, A.V. (2022) Demograficheskie issledovaniya v kontekste potentsiala razvitiya i ekonomicheskoy bezopasnosti territorii [Demographic studies in the context of development potential and economic security of the territory]. *Ekonomika regiona*. 1. pp. 1–20.
23. Boytsova, O.A. (2019) Migratsiya sel'skoy molodezhi [Migration of rural youth]. *Nauchnyy zhurnal*. 2 (36). pp. 48–50.
24. Bryleva, A.S. (2022) Posledstviya vnutrenney trudovoy migratsii naseleniya v Rossiyskoy Federatsii [Consequences of internal labor migration of the population in the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyy zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2–1. pp. 135–139.
25. Krivoruchko, D.R. (2021) Vnutrennyaya migratsiya: sopostavleniye s mezhdunarodnymi migratsionnymi protsessami, vliyanie na rynek truda [Internal migration: comparison with international migration processes, impact on the labor market]. *Finansovye rynki i banki*. 4. pp. 44–49.
26. Kurbanov, M.Yu. (2019) Sotsial'no-ekonomicheskie problemy migratsiy darginsev za predely Dagestana (Stavropol'skiy kray i Kalmykiya) [Socio-economic problems of migration of Dargins outside Dagestan (Stavropol Territory and Kalmykia)]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 8 (106). pp. 168–174.
27. Oseev, A.A. & Dudueva, F.A. (2020) Osobennost' etnosotsial'nykh konfliktov na rossiyskom rynke truda: otnosheniye k immigrantam v Rossii (na primere g. Moskvyy). Sravnitel'nyy analiz so stranami Zapadnoy Evropy [Features of ethnosocial conflicts in the Russian labor market: attitude

- towards immigrants in Russia (using the example of Moscow). Comparative analysis with Western European countries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 4. pp. 185–204.
28. Samadov, Kh.B. & Salimov, Sh.Yu. (2019) [Socio-economic consequences of labor migration (on the example of Central Asian countries)]. *Aktual'nye problemy sotsial'no-trudovykh otnosheniy* [Current Problems of Social and Labor Relations]. Conference Proceedings. Makhachkala: Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. pp. 339–341. (In Russian).
 29. Skryabina, K.A. (2019) Analiz osobennostey regional'nykh migratsionnykh protsessov v Rossiyskoy Federatsii [Analysis of the features of regional migration processes in the Russian Federation]. *Innovatsii i investitsii*. 4. pp. 396–400.
 30. Tyun'kov, A.V. (2019) Issledovanie i sravnitel'naya otsenka vneshnikh i vnutrennikh faktorov migratsionnykh protsessov v g. Moskve [Research and comparative assessment of external and internal factors of migration processes in Moscow]. *Innovatsii i investitsii*. 3. pp. 126–129.
 31. Shlapenko, E.A. & Kondrat'eva, S.V. (2021) Migration as a National Security Challenge: Problems of Asylum Seekers' Adaptation (A Case of Tornio, Finland). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 466. pp. 150–157. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/466/18
 32. Yakovleva, E.B. (2016) Trudovaya migratsiya: istoriya i sovremennoe sostoyanie [Labor migration: history and current state]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 4 (60). pp. 83–86.
 33. Territorial Body of the Federal State Statistics Service for Omsk Oblast. (2023) *Chislennost' i sostav naseleniya* [Number and composition of the population]. [Online] Available from: <https://55.rosstat.gov.ru/population> (Accessed: 10.03.2023 g.).
 34. Government of Omsk Oblast. (2022) *On the Strategy for the socio-economic development of Omsk Oblast until 2030: Decree of the Government of Omsk Oblast dated 12 October 2022 No. 543-p*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/405435369/> (Accessed: 15.03.2023). (In Russian).
 35. Potudanskaya, V.F., Borovskikh, N.V. & Kipervar, E.A. (2018) Trudovaya migratsiya i ee sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya dlya regiona [Labor migration and its socio-economic consequences for the region]. *Ekonomika truda*. 5 (4). pp. 997–1006.
 36. Golova, E.E. (2020) Sostoyanie i perspektivy migratsionnykh protsessov v Omskoy oblasti kak pokazatel' kachestva zhizni sel'skogo naseleniya [State and prospects of migration processes in Omsk Oblast as an indicator of the quality of life of the rural population]. *Moskovskiy ekonomicheskiy zhurnal*. 6. pp. 349–354.
 37. Borovskikh, N.V. (2018) Migratsionnye protsessy v regione: analiz i napravleniya regulirovaniya [Migration processes in the region: analysis and directions of regulation]. *Kontsept*. 10. pp. 273–280.
 38. Polovinko, V.S. (2018) Model' regulirovaniya migratsionnykh protsessov regiona (na primere Omskoy oblasti) [Model of regulation of migration processes in the region (on the example of Omsk Oblast)]. *Vestnik OmGU. Seriya: Ekonomika*. 2. pp. 177–189.
 39. Kiseleva, A.M. (2018) Migratsionnaya bezopasnost' Omskoy oblasti: molodezhnyy aspekt [Migration security of Omsk Oblast: youth aspect]. *Vestnik SibADI*. 1 (59). pp. 121–132.
 40. Karpov, V.V. & Dubovenko, P.A. (2021) Osobennosti formirovaniya migratsionnykh protsessov v prigranichnykh regionakh [Features of the formation of migration processes in border regions]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy*. 2. pp. 67–73.
 41. Arbuz, A.V. (2017) Ekspertnaya otsenka migratsionnykh protsessov v Omskoy oblasti [Expert assessment of migration processes in Omsk Oblast]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. 3. pp. 165–172.
 42. Roy, O.M. (2021) The Uneven Development of Siberian Regions: Impact on Migration Loss. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 53. pp. 100–110. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/53/8
 43. Arbuz, A.V. & Shirokolobova, O.S. (2017) Molodezhnaya migratsiya v usloviyakh regional'nogo rynka truda (na materialakh Omskoy oblasti) [Youth migration in the conditions of the regional labor market (based on materials from Omsk Oblast)]. *Siberian Socium*. 2. pp. 61–71.
 44. Polovinko, V.S. & Arbuz, A.V. (2018) Migratsionnye ustanovki naseleniya v kontekste regional'nogo rynka truda [Migration attitudes of the population in the context of the regional labor market]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 1. pp. 38–50.
 45. Makovetskiy, M.Yu., Makovetskaya, E.N. & Rudakov, D.V. (2021) Transformatsiya Omskogo regiona v kontekste aktual'nykh trendov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [Transformation of Omsk Oblast in the context of current trends in the socio-economic development of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie*. 4 (39). pp. 14–23.
 46. Federal State Statistics Service. (2023) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (Accessed: 25.03.2023).
 47. Territorial Body of the Federal State Statistics Service for Omsk Oblast. (2023) *Ofitsial'naya statistika* [Official statistics]. [Online] Available from: <https://55.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (Accessed: 25.03.2023).
 48. Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Omsk Oblast. (2023) *Statistika* [Statistics]. [Online] Available from: <https://55.xn—blaew.xn—plai/Dejatelnost/Statistika> (Accessed: 25.03.2023).

Информация об авторах:

Болдовская Т.Е. – канд. техн. наук, доцент кафедры информационной безопасности Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия); доцент кафедры прикладной математики и фундаментальной информатики Омского технического университета (Омск, Россия). E-mail: teb73@mail.ru

Фролова Ю.Ю. – магистрант кафедры отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: frolovajulia01@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.E. Boldovskaya, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation); associate professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: teb73@mail.ru

Yu.Yu. Frolova, master's student, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: frolovajulia01@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.04.2022;
одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 04.05.2022;
approved after reviewing 18.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 316.65
doi: 10.17223/15617793/494/10

Влияние ценностно-смысловых предпочтений российских подростков и молодежи на построение образов будущего

Ольга Радиславовна Радионова¹, Наталия Борисовна Авалуева²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

¹radionova-or@ranepa.ru

²avalueva-nb@ranepa.ru

Аннотация. Обобщены, проанализированы и раскрыты научно-методические подходы к пониманию ценностно-смысловой сферы личности, изучению корреляций жизненных ценностей и моделированию будущего у современных подростков и молодежи в России. Представлены методологические основания и результаты социологического исследования по изучению ценностно-смысловых предпочтений российских подростков и молодежи в меняющейся геополитической ситуации, их влияния на образы будущего и их возможных трансформаций в будущем. Раскрыты образы настоящего и будущего современных российских подростков и молодежи на основе их ценностно-смысловых предпочтений. Обосновано влияние мотивации успеха на образы будущего современных российских подростков и молодежи.

Ключевые слова: подростки, молодежь, ценностно-смысловые предпочтения, мотивационный компонент, образ будущего, геополитическая ситуация

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы 11.12-2023-1 «Исследование ценностно-смысловых ориентиров российских школьников в меняющейся геополитической ситуации», в соответствии с государственным заданием РАНХиГС на 2023 г. по научному направлению «Экономика образования. Средне- и долгосрочные приоритеты реформы образования».

Для цитирования: Радионова О.Р., Авалуева Н.Б. Влияние ценностно-смысловых предпочтений российских подростков и молодежи на построение образов будущего // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 96–105. doi: 10.17223/15617793/494/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/10

Analysis of axiological attitudes of Russian youth in a period of uncertainty

Olga R. Radionova¹, Natalia B. Avalueva²

^{1,2} Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

¹radionova-or@ranepa.ru

²avalueva-nb@ranepa.ru

Abstract. Global changes taking place in the political and socio-economic sphere, in the socio-cultural space, large-scale informatization and media pressure have a direct impact on society, causing active modulations of behavior and axiological sphere, both in adults and in the younger generation entering adulthood and projecting their future in a situation of extreme uncertainty. As part of the research work analyzing approaches to the implementation of educational policy in educational organizations of the general education system, in 2022, the Research Center for Strategy, Design and Legal Support of the Federal Institute of Education Development at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration conducted a study of young people's axiological attitudes at the present stage, as well as their impact on building an image of the future. On the basis of generalized methodological, scientific and methodological approaches to the study of correlations of life values and modeling of the future among young people in Russia, a methodology was developed that allows identifying the axiological attitudes of several categories of respondents of different ages and social status, as well as tracing the dynamics of their changes at different stages of the younger generation's growing up. A toolkit was developed for conducting an anonymous online survey on a specially created page of the website of the Federal Institute of Education Development at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 80,964 people from all 85 subjects of the Russian Federation took part in the sociological study. The results of the study showed that the perception of the future is more influenced

by the situation in which the respondent is in the present. A favorable emotional situation in the family, educational organization, and society contribute to the projection of the current picture of the world into the future, and the identified problem areas become the object of transformation. In the first place, regardless of age and employment, is the idea of one's own health and the health of family members. An important component of the formation of axiological attitudes is the living conditions in the present, including the material prosperity of the family. Recognizing the need for material security, young people realize that it is more a means to achieve a prosperous life than a goal. The ideas about the future of modern Russian youth are concentrated on the fact that they will devote much less time to household management and communication, and will be able to realize their dreams of traveling, active cultural life, physical education and sports. Based on the data obtained, the motivational profile of modern Russian youth is formed. A system of pedagogical support for the implementation of strategic directions of state policy in the field of education in conditions of uncertainty for specialists of the general education system has been developed. Proposals for the implementation of strategic directions of educational and youth policy have been formed for the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: axiological attitudes, image of future, youth, period of uncertainty, sociological research

Financial support: The study was carried out within the framework of research work 11.12-2023-1 as part of the state assignment to the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration for 2023.

For citation: Radionova, O.R. & Avalueva, N.B. (2023) Analysis of axiological attitudes of Russian youth in a period of uncertainty. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 96–105. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/10

Введение

Глобальные изменения, происходящие в политической, социально-экономической сфере, в социокультурном пространстве, широкомасштабная информатизация и давление СМИ оказывают непосредственное влияние на социум. Неизбежным следствием данного процесса является изменение ценностных предпочтений и ценностно-смысловой сферы в целом у подрастающего поколения в России, вступающего во взрослую жизнь и проектирующего свое будущее в стремительно меняющейся геополитической ситуации.

Исследования, направленные на выявление ожиданий, представлений о будущем, а также связанных с ними страхов у подростков и молодежи (прежде всего школьников), в современных условиях становятся все более актуальными. Именно образ будущего, формирующийся как у подростка, так и у молодого человека, является, с одной стороны, условием, а с другой – результатом процесса его вхождения в социум.

Представления подрастающего поколения о будущем могут рассматриваться как модель (образ) будущего, которая, во-первых, включает их внутренние убеждения, самооценку личностных качеств и перспектив, а во-вторых – указывает на происходящие процессы формирования самоидентификации и социализации подростков и молодежи в современном обществе.

Можно выделить три основных компонента построения образа будущего: жизненные ценности, личностные характеристики, мотивы.

Жизненные ценности, которые «выступают в роли ориентиров, способствующих в обширном потоке внешней информации о жизненных явлениях выделить то, что наиболее важно для жизнедеятельности человека, для его поведения, т.е. ценности определяют избирательность отношений человека к миру, характеризуют его жизненную позицию, направленность устремлений личности, а также соизмеримость потребностей и способов их удовлетворения» [1], являются основным компонентом построения образа будущего.

«...Образ будущего может быть определен как динамическое психологическое образование, которое обеспечивает, с одной стороны, смысложизненную определенность бытия человека, а с другой стороны, задает направленность жизни. Существуют личностные характеристики, которые, выступая показателями открытости человека как психологической системы, могут детерминировать процесс построения образа будущего» [2]. Таким образом, личностные характеристики, являясь компонентом построения образа будущего, будут выступать как «описание характера», который играет значительную роль при формировании ожиданий и оценки молодыми людьми собственных перспектив.

Еще одним важнейшим компонентом для построения подрастающим поколением образа собственного будущего является мотивационный компонент, поскольку «...в желаемом будущем современная молодежь стремится стать успешной. Успех понимается как некое комплексное достижение: это в равной степени означает реализовать свои профессиональные планы, создать собственную семью, обустроить собственный очаг. Причем последнее подразумевает как материальное благополучие семьи, так и ее психологический комфорт» [3]. Именно мотивы задают вектор, определяющий субъективную картину будущего: с одной стороны, они побуждают, направляют деятельность, формируют устремления, желания, а с другой – создают личностные смыслы, определяя ценностные предпочтения.

Таким образом, при рассмотрении трехкомпонентной структуры категории «образ будущего» научный и практический интерес будет представлять исследование влияния каждого из обозначенных компонентов (жизненные ценности, личностные характеристики, мотивы) на построение образов будущего современных подростков и молодежи.

Однако в рамках данной статьи остановимся на результатах исследования влияния ценностно-смысловых предпочтений российской молодежи на построение их образа будущего.

Методология исследования

В настоящее время в различных отраслях науки встречается множество исследований, посвященных проблематике, связанной с корреляцией жизненных ценностей и моделированием своего будущего у подростков и молодежи в России (О.Н. Арестова, О.Е. Байтингер, С.А. Башкова, Т.Н. Березина, И.А. Демина, Д.А. Леонтьев, Е.В. Щелобанова и др.). Исследования, связанные с построением картины будущего, анализировались в русле изучения психологического времени человека и его жизненного проживания в работах С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева и др.

Исследователем К.А. Абульхановой-Славской была предложена концепция личностной организации жизненного пути человека и его субъективного времени, в рамках которой осуществлен цикл исследований, внесших значительный вклад в понимание проблемы будущего в жизни человека (В.И. Ковалев, Л.Ю. Кублицкене, О.В. Кузьмина).

Представления в подростковом и юношеском возрасте о будущем отражают потенциальные возможности личности и уверенность или страх в возможности достижения этого будущего. Степень сформированности образа будущего многими исследователями рассматривается как один из показателей успешной социализации (М.Р. Гинзбург, Е.П. Белинская, Е.И. Головаха, С.А. Башкова, Ж. Нюттен, Л.В. Сохань, Г.С. Шляхтин, И.А. Демина и др.).

Сегодня, когда общество переживает ряд как структурных, так и духовных глобальных трансформаций, современной молодежи приходится вступать во взрослую жизнь, осваивая нормы ценностей и поведения, а также планируя свое будущее в ситуации нестабильности. Рассматривая ценности как атрибуты личности, которые тесно в нее «вплетены» и характеризуют ее целостность, определяя богатство внутреннего мира, «особо выделяются статус личности... общественные функции, осуществляемые личностью в зависимости от этого положения; мотивация ее поведения и деятельности... мировоззрение и вся совокупность отношений личности к окружающему миру... характер и склонности...» [4. С. 73].

Существуют различные мнения ученых и исследователей относительно проблематики изучения ценностей. Например, сама ценность рассматривается как некий атрибут абстрактного ценного (С.Л. Рубинштейн) или как возможная взаимосвязь какого-либо явления с конкретным объектом (М.И. Бобнева, Н.М. Лебедева, Д.А. Леонтьев, Б.С. Братусь, N.T. Feather, M. Rokeach, S.H. Schwartz, A. Vardi и др.). Ценности могут быть рассмотрены как первичное аффективно-смысловое образование, и параллельно с этим как субъективно психологическое образование (Т.М. Буякас, М.И. Бобнева, Н.М. Лебедева, Д.А. Леонтьев, M. Rokeach, S.H. Schwartz и др.); как мотивирующая структура личности (А.Г. Асмолов и др.), как источник и носитель личностно значимых смыслов (Д.А. Леонтьев).

Д.А. Леонтьев рассматривает ценностно-смысловые ориентации личности на двух уровнях – внешнем

(цели жизни, насыщенность жизни, удовлетворенность самореализацией) и внутреннем (внутренний локус контроля, т.е. уверенность в способности контролировать свою жизнь, влияние на них различных страхов).

Крайне важным для данного исследования является развитие осознания своих смысловых ориентаций и рефлексивного отношения к ним [5]. В трудах Л.С. Выготского, А.М. Лобок, В.И. Слободчикова, Н.С. Пряжниковой особое внимание уделено развитию механизмов рефлексии, «то есть, специфической человеческой способности, которая позволяет ему сделать свои мысли, эмоциональные состояния, свои действия и отношения, вообще всего себя предметом специального рассмотрения (анализа и оценки) и практического преобразования» [6]. Вслед за В.И. Слободчиковым рефлексия рассматривается в исследовании «...как разрыв в потоке жизни, внутри которого происходит повседневное существование человека, и способность отнестись к жизни в целом, осуществить по отношению к ней ценностно-смысловое самоопределение».

Большое количество исследований посвящено изучению различных социально-психологических аспектов формирования и структурных изменений системы ценностей у современных подростков (А.В. Кулешова, И.В. Редина; С.В. Молчанов). Отечественные авторы указывают на факторы влияния современной семьи на процесс формирования ценностей подростков (Т.В. Геворкян, И.А. Крапивка и др.), школы, социума, включая образовательную среду (Э.В. Зауторова; Н.Н. Шиховцева; В.Т. Кудрявцев; Т.В. Михайлова и др.), социально-культурную и досуговую среду (Н.А. Плугина, Т.Ю. Ершова и др.), СМИ и современную мультимедийную среду (Н.А. Матвеева, Д.В. Кортиева и др.). Несмотря на то что исследование ценностей современных подростков нашло достаточно широкое отражение в научной литературе, проблема социально-психологических особенностей ценностей названной группы с учетом современного социокультурного контекста требует своего дальнейшего изучения.

Изучение ценностей – наиболее сложная и трудоемкая деятельность для исследователей, однако именно она позволяет выявить перспективы развития различных социальных групп, а для групп подростков – скорректировать выявленные проблемные зоны. Важность выявления приоритетных базовых ценностей состоит в том, что ценности заставляют человека придерживаться определенного образа жизни, поступать определенным образом, определенным образом делать выбор в различных жизненных ситуациях, придают смысл совершаемым действиям в повседневной жизни. Таким образом, ранняя (в период первичной социализации) диагностика ценностно-смысловых предпочтений позволяет не только наладить контакт с подростками и молодежью, но и преодолеть межпоколенческие разрывы, скорректировать содержание действующих программ воспитания с учетом выявленных рисков.

Следует отметить, что в основу разработки методики исследования влияния ценностно-смысловых

предпочтений подростков и молодежи на построение их образов будущего положены научные труды Л.С. Выготского [7], С.Л. Рубинштейна [8], А.Г. Асмолова [9–13], Д.А. Леонтьева [5, 14–16].

Для разработки инструментария исследования были проанализированы методики, направленные на изучение ценностно-смысловой сферы человека: А. Мехрабиана (адаптация М.Ш. Магомед-Эминова) [17. С. 139], В.Р. Манукяна [18], Джеймса Крамбо, Леонарда Махолика (модификация Д.А. Леонтьева) [19. С. 8–18], В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной [20], П.Н. Иванова, Е.Ф. Колобовой [21. С. 22–24], Г.В. Резапкиной [22] и др. Проведенный анализ способствовал определению методологической основы исследования, цель которого – выявление влияния ценностно-смысловых предпочтений подростков и молодежи на построение их образов будущего. Принимая во внимание действующую нормативно-правовую базу и результаты актуальных научных исследований в области воспитания, методологической основой данного исследования является синтез различных подходов: деятельностного подхода, лежащего в основе федеральных государственных образовательных стандартов [23]; личностно-ориентированного подхода, учитывающего возрастные и личностные особенности обучающихся (Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, А.А. Бодалев, Л.И. Божович, Л.В. Занков, В.П. Зинченко и др.), и аксиологического подхода, раскрывающего возможности формирования мировоззрения как основы личностного и профессионального развития (С.З. Гончаров, И.И. Докучаев, А.Г. Здравомыслов, М.С. Коган, Д.А. Леонтьев, Г. Риккерт, Н.С. Розов, М. Рокитч, М.С. Яницкий и др.).

Основанием для разработки инструментария стала сформированная на теоретико-методологическом этапе исследования трехкомпонентная структура образа будущего современных подростков и молодежи, включающая жизненные ценности, личностные характеристики, мотивационный компонент (мотивация к успеху). Основным инструментом исследования явился разработанный опросный лист для двух категорий респондентов – подростков и молодежи. Изучение ценностно-смысловых предпочтений целевых групп подростков и молодежи происходило с учетом их возрастных особенностей, социальных условий и мотивационной направленности. В качестве факторов, влияющих на конструирование и изменение ценностно-смысловых предпочтений, были выделены следующие: социальный контекст (материальный достаток, работа и др.); эмоциональный фон (включая уровень оптимизма); сформированные представления о значимости различных социальных сфер в настоящем.

Для выявления ценностно-смысловых предпочтений респондентов была актуализирована методика Г.В. Резапкиной «Иерархия жизненных ценностей» [22] как надежный, валидный инструмент. Для выявления представлений подростков и молодежи о своем будущем опросный лист был разработан самостоятельно, исходя из полученных в ходе исследования теоретических выводов и основ разработки материалов подоб-

ного рода. Выделение двух групп респондентов связано с психолого-педагогическими подходами к определению возрастных рамок категорий «подросток» и «молодежь»: в исследовании к категории «подросток» относятся респонденты в возрасте 11–14 лет, а к категории «молодежь» – в возрасте 15–35 лет.

Мотивационная направленность личности исследовалась с помощью методики диагностики позитивной (надежда на успех) и негативной (боязнь неудачи) мотивации (А.А. Реан).

Опросный лист для каждой группы респондентов содержал 3 блока вопросов:

- Блок 1. Общие данные об участнике опроса.
- Блок 2. Личность.
- Блок 3. Будущее.

Ответы на вопросы Блока 1 позволили систематизировать полученные данные по субъектному расположению, возрастному критерию, полу, типу образовательной организации.

Ответы на вопросы Блока 2 способствовали выявлению ценностно-смысловых предпочтений респондентов.

Ответы на вопросы Блока 3 дали возможность выявить, систематизировать и ранжировать представления подростков и молодежи о своем будущем.

В опросных листах использовались закрытые вопросы, которые формировались таким образом, чтобы можно было проследить эмоциональный, поведенческий и когнитивный компоненты для каждой группы ценностей. Открытые вопросы были сформулированы для выявления представлений о будущем и осуществления контроля за «искренностью и полнотой» ответов респондентов.

Обобщение полученных результатов позволило построить образы будущего подростков и молодежи, а также установить связь между ценностно-смысловыми предпочтениями и представлениями о будущем.

Для сбора полученных данных использовался метод онлайн-анкетирования, главным инструментом которого явился разработанный опросный лист.

Для обработки полученных данных использовались методы математической статистики – программа SPSS, позволившие не только определить основные позиции, заложенные в исследовании, но и выявить определенные тенденции и закономерности, которые требуют дальнейшего изучения.

Для интерпретации полученных данных использовались методы сравнительного анализа полученных данных и интерпретационно-описательные методы, с помощью которых были установлены взаимосвязи между выявленными ценностно-смысловыми предпочтениями и представлениями о будущем у подростков и молодежи.

Ход исследования

На основе разработанной методики было проведено социологическое исследование в формате анонимного онлайн-опроса на специально созданной странице сайта ФИРО РАНХиГС. В исследовании приняли

участие 80 964 представителя категорий «подростки» и «молодежь» из 85 субъектов Российской Федерации.

Наиболее активными участниками опроса были респонденты из Самарской, Тамбовской, Тульской, Ростовской, Белгородской, Свердловской, Московской, Челябинской областей, Чувашской и Кабардино-Балкарской республик, Красноярского и Краснодарского краев.

Выборочная совокупность исследования представляет собой две целевые группы: 1) подростки в возрасте от 11 до 14 лет, 2) молодежь в возрасте от 15 до 35 лет. Группа «молодежь» была разделена на подгруппы: школьники в возрасте от 15 до 18 лет, обучающиеся образовательных организаций системы среднего профессионального и высшего образования педагогической направленности в возрасте от 18 до 25 лет, молодые педагоги и родители в возрасте от 26 до 35 лет.

Высокий интерес респондентов к предмету исследования, большое количество участников опроса из всех целевых групп позволили провести процедуры ремонта выборки и определить уровень ошибки не выше 4% (в анализ вошло 77 725 анкет). В качестве основных процедур ремонта выборки применялись случайная процедура отбора внутри избыточных групп и взвешивание полученных данных. Тип выборки – неслучайный с котируемыми признаками. В качестве котируемых признаков выступали такие показатели, как возраст, пол, субъект РФ, образование. Выборочная совокупность исследования сбалансирована по основным социально-демографическим характеристикам (тип образовательной организации (городская/сельская) и половозрастной состав), что определяет ее как репрезентативную.

Результаты исследования

Проведение социологического исследования с целью изучения влияния ценностно-смысловых предпочтений подростков и молодежи на формирование их образа будущего является не только инструментом получения латентных данных, но и средством рефлексии для его участников, поскольку респондентам приходилось размышлять над вопросами, которые в обыденной жизни, возможно, у них даже и не возникали.

Стоит отметить, что сложности в изучении ценностно-смысловой сферы личности связаны с особой позицией индивида, в которой при ответах на поставленные вопросы проявляется стереотипное социально желательное преставление, а не истинное субъективное мнение респондента о затрагиваемой теме. Зачастую в обыденной жизни большинство людей специально не задумывается о том, каких именно ценностей они придерживаются, почему поступают определенным образом, что стоит за их выбором. Особое внимание в ходе проведения социологического исследования уделяется внешней валидности, которая в значительной степени меняется после проведения исследования. Таким образом, в ходе проведения исследования репрезентативный опрос становится нерепрезентативным, а участники исследования, раз-

мышляющие уже иначе, в некоторой степени начинают отличаться от тех людей, которые в нем не участвовали.

Проведенное исследование позволило выделить ценностно-смысловые предпочтения респондентов по сферам жизни в настоящем (табл. 1).

Таблица 1

Важность ценностно-смысловых предпочтений по сферам жизни в настоящем, %

Сфера жизни	Проценты
Семья	85,2
Здоровье	83,5
Деньги	48,5
Отдых	26,0
Карьера	22,3
Творческий потенциал	13
Служение	3,5
Слава	2,7

В приоритете у респондентов семья и здоровье, 85,2 и 83,5% соответственно. Выбор семьи как ценностно-смыслового предпочтения стабильно высок у всех респондентов: от 79,8 (11–14 лет) к 86% (15–17 лет) и до 89,8% – к 35 годам. Такое ценностно-смысловое предпочтение, как здоровье, с возрастом растет: среди 11–14-летних его выбирают 75%, среди 15–17-летних – 85,9%, среди 18–35-летних – 89,6%.

Материальный достаток, деньги в качестве приоритетного выбора отмечают 48,5% респондентов, но с возрастом этот показатель начинает снижаться: если в 11–14 лет эту ценность выбрали 56,9%, в 15–17 лет – 52,6% респондентов, а в 18–20 лет – 50,3%, то в 26–35 лет – всего 34,2%.

При анализе результатов опроса среди подростков и молодежи были выделены качества личности, которыми, по мнению опрошенных, они хотели бы обладать в будущем (табл. 2).

Анализ полученных результатов свидетельствует об одинаковой приоритетности желаемых качеств в будущем, однако значимость их с возрастом меняется.

В ТОП-5 приоритетных личностных качеств современных подростков и молодежи в будущем входят (независимо от возраста) такие качества, как уверенность в себе, терпеливость, доброта, смелость и трудолюбие. Ярко выражена потребность в таком качестве, как «уверенность в себе», и с возрастом эта потребность только увеличивается. Аутсайдером среди личностных качеств является «неравнодушие».

Категория «Позитивные эмоции» исследовалась по четырем позициям: чувство собственного достоинства, надежда, уверенность в своих силах и счастье. Следует отметить, что в будущем потребность во всех обозначенных выше качествах с возрастом снижается: счастье, рассматриваемое респондентами как удовлетворенность собственной жизнью и ощущение внутреннего спокойствия, в 15–17 лет испытывают 45,5% опрошенных, а к 35 годам – лишь 25,2% респондентов. Аналогичная тенденция наблюдается с чувством уверенности в себе, своих силах: от 48,8% у

подростков до 28,9% к 35 годам. Чувство собственного достоинства выделили 44,6% 11–14-летних,

32,3% 15–17-летних и только 19,4% респондентов в возрасте от 26 до 35 лет (рис. 1).

Таблица 2

Приоритетность личностных качеств в будущем, %

Качества	Проценты от выборочной совокупности каждой возрастной группы			
	Подростки 11–14 лет	Молодежь		
		15–17 лет	18–25 лет	26–35 лет
Уверенность в себе	49,0	51,0	56,0	54,0
Терпеливость	40,9	37,4	35,4	37,9
Доброта	35,8	35,8	35,8	36,2
Смелость	35,4	35,6	35,5	35,9
Трудолюбие	33,8	33,9	33,9	34,0
Стремление к развитию	32,0	32,9	32,5	33,8
Ум	30,2	28,2	28,4	28,8
Ответственность	29,0	28,0	28,5	28,5
Настойчивость	28,2	27,9	28,5	28,2
Активность	27,9	27,9	27,9	27,9
Честность	27,1	27,5	27,0	27,6
Ощущение внутреннего спокойствия	23,1	25,2	25,0	25,9
Отзывчивость	23,9	24,4	23,7	23,6
Дружелюбие	19,3	20,2	18,2	19,1
Миролюбовь (неконфликтность)	17,4	17,8	17,6	18,0
Вежливость	17,0	17,6	17,8	17,4
Аккуратность	16,8	16,6	16,6	16,4
Умение посмеяться над собой	15,0	15,8	16,2	16,6
Добросовестность	14,7	14,3	14,6	14,4
Неравнодушие	12,4	12,8	12,6	12,6

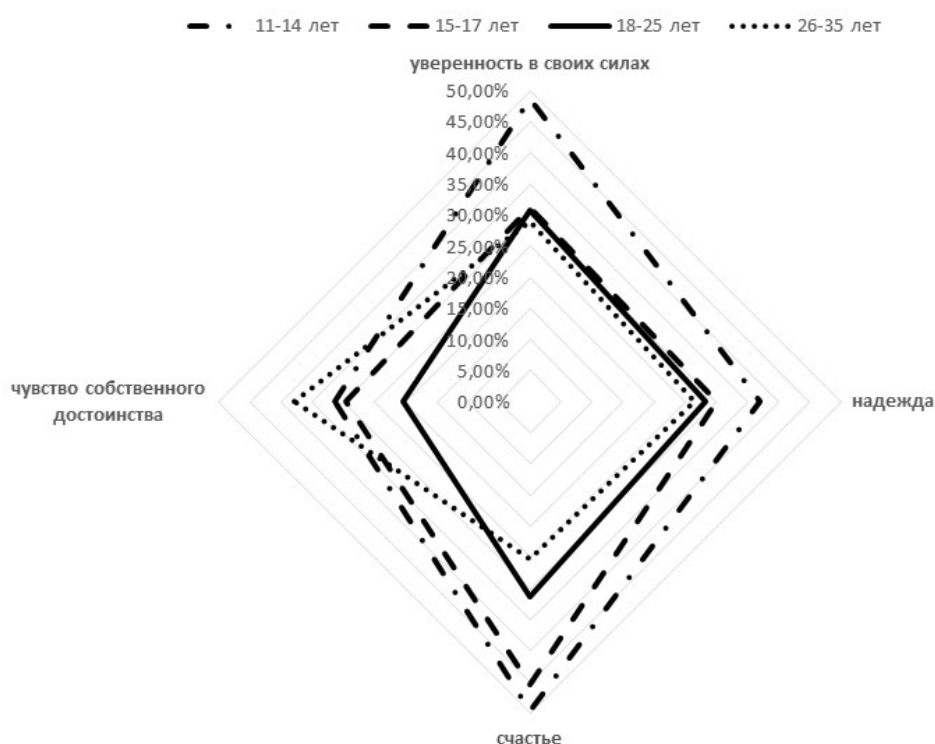

Рис. 1. Позитивные эмоции, отмеченные респондентами

Нацеленность на успех снижается по мере взросления от 65 (11–14 лет) к 59,2% (15–17 лет) и до 46,4% (18–35 лет), а стремление избегать неудачи – увеличивается от 25,2 (11–14 лет) к 28,3% (15–

17 лет) и до 42,2% (18–35 лет). Таким образом, с возрастом наблюдается тенденция «перерождения» мотивации достижения успеха в мотивацию избегания неудач (рис. 2).

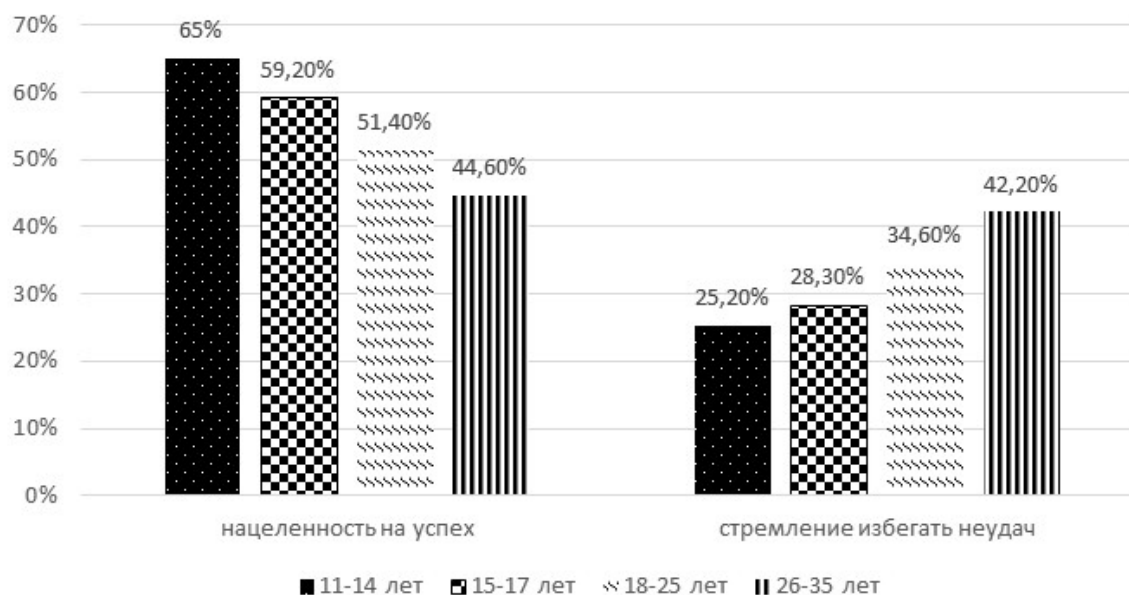

Рис. 2. Нацеленность на успех и стремление избежать неудач

Принимая во внимание, что нацеленность на успех определяется направленностью личности на развитие творческого потенциала, уровнем оптимизма и способностью принимать решения, отметим, что результаты исследования показывают уменьшающуюся с возрастом важность развития творческого потенциала: среди 11–14-летних творческий потенциал считают самым важным в своей жизни 37,6%, среди 15–17-летних – 23,8%, в группе 18–25-летних таких респондентов уже насчитывается 19,9%, а в группе от 26 до 35 лет – только 6%. Уровень оптимизма в среде участников опроса достаточно высокий. Наиболее оптимистичны на момент проведения исследования по результатам опроса оказались респонденты в возрасте 26–35 лет. При этом к принятию решений молодежь относится взвешенно: в 15–17 лет 48,8% респондентов сначала выясняют мнение других, советуются, а только затем принимают решение. В 18–35 лет таких респондентов уже 53,1%.

Интерес представляет позиция подростков и молодежи, связанная с выбором ценностно-смысловых предпочтений по сферам жизни в будущем (табл. 3).

Таблица 3

Важность ценностно-смысловых предпочтений по сферам жизни в будущем, %

Сфера жизни	Проценты
Здоровье	72,1
Семья	55,6
Деньги	49,5
Карьера	29,2
Служение	27,1
Отдых	26,0
Слава	19,2
Творческий потенциал	16,1

Анализ открытых вопросов позволил выделить и сопоставить наиболее значимые для подростков и мо-

лодежи предпочтения в настоящем и будущем. На открытые вопросы ответили 89% респондентов в возрасте от 11 до 14 лет, 91% респондентов возрастной группы 15–17 лет, 94% респондентов в возрасте 18–25 лет и 97% респондентов в возрасте от 26 до 35 лет (от общего количества респондентов по каждой возрастной группе).

Все ответы респондентов были сгруппированы в следующие блоки: путешествия, общественная активность, хобби, спорт, саморазвитие, культурная жизнь, общение, домашнее хозяйство (рис. 3).

Предпочтения респондентов в настоящем и будущем в распределении по возрастным группам и выделенным блокам представлены в табл. 4.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что независимо от возрастной группы респонденты стремятся быть менее обремененными в будущем домашним хозяйством. Общение в будущем представляется важным только респондентам возрастной группы 26–35 лет. Стремление к общественной активности в будущем с возрастом увеличивается, однако так и остается не сильно востребованным. А вот путешествия, спорт, хобби, культурная жизнь и саморазвитие становятся приоритетными в будущем во всех возрастных группах.

Проведенный многофакторный анализ показал, что уверенные в своих силах, испытывающие внутреннее спокойствие респонденты нацелены в будущем на внешние успехи – достижение карьерного и социального роста: им важны интересная работа, общение с друзьями, самореализация и познание.

Также на своей внутренней жизни в будущем в большей степени сконцентрированы респонденты, испытывающие в настоящем негативные эмоции. Так, для респондентов, испытывающих в настоящем страх и раздражение, в будущем в приоритете оказываются уверенность в своих силах и возможность творческой деятельности.

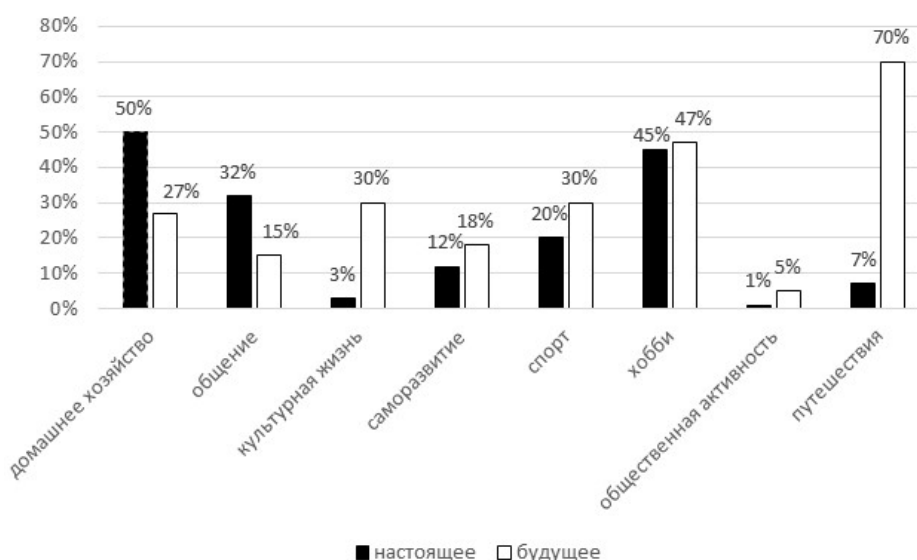

Рис. 3. Предпочтения респондентов в настоящем и будущем

Таблица 4

Предпочтения респондентов в настоящем и будущем в распределении по возрастным группам и выделенным блокам, %

Предпочтения	Проценты							
	Подростки		Молодежь					
	11–14 лет		15–17 лет		18–25 лет		26–35 лет	
	настоящее	будущее	настоящее	будущее	настоящее	будущее	настоящее	будущее
Домашнее хозяйство	37	22	43,5	25	57,30	29	62,2	31
Общение	36	21	34	15	31	14	2	10
Спорт	24	41	22	39	18	21	16	19
Хобби	18	20	48	50	54	57	60	61
Саморазвитие	4	5	6	7	18	23	20	37
Культурная жизнь	2	18	3	22	3	38	4	42
Путешествия	3	66	5	69	8	71	12	74
Общественная активность	1	2	1	2	1	8	1	8

В ходе анализа также было выявлено, что в зависимости от материального достатка респондентов меняется направленность распределения ими свободного времени, затрачиваемого на различные виды деятельности. Так, в настоящее время респонденты из малообеспеченных семей в большей степени занимаются домашним хозяйством (31%), и лишь 16% из них тратят свободное время на хобби. Из числа респондентов из высокообеспеченных семей домашним хозяйством предпочитают заниматься лишь 14%, на хобби тратят свободное время 21% из данной категории опрошенных. Представители малообеспеченной категории респондентов в будущем отдают предпочтение ведению домашнего хозяйства. Хотя у них появляется и желание вести активную досуговую деятельность, посвящать в будущем свободное время либо хобби, либо той деятельности, которая в настоящем не является для них доступной.

Заниматься общественной активностью в свободное время из числа малообеспеченных респондентов готовы всего лишь 4%, а из числа высокообеспеченных – только 6%. В то же время для материально обес-

печенных респондентов в будущем наибольшее значение приобретает общественная активность, связанная не только с благоустройством жизни вокруг себя, но и «выходом за границы» семьи, а именно: с участием в волонтерских движениях, благотворительной деятельности, экологических мероприятиях и пр.

Выводы

Интерпретация полученных результатов свидетельствует, что на формирование представлений подростков и молодежи о будущем влияют социальный контекст, эмоциональный фон, сформированные представления о значимости различных социальных сфер в настоящем, социальные ожидания и мотивационный компонент. Эмоциональный фон служит индикатором, на основе которого можно выявить основные тенденции в представлениях об образе будущего: чем больше позитивных эмоций испытывает респондент, тем с большей уверенностью он смотрит в будущее, тем оптимистичнее его представления о будущем. Ощущение счастья, полноты жизни, надежды, уверенности в

своих силах с возрастом снижается. Признавая необходимость материальной обеспеченности, молодежь осознает, что материальная обеспеченность является в большей степени средством к достижению благополучной жизни, чем целью.

В целом благоприятная эмоциональная обстановка и благополучная ситуация в семье, образовательной организации, в социуме способствуют проецированию нынешней картины мира в будущее. И наоборот – выявленные проблемные зоны становятся объектом трансформации, «работой на будущее» для преодоления и изменения ситуации. На первом месте вне зависимости от возраста и сферы занятости находятся представления о собственном здоровье и здоровье членов семьи. Практически три четверти всех опрошенных считают, что здоровье является основой успешной и счастливой жизни. При условии его сохранения в будущем возможно достижение всех поставленных целей. При этом подростки и молодежь готовы уделять много времени спорту и физической культуре (подростки в возрасте от 11 до 14 лет), саморазвитию (молодежь в возрасте от 26 до 25 лет), иметь хобби (молодежь в возрасте от 15 до 35 лет). Половина опрошенных также считают, что основой их жизни должна являться семья, которая предполагает заботу о близких, родных, друзьях. К сожалению, в большинстве случаев активная деятельность затрагивает только ближний круг – семью, друзей. Общественные активности, включая волонтерство, благотворительность, не являются распространенными у современной молодежи.

Результаты исследования показывают, что с возрастом чувство собственного достоинства, рассматриваемое как уверенность в себе и наличие внутреннего спокойствия, утрачивается. Полученный результат не только не противоречит результатам ранее проведенных научных исследований по данному вопросу, но и подтверждает надежность и валидность разработанного инструмента, поскольку утрачивание чувства

собственного достоинства напрямую связано с удовлетворенностью собственной жизнью, что подтверждается результатами данного исследования.

Кроме того, «настоящая ситуация» и «ситуация будущего», как показало исследование, не отличаются по ценностно-смысловым предпочтениям. Однако следует заметить, что если у подростков в возрасте от 11–14 лет в настоящем преобладают такие ценностные предпочтения, как домашнее хозяйство и общение, то в будущем приоритетными становятся спорт и путешествия; у молодежи во всех возрастных группах (15–18 лет, 18–25 лет, 26–35 лет) в настоящем выделяются хобби и домашнее хозяйство, а в будущем – хобби и путешествия. Процентное соотношение выборов меняется, что объясняется влиянием мотивационного компонента.

При этом необходимо отметить целесообразность проведения нескольких волн исследования (не реже одной волны в год) для отслеживания динамики изменений ценностно-смысловых представлений и образов будущего различных категорий респондентов в зависимости от изменений, происходящих в политической и экономической обстановке, как в стране, так и в мире в целом.

Неоспорим тот факт, что при реализации основных направлений государственной политики в области воспитания в условиях меняющейся геополитической ситуации существующая система воспитания нуждается в современном творческом обновлении, ориентированном на развитие личности обучающегося на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В этой связи результаты исследования могут быть использованы как для корректировки программ воспитания и технологий в области воспитания, так и для разработки системы педагогического сопровождения реализации стратегических направлений государственной политики в области воспитания для специалистов системы образования.

Список источников

1. Карпушина Л.В. Структура жизненных ценностей различных социальных групп студентов вузов : дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2003. 182 с.
2. Гостев А.А. Образная сфера человека в познании и переживании духовных смыслов. М. : Ин-т психологии РАН, 2001. 194 с.
3. Баимбетов А.А., Кабакович Г.А., Насибуллин Р.Т., Хайруллин Ф.Г. Молодежь в кризисном социуме / под ред. Р.Т. Насибуллина. М. : Изд-во ИС РАН, 1998. 105 с.
4. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб. : Питер, 2001.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 4-е изд., испр. и доп. М. : Смысл, 2019. 584 с.
6. Пряжников Н.С. Психологический смысл труда : учеб. пособие к курсу «Психология труда и инженерная психология». М. : Ин-т практической психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1997. 352 с.
7. Выготский Л. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М. : АСТ ; Астрель, 2008. 670 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2019. 720 с.
9. Человек как открытая целостность / отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск : Академиздат, 2022. 420 с.
10. Асмолов А.Г. Сканирование будущего: взгляд эволюционного оптимиста // Социодиггер. 2021. Т. 2, № 9 (14). С. 77–80.
11. Гусельцева М.С., Асмолов А.Г. Скрытое лидерство и разнообразие моделей успеха в современном обществе // Поволжский педагогический поиск. 2020. № 2 (32). С. 14–23.
12. Асмолов А.Г. Тест на человечность: особые дети в обществе // Образовательная политика. 2015. № 3. (69). С. 2–5.
13. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М. : Смысл, 2001. 416 с.
14. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.
15. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–25.
16. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37.
17. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб. : Питер, 2012.
18. Манукян В.Р. Опыт исследования индивидуально-психологических особенностей целеполагания и жизненного планирования // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 57.
19. Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). 2-е изд. М. : Смысл, 2000.

20. Сопов В.Ф., Карпушина Л.В. Морфологический тест жизненных ценностей // Прикладная психология. 2001. № 4. С. 9–30.
21. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.
22. Резапкина Г.В. Методика «Иерархия жизненных ценностей». URL: http://metodkabi.net.ru/index.php?id=diagn_4#met
23. Федеральный государственный стандарт основного общего образования. URL: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?Catalog-Id=2588>

References

1. Karpushina, L.V. (2003) *Struktura zhiznennykh tsennostey razlichnykh sotsial'nykh grupp studentov vuzov* [The structure of life values of various social groups of university students]. Psychology Cand. Diss. Samara.
2. Gostev, A.A. (2001) *Obraznaya sfera cheloveka v poznanii i perezhivanii dukhovnykh smyslov* [The figurative sphere of man in the knowledge and experience of spiritual meanings]. Moscow: IP RAS.
3. Baimbetov, A.A. et al. (1998) *Molodezh' v krizisnom sotsiume* [Youth in a crisis society]. Moscow: IS RAS.
4. Anan'ev, B.G. (2001) *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of knowledge]. Saint Petersburg: Piter.
5. Leont'ev, D.A. (2019) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovy real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. 4th ed. Moscow: Smysl.
6. Pryazhnikov, N.S. (1997) *Psikhologicheskiy smysl truda: ucheb. posobie* [Psychological meaning of labor: textbook]. Moscow: In-t prakticheskoy psikhologii; Voronezh: NPO "MODEK".
7. Vygotskiy, L. (2008) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Educational psychology]. Moscow: AST; Astrel'.
8. Rubinshteyn, S.L. (2019) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Saint Petersburg: Piter.
9. Kiyashchenko, L.P. & Sidorova, T.A. (eds) (2022) *Chelovek kak otkrytaya tselostnost'* [Man as an open integrity]. Novosibirsk: Akademizdat.
10. Asmolov, A.G. (2021) Skanirovanie budushchego: vzglyad evolyutsionnogo optimista [Scanning the future: the view of an evolutionary optimist]. *SotsioDigger*. 2:9 (14). pp. 77–80.
11. Gusel'tseva, M.S. & Asmolov, A.G. (2020) Skrytoe liderstvo i raznoobrazie modeley uspekha v sovremennom obshchestve [Hidden leadership and diversity of success models in modern society]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk*. 2 (32). pp. 14–23.
12. Asmolov, A.G. (2015) Test na chelovechnost': osobyete deti v obshchestve [Humanity test: special children in society]. *Obrazovatel'naya politika*. 3. (69). pp. 2–5.
13. Asmolov, A.G. (2001) *Psikhologiya lichnosti: Printsipy obshchepsikhologicheskogo analiza* [Personality psychology: Principles of general psychological analysis]. Moscow: Smysl.
14. Leont'ev, D.A. (1996) *Tsennost' kak mezhdistiplinarnoe ponyatie: opyt mnogomernoy rekonstruktsii* [Value as an interdisciplinary concept: experience of multidimensional reconstruction]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 15–26.
15. Leont'ev, D.A. (1998) Tsennostnye predstavleniya v individual'nom i gruppovom soznanii: vidy, determinanty i izmeneniya vo vremeni [Value concepts in individual and group consciousness: types, determinants and changes over time]. *Psikhologicheskoe obozrenie*. 1. pp. 13–25.
16. Leont'ev, D.A. (2020) Schast'e i sub'ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatiynogo polya [Happiness and subjective well-being: towards the construction of a conceptual field]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 14–37.
17. Il'in, E.P. (2012) *Psikhologiya obshcheniya i mezhlichnostnykh otnosheniy* [Psychology of communication and interpersonal relationships]. Saint Petersburg: Piter.
18. Manukyan, V.R. (2018) Opyt issledovaniya individual'no-psikhologicheskikh osobennostey tselepolaganiya i zhiznennogo planirovaniya [Experience in researching individual psychological characteristics of goal setting and life planning]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 11 (57).
19. Leont'ev, D.A. (2000) *Test smyslozhiznennykh orientatsii* [Test of life-meaning orientations]. 2nd ed. Moscow: Smysl.
20. Sopov, V.F. & Karpushina, L.V. (2001) Морфологический тест жизненных ценностей [Morphological test of life values]. *Prikladnaya psikhologiya*. 4. pp. 9–30.
21. Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. & Manuylov, G.M. (2002) *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow: Izd-vo Instituta psikhoterapii.
22. Rezapkina, G.V. (n.d.) *Metodika "Ierarkhiya zhiznennykh tsennostey"* [Methodology "Hierarchy of Life Values"]. [Online] Available from: http://metodkabi.net.ru/index.php?id=diagn_4#met
23. Russian Federation. (n.d.) *Federal'nyy gosudarstvennyy standart osnovnogo obshchego obrazovaniya* [Federal state standard of basic general education]. [Online] Available from: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?Catalog-Id=2588>

Информация об авторах:

Радионова О.Р. – канд. пед. наук, директор Научно-исследовательского центра стратегии, проектирования и правового обеспечения Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: radionova-or@ranepa.ru

Авалуева Н.Б. – канд. пед. наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра стратегии, проектирования и правового обеспечения Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: avalueva-nb@ranepa.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.R. Radionova, Cand. Sci. (Pedagogy), director of the Research Center for Strategy, Design and Legal Support, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: radionova-or@ranepa.ru

N.B. Avalueva, Cand. Sci. (Pedagogy), leading research fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: avalueva-nb@ranepa.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.12.2022;
одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 13.12.2022;
approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 316.454.54
doi: 10.17223/15617793/494/11

Социальные сети как способ поддержки онкобольных: преимущества и риски

Алевтина Викторовна Старшинова¹, Ирина Андреевна Проценко²

^{1,2}Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
¹*a.v.starshinova@urfu.ru*
²*i.protsenko2022@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрена проблема социальной изоляции людей, имеющих онкологическое заболевание, и возможностей ее преодоления в цифровую эпоху посредством общения в интернет-сообществах. Методом контент-анализа проанализированы взаимодействия онкобольных в социальной сети «ВКонтакте» в период с марта по апрель 2023 г. Анализ показал, что преобладают интернет-сообщества, которые не имеют формальных правил, а контроль участников группы далеко не всегда способен предотвратить возможный ущерб уже нарушенного здоровья входящих в них людей. В то же время были выявлены и преимущества такого взаимодействия.

Ключевые слова: социальные сети, цифровизация, онкобольные, социальная поддержка, онкосообщество, группы поддержки, интернет-онкосообщества, взаимодействие онкобольных

Источник финансирования: исследование проведено в СПбГУ при поддержке РНФ, проект «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг» № 19–18–00246-П

Для цитирования: Старшинова А.В., Проценко И.А. Социальные сети как способ поддержки онкобольных: преимущества и риски // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 106–114. doi: 10.17223/15617793/494/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/11

Social networks to support cancer patients: Advantages and risks

Alevtina V. Starshinova¹, Irina A. Protsenko²

^{1,2}Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation
¹*a.v.starshinova@urfu*
²*i.protsenko2022@mail.ru*

Abstract. The article considers the problem of social isolation of people with cancer and the possibilities of overcoming it in the digital age through communication in online communities. Communities of cancer patients functioning in the global network have common features: interests and values, formal and informal rules, common experience, roles of participants, ways of joining and leaving the community. However, it is not always possible to determine the impact of Internet communication on cancer patients in terms of how much the social support they need meets their expectations. Therefore, the main issues of the study were related to the analysis of the differences between this communication format and ordinary live communication, its advantages and limitations. The study aimed to explore the features of social support in online communities in the process of communication of cancer patients in the social network VKontakte. The object of the study was online communities of cancer patients, its focus was the social support of cancer patients in the Internet community. The content analysis method, formed based on the works of Richard M. Smedley and Neil S. Coulson, was used to analyze the interactions of cancer patients on the VKontakte social network from March to April 2023. A simple random selection was used to select communities of cancer patients. During the study period, out of 1,434 recorded online cancer communities, of which the largest number of participants was 77,815 people, the smaller number was less than 100 people, 20 online cancer communities were selected for in-depth analysis. Their participants were people with various oncological diseases, as well as their relatives. When identifying forms of social support in online communities, their advantages and potential risks, common features were formed, including: the number of participants, openness/closeness, the presence of an administrator, rules, comments, likes, views, the use of hashtags. According to the results obtained, people with cancer receive various social support: informational, consulting, household, leisure, financial, legal, socio-psychological, rehabilitation. The analysis showed that Internet communities that do not have formal rules predominate, and, despite the presence of an administrator, the control of group members is by no means always able to prevent possible damage to the already impaired health of people included in

them. Consequently, there are risks of worsening the emotional state, as well as the physical health of cancer patients participating in this kind of Internet interactions. At the same time, the advantages of such interaction were identified: convenience of participation, remoteness, more choice of communities and format of participation, frequency of participation, time savings, diversity of geographic location of participants, the opportunity to receive support of a very different nature from people experiencing similar problems, acquaintance with a variety of experiences, and the ability to choose a meaningful experience of coping with the disease for each individual participant.

Keywords: social networks, digitalization, cancer patients, social support, oncological community, support groups, Internet oncological communities, interaction of cancer patients

Financial support: The research was conducted at Saint Petersburg University and supported by the Russian Science Foundation, Project No 19-18-00246-P.

For citation: Starshinova, A.V. & Protsenko, I.A. (2023) Social networks to support cancer patients: Advantages and risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 106–114. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/11

Введение

Онлайн-общение является частью современной коммуникации, без которой в настоящее время невозможно представить полноценное взаимодействие людей друг с другом. В полной мере данное утверждение распространяется на людей с тяжелыми хроническими заболеваниями, образующих пациентские сообщества. Среди них заметное место принадлежит онлайн-сообществам пациентов онкологического профиля. Согласно статистике, предоставленной Росстатом в 2022 г., почти четыре миллиона россиян имеют диагноз онкологическое заболевание [1]. В то же время, по данным Керіос, в 2022 г. в России насчитывалось 130 млн людей, пользовавшихся Интернетом, т.е. 89% от всего населения страны. Главные поисковые запросы участников виртуального общения связаны с поиском информации – 84,3%, и общением с друзьями – 66,1% [2]. Люди с онкологическими заболеваниями активно включаются в онлайн-общение. При этом они осваивают, как и другие пользователи, все возможные площадки для виртуального общения – онлайн-сообщества, платформы и чаты, которые в целом и образуют интернет-онкосообщества. Ежегодно выявляется около 700 000 случаев онкологических заболеваний и около 300 000 смертей [3]. В 2020–2021 гг. данные показатели были ниже из-за эпидемиологической ситуации, но, по прогнозам врачей-онкологов, через несколько лет число выявленных злокачественных заболеваний превысит статистику за 2022 г. [4], так как поздний скрининг будет иметь более тяжелую стадию рака. В этой связи ожидается и больше людей, нуждающихся в качественном лечении, а также в различных формах поддержки со стороны окружающих. Можно предположить, что в данном случае речь идет не столько о стремлении к новым социальным контактам, сколько о потребности в соответствующей информации, в том числе об опыте преодоления трудных жизненных обстоятельств, обусловленных онкозаболеванием. Люди с онкологическим заболеванием в реальной жизни не всегда могут удовлетворить потребность в необходимой поддержке со стороны непосредственного окружения. Состояние растерянности при постановке диагноза и еще не приобретенное знание, как получать информацию о процессе лечения, побочных эффектах от препаратов, аналогов лекарств, если об этом

не говорят в медицинском учреждении, оставляют онкопациента наедине с собой и возникающими вопросами и проблемами. Отчасти этим объясняется, что онкобольные все больше включаются в общение в социальных сетях. Однако размещенная в виртуальном пространстве информация обладает разной степенью достоверности и существуют риски вреда здоровью и/или развития риска рецидива онкозаболевания.

Цель данного исследования – изучить особенности функционирования интернет-онкосообществ социальной сети «ВКонтакте». В круг исследовательских вопросов входили вопросы о наличии администрирования групп, свода правил и их соблюдении, легкость или трудность вхождения в такие группы, длительность их существования, обсуждаемые темы, достоверность предлагаемых участниками сообществ альтернативных решений проблем, возникающих у онкобольных, динамика развития принятого формата общения, актуальность группы.

Интернет-онкосообщества как объект современных исследований

В отечественных и зарубежных исследованиях онкосообщества рассматриваются как тип пациентских сообществ, объединяющих людей с тяжелыми хроническими заболеваниями, каковым является онкология. Такие сообщества характеризуются чертами, свойственными, с одной стороны, институализированным общественным объединениям граждан, например некоммерческим организациям (НКО) [5, 6], с другой – группам взаимопомощи и поддержки, которые могут быть официальными, но чаще всего имеют неформальный характер [7]. При этом интернет-онкосообщества могут создаваться как самими больными, так и их родственниками и близкими людьми [8]. По мере изменения патерналистской модели оказания медицинской помощи, сопровождающейся расширением прав пациентов на получение более полного знания о своем заболевании и лечении, увеличивается и число таких сообществ. Возникнув в ответ на потребность защиты прав пациентов на фоне начавшейся в 1990-е гг. в России коммерциализации медицинского обслуживания, в настоящее время пациентские сообщества выполняют разнообразные функции. В числе таких функций обычно выделяют

обмен информацией о том, где и какое можно получить лечение, о профильных медицинских специалистах и качестве предоставляемых ими услуг, о возможностях приобретения необходимых препаратов, о реабилитационных услугах. Появление благотворительных фондов, регистрируемых как НКО и размещающих информацию о своей деятельности в интернет-пространстве как обязательное условие успешного функционирования сегодня, связано с финансовой помощью, когда требуется оплата лечения и реабилитации онкобольных. Некоммерческие организации предоставляют также психологические услуги, различные справочные и консультативные услуги о социальном обеспечении людей, имеющих тяжелые хронические заболевания, организуют/оплачивают послеоперационный уход и сопровождение больных, осуществляют подготовку волонтеров, привлекая их к решению проблем онкобольных, в том числе к деятельности в онлайн-онкообществах.

Интернет-сообщества пациентов онкологического профиля, по мнению А.И. Зуфман, относятся к сравнительно новым современным объединениям, нуждающимся во всестороннем исследовании [9]. Люди с диагнозом рак и группы поддержки, в которых они состоят, изучаются различными научными направлениями, среди которых психологические отечественные исследования (М.В. Вагайцева, В.А. Чулкова, Э.Б. Карпова, С.А. Леоненкова [10]); медицинские и медикосоциальные (Т.Ю. Семиглазова, В.А. Клюге, Б.С. Каспаров [11], А.П. Варуха, Е.С. Воробцова [12]); исследования социологов (С.В. Старцев и Е.Ю. Рождественская [13], М.А. Бялик [14], Е.В. Фадеева [15], И.В. Решетов [16], включая исследования по проблемам детской онкологии Т.Н. Блинова, Д.С. Егупова [17]). Исследователи Е.В. Сивякова и А.Я. Шамне обозначают актуальный тренд, суть которого в том, что онкобольные люди все больше привлекают общественное внимание к своим проблемам через интернет и массмедиа [18]. Посредством своей активности с помощью новых инструментов распространения информации они начинают воздействовать на изменения в обществе. Данное обстоятельство, по мнению авторов, свидетельствует о существенно расширяющихся возможностях пациентов – благодаря объединению в интернет-сообщества и их коммуникации онкобольные люди вышли в публичное пространство. Они все больше могут влиять на изменения в принятии законов, к примеру о ввозе необходимых для них лекарств, акцентировать внимание общественности на пробелах в здравоохранении, в целом публично презентовать свое мнение.

Способом обмена опытом, полезной информацией и объединения в онкообщества становятся социальные сети. Работы А. Бейвласи, М. Грановеттера [19], М. Кастельса [20] посвящены изучению социальных сетей и в целом «виртуальному пространству». Социальная сеть имеет ряд определений и обычно трактуется как интерактивная площадка, где акторы вступают во взаимодействие с целью коммуникации друг с другом, имеют возможность указывать любые данные о себе для удобного поиска и общения. В рамках лю-

бой социальной сети организуются интернет-сообщества, в том числе пациентские сообщества, включая сообщества пациентов онкологического профиля. М. Кастельс под сообществом понимает место, где люди объединяются общими характеристиками, идеями, интересами, целями. Основываясь на данном определении, можно интерпретировать интернет-онкообщества как социальные сети, на просторах которых люди со злокачественными новообразованиями объединяются для того, чтобы удовлетворить схожие потребности, получить информацию, опыт и знание. Участники этих сообществ могут объединять такие признаки, как пол, возраст, тип и стадия заболевания, духовные и культурные интересы. Интернет-онкообщества как объединения людей с общим заболеванием, имеющих общие цели и интересы, отличаются тем, что не требуют личного присутствия (в любом месте и времени есть возможность читать и отвечать другим участникам сообщества), активного проявления (можно быть лишь наблюдателем), обширны по количеству участников (от двух до тысячи и более), позволяют сохранять анонимность (участник сообщества предоставляет лишь такую информацию, какую считает нужной).

Несмотря на многообразие сообществ, присутствующих в Интернете, все они имеют одинаковые преимущества и ограничения, оказывают примерно схожие формы социальной поддержки, которые в ходе исследования было важно изучить, чтобы определить их роль и значение для участников такого взаимодействия. Преимущества онлайн-взаимодействия представлены в исследовании И. Саунди и К. Рид. К ним они относят свободу в изречениях, проявлениях своих чувств и эмоций, безграничное количество материалов по обсуждаемой теме [21]. Социальные сети позволяют избавиться от напряжения, социального контроля, здесь каждый находится в равной позиции, несмотря на степень подготовки к диагнозу и нелегкому пути преодоления болезни. Главное, что нет именно физического присутствия, лишнего взора, поэтому участники легче обсуждают интимные вопросы, и даже при реальной встрече отсутствует скованность. Интернет-сообщество становится своеобразным преддверием к большему доверию и продуктивному контакту в реальном общении. Высказанные идеи поддерживают и исследователи А. Лозард и М. Коллинс [22]. Анализируя кейс афроамериканки с раком груди, считающей себя небинарной личностью, которая, не найдя специализированных интернет-сообществ для поддержки таких людей, сформировала сообщество в соответствии с аналогичными взглядам, авторы делают вывод, что онлайн-формат поддержки помогает больше контролировать и брать в свои руки собственную жизнь, и онлайн-сообщество является, таким образом, некой мотивацией к борьбе с раком. Они аргументируют обозначенные идеи наличием положительных примеров тех, кто выжил и делится своим опытом преодоления заболевания. Поэтому участники интернет-сообществ не только вступают в группы, но и сами становятся их организаторами. При этом А. Лозард и

М. Коллинс выделяют ряд минусов, свойственных открытым интернет-сообществам. Так, не все онкобольные сообщают своему руководству по месту работы о болезни, чтобы их не уволили. Работодатели же могут отследить участие своего персонала в интернет-сообществе и воспрепятствовать построению карьеры. К негативным характеристикам онлайн-формата относятся также ложная/недостоверная информация, агрессия участников, навязчивость оплаченной рекламы лекарств. Существуют и минусы функционирования онлайн-групп, среди которых отсутствие данных о последнем посещении, ограниченная информация в профиле участника и т.п. Тем не менее получившие распространение идеи немецко-американского философа Ханны Арендт о том, что любой человек хочет, чтобы его услышали и увидели для поддержания человечности – это важно каждому человеку, особенно тем, кто находится в трудной жизненной ситуации [23], – нацеливают исследователей и практиков на необходимость сохранения и приумножения всего положительного во взаимодействии онкобольных посредством интернет-сообществ. Негативные же проявления такого взаимодействия нуждаются в корректировке или полной нейтрализации. Поэтому осуществляется поиск методов снижения негативного влияния на жизнь онкопациентов, вступающих в интернет-сообщества: модерация контента интернет-сообществ; расширение функциональных возможностей – стоп-листы, ограничения доступа, пометки нежелательного контента; многофункциональный личный профиль – конфиденциальность данных (открытие по запросу), хэштеги для поиска единомышленников [24].

В исследованиях, посвященных изучению интернет-сообществ онкобольных и формам их поддержки, описаны группы взаимопомощи как расширяющие возможности больных людей и наполняющие их правами. Контакт с людьми, оказавшимися в такой же ситуации, помогает онкобольному справиться с переживаниями, продолжать активную жизнь, не бросать лечение [25]. Группы поддержки помогают через общение снимать стресс, страхи, критически относиться к информации о лекарствах из недостоверных источников. Оказавшись среди равных себе, человек способен перестроить свою модель поведения, научиться переживать негативный опыт, появившийся в связи с болезнью, противостоять стигматизации [26]. Исследователями рассматривается и роль участия в таких группах профессионального социального работника [27]. В критических ситуациях нужен профессионал, способный с холодным рассудком подойти к разрешению проблем. К тому же следует исходить и из того, что в таких сообществах не исключен риск летального исхода одного из участников, что может отразиться на эмоциональном состоянии других и их мотивации к борьбе с болезнью.

Материалы и методы

Методом контент-анализа, сформированного на основе работ Ричарда М. Смедли и Нила С. Коулсона, были проанализированы взаимодействия онкобольных

в социальной сети «ВКонтакте» в период с марта по апрель 2023 г. Сайт «ВКонтакте» является самым распространенным и посещаемым в России – 38,2 млн людей посещают его ежемесячно [28]. Пользователи обращаются к сайту для поиска друзей (школьных, студенческих), новых знакомых, для поддержания старых родственных связей. Кроме этого, их интерес направлен на получение информации, имеющей познавательный характер, а также развлекательный контент – видео-, фото-, аудиосопровождение. Социологическое исследование было проведено с помощью простого случайного отбора интернет-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» по теме «Онкология». Параметром отбора были «хэштеги»: #онко, #рак-дурак, #онкопатология, #онкосообщество, #онкоболь, а также количество участников (не менее 50 человек), период создания групп не ранее 2013 г. Пользователями были как мужчины, так и женщины, возраст в среднем 35–45 лет, учитывая, что большинство не указывают данных о себе или такие данные могут быть недостоверными. Были проанализированы такие показатели сообществ, как количество участников, характер контента – информационный, рекламный, развлекательный, а также вовлеченность целевой аудитории, наличие правил, контроля администрацией порядка. В период проведения исследования из 1 434 зафиксированных интернет-онкосообществ было отобрано для углубленного анализа 20 интернет-онкосообществ по следующим критериям: количество участников сообщества не менее 100 человек, публикационная активность в течение одного года (ежемесячные публикации), наличие обратной связи (комментарии и лайки не менее одного, репосты, просмотры), характер организации (создана по инициативе онкобольного/родственников больного, институционализированная организация/НКО). Таким образом, цель исследования состояла в изучении особенностей социальной поддержки в интернет-сообществах в процессе коммуникации онкобольных в социальной сети «ВКонтакте». Объектом исследования выступили интернет-сообщества онкобольных, его предмет – социальная поддержка онкобольных в интернет-сообществе. На основе полученных данных были выделены особенности онлайн-взаимодействия в группах поддержки онкобольных.

Результаты и обсуждение

В ходе анализа полученных результатов было установлено, что в марте 2023 г. функционировало 1 434 интернет-онкосообщества, из которых самое большее число участников насчитывало 77 815 человек, меньшее – менее 100 человек. В таких сообществах обсуждались темы лечебного эффекта от лекарств, побочных эффектов, советы и комментарии по поводу результатов полученных анализов, способов приема пищи при химиотерапии, информации о конференциях, мероприятиях, встречах, короткие юридические и психологические инфопосты, чек-листы о получении инвалидности и технических средств реабилитации.

Среди проанализированных популярных хэштегов (табл. 1), по которым можно найти сообщества на тему онкологии или посты самих участников, самым распространенным был хэштег – #рак. Названия сообществ или тем постов не были связаны с

особенностями патологии. А популярный #рак-дурак в другой социальной сети оказался менее замеченным в этой сети. Следовательно, пользователи «ВКонтакте» стремятся к краткости изложения не только постов, но и самих ключевых слов.

Таблица 1

Хештеги онкосообществ и их численность в социальной сети «ВКонтакте»

Название хэштега	Количество хэштегов
#онко	1 413
#онкология	358
#рак	24 027
#ракдурак	62
#онкопатология	0
#онкосообщество	145
#онкоболь	75

На основе анализа 20 интернет-групп онкобольных были получены характеристики сообществ:

- администрирование отсутствует в 4 из 20 интернет-онкосообществ;
- наличие правил свойственно 6 группам, которые прикреплены отдельным постом, либо выделены в разделе обсуждений;
- из всех анализируемых групп было выявлено одно закрытое сообщество, но не требующее подтверждения диагноза для вступления;
- большинство групп существуют не менее 10 лет, самая «молодая группа» была создана в марте 2020 г.;
- тематика встреч достаточно разнообразна (фото-сессии, встречи, разговоры о спорте, полезные ссылки на переводы по гайдам о болезни от врачей, перевод подкастов по адаптации, лечению и восстановлению после рака, информации об исследованиях, изменения в законодательстве, в лечении, опросы о новых лекарствах, о донорстве, статистике, волонтерстве, мероприятиях, об отношениях в паре, о рецидиве, о питании, вред от наркотических средств и других лекарств, о том как лучше принять лекарство без побочных эффектов);
- контроль достоверности информации в постах, комментариях, в рекламе отсутствует в подавляющем большинстве изученных групп за исключением двух;
- 3 группы не обновляли контент в 2017–2020 гг., остальные публикуют информацию достаточно часто (от нескольких раз в день неделю до ежемесячных постов);
- самая малочисленная группа из 561 участника, самая многочисленная – из 32 537 человек;
- 5 групп не имеют признаков активности со стороны пользователей (нет комментариев, по 2–10 лайков и 200–300 просмотров за весь период существования сообщества, несмотря на то что одно из них 2 года действует, другое – 6 лет);
- участники зачастую играют роль наблюдателя, а администратор выполняет роль ведущего. Только в одной группе пользователи публиковали свои вопросы на стене и обменивались советами друг с другом без участия модератора;

– интересы и ценности, объединяющие участников групп – здоровый образ жизни, социальное и финансовое благополучие, сохранение социальных связей, активные виды досуга (встречи, походы), желание быть полезным другим.

Были обнаружены некорректные шуточные комментарии от лица сообщества («ты, конечно, не хостис, но я хочу быть с тобой до конца»), отрицательный комментарий («Не надо врать! Ничего Вы не умеете! Эту болезнь не победить! Мой муж болеет. Никому он не нужен. Поставлен на поток химиотерапии. И все медики ждут... ну, когда уже он отстанет от нас и поймет это», жен.). Это не всегда вызывало реакцию у людей, но в онлайн-формате общения нельзя увидеть лицо собеседника, понять его чувства и мысли, если он этого сам не захочет. Многие пользователи отмечали, что после смерти одного из участников, они меньше заходили в группы, у них снижалась мотивация к продолжению лечения и просто одолевал страх.

Итак, в соответствии с полученными данными установлено частичное наличие администрации и модерации в таких группах. При этом наличие администрирования не гарантирует своевременного контроля происходящего в сообществе, в том числе и при публикации в некоторых сообществах определенного списка правил. По доступности включения в группу онкосообщества относятся к открытым и закрытым. Закрытых крайне мало, в них также можно вступить, никто не проверяет диагноз потенциального участника группы, но в них более требовательно относятся к правилам группы. Публикация, распространение имеющихся данных в закрытых группах запрещается и рассматривается как незачинная.

В целом интернет-онкосообщества имеют определенный заинтересованный круг лиц, есть тема мероприятия, лидер (организатор, ведущий), цель, круг вопросов для обсуждения. Следует отметить, что не все темы вызывают быструю реакцию и потребность в коммуникации у участников, при этом тема может стать актуальной для них лишь через длительный промежуток времени. Среди особенностей интернет-онкосообщества можно отметить и тот факт, что в них нет ответственного участника, который мог бы отследить

присутствующих, собирать статистику, своевременно заблокировать нежелательный контент. Большинство интернет-групп функционируют без структуры, определенного понимания системности в своих действиях, стратегии ведения сообщества. Из 20 проанализированных нами онлайн-групп лишь 6 групп организованы посредством НКО, 10 созданы и поддерживаются усилиями онкобольных с целью организации самопомощи, 4 появились как результат активности родственников и близких людей, столкнувшихся с трудностями поддержки своих членов семей с диагнозом рак. Обсуждаемые темы достаточно разнообразны и во многом хаотичны, не всегда обновляются. Было зафиксировано, что группа может в течение многих лет или месяцев ничего не публиковать, хотя и иметь публикации с обычным репостом данных из другой группы, но при отсутствии прямой коммуникации внутри сообщества.

Анализ активности членов группы показывает, что в онлайн-сообществе высказываются далеко не все участники, хотя возможность есть у любого из них. Следует признать и тот факт, что наличие администратора и правил не гарантирует быстрого реагирования на нежелательный контент или характеризуется полным отсутствием контроля, о чем свидетельствуют онлайн-сообщества, остающиеся со временем без администрирования и действующие дальше самостоятельно.

Анонимность участников в интернет-онкообществах является еще одной особенной чертой, потому что при таком формате взаимодействия нет необходимости раскрывать свое имя, возраст, месторасположение для обеспечения конфиденциальности и снижения риска утечки персональных данных. В то же время в условиях анонимности трудно проверить компетентность людей, которые ведут группы, – наличие соответствующего медицинского, психологического образования, в целом какого-либо уровня подготовки к выполнению роли эксперта. В онлайн-встрече далеко не всегда участникам гарантирована достоверная информация, так как при интернет-взаимодействии существует много возможностей приукрасить, завуалировать и даже выдать себя за другого человека.

Определенный уровень риска обусловлен и численностью группы. Большую группу участников контролировать становится трудно, особенно в удаленном формате. Анализ результатов исследования показывает, что у администратора страницы в среднем уходят сутки на корректировку нежелательного контента, рекламы, комментариев. За этот промежуток времени участник может прочитать ложную информацию, предпринять ряд неверных действий, например купить непроверенные лекарства, обратиться к неквалифицированному специалисту, перечислить деньги мошенникам. В итоге такая ситуация может влиять на здоровье больного – могут появиться побочные действия от лекарств или, напротив, отсутствовать лечебный эффект рекомендуемых препаратов. Другими словами, появляются риски ухудшения состояния здоровья, теряется время, денежные средства и силы, необходимые для лечения.

Таким образом, интернет-онкообщество – это общее понятие для онлайн-формата общения в группах поддержки, имеющих определенные сходства и различия. Формат встреч может быть открытым или закрытым, вхождение в закрытую группу возможно только после общения с администратором. В интернет-группах могут быть сформулированы правила поведения и требования к участию в дискуссии при обсуждении вопросов по той или иной теме. Круг обсуждаемых проблем касается лечения, коммуникации с близкими, организации досуговых и реабилитационных мероприятий. У участников есть возможность пригласить и послушать эксперта – врача, психолога, юриста, специалиста НКО. В группах проводятся досуговые мероприятия – занятия йогой, мастер-классы, творческие конкурсы, потому что наличие гарнитуры, видеоподключения позволяет быть включенным в такого рода взаимодействие, как если бы оно происходило при личной встрече. К тому же каждый участник после обсуждения может перейти в мини-группу, т.е. продолжить общение вне сообщества по переписке или при неформальной встрече. Онлайн-группам присущ добровольный характер участия.

Интернет-онкообщества действуют в большей степени по принципу групп самопомощи, формами социальной поддержки онкобольных в таких группах являются: волонтерство по типу «равное консультирование», информирование о заболевании, лечении и реабилитации, по вопросам получения инвалидности, социальных выплат, сборы денежных и материальных средств, организационные мероприятия (мастер-классы и конференции), бытовая и досуговая помощь, решение правовых вопросов, психологическая и социально-психологическая поддержка.

Убедительным примером организации взаимопомощи и поддержки в интернет-онкообществах, где риск размещения недостоверной информации ниже и высок уровень модерации профессионалами, является ряд сообществ, отобранных в ходе исследования для углубленного анализа. Проект «Равный равному», реализуемый благодаря спонсорской помощи Фонда поддержки женщин «Александра» [29], где проходят обучение онкобольные, желающие помогать таким же, как они, публикуются брошюры с описанием процесса отбора равных консультантов, составлен список НКО, где они могут работать как волонтеры. В интернет-сообществе «Лимфома Club (Лимфогранулематоз (Ходжкина), НХЛ)» осуществляется поддержка мужчин и женщин по вопросам репродуктивной системы (проблемы бесплодия как у женщин, так и у мужчин и потенции мужчин) [30]. В сообществе «МЕЛАНОМЫ.НЕТ» помогают найти соотечественникам необходимое лечение за границей [31]. Интернет-онкообщество «Сообщество пациентов – Нейроэндокринные опухоли» сформировало список вопросов, которые можно задать врачу (о побочных явлениях лечения и лекарств) в режиме онлайн [32]. «Благотворительный фонд AdVita», действующий в формате интернет-сообщества, собирает средств на трансплантацию костного мозга [33]. Обучающие меропри-

тия проводит интернет-онкосообщество «Профилактика лимфостаза» «cancer. confession. Control» [34]. Все эти сообщества так или иначе инициированы и курируются некоммерческими организациями, способствуя привлечению экспертов из области медицины, психологии, социальной работы, юриспруденции к работе с участниками онлайн-онкосообществ.

Проведенный анализ полученных данных в ходе исследования свидетельствует, что онлайн-формат онкосообществ в условиях цифровизации различных сегментов общественной жизни имеет определенные особенности и во многих случаях является продолжением офлайн-групп поддержки. При этом потребность в снижении усиливающихся рисков в интернет-группах предполагает более активное и ответственное участие не только самих онкобольных, но и профессионалов, что демонстрируют перечисленные выше онлайн-группы, обозначая возможности для других подобных сообществ, функционирующих в социальной сети «ВКонтакте».

Заключение

Результаты, полученные в ходе исследования, демонстрируют, что, во-первых, интернет-онкосообщества в социальных сетях становятся все более популярными среди онкобольных. Во-вторых, такие сообщества имеют ряд преимуществ: удобство участия, уда-

ленность, свобода выбора сообществ и формата, периодичности участия в них, экономия времени, обширная география участников, возможность получить различную поддержку от людей, переживающих аналогичные проблемы, и знакомство с разнообразным опытом, имеющим значение для каждого участника. Но при этом отчетливо проявляются и риски для участников интернет-сообществ, связанные с искажением информации, нередко грубым и провоцирующим общением, вредоносным влиянием непроверенной информации, известиями о смертях или рецидивах у участников групп, кражей денег в результате мошенничества под предлогом сбора благотворительных средств и др. Риски, связанные с недостоверной информацией, могут быть снижены благодаря появлению все большего числа медицинских специалистов и в целом профессиональных экспертов, появившихся в Интернете во время пандемии COVID-19. В-третьих, важно отметить, что онлайн-группы не могут заменить офлайн-группы поддержки и самопомощи, а являются продолжением существующих форм социальной поддержки. Полученные результаты расширяют представления о возможностях и рисках социальной поддержки онкобольных людей, обозначенные же проблемные аспекты такого формата поддержки могут составить перспективу дальнейшего изучения роли интернет-сообществ в социальной адаптации людей, имеющих онкологическое заболевание.

Список источников

1. Здравоохранение в России 2021: Заболеваемость населения злокачественными новообразованиями. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218> (дата обращения: 20.06.2023).
2. Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика. Данные Keipios и We are Social. URL: <https://www.web-scanare.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samy-e-vazhnye-cifry-i-statistika/> (дата обращения: 04.01.23).
3. Онкологические заболевания в России и мире // Мониторинго-экспертные исследования: знать и победить рак. Вып. 55 / науч. рук. З.А. Саидова ; гл. ред. А.И. Комарова. М., 2022. Т. 846 (888).
4. Фадеева Е.В. Онкологическая помощь в условиях пандемии COVID-19 // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 1 (33). С. 61–73.
5. Крашенинникова Ю.А. Роль НКО в управлении системой здравоохранения и перспективы развития пациентского движения в России // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7, № 4. С. 519–534.
6. Старшинова А.В., Чикова Е.В. Возможности НКО в помощи детям с расстройствами аутистического спектра // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 218–227. doi: 10.17223/15617793/484/24
7. Широкова И. Развитие пациентского движения в России // Ремедиум. 2012. № 3. С. 25–30.
8. Масюк С.В. Деятельность пациентских организации в системе здравоохранения Российской Федерации // Вестник Университета. 2015. № 6. С. 44–49.
9. Зуфман А.И. Пациентские интернет-сообщества как особая форма субкультурных объединений // Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития : материалы междунар. науч. конф., Москва, 22–23 апреля 2019 года. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2019. С. 296–300.
10. Психологические исследования в онкологии / М.В. Вагайцева, В.А. Чулкова, Э.Б. Карпова, С.А. Леоненкова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2015. Т. 8, № 3. С. 28–35.
11. Семиглазова Т.Ю., Клоге В.А., Каспаров Б.С. и др. Международная модель реабилитации онкологических больных // Медицинский совет. 2018. № 10. С. 108–116. doi: 10.21518/2079-701X-2018-10-108-116
12. Варуха А.П., Воробцова Е.С. Социальная работа в онкологии // Вопросы онкологии. 2022. № 5. С. 650–657.
13. Старцев С.В., Рождественская Е.Ю. Как уходят в альтернативную медицину: кризис доверия в коммуникации врача и онкопациента // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 2. С. 96–126. doi: 10.31119/jssa.2022.25.2.5
14. Бялик М.А., Бухны А.Ф. и др. Давайте договоримся о терминах // Педиатрия. 2004. № 4. С. 98–102.
15. Фадеева Е.В. Паллиативная помощь в России: состояние и проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 3. С. 109–119.
16. Решетов И.В. Реабилитация онкологических больных. URL: <http://4anosia.ru/reabilitatsiya-onkologicheskikh-bolnyih/> (дата обращения: 31.02.23).
17. Блинова Т.Н., Егупова Д.С. Проблема онкологических заболеваний у детей в России // Научный диалог: Вопросы философии, социологии, истории, политологии. 2020. С. 4–6.
18. Сивякова Е.В., Шамне А.Я. Медийная репрезентация интересов субъектов хосписного движения России // Медиаскоп. 2019. Вып. 2. doi: 10.30547/mediascope.2.2019.5. URL: <http://www.mediascope.ru/2546> (дата обращения: 31.02.23).
19. Bavelas A. A mathematical model for group structures // Applied Anthropology. 1948. Т. 7, № 3. P. 16–30.
20. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М. : Academia, 1999.
21. Soundy A., Reid K. The Psychosocial Impact and Value of Participating in a Storytelling Intervention for Patients Diagnosed with Cancer: An Integrative Review // Open Journal of Therapy and Rehabilitation. 2019. № 7. P. 35–77. doi : 10.4236/ojtr.2019.72004

22. Lazard A., Collins M., Hedrick A., Varma T., Love B., Valle C., Brooks E. Using social media for Peer-to-Peer Cancer Support: Interviews With Young Adults With Cancer // *JMIR Cancer*. 2021. Vol. 7, № 3.
23. Arendt H. *The Human Condition*. Chicago : Chicago University Press, 1958.
24. Benetoli A., Chen T.F., Aslani P. Consumer perceptions of using social media for health purposes: Benefits and drawbacks // *Health Informatics Journal*. 2019. Vol. 25, № 4. P. 1661–1674.
25. Cancer self-help groups in China. A Study of Individual Change, Perceived Benefit, and Community Impact. 2016.
26. Проценко И.А. Стигматизация образа человека с онкодиагнозом в современном обществе // *Практики воспроизводства ценностей: гуманитарный, социальный и экономический аспекты*. Екатеринбург, 2020. С. 250–252.
27. Agha A.A., Onalu C., Chidebe R. Bridging the gap: investigating the role of social workers in supporting metastatic breast cancer patients in Nigeria // *Social Work in Public Health*. 2022. Vol. 37, № 3. P. 244–257.
28. Mediascope, webindex. Social Dem.: Population 12+ years. October 2018 – March 2019.
29. Фонд поддержки женщин «Александра»: страница группы рос. соц. сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/pobedirakgrudi> (дата обращения: 20.03.2023).
30. Лимфома Club (Лимфогранулематоз (Ходжкина), НХЛ): страница группы рос. соц. сети ВКонтакте. URL: https://vk.com/lymphoma_club (дата обращения: 23.03.2023).
31. МЕЛАНОМЫ.НЕТ : страница группы рос. соц. сети ВКонтакте. URL: https://vk.com/melanoma_net (дата обращения: 13.03.2023).
32. Сообщество пациентов – Нейроэндокринные опухоли : страница группы рос. соц. сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/cancerneo> (дата обращения: 27.03.2023).
33. Благотворительный фонд AdVita : страница группы рос. соц. сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/advitafund> (дата обращения: 24.03.2023).
34. Cancer. confession. Control : страница группы рос. соц. сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/cancercontrol> (дата обращения: 15.03.2023).

References

1. Rosstat. (2021) *Zdravookhranenie v Rossii 2021: Zabolevaemost' naseleniya zlokachestvennymi novoobrazovaniyami* [Healthcare in Russia 2021: Incidence of the population with malignant neoplasms]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218> (Accessed: 20.06.2023).
2. Web-canape.ru. (2022) *Internet v Rossii v 2022 godu: samye vazhnye tsifry i statistika. Dannye Kepios i We are Social* [Internet in Russia in 2022: the most important figures and statistics. Data from Kepios and We are Social]. [Online] Available from: <https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samye-vazhnye-cifry-i-statistika/> (Accessed: 04.01.23).
3. Komorova, A.I. (ed.) (2022) *Onkologicheskie zaboлевaniya v Rossii i mire* [Oncological diseases in Russia and the world]. In: *Monitoringo-ekspertnye issledovaniya: znat' i pobedit' rak* [Monitoring and expert research: knowing and defeating cancer]. Vol. 55. 846 (888).
4. Fadeeva, E.V. (2021) *Onkologicheskaya pomoshch' v usloviyakh pandemii COVID-19* [Oncological care in the context of the COVID-19 pandemic]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 1 (33). pp. 61–73.
5. Krashennnikova, Yu.A. (2009) *Rol' NKO v upravlenii sistemoy zdravookhraneniya i perspektivy razvitiya patsientskogo dvizheniya v Rossii* [The role of NPOs in managing the healthcare system and prospects for the development of the patient movement in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 7 (4). pp. 519–534.
6. Starshinova, A.V. & Chikova, E.V. (2022) *NGOs' opportunities in helping children with autism spectrum disorders*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 218–227. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/24
7. Shirokova, I. (2012) *Razvitie patsientskogo dvizheniya v Rossii* [Development of the patient movement in Russia]. *Remedium*. 3. pp. 25–30.
8. Masyuk, S.V. (2015) *Deyatelnost' patsientskikh organizatsiy v sisteme zdravookhraneniya Rossiyskoy Federatsii* [Activities of patient organizations in the healthcare system of the Russian Federation]. *Vestnik Universiteta*. 6. pp. 44–49.
9. Zufman, A.I. (2019) [Patient Internet communities as a special form of subcultural associations]. *Psikhologiya subkul'tury: fenomenologiya i sovremennye tendentsii razvitiya* [Psychology of subculture: phenomenology and modern development trends]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 22–23 April 2019. Moscow: RSUH. pp. 296–300. (In Russian).
10. Vagaytseva, M.V. et al. (2015) *Psikhologicheskie issledovaniya v onkologii* [Psychological research in oncology]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Psikhologiya*. 8 (3). pp. 28–35.
11. Semiglazova, T.Yu. et al. (2018) *Mezhdunarodnaya model' reabilitatsii onkologicheskikh bol'nykh* [International model of rehabilitation of cancer patients]. *Meditsinskiy sovet*. 10. pp. 108–116. doi: 10.21518/2079-701X-2018-10-108-116
12. Varukha, A.P. & Vorobtsova, E.S. (2022) *Sotsial'naya rabota v onkologii* [Social work in oncology]. *Voprosy onkologii*. 5. pp. 650–657.
13. Startsev, S.V. & Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2022) *Kak ukhodyat v al'ternativnyuyu meditsinu: krizis doveryiya v kommunikatsii vracha i onkopatsienta* [How people turn to alternative medicine: a crisis of trust in communication between a doctor and a cancer patient]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 25 (2). pp. 96–126. doi: 10.31119/jssa.2022.25.2.5
14. Byalik, M.A. et al. (2004) *Davayte dogovorimsya o terminakh [Let's agree on terms]*. *Pediatriya*. 4. pp. 98–102.
15. Fadeeva, E.V. (2019) *Palliativnaya pomoshch' v Rossii: sostoyaniye i problemy* [Palliative care in Russia: state and problems]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 7 (3). pp. 109–119.
16. Reshetov, I.V. (2023) *Reabilitatsiya onkologicheskikh bol'nykh* [Rehabilitation of cancer patients]. [Online] Available from: <http://4anosia.ru/reabilitatsiya-onkologicheskikh-bolnykh/> (Accessed: 31.02.2023).
17. Blinova, T.N. & Egupova, D.S. (2020) [The problem of cancer in children in Russia]. *Nauchnyy dialog: Voprosy filosofii, sotsiologii, istorii, politologii* [Scientific dialogue: Issues of philosophy, sociology, history, political science]. Proceedings of the International Conference. Moscow: MOAN. pp. 4–6. (In Russian).
18. Sivyakova, E.V. & Shamne, A.Ya. (2019) *Mediynaya reprezentatsiya interesov sub'ektov khospisnogo dvizheniya Rossii* [Media representation of the interests of subjects of the hospice movement in Russia]. *Mediascope*. 2. doi: 10.30547/mediascope.2.2019.5. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2546> (Accessed: 31.02.23).
19. Bavelas, A. (1948) *A mathematical model for group structures*. *Applied Anthropology*. 7 (3). pp. 16–30.
20. Castells, M. (1999) *Stanovlenie obshchestva setevykh struktur* [Formation of the network society]. Translated from English. In: Inozemtsev, V.L. (ed.) *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya* [New post-industrial wave in the West. Anthology]. Moscow: Academia.
21. Soundy, A. & Reid, K. (2019) *The Psychosocial Impact and Value of Participating in a Storytelling Intervention for Patients Diagnosed with Cancer: An Integrative Review*. *Open Journal of Therapy and Rehabilitation*. 7. pp. 35–77. doi: 10.4236/ojtr.2019.72004
22. Lazard, A. et al. (2021) *Using social media for Peer-to-Peer Cancer Support: Interviews With Young Adults With Cancer*. *JMIR Cancer*. 7 (3).
23. Arendt, H. (1958) *The Human Condition*. Chicago: Chicago University Press.
24. Benetoli, A., Chen, T.F. & Aslani, P. (2019) *Consumer perceptions of using social media for health purposes: Benefits and drawbacks*. *Health Informatics Journal*. 25 (4). pp. 1661–1674.
25. Mok, B.-H. (2001) *Cancer Self-Help Groups in China: A Study of Individual Change, Perceived Benefit, and Community Impact*. *Small Group Research*. 32 (2). pp. 115–132. doi: 10.1177/104649640103200201

26. Protsenko, I.A. (2020) Stigmatizatsiya obraza cheloveka s onkodiagnozom v sovremennom obshchestve [Stigmatization of the image of a person with a cancer diagnosis in modern society]. *Praktiki vosproizvodstva tsennostey: gumanitarnyy, sotsial'nyy i ekonomicheskiy aspekty* [Practices of reproduction of values: humanitarian, social and economic aspects]. Abstracts of the Conference. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 250–252. (In Russian).
27. Agha, A.A., Onalu, C. & Chidebe, R. (2022) Bridging the gap: investigating the role of social workers in supporting metastatic breast cancer patients in Nigeria. *Social Work in Public Health*. 37 (3). pp. 244–257.
28. *Mediascope, webindex. Social Dem.: Population 12+ years*. October 2018 – March 2019.
29. VK. (2023) *Fond podderzhki zhenshchin "Aleksandra"*. Group page. [Online] Available from: <https://vk.com/pobedirakgrudi> (Accessed: 20.03.2023).
30. VK. (2023) *Limfoma Club (Limfогranulematoz (Khodzhkina), NKhL)*. Group page. [Online] Available from: https://vk.com/lymphoma_club (Accessed: 23.03.2023).
31. VK. (2023) *MELANOMY.NET*. Group page. [Online] Available from: https://vk.com/melanoma_net (Accessed: 13.03.2023).
32. VK. (2023) *Soobshchestvo patsientov – Neyroendokrinnye opukholi*. Group page. [Online] Available from: <https://vk.com/cancerneo> (Accessed: 27.03.2023).
33. VK. (2023) *Blagotvoritel'nyy fond AdVita*. Group page. [Online] Available from: <https://vk.com/advitafund> (Accessed: 24.03.2023).
34. VK. (2023) *Cancer. Confession. Control*. Group page. [Online] Available from: <https://vk.com/cancercontrol> (Accessed: 15.03.2023).

Информация об авторах:

Старшинова А.В. – д-р социол. наук, профессор кафедры социальной работы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: a.v.starshinova@urfu.ru

ORCID: 0000-0001-8804-5681

ResearcherID: Q-1245-2015

Протсенко И.А. – аспирант кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: i.protsenko2022@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Starshinova, Dr. Sci. (Sociology), professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: a.v.starshinova@urfu

I.A. Protsenko, postgraduate student, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: i.protsenko2022@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.06.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 02.06.2023;
approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 323.2
doi: 10.17223/15617793/494/12

Общественно-консультативные советы по вопросам культурного наследия в российских регионах: информационная открытость и персональный состав

Кирилл Александрович Шамшура¹

¹ *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия,
kshamshura@hse.ru*

Аннотация. Рассматриваются общественно-консультативные советы по вопросам культурного наследия на предмет информационной открытости их сайтов и персонального состава. Особое внимание уделяется представленности структур гражданского общества. Выявлено, что значительная часть советов имеет низкую информационную открытость и слабую представленность общественных объединений. Это может свидетельствовать о серьезных сбоях во взаимодействии власти и гражданского общества в сфере охраны культурного наследия.

Ключевые слова: гражданское общество, общественно-консультативные советы, общественный контроль, охрана культурного наследия

Источник финансирования: публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 23-00-032) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2023 г.

Для цитирования: Шамшура К.А. Общественно-консультативные советы по вопросам культурного наследия в российских регионах: информационная открытость и персональный состав // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 115–124. doi: 10.17223/15617793/494/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/12

Public advisory councils for cultural heritage in the Russian regions: Information openness and composition

Kirill A. Shamshura¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation,
kshamshura@hse.ru*

Abstract. This article continues the discussion about public advisory councils as mediator institutions that ensure the interaction of the authorities and various interest groups. The author focuses on the problem of information openness and personal composition of councils in the field of cultural heritage protection in the regions of the Russian Federation. Particular attention is paid to the representation of civil society organizations in the councils. The search for public advisory councils was carried out in 59 regions of the Russian Federation. As a result, 66 public advisory councils for cultural heritage were identified in 53 regions. 49 councils exist under regional bodies of state protection of cultural heritage; the other 17 councils function under the heads and governments of the regions. The article contains two parts. The first deals with the problem of information openness of councils. Information openness was studied based on the analysis of websites and sections of websites dedicated to public advisory councils. The second part presents the analysis of the personal composition of the councils. For this, information was collected on 637 members of the councils. The study revealed the following. Firstly, a significant part of the identified councils has a rather low information openness. Only about a dozen councils have all or most indicators of information openness. None of the councils has its own website with regularly updated information, and the information is usually posted on the websites of executive authorities. Secondly, in a significant part of the councils, a low representation of civil society organizations involved in the protection of cultural heritage was revealed. Informal public associations were represented only in a few councils. In many councils, there were no specialized NGOs at all. In addition, obstacles to the participation of civil society structures were identified in some councils. Thirdly, apparently, there is no direct connection between the information openness of the councils and the presence of specialized NGOs in the councils. It is likely that information openness in this case is more related to the ability and willingness of the authorities to post information on their websites. In general, it can be said that there is a significant cross-regional variation in terms of information openness and the personal composition of public advisory councils. Despite the presence of a certain number of councils with a relatively high

information openness and the presence of NGOs, the bulk of the councils can hardly be called open and accessible to the public. This seriously reduces the opportunities for dialogue and may indicate serious failures in the interaction between the authorities and civil society in the field of cultural heritage protection.

Keywords: civil society, public councils, public scrutiny, cultural heritage protection

Financial support: The study is part of research (Project No. 23-00-032) within the framework of the Research Fund of the National Research University Higher School of Economics Program in 2023.

For citation: Shamshura, K.A. (2023) Public advisory councils for cultural heritage in the Russian regions: Information openness and composition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 115–124. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/12

Введение

С начала 2010-х гг. в российских регионах постепенно стали возникать общественно-консультативные советы по вопросам культурного наследия (далее – ОКС). Связано это было с продолжающейся административной реформой, направленной на повышение качества государственного управления, прозрачности и открытости деятельности органов власти [1]. Впоследствии процесс создания ОКС резко ускорился после того, как в 2015 г. на заседании Совета по культуре и искусству при Президенте РФ рядом экспертов и общественных деятелей был поднят вопрос о необходимости создания советов по всей стране [2]. По итогам заседания было опубликовано президентское поручение органам исполнительной власти субъектов РФ с рекомендацией сформировать ОКС по вопросам культурного наследия [3]. Предполагалось, что ОКС станут инструментом, с помощью которого гражданское общество сможет реализовывать одну из своих важнейших функций – общественный контроль. В области сохранения культурного наследия он имеет особое значение. Для данной сферы характерен практически перманентный конфликт интересов бизнеса, государства и гражданского общества, а деятельность последнего нередко способна оказывать существенное влияние на сохранение памятников истории и культуры [4]. Надо сказать, что в нескольких случаях ОКС возникали и ранее. Так, в 2004 г. по причине многочисленных городских конфликтов был создан Совет по сохранению культурного наследия при правительстве Санкт-Петербурга [5]. Летом 2009 г. появился Общественный совет по вопросам культурного наследия при Губернаторе Псковской области. Интересно, что в феврале того же года Губернатором Псковской области на первый срок был назначен А.А. Турчак. Необходимость в дополнительной общественной поддержке в условиях отсутствия прямых губернаторских выборов могла стать одной из причин создания общественного совета в важной для жителей Псковской области сфере [6. С. 26–27].

Дискуссии об ОКС при органах власти ведутся давно. Подобные структуры стали появляться в системах государственного управления некоторых стран еще в первой половине XX в. В странах Северной Америки и Европы они рассматриваются, прежде всего, с точки зрения обеспечения органов власти внешней экспертизой и согласования различных интересов при принятии политико-управленческих решений [7]. При этом среди привлекаемых лиц

могут быть как «эксперты-профессионалы», являющиеся носителями специализированного, в том числе научного знания, так и «эксперты-миряне», обладающие житейским опытом и представляющие те или иные группы интересов [8]. В России ОКС в разное время создавались под разными названиями [9. С. 14]. На сегодняшний день наиболее распространенными из них являются общественные советы, спецификой которых является наличие законодательно закрепленной функции общественного контроля [10. С. 194]. По мнению некоторых авторов, присутствие данной функции может свидетельствовать о синтезе советских практик «народного контроля» и принципов неолитерализма в государственном управлении [11]. Интересной представляется гипотеза о том, что члены общественных советов могут сами выбирать себе роль, например эксперта, общественного контролера, лоббиста или посредника между органом власти и обществом [12].

Отдельно следует сказать о работах, рассматривающих ОКС в контексте российского политического режима. Так, по мнению некоторых авторов, ОКС в России являются субститутами, которые создаются при ослабленных или неработающих демократических институтах [13]. Иными словами, субституты берут на себя некоторые функции институтов, но сами институтами не являются. Важной чертой субституты являются полная их зависимость от лиц, принимающих решения. К субститутам можно отнести отраслевые советы при Президенте РФ, в том числе упоминавшийся Совет по культуре и искусству. Несколько иной взгляд предлагают исследования, показывающие, что в ОКС обычно входят лояльные власти люди, которые обходят наиболее острые проблемы деятельности государственных структур и не занимаются общественным контролем [14]. В то же время члены советов берут на себя посреднические функции между органами власти и общественностью, формируют позитивный образ органов власти в СМИ, а также реализуют социально-ориентированные проекты [14. Р. 20–22]. Отметим, что тезис о возможностях передачи органами власти некоторых своих полномочий на аутсорсинг внешним от государства акторам подтверждается и в других исследованиях [15]. Здесь, однако, следует обратить внимание на тот факт, что в западных странах также существуют ОКС, занимающиеся общественным контролем, однако они характерны для достаточно закрытых сфер государственного управления. Например, в США широко распространены органы гражданского надзора за деятельностью полиции (citizen oversight bodies)

[16]. Но в целом же принципы подотчетности и прозрачности власти в демократиях реализуются через институт выборов, широкое участие граждан в процессе принятия политико-управленческих решений, деятельность независимых от государства СМИ и организаций общественного контроля (watchdog organizations) [17]. Последние также распространены и в развивающихся странах [18].

Теоретико-методологические основы исследования

Данная статья опирается на два концептуальных подхода. В качестве первого выступает представление об институтах-медиаторах, являющихся структурами-посредниками между органами власти и негосударственными акторами, в том числе организациями гражданского общества [19]. Также в работе применяется концепция «лобби-коалиций» (advocacy coalition framework), рассматривающая продвижение различных интересов в процессе разработки и принятия политико-административных решений [20]. Исходя из этих двух концепций, можно предположить, что ОКС по вопросам культурного наследия обеспечивают взаимодействие разных групп интересов, включая представителей неформальных общественных объединений и некоммерческих организаций (НКО), занимающихся охраной, изучением и популяризацией объектов культурного наследия. А учитывая, что в большинстве регионов существуют экспертные (научно-методические) советы по культурному наследию, логичным было бы присутствие в составе ОКС высокой доли представителей гражданского общества.

Целью данной работы является анализ ОКС по вопросам культурного наследия на предмет информационной открытости и представленности разных групп интересов, в том числе организаций гражданского общества.

Для исследования было выбрано 59 регионов, входящих в состав Северо-Западного, Центрального, Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов. На основе данных, размещенных на официальных сайтах органов государственной охраны культурного наследия, нами было выявлено существование 49 общественных советов. Для удобства обозначим их как **ОКС1**. Параллельно был проведен анализ сайтов высших органов исполнительной власти субъектов РФ и осуществлен поиск нормативно-правовых актов в Электронном фонде правовой и научно-технической документации [21]. В результате было дополнительно выявлено 17 ОКС по вопросам культурного наследия при главах и правительствах субъектов РФ. Из них 11 называются советами, а 6 – общественными советами. Данные советы далее будут обозначаться как **ОКС2**. По 6 регионам не удалось найти информацию о деятельности ОКС. Таким образом, в работе рассматривается 66 ОКС из 53 субъектов РФ. Также был проведен поиск сайтов и групп в социальных сетях, принадлежащих ОКС.

Отметим различия между двумя типами ОКС. Во-первых, ОКС1 функционируют при региональных органах государственной охраны культурного наследия, а ОКС2 созданы при главах и правительствах регионов. Решения ОКС2, вероятно, имеют больший вес, поскольку председательствуют на заседаниях высшие должностные лица регионов. Во-вторых, ОКС1, согласно законодательству, являются субъектами общественного контроля. В то же время ОКС2 формально представляют собой только консультативно-совещательные структуры. В-третьих, имеет место существенное различие в численности и персональном составе ОКС1 и ОКС2.

Необходимо также сказать, что в ряде случаев информацию на сайтах органов власти удавалось найти только в виде нормативно-правовых актов или отдельных упоминаний, т.е. отсутствовал раздел, посвященный деятельности ОКС. Лишь в нескольких случаях ОКС имели собственные сайты, однако сведения о деятельности советов не обновлялись в течение длительного времени. В основном информация о деятельности ОКС размещалась в специальных разделах на сайтах органов власти. В нескольких случаях имелись группы в социальных сетях, созданные членами ОКС. Однако информация о деятельности ОКС в них давно не публиковалась.

Исследование содержит в себе две части. В первой рассмотрена проблема информационной открытости сайтов (разделов), посвященных ОКС. Информационная открытость анализировалась на основе 8 параметров, заимствованных из исследования ОКС в Санкт-Петербурге и дополненных автором [22. С. 12]. Вторая часть посвящена анализу персонального состава ОКС. Для этого нами была собрана информация о 637 действующих членах ОКС и организациях, которые они представляют. Особый интерес имел вопрос о представленности профильных некоммерческих организаций (НКО), занимающихся охраной культурного наследия. Все члены ОКС были разбиты на 10 категорий: 1) профильные НКО по охране культурного наследия; 2) иные НКО; 3) наука/образование; 4) наука/образование и НКО; 5) бизнес по профилю; 6) бизнес не по профилю; 7) бюджетные учреждения; 8) органы исполнительной власти; 9) религиозные организации; 10) прочие. Использование гибридной категории связано с тем, что во многих случаях представители науки и образования активно участвуют в деятельности НКО. В обеих частях работы ОКС1 и ОКС2 рассматривались по-отдельности.

Информационная открытость сайтов (разделов) ОКС

Исследование показало, что практически все ОКС1 (45) имеют в разделах сайтов положение о своей деятельности. Реже выкладывается информация о ФИО членов (37) и сведения о представляемых ими организациях (34). Протоколы заседаний публикуют чуть больше половины советов (27). В почти равном количестве присутствуют планы работы (14) и информационные сообщения о прошедших заседа-

ниях (13). На 14 сайтах (разделах) указаны контакты для обратной связи (номер телефона, электронная почта или кнопка интернет-приемной). 6 из 49 советов выкладывают ежегодные отчеты (рис. 1).

Таким образом, полученные автором данные свидетельствуют о существенных кросс-региональных различиях в информационной открытости сайтов (разделов) ОКС при органах государственной

охраны культурного наследия. Далее на основе 8 этих параметров была создана шкала информационной открытости сайтов (разделов) ОКС при региональных органах государственной охраны культурного наследия. 49 выявленных советов оценивались по шкале от 0 (полное отсутствие информации) до 8 (представлена вся основная информация). На рис. 2 мы видим диаграмму, отражающую полученные результаты.

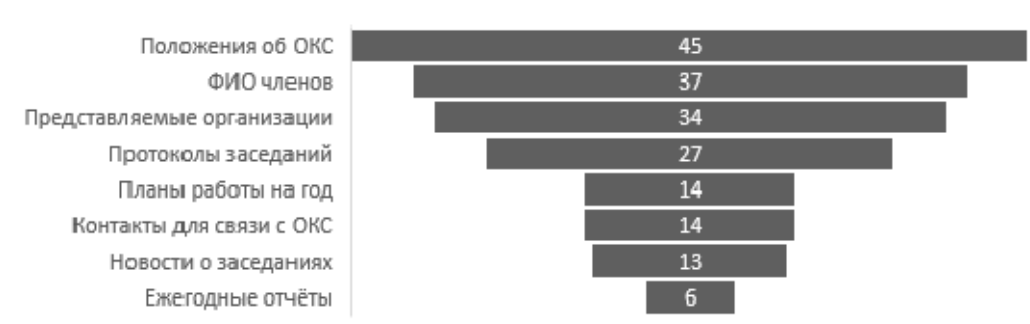

Рис. 1. Наличие информации на сайтах (разделах) ОКС при органах государственной охраны культурного наследия

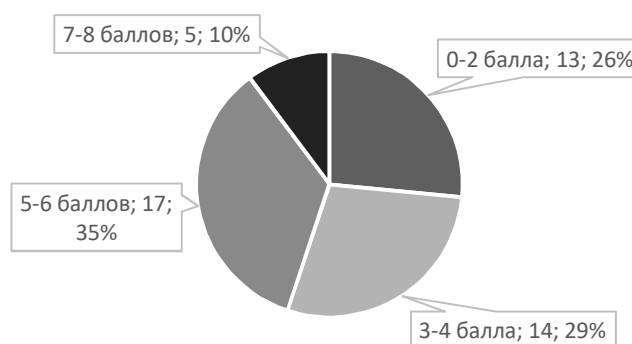

Рис. 2. Оценка информационной открытости сайтов (разделов) ОКС при региональных органах государственной охраны культурного наследия (max = 8 баллов)

Как видно из рис. 2, лишь 5 из 49 ОКС1 регулярно публикуют на сайтах (разделах) всю основную информацию о своей деятельности. При этом только 2 совета смогли набрать максимальный балл (из Псковской и Свердловской областей). 13 ОКС1 (26%) фактически не публикуют сведения о своей деятельности. Однако, судя по всему, высокий уровень информационной открытости сайтов (разделов) ОКС1 вряд ли связан с представленностью в них НКО. Скорее, он зависит от желания и возможности органов власти регулярно обновлять информацию о деятельности ОКС1 на своих сайтах. Также можно предположить, что многие ОКС1 создавались лишь для формального выполнения требований законодательства и рекомендаций федеральных властей. Так, в течение нескольких лет после президентских поручений многие советы публиковали сведения о своей деятельности, а в дальнейшем обновление информации прекращалось.

Теперь перейдем к рассмотрению 17 советов по вопросам культурного наследия при главах и правительствах субъектов РФ (ОКС2). Анализ показал,

что ни один из сайтов (разделов) не соответствует всем параметрам информационной открытости. Лишь три совета соответствуют 5 из 8 параметров (при Правительстве Санкт-Петербурга, при Губернаторе Псковской области, при Губернаторе Ивановской области). Советы из Республики Карелия, Республики Хакасия, Вологодской области и Красноярского края соответствуют 3 из 8 показателей. Остальные ОКС2 не превышают одного показателя открытости.

Рассуждая об информационной открытости сайтов (разделов) ОКС, необходимо обратить внимание на следующий момент. Одной из причин низкой информационной открытости ОКС может являться частое отсутствие собственных сайтов. В литературе представлены случаи, когда органы власти неохотно выкладывали информацию о деятельности общественных советов на своих сайтах, а члены советов не имели к ним доступа [23. С. 314–315].

Кроме того, на информационную открытость может оказывать влияние степень автономии ОКС, а также уровень открытости самих органов власти [24].

В то же время ОКС в подавляющем большинстве случаев не представлены в социальных сетях и иных интернет-ресурсах, активно используемых общественными объединениями. Данный факт может свидетельствовать о низкой информационной открытости ОКС перед общественностью в целом.

Состав ОКС

При анализе информационной открытости сайтов (разделов) ОКС и поиске документов в Электронном фонде правовой и научно-технической документации автору удалось собрать базу данных о членах 34 ОКС1 и 14 ОКС2.

Для начала рассмотрим персональный состав ОКС1. Так, была сформирована база о 346 членах ОКС1. 232 человека (67%) из них составляют мужчины, а 114 – женщины (33%). В целом представленность женщин в ОКС1 ниже, чем мужчин. Однако су-

ществует 7 ОКС1 с преобладанием или равным числом женщин. Полностью отсутствуют женщины в 2 ОКС1. Численность состава ОКС1 варьируется от 5 до 20 человек. В среднем количество членов ОКС1 составляет около 10 человек. Следует отметить, что некоторые ОКС1 после создания были довольно крупными, а в последующие годы их численность была снижена. Так, например, в 2016 г. ОКС1 из Тамбовской области состоял из 21 человека, а к 2018 г. его численность была снижена до 7 человек. При этом в Положение об Общественном совете были внесены требования к кандидатам в виде наличия профессионального образования по определенным специальностям и стажа работы по ним не менее 5 лет, что значительно снижает возможность участия представителей общественности. Подобные правила распространены среди многих ОКС1. Также во многих случаях в ОКС1 не могут входить представители неформальных общественных объединений.

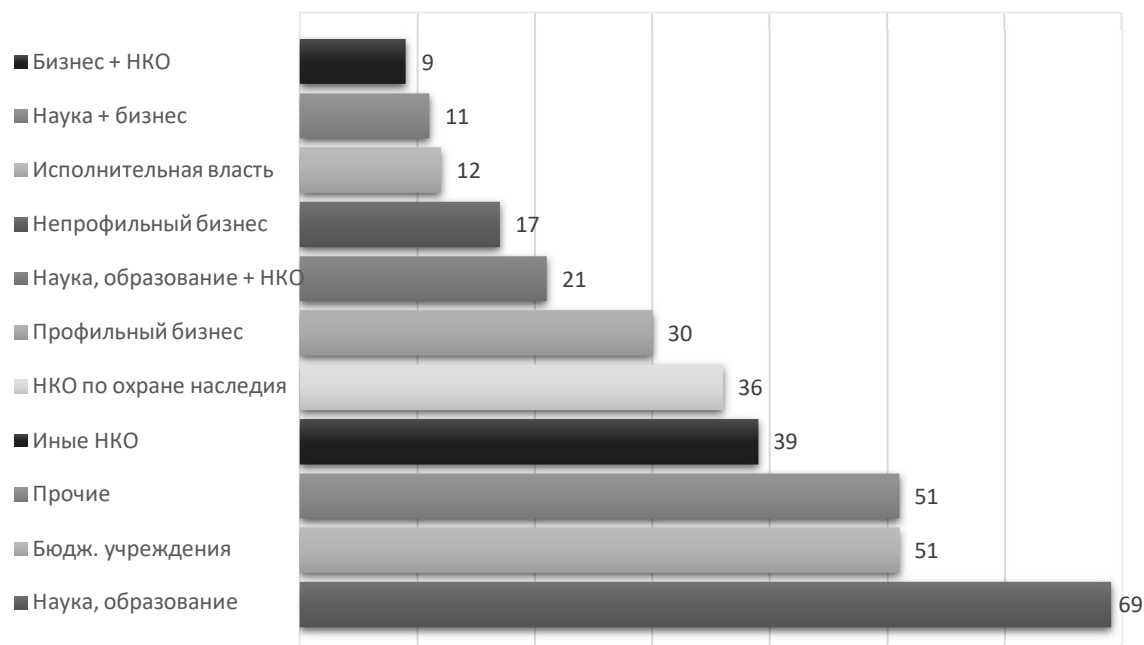

Рис. 3. Состав ОКС при органах государственной охраны культурного наследия (ОКС1)

Анализ состава ОКС1 показал, что около 29% их членов являются представителями различных НКО (см. рис. 3). Около 11% из них представляют профильные организации, связанные с охраной культурного наследия, как, например, «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры». При этом всего лишь в нескольких случаях было зафиксировано участие в деятельности ОКС1 неформальных общественных движений, как, например, «Архнадзор». Примерно 6% членов являются одновременно представителями науки/образования и НКО. Примерно 20% членов ОКС1 представляют исключительно сферу науки и образования. Около 15% являются сотрудниками профильных бюджетных организаций – музеев, музеев-заповедников, подведомственных реставрационных учреждений и т.п. Представители профильных бизнес-организаций составляют около 13%. В подавляющем большинстве

случаев это архитектурные бюро, реставрационные мастерские, центры экспертизы, археологические организации.

Примерно 5% членов представляют бизнес не по профилю совета. Отметим, что в ОКС1 некоторых регионов встречаются представители девелоперских компаний, что может свидетельствовать о лоббизме интересов застройщиков.

Иная ситуация обнаруживается при анализе 14 ОКС2 (рис. 4). Общее количество их членов составило 291 человека. Из них 183 мужчины (62,9%) и 92 женщины (31,6%). Пол 16 (5,5%) членов ОКС2 остался неизвестен. Почти во всех ОКС2 большинство членов составляют мужчины. В трех ОКС2 количество мужчин и женщин примерно равное. Численность ОКС2 варьируется от 36 до 10 человек. Средняя численность составляет около 21 человека. Подобные советы отличаются большей численностью.

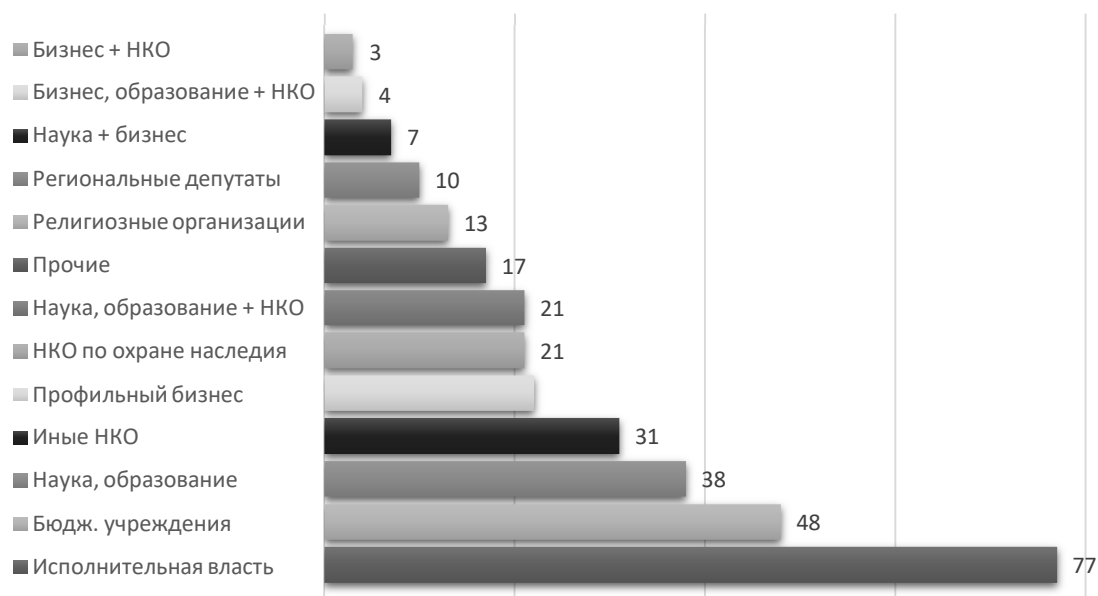

Рис. 4. Состав ОКС при главах и правительствах субъектов РФ (ОКС2)

Из диаграммы видно, что персональный состав ОКС2 отличается от состава ОКС1. Например, четверть состава ОКС2 представляет органы исполнительной власти. Также в ОКС2 присутствуют региональные депутаты, которых не было в ОКС1. В большей степени представлены религиозные организации.

Однако среди ОКС2 имеются различия. Так, в половине ОКС2 депутаты отсутствуют, в шесть ОКС2 входят по одному депутату, а в Санкт-Петербурге их 4. В четырех ОКС2 не представлены профильные НКО. Есть различия по количеству представителей органов исполнительной власти. Например, в Курской области почти половина членов ОКС2 являются сотрудниками органов власти, а другая половина – представителями науки и профильных бюджетных учреждений. НКО же почти не представлены. Вероятно, что в данном совете упор сделан на экспертную функцию. В то же время в Смоленской

области почти половину совета составляют представители НКО и религиозных организаций, но нет экспертов из науки. В этом случае, наверное, можно говорить о преимущественно посреднических функциях совета. Есть разница и в привлечении экспертов из научной среды. В трех ОКС2 представители науки отсутствуют или почти не представлены, а в одном из советов их почти половина состава. Имеются ОКС2 с высокой представленностью профильных коммерческих структур, но есть советы, где бизнес не представлен. Самым крупным является состав Совета по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга. Но необходимо заметить, что в 2022 г. из него был исключен ряд известных и активных градозащитников, несогласных с политикой властей по поводу сноса исторических зданий [25, 26].

На рис. 5 и 6 показаны кросс-региональные вариации в составе ОКС (оба типа) на примере участия НКО.

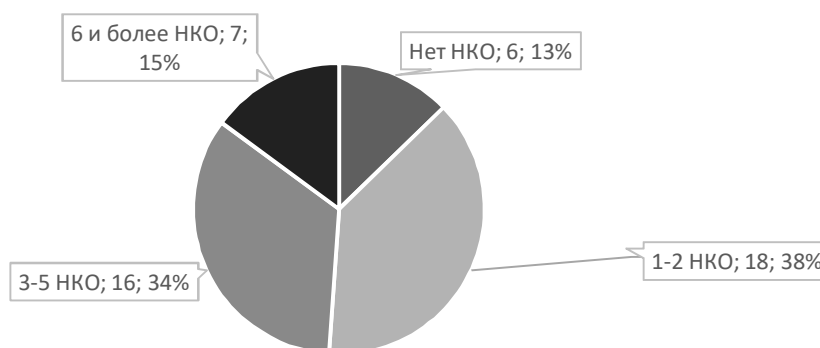

Рис. 5. Количество представителей различных НКО в составе 48 ОКС (оба типа)

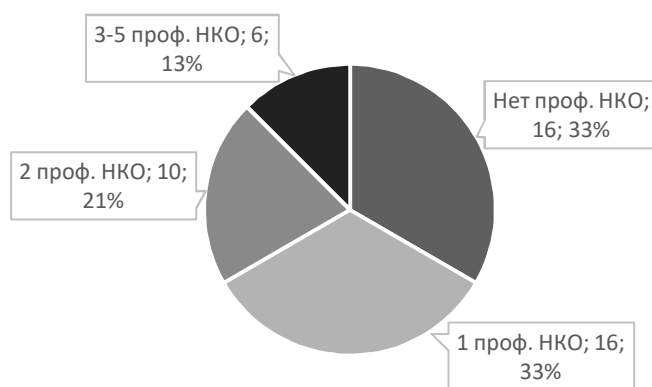

Рис. 6. Количество представителей профильных НКО по охране культурного наследия в составе 48 ОКС (оба типа)

Из рис. 5 видно, что в 13% случаев в ОКС отсутствуют представители каких-либо НКО. В 38% ОКС входят 1–2 представителя НКО. В 34% советов присутствуют 3–5 участников НКО. В 15% случаев в ОКС представлены 6 и более членов некоммерческих организаций.

Что касается профильных НКО по охране культурного наследия, то в 33% ОКС они отсутствуют (см. рис. 6). Еще в 33% случаев в состав ОКС входит по одному представителю профильных некоммерческих организаций. По 2 представителя профильных НКО входят в 21% ОКС. По 3–5 человек из профильных НКО представлено в 13% случаев (6 ОКС). Наибольшим разнообразием профильных НКО отличился Общественный совет при Государственном комитете охраны объектов культурного наследия Челябинской области, куда, в том числе, входят представители неформальных гражданских инициатив.

Выводы

В результате проведенного нами исследования было выявлено, что в сфере охраны культурного наследия в российских регионах функционируют два вида общественно-консультативных структур. Первые представлены в виде общественных советов при региональных органах государственной охраны культурного наследия (ОКС1). Также встречаются советы по культурному наследию при главах и правительствах субъектов РФ (ОКС2). Вместе с тем в большинстве регионов имеются научно-методические (экспертные) советы, оставшиеся за пределами данной работы. Таким образом, можно говорить о разведении функций между этими структурами. Научно-методические (экспертные) советы направлены на научно-методическое обеспечение деятельности органов власти. К функциям ОКС1 относятся общественный контроль, представительство разных групп интересов в процессе принятия решений и получение обратной связи от общества. ОКС2 служат скорее площадкой для обсуждения наиболее важных вопросов. Они позволяют донести позиции как экспертных сообществ, так и общественных объединений до регионального руководства.

По итогам анализа эмпирических данных можно сделать ряд выводов.

Во-первых, были выявлены существенные различия между ОКС1 и ОКС2. Так, ОКС2 встречаются в российских регионах гораздо реже, чем ОКС1. Средняя численность персонального состава ОКС2 в два раза больше, чем средняя численность состава ОКС1. В ОКС1 входят преимущественно представители науки и образования, различные некоммерческие организации, сотрудники профильных бюджетных учреждений, а также бизнес по профилю советов. В то же время отличие ОКС2 состоит в том, что больше четверти их членов являются сотрудниками органов исполнительной власти, обычно руководителями ведомств. Кроме того, в ОКС2 часто встречаются региональные депутаты, что нехарактерно для ОКС1. Однако отбор членов в ОКС2 полностью зависит от воли региональных правительств. Председатели ОКС1 обычно избираются из состава совета общим голосованием членов, а в ОКС2 автоматически председательствуют высшие должностные лица региона. При этом решения ОКС2 имеют больший вес, чем решения ОКС1 в силу председательства в них высших должностных лиц регионов.

Во-вторых, исследование показало, что лишь малая часть ОКС1 обладает относительно высоким уровнем информационной открытости. Подавляющее большинство ОКС1 не имеет собственных сайтов или групп в социальных сетях. Информация о деятельности ОКС1 обычно публикуется в специальных разделах на сайтах органов власти. Во многих случаях информация в этих разделах размещается не в полном объеме и обновляется нерегулярно. При этом, вероятно, не существует прямой связи между наполнением информацией разделов сайтов и представленностью в ОКС1 организаций гражданского общества. Скорее всего, это зависит от желания и возможности органов власти регулярно обновлять информацию о деятельности ОКС1 на своих сайтах. Еще хуже обстоят дела с информационной открытостью ОКС2.

Только менее половины из них смогли показать средний уровень открытости. Отсутствие информации о деятельности ОКС на сторонних интернет-ресурсах, включая социальные сети и сайты СМИ, может быть признаком низкой информационной открытости советов в целом.

В-третьих, в персональном составе большинства общественно-консультативных советов был зафиксирован серьезный дисбаланс в пользу сотрудников бюджетных учреждений, включая учебные заведения. В меньшем количестве были представлены организации гражданского общества. Особенно это касается тех НКО, которые занимаются сохранением культурного наследия. Неформальные объединения были предоставлены лишь в нескольких советах. Кроме того, было обнаружено, что в ряде регионов при формировании ОКС1 существуют правила, ограничивающие возможность участия представителей неформализованных объединений, а также лиц, не имеющих профильного образования и стажа работы по специальности. В результате можно предположить, что ОКС перестают быть площадкой представительства общественных интересов и начинают дублировать некоторые функции научно-методических советов, состоящих из экспертов-профессионалов и сотрудников профильных бюджетных учреждений.

В-четвертых, были выявлены существенные кросс-региональные вариации в функционировании как ОКС1, так и ОКС2. Рассуждая о кросс-региональных вариациях, можно предположить, что на возникновение и функционирование ОКС могут оказывать ключевое влияние несколько факторов. Частые конфликты вокруг объектов культурного наследия могут способствовать возникновению институтов-медиаторов, слу-

жащих посредниками между представителями государства, гражданского общества и экспертных сообществ. Также влияние может оказывать наличие в регионе активных общественных объединений и коалиций защиты общественных интересов, занимающихся сохранением культурного наследия. Немаловажную роль в деятельности таких коалиций играют представители научного сообщества, обладающие специальными знаниями. И, наконец, важна личная заинтересованность руководителей регионов и органов государственной охраны культурного наследия во взаимодействии со структурами гражданского общества в целях сохранения культурного наследия.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что, несмотря на наличие определенного количества ОКС со сравнительно высокой информационной открытостью и присутствием в составе представителей НКО, в целом существуют серьезные сдвиги во взаимодействии органов власти с общественностью. Возможно, это связано с тем, что многие ОКС в сфере охраны культурного наследия в России выполняют скорее функцию легитимации решений органов власти, чем служат площадками для диалога и совместной выработки решений. Именно этим можно объяснить практически полное отсутствие в ОКС неформальных общественных объединений. Вместе с тем для лучшего понимания деятельности ОКС требуются дополнительные исследования, включающие в себя анализ протоколов заседаний и проведение интервью с членами советов.

Список источников

1. Бычкова А., Землянская А., Юдина М. Административная реформа в Российской Федерации: Ретроспективный анализ, итоги и перспективы // *Инновационная экономика и общество*. 2016. № 4. С. 2–11.
2. Охрана наследия: Владимир Путин поручил госструктурам определить права энтузиастов // *Хранители наследия*. URL: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/diskussii/okhrana-naslediya-vladimir-putin-poruchil-gosstrukturam-opredelit-prava-entuziastov/> (дата обращения: 15.02.2023).
3. Перечень поручений по итогам заседания Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, состоявшегося 25 декабря 2015 года. Опубликовано на официальном сайте Президента РФ 4 апреля 2016 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/51640> (дата обращения: 15.02.2023).
4. Алехин В.Д., Рябов В.В. Общественные советы по сохранению историко-культурного наследия: институт гражданского общества или бюрократическая бутафория? // *Наука и образование - 2018 : материалы всерос. науч.-практ. конф.*, Мурманск, 15 ноября 2018 г. Мурманск : Мурманск. гос. техн. ун-т, 2019. С. 142–148.
5. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 30.07.2004 № 1371 (с изменениями на 24 июня 2022 г.) // *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8397963> (дата обращения: 02.03.2023).
6. Тарасенко А., Дубровский Д., Стародубцев А. Навести мосты между обществом и государством: общественно-консультативные структуры в регионах Северо-запада. СПб. : Реноме, 2011. 48 с.
7. Гарифуллина Г.А. Советательные органы при исполнительной власти // *Государственная служба*. 2011. № 5. С. 104–106.
8. Дьякова Е.Г. «Честная сбалансированность» или самостоятельность: проблематизация дискурса советательно-консультативных органов в отечественной и американской административных традициях // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 438. С. 97–105.
9. Горный М.Б. Общественные консультативные структуры при органах власти: опыт Санкт-Петербурга // *Телескоп*. 2011. № 2. С. 14–24.
10. Матвеева Е.В., Митин А.А., Алагоз А.В. Институт общественного контроля в региональном политическом пространстве: современное состояние и перспективы развития // *Вестник Томского государственного университета*. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 191–202.
11. Owen C.A. Genealogy of Kontrol' in Russia: From Leninist to Neoliberal Governance // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75, № 2. P. 331–353. doi: 10.5612/slavicreview.75.2.331
12. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Общественные советы при органах исполнительной власти: эксперты, контролеры или мирские челобитчики? // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 6. С. 180–201.
13. Петров Н.В. Политическая механика российской власти: субституты против институтов // *Вестник общественного мнения*. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 4. С. 5–23.
14. McCarthy L.A., Stoleran K.A., Tikhomirov A.V. Managed Civil Society and Police Oversight in Russia: Regional Police-Public Councils // *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72, № 9. P. 1498–1522. doi: 10.1080/09668136.2020.1832964
15. Owen C., Bindman E. Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia // *Government and Opposition*. 2019. Vol. 54, № 1. P. 98–120. doi: 10.1017/gov.2017.13
16. Ferdik F.V., Rojek J., Alpert G.P. Citizen oversight in the United States and Canada: an overview // *Police Practice and Research: An International Journal*. 2013. Vol. 14, № 2. P. 104–116. doi: 10.1080/15614263.2013.767089
17. Bovens M., Goodin R.E., Schillemans T. (eds). *The Oxford Handbook of Public Accountability*. Oxford : Oxford University Press, 2014. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199641253.013.0012

18. Mlambo V.H., Zubane S.P., Mlambo D.N. Promoting good governance in Africa: The role of the civil society as a watchdog // *Journal of Public Affairs*. 2020. Vol. 20, № 1. doi: 10.1002/pa.1989
19. Сунгуров А.Ю., Захарова О.С., Петрова Л.А., Распопов Н.П. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. 1. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 1. С. 165–178.
20. Sabatier P.A., Weible C.M. The Advocacy Coalition Framework: Innovations and Clarifications // *Theories of the Policy Process* / ed. by P.A. Sabatier. 2nd ed. Boulder ; Colo : Westview Press, 2007. P. 189–220.
21. Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 04.04.2023).
22. Сунгуров А.Ю., Дубровский Д.В., Карягин М.Е., Тиняков Д.К. Общественно-консультативные советы как форма вовлечения экспертного знания в процесс политико-управленческих решений (на примере г. Санкт-Петербурга) // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2020. № 2. С. 7–31.
23. Knox C., Janenova S. Public councils in Kazakhstan: a case of emergent participative democracy? // *Central Asian Survey*. 2017. Vol. 37, № 2. P. 305–321. doi: 10.1080/02634937.2017.1410467
24. Вяткин И.О., Кабанов Ю.А., Карягин М.Е., Кукарцев С.М., Миронов П.Д. Условия информационной открытости общественных консультативных советов в Санкт-Петербурге: сравнительный анализ // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2021. № 2. С. 129–141.
25. Вишневский спросил у Беглова о причинах исключения градозащитников из Совета по культурному наследию // *ЗАКС.Ру*. 2022. 4 июля. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/228049> (дата обращения: 11.02.2023).
26. Сокуров написал письмо Беглову с жалобой на «разгром группы Сокурова» // *РБК*. 2022. 13 июля. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/07/2022/62cedae99a7947a4829917ee> (дата обращения: 11.02.2023).

References

1. Bychkova, A., Zemlyanskaya, A. & Yudina, M. (2016) Administrativnaya reforma v Rossiyskoy Federatsii: Retrospektivnyy analiz, itogi i perspektivy [Administrative reform in the Russian Federation: Retrospective analysis, results and prospects]. *Innovatsionnaya ekonomika i obshchestvo*. 4. pp. 2–11.
2. Khraniteli naslediya. (2023) *Okhrana naslediya: Vladimir Putin poruchil gosstrukturam opredelit' prava entuziastov* [Protection of heritage: Vladimir Putin instructed government agencies to determine the rights of enthusiasts]. [Online] Available from: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/diskussii/okhrana-naslediya-vladimir-putin-poruchil-gosstrukturam-opredelit-prava-entuziastov/> (Accessed: 15.02.2023).
3. President of the Russian Federation. (2016) *List of instructions following the meeting of the Council for Culture and Art under the President of the Russian Federation, held on December 25, 2015*. Published on the official website of the President of the Russian Federation on April 4, 2016. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/51640> (Accessed: 15.02.2023). (In Russian).
4. Alekhin, V.D. & Ryabev, V.V. (2019) Obshchestvennye sovety po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya: institut grazhdanskogo obshchestva ili byurokraticheskaya butaforiya? [Public councils for the preservation of historical and cultural heritage: an institution of civil society or a bureaucratic sham?]. *Nauka i obrazovanie—2018* [Science and Education—2018]. Conference Proceedings. Murmansk. 15 November 2018. Murmansk: Murmansk State University. pp. 142–148. (In Russian).
5. Docs.cntd.ru. (2022) *Decree of the Government of St. Petersburg dated July 30, 2004, No. 1371 (as amended on June 24, 2022)*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/8397963> (Accessed: 02.03.2023). (In Russian).
6. Tarasenko, A., Dubrovskiy, D. & Starodubtsev, A. (2011) *Navesti mosty mezhdru obshchestvom i gosudarstvom: obshchestvenno-konsul'tativnyye struktury v regionakh Severo-zapada* [Building bridges between society and the state: public advisory structures in the regions of the North-West]. Saint Petersburg: Renome.
7. Garifullina, G.A. (2011) Soveshchatel'nye organy pri ispolnitel'noy vlasti [Advisory bodies under the executive branch]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 5. pp. 104–106.
8. D'yakova, E.G. (2019) “Fairly Balanced” or Independent: Problematization of the Discourse on Consultative Bodies in the Russian and American Administrative Traditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 97–105. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/438/13
9. Gornyy, M.B. (2011) Obshchestvennye konsul'tativnyye struktury pri organakh vlasti: opyt Sankt-Peterburga [Public advisory structures under government authorities: the experience of St. Petersburg]. *Teleskop*. 2. pp. 14–24.
10. Matveeva, E.V., Mitin, A.A. & Alagoz, A.V. (2018) Institution of Public Control in the Regional Political Landscape: Current State and Prospects for Development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 43. pp. 191–202. (In Russian). 10.17223/1998863X/43/18
11. Owen, C.A. (2016) Genealogy of Kontrol' in Russia: From Leninist to Neoliberal Governance. *Slavic Review*. 75 (2). pp. 331–353. doi: 10.5612/slavicreview.75.2.331
12. D'yakova, E.G. & Trakhtenberg, A.D. (2019) Obshchestvennye sovety pri organakh ispolnitel'noy vlasti: eksperty, kontrolery ili mirskie chelobitchiki? [Public councils under executive authorities: experts, controllers or secular petitioners?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 6. pp. 180–201.
13. Petrov, N.V. (2009) Politicheskaya mekhanika rossiyskoy vlasti: substituty protiv institutov [Political mechanics of Russian power: substitutes versus institutions]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 4. pp. 5–23.
14. McCarthy, L.A., Stolerman, K.A. & Tikhomirov, A.V. (2020) Managed Civil Society and Police Oversight in Russia: Regional Police-Public Councils. *Europe-Asia Studies*. 72 (9). pp. 1498–1522. doi: 10.1080/09668136.2020.1832964
15. Owen, C. & Bindman, E. (2019) Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia. *Government and Opposition*. 54 (1). pp. 98–120. doi: 10.1017/gov.2017.13
16. Ferdik, F.V., Rojek, J. & Alpert, G.P. (2013) Citizen oversight in the United States and Canada: an overview. *Police Practice and Research: An International Journal*. 14 (2). pp. 104–116. doi: 10.1080/15614263.2013.767089
17. Bovens, M., Goodin, R.E. & Schillemans, T. (eds) (2014) *The Oxford Handbook of Public Accountability*. Oxford: Oxford University Press. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199641253.013.0012
18. Mlambo, V.H., Zubane, S.P. & Mlambo, D.N. (2020) Promoting good governance in Africa: The role of the civil society as a watchdog. *Journal of Public Affairs*. 20 (1). doi: 10.1002/pa.1989
19. Sungurov, A.Yu. et al. (2012) Instituty-mediatory i ikh razvitie v sovremennoy Rossii. 1. Obshchestvennye palaty i konsul'tativnyye sovety: federal'nyy i regional'nyy opyt. [Mediator institutions and their development in modern Russia. 1. Public chambers and advisory councils: federal and regional experience]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1. pp. 165–178.
20. Sabatier, P.A. & Weible, C.M. (2007) The Advocacy Coalition Framework: Innovations and Clarifications. In: Sabatier, P.A. (ed.) *Theories of the Policy Process*. 2nd ed. Boulder; Colo: Westview Press. pp. 189–220.
21. *Elektronnyy fond pravovoy i nauchno-tehnicheskoy dokumentatsii* [Electronic fund of legal, scientific and technical documentation]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/> (Accessed: 04.04.2023).

22. Sungurov, A.Yu. et al. (2020) Obshchestvenno-konsul'tativnye sovery kak forma вовлечения ekspertnogo znaniya v protsess politiko-upravlencheskikh resheniy (na primere g. Sankt-Peterburga) [Public advisory councils as a form of involving expert knowledge in the process of political and managerial decisions (on the example of St. Petersburg)]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2. pp. 7–31.
23. Knox, C. & Janenova, S. (2017) Public councils in Kazakhstan: a case of emergent participative democracy? *Central Asian Survey*. 37 (2). pp. 305–321. doi: 10.1080/02634937.2017.1410467
24. Vyatkin, I.O. et al. (2021) Usloviya informatsionnoy otkrytosti obshchestvennykh konsul'tativnykh sovetov v Sankt-Peterburge: sravnitel'nyy analiz [Conditions of information openness of public advisory councils in St. Petersburg: comparative analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. 2. pp. 129–141.
25. ZAKS.Ru. (2022) *Vishnevskiy sprosila Beglova o prichinakh isklyucheniya gradozashchitnikov iz Soveta po kul'turnomu naslediyu* [Vishnevsky asked Beglov about the reasons for the exclusion of city defenders from the Council for Cultural Heritage]. 4 July. [Online] Available from: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/228049> (Accessed: 11.02.2023).
26. RBK. (2022) *Sokurov napisal pis'mo Beglovu s zhaloboy na "razgrom gruppy Sokurova"* [Sokurov wrote a letter to Beglov with a complaint about the "defeat of Sokurov's group"]. 13 July. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/society/13/07/2022/62cedae99a7947a4829917ee> (Accessed: 11.02.2023).

Информация об авторе:

Шамшуря К.А. – аспирант Департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kshamshura@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.A. Shamshura, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kshamshura@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.05.2023;
одобрена после рецензирования 16.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 14.05.2023;
approved after reviewing 16.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378.14.796; 796.011.3
doi: 10.17223/15617793/494/13

Определение общей физической работоспособности студентов – будущих горных инженеров-спасателей

Юлия Аркадьевна Дубровская^{1,3}, Геннадий Викторович Руденко^{1,3},
Леонид Валентинович Пихконен^{2,3}

¹Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия

²ООО «ПетроРемСтрой», Санкт-Петербург, Россия

³DubrovskayaY-A@mail.ru

Аннотация. Обоснована методика проведения экспресс-теста для определения общей физической работоспособности будущих горноспасателей. Даны критерии оценки физических возможностей обучающихся перед проведением специализированной физической подготовки. Представлен комплекс упражнений, направленных на развитие быстроты движений, гибкость (подвижность) суставов, вестибулярную устойчивость, гибкость позвоночного столба, мышечную силу кистей рук и глазомер.

Ключевые слова: физическая работоспособность, горный инженер-спасатель, высшее образование, практическая подготовка, профессионально важные качества, военизированная горноспасательная часть, военизированный горноспасательный отряд

Для цитирования: Дубровская Ю.А., Руденко Г.В., Пихконен Л.В. Определение общей физической работоспособности студентов – будущих горных инженеров-спасателей // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 125–134. doi: 10.17223/15617793/494/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/13

Determination of the general physical performance of students – future mining rescue engineers

Yulia A. Dubrovskaya^{1,3}, Gennady V. Rudenko^{1,3}, Leonid V. Pihkonen^{2,3}

^{1,2}Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russian Federation

²PetroRemStroy LLC, Saint Petersburg, Russian Federation

³DubrovskayaY-A@mail.ru

Abstract. Many years of experience in the work of the mountain rescue service shows that the work of a mountain rescue engineer is associated with heavy physical exertion and, in addition to professional knowledge, implies good health. In this regard, a thorough professional selection is necessary, including the determination of the physical development and psychological readiness of a mining engineer-rescuer to perform professional tasks associated with extreme psychophysical loads. The article presents a methodology for conducting an express test to determine the overall physical performance of students – future mining engineers-rescuers. The element of entrance control before taking training and production internships at enterprises of the mineral resource complex, training plants of paramilitary mine rescue detachments and units, to determine the physical characteristics of students, is described. The criteria for assessing the physical capabilities of students before conducting special physical training (PWC170 test) are given. The experiment used a method adapted for students to calculate individual or “physical performance” according to the current standards of physical control of the training process of employees of paramilitary mountain rescue teams. It should be noted that there is still no generally accepted, unified definition of the term “physical performance”. Moreover, the authors did not find materials on the study of physical performance of students in the Mining direction, which indicates the relevance of the chosen research direction. To determine the overall physical performance of future mountain rescuers, the following pattern was used: with an increase in physical activity in a certain range of muscular effort with a heart rate from 120 to 170 beats/min, there is a linear relationship between physical activity and heart rate. Using the PWC170 test, it is possible to determine the load capacity at which the optimal functioning of the cardiovascular system is maintained; therefore, the load is optimal and safe from the point of view of measurements and physiological indicators’ analysis. Since general physical performance is a complex concept and its characteristics include physique, anthropometric indicators, muscle strength and endurance, dexterity, flexibility, we consider it necessary to include in the express test exercises for speed of movement, flexibility (mobility) of joints, vestibular stability, flexibility of the vertebral

column, muscular strength of the hands and the eye. The practical application of the entrance express test consists in a preliminary assessment of the psychophysiological capabilities of students, according to the results of which, supervisors of interns individualize the forming of professional competencies of future mining rescue engineers

Keywords: physical performance, mining rescuer engineer, higher education, practical training, professionally important qualities, paramilitary mountain rescue unit, paramilitary mountain rescue squad

For citation: Dubrovskaya, Yu.A., Rudenko, G.V. & Pikhkonen, L.V. (2023) Determination of the general physical performance of students – future mining rescue engineers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 125–134. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/13

Введение

Среди горных инженеров профессия горноспасателя стоит в ряду самых тяжелых и опасных, связанных со сложными производственными условиями. Профессия горноспасателя предъявляет высокие требования к человеку в плане здоровья, его особых физических, физиологических и психических качеств. Актуальной проблемой при подготовке студентов – будущих горноспасателей является обеспечение формирования профессиональных умений и навыков для работы в экстремальных условиях, ведение спасательных и профилактических работ на объектах подземного и наземного комплекса зданий и сооружений минерально-сырьевого комплекса. В связи с этим особое место в профессиональном обучении будущих горноспасателей занимают средства физической культуры, которые позволяют на качественно ином уровне готовить специалистов к профессиональной деятельности в сложных условиях. Как показал десятилетний опыт подготовки студентов – будущих горных инженеров-спасателей, традиционный подход к системе физического воспитания не отвечает требованиям работодателей. Необходимы концептуальные изменения в структуре и содержании образовательных программ, объединяющих практическую подготовку в рамках учебных и производственных практик, теоретические занятия и тренировки на тренажерах, симуляторах и учебных полигонах.

Труд горноспасателя характеризуется большим объемом двигательной активности, ходьбой по измененному рельефу, в гору, под гору, на расстояния от 8 до 12 км и более за смену; большой стрессовой нагрузкой, опасностью, ответственностью за жизнь подчиненных и спасаемых. Кроме этого, работа горноспасателя проходит в тяжелых санитарно-гигиенических условиях: пыль, недостаточная видимость, загазованность, сильный шум, неблагоприятные микроклиматические условия. Значительные физические усилия требуются при транспортировке пострадавших и ликвидации последствий аварий. Горноспасатель может находиться в шахте до 4 ч, а время его пребывания в шахте определяется емкостью индивидуального средства защиты – кислородным аппаратом, переносимым за спиной, весом около 12 кг плюс дополнительная нагрузка в виде табельного снаряжения и средств спасения: аппарат искусственной вентиляции легких, дополнительный кислородный аппарат и др. Это спецоборудование увеличивает нагрузку спасателя до 20–24 кг.

Основное влияние человеческого фактора на производственный травматизм в угольной и горнорудной

промышленности подтверждается в ходе расследования причин произошедших несчастных случаев, где практически в каждом случае отмечается, что несоблюдение правил техники безопасности; низкий уровень производственного контроля; недостаточная квалификация персонала, отсутствие у горнорабочих необходимых психофизиологических качеств, способствующих оперативному реагированию на проявление опасностей и их предотвращению [1. С. 237].

Научные методики для проведения профессионального отбора в горном деле появились относительно недавно, во второй половине XX в. В «Методических указаниях по организации и проведению профессионального отбора и периодических медицинских осмотров оперативных работников военизированных горноспасательных частей» [2] профессиональный отбор горноспасателей состоял из нескольких этапов, включающих, в том числе, исследование физического развития, функционального состояния сердечно-сосудистой системы и определение физической работоспособности. Подробнее рассмотрим каждый из этих трех этапов.

Исследование физического развития включало следующие показатели: рост, упитанность и вес тела, размер и форму грудной клетки, развитие мускулатуры и мышечной силы кистей рук и поясницы, строение, форму и развитие опорно-двигательного аппарата, развитие сердечно-сосудистой системы [2. С. 9]. Исследование функционального состояния сердечно-сосудистой системы проводили с помощью нагрузочной пробы Мартине-Кушелевского и шаговой пробы [2. С. 15]. Проба Мартине-Кушелевского позволяет выявить значительные отклонения в функциональном состоянии сердечно-сосудистой системы. Перед выполнением функциональной нагрузки у обследуемого определяли пульс и артериальное давление в положении сидя. Далее обследуемый в течение 30 с на счет раз-два делал 20 глубоких приседаний с выбрасыванием рук вперед. После нагрузки обследуемый садился. И сразу после приседаний у него измерялся пульс и артериальное давление. По истечении двух, четырех, шести минут повторно подсчитывался пульс и измерялось давление. При хорошем функциональном состоянии сердечно-сосудистой системы восстановление частоты пульса и артериального давления наступает через 2 мин после нагрузочной пробы Мартине-Кушелевского, при удовлетворительном – через 4 мин. Всех обследуемых с хорошим функциональным состоянием допускали к исследованию на выносливость к большой нагрузке – шаговой пробе.

Шаговая проба заключается в подъеме на высоту 0,5 м под счет раз-два, три-четыре каждые 2 с или

30 подъемов и опусканий (60 шагов) в минуту на протяжении 5 мин. Техника упражнения: обследуемый поднимается на высоту 0,5 м, чередуя ноги при спусках и подъемах. В течение всего упражнения необходимо следить за дыханием: при подъеме на высоту делать вдох, при спуске – выдох. По окончании упражнения испытуемый садится. Подсчет пульса проводится трехкратно: между 1 и 1,5, 2 и 2,5, 3 и 3,5 мин. Результаты шаговой пробы оцениваются по индексу работоспособности, который равен длительности выполненной работы в секундах, умноженной на 100 и деленной на сумму трехминутных показателей частоты пульса,

подсчитанных после 1,2 и 3 мин отдыха и рассчитывается по формуле

$$\frac{t \cdot 100}{ЧСС1 + ЧСС2 + ЧСС3}$$

где t – длительность выполненной работы в секундах; 100 – расчетный коэффициент; ЧСС₁, ЧСС₂, ЧСС₃ – трехминутные показатели частоты пульса (удары в минуту).

По величине индекса индивидуальная работоспособность делится на пять категорий (табл. 1).

Таблица 1

Категории индивидуальной работоспособности

№ категории	Индекс	Работоспособность
1	55 и менее	Плохая
2	56–64	Ниже средней
3	65–79	Средняя
4	80–89	Хорошая
5	90 и больше	Отличная

Приведем несколько примеров расчета индивидуальной работоспособности в соответствии с «Методическими указаниями по организации и проведению профессионального отбора и периодических медицинских осмотров оперативных работников военизированных горноспасательных частей» [2. С. 19]:

1. Обследуемый поднимался на высоту 0,5 м 5 мин (300 с). Подсчет частоты пульса показал следующие значения: через 1 минуту отдыха – 120 уд. в мин, через 2 мин – 90 уд. в мин, через 3 мин – 80 уд. в мин. Сумма частоты пульса равна $120 + 90 + 80 = 290$. Вносим данные в расчетную формулу шаговой пробы:

$$\frac{300 \cdot 100}{120+90+80} = 103,5.$$

По величине индекса индивидуальной работоспособности определяем: индекс работоспособности больше 90, соответственно, работоспособность отличная.

2. Обследуемый поднимался на высоту 0,5 м 4 мин 10 с (250 с). Подсчет частоты пульса показал следующие значения: через 1 мин отдыха – 150 уд. в мин, через 2 мин – 130 уд. в мин, через 3 мин – 110 уд. в мин. Сумма частоты пульса равна $150 + 130 + 110 = 390$. Вносим данные в расчетную формулу шаговой пробы: $250 \cdot 100 : 390 = 64,1$.

$$\frac{250 \cdot 100}{150+130+110} = 64,1.$$

По величине индекса индивидуальной работоспособности определяем: индекс работоспособности не более 64, соответственно работоспособность ниже средней.

Адаптивная методика расчета индивидуальной или физической работоспособности обучающихся базиру-

ется на требованиях, регламентированных нормативами спасателя [3]. Несмотря на наличие большого количества работ, раскрывающих различные стороны подготовки горных инженеров-спасателей [4–14], в научной литературе крайне мало исследований, посвященных вопросам методики целенаправленного формирования профессионально важных компетенций горных инженеров-спасателей средствами физической культуры. Мы предлагаем проверенный в рамках педагогического эксперимента, адаптированный, упрощенный метод определения физической работоспособности студентов перед прохождением учебных и производственных практик с 1-го по 6-й курс обучения при помощи входного экспресс-теста (тест PWC170), позволяющего обеспечить целенаправленное формирование профессионально важных компетенций будущих горноспасателей.

Несмотря на то что физическую работоспособность впервые в России начали изучать в конце XIX столетия в Петербурге [15], до сих пор нет общепринятого, единого определения данного термина [16–19]. В статье за основу взято определение физической работоспособности И.В. Аулика, предназначенное для спортсменов [20]: физическая работоспособность – это специфическая способность организма к эффективному выполнению конкретной мышечной работы определенной мощности и продолжительности. Общая физическая работоспособность человека зависит от выносливости, обеспечивающей продолжительную напряженную работу, которая требует значительных усилий деятельности систем, отвечающих за доставку и потребление кислорода. Длительная работа мышц ограничена транспортировкой к ним кислорода, а значит, физическая работоспособность напрямую зависит от «кардиореспираторной производительности организма» [19. С. 11].

Цель исследования – обосновать необходимость проведения экспресс-теста для определения физиче-

ской работоспособности студентов – будущих горноспасателей перед учебными и производственными практиками с 1-го по 6-й курс обучения.

Объектом исследования является физическая работоспособность студентов – будущих горных инженеров-спасателей.

Предметом исследования служит экспресс-тест для определения физической работоспособности студентов перед выездом на учебные и производственные практики.

Материалы и методы исследования

В основе исследования лежит предположение о том, что важное значение для определения физической работоспособности имеют аэробная и анаэробная мощность организма. На основании известных фактов о связи физической активности человека с потреблением кислорода, которое пропорционально увеличению мышечной работы, косвенным показателем достижения максимального потребления кислорода является повышение частоты сердечных сокращений (ЧСС). Выявление максимального потребления кислорода широко используется для определения профессиональной пригодности, например, спортсменов, спасателей и лежит в основе предлагаемого экспресс-теста для определения физической работоспособности обучающихся.

Для оценки физической работоспособности обучающихся была использована следующая закономерность: при возрастании физической нагрузки в определенном диапазоне мышечного усилия с частотой сердечных сокращений от 120 до 170 уд./мин, между мощностью (физической нагрузкой) и ЧСС существует линейная зависимость – зависимость мощности нагрузки от ЧСС. Физическую работоспособность можно определить с помощью измерения ЧСС при выполнении двух нагрузок различной мощности. Физические нагрузки, применяемые для исследования физической работоспособности, должны отвечать следующим требованиям [3]: нагрузка должна быть простой и доступной, кратковременной, не требующей особых навыков; такой, чтобы ее можно было измерить и повторить; при необходимости иметь возможность изменить интенсивность; задействовать максимальное количество мышц; позволяющей регистрировать физиологические показатели в процессе выполнения.

Экспериментальная работа по включению в образовательный процесс экспресс-теста для определения физической работоспособности обучающихся перед выездом на учебные и производственные практики проводилась на базе Санкт-Петербургского университета ГП МЧС России в период с 2013 по 2023 г. Контроль за уровнем физической работоспособности обучающихся осуществлялся с помощью требований, регламентированных в нормативных документах ВГСЧ [9], нормативов учебной программы вуза и нормативов по оценке уровня физической подготовленности лиц, поступающих на службу в воензированные горноспасательные части.

Методика исследования

Входной экспресс-тест на определение общей физической работоспособности обучающихся предусматривает дифференцированный подход к студентам при прохождении учебных и производственных практик. Зная входной уровень физиологических возможностей обучающихся, руководители практик смогут индивидуализировать практическую подготовку: сформировать комплекс специальных упражнений, определить интенсивность и продолжительность занятий, осуществить прогноз результативности практического обучения.

Для проведения педагогического эксперимента из всех типов физических нагрузок, используемых для определения физической работоспособности, был выбран упрощенный тест на равномерно изменяющуюся нагрузку по замкнутому циклу, рекомендованный Всемирной организацией здравоохранения, – тест PWC170, который позволяет прогнозировать мощность нагрузки на фоне ЧСС 170 уд./мин. Физическая работоспособность в тесте PWC170 выражается величиной мощности нагрузки, которую испытуемый может совершить при частоте сердечных сокращений, равной 170 уд./мин. Выделение именно этой частоты основано на том, что зона оптимального функционирования сердечно-сосудистой системы находится в диапазоне 170–190 уд./мин. Таким образом, с помощью этого теста можно определить ту мощность нагрузки, при которой сохраняется оптимальное функционирование сердечно-сосудистой системы. Такая нагрузка является оптимальной для организма, безопасной, объективной с точки зрения замеров и анализа физиологических показателей. На основании данных о мощности и по результатам зарегистрированных ЧСС рассчитывается величина PWC170 (кг·м/мин).

Вторая физиологическая закономерность, лежащая в основе теста, заключается в том, что взаимосвязь между частотой сердечных сокращений и мощностью выполняемой физической нагрузки имеет линейный характер до ЧСС, равной 170 уд./мин. Этот способ определения физической работоспособности имеет ряд явных преимуществ: доступен даже вне специализированных помещений (медицинских, спортивных), не требует технического обслуживания, калибровки оборудования. Ходьба по ступенькам легко выполняется, малозатратна с точки зрения применения спортивных снарядов, привычна и естественна для человека.

Во время эксперимента обучающиеся дважды подвергались воздействию нагрузки разной мощности. В первом случае то на правой, то на левой ноге они поднимались на ступеньку высотой 0,45 м и опускались с частотой 22,5 шагов цикла в минуту. Во втором случае испытуемые то на правой, то на левой ноге поднимались на ступеньку высотой 0,45 м и опускались с частотой 30 шагов циклов в минуту. После первого и второго воздействий нагрузки у обучающихся производился замер ЧСС, таким образом можно определить ЧСС₁ (первое воздействие) и ЧСС₂ (второе воздействие). Время выполнения

упражнения составило 3 и 5 мин соответственно. По итогам проведенных измерений рассчитывалась мощность работы, которая выполнялась испытуемыми: W_1 – мощность первой нагрузки и W_2 – мощность второй нагрузки, по формуле

$$W = 1,3 \cdot p \cdot h \cdot n,$$

где 1,3 – расчетный коэффициент уступающей работы, p – масса тела обучающегося, кг, h – высота ступеньки, м, n – количественный показатель, частота шаговых циклов в минуту.

Полученная мощность считается абсолютной. Первоначальными единицами измерения являются кг × м/мин (килограммометр в минуту). Далее, зная частоту сердечных сокращений и мощность во время первой и второй нагрузки, рассчитывается величина абсолютной общей физической работоспособности PWC170 по формуле

$$PWC170 \text{ (абсол.)} = W_1 + (W_1 - W_2) \cdot (170 - ЧСС_1) / (ЧСС_2 - ЧСС_1).$$

Для определения относительной общей физической работоспособности необходимо разделить величину абсолютной общей физической работоспособности на массу тела обучающегося:

$$PWC170 \text{ (относит.)} = \frac{PWC170 \text{ (абсол.)}}{p}.$$

В табл. 2 приведен расчет мощности и относительной общей физической работоспособности обучающихся для весовой категории от 60 до 100 кг.

Приведем пример расчета относительной общей физической работоспособности:

1. Вносим данные в формулу

$$PWC170 \text{ (абсол.)} = 790 + (1053 - 790) \cdot (170 - 110) / (151 - 110) = 1\ 175.$$

2. Вносим данные в формулу

$$PWC170 \text{ (относит.)} = \frac{1\ 175}{60} = 19,6.$$

По критериям оценки относительной общей физической работоспособности [10] определяем: общая физическая работоспособность составила 19,6, соответственно, уровень – высокий, оценка – хорошо (табл. 3).

Здесь необходимо пояснить некоторую особенность группы обучающихся: авторы исследовали физическую работоспособность студентов системы МЧС России, где будущие инженеры-горноспасатели, как и многие студенты силовых и военных вузов, проходили предварительный отбор по физическим характеристикам еще при поступлении в учебное заведение. При отсутствии такого отбора показатели могут значительно измениться, и тест становится еще актуальнее для выявления студентов с недостаточной и низкой физической подготовкой.

Таблица 2

Расчет мощности и относительной общей физической работоспособности обучающихся

p , кг	h , м	W_1	W_2	ЧСС ₁ , уд./мин	ЧСС ₂ , уд./мин	Относительная общая физическая работоспособность
		$n = 22,5$	$n = 30$			
60	0,45	790	1 053	110	151	19,6
65	0,45	856	1 141	112	167	17,8
70	0,45	921	1 229	110	165	17,96
75	0,45	987	1 316	110	156	18,89
80	0,45	1 053	1 404	114	163	18,18
85	0,45	1 119	1 492	114	160	18,51
90	0,45	1 185	1 580	117	166	17,92
95	0,45	1 250	1 667	116	169	17,63
100	0,45	1 316	1 755	116	170	17,55

Примечание. p – вес; h – высота ступеньки; W – мощность; n – частота шаговых циклов в минуту.

Таблица 3

Критерии оценки относительной общей физической работоспособности

№ п/п	Уровень	Общая физическая работоспособность, (кг·м/мин)·кг	Оценка
1	Наивысший	20 и более	Отлично
2	Высокий	19,5–19,9	Хорошо
3	Средний	17,5–19,4	Удовлетворительно
4	Недостаточный	17,0–17,4	Неудовлетворительно
5	Низкий	16,9 и менее	Плохо

Результаты исследования

Обоснование выбора подхода. Определение физической работоспособности обучающихся путем расчета величин PWC₁₇₀ по данной методике дает убедительные результаты при выполнении следующих условий: тест должен проводиться без предварительной разминки; длительность каждой из нагрузок должна быть равной 4–5 мин, чтобы сердечная деятельность достигла устойчивого состояния; в конце первой нагрузки ЧСС должна достигать 110–130 уд./мин, а в конце 2-й – 150–165 уд./мин (разница не меньше 40 уд./мин). Ошибка при расчетах PWC₁₇₀ будет сведена к минимуму при приближении мощности во время 2-й нагрузки к величине PWC₁₇₀.

Таким образом, простой входной экспресс-тест на определение относительной общей физической работоспособности помогает руководителям практик и от предприятия, и от вуза сформировать индивидуальную траекторию подготовки обучающихся [21].

Структурирование упражнений. Необходимо отметить, что общая физическая работоспособность –

понятие комплексное и его можно охарактеризовать рядом факторов, к которым относятся: телосложение, антропометрические показатели, сила и выносливость мышц, ловкость, гибкость. Вследствие того, что работа горного инженера-спасателя связана с большим физическим напряжением всех групп мышц, и для переносимости таких нагрузок требуется комплексная подготовка всего организма: упражнения должны быть направлены на развитие физической выносливости, силы, быстроты, ловкости, скорости реакции, способности к перенесению длительных статических усилий. Из многочисленного комплекса физических упражнений были выбраны несколько характерных для тренировок при подготовке горных инженеров-спасателей: простые упражнения на быстроту движений, гибкость (подвижность) суставов, вестибулярную устойчивость, гибкость позвоночного столба, мышечную силу кистей рук и глазомер:

1. Быстрота движений определяется по времени, которое затрачивает студент для выполнения десяти максимально быстрых движений руками через створы вверх с хлопком над головой (табл. 4).

Таблица 4

Критерии оценки быстроты движений

Уровень	Быстрота движений, с	Оценка
Наивысший	6,6 и менее	Отлично
Высокий	6,7–6,9	Хорошо
Средний	7,0–7,5	Удовлетворительно
Недостаточный	7,6–8,0	Неудовлетворительно
Низкий	8,1 и более	Плохо

2. Гибкость (подвижность) суставов определяется при помощи палки длиной 1,7 м с делениями по 1 см и ползунка. Обучающийся левой кистью держит палку за один конец, правой держит ползунок на палке; руки – на ширине плеч перед грудью. По команде студент выполняет выкрут назад прямыми руками. Разница между шириной хвата после выполнения задания и шириной плеч является показателем подвижности плечевого сустава (табл. 5).

3. Вестибулярная устойчивость: студент закрывает глаза, устойчиво встает на одну ногу, вторую сгибает так, чтобы угол между бедрами составил 90°, пятку согнутой ноги прижимает к внутренней стороне бедра опорной ноги (поза Ромберга). Руки вытягивает вперед на уровень плеч, расстояние между кистями рук – чуть больше ширины плеч (табл. 6).

4. Гибкость позвоночного столба определяется с помощью скамейки и измерительной планки: из основной стойки на скамейке обучающийся выполняет наклон туловища вперед, ноги в коленных суставах не сгибает; пальцами рук опускает фиксатор-ползунок на измерительной планке: если он опускается ниже опоры ног, ставим знак «+», если выше – знак «-» (табл. 7).

5. Мышечная сила кистей рук проводится кистевым динамометром: каждой кистью производится трехкратное сжатие, фиксируется наибольшая величина. В табл. 8 представлены показатели мышечной силы кистей рук.

6. Глазомер: обучающийся находит середину палки длиной 1,5 м с расстояния 3 м, установленной на высоте 1,7 м от уровня пола. Отклонение от середины палки является показателем глазомера (табл. 9).

Результаты педагогического эксперимента, проведенного среди 87 обучающихся, свидетельствуют об эффективности мероприятий по включению в программу практической подготовки экспресс-теста и описанных упражнений. В качестве примера эффективности проведенного педагогического эксперимента в табл. 10–15 представлены результаты тестирования студентов 2-го и 3-го курсов, профиль «Технологическая безопасность и горноспасательное дело. Как видно из табл. 10–15, студенты контрольной группы (20 чел.) в 2017 и в 2018 гг. получили положительные оценки при сдаче нормативов комплекса физических упражнений, характерных для тренировок при подготовке горных инженеров-спасателей – упражнений на быстроту движений, гибкость (подвижность) суставов, вестибулярную устойчивость, гибкость позвоночного столба, мышечную силу кистей рук и глазомер.

Степень оценки по четырем тестам определяется по пяти уровням: наивысший, высокий, средний, недостаточный, низкий. Степень оценки мышечной силы кистей рук оценивается по средней величине и допустимому минимуму. Результаты тестирования, представленные в табл. 10–15, свидетельствуют о том, что большая часть участников эксперимента за два года обучения (3-й и 4-й курсы) повысили физическую подготовленность.

Таблица 5

Критерии оценки гибкости (подвижности) суставов

Уровень	Гибкость (подвижность) суставов, см	Оценка
Наивысший	59 и менее	Отлично
Высокий	60–64	Хорошо
Средний	65–75	Удовлетворительно
Недостаточный	76–80	Неудовлетворительно
Низкий	81 и более	Плохо

Таблица 6

Критерии оценки вестибулярной устойчивости

Уровень	Время стояния в позе Ромберга, с	Оценка
Наивысший	7 и более	Отлично
Высокий	6	Хорошо
Средний	4–5	Удовлетворительно
Недостаточный	3	Неудовлетворительно
Низкий	2 и менее	Плохо

Таблица 7

Критерии оценки гибкости позвоночного столба

Уровень	Гибкость позвоночного столба, см	Оценка
Наивысший	+ 6 и более	Отлично
Высокий	+ 1 ...+5	Хорошо
Средний	0...–10	Удовлетворительно
Недостаточный	–11 ...–15	Неудовлетворительно
Низкий	–16 и менее	Плохо

Таблица 8

Показатели мышечной силы кистей рук

Мышечная сила кисти, кг	Средняя величина	Допустимый минимум
Правой	54	45
Левой	51	40

Таблица 9

Критерии оценки глазомера

Уровень	Глазомер, см	Оценка
Наивысший	0,4 и менее	Отлично
Высокий	0,5–0,7	Хорошо
Средний	0,8–1,2	Удовлетворительно
Недостаточный	1,3–1,9	Неудовлетворительно
Низкий	2 и более	Плохо

Результаты тестирования студентов 2-го и 3-го курсов, профиль «Технологическая безопасность и горноспасательное дело»

Таблица 10

Оценка быстроты движений

Уровень	Быстрота движений, с	Оценка	Количество обучающихся, чел.	
			3-й курс	4-й курс
Наивысший	6,6 и менее	Отлично	10	14
Высокий	6,7–6,9	Хорошо	5	6
Средний	7,0–7,5	Удовлетворительно	5	–
Недостаточный	7,6–8,0	Неудовлетворительно	–	–
Низкий	8,1 и более	Плохо	–	–
Итого			20 человек	

Таблица 11

Оценка гибкости (подвижности) суставов

Уровень	Гибкость (подвижность) суставов, см	Оценка	Количество обучающихся, чел.	
			3-й курс	4-й курс
Наивысший	59 и менее	Отлично	7	14
Высокий	60–64	Хорошо	9	6
Средний	65–75	Удовлетворительно	4	–
Недостаточный	76–80	Неудовлетворительно	–	–
Низкий	81 и более	Плохо	–	–
Итого			20	

Таблица 12

Оценка вестибулярной устойчивости

Уровень	Время стояния в позе Ромберга, с	Оценка	Количество обучающихся, чел.	
			3-й курс	4-й курс
Наивысший	7 и более	Отлично	11	17
Высокий	6	Хорошо	7	3
Средний	4–5	Удовлетворительно	2	–
Недостаточный	3	Неудовлетворительно	–	–
Низкий	2 и менее	Плохо	–	–
Итого			20	

Таблица 13

Оценка гибкости позвоночного столба

Уровень	Гибкость позвоночного столба, см	Оценка	Количество обучающихся, чел.	
			3-й курс	4-й курс
Наивысший	+ 6 и более	Отлично	5	7
Высокий	+ 1 ...+5	Хорошо	7	9
Средний	0...–10	Удовлетворительно	8	4
Недостаточный	–11 ...–15	Неудовлетворительно	–	–
Низкий	–16 и менее	Плохо	–	–
Итого			20	

Таблица 14

Оценка мышечной силы кистей рук

Мышечная сила кисти, кг	Средняя величина	Допустимый минимум	Количество обучающихся, чел.
Правой	54	45	20
Левой	51	40	20

Таблица 15

Оценка глазомера

Уровень	Глазомер, см	Оценка	Количество обучающихся, чел.	
			3-й курс	4-й курс
Наивысший	0,4 и менее	Отлично	11	12
Высокий	0,5–0,7	Хорошо	7	7
Средний	0,8–1,2	Удовлетворительно	2	1
Недостаточный	1,3–1,9	Неудовлетворительно	–	–
Низкий	2 и более	Плохо	–	–
Итого			20	

Выводы

Деятельность горного инженера, в особенности горного инженера-спасателя, сопряжена с большими физическими нагрузками. В процессе подготовки специалистов горного направления во время практического обучения студенты на производстве сталкиваются со значительными физическими нагрузками. С точки зрения профилактики травматизма и сохранения здоровья студен-

тов, а также безопасного прохождения практики необходим дифференцированный подход в зависимости от особенностей организма как во время тренировочного процесса на занятиях по прикладной специализированной физической подготовке, так и при выполнении практических заданий подземных и наземных горных предприятий. В связи с этим необходим предварительный отбор студентов по индивидуальным физическим показателям,

включающий определение физического развития и психологической подготовленности горного инженера-спасателя для выполнения профессиональных задач, связанных с экстремальными психофизическими нагрузками.

Некоторые показатели уровня физиологических возможностей обучающихся можно определить с помощью предлагаемого входного экспресс-теста физической работоспособности. Входной экспресс-тест физической работоспособности является вспомогательным средством для оценки физической подготовленности обучающихся перед проведением тренировок во время учебных и производственных практик на предприятиях минерально-сырьевого комплекса, в учебных комбинатах военизированных горноспасательных частей и военизированных горноспасательных отрядов. Практическое применение экспресс-теста заключается в том, что руководители смогут индивидуализировать практическую подготовку обучающихся: сформировать комплекс специальных упражнений, определить интенсивность и продолжительность занятий, осуществить прогноз результативности практического обучения.

По результатам педагогического эксперимента, проведенного в период с 2013 по 2023 г., сделаны следующие выводы:

– комплексный экспресс-тест перед прохождением практической подготовки дает возможность руководителям практик определять физическую работоспособность обучающихся, что позволяет персонализировать процесс формирования профессиональных компетенций будущих горных инженеров-спасателей;

– входной экспресс-тест на определение физической работоспособности обучающихся позволяет контролировать физическое состояние практикантов не только перед началом тренировок, но и на промежуточных их этапах;

– учитывая относительную простоту выполнения теста и близость физической подготовки многих военных и силовых ведомств, входной экспресс-тест физической работоспособности может применяться и для оценки состояния курсантов перед интенсивными тренировками. Необходима интеграция теста на определение общей физической работоспособности обучающихся в имеющиеся программы практик, где требуется особая физическая подготовка;

– входной экспресс-тест может быть применен для контроля физических показателей поступающих на службу и работу сотрудников различных производств, ведомств и пр., выполнение служебных обязанностей которых связано со значительными физическими нагрузками.

Список источников

1. Туманов М.В., Гендлер С.Г., Кабанов Е.И., Родионов В.А., Прохорова Е.А. Индекс персонального риска, как перспективный инструмент управления человеческим фактором в охране труда // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2022. № 6-1. С. 230–247. doi: 10.25018/0236_1493_2022_61_0_230
2. Методические указания по организации и проведению профессионального отбора и периодических медицинских осмотров оперативных работников военизированных горноспасательных частей. 1974. 81 с.
3. Учебник спасателя / С.К. Шойгу, М.И. Фалеев, Г.Н. Кириллов и др. ; под общ. ред. Ю.Л. Воробьева. 2-е изд., перераб. и доп. Краснодар : Советская Кубань, 2002. 528 с.
4. Соболев Г.Г. Горноспасатели : учеб. пособие. М. : Недра, 1991. 135 с.
5. Романенко В.А., Максимович В.А., Заболотный В.Н. Оценка и оптимизация физического состояния горноспасателей : метод. рекомендации. Донецк, 1991. 22 с.
6. Богачев В.Н. Физические упражнения как средство контроля состояния готовности горноспасателя к выполнению профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб. : СПбГГУ им. Г.В. Плеханова, 2001. 22 с.
7. Гладков Ю.А., Крохалев Б.Г. Горноспасательное дело в шахтах и рудниках. М. : ПолиМЕдиа, 2002. 236 с.
8. Мингалеев С.Г., Курсаков А.В. Профессиональная подготовка спасателей для проведения аварийно-спасательных работ // Технологии гражданской безопасности. 2007. Т. 4. С. 18–20.
9. Приказ МЧС России № 912 от 09.12.2020 «О Порядке организации и проведения систематической профессиональной подготовки респираторщиков и командиров ФГУП «ВГСЧ» к выполнению горноспасательных работ». URL: <https://vgsch.organizations.mchs.gov.ru/dokumenty/5107>
10. Руденко Г.В., Чистяков В.А. Модельные характеристики психофизической подготовленности выпускника-горноспасателя // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2012. № 4 (86). С. 110–113.
11. Руденко Г.В., Дубровская Ю.А., Бобров И.В. Методика определения психофизиологического потенциала организма // Известия Тульского университета. 2018. № 4. С. 8–11.
12. Руденко Г.В., Панченко И.А., Дубровская Ю.А. Физическая культура как фактор сохранения и укрепления здоровья работников горной отрасли // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2018. № 2. С. 172–177.
13. Горноспасательные работы : учебник / М.Т. Цивилев, А.А. Никаноров, Б.М. Суслин. М. : Воениздат, 1995. 256 с.
14. Фаткин В.М. Обоснование показателей профессионально прикладной физической подготовки студентов-горняков и методика оценки их состояния в процессе трудовой деятельности // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2008. № 56. С. 241–254.
15. Солодков А.С. Петербургские этюды физиологии спорта // Теория и практика физической культуры. 2004. № 4. С. 57–61.
16. Бакулев С.Е. Прогнозирование индивидуальной успешности спортсменов-единоборцев с учетом генетических факторов тренируемости : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2012. 49 с.
17. Сеченов И.М. Избранные труды. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1903. 395 с.
18. Таймазов В.А. Индивидуальная подготовка боксеров в спорте высших достижений : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1997. 52 с.
19. Гридин Л.А., Богомолов А.В., Кукушкин Ю.А. Методологические основы исследования физической работоспособности человека // Актуальные проблемы физической подготовки силовых структур. 2011. № 1. С. 10–19.
20. Аулик И.В. Определение физической работоспособности в клинике спорта. М. : Медицина, 1990. 192 с.
21. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023614357. Российская Федерация. Определение общей физической работоспособности горных инженеров-спасателей: № 2023611201; заявл. 25.01.2023; опублик. 28.02.2023 / Ю.А. Дубровская, Ю.В. Ильюшин, Л.В. Пихконен. EDN: KXZBBE.

References

1. Tumanov, M.V. et al. (2022) Indeks personal'nogo riska, kak perspektivnyy instrument upravleniya chelovecheskim faktorom v okhrane truda [Personal risk index as a promising tool for managing the human factor in labor protection]. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten'*. 6-1. pp. 230–247. doi: 10.25018/0236_1493_2022_61_0_230
2. Anon. (1974) *Metodicheskie ukazaniya po organizatsii i provedeniyu professional'nogo otbora i periodicheskikh meditsinskikh osmotrov operativnykh rabotnikov voenizirovannykh gornospasatel'nykh chastei* [Guidelines for organizing and conducting professional selection and periodic medical examinations of operational workers of paramilitary mine rescue units]. S.I.: [s.n.].
3. Shoygu, S.K. et al. (2002) *Uchebnik spasatelya* [Rescuer's textbook]. 2nd ed. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'.
4. Sobolev, G.G. (1991) *Gornospasateli: ucheb. posobie* [Mine rescuers: textbook]. Moscow: Nedra.
5. Romanenko, V.A., Maksimovich, V.A. & Zabolotnyy, V.N. (1991) *Otsenka i optimizatsiya fizicheskogo sostoyaniya gornospasateley: metod. rekomendatsii* [Assessment and optimization of the physical condition of mine rescuers: methodological recommendations]. Donetsk: [s.n.].
6. Bogachev, V.N. (2001) *Fizicheskie uprazhneniya kak sredstvo kontrolya sostoyaniya gotovnosti gornospasatelya k vypolneniyu professional'noy deyatelnosti* [Physical exercises as a means of monitoring the state of readiness of a mine rescuer to perform professional activities]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Saint Petersburg.
7. Gladkov, Yu.A. & Krokhalev, B.G. (2002) *Gornospasatel'noe delo v shakhtakh i rudnikakh* [Mine rescue work in mines]. Moscow: PoliMedia.
8. Mingaleev, S.G. & Kursakov, A.V. (2007) Professional'naya podgotovka spasatelye dlya provedeniya avariynno-spasatel'nykh rabot [Professional training of rescuers for carrying out emergency rescue operations]. *Tekhnologii grazhdanskoj bezopasnosti*. 4. pp. 18–20.
9. VGSC. (2020) *Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia No. 912 dated December 9, 2020: On the procedure for organizing and conducting systematic professional training of respirator workers and commanders of the Federal State Unitary Enterprise "VGSC" for performing mine rescue operations*. [Online] Available from: <https://vgsch.organizations.mchs.gov.ru/dokumenty/5107> (In Russian).
10. Rudenko, G.V. & Chistyakov, V.A. (2012) Model'nye kharakteristiki psikhofizicheskoy podgotovlennosti vypusknika-gornospasatelya [Model characteristics of psychophysical preparedness of a mine rescue graduate]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 4 (86). pp. 110–113.
11. Rudenko, G.V., Dubrovskaya, Yu.A. & Bobrov, I.V. (2018) Metodika opredeleniya psikhofiziologicheskogo potentsiala organizma [Methodology for determining the psychophysiological potential of the body]. *Izvestiya Tul'skogo universiteta*. 4. pp. 8–11.
12. Rudenko, G.V., Panchenko, I.A. & Dubrovskaya, Yu.A. (2018) Fizicheskaya kul'tura kak faktor sokhraneniya i ukrepleniya zdorov'ya rabotnikov gornoy otrasli [Physical culture as a factor in preserving and strengthening the health of workers in the mining industry]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle*. 2. pp. 172–177.
13. Tsivilev, M.T., Nikanorov, A.A. & Suslin, B.M. (1995) *Gornospasatel'nye raboty: uchebnik* [Mine rescue operations: textbook]. Moscow: Voenizdat.
14. Fat'kin, V.M. (2008) Obosnovanie pokazatelye professional'no prikladnoy fizicheskoy podgotovki studentov-gornyakov i metodika otsenki ikh sostoyaniya v protsesse trudovoy deyatelnosti [Justification of indicators of professionally applied physical training of mining students and methods for assessing their condition during work]. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten'*. 56. pp. 241–254.
15. Solodkov, A.S. (2004) Peterburgskie etyudy fiziologii sporta [Petersburg studies of sports physiology]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 4. pp. 57–61.
16. Bakulev, S.E. (2012) *Prognozirovanie individual'noy uspekhnosti sportsmenov-edinobortsev s uchetom geneticheskikh faktorov treniruемости* [Forecasting individual success of martial arts athletes taking into account genetic factors of trainability]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Saint Petersburg.
17. Sechenov, I.M. (1903) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Moscow State University.
18. Taymazov, V.A. (1997) *Individual'naya podgotovka bokserov v sporte vysshikh dostizheniy* [Individual training of boxers in elite sports]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Saint Petersburg.
19. Gridin, L.A., Bogomolov, A.V. & Kukushkin, Yu.A. (2011) Metodologicheskie osnovy issledovaniya fizicheskoy rabotosposobnosti cheloveka [Methodological foundations for studying human physical performance]. *Aktual'nye problemy fizicheskoy podgotovki silovykh struktur*. 1. pp. 10–19.
20. Aulik, I.V. (1990) *Opredelenie fizicheskoy rabotosposobnosti v klinike sporta* [Determination of physical performance in a sports clinic]. Moscow: Meditsina.
21. Dubrovskaya, Yu.A., Il'yushin, Yu.V. & Pikhkonen L.V. (2023) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2023614357. Rossiyskaya Federatsiya. Opredelenie obshchey fizicheskoy rabotosposobnosti gornyykh inzhenerov-spasatelye: № 2023611201: zayavl. 25.01.2023: opubl. 28.02.2023* [Certificate of state registration of a computer program No. 2023614357. Russian Federation. Determination of the general physical performance of mining rescue engineers: No. 2023611201: application. 25 January 2023; published on 28 February 2023]. EDN: KXZBBE.

Информация об авторах:

Дубровская Ю.А. – канд. пед. наук, начальник отдела лицензирования, аккредитации и контроля качества образования Санкт-Петербургского горного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

Руденко Г.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой физического воспитания Санкт-Петербургского горного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

Пихконен Л.В. – канд. техн. наук, горный инженер ООО «ПетроРемСтрой» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.A. Dubrovskaya, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Licensing, Accreditation and Quality Control of Education, Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

G.V. Rudenko, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Physical Education Department, Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

L.V. Pikhkonen, Cand. Sci. (Engineering), mining engineer, PetroRemStroy LLC (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.12.2022;
одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 26.12.2022;
approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 29.09.2023..*

Научная статья
УДК 376.356
doi: 10.17223/15617793/494/14

Особенности использования печатных и электронных источников информации при обучении иностранному языку глухих и слабослышащих студентов технического вуза

Юлия Витальевна Красавина^{1,2}, Екатерина Петровна Пономаренко^{1,3}, Ольга Викторовна Жуйкова^{1,4}

¹Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Ижевск, Россия

²juliadamask@yandex.ru

³catpep@mail.ru

⁴zhuykovaolga2012@mail.ru

Аннотация. Приведены результаты анализа работ студентов технического вуза с инвалидностью по слуху, выполненных с использованием печатных источников и электронной среды. Определены типичные ошибки и трудности для данной категории студентов, обоснованы методические аспекты иноязычного обучения студентов со значительной потерей слуха, учитывающие особенности их восприятия при работе с информацией, представленной в разных формах.

Ключевые слова: студенты с нарушением слуха, иностранный язык, электронные и печатные источники информации

Источник финансирования: публикация статьи осуществлена в рамках гранта РФФИ № 19-013-00701 «Исследование особенностей восприятия и обработки информации студентами с нарушением слуха в зависимости от вида ее носителя».

Для цитирования: Красавина Ю.В., Пономаренко Е.П., Жуйкова О.В. Особенности использования печатных и электронных источников информации при обучении иностранному языку глухих и слабослышащих студентов технического вуза // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 135–143. doi: 10.17223/15617793/494/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/14

The use of printed and digital resources in teaching ESL to deaf and hard-of-hearing students at a technical university

Yulia V. Krasavina^{1,2}, Ekaterina P. Ponomarenko^{1,3}, Olga V. Zhuykova^{1,4}

¹Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation

²juliadamask@yandex.ru

³catpep@mail.ru

⁴zhuykovaolga2012@mail.ru

Abstract. The study aims to analyze major difficulties that deaf and hard-of-hearing (D/HH) students face when performing tasks in English on different (digital and printed) media, and provide methodological statements for the development of some language aspects (vocabulary, grammar) and language skills (reading, writing) when using different media. To study major problems and specific difficulties in using different media for learning English, the same number of similar students' completed tasks (level A1-A2), performed on paper and in an electronic environment, was analyzed in order to identify the number and types of errors the students made. In total, 90 tasks performed by D/HH students of the first and second year of Kalashnikov Izhevsk State Technical University (2019–2021) were analyzed. The number of D/HH participants was 21, including 13 girls, 8 boys; 14 deaf, 7 hard of hearing; only 3 of the hard-of-hearing students are able to perceive oral speech without a sign language interpreter; all the students are native speakers of sign language. The data obtained from the experiment were compared in terms of two forms of tasks presentation: printed and digital. The second part of the experiment concerned the presentation and consolidation of new vocabulary when working in the classroom. The experiment involved 13 students (5 deaf and 7 hard of hearing) of the first and second year. The participants were asked to memorize the same number of new words presented on different (paper and electronic) media, then, at the end of the class, the students were asked to write down all the new words they remembered. In conclusion, the students were asked to complete a questionnaire about the preferences in presenting and practicing new words when learning English and their attitude to practicing English in an electronic environment. Both when working with printed and electronic sources, the most common errors relate to the

use of the correct grammatical form of the word and the choice of the correct lexical meaning of the word. However, when working in an electronic environment, the number of errors related to spelling and the word order is significantly reduced due to automatic error correction in the electronic environment. Another feature is the increase in the number of errors in understanding the text when reading in an electronic environment. As for memorizing new vocabulary presented on different media, the results of the experiment and the answers to the questionnaire did not reveal any advantages when using the two media. Based on the study results, recommendations and brief methodological provisions were formulated for teaching some language aspects (vocabulary, grammar) and language skills (reading, writing) using various sources of information. Nowadays there is no question of choosing one preferred type of media, it is rather a question of an effective combination of two forms (electronic and printed) of media.

Keywords: deaf and hard-of-hearing students, foreign language, digital and printed sources of information

Financial support: The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant No. 19-013-00701: The analysis of visual information processing triggered by digital and non-digital platforms and its effect on mental models development when teaching hearing impaired students.

For citation: Krasavina, Yu. V., Ponomarenko, E. P. & Zhuykova, O. V. (2023) The use of printed and digital resources in teaching ESL to deaf and hard-of-hearing students at a technical university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 135–143. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/14

Введение

С развитием инклюзивного обучения в системе высшего образования в Российской Федерации возникает проблема достижения равных результатов обучения у студентов с нарушениями и особенностями физического развития и студентов без таких нарушений. Существующие стандарты ФГОС ВО предъявляют одинаковые требования ко всем выпускникам вузов, не учитывая неравенство их физических возможностей. В частности, для глухих и слабослышащих студентов изучение иностранного языка (преимущественно английского) оказывается серьезным вызовом по целому ряду причин. Помимо естественных трудностей в обучении иноязычной устной речи и аудированию (которые во многом определяются степенью глухоты обучаемых), есть и другие факторы, препятствующие получению хорошего результата.

Одним из таких факторов является низкий уровень начальной подготовки учащихся коррекционных школ, о чем свидетельствуют результаты отечественных и зарубежных исследований [1–4]. Соответственно, в университете требуются дополнительные усилия и время для получения требуемых результатов.

Еще одним фактором, который следует принять во внимание, являются определенные особенности интеллектуальных и когнитивных процессов студентов с нарушением слуха. В значительной степени они зависят от степени потери слуха, истории болезни и других факторов, но в целом исследователи выделяют такие характерные особенности, присущие данной группе обучающихся, как инертность мышления, проблемы с запоминанием и навыками письма и чтения, а также отсутствие инициативности в обучении [1, 4–6].

При этом результаты опросов слабослышащих и глухих студентов вузов показывают, что у данной группы студентов имеется значительный интерес к изучению английского языка [2, 7, 8].

Принимая во внимание вышесказанное, при обучении глухих и слабослышащих студентов вуза английскому языку существует потребность в использовании педагогических практик, позволяющих учесть основные проблемы в овладении ими базовыми языковыми системами и навыками.

Таким образом, целью данной публикации является определение данных трудностей и обоснование методических аспектов иноязычного обучения студентов со значительной потерей слуха, учитывающих выявленные трудности и особенности их восприятия при представлении информации в разных формах.

Обзор литературы

Анализ научных публикаций по теме обучения слабослышащих и глухих студентов английскому языку показал, что отечественные базы данных содержат сравнительно малое количество работ по этой теме (всего около десятка работ в базе e-library, при этом общее количество публикаций, найденных по ключевому слову «слабослышащие», не превышает 400). Среди факторов, ограничивающих исследования по группе людей с сильным нарушением слуха (носителей жестого языка), ученые называют такие методологические трудности, как разработка понятных анкетных вопросов, необходимость присутствия посредника в лице сурдопереводчика, малочисленные выборки и др. [2, 10, 11]. Опубликованные научные работы по данной теме посвящены изучению мотивации студентов и обоснованию актуальности изучения английского языка [2, 7], педагогических условий эффективного обучения [1], отдельных аспектов методики обучения иностранному языку [12], использованию информационных технологий при обучении [13, 14].

Недостаток исследований и проектов, направленных на улучшение качества обучения иностранному языку данной группы лиц, отмечают и зарубежные исследователи [11]. Одним из крупных проектов, направленных на улучшение качества обучения глухих и слабослышащих студентов, стал проект по аккумулярованию ресурсов, запущенный международной группой исследователей в Европе в 2010 г. [15].

В итоге была создана платформа для обмена практическим опытом и результатами исследований в данной области. Представленные материалы включают результаты исследований по таким темам, как мотивация и проблемы студентов с нарушением слуха при изучении иностранных языков [8], анализ стратегий обучения [16, 17], понимание текстов при чтении [18],

использование жестового языка и его значимость в качестве первого языка при изучении иностранных языков [19, 20], использование маноральной речи (жестовое артикулирование) [21], обучение профессиональному английскому языку [22], использование информационных технологий при обучении [23, 24] и др.

Специфика обучения студентов с сильным нарушением слуха (СНС), для которых жестовый язык является первым языком, определяется упомянутыми ранее интеллектуальными и когнитивными особенностями, характерными для большинства [4–6]. При этом отмечается, что характер данных особенностей в основном является количественным, а не качественным, т.е. интеллектуальный потенциал людей с СНС будет таким же, как и у людей с нормой здоровья, при условии применения подходов, технически и методологически позволяющих им проявить этот потенциал [4]. Что касается основных трудностей, с которыми студенты с СНС сталкиваются при изучении иностранного языка, отмечаются такие проблемы, как изучение и запоминание новых слов и выражений, произношение и устная коммуникация, а также затруднения в чтении длинных слов, предложений и текстов [8, 9].

Некоторые исследования [4] позволяют дополнить понимание проблемы расширения словарного запаса на иностранном языке и выявить категории слов, которые вызывают у студентов с СНС наибольшие трудности. Это, прежде всего, слова, связанные со слуховым восприятием (характеристики естественных и искусственных звуков, человеческой речи, голоса животных, слова, связанные с созданием и прослушиванием музыкальных произведений и т.д.). Трудности вызывают и коллокации, а также абстрактные слова и слова, связанные с обсуждением социальных проблем и технологических инноваций [4].

Что касается чтения, отмечается, что при чтении длинных текстов задания на понимание основной мысли текста вызывают большее затруднение, чем задание на понимание конкретной информации [25]. При этом исследователи признают, что часто вышеупомянутые проблемы связаны с ограниченным словарным запасом и навыками владения родным языком (вторым после жестового). Если обучающийся плохо владеет родным языком, это неминуемо повлияет на изучение иностранного [4, 26]. Исследователи подчеркивают важность преемственности процесса обучения английскому языку студентов СНС по отношению к пройденному ими обучению родному языку [12, 27].

Важные методические положения при этом заключаются в том, что обучение иностранному языку может строиться на приемах и методах, которые используются при обучении русскому языку, и задачей преподавателя является обеспечение педагогических условий, при которых может осуществиться целенаправленный перенос знаний и навыков, полученных во время обучения [12]. При этом сами студенты часто не осознают, что могут владеть данными навыками, и не думают об их применении на практике в процессе изучения иностранного языка [8].

Что касается использования жестового языка при обучении, в настоящее время в образовательной практике используются разные подходы. Скандинавские страны первыми признали потребность глухих студентов в поддержке обучения сурдопереводом, включая изучение иностранного языка [20, 28]. Программа, принятая в Швеции в 1994 г. предписывала билингвальное обучение для глухих детей в коррекционных школах – на шведском и шведском жестовом языках [28], при этом английский язык (в частности письменная речь) изучался как третий язык через чтение с использованием обоих языков. В школах Норвегии в 1997 г. изучению английского языка предшествовало обязательное изучение британского жестового языка в первом и втором классах для развития металингвистических навыков и освоения стратегий изучения иностранных языков. По-другому обстоит дело в странах, где преобладает устный подход, – в Австрии, Чехии, Венгрии, Польше, Франции, Германии и др. [29–31]. Ряд публикаций свидетельствует об успешных результатах обучения без сурдоперевода [32], в то же время другие публикации обосновывают необходимость сурдоперевода и билингвального подхода [33, 34]. В России использование русского жестового языка в обучении является спорным вопросом [35], однако работы авторитетных исследователей подчеркивают необходимость билингвального обучения с использованием жестовой речи [35, 36]. В настоящее время на практике в коррекционных школах жестовый язык почти не применяется, однако сурдопереводом обеспечено большинство программ высшего образования в университетах, специализирующихся на обучении студентов с СНС [37].

Интерес, на наш взгляд, представляет вопрос предъявления одинаковых требований к различным аспектам владения иностранным языком для студентов с нормой здоровья и студентов с СНС. Некоторые ученые предлагают «прощать» студентам с инвалидностью по слуху некоторые грамматические и лексические ошибки, поскольку «студенты с сильным нарушением слуха совершают множество ошибок и в родном языке, поэтому прогресс в изучении иностранного языка заслуживает высокой оценки, даже несмотря на такие ошибки» [27]. В некоторых странах существует опыт адаптации обязательных аттестационных выпускных школьных экзаменов по английскому языку для студентов с СНС, например, используются адаптированные тексты с упрощенными грамматическими конструкциями и лексикой на чтение, уменьшается количество дистракторов в лексико-грамматических текстах; сокращается объем письменной работы, возможен отказ от устной части экзамена [17].

При описании методики обучения иностранному языку большинство авторов сходятся во мнении, что для студентов с СНС важны разнообразные и даже избыточные формы подачи материала, при этом опора на наглядность играет основополагающую роль [2, 5, 9, 14, 38].

Использование информационных технологий в обучении студентов с нарушением слуха многие исследователи считают эффективным и необходимым [1, 13, 14].

Отмечается, что их применение в учебном процессе обеспечивает гибкость учебного материала и стимулирует самостоятельность обучающихся [13], позволяет индивидуализировать учебный процесс [14], активизирует познавательную деятельность и интерес к приобретению знаний [1]. Однако, несмотря на необходимость использования информационных технологий в обучении английскому языку глухих и слабослышащих студентов, в этой области остается большое количество неизученных вопросов, таких как особенности восприятия студентами информации в электронном формате, оценки эффективности различных форматов, методов и средств обучения в электронной среде, а также целесообразности их использования по сравнению с классическими средствами обучения для различных целей.

Методы

Целью данного исследования является анализ основных проблем студентов с инвалидностью по слуху при выполнении работ по английскому языку на разных носителях информации (в электронной и бумажной форме) и обоснование методических положений для развития некоторых языковых аспектов (лексика, грамматика) и языковых навыков (чтение, письмо) при использовании разных носителей информации (в электронной и бумажной форме). Кроме того, проанализировано отношение и предпочтения студентов при ра-

боте в электронной среде. Данное исследование ограничивается обоснованием методических аспектов обучения глухих и слабослышащих студентов на основе выявленных трудностей при обучении иностранному языку (английскому) и не включает экспериментальной проверки педагогических практик.

Для исследования основных проблем и специфики работы студентов с разными носителями информации было проанализировано одинаковое количество аналогичных работ студентов (уровень А1–А2), выполненное на бумаге и в электронной среде с целью выявления количества и видов ошибок, совершаемых студентами. В данной работе под «электронной средой» подразумеваются системы электронного тестирования (Kahoot, Moodle), работа выполнялась в синхронном и асинхронном режимах, с ограничением по времени. Всего было проанализировано около 90 работ, выполненных глухими и слабослышащими студентами 1-го и 2-го курсов университета (2019–2021 гг.), обучающимися по направлению 15.03.05 «Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств». Количество студентов с инвалидностью по слуху, выполнявших работы, $n = 21$, из них 13 девушек, 8 юношей; 14 глухих, 7 слабослышащих, из них 3 слабослышащих, способных воспринимать устную речь без переводчика жестового языка, для всех жестовый язык – преобладающий язык общения. Количество и виды заданий представлены в табл. 1.

Таблица 1

Выборка заданий для анализа

Вид заданий	Количество заданий		
	Всего	Бумажная форма	Электронная форма
Выбор лексики	110	55	55
Грамматика (А1–А2)	126	63	63
Чтение	48	24	24
Диктант (написание слова)	84	42	42
Письмо	88	44 (включая 11 заданий на перевод)	44 (включая 12 заданий на перевод)
Всего	456	228	228

Каждое задание включало 6–8 вопросов по теме, пройденной ранее, при этом задания на бумаге выполнялись в присутствии преподавателя, около 50% заданий в электронной форме выполнялось в синхронном режиме (тесты и задания в системе Kahoot), остальная часть – в электронной среде Moodle с ограничением по времени при разрешенном числе попыток, равном двум (анализировались результаты первой попытки). В эксперименте анализу подвергались количество и виды ошибок, совершенных студен-

тами, полученные данные сравнивались по двум формам представления заданий: бумажной и электронной. На заключительном этапе было проведено анкетирование по вопросу отношения студентов к работе в электронной среде.

Результаты исследования

Результаты анализа типовых ошибок в работах студентов с нарушением слуха представлены в табл. 2.

Таблица 2

Виды и количество ошибок в работах студентов с нарушением слуха при работе с бумажными носителями и в электронной среде

Вид ошибок	Представление задания			
	Бумажный носитель		Электронная среда	
	количество	%	количество	%
Грамматика (порядок слов)	107	27	16	4,7
Грамматика (форма слова)	105	26,5	153	45,1
Выбор лексического значения слова	121	30,6	109	32,2
Орфография	36	9,1	18	5,3
Чтение (понимание)	27	6,8	43	12,7
Всего	396	100	339	100

Результаты анкетирования студентов по вопросу отношения к работе в электронной среде показали, что большинство из них (79%) считают, что работать в электронной среде легче, чем в классе; 70% отмечают, что легче запоминают новые слова при обучении в классе; 15% предпочли бы электронное обучение очному; 100% отмечают, что иллюстрации помогают при самостоятельном запоминании новых слов в электронной среде.

Выводы и обсуждение

В результате серии экспериментов были сделаны выводы о наличии типичных ошибок при выполнении заданий в электронной среде и на бумажных носителях у студентов с нарушениями слуха. В обоих случаях наиболее часто встречающиеся ошибки относятся к использованию правильной грамматической формы слова и выбору верного лексического значения слова, данный вывод совпадает с результатами других исследований [4]. Однако можно отметить, что при работе в электронной среде значительно уменьшается количество ошибок в написании слов и правильного построения предложений. Скорее всего, данные особенности объясняются возможностями автоматической коррекции ошибок в электронной среде, которыми студенты активно пользуются. Однако, несмотря на возможность коррекции ошибок, выявлена еще одна особенность – увеличение количества ошибок на понимание текста при чтении в электронной среде.

По результатам эксперимента можно сформулировать рекомендации и краткие методические положения по обучению студентов некоторым языковым аспектам (лексика, грамматика) и языковым навыкам (чтение, письмо) с использованием различных источников информации. Необходимо отметить, что в современных реалиях не стоит вопрос выбора одного предпочтительного носителя информации, скорее это вопрос эффективной комбинации двух форм носителей информации (электронной и бумажной).

Обучение лексике

Как показал анализ ошибок студентов с нарушением слуха, независимо от формы носителя информации неправильный выбор слова – одна из самых распространенных проблем для данной категории студентов, которой следует уделять повышенное внимание. Поскольку уровень работ (A1–A2) предполагал использование самой простой лексики (без абстрактных существительных и незнакомых слов на родном языке), данные проблемы были вызваны, прежде всего, трудностями с запоминанием новой лексики. Таким образом, выводы по данному исследованию совпадают с выводами ряда авторов [9, 14, 38]: презентации новой лексики рекомендуется уделять особое внимание, применяя избыточность методов (догадка, визуализация, демонстрация, дефиниция), которые передавали бы значение слова в разных контекстах. При этом рекомендуется фиксировать представленную лексику в письменной форме, организовывать удобную и доступную систему записей, к которым можно было бы обратиться в любой момент. С учетом технического несо-

вершенства имеющихся платформ видеосвязи (небольшие экраны, недостаточное качество видео, проблемы со звуком), занятия по введению новой лексики удобнее проводить в классе, где отчетливо видна артикуляция преподавателя и объяснение сурдопереводчика (при наличии). Чтение слова вслух и работа над фонетикой также полезны для запоминания, кроме того, получение обратной связи от преподавателя по точности и четкости звуков в целом стимулирует глухих и слабослышащих студентов развивать навык голосового общения, который необходим для коммуникации без сурдопереводчика. Практику и отработку новой лексики в процессе самостоятельной работы удобно организовывать в электронной среде посредством классических упражнений, которые могут быть в ней реализованы (множественный выбор, заполнение пропусков, сопоставление и др.). Эффективное продуктивное использование новой лексики в письменной форме также может быть организовано с использованием различных методов: работа в тетради или синхронное онлайн-общение в чате, в данном случае при синхронном общении уменьшается вероятность использования онлайн-переводчика.

Обучение грамматике

При сравнении грамматических ошибок в работах, выполненных на бумаге и в электронной форме, можно отметить одинаково большое количество ошибок, связанных с использованием неверной формы слова (чаще всего это единственное или множественное число, форма глагола (настоящее или прошедшее время)). Данные ошибки особенно типичны для носителей жестового языка, где категории числа и времени выражаются иными способами. Что касается грамматических ошибок, связанных с порядком слов в предложении, можно отметить, что в работах, выполненных в электронной среде, такое количество ошибок значительно меньше. Возможным объяснением может служить использование автоматических сервисов перевода при асинхронном режиме работы.

Таким образом, при обучении грамматике на стадии презентации рекомендуется уделять повышенное внимание, используя несколько разных методов (догадка по материалу в тексте, объяснение, визуализация (картинки «до» и «после»), описание ситуации (истории) и др.). Как показывает практика, в связи с особенностями общения и получения обратной связи от глухих и слабослышащих студентов сегодня это эффективнее реализовать в условиях аудитории, а отработку и практику в рамках самостоятельной работы целесообразно реализовать в электронной системе (множественный выбор, заполнение пропусков, сопоставление и др.). Свободная практика (продуктивное использование) новых грамматических конструкций возможна в аудитории (устно или письменно) либо в синхронном режиме в электронной среде (чаты или мессенджеры).

Обучение чтению. Навык чтения и понимания текстов является одним из основных языковых навыков. В исследованиях [39, 40] отмечается, что проблемы с чтением наблюдаются у данной группы студентов и на родном языке, что, несомненно, отражается и в обучении

иностранным языку. Выявлено, что наибольшие трудности студенты испытывают при работе с текстами онлайн, даже несмотря на имеющийся в распоряжении арсенал электронных словарей и переводчиков. Таким образом, проблема состоит не в трудностях с переводом отдельных слов, а с пониманием текста в целом. Очевидно, обучение чтению предпочтительно практиковать в классе с использованием печатных текстов. При этом перед выполнением стандартных заданий на чтение (ответы на вопросы, утверждения «правда/ложь», заполнение пропусков, выделение основной мысли текста/параграфа, поиск деталей и др.), необходимо уделить внимание обучению и отработке «микронавыков», или базовых навыков чтения, таких как догадка о содержании текста, умение соотносить личные и безличные местоимения с одушевленными и неодушевленными объектами, определение стиля текста и его цели, выделение главной мысли, поиск деталей и т.д.

Работа с текстами в электронной среде, особенно в режиме самостоятельной работы, рекомендуется после отработки вышеупомянутых навыков в рамках аудиторной работы с использованием печатных источников. Кроме того, при работе с длинными текстами в электронной среде рекомендуется сначала представить студентам весь текст, и уже после того разбивать его на удобные для чтения фрагменты, если это необходимо. Эффективным видом заданий на чтение в электронной среде могут служить видеоматериалы, оснащенные субтитрами. Для глухих студентов такие задания являются именно заданиями на чтение, а слова и языковые конструкции представлены в контексте. При этом субтитры не должны быть слишком маленькими по размеру (размер шрифта не менее 67), должны быть статичными и демонстрироваться на экране не менее 4 секунд (одно предложение), чтобы студенты успели их прочитать.

Обучение письму. Ожидаемо, что ошибки при написании слов и использовании их в предложении больше характерны при работе с использованием бумаги, так как на большинстве электронных устройств имеются сервисы по проверке и исправлению орфографии и автоматическому переводу. Таким образом, выполнение письменных заданий в электронной среде целесообразно только при наличии у студентов высокой мотивации и осознанного подхода к обучению.

Исходя из результатов эксперимента и практического опыта, можно отметить, что многие студенты испытывают проблемы с орфографией, поэтому необходимо уделять дополнительное время на отработку навыка правильного написания слов (упражнения на

расположение букв в правильной последовательности, кроссворды, отработка кластеров слов, аналогичных по написанию). Необходимо обращать внимание студентов на нечитаемые буквы, учить видеть стандартные буквосочетания и модели. Также рекомендуется использовать диктанты слов и коротких текстов (при этом русский перевод слов и предложений пишется на доске).

При обучении письму необходимо научить студентов «микронавыкам» письма (генерирование идей, разработка плана, организация текста, проверка и т.д.). В рамках аудиторной работы обязательно представление шаблонов письменной работы с подробным разбором структуры, содержания, используемых грамматических конструкций и лексики, языковых клише. Если письменная работа выполняется в рамках самостоятельной внеаудиторной работы, целесообразно требование ее выполнения в письменном виде, также она должна быть творчески оформленной (например, в виде открытки, письма, постера).

Заключение

Результаты экспериментов и анализа работ глухих и слабослышащих студентов показали, что при обучении иностранному языку данной категории обучающихся необходимо адаптировать существующие методики с учетом их когнитивных особенностей, а именно трудностей при восприятии письменных текстов и овладения грамматическим строем иностранного языка, запоминания новой лексики, недостаточности развитых продуктивных речевых навыков. Результаты также показали, что хотя электронная среда предоставляет широкий арсенал электронных средств для коррекции возможных ошибок и перевода лексики, это не влияет на правильность выполнения заданий на чтение текстов (понимание). Выявленная разница при выполнении работ на бумаге и в электронном виде позволила сформулировать рекомендации по обучению некоторым языковым аспектам и навыкам с использованием комбинированных источников информации. Ограничением для данного исследования является нахождение типичных ошибок при изучении иностранного языка и их сравнение в работах, выполненных на бумаге и в определенных системах электронного тестирования (Kahoot, Moodle), что позволяет в дальнейшем расширить данное сравнение и для других средств электронного обучения.

Список источников

1. Кальгин Ю.А. Педагогические условия интеграции слабослышащих студентов в систему обучения в высшей школе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 595. С. 138–151.
2. Карсанаева И.Н., Казицева В. Исследование отношения студентов к дисциплине «Иностранный язык» в условиях инклюзивного обучения на неязыковых факультетах вуза // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 5 (147). С. 72–74.
3. Красавина Ю.В. Диагностика сформированности отдельных аспектов иноязычной компетенции у студентов-первокурсников с нарушением слуха // Инновации в образовании : сб. материалов науч.-метод. конф. преподавателей и сотрудников ИжГТУ им. М.Т. Калашникова. Ижевск : ИННОВА, 2017. С. 220–223.
4. Domagała-Zyśk E. Overcoming difficulties in second language acquisition by deaf and hard of hearing participants of English as a foreign language classes // Social distance towards individuals with disability as a problem in special pedagogy. V II. Socio-Educational Context . Maria Curie-Skłodowska University Press. Lublin, 2012. С. 99–115.
5. Набокова Л.А. English для слабослышащих студентов // Высшее образование в России. 2004. № 1. С. 118–120.

6. Пономаренко Е.П., Красавина Ю.В., Жуйкова О.В., Серебрякова Ю.В. Исследование особенностей интеллектуальных и когнитивных процессов студентов с нарушением слуха в техническом вузе // Педагогический имидж. 2019. Т. 13, № 4 (45). С. 664-675. doi: 10.32343/2409-5052-2019-13-4-664-675
7. Смоловик О.В., Шобонова Л.Ю. Мотивация изучения иностранного языка у студентов с ОВЗ в условиях инклюзивного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-2. С. 460-463.
8. Csizér K., Kontra E.H., Piniel K. An investigation of the self-related concepts and foreign language motivation of young Deaf and hard-of-hearing learners in Hungary // Studies in Second Language Learning and Teaching. SSLLT. 2015. № 5 (2). P. 229-249.
9. Domagala-Zysk E., Kontra E.H. English as a Foreign Language for Deaf and Hard-of-Hearing Persons: Challenges and Strategies. Cambridge Scholars Publishing, 2016. С. 3-30.
10. Большаков Н.В. Возможности применения стратегии смешивания методов при изучении сообщества глухих и слабослышащих // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 154-165. doi: 10.17223/1998863X/38/16
11. Dotter F. English for deaf sign language users: still a challenge // English in International Deaf Communication. 2008. С. 97-12.
12. Набокова Л.А. Обучение английскому языку студентов с нарушениями слуха в системе высшего гуманитарного образования (начальный курс) : дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 212 с.
13. Симановский А.Э. Использование дистанционных технологий для обучения студентов-инвалидов // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 2, № 4. С. 238-240.
14. Шавкива Д.Ш. Современные подходы к обучению английскому языку студентов-инвалидов // European science. 2016. № 5 (15). С. 25-27.
15. Международная исследовательская группа. URL: https://www.kul.pl/english-for-deaf-and-hard-of-hearing.art_74431.html
16. Domagala-Zysk E. Willingness to communicate in English as a foreign language of the deaf and hard of hearing university students // Proceedings of the conference Universal Learning Design (recenzowane materiały konferencyjne), Brno 2013. Brno : Masaryk University, 2013. P. 65-71.
17. Domagala-Zysk E., Epstein N.G. EFL Matriculation Exams for Deaf and Hard of Hearing Students // Multi Colors: An International Journal of Educational Research and Theory. 2018. Vol. 1 (1). P. 83-94.
18. Sedláčková J., Fonioková Z. Reading strategy instruction for deaf learners of English: Definitions, contexts and implications // English as a foreign language for deaf and hard of hearing persons in Europe. 2013. P. 135-152.
19. Bajkó Á., Kontra E.H. Deaf EFL learners outside the school system // Language learners with special needs: An international perspective. 2008. P. 158-188.
20. Pritchard P. Teaching of English to deaf and severely hard-of-hearing pupils in Norway // English as a foreign language for deaf and hard of hearing persons in Europe. 2013. P. 113-134.
21. Podlewska A. The use of cued speech within an empirically-based approach to teaching English as a foreign language to hard of hearing students // English as a foreign language for deaf and hard of hearing persons in Europe. 2013. P. 181-196.
22. Ochse E. English for specialized / specific purposes and the Deaf professional: The SignMedia Project // English as a foreign language for deaf and hard of hearing persons in Europe. 2013. P.77-91.
23. Domagala-Zysk E. Using technology to teach English as a foreign language to the deaf and hard of hearing // Inclusive language education and digital technology. 2013. P. 84-102. doi: 10.21832/9781847699749-007
24. Nabialek A. From a blackboard to an interactive whiteboard: Teaching English as a foreign language to deaf and hard of hearing students at Adam Mickiewicz University in Poznań // English as a foreign language for deaf and hard of hearing persons in Europe. 2013. P. 197-206.
25. Marschark M., Lang H.G., Albertini J.A. Educating Deaf Students: From Research to Practice. New York : Oxford University Press, 2002.
26. Hoffmeister R., Henner J., Caldwell-Harris C., Novogrodsky R. Deaf Children's ASL Vocabulary and ASL Syntax Knowledge Supports English Knowledge // The Journal of Deaf Studies and Deaf Education. 2021. doi: 10.1093/deafed/enab032
27. Henzel-Garbarz B. Practical advice for foreign language teachers teaching students with hearing impairments // Developing language competence of people with hearing and speech disorders. 2014. P. 171-181.
28. Svartholm K. Bilingual education for deaf children in Sweden // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2010. № 13. P. 159-174. doi: 10.1080/13670050903474077
29. Bedoin D. English teachers of deaf and hard-of-hearing students in French schools: Needs, barriers and strategies // European Journal of Special Needs Education. 2011. № 26. С. 159-175.
30. Bidoli Kellett C.J., Ochse E. English in international deaf communication. Bern, Switzerland : Peter Lang, 2008.
31. Csizér K., Kontra E. Foreign Language Learning Characteristics of Deaf and Severely Hard-of-Hearing Students // The Modern Language Journal. 2020. doi: 10.1111/modl.12630
32. Domagala-Zysk E., Podlewska A. Strategies of oral communication of deaf and hard-of-hearing (D/HH) non-native English users // European Journal of Special Needs Education. 2019. № 34. P. 156-171.
33. Falkowska J. Monolingual, bilingual, trilingual? Using different languages in an EFL class for the D/deaf. // English as a foreign language for deaf and hard of hearing persons: Challenges and strategies. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 55-72.
34. Gulati B. Visualizing: The most effective way to teach EFL to deaf and hard-of-hearing students // English as a foreign language for deaf and hard of hearing persons: Challenges and strategies. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 153-167.
35. Зайцева Г.Л. Диалог с Л.С. Выготским о проблемах современной сурдопедагогики // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2, № 3. С. 21-27.
36. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. / гл. ред. А.В. Запорожец. М. : Педагогика, 1982-1984. Т. 5 : Основы дефектологии / под. ред. Т.А. Власовой. 1983. 369 с.
37. Малина О.В. Анализ проблем процесса образования слабослышащих обучающихся и направления преодоления указанных проблем // Инновации в образовании : электронное научное издание : сборник материалов научно методической конференции преподавателей и сотрудников ИЖГТУ имени М.Т. Калашникова. Ижевск : ИННОВА, 2016. С. 262-265.
38. McColl H. Modern Languages for All. London : David Fulton, 2020.
39. Antia S.D., Lederberg A.R., Easterbrooks S., Schick B., Branum-Martin L., Connor C.M, Webb Mi-Y. Language and Reading Progress of Young Deaf and Hard-of-Hearing Children // The Journal of Deaf Studies and Deaf Education. 2020. Vol. 25, № 3. P. 334-350. doi: 10.1093/deafed/enz050
40. Ponomarenko E., Krasavina Y., Zhuykova O., Serebryakova Yu. Comparative study on perception of paper and digital texts when working with hearing impaired students // EDULEARN20 Proceedings. 2020. P. 7141-7146. doi: 10.21125/EDULEARN.2020.1838

References

1. Kal'gin, Yu.A. (2010) Pedagogicheskie usloviya integratsii slaboslyshashchikh studentov v sistemu obucheniya v vysshey shkole [Pedagogical conditions for the integration of hard-of-hearing students into the educational system in higher education]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 595. pp. 138-151.
2. Karsanaeva, I.N. & Kazitseva, V. (2017) Issledovanie otnosheniya studentov k distsipline "Inostranny yazyk" v usloviyakh inkluzivnogo obucheniya na neyazykovykh fakul'tetakh vuza [Study of the attitude of students to the discipline "Foreign Language" in the conditions of inclusive education at non-linguistic faculties of the university]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 5 (147). pp. 72-74.

3. Krasavina, Yu.V. (2017) [Diagnostics of the formation of certain aspects of foreign language competence among first-year students with hearing impairment]. *Innovatsii v obrazovanii* [Innovations in education]. Conference Proceedings. Izhevsk: INNOVA. pp. 220–223. (In Russian).
4. Domagała-Zysk, E. (2012) Overcoming difficulties in second language acquisition by deaf and hard of hearing participants of English as a foreign language classes. In: *Social distance towards individuals with disability as a problem in special pedagogy*. Vol. II. Socio-Educational Context. Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press. pp. 99–115.
5. Nabokova, L.A. (2004) English dlya slaboslyshashchikh studentov [English for hard-of-hearing students]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 1. pp. 118–120.
6. Ponomarenko, E.P. et al. (2019) Issledovanie osobennostey intellektual'nykh i kognitivnykh protsessov studentov s narusheniem slukha v tekhnicheskoy vuzakh [Study of the characteristics of intellectual and cognitive processes of hard-of-hearing students in a technical university]. *Pedagogicheskiy imidzh*. 13:4 (45). pp. 664–675. doi: 10.32343/2409-5052-2019-13-4-664-675
7. Smolovik, O.V. & Shobonova, L.Yu. (2020) Motivatsiya izucheniya inostrannogo yazyka u studentov s OVZ v usloviyakh inkluzivnogo obrazovaniya [Motivation for learning a foreign language among students with disabilities in the conditions of inclusive education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 68-2. pp. 460–463.
8. Csizér, K., Kontra, E.H. & Piniel, K. (2015) An investigation of the self-related concepts and foreign language motivation of young Deaf and hard-of-hearing learners in Hungary. *Studies in Second Language Learning and Teaching*. *SSLT*. 5 (2). pp. 229–249.
9. Domagała-Zysk, E. & Kontra, E.H. (2016) *English as a Foreign Language for Deaf and Hard-of-Hearing Persons: Challenges and Strategies*. Cambridge Scholars Publishing. pp. 3–30.
10. Bol'shakov, N.V. (2017) The Possibilities of Mixed Methods Research in Studying of the Deaf Community. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 38. pp. 154–165. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/38/16
11. Dotter, F. (2008) English for deaf sign language users: still a challenge. In: Kellett Bidoli, C.J. & Ochse, E. (eds) *English in International Deaf Communication. Linguistic Insights. Studies in Language and Communication*. Peter Lang – Europaeischer Verlag der Wissenschaften. pp. 97–122.
12. Nabokova, L.A. (2005) *Obuchenie angliyskomu yazyku studentov s narusheniyami slukha v sisteme vysshego gumanitarnogo obrazovaniya (nachal'nyy kurs)* [Teaching English to hard-of-hearing students in the system of higher education in the humanities (initial course)]. Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
13. Simanovskiy, A.E. (2012) Ispol'zovanie distantsionnykh tekhnologiy dlya obucheniya studentov-invalidov [The use of distance technologies for teaching disabled students]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2 (4). pp. 238–240.
14. Shavkueva, D.Sh. (2016) Sovremennyye podkhody k obucheniyu angliyskomu yazyku studentov-invalidov [Modern approaches to teaching English to students with disabilities]. *European Science*. 5 (15). pp. 25–27.
15. *Mezhdunarodnaya issledovatel'skaya gruppa* [International research group]. [Online] Available from: https://www.kul.pl/english-for-deaf-and-hard-of-hearing.art_74431.html
16. Domagała-Zysk, E. (2013) Willingness to communicate in English as a foreign language of the deaf and hard of hearing university students. Proceedings of the conference *Universal Learning Design* (recenzowane materiały konferencyjne), Brno 2013. Brno: Masaryk University. pp. 65–71.
17. Domagała-Zysk, E. & Epstein, N.G. (2018) EFL Matriculation Exams for Deaf and Hard of Hearing Students. *Multi Colors: An International Journal of Educational Research and Theory*. 1 (1). pp. 83–94.
18. Sedláčková, J. & Fonioková, Z. (2013) Reading strategy instruction for deaf learners of English: Definitions, contexts and implications. In: *English as a foreign language for deaf and hard of hearing persons in Europe*. Wydawnictwo KUL. pp. 135–152.
19. Bajkó, Á. & Kontra, E.H. (2008) Deaf EFL learners outside the school system. In: *Language learners with special needs: An international perspective*. pp. 158–188. doi: 10.21832/9781847690913-009.
20. Pritchard, P. (2013) Teaching English to deaf and severely hard-of-hearing pupils in Norway. In: Domagała-Zysk, E. (ed.) *English as a foreign language for deaf and hard-of-hearing persons in Europe*. Lublin, Poland: Wydawnictwo KUL. pp. 113–134.
21. Podlewska, A. (2013) The use of cued speech within an empirically-based approach to teaching English as a foreign language to hard of hearing students. In: Domagała-Zysk, E. (ed.) *English as a foreign language for deaf and hard-of-hearing persons in Europe*. Lublin, Poland: Wydawnictwo KUL. pp. 181–196.
22. Ochse, E. (2013) English for specialized / specific purposes and the Deaf professional: The SignMedia Project. In: Domagała-Zysk, E. (ed.) *English as a foreign language for deaf and hard-of-hearing persons in Europe*. Lublin, Poland: Wydawnictwo KUL. pp. 77–91.
23. Domagała-Zysk, E. (2013) Using technology to teach English as a foreign language to the deaf and hard of hearing. In: *Inclusive language education and digital technology*. pp. 84–102. doi: 10.21832/9781847699749-007
24. Nabialek, A. (2013) From a blackboard to an interactive whiteboard: Teaching English as a foreign language to deaf and hard of hearing students at Adam Mickiewicz University in Poznań. In: Domagała-Zysk, E. (ed.) *English as a foreign language for deaf and hard-of-hearing persons in Europe*. Lublin, Poland: Wydawnictwo KUL. pp. 197–206.
25. Marschark, M., Lang, H.G. & Albertini, J.A. (2002) *Educating Deaf Students: From Research to Practice*. New York: Oxford University Press.
26. Hoffmeister, R. et al. (2021) Deaf Children's ASL Vocabulary and ASL Syntax Knowledge Supports English Knowledge. *The Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. doi: 10.1093/deafed/enab032
27. Henzel-Garbarz, B. (2014) Practical advice for foreign language teachers teaching students with hearing impairments. In: Domagała-Zysk, E. (ed.) *Developing language competence of people with hearing and speech disorders*. Lublin, Poland: Wydawnictwo KUL. pp. 171–181.
28. Svartholm, K. (2010) Bilingual education for deaf children in Sweden. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 13. pp. 159–174. doi: 10.1080/13670050903474077
29. Bedoin, D. (2011) English teachers of deaf and hard-of-hearing students in French schools: Needs, barriers and strategies. *European Journal of Special Needs Education*. 26. pp. 159–175.
30. Bidoli Kellett, C.J. & Ochse, E. (2008) *English in international deaf communication*. Bern, Switzerland: Peter Lang.
31. Csizér, K. & Kontra, E. (2020) Foreign Language Learning Characteristics of Deaf and Severely Hard-of-Hearing Students. *The Modern Language Journal*. doi: 10.1111/modl.12630
32. Domagała-Zysk, E. & Podlewska, A. (2019) Strategies of oral communication of deaf and hard-of-hearing (D/HH) non-native English users. *European Journal of Special Needs Education*. 34. pp. 156–171.
33. Falkowska, J. (2016) Monolingual, bilingual, trilingual? Using different languages in an EFL class for the D/deaf. In: *English as a foreign language for deaf and hard of hearing persons: Challenges and strategies*. Cambridge Scholars Publishing. pp. 55–72.
34. Gulati, B. (2016) Visualizing: The most effective way to teach EFL to deaf and hard-of-hearing students. In: *English as a foreign language for deaf and hard of hearing persons: Challenges and strategies*. Cambridge Scholars Publishing. pp. 153–167.
35. Zaytseva, G.L. (2006) Dialog s L.S. Vygotskim o problemakh sovremennoy surdopedagogiki [Dialogue with L.S. Vygotsky on the problems of contemporary surdopedagogy]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2 (3). pp. 21–27.
36. Vygotskiy, L.S. (1983) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes]. Vol. 5. Moscow: Pedagogika.
37. Malina, O.V. (2016) [Analysis of problems in the education process of hard-of-hearing students and directions for overcoming these problems]. *Innovatsii v obrazovanii* [Innovations in education]. Conference Proceedings. Izhevsk: INNOVA. pp. 262–265. (In Russian).

38. McColl, H. (2020) *Modern Languages for All*. London: David Fulton.
39. Antia, S.D. et al. (2020) Language and Reading Progress of Young Deaf and Hard-of-Hearing Children. *The Journal of Deaf Studies and Deaf Education*. 25 (3). pp. 334–350. doi: 10.1093/deafed/enz050
40. Ponomarenko, E. et al. (2020) Comparative study on perception of paper and digital texts when working with hearing impaired students. *EDULEARN20 Proceedings*. pp. 7141–7146. doi: 10.21125/EDULEARN.2020.1838

Информация об авторах:

Красавина Ю.В. – канд. пед. наук, директор Центра инклюзивного обучения Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова (Ижевск, Россия). E-mail: juliadamask@yandex.ru

Пономаренко Е.П. – старший преподаватель кафедры «Английский язык» Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова (Ижевск, Россия). E-mail: catper@mail.ru

Жуйкова О.В. – канд. пед. наук, зав. кафедрой «Инженерная графика, профессиональная педагогика и технология рекламы» Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова (Ижевск, Россия). E-mail: zhuykovaolga2012@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.V. Krasavina, Cand. Sci. (Pedagogics), director of Center for Inclusive Education, Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: juliadamask@yandex.ru

E.P. Ponomarenko, senior lecturer, Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: catper@mail.ru

O.V. Zhuykova, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Engineering Graphics, Professional Pedagogy and Advertising Technology, Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: zhuykovaolga2012@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.12.2021;
одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 14.12.2021;
approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 796.035 : 379.83/.84
doi: 10.17223/15617793/494/15

Современные тенденции развития физической рекреации на открытом воздухе: обзор отечественных и зарубежных исследований

Лена Григорьевна Пащенко¹

¹*Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия,
lenamv2008@yandex.ru*

Аннотация. В процессе теоретического обзора выделены факторы, оказывающие влияние на показатель вовлеченности населения в рекреационную физкультурно-спортивную деятельность на открытом воздухе с точки зрения их эффективности. Проведенный анализ показал, что в публикациях ограничено представлены социально-экономические, образовательно-воспитательные, социокультурные аспекты рекреации во взаимосвязи с решением оздоровительных задач. Не обнаружено исследований, посвященных разработке технологий персонализированного сопровождения лиц, вовлеченных в самостоятельную рекреационную физкультурно-спортивную деятельность.

Ключевые слова: досуг, вовлеченность, физическая активность, мотивация, физкультурно-спортивная среда, городской парк, эко-спорт, этносport, оздоровительная эффективность

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Правительства ХМАО–Югры № 22-28-20241, <https://rscf.ru/project/22-28-20241/>

Для цитирования: Пащенко Л.Г. Современные тенденции развития физической рекреации на открытом воздухе: обзор отечественных и зарубежных исследований // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 144–154. doi: 10.17223/15617793/494/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/15

Modern trends in the development of physical recreation in the open air: A review of domestic and foreign studies

Lena G. Pashchenko¹

¹*Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation,
lenamv2008@yandex.ru*

Abstract. The relevance of studying modern trends in the development of physical recreation of the population of various countries, identifying factors that determine the systematic use of physical culture and outdoor sports means is of great individual and social importance. The aim of the study is to review current trends in the development of physical recreation in the open air on the basis of identifying factors that promote the use of physical culture and sports during leisure time and factors that limit them. In the course of the study, the method of theoretical analysis and generalization of literature data was used. Research works (n=65) from the search platforms RSCI, Pubmed, Google Academy were analyzed. The selection criteria were the time of publishing (2008–2023) and keywords (physical recreation, mass sports, outdoor leisure). In the course of the theoretical review, the factors influencing the index of the population's involvement in recreational physical culture and sports activities in the open air were identified in terms of their effectiveness, including health-improving ones. The analyzed works were grouped in the following areas: socio-economic conditionality of physical recreation, arrangement of urban sports infrastructure, development of targeted programs and comprehensive measures to enhance the physical recreation of the population in the open air. Separately, studies were singled out that consider the positive impact of socio-psychological and socio-cultural factors on the indicator of the population's involvement in physical recreation, as well as the existing health hazards for people involved in recreational physical culture and sports activities in the open air. The results of the study showed that the modern development of physical recreation in the open air is associated with socio-economic factors, the creation of a comfortable urban environment and the development of street sports infrastructure, the implementation of targeted programs and complex events. Separately, factors related to the motivational aspect and motor competence of people involved in recreational activities were singled out. At the same time, the works limitedly present the consideration of socio-economic, educational, socio-cultural aspects of recreation in conjunction with the solution of health-improving tasks that contribute to the achievement of recreants' optimal psycho-physiological indicators. The theoretical review showed the absence of

studies on the development of technologies for personalized support of persons involved in independent recreational physical culture and sports activities both in our country and abroad. A promising direction of research is the forecasting of the development of physical recreation, taking into account the recreational needs of the population and evaluating the effectiveness of the organized or amateur forms of engagement they use.

Keywords: leisure, engagement, physical activity, motivation, physical culture and sports environment, city park, eco-sport, ethnosport, health effectiveness

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation and the Government of Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra, Project No. 22-28-20241, <https://rscf.ru/project/22-28-20241/>

For citation: Pashchenko, L.G. (2023) Modern trends in the development of physical recreation in the open air: A review of domestic and foreign studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 144–154. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/15

Введение

Важность формирования здоровой личности средствами физической культуры декларируется на государственном уровне и закреплена в нормативно-директивных документах. Утвержденный и принятый к реализации федеральный проект «Спорт – норма жизни» в рамках национального проекта «Демография» направлен на создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физкультурно-спортивной направленности, формирование в обществе культуры поведения, основанной на индивидуальной мотивации граждан к физическому развитию, популяризацию физкультурно-спортивных мероприятий, спортивных массовых акций и комплекса «Готов к труду и обороне». Одним из индикаторов данного проекта является увеличение доли граждан нашей страны, систематически занимающихся физической культурой и спортом [1]. Достижение данного показателя особенно важно в условиях изменения ценностных ориентиров современных людей, выбора ими инертных форм организации досуга [2].

Физкультурно-спортивная деятельность в свободное от учебы или работы время становится важным способом борьбы с социальными недугами в обществе [3]. Рекреационная двигательная активность оказывает положительное влияние на здоровье, работоспособность, осуществление социальных и профессиональных функций при ее соответствии функциональным возможностям организма. Обобщение результатов научных исследований отечественных и зарубежных ученых позволит выделить факторы, содействующие активизации физической рекреации людей, и факторы, ограничивающие использование средств физической культуры и спорта во время досуга на открытом воздухе. Это даст возможность не только разработать эффективные механизмы вовлечения в физкультурно-спортивную деятельность представителей различных социально-демографических групп населения, но и выявить перспективные направления развития в рекреационной физкультурно-спортивной сфере.

Цель исследования – обзор современных тенденций развития физической рекреации на открытом воздухе на основании выявления факторов, содействующих использованию средств физической культуры и спорта во время досуга, и факторов, их ограничивающих.

В процессе исследования применялся метод теоретического анализа и обобщения данных литературы. Анализу подверглись источники, размещенные в поисковых платформах РИНЦ, Pubmed, Академия Google. Критериями отбора явились временные рамки выхода публикаций (работы 2008–2023 гг.) и комбинации ключевых слов: физическая рекреация / physical recreation, массовый спорт / mass sport, досуг на открытом воздухе / outdoor leisure.

Досуговая деятельность, призванная удовлетворять разнообразные интересы личности, представляет собой некое пространство (духовное и физическое) для возможностей ее вхождения в сферу физической культуры, создает условия для самообразования, самовоспитания и самореализации, является специфической средой, в которой протекает процесс социализации, приобретения жизненного опыта, повышения уровня самооценки человека [4]. О положительном влиянии средств физической культуры и спорта на открытом воздухе во время досуга на психическое благополучие жителей городов свидетельствуют результаты зарубежных исследований [5–7]. Поиск путей повышения физической активности населения занимаются отечественные [8, 9] и иностранные ученые [10, 11]. Изучают специфику двигательной активности жителей северных регионов ученые Сургутского государственного университета [12], Сургутского государственного педагогического университета [13], Томского государственного университета [14, 15] и др.

В процессе исследования были выделены факторы, оказывающие влияние на показатель вовлеченности населения в рекреационную физкультурно-спортивную деятельность на открытом воздухе с точки зрения их эффективности, в том числе оздоровительной. Анализ научных работ, опубликованных в изданиях с 2008 по 2023 г., отобранных по ключевым словам «физическая рекреация», «массовый спорт», «досуг на открытом воздухе», позволил сгруппировать отечественные и зарубежные исследования, рассматривающие вопросы развития физической рекреации на открытом воздухе, по следующим направлениям: «Социально-экономическая обусловленность физической рекреации», «Обустройство городской спортивной инфраструктуры», «Разработка целевых программ и комплексных мероприятий активизации физической рекреации населения на открытом воздухе». Отдельно были выделены работы, в которых рассматривается положительное влияние социально-психологических и

социокультурных факторов на показатель вовлеченности населения в физическую рекреацию, а также существующие опасности для здоровья лиц, занимающихся рекреационной физкультурно-спортивной деятельностью на открытом воздухе.

Социально-экономическая обусловленность физической рекреации

Изучение взаимосвязи между вовлеченностью населения в рекреационную физкультурно-спортивную деятельность и его социально-экономическим положением продемонстрировало неоднозначность полученных результатов. По мнению китайских ученых, спортивная активность на открытом воздухе, став спортивной модой в Китае, обусловлена высокими показателями социального и экономического развития, а также уровнем доходов населения – после удовлетворения людьми основных потребностей в еде, одежде, жилье и транспорте они начинают проявлять интерес спорту, культуре и т.д. [16]. Ученые Финляндии, применив метод логистической регрессии, также подтвердили, что принадлежность к более высокой социально-экономической группе, независимо от того, определяется она уровнем дохода, образования или профессиональным статусом, связана с более высокой физической активностью в свободное время. При этом проведенный ими дифференцированный анализ различных социально-экономических групп с позиции их вовлеченности в физкультурно-спортивную деятельность показал, что доход не является значимым фактором, определяющим физическую активность в свободное время. В связи с этим при разработке программ поощрения досуговой двигательной активности необходимо учитывать не только экономические, но и поведенческие факторы: люди с разным социально-экономическим статусом по-разному реагируют на стратегии активизации физкультурно-спортивной деятельности, одни и те же методы могут быть действенными для одних и неэффективными для других [17].

На специфику участия в физической рекреации сельских и городских жителей Англии указывают E. Rind и A.P. Jones. Несмотря на более активное использование автотранспорта сельскими жителями, по сравнению с горожанами, у них наблюдаются наибольшие показатели двигательной активности во время досуга, а именно – рекреационной ходьбы. Вместе с тем низкий уровень активности жителей отдельных районов авторы связывают с социокультурным контекстом их деиндустриализации, где население занято тяжелым физическим трудом. E. Rind и A.P. Jones считают необходимым изучение именно этого аспекта вовлечения людей в досуговую физкультурно-спортивную деятельность [18]. Решение данного вопроса является актуальным и для населения урбанизированного Севера России, значительное число жителей которого, преимущественно лица мужского пола, выполняют тяжелую физическую работу. Всестороннее изучение дилеммы подбора участников спортивных мероприятий, как и выбора видов физкультурно-спортивной деятель-

ности при разработке корпоративных программ оздоровления работников, занятых тяжелым физическим трудом, остается востребованным [19].

Гендерный аспект вовлеченности в рекреационную физкультурно-спортивную деятельность также не остался без внимания ученых. О барьерах участия женщин в использовании средств физической культуры и спорта на досуге отмечают К.М. Appleby и S.M. Bosteder. Препятствием к занятиям являются: неуверенность, связанная с телосложением; опасения по поводу внешней оценки; отсутствие единомышленников, оказывающих поддержку в процессе занятий. Авторы отмечают, что физическая активность на открытом воздухе способна снизить некоторые из этих барьеров. Так, выявлено, что продолжительные (более двух лет) занятия женщин в группе содействовали обретению ими уверенности в своих физических и лидерских качествах, укреплению социальных связей и общению [20].

Обустройство городской спортивной инфраструктуры

Для популяризации занятий физической культурой и спортом в свободное время важное значение имеет информирование общественности об их пользе и предоставляемых для этого спортивных услугах. Теоретическое исследование, проведенное С.Д. Bergeron с соавт., показало действенность методов убеждения для поощрения физической активности населения [21]. По мнению ученых, необходимо не только изучать, но и удовлетворять потребности населения в двигательной активности на открытом воздухе в соответствии с новыми тенденциями развития массового спорта и использованием современной спортивной инфраструктуры [22]. При этом востребованность уличной спортивной инфраструктуры обусловлена не только ее материально-техническим состоянием, но и климато-географическими и погодными особенностями. Так, например, жители северных городов, проживающие в неблагоприятных климатических условиях, в зимний период проявляют недостаточную активность в использовании ресурсов открытых спортивных сооружений и общественных мест городской инфраструктуры в процессе досуговой физкультурно-спортивной деятельности на открытом воздухе. Погодный фактор оказывает влияние на выбор спортивного объекта для физкультурно-рекреационной деятельности – в морозные дни горожане выбирают недостаточно благоустроенные открытые спортивные сооружения в пешеходной доступности, а в слабоморозные дни – объекты с лучшей благоустроенностью, требующие транспортной доставки. Данный факт следует учитывать при разработке муниципальных программ повышения физической активности населения [23, 24].

Стимулировать ежедневную двигательную активность призвано не только строительство доступных и безопасных площадок для занятий различными видами спорта и активного досуга, но и проектирование безопасных пешеходных и веломаршрутов в условиях го-

родской среды [25–27]. Такие элементы городской инфраструктуры, как траектории и благоустройство улиц, транспортная система, расположение спортивных объектов, мест отдыха и развлечений, наличие и достаточность искусственной освещенности и подобные могут содействовать либо препятствовать физическому активному образу жизни населения города [28, 29]. Создание в муниципалитетах физкультурно-спортивной среды, привлечение средств массовой информации к формированию у населения моды на физкультурно-спортивный стиль жизни способствуют увеличению числа жителей городов северного региона, применяющих средства физической культуры и спорта на открытом воздухе [30].

Современное обустройство игрового пространства мест отдыха горожан также содействует популяризации физической рекреации. Так, реконструкция игровых площадок парков Мельбурна привела к повышению ее посещаемости детьми и их родителями [31]. О существовании взаимосвязи между вовлеченностью населения в физическую рекреацию и состоянием городских парков констатируют J.N. Vosago с соавт., J.M. Casper с соавт. Учеными отмечается значимость не столько обустроенности мест отдыха горожан, близость их расположения с местами проживания, бесплатность предоставляемых услуг, сколько реализация разнообразных программ продвижения физической активности для различного контингента [32, 33]. Примером служит проект по обустройству тренажерного зала под открытым небом, благодаря которому значительно увеличилось число посетителей парков для занятий умеренно интенсивной физической нагрузкой [34].

О перспективности принятия управленческих решений по установке целевых ориентиров использования городских парков для решения задач вовлечения населения в физическую рекреацию констатируют D.A. Cohen с соавт., представившие результаты общенационального исследования 174 парков 25 городов США. Ввиду того что состояние инфраструктуры городских парков может как содействовать, так и ограничивать физическую активность, актуализируется важность инвестирования в их материально-техническое состояние и благоустроенность, необходимость проектирования зон, содействующих повышению двигательной активности лиц зрелого и пожилого возраста, – например прогулочных петлей. Само по себе наличие парка не гарантирует его использование для решения задач вовлечения населения в физкультурно-спортивную деятельность. Авторы отмечают, что большинство обследованных ими городских парков ориентировано на подростков и молодежь, ввиду чего считают значимым создание условий для стимулирования двигательной активности лиц более старшей возрастной группы не только путем обустройства парка, например прокладыванием маршрутов терренкура, но и реализацией оздоровительных программ, интересных для данного контингента. Сравнивая парки, расположенные в престижных районах, с теми, что находятся в местах проживания населения с низким достатком, D.A. Cohen отмечает, что неравенство

может быть преодолимо путем организации специально подготовленных мероприятий и маркетинговых усилий по повышению массовости различных форм физкультурно-спортивной деятельности. Для популяризации активного досуга населения в условиях парков перспективным видится не только информационно-просветительская деятельность (использование баннеров, вывесок, плакатов), но и проведение массовых мероприятий, в том числе организуемых любительскими спортивными лигами [35]. Таким образом, обустройство городской и спортивной инфраструктуры призвано стимулировать физическую активность населения: вовлекая людей в неструктурированную двигательную активность умеренной интенсивности или в целенаправленно организованные занятия с использованием средств физической культуры и спорта для решения развивающих или оздоровительных задач.

Разработка целевых программ и комплексных мероприятий активизации физической рекреации населения на открытом воздухе

Для повышения статуса физкультурно-спортивных занятий на открытом воздухе и более эффективного решения оздоровительных, рекреационных, коммуникативных задач в условиях досуговой деятельности населения необходима интеграция достижений спортивной науки, туристической индустрии, здравоохранения и социальной сферы [36, 37]. Результатом такого взаимодействия, как правило, является разработка программ, содействующих вовлечению людей в двигательную-активный отдых и досуговую физкультурно-спортивную деятельность на открытом воздухе.

Повышение интереса людей к спортивным практикам в естественных условиях, проведение спортивных мероприятий в условиях природной среды содействовало развитию «зеленого спорта» [38, 39]. Примером служит проект продвижения занятий боевыми искусствами в естественных природных условиях. Ценность таких занятий повышается не только ввиду положительного влияния на показатели здоровья, но и ввиду возможности самосовершенствования, контактируя с природой. Реализуя идеи калократии о стремлении к достижению гармоничного психофизического развития с помощью боевых искусств, практикуемых на открытом воздухе, по мнению ученых, можно разнообразить формы активного отдыха, содействовать улучшению здоровья, а также формировать «зеленые» навыки [40].

Еще одним видом спортивной деятельности, способным вовлечь население в физическую рекреацию на открытом воздухе, являются занятия и соревнования по нетрадиционному ориентированию, организуемые в парках и жилых микрорайонах города. Возможность участия в них большого числа людей различного возраста и уровня физической подготовленности позволяет констатировать актуальность таких мероприятий для решения оздоровительных задач, организации активного досуга, приобретения прикладных умений и

навыков. Отличительными особенностями рекреационных видов спортивного ориентирования является их непредсказуемость, высокая эмоциональность, безопасность, минимальные физические усилия, а также несложность в организации и быстрота подведения итогов [41].

Экоспорт, объединивший различные виды активной рекреации, связанные с преодолением естественных природных препятствий, получил новый импульс развития с появлением направления «Чистые игры» или культурный плоггинг. Целью командных или индивидуальных соревнований является преодоление специальных маршрутов пешком или бегом с попутным сбором мусора. Следует отметить, что экоквест в большей степени рассматривается с позиции экологического волонтерства, а не физической рекреации на открытом воздухе [42, 43].

На целесообразность внедрения в практику муниципалитетов программ, направленных на поощрение активного отдыха среди пар и семей с детьми, указывают К.А. Hackett с соавт., отмечая их потенциальную полезность в увеличении времени, проводимого на открытом воздухе и в контакте с природой [44]. Примером может служить программа поддержки физической активности семей, разработанная с учетом таких факторов, как погода, доступность мест занятий, день недели и время проведения, продолжительность мероприятий, простота используемых заданий, их эмоциональная насыщенность, а также направленность – развлекательная, познавательная. Участники подобных программ отмечают важность получения вознаграждения, что содействует усилению мотивации к участию в мероприятиях и взрослых, и детей. Для продвижения программ вовлечения семей в мероприятия физкультурно-спортивной направленности, а также облегчения установления социальных связей использовали цифровые технологии, в частности платформы социальных сетей для обмена текстовыми сообщениями и создания чат-групп в Интернете, а также приложения мобильных телефонов для объединения целевых групп [45]. Использование мобильных фитнес-приложений молодежью рассматривается как эффективное средство активизации самостоятельной работы по физической культуре во внеучебное время [46, 47].

Современные информационные технологии применялись для решения проблемы снижения уровня физической активности коренного населения Канады. Значительное увеличение количества людей с ожирением из числа аборигенов, по сравнению с пришлым населением, явилось причиной разработки региональной программы стимулирования физкультурно-спортивной активности населения «Спортивный Север». Особенностью программы стало проведение соревнований между представителями национальных сообществ, регистрирующих продолжительность собственной физической активности, с последующим ежемесячным анализом полученных результатов. Победители в различных номинациях получали денежное вознаграждение для приобретения спортивного оборудования [48].

Примером сохранения и восстановления традиционных видов активности в условиях рекреации является этноспорт, реализуемый в рамках межведомственного взаимодействия отраслей культуры и спорта. Развитие этноспорта, призванного возрождать и продвигать традиционные игры, столкнулось с необходимостью разработки технологий восстановления утраченных этнодвигательных навыков у излишне урбанизированного человека [49].

О социальной обусловленности внедряемых инноваций в реализации физкультурно-спортивных программ на открытом воздухе констатируют P. Duret и K. Angue. При занятиях экстремальными видами спорта, несмотря на их индивидуалистичность, повышается значимость совместной деятельности по обеспечению безопасности экстремала при использовании технического оборудования. Тогда как современное оснащение парков развлечений, обустройство игрового пространства мест отдыха населения позволяют использовать их как коллективно, так и автономно и зависят от потребности индивида в обособлении или в объединении [50].

Еще одним современным направлением вовлечения населения в двигательный досуг является интеграция двигательной активности и получение новых знаний в определенной области. Так, например, наблюдение опытных и начинающих орнитологов за поведением птиц, осуществляемое в любую погоду, оказало положительное влияние на показатели двигательной активности во время досуга [51]. Представленный обзор реализуемых программ показывает разнообразие используемых подходов по вовлечению населения в рекреационную физкультурно-спортивную деятельность на открытом воздухе.

Факторы, активизирующие и лимитирующие участие населения в физической рекреации на открытом воздухе

Анализ основных направлений исследований досуга и рекреации в зарубежных странах, проведенный М.А. Эльмурзаевым, позволил сформулировать заключение об их социально-психологических и культурологических основаниях [52]. Одним из факторов вовлеченности людей в физкультурно-спортивную деятельность, поддержания их физической активности на протяжении всей жизни является двигательная компетентность человека. Наличие широкого спектра двигательных навыков у индивида рассматривается в качестве вторичного целевого показателя участия в программе физической активности, оказывающего влияние на стимулирование движения и формирование положительной траектории здоровья [53]. Существующую взаимосвязь между участием в активном досуге в подростковом и юношеском возрасте и уровнем физической активности в зрелом и старшем возрасте констатируют скандинавские ученые [54, 55]. Вовлеченность в физически активные формы досуга, требующие проявления определенных усилий, способствует не только самосовершенствованию, ввиду проявляемых при этом свободы выбора и самоопределения, но и ведет к

развитию внутренней мотивации. Итоги опубликованных и в нашей стране, и за рубежом социологических опросов демонстрируют схожесть основных мотивов занятий физкультурно-спортивной деятельностью в свободное время на открытом воздухе у населения: ведущим мотивом является сохранение и улучшение здоровья, а также самосовершенствование, отдых и получение удовольствия [22, 56–58].

При этом во время физкультурно-спортивных занятий на открытом воздухе существуют риски возникновения патологических состояний, связанных с воздействием внешних факторов – высокой или низкой температуры воздуха, ультрафиолетового излучения, молний и сильного ветра, загрязнений воздуха. О необходимости стандартизации существующих подходов к разработке универсального температурно-климатического индекса и его применению в спортивных науках констатируют F. Brocherie с соавт. [59]. В рекомендациях по стимулированию физической активности на открытом воздухе редко кто указывает на возможные риски для занимающихся, связанные с вдыханием раздражителей (загрязнителей воздуха – пыли, угарного газа) и устойчивых аллергенов (пыльцы), число которых в атмосферном воздухе увеличивается с наблюдаемыми сегодня климатическими изменениями [60, 61]. Занятия в условиях пониженных температур, помимо опасности обморожения, повышают вероятность учащения респираторных осложнений, таких как астма и бронхиальная гиперреактивность. Предлагая рекомендации по снижению рисков возникновения патологических состояний при занятиях на открытом воздухе, ученые заявляют о необходимости интеграции усилий специалистов из области биометрологии, физиологии, спортивных наук для проведения дальнейших исследований по разработке рекомендаций для занятий физической рекреацией и проведения массовых соревнований на открытом воздухе [59, 62]. Также важной видится работа по противодействию возникновению несчастных случаев и травм среди лиц, использующих средства физической культуры и спорта во время досуга на открытом воздухе [63–65].

Заключение

Проведенный анализ работ зарубежных и отечественных ученых показал взаимообусловленность факторов, оказывающих влияние на вовлеченность населения в рекреационную физкультурно-спортивную деятельность. Современное развитие физической рекреации на открытом воздухе связано с социально-экономическими факторами: уровнем доходов населения, обеспеченностью жильем и предметами первой необходимости, проживанием людей в городской или сельской местности, физической тяжестью профессиональной деятельности. Стимулирующим фактором использования средств физической культуры и спорта во время досуга лицами разного пола и возраста является создание комфортной городской среды и развитие уличной спортивной инфраструктуры: материально-техническое оснащение и благоустройство городских

парков и мест отдыха горожан; строительство открытых спортивных сооружений в шаговой доступности, удовлетворяющих потребности жителей в реализации традиционных и новых видов двигательной активности на открытом воздухе. Реализация целевых программ и комплексных мероприятий также содействует активизации физической рекреации населения на открытом воздухе. Отдельно выделяются факторы, связанные с мотивационным аспектом и двигательной компетентностью людей, вовлеченных в рекреационную деятельность, а также воздействием внешних факторов, ограничивающих возможности использования форм и средств физической рекреации на открытом воздухе, не только снижающих эффективность физкультурно-спортивных мероприятий, но и провоцирующих возникновение патологических состояний.

Связывая современные тенденции развития физической рекреации на открытом воздухе в большей степени с созданием благоприятных условий для реализации потребности населения в двигательной активности во время досуга, в публикациях ограничено представлено рассмотрение социально-экономических, образовательно-воспитательных, социокультурных аспектов рекреации во взаимосвязи с решением оздоровительных задач, содействующих достижению оптимальных психофизиологических показателей рекреантов. Сохранение и укрепление здоровья является ведущим мотивом двигательной активности на открытом воздухе людей, но при оценке эффективности реализуемых программ ограничиваются количественными показателями числа участников и их эмоциональным реагированием, а показатели здоровья, как правило, не отслеживаются.

Теоретический обзор показал отсутствие и в нашей стране, и за рубежом исследований, посвященных разработке технологий индивидуально-ориентированного (персонифицированного) сопровождения лиц, вовлеченных в самостоятельную рекреационную физкультурно-спортивную деятельность. Для данного контингента управленческие решения в области физической рекреации ограничиваются созданием обустроенных мест занятий в условиях городской среды. И если организованные рекреационные мероприятия проводятся для малых или больших групп под контролем специалистов, то люди, предпочитающие заниматься индивидуально, руководствуются имеющимися у них знаниями и компетенциями в сфере физической культуры и спорта, что не всегда приводит к достижению положительного результата.

Ввиду высокой индивидуальной и общественной значимости рационально организованного свободного времени у населения требуется проведение дополнительных исследований для разработки действенных механизмов приобщения лиц разного пола, возраста, профессиональной принадлежности, различающихся индивидуально-типологическими особенностями и показателями здоровья, к систематическому использованию средств физической культуры и спорта во время

досуга на открытом воздухе. Перспективным направлением исследований видится прогнозирование развития физической рекреации с учетом рекреационных

потребностей населения и оценки эффективности применяемых ими организованных или самодеятельных форм занятий.

Список источников

1. Федеральный проект «Спорт – норма жизни». URL: <https://minsport.gov.ru/activities/fedprosport/>
2. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <https://minsport.gov.ru/activities/proekt-strategii-2030/>
3. Смирнова Н.В., Эльмурзаев М.А. Физическая рекреация: современное состояние и перспективы развития // Теория и практика физической культуры. 2017. № 5. С. 12–14
4. Тараторин Е.В. Досуговая деятельность как объект диссертационных исследований // Образование и культурное пространство. 2020. № 4. С. 65–73.
5. Thompson Coon J., Boddy K., Stein K., Whear R., Barton J., Depledge M.H. Does Participating in Physical Activity in Outdoor Natural Environments Have a Greater Effect on Physical and Mental Wellbeing than Physical Activity Indoors? A Systematic Review // Environmental Science & Technology. 2011. № 45 (5). P. 1761–1772. doi: 10.1021/es102947t
6. Manfredelli G., La Torre A., Codella R. Outdoor physical activity bears multiple benefits to health and society // J Sports Med Phys Fitness. 2019. № 59 (5). P. 868–879. doi: 10.23736/S0022-4707.18.08771-6. PMID: 30650943
7. Wolsko C., Lindberg K., Reese R. Nature-based physical recreation leads to psychological well-being: Evidence from five studies // Ecopsychology. 2019. Vol. 11, № 4. P. 222–235. doi: 10.1089/eco.2018.0076
8. Лубышева Л.И. Массовая спортивная подготовка – новый вектор спортизации населения страны // Теория и практика физической культуры. 2020. № 3. С. 99.
9. Коршевер Н.Г., Сидельников С.А. Физическая активность и охрана здоровья населения // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2016. № 1 (56). С. 14–17.
10. Bevington F., Piercy K.L., Olscamp K., Hilfiker S.W., Fisher D.G., Barnett E.Y. The Move Your Way Campaign: Encouraging Contemplators and Families to Meet the Recommendations From the Physical Activity Guidelines for Americans // Journal of Physical Activity and Health. 2020. № 17 (4). P. 397–403. doi: 10.1123/jpah.2019-0395. PMID: 32050160
11. Howie E.K., Guagliano J.M., Milton K., Vella S.A., Gomersall S.R., Kolbe-Alexander T.L., Richards J., Pate R.R. Ten Research Priorities Related to Youth Sport, Physical Activity, and Health // Journal of Physical Activity and Health. 2020. № 17 (9). P. 920–929. URL: <https://ueaeprints.uea.ac.uk/id/eprint/75603/>
12. Николаев А.Ю., Логинов С.И. Уровень и структура двигательной активности человека на Югорском севере (по данным опросника IPAQ) // Теория и практика физической культуры. 2016. № 7. С. 86–88.
13. Синявский Н.И., Фурсов А.В., Кизаев О.Н., Гергега Н.Н. Содержание недельной двигательной активности студенческой молодежи и ее самоанализ // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2016. № 4. С. 8–9.
14. Загурская А.И., Сосуновский В.С. Ценностные ориентации как основа формирования спортивной культуры студентов в процессе физкультурно-спортивного образования // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 119–122.
15. Сосуновский В.С., Загурская А.И., Акинина М.Д., Радаева С.В. Организация физического воспитания дошкольников в педагогической системе М. Монтессори // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 182–189.
16. Kong D., Sun J. Study on the Countermeasures of Integrating Outdoor Sports into the Development of Health Service Industry in China // Journal of Healthcare Engineering. 2022. Vol. 2022. doi: 10.1155/2022/1889519.
17. Huikari S., Junttila H., Ala-Mursula L., Jämsä T., Korpelainen R., Miettunen J., Svento R., Korhonen M. Leisure-time physical activity is associated with socio-economic status beyond income – Cross-sectional survey of the Northern Finland Birth Cohort 1966 study // Economics & Human Biology. 2021. № 41. Art. 100969. doi: 10.1016/j.ehb.2020.100969. PMID: 33429255
18. Rind E., Jones A.P. The geography of recreational physical activity in England // Health & Place. 2011. Vol. 17, № 1. P. 157–165. doi: 10.1016/j.healthplace.2010.09.009
19. Пашенко Л.Г. Потенциальная готовность работников нефтегазодобывающей отрасли к участию в физкультурно-спортивных мероприятиях // Человек. Спорт. Медицина. 2022. Т. 22, № 1. С. 89–95. doi: 10.14529/hsm220113
20. Bosteder S.M., Appleby K.M. Naturally Fit: An Investigation of Experiences in a Women Only Outdoor Recreation Program // Women in Sport and Physical Activity Journal. 2015. № 23 (1). P. 1–8. doi: 10.1123/wspaj.2014-0022
21. Bergeron C.D., Tanner A.H., Friedman D.B., Zheng Y., Schrock C.S., Bornstein D.B., Segar M., Swift N. Physical Activity Communication: A Scoping Review of the Literature // Health Promotion Practice. 2019. № 20 (3). P. 344–353. doi: 10.1177/1524839919834272. PMID: 30832516
22. Nagy A., Tobak J. The role of sport infrastructure: use, preferences and needs // APSTRACT: Applied Studies in Agribusiness and Commerce. 2015. Vol. 9. P. 47–52. doi: 10.19041/APSTRACT/2015/1-2/9
23. Пашенко Л.Г., Волков Л.А. Активность использования жителями северного города открытых спортивных сооружений в зимний период во время досуга // Теория и практика физической культуры. 2022. № 10. С. 12–14.
24. Пашенко Л.Г., Волков Л.А. Востребованность открытых спортивных сооружений в зимний период у жителей северного города // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 9 (211). С. 363–366. doi: 10.34835/issn.2308-1961.2022.9.p363-367
25. Хуснутдинова С.Р., Закирова Ю.А. Городская среда как необходимое пространственное условие развития активного образа жизни и активного туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. № 3. С. 59–70.
26. Зрнзевич Н., Цветкович Р., Зрнзевич Й. Спортивные объекты как важный фактор развития архитектуры города // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2017. № 2. С. 90–96. doi: 10.12737/24425
27. Абалян А.Г., Долматова Т.В., Фомиченко Т.Г. Вовлечение населения в занятия физической культурой и спортом: анализ успешных зарубежных практик на примере Великобритании // Вестник спортивной науки. 2018. № 5. С. 53–64.
28. Давлетова Н.Х. Городское планирование и физическая активность горожан // Наука и спорт: современные тенденции. 2016. Т. 13, № 4 (13). С. 54–59.
29. Зюрин Э.А., Петрук Е.Н. Стимулирование физической активности взрослого населения через формирование доступной физкультурно-спортивной среды // Вестник спортивной науки. 2019. № 2. С. 64–69.
30. Манжелей И.В., Иванова С.В. Средовой подход в организации физкультурно-спортивной работы с населением // Теория и практика физической культуры. 2014. № 12. С. 61–65.
31. Veitch J., Salmon J., Crawford D., Abbott G., Giles-Corti B., Carver A., Timperio A. The REVAMP natural experiment study: the impact of a play-scape installation on park visitation and park-based physical activity // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. 2018. № 15 (1). P. 10. doi: 10.1186/s12966-017-0625-5. PMID: 29368610.
32. Vocarro J.N., Casper J., Henderson K.A., Floyd M.F., Moore R., Kanters M.A., Edwards M.B. Physical Activity Promotion in North Carolina: Perceptions of Public Park and Recreation Directors // Journal of Park and Recreation Administration. 2009. № 27 (1). P. 1–16. URL: <https://js.sagamorepub.com/jpra/article/view/1294>

33. Casper J.M., Harrolle M.G., Kelley K.M.S. Gender Differences in Self-Report Physical Activity and Park and Recreation Facility Use Among Latinos in Wake County, North Carolina // *Annals of Behavioral Medicine*. 2013. № 45 (1). P. 49–54. doi: 10.1007/s12160-012-9435-9
34. Cranney L., Phongsavan P., Kariuki M., Stride V., Scott A., Hua M., Bauman A. Impact of an outdoor gym on park users' physical activity: A natural experiment // *Health Place*. 2016. № 37. P. 26–34. doi: 10.1016/j.healthplace.2015.11.002. PMID: 26699448
35. Cohen D.A., Han B., Nagel C.J., Harnik P., McKenzie T.L., Evenson K.R., Marsh T., Williamson S., Vaughan C., Katta S. The First National Study of Neighborhood Parks: Implications for Physical Activity // *American Journal of Preventive Medicine*. 2016. № 51 (4). P. 419–26. doi: 10.1016/j.amepre.2016.03.021. PMID: 27209496
36. Kong D., Sun J. Study on the Countermeasures of Integrating Outdoor Sports into the Development of Health Service Industry in China // *Journal of Healthcare Engineering*. 2022. Vol. 2022. doi: 10.1155/2022/1889519
37. Slater S.J., Christiana R.W., Gustat J. Peer Reviewed: Recommendations for keeping parks and green space accessible for mental and physical health during COVID-19 and other pandemics // *Preventing chronic disease*. 2020. Vol. 17. doi: 10.5888/pcd17.200204. PMID: 32644919
38. Zhang L. Research on the evaluation of sports events based on the concept of green environmental protection // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. IOP Publishing, 2021. Vol. 651, №. 4. Art. 042028. doi: 10.1088/1755-1315/651/4/042028
39. Лубышева Л.И., Литвиненко С.Н. Массовый спорт как основа здоровья нации и будущего процветания России // *Теория и практика физической культуры*. 2009. № 12. С. 52–55.
40. Bielec G., Dziadek B., Borysiuk Z., Cynarski W.J. Budo in Physical Recreation as a form of Rapprochement to Nature // *Sustainability*. 2021. № 13 (12). Art. 6951. doi: 10.3390/su13126951
41. Новокрещенов В.В., Мельникова Л.В., Мельников Д.А., Митриченко Р.Х. Организационно-педагогические условия развития спортивного ориентирования как вида спорта для всех. Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2018. 191 с.
42. Юрова К.И., Иоффе Д.В. Экологическое волонтерство. Проект «Чистые игры» // *Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации* : сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч., Пенза, 25 января 2018 года. Ч. 2. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018. С. 272–274
43. Гребенникова А.А., Масляков В.В., Марьенко В.Н. Некоторые аспекты вовлечения населения в решение проблем благоустройства территории муниципального образования // *Индустриальная экономика*. 2021. № 4-1. С. 89–95. doi: 10.47576/2712-7559_2021_4_1_89
44. Hackett K.A., Ziegler M.C., Olson J.A., Bizub J., Stolley M., Szabo A., Heller E., Beyer K.M.M. Nature Mentors: a program to encourage outdoor activity and nature engagement among urban youth and families // *Journal of Adventure Education and Outdoor Learning*. 2021. № 21:1. P. 35–52. doi: 10.1080/14729679.2020.1730203
45. Scott-Andrews K.Q., Lane A., Rock S., Robinson L.E. Considerations for a Social Media Physical Activity Program: Exploratory Study // *JMIR Pediatrics and Parenting*. 2022. № 5 (1). Art. e26008. URL: <https://pediatrics.jmir.org/2022/1/e26008>. doi:10.2196/26008
46. Смирнова Е.И., Сухостав О.А., Матюнина Н.В. Мобильные приложения как средство активизации самостоятельной работы по физической культуре студентов // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 474. С. 22–28.
47. Поздеева Е.А., Мелентьев А.Н., Руссу О.Н., Коричко Ю.В., Давыдова С.А. Здоровый образ жизни и бнохакинг: анализ понятий, составляющих и основных принципов // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 477. С. 191–200.
48. Dunleavy N. Proposed cuts to sport and recreation could hinder health of northern communities // *CMAJ*. 2008. № 178 (9). P. 1129. doi: 10.1503/cmaj.080361. PMID: 18427084
49. Кыласов А.В., Гуреева Е.А. Брендинг и особенности продвижения этноспорта // *Теория и практика физической культуры*. 2017. № 5. С. 46–48
50. Duret P., Angué K. Two norms for innovation in outdoor sports: Technical and social innovation, *Loisir et Société* // *Society and Leisure*. 2015. № 38 (3). P. 372–382. doi: 10.1080/07053436.2015.1083756
51. Tryjanowski P., Murawiec S., Randler C. No such Thing as Bad Birding Weather, but Depends on Personal Experience, *Leisure Sciences*. 2023. doi: 10.1080/01490400.2023.2167026. URL: https://www.researchgate.net/publication/368259283_No_such_Thing_as_Bad_Birding_Weather_but_Depends_on_Personal_Experience
52. Эльмурзаев М.А., Зайцев А.В., Мурашева М.В. Генезис зарубежных исследований досуга и физической рекреации // *Теория и практика физической культуры*. 2021. № 3. С. 102–104.
53. Robinson L.E., Stodden D.F., Barnett L.M., Lopes V.P., Logan S.W., Rodrigues L.P., D'Hondt E. Motor Competence and its Effect on Positive Developmental Trajectories of Health // *Sports Medicine*. 2015. № 45 (9). P. 1273–1284. doi: 10.1007/s40279-015-0351-6. PMID: 26201678
54. Ekblom-Bak E., Ekblom Ö., Andersson G., Wallin P., Ekblom B. Physical Education and Leisure-Time Physical Activity in Youth Are Both Important for Adulthood Activity, Physical Performance, and Health // *Journal of Physical Activity and Health*. 2018. № 15 (9). P. 661–670. URL: <http://journals.humankinetics.com/view/journals/jpah/15/9/article-p661.xml>
55. Shin K., You S. Leisure Time, Leisure Satisfaction and Adolescent' Psychological Wellbeing // *Journal of Pacific Rim Psychology*. 2013. № 7 (2). P. 53–62. doi: 10.1017/prp.2013.6
56. Пашенко Л.Г., Чуенко О.А., Матюнина Н.В., Хорькова А.С. Самостоятельная физкультурно-спортивная деятельность молодежи в условиях досуга в аспекте социологического анализа // *Теория и практика физической культуры*. 2022. № 7. С. 47–49.
57. Пашенко Л.Г., Нестерюк А.А., Савельева Ю.Н. Мотивы занятий физической рекреацией на открытом воздухе молодежи Югорского Севера // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2022. № 11(213). С. 423–428. doi: 10.34835/issn.2308-1961.2022.11.p423-428
58. Nowak P.F. Health or rivalry-motivation behind amateur participation in long distance running events in Poland and the Czech Republic // *Journal of Physical Education & Health-Social Perspective*. 2017. Vol. 6, № 10. P. 51–56. URL: <http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-52bc34d2-8a4b-4ba5-ac69-flfe262b9e8b>
59. Brocherie F., Girard O., Millet G.P. Emerging Environmental and Weather Challenges in Outdoor Sports // *Climate*. 2015. № 3 (3). P. 492–521. doi: 10.3390/cli3030492
60. Li F., Liu Y., Lü J., Liang L., Harmer P. Ambient air pollution in China poses a multifaceted health threat to outdoor physical activity // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2015. № 69 (3). P. 201–204. doi: 10.1136/jech-2014-203892. PMID: 24970766
61. An R., Zhang S., Ji M., Guan C. Impact of ambient air pollution on physical activity among adults: a systematic review and meta-analysis // *Perspectives in Public Health*. 2018. Vol. 138 (2). P. 111–121. doi: 10.1177/1757913917726567. PMID: 28829249.
62. Lanza K., Stone B., Chakalian P.M., Gronlund C.J., Hondula D.M., Larsen L., Mallen E., Haardörfer R. Physical Activity in the Summer Heat: How Hot Weather Moderates the Relationship Between Built Environment Features and Outdoor Physical Activity of Adults // *Journal of Physical Activity and Health*. 2020. Vol. 17 (3). P. 261–269. doi: 10.1123/jpah.2019-0399. PMID: 31918409
63. Тушина О.П., Трушин М.П., Барашин Г.Н. Исследование состояния здоровья студентов, связанного с травмами при занятиях физической культурой // *Дневник науки*. 2021. № 4 (52). С. 14.
64. Salmon P., Williamson A., Lenné M., Mitsopoulos-Rubens E., Rudin-Brown C.M. Systems-based accident analysis in the led outdoor activity domain: application and evaluation of a risk management framework // *Ergonomics*. 2010. № 53 (8). P. 927–939. doi: 10.1080/00140139.2010.489966
65. Ли Ж., Гаврильев С.И., Черкашин И.А. Применение индивидуальных игровых видов спорта в процессе занятий оздоровительной физической культурой // *Перспективы науки*. 2022. № 4 (151). С. 147–149.

References

1. RF Ministry of Sport. (n.d.) *Federal'nyy proekt "Sport – norma zhizni"* [Federal project "Sport is the norm of life"]. [Online] Available from: <https://minsport.gov.ru/activities/fedprosport/>
2. RF Ministry of Sport. (n.d.) *Strategiya razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda* [Strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period until 2030]. [Online] Available from: <https://minsport.gov.ru/activities/proekt-strategii-2030/>
3. Smirnova, N.V. & El'murzaev, M.A. (2017) Fizicheskaya rekreatsiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Physical recreation: current state and development prospects]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 5. pp. 12–14
4. Taratorin, E.V. (2020) Dosugovaya deyatel'nost' kak ob'ekt dissertatsionnykh issledovaniy [Leisure activities as an object of dissertation research]. *Obrazovanie i kul'turnoe prostranstvo*. 4. pp. 65–73.
5. Thompson Coon, J. et al. (2011) Does Participating in Physical Activity in Outdoor Natural Environments Have a Greater Effect on Physical and Mental Wellbeing than Physical Activity Indoors? A Systematic Review. *Environmental Science & Technology*. 45 (5). pp. 1761–1772. doi: 10.1021/es102947t
6. Manferdelli, G., La Torre, A. & Codella, R. (2019) Outdoor physical activity bears multiple benefits to health and society. *J Sports Med Phys Fitness*. 59 (5). pp. 868–879. doi: 10.23736/S0022-4707.18.08771-6. PMID: 30650943.
7. Wolsko, C., Lindberg, K. & Reese, R. (2019) Nature-based physical recreation leads to psychological well-being: Evidence from five studies. *Ecopsychology*. 11 (4). pp. 222–235. doi: 10.1089/eco.2018.0076
8. Lubysheva, L.I. (2020) Massovaya sportivnaya podgotovka - novyy vektor sportizatsii naseleniya strany [Mass sports training – a new vector of sportization of the country's population]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 3. p. 99.
9. Korshever, N.G. & Sidel'nikov, S.A. (2016) Fizicheskaya aktivnost' i okhrana zdorov'ya naseleniya [Population's physical activity and health care]. *Vestnik Ural'skoy meditsinskoy akademicheskoy nauki*. 1 (56). pp. 14–17.
10. Bevington, F. et al. (2020) The Move Your Way Campaign: Encouraging Contemplators and Families to Meet the Recommendations From the Physical Activity Guidelines for Americans. *Journal of Physical Activity and Health*. 17 (4). pp. 397–403. doi: 10.1123/jpah.2019-0395. PMID: 32050160.
11. Howie, E.K. et al. (2020) Ten Research Priorities Related to Youth Sport, Physical Activity, and Health. *Journal of Physical Activity and Health*. 17 (9). pp. 920–929. [Online] Available from: <https://ueaeprints.uea.ac.uk/id/eprint/75603/>
12. Nikolaev, A.Yu. & Loginov, S.I. (2016) Uroven' i struktura dvigatel'noy aktivnosti cheloveka na Yugorskom severe (po dannym oprosnika IPAQ) [Level and structure of human motor activity in the Yugra north (according to the IPAQ questionnaire)]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 7. pp. 86–88.
13. Sinyavskiy, N.I. et al. (2016) Soderzhanie nedel'noy dvigatel'noy aktivnosti studencheskoy molodezhi i ee samoanaliz [The content of weekly motor activity of student youth and its self-analysis]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 4. pp. 8–9.
14. Zagrevskaya, A.I. & Sosunovskiy, V.S. (2013) Value orientations as the basis for the formation of students' sports culture in the process of physical culture and sports education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 368. pp. 119–122. (In Russian).
15. Sosunovskiy, V.S. et al. (2021) Organization of Preschoolers' Physical Education in the Montessori Pedagogical System. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 466. pp. 182–189. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/466/22
16. Kong, D. & Sun, J. (2022) Study on the Countermeasures of Integrating Outdoor Sports into the Development of Health Service Industry in China. *Journal of Healthcare Engineering*. 2022. doi: 10.1155/2022/1889519.
17. Huikari, S. et al. (2021) Leisure-time physical activity is associated with socio-economic status beyond income - Cross-sectional survey of the Northern Finland Birth Cohort 1966 study. *Economics & Human Biology*. 41. Art. 100969. doi: 10.1016/j.ehb.2020.100969. PMID: 33429255.
18. Rind, E. & Jones, A.P. (2011) The geography of recreational physical activity in England. *Health & Place*. 17 (1). pp. 157–165. doi: 10.1016/j.healthplace.2010.09.009
19. Pashchenko, L.G. (2022) Potentsial'naya gotovnost' rabotnikov neftegazodobyvayushchey otrasli k uchastiyu v fizkul'turno-sportivnykh meropriyatiyakh [Potential readiness of oil and gas industry workers to participate in physical culture and sports events]. *Chelovek. Sport. Meditsina*. 22 (1). pp. 89–95. doi: 10.14529/hsm220113
20. Bosteder, S.M. & Appleby, K.M. (2015) Naturally Fit: An Investigation of Experiences in a Women Only Outdoor Recreation Program. *Women in Sport and Physical Activity Journal*. 23 (1). pp. 1–8. doi: 10.1123/wspaj.2014-0022
21. Bergeron, C.D. et al. (2019) Physical Activity Communication: A Scoping Review of the Literature. *Health Promotion Practice*. 20 (3). pp. 344–353. doi: 10.1177/1524839919834272. PMID: 30832516.
22. Nagy, A. & Tobak, J. (2015) The role of sport infrastructure: use, preferences and needs. *ABSTRACT: Applied Studies in Agribusiness and Commerce*. 9. pp. 47–52. doi: 10.19041/APSTRACT/2015/1-2/9
23. Pashchenko, L.G. & Volkov, L.A. (2022) Aktivnost' ispol'zovaniya zhitelyami severnogo goroda otkrytykh sportivnykh sooruzheniy v zimniy period vo vremya dosuga [Active use of outdoor sports facilities by residents of a northern city in the winter period during leisure time]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 10. pp. 12–14.
24. Pashchenko, L.G. & Volkov, L.A. (2022) Vostrebovanost' otkrytykh sportivnykh sooruzheniy v zimniy period u zhitel'ey severnogo goroda [Demand for outdoor sports facilities in winter among residents of a northern city]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 9 (211). pp. 363–366. doi: 10.34835/issn.2308-1961.2022.9.p363-367
25. Khusnutdinova, S.R. & Zakirova, Yu.A. (2017) Gorodskaya sreda kak neobkhodimoe prostranstvennoe uslovie razvitiya aktivnogo obraza zhizni i aktivnogo turizma [Urban environment as a necessary spatial condition for the development of an active lifestyle and active tourism]. *Sovremennyye problemy servisa i turizma*. 3. pp. 59–70.
26. Zrnzevich, N., Tsvetkovich, R. & Zrnzevich, Y. (2017) Sportivnye ob'ekty kak vazhnyy faktor razvitiya arkhitektury goroda [Sports facilities as an important factor in the development of city architecture]. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V.G. Shukhova*. 2. pp. 90–96. doi: 10.12737/24425
27. Abalyan, A.G., Dolmatova, T.V. & Fomichenko, T.G. (2018) Vovlechenie naseleniya v zanyatiya fizicheskoy kul'turoy i sportom: analiz uspekhnykh zarubezhnykh praktik na primere Velikobritanii [Involving the population in physical culture and sports: analysis of successful foreign practices using the example of the UK]. *Vestnik sportivnoy nauki*. 5. pp. 53–64.
28. Davletova, N.Kh. (2016) Gorodskoe planirovanie i fizicheskaya aktivnost' gorozhan [Urban planning and physical activity of citizens]. *Nauka i sport: sovremennyye tendentsii*. 13:4 (13). pp. 54–59.
29. Zyurin, E.A. & Petruk, E.N. (2019) Stimulirovanie fizicheskoy aktivnosti vzoslogo naseleniya cherez formirovanie dostupnoy fizkul'turno-sportivnoy sredy [Stimulating physical activity of the adult population through the formation of an accessible physical culture and sports environment]. *Vestnik sportivnoy nauki*. 2. pp. 64–69.
30. Manzheley, I.V. & Ivanova, S.V. (2014) Sredovyy podkhod v organizatsii fizkul'turno-sportivnoy raboty s naseleniem [Environmental approach to the organization of physical culture and sports work with the population]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 12. pp. 61–65.
31. Veitch, J. et al. (2018) The REVAMP natural experiment study: the impact of a play-scape installation on park visitation and park-based physical activity. *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*. 15 (1). p. 10. doi: 10.1186/s12966-017-0625-5. PMID: 29368610.

32. Bocarro, J.N. et al. (2009) Physical Activity Promotion in North Carolina: Perceptions of Public Park and Recreation Directors. *Journal of Park and Recreation Administration*. 27 (1). pp. 1–16. [Online] Available from: <https://js.sagamorepub.com/jpra/article/view/1294>
33. Casper, J.M., Harrolle, M.G. & Kelley, K.M.S. (2013) Gender Differences in Self-Report Physical Activity and Park and Recreation Facility Use Among Latinos in Wake County, North Carolina. *Annals of Behavioral Medicine*. 45 (1). pp. 49–54. doi: 10.1007/s12160-012-9435-9
34. Cranney, L. et al. (2016) Impact of an outdoor gym on park users' physical activity: A natural experiment. *Health Place*. 37. pp. 26–34. doi: 10.1016/j.healthplace.2015.11.002. PMID: 26699448.
35. Cohen, D.A. et al. (2016) The First National Study of Neighborhood Parks: Implications for Physical Activity. *American Journal of Preventive Medicine*. 51 (4). pp. 419–26. doi: 10.1016/j.amepre.2016.03.021. PMID: 27209496.
36. Kong, D. & Sun, J. (2022) Study on the Countermeasures of Integrating Outdoor Sports into the Development of Health Service Industry in China. *Journal of Healthcare Engineering*. 2022. doi: 10.1155/2022/1889519.
37. Slater, S.J., Christiana, R.W. & Gustat, J. (2020) Peer Reviewed: Recommendations for keeping parks and green space accessible for mental and physical health during COVID-19 and other pandemics. *Preventing Chronic Disease*. 17. doi: 10.5888/pcd17.200204. PMID: 32644919.
38. Zhang, L. (2021) Research on the evaluation of sports events based on the concept of green environmental protection. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. IOP Publishing 651 (4). Art. 042028. doi: 10.1088/1755-1315/651/4/042028
39. Lubysheva, L.I. & Litvinenko, S.N. (2009) Massovy sport kak osnova zdorov'ya natsii i budushchego protsvetaniya Rossii [Mass sports as the basis of the health of the nation and the future prosperity of Russia]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 12. pp. 52–55.
40. Bielec, G. et al. (2021) Budo in Physical Recreation as a form of Rapprochement to Nature. *Sustainability*. 13 (12). Art. 6951. doi: 10.3390/su13126951
41. Novokreshchenov, V.V. et al. (2018) *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya razvitiya sportivnogo orientirovaniya kak vida sporta dlya vsekh* [Organizational and pedagogical conditions for the development of orienteering as a sport for everyone]. Saratov: Ay Pi Er Media.
42. Yurova, K.I. & Ioffe, D.V. (2018) [Environmental volunteering. Project "Clean Games"]. *Sovremennaya ekonomika: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Modern economics: current issues, achievements and innovations]. Proceedings of the International Conference. Penza. 25 January 2018. In 2 Parts. Part 2. Penza: "Nauka i Prosveshchenie" (IP Gulyaev G.Yu.). pp. 272–274. (In Russian).
43. Grebennikova, A.A., Maslyakov, V.V. & Mar'enko, V.N. (2021) Some Aspects of Involving the Population in Solving the Problems of Improving the Territory of the Municipality. *Industrial'naya ekonomika*. 4-1. pp. 89–95. (In Russian). doi: 10.47576/2712-7559_2021_4_1_89
44. Hackett, K.A. et al. (2021) Nature Mentors: a program to encourage outdoor activity and nature engagement among urban youth and families. *Journal of Adventure Education and Outdoor Learning*. 21:1. pp. 35–52. doi: 10.1080/14729679.2020.1730203
45. Scott-Andrews, K.Q. et al. (2022) Considerations for a Social Media Physical Activity Program: Exploratory Study. *JMIR Pediatrics and Parenting*. 5 (1). Art. e26008. [Online] Available from: <https://pediatrics.jmir.org/2022/1/e26008>. doi:10.2196/26008
46. Smirnova, E.I., Sukhostav, O.A. & Matyunina, N.V. (2022) Mobile Applications as a Means of Activating Students' Independent Work in Physical Culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 22–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/3
47. Pozdeeva, E.A. et al. (2022) Healthy Lifestyle and Biohacking: Analysis of Concepts, Components and Basic Principles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 191–200. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/21
48. Dunleavy, N. (2008) Proposed cuts to sport and recreation could hinder health of northern communities. *CMAJ*. 178 (9). p. 1129. doi: 10.1503/cmaj.080361. PMID: 18427084
49. Kylasov, A.V. & Gureeva, E.A. (2017) Brending i osobennosti prodvizheniya etnosporta [Branding and features of ethnic sports promotion]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 5. pp. 46–48
50. Duret, P. & Anguè, K. (2015) Two norms for innovation in outdoor sports: Technical and social innovation, Loisir et Société. *Society and Leisure*. 38 (3). pp. 372–382. doi: 10.1080/07053436.2015.1083756
51. Tryjanowski, P., Murawiec, S. & Randler, C. (2023) *No such Thing as Bad Birding Weather, but Depends on Personal Experience*. *Leisure Sciences*. doi: 10.1080/01490400.2023.2167026. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/368259283_No_such_Thing_as_Bad_Birding_Weather_but_Depends_on_Personal_Experience
52. El'murzaev, M.A., Zaytsev, A.V. & Murasheva, M.V. (2021) Genезis zarubezhnykh issledovaniy dosuga i fizicheskoy rekreatsii [Genesis of foreign studies of leisure and physical recreation]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 3. pp. 102–104.
53. Robinson, L.E. et al. (2015) Motor Competence and its Effect on Positive Developmental Trajectories of Health. *Sports Medicine*. 45 (9). pp. 1273–1284. doi: 10.1007/s40279-015-0351-6. PMID: 26201678.
54. Ekblom-Bak, E. et al. (2018) Physical Education and Leisure-Time Physical Activity in Youth Are Both Important for Adulthood Activity, Physical Performance, and Health. *Journal of Physical Activity and Health*. 15 (9). pp. 661–670. [Online] Available from: <http://journals.humankinetics.com/view/journals/jpah/15/9/article-p661.xml>
55. Shin K. & You S. (2013) Leisure Time, Leisure Satisfaction and Adolescent' Psychological Wellbeing. *Journal of Pacific Rim Psychology*. 7 (2). pp. 53–62. doi: 10.1017/prp.2013.6
56. Pashchenko, L.G. et al. (2022) Samostoyatel'naya fizkul'turno-sportivnaya deyatel'nost' molodezhi v usloviyakh dosuga v aspekte sotsiologicheskogo analiza [Independent physical culture and sports activities of young people in leisure conditions in the aspect of sociological analysis]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 7. pp. 47–49.
57. Pashchenko, L.G., Nesteryuk, A.A. & Savel'eva, Yu.N. (2022) Motivy zanyatiy fizicheskoy rekreatsii na otkrytom vozdukh molodezhi Yugorskogo Severa [Motives for physical recreation in the open air among young people of the Yugra North]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 11(213). pp. 423–428. doi: 10.34835/issn.2308-1961.2022.11.p423-428
58. Nowak, P.F. (2017) Health or rivalry-motivation behind amateur participation in long distance running events in Poland and the Czech Republic. *Journal of Physical Education & Health-Social Perspective*. 6 (10). pp. 51–56. [Online] Available from: <http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-52bc34d2-8a4b-4ba5-ac69-flfe262b9e8b>
59. Brocherie, F., Girard, O. & Millet, G.P. (2015) Emerging Environmental and Weather Challenges in Outdoor Sports. *Climate*. 3 (3). pp. 492–521. doi: 10.3390/cli3030492
60. Li F. et al. (2015) Ambient air pollution in China poses a multifaceted health threat to outdoor physical activity. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 69 (3). pp. 201-204. doi: 10.1136/jech-2014-203892. PMID: 24970766
61. An R. et al. (2018) Impact of ambient air pollution on physical activity among adults: a systematic review and meta-analysis. *Perspectives in Public Health*. 138 (2). pp. 111–121. doi: 10.1177/1757913917726567. PMID: 28829249.
62. Lanza, K. et al. (2020) Physical Activity in the Summer Heat: How Hot Weather Moderates the Relationship Between Built Environment Features and Outdoor Physical Activity of Adults. *Journal of Physical Activity and Health*. 17 (3). pp. 261–269. doi: 10.1123/jpah.2019-0399. PMID: 31918409.
63. Tushina, O.P., Trushnin, M.P. & Barashin, G.N. (2021) Issledovanie sostoyaniya zdorov'ya studentov, svyazannogo s travmami pri zanyatiyakh fizicheskoy kul'turoy [Study of the health status of students associated with injuries during physical education]. *Dnevnik nauki*. 4 (52). pp. 14.
64. Salmon, P. (2010) Systems-based accident analysis in the led outdoor activity domain: application and evaluation of a risk management framework. *Ergonomics*. 53 (8). pp. 927–939. doi: 10.1080/00140139.2010.489966
65. Li Zh., Gavril'ev, S.I. & Cherkashin, I.A. (2022) Primenenie individual'nykh igrovyykh vidov sporta v protsesse zanyatiy ozdorovitel'noy fizicheskoy kul'turoy [Application of individual game sports in health-improving physical education]. *Perspektivy nauki*. 4 (151). pp. 147–149.

Информация об авторе:

Пашенко Л.Г. – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания Нижневартковского государственного университета (Нижневартовск, Россия). E-mail: lenanv2008@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.G. Pashchenko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: lenanv2008@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.03.2023;
одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 16.03.2023;
approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 796
doi: 10.17223/15617793/494/16

Совершенствование реализации самостоятельной работы студентов по дисциплинам физической культуры и спорта

Владимир Владимирович Севастьянов^{1, 2}, Елена Владимировна Алтухова^{1, 3}

¹ Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Воронеж, Россия

² sevastianovvv@mail.ru

³ elena_altuhova7@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема эффективной организации самостоятельной работы студентов, которая имеет актуальное значение в свете реализации учебного процесса по дисциплинам физической культуры и спорта в соответствии с ФГОС ВО 3++. Разработана и предложена модель организации самостоятельной работы студентов вузов с целью обеспечения непрерывности формирования необходимого уровня физических способностей занимающихся.

Ключевые слова: самостоятельная работа, студенты, физические упражнения, самостоятельные тренировочные занятия, контроль, самоконтроль

Для цитирования: Севастьянов В.В., Алтухова Е.В. Совершенствование реализации самостоятельной работы студентов по дисциплинам физической культуры и спорта // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 155–162. doi: 10.17223/15617793/494/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/16

Improving the implementation of students' independent work in the disciplines of physical culture and sports

Vladimir V. Sevastyanov^{1, 2}, Elena V. Altukhova^{1, 3}

¹ Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, Voronezh, Russian Federation

² sevastianovvv@mail.ru

³ elena_altuhova7@mail.ru

Abstract. The contradiction between the real organization of the process of physical education of students in accordance with the Federal State Educational Standard of Higher Education 3++ and the need to ensure a certain level of formation of the physical abilities of those involved determines the research problem, which is the need to improve the effectiveness of the students' independent work section. The aim of the study is to develop a model for organizing students' independent work in the disciplines of physical culture and sports. The study was conducted on the basis of Voronezh State Agrarian University from January 2020 to March 2022 and included two stages during which the following research methods were used: analysis of sources of scientific and educational literature, pedagogical testing, pedagogical observation. Also, within the framework of pedagogical control, we used the method of registering indicators characterizing students' activities. As a result of the research, we identified the advantages of an integrated approach in organizing independent training sessions; determined the features of control in the process of physical education of students; adjusted the content of the theoretical course; developed a program of independent training sessions, taking into account the level of students' physical fitness. At the final stage of the study, we developed and proposed a model for organizing independent work, a distinctive feature of which is the use of specially designed blocks of methodological and practical classes, involving the use of specific teaching aids and methods, pedagogical control, the use of a workbook and self-control diaries. The conducted studies testify to the possibility of a teacher's effective influence on the productivity of students' independent work due to the constructed system of teaching disciplines of physical culture and sports based on the proposed model. At the same time, the problem of improving the quality of independent training sessions seems to us to be rather complicated, since it is connected with students' motivation to engage in physical exercises, and the development of a strong habit of independent training is part of a complex social process of forming a person's physical culture, which actualizes further research.

Keywords: independent work, students, physical exercises, independent training sessions, control, self-control

For citation: Sevastyanov, V.V. & Altukhova, E.V. (2023) Improving the implementation of students' independent work in the disciplines of physical culture and sports. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 155–162. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/16

В настоящее время с учетом сложившейся геополитической обстановки особое значение приобретает вопрос повышения уровня здоровья и трудоспособности населения нашей страны, что напрямую связано с непрерывным процессом массового физического воспитания. Учебные дисциплины по физической культуре и спорту, реализуемые в высших учебных заведениях, вносят свой весомый вклад в профессиональное становление будущих специалистов, о чем свидетельствуют диссертационные исследования (В.А. Карпов, 2003; В.С. Ежков, 2003; Д.А. Бортнев, 2006; Е.А. Остапенко, 2006; Г.В. Пономарева, 2010; В.В. Титов, 2013; И.С. Миронов, 2017; В.В. Севастьянов, 2017; К.В. Бученков, 2019), посвященные проблеме профессионально-прикладной физической подготовки студентов. При этом стоит отметить, что «параметры развития физических способностей являются жизненно важными показателями у студенческой молодежи, поскольку уровень их сформированности определяет работоспособность будущих специалистов» [1. С. 74]. В этой связи работа по совершенствованию процесса физического воспитания студентов имеет большое практическое значение.

В практике учебного процесса современной системы образования одной из форм проведения занятий в высшем учебном заведении является самостоятельная работа студентов. Данное положение во многом влияет на освоение дисциплин «Физическая культура и спорт» и «Элективные дисциплины по физической культуре и спорту», имеющих ярко выраженную специфику преподавания, связанную с широким охватом изучаемого материала, учетом состояния здоровья занимающихся, необходимостью надлежащей материальной базы, физиологическими закономерностями выполнения физической нагрузки, педагогическими особенностями процесса физического воспитания и пр. Таким образом, в настоящее время вопрос реализации раздела самостоятельной работы студентов имеет важное значение в процессе освоения дисциплин физической культуры и спорта [1. С. 85]. Это актуализирует необходимость выбора и системного использования специальных форм, методов, способов и приемов обучения и воспитания, направленных на решение задач качественного осуществления планирования, выполнения и контроля самостоятельной работы обучающихся.

Проблема эффективной организации самостоятельной работы студентов затрагивает вопросы мотивации к занятиям физическими упражнениями, преемственности в освоении материала в процессе контактной и самостоятельной работы, вопросы осуществления контроля за занимающимися [2. С. 178]. В этой связи с целью разработки технологии реализации раздела самостоятельной работы студентов по дисциплинам физической культуры и спорта нами применялись следующие методы исследования: анализ источников научной и учебно-методической литературы, педагогическое тестирование, педагогическое наблюдение, метод экспертной оценки.

Исследование проводилось в период с января 2020 г. по март 2022 г. и включало два этапа.

На первом этапе (январь 2020 г. – декабрь 2020 г.) анализировались источники научной и учебно-методической литературы, посвященные вопросам физического воспитания студентов, проведению самостоятельных занятий физическими упражнениями, осуществлению контроля за занимающимися. В результате были обозначены преимущества комплексного подхода в организации самостоятельных тренировочных занятий, обоснованы параметры выполнения физических упражнений, определены особенности контроля в процессе физического воспитания студентов, скорректирована форма ведения и содержание дневника самоконтроля занимающихся. С позиции поиска путей повышения эффективности учебных занятий было отмечено отсутствие четкой схемы и соотношения педагогического контроля и самоконтроля в процессе занятий.

В предыдущих публикациях [2. С. 319] нами были выделены противоречия, связанные с правом использования образовательными организациями самостоятельного выбора порядка реализации дисциплин физической культуры и спорта. Обращая внимание на современные требования Федерального государственного образовательного стандарта с целью уточнения данных изменения физической подготовленности занимающихся в течении учебного года нами было проведено тестирование студентов второго курса ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ в общем количестве 84 человека (40 юношей, 44 девушки) по следующим показателям: выносливость (бег 3000 м – юноши, 2000 м – девушки); скоростные способности (бег 100 м); силовая выносливость (подтягивание на перекладине – юноши, поднимание туловища из положения лежа на спине – девушки); скоростно-силовые способности (прыжок в длину с места); координационные способности (способность к перестроению двигательной деятельности, тест «квадрат»). Отличительной особенностью блока тестовых испытаний являлось включение теста «квадрат», выполнение которого заключалось в следующем. Испытуемый из положения высокого старта (у конуса № 1) по сигналу бежит до конуса № 2, обегает его и выполняет передвижение приставным шагом правым боком за конус № 3. Обегав конус, испытуемый переходит на бег спиной вперед и движется таким образом за конус № 4. Обегав конус, совершает поворот влево на 90 градусов и финиширует бегом лицом вперед, пересекая линию возле конуса № 1. Фиксировалось время преодоления дистанции. После отдыха испытание повторялось в другую сторону. Итоговым показателем испытуемого служила сумма времени прохождения дистанции в обе стороны.

Тестирование проводилось в начале и в конце учебного года. Результаты (средние значения) отражены в таблице и выглядят следующим образом. Начальное тестирование: у девушек бег 100 м – 18,0 (с); бег 2000 м – 13,01 (мин, с); прыжок в длину с места – 175 (см); поднимание туловища – 45 (раз); тест «квадрат» – 17,8 (с). У юношей бег 100 м – 14,3 (с); бег 3 000 м – 14,55 (мин, с); прыжок в длину с места – 230 (см); подтягивание на перекладине – 11 (раз); тест «квадрат» – 14 (с) [1. С. 88]. Итоговое тестирование: у девушек бег 100 м –

17,9 (с); бег 2000 м – 13,12 (мин, с); прыжок в длину с места – 170 (см); поднимание туловища – 50 (раз); тест «квадрат» – 17,5 (с). У юношей бег 100 м – 14,4 (с); бег 3000 м – 14,59 (мин, с); прыжок в длину с места – 235 (см); подтягивание на перекладине – 11 (раз); тест «квадрат» – 13,8 (с).

Результаты тестирования (среднее значение ± стандартное отклонение) физической подготовленности студентов Воронежского ГАУ

Пол	Бег 100 м, с	Бег 2000 м (девушки), 3000 м (юноши), мин, с	Прыжок в длину с места, см	Поднимание туловища (девушки), подтягивание на перекладине (юноши), раз	Тест «квадрат» (сумма времени в правую и левую стороны), с
Результаты тестирования в начале учебного года ($\mu \pm \sigma$)					
Девушки	18,0 ± 2,1	13,01 ± 1,5	175 ± 13,3	45 ± 7,3	17,8 ± 2,0
Юноши	14,3 ± 1,1	14,55 ± 2,4	230 ± 28,8	11 ± 3,6	14,0 ± 1,6
Результаты тестирования в конце учебного года ($\mu \pm \sigma$)					
Девушки	17,9 ± 1,8	13,12 ± 1,7	170 ± 19,0	50 ± 6,7	17,5 ± 1,7
Юноши	14,4 ± 1,3	14,59 ± 2,3	235 ± 24,8	11 ± 3,7	13,8 ± 1,5

Результаты тестирования выявили незначительные изменения показателей, носящие вариативный характер в конце учебного года при условии реальной контактной работы со студентами в объеме 60 ч. (одно практическое занятие в неделю по дисциплине «Элективные дисциплины по физической культуре и спорту»), при этом программный материал обучения занимающихся включал легкую атлетику, спортивные игры, гимнастику. В свете выхода из Болонских соглашений полученные данные во многом подтверждают результаты предыдущих исследований [3. С. 320], свидетельствующих о необходимости реорганизации процесса физического воспитания студентов, где одной из сторон повышения эффективности является разработка и внедрение методик самостоятельной работы студентов, а также осуществление контроля за их практической реализацией.

В процессе занятий нами применялось педагогическое наблюдение с фиксированием результатов деятельности занимающихся, что позволило определить параметры нагрузки. В результате проведенных исследований была разработана программа самостоятельных тренировочных занятий и предложена студентам с учетом их уровня физической подготовленности [4. С. 449]. При этом стоит отметить, что для уточнения степени доступности заданий и интенсивности нагрузки нами был применен метод экспертной оценки. В экспертной оценке приняли участие ведущие специалисты в области физической культуры и спорта в количестве семи человек, что позволило внести коррективы в содержание самостоятельных тренировочных занятий.

Согласно результатам исследований, проведенных А.А. Гладышевым и Э.В. Пилюгиной [5. С. 28], были выявлены низкие показатели развития способности к самостоятельной работе у студентов, что связано с недостаточным уровнем знаний о формах самостоятельных занятий физическими упражнениями, умением работать самостоятельно. Исходя из этого, на втором этапе исследования (январь 2021 г. – март 2022 г.) с целью совершенствования базового курса подготовки был проведен анализ основных нормативных документов [6. С. 68], регламентирующих процесс физического воспитания студентов, а также учебников и учебных пособий, используемых в учебном процессе. В результате было выявлено противоречие

между необходимым объемом изучаемого материала и количеством часов контактной работы на его освоение в рамках новой структуры дисциплины «Физическая культура и спорт» [6. С. 68]. В этой связи нами было скорректировано содержание лекционного курса, обеспечивающее приобретение базовых знаний по формированию физической культуры личности студента, включающее основы самостоятельных занятий физическими упражнениями. Был также разработан блок практических занятий, содержание которого направлено на приобретение практических умений проведения самостоятельных занятий физическими упражнениями с учетом индивидуальных особенностей занимающихся, а также умений ведения самоконтроля.

С целью обеспечения преемственности освоения материала в рамках последующей реализации элективных дисциплин по физической культуре и спорту было включено проведение методико-практических занятий, основной целью которых являлось совершенствование методики самоконтроля занимающихся. Для обеспечения обратной связи с занимающимися в рамках педагогического контроля нами применялся метод регистрации показателей, характеризующих деятельность занимающихся как в процессе выполнения специальных заданий на практических занятиях, так и при самостоятельной работе. В этой связи занимающимся было предложено ведение дневников самоконтроля, скорректированных нами с учетом необходимости получения подробной информации о содержании самостоятельных занятий (время проведения занятия, применяемые упражнения, количество раз, количество подходов, продолжительность, интенсивность, самочувствие, пульс (утром, до и после тренировки) сон, аппетит) [2. С. 450].

На основании данных ведения дневников самоконтроля на занятиях проводилась корректировка содержания самостоятельных занятий, параметров нагрузки, техники выполнения упражнений. Также в процессе анализа дневников самоконтроля нами были выявлены типичные ошибки студентов (исследование проводилось со студентами экспериментальной группы в количестве 33 человека) в планировании и проведении самостоятельных занятий на начальном этапе реализации раздела самостоятельной работы. При этом к наиболее распространенным

ошибкам можно отнести отсутствие в индивидуальной программе занятий беговой аэробной нагрузки (лишь 9% занимающихся выполняли бег продолжительностью более 20 минут в слабой и средней зоне интенсивности), а также постепенное увеличение параметров нагрузки от занятия к занятию [7. С. 393].

В марте 2022 г. были проведены методико-практические занятия, в процессе которых выявлена положительная динамика в качестве проведения самостоятельных занятий, что выразилось в увеличении объема выполняемых упражнений при прежних значениях частоты сердечных сокращений у 66% испытуемых.

Таким образом, результаты проведенных исследований позволяют показать схематично последовательность организации самостоятельной работы студентов в процессе освоения дисциплин по физической культуре и спорту (рис. 1).

Рассматривая содержание последовательности организации самостоятельной работы студентов стоит дать более подробное описание содержанию некоторых структурных элементов.

Программа самостоятельных тренировочных занятий, разработанная на кафедре физического воспитания ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, предусматривает, в зависимости от уровня двигательной и функциональной подготовленности обучающихся, два комплекса занятий: комплекс А – предназначен для студентов основной медицинской группы с низким уровнем физической подготовленности; комплекс Б – предназначен для студентов основной медицинской группы со средним и высоким уровнем физической подготовленности. При этом каждая серия комплекса состоит из десяти занятий и дополняет практический учебный материал, предусмотренный рабочей программой элективных дисциплин по физической культуре и спорту [4. С. 449].

В содержание самостоятельных занятий были включены силовые упражнения с весом собственного тела, направленные на формирование силовой выносливости (сгибание и разгибание рук в упоре лежа в различных положениях), в том числе облегченных для девушек, различные варианты подтягиваний на перекладине, поднимание согнутых или прямых ног в висе на перекладине, а также в упоре сидя на гимнастической скамейке; приседания из различных исходных положений, выпады, комбинированные прыжковые упражнения. Также предусматривалось формирование скоростно-силовых (сгибание и разгибание рук в упоре лежа с выполнением отталкивания руками и хлопка у груди для юношей; тройные, пятерные прыжки в длину с места толчком с двух ног, а также с ноги на ногу для юношей и девушек), скоростных (ускорения на отрезках 60 м, бег с максимальной частотой движения с высоким подниманием колен или сгибая ноги назад) и координационных (упражнения на перестроение двигательной деятельности: передвижение приставным шагом правым (левым) боком, переходящее в бег, бег спиной вперед, переходящий в ускорение поворотом через правое (левое) плечо, выполнение приседаний с последующим ускорением

30 м) способностей. Исходя из необходимости повышения уровня выносливости занимающихся как базового показателя физической подготовленности было предложено применение в основной части каждого занятия равномерного бега преимущественно аэробной направленности (параметры нагрузки 1500–1800 м, 12–17 мин – девушки; 1700–2000 м, 12–17 мин – юноши). Беря во внимание различный уровень физической подготовленности занимающихся, менее подготовленным было рекомендовано чередование бега с ходьбой [1. С. 88]. При этом основой в определении километража и продолжительности беговой нагрузки послужила программа занятия оздоровительным бегом, разработанная Н.М. Амосовым [8. С. 46]. На основе экспериментальных данных полученных М.Ф. Гриненко и Т.Я. Ефимовой [1. С. 88], отражающих сопряженность продолжительности занятия, обеспечивающего тренировочный эффект и ЧСС во время работы, нами была рекомендована интенсивность бега на ЧСС 140–145 уд./мин, что соответствует умеренной зоне интенсивности, когда энергия в организме вырабатывается при достаточном притоке кислорода [9. С. 190].

Рассматривая методические указания по выполнению комплекса, стоит отметить следующие рекомендации: «...начинать самостоятельные занятия с 2–3 раз в неделю продолжительностью 60–90 минут в дни, когда не проходят учебные занятия по расписанию, с обязательным перерывом в день между занятиями. Интенсивность нагрузки в серии постепенно увеличивать от 1-го к 10-му занятию и от серии к серии. Направлений функциональной нагрузки и характер упражнений на каждом занятии повышать постепенно. Во 2-й серии комплекса все упражнения должны выполняться с более высокими параметрами двигательной нагрузки» [1. С. 89].

Блок практических занятий по дисциплине «Физическая культура и спорт» предусматривает последовательное проведение занятий с целью формирования знаний умений и навыков проведения самостоятельных занятий физическими упражнениями. Проведение практических занятий предусматривает освоение следующего материала [10. С. 3]:

Раздел 1. Физическое развитие человека. Общая характеристика физических способностей: силовые способности, скоростные способности, выносливость, координационные способности, гибкость. Значение уровня развития физических способностей в жизни человека. Методы самоконтроля физического развития.

Раздел 2. Методы воспитания физических способностей. Характеристика и разновидности методов воспитания физических способностей: равномерный, переменный, повторный, интервальный, круговой, игровой, соревновательный. Методы воспитания выносливости. Методы воспитания силовых способностей. Методы воспитания скоростных способностей. Методы воспитания координационных способностей. Методы воспитания гибкости. Определение уровня сформированности физических способностей. Характеристика контрольных упражнений (тестов), определяющих уровень сформированности физических способностей [10. С. 14].

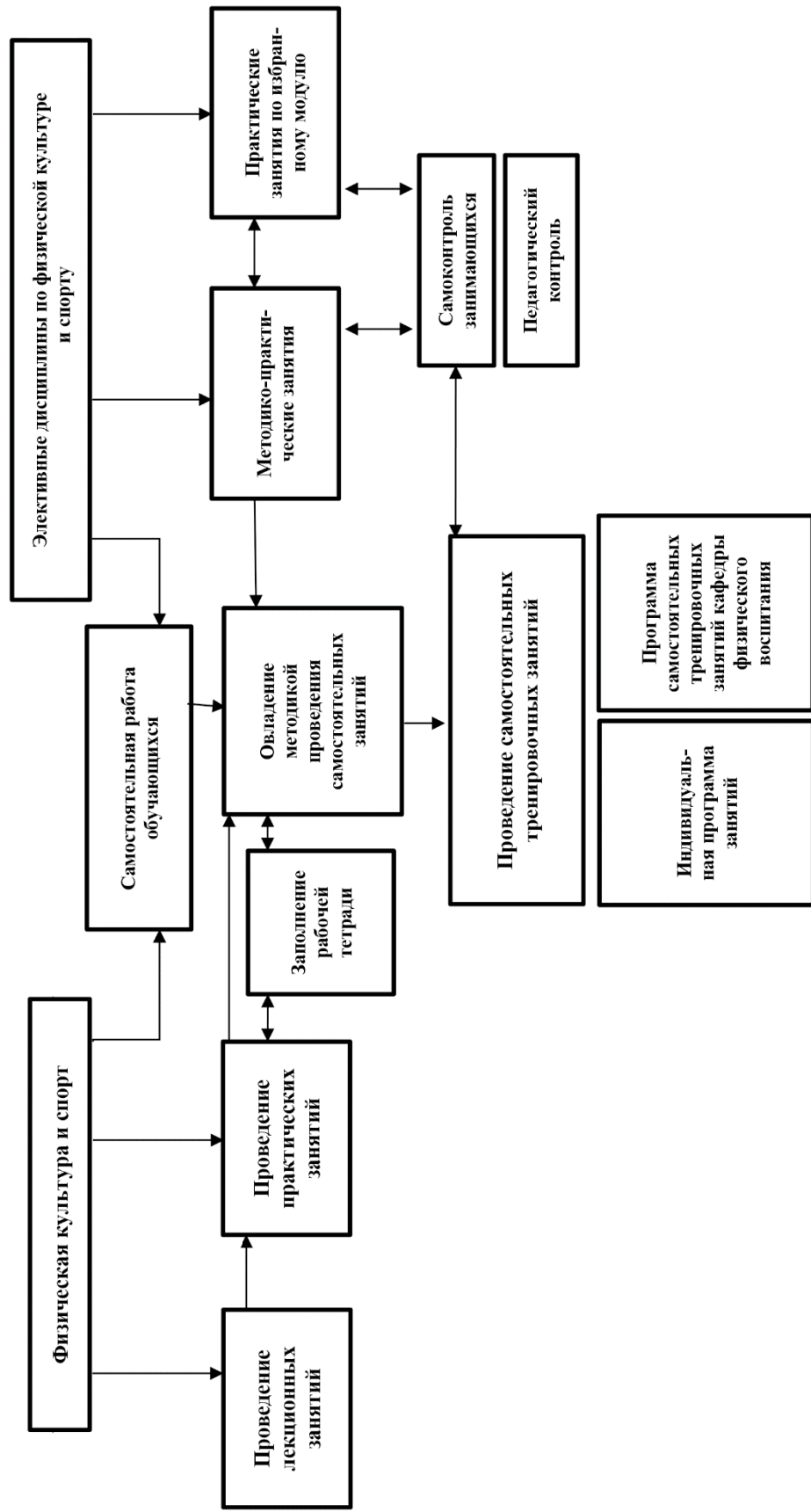

Рис. 1. Схема организации самостоятельной работы студентов в процессе освоения дисциплин «Физическая культура и спорт», «Элективные дисциплины по физической культуре и спорту»

Раздел 3. Методика составления комплекса утренней гигиенической гимнастики. Характеристика утренней гигиенической гимнастики (УГГ) как формы самостоятельных занятий физическими упражнениями. Значение регулярных занятий УГГ. Характеристика общеразвивающих упражнений. Последовательность выполнения упражнений УГГ. Дозировка упражнений. Термины общеразвивающих упражнений. Исходные положения. Стойки, седы, приседы, выпады, упоры. Движения руками и ногами. Правила записи общеразвивающих упражнений. Самостоятельное составление комплексов УГГ. Организационно-методические указания.

Раздел 4. Индивидуальный комплекс общей физической подготовки. Характеристика самостоятельных тренировочных занятий. Врачебный контроль и самоконтроль. Техника безопасности при проведении самостоятельных тренировочных занятий. Общеподготовительные физические упражнения. Методические указания к составлению комплексов общей физической подготовки с индивидуальной направленностью. Выбор и дозировка физических упражнений. Выбор времени занятий.

Самостоятельное составление комплексов общей физической подготовки с индивидуальной направленностью. Самоконтроль функционального состояния кардиореспираторной системы.

Характеристика оздоровительного бега как наиболее доступного вида занятий. Дозирование нагрузки на занятиях оздоровительным бегом. Программы занятий оздоровительным бегом. Контроль интенсивности бега по ЧСС. Методы самоконтроля физической работоспособности. Недельный план самостоятельных тренировочных занятий.

Раздел 5. Правила ведения дневника самоконтроля. Значение самоконтроля в проведении самостоятельных занятий физическими упражнениями. Объективные и субъективные показатели самоконтроля. Зоны интенсивности нагрузки по частоте сердечных сокращений. Реакция организма на физическую нагрузку различной интенсивности. Содержание тренировочных занятий в режиме дня. Форма ведения дневника самоконтроля.

Для обеспечения эффективности освоения материала осуществлялось ведение занимающимися рабочей тетради [10. С. 3]. Содержание тетради предусматривало выполнение специальных заданий, направленных на закрепление полученных знаний: письменные задания с выбором одного (нескольких) правильного ответа, на дополнение, вставку пропущенных слов (с открытой формой ответа). Овладение методами самоконтроля за личным физическим развитием: определение длины и массы тела; окружности грудной клетки; весо-ростового показателя (индекс Кетле); определение жизненной емкости и жизненного индекса легких; определение типа своего телосложения. Определение уровня сформированности физических способностей: выносливости (тест Купера, тест Юхоша); силы при помощи кистевого динамометра; скорости сенсомоторных реакций (зрительно-моторная реакция) – тест с

линейкой; гибкости (в различных суставах). Выявление функционального состояния кардиореспираторной системы: определение частоты сердечных сокращений (ЧСС) в покое, а также частоты дыхания, проба Руфье, проба Штанге, ортостатическая проба. Определение физической работоспособности человека (Гарвардский степ-тест, функциональная проба Кверга). Овладение практическими навыками проведения самостоятельных занятий физическими упражнениями (утренняя гигиеническая гимнастика, самостоятельные тренировочные занятия, составление недельного плана самостоятельных тренировочных занятий, ведение дневника самоконтроля).

В процессе реализации самостоятельной работы студентов высокое значение имеет обеспечение обратной связи с занимающимися [12. С. 183], что способствует преемственности освоения материала, а также своевременному выявлению и устранению методических ошибок в планировании и проведении самостоятельных занятий [13. С. 40].

В этой связи нами была разработана и апробирована на практике программа методико-практических занятий в рамках реализации элективных дисциплин по физической культуре и спорту, предусматривающая контактную работу с обучающимися по следующим темам: содержание самостоятельных тренировочных занятий с индивидуальной направленностью, готовность занимающихся к самостоятельным занятиям; техника выполнения физических упражнений в процессе проведения самостоятельных занятий, подготовка дневников самоконтроля к проверке; особенности формирования физических способностей в процессе самостоятельных занятий физическими упражнениями (на основании анализа дневников самоконтроля занимающихся); комплексы упражнений общей физической подготовки (на основании анализа данных дневников самоконтроля); комплексы упражнений прикладной направленности; комплексы упражнений избранного модуля элективной дисциплины по физической культуре и спорту.

Успех в реализации раздела самостоятельной работы студентов по дисциплинам физической культуры и спорта во многом зависит от мотивации занимающихся к самостоятельным занятиям физическими упражнениями [14. С. 22]. В этой связи целесообразно в процессе освоения дисциплины «Физическая культура и спорт» сделать определенный акцент при изучении материала о влиянии физической активности на процесс всестороннего развития занимающихся. Также возможно включение в практику индивидуальных бесед со студентами при проведении методико-практических занятий. При этом изучаемый материал должен включать сведения о популярных методиках физического воспитания населения [15. С. 183].

Продолжая тему влияния преподавателей кафедр физического воспитания на эффективность самостоятельной работы студентов, стоит отметить значение качественного учебно-методического материала по дисциплинам [16. С. 214]. В этой связи действующим организационным компонентом является реализация

широкого доступа студентов к учебным изданиям путем размещения их на портале дистанционного обучения, в электронной библиотеке вуза, а также наглядных видеоматериалов, разъясняющих содержание и специфику проведения занятий.

В рамках проведенного исследования с целью обеспечения доступности методического материала на электронных платформах Воронежского ГАУ нами были размещены: программа самостоятельных тренировочных занятий; рекомендуемая форма ведения дневника самоконтроля студентов; методические указания для самостоятельной работы обучающихся по дисциплинам «Физическая культура и спорт» и «Элективные дисциплины по физической культуре и спорту», а также блок тестовых вопросов, обеспечивающий контроль за освоением теоретического материала. При этом на всех этапах исследования обратная связь со студентами осуществлялась как в процессе контактной работы, так и через портал дистанционного обучения и социальные сети.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать заключение о том, что проведенные нами исследования свидетельствуют о возможности эффективного воздействия педагога на продуктивность самостоятельной работы студентов за счет выстроенной системы преподавания дисциплин физической культуры и спорта. Непременной их составляющей является осуществление контроля за проведением самостоятельных занятий в процессе контактной работы на специально организованных методико-практических занятиях с использованием данных самоконтроля занимающихся. Вместе с тем проблема улучшения качества самостоятельных тренировочных занятий представляется нам достаточно сложной, поскольку связана с мотивацией студентов к занятиям физическими упражнениями, а выработка стойкой привычки к самостоятельным занятиям является частью сложного социального процесса формирования физической культуры личности, что актуализирует проведение дальнейших исследований.

Список источников

1. Севастьянов В.В., Стеблецов Е.А., Воропаев В.И. Вопросы физического воспитания студентов. Воронеж : ФГБОУ ВО Воронеж. ГАУ, 2021. 155 с.
2. Коваль Л.Н., Алексеева Е.А., Шевченко А.М. К вопросу мотивации направленности личности в студенческом спорте // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 176–179.
3. Воропаев В.И., Севастьянов В.В., Бугаков А.И. Новые реалии физического воспитания студентов в современной России // Культура физическая и здоровье. 2023. № 1 (85). С. 318–323.
4. Севастьянов В.В., Воропаев В.И., Кийко В.Н. Методика самостоятельных тренировочных занятий студентов по дисциплинам физической культуры и спорта // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 11 (189). С. 447–451.
5. Гладышев А.А., Пилugin Э.В. Общеобразовательный потенциал физической культуры в вузах как фактор повышения эффективности самостоятельной работы студентов // Теория и практика физической культуры. 2018. № 7. С. 28–29.
6. Севастьянов В.В., Тузова А.П. Нормативно-правовые основы физического воспитания студентов // Культура физическая и здоровье современной молодежи : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. (15 сентября 2021 г., г. Воронеж). Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2021. С. 63–68.
7. Севастьянов В.В., Алтухова Е.В., Литвинов Е.В. Некоторые аспекты планирования и реализации студентами самостоятельных занятий физическими упражнениями // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2021. № 11 (201). С. 391–394.
8. Самостоятельные занятия физическими упражнениями (для обучающихся образовательных учреждений) / А.П. Зотов, Э.А. Зюрин, В.А. Куренков, В.А. Кабачков, В.С. Быков. М., 2013. 124 с.
9. Масалова О.Ю. Теория и методика физической культуры. Ростов н/Д : Феникс, 2018. 572 с.
10. Воропаев В.И., Севастьянов В.В., Алтухова Е.В. Физическая культура и спорт: рабочая тетрадь для самостоятельной работы обучающихся всех направлений и специальностей очной и заочной форм обучения. Воронеж : Воронеж. гос. аграр. ун-т, 2021. 23 с.
11. Загревская А.И., Сосунковский В.С., Зальмеж Т.Н. Психомоторные особенности детей старшего школьного возраста // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 5. С. 13–21.
12. Гревцева Г.Я., Котлярова И.О., Сериков Г.Н., Фахрутдинова А.В., Циулина М.В. Методологические подходы к подготовке студентов к профессиональной инновационной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 181–191.
13. Сафонова О.А. Физическая тренировка студентов строительного профиля при организации самостоятельной подготовки // Теория и практика физической культуры. 2018. № 9. С. 39–41.
14. Лотошенко А.В., Стеблецов Е.А. Молодёжь и физическая культура. М. : Физкультура, образование и наука, 1996. 317 с.
15. Яковлева И.В., Власюк Н.Н. Здоровьесберегающие технологии в режиме учебы, труда и отдыха студентов // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 179–184.
16. Пашенко Л.Г. Оценка вовлеченности в деятельность по выполнению нормативов испытаний комплекса ГТО студентов вуза // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 213–220.

References

1. Sevast'yanov, V.V., Stebletsov, E.A. & Voropaev, V.I. (2021) *Voprosy fizicheskogo vospitaniya studentov* [Issues of students' physical education]. Voronezh: Voronezh. State Agrarian University.
2. Koval', L.N., Alekseeva, E.A. & Shevchenko, A.M. (2019) On the Direction of Personal Motivation in Student Sport. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 176–179. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/438/23
3. Voropaev, V.I., Sevast'yanov, V.V. & Bugakov, A.I. (2023) *Novye realii fizicheskogo vospitaniya studentov v sovremennoy Rossii* [New realities of physical education of students in modern Russia]. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e*. 1 (85). pp. 318–323.
4. Sevast'yanov, V.V., Voropaev, V.I. & Kiyko, V.N. (2020) *Metodika samostoyatel'nykh trenirovochnykh zanyatiy studentov po distsiplinam fizicheskoy kul'tury i sporta* [Methods of independent training sessions for students in the disciplines of physical culture and sports]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 11 (189). pp. 447–451.
5. Gladyshev, A.A. & Pilyugin, E.V. (2018) *Obshcheobrazovatel'nyy potentsial fizicheskoy kul'tury v vuzakh kak faktor povysheniya effektivnosti samostoyatel'noy raboty studentov in modern Russia*. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e*. 7. pp. 28–29.
6. Sevast'yanov, V.V. & Tuzova, A.P. (2021) [Regulatory and legal foundations of physical education of students]. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e sovremennoy molodezhi* [Physical culture and health of modern youth]. Proceedings of the International Conference. Voronezh. 15 September 2021. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University. pp. 63–68. (In Russian).

7. Sevast'yanov, V.V., Altukhova, E.V. & Litvinov, E.V. (2021) Nekotorye aspekty planirovaniya i realizatsii studentami samostoyatel'nykh zanyatiy fizicheskimi uprazhneniyami [Some aspects of planning and implementation by students of independent physical exercises]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 11 (201). pp. 391–394.
8. Zotov, A.P. et al. (2013) *Samostoyatel'nye zanyatiya fizicheskimi uprazhneniyami (dlya obuchayushchikhsya obrazovatel'nykh uchrezhdeniy)* [Independent physical exercises (for students in educational institutions)]. Moscow.
9. Masalova, O.Yu. (2018) *Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury* [Theory and methodology of physical culture]. Rostov-on-Don: Feniks.
10. Voropaev, V.I., Sevast'yanov, V.V. & Altukhova, E.V. (2021) *Fizicheskaya kul'tura i sport: rabochaya tetrad' dlya samostoyatel'noy raboty obuchayushchikhsya vseh napravleniy i spetsial'nostey ochnoy i zaочноy form obucheniya* [Physical culture and sports: workbook for independent work of students of all directions and specialties of full-time and part-time forms of study]. Voronezh: Voronezh. State Agrarian University.
11. Zagrevskaya, A.I., Sosunovskiy, V.S. & Zal'mezh, T.N. (2018) Psikhomotornye osobennosti detey starshego shkol'nogo vozrasta [Psychomotor characteristics of children of senior school age]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 23 (5). pp. 13–21.
12. Grevtseva, G.Ya. et al. (2021) Methodological Approaches to Preparing Students for Professional Innovative Activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 462. pp. 181–191. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/462/22
13. Safonova, O.A. (2018) Fizicheskaya trenirovka studentok stroitel'nogo profilya pri organizatsii samostoyatel'noy podgotovki [Physical training of female construction students during the organization of independent training]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 9. pp. 39–41.
14. Lotonenko, A.V. & Stebletsov, E.A. (1996) *Molodezh' i fizicheskaya kul'tura* [Youth and physical culture]. Moscow: Fizkul'tura, obrazovanie i nauka.
15. Yakovleva, I.V. & Vlasyuk, N.N. (2020) Health Care Technologies in Student Life (Value and Activity Aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 451. pp. 179–184. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/451/24
16. Pashchenko, L.G. (2020) Assessment of University Students' Engagement in the Implementation of Test Standards of the GTO Complex. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 459. pp. 213–220. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/459/26

Информация об авторах:

Севастьянов В.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I (Воронеж, Россия). E-mail: sevastianovvv@mail.ru

Алтухова Е.В. – канд. психол. наук, зав. кафедрой физического воспитания Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I (Воронеж, Россия). E-mail: elena_altuhova7@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Sevastyanov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great (Voronezh, Russian Federation). E-mail: sevastianovvv@mail.ru

E.V. Altukhova, Cand. Sci. (Psychology), head of the Physical Education Department, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great (Voronezh, Russian Federation). E-mail: elena_altuhova7@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.07.2022;
одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 28.07.2022;
approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 796
doi: 10.17223/15617793/494/17

Исследование эффективности тактического мышления у баскетболистов

Михаил Алексеевич Шансков¹, Дмитрий Сергеевич Мельников², Александр Михайлович Фокин³

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, shanse1@yandex.ru

²Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия, d.s.mel@mail.ru

³Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, studio_grand@list.ru

Аннотация. Разработана и апробирована методика оценки тактического мышления у баскетболистов. Сделан вывод, что эффективность решения тактических задач у спортсменов высокой квалификации нарастает по мере усложнения условий тестирования, оказывающих на них мобилизующее воздействие по реализации функциональных резервов организма; у менее квалифицированных спортсменов отмечается снижение эффективности.

Ключевые слова: баскетбол, тактическое мышление, эффективность, латентность, точность, стабильность

Для цитирования: Шансков М.А., Мельников Д.С., Фокин А.М. Исследование эффективности тактического мышления у баскетболистов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 163–171. doi: 10.17223/15617793/494/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/17

A study of the effectiveness of basketball players' tactical thinking

Mikhail A. Shanskov¹, Dmitry S. Melnikov², Alexander M. Fokin³

¹HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation, shanse1@yandex.ru

²Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, Saint Petersburg, Russian Federation, d.s.mel@mail.ru

³Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, studio_grand@list.ru

Abstract. In sports games, along with the improvement of motor skills, athletes develop tactical thinking skills – a specialized form of mental activity. This is due to the fact that the absence of standard programs of motor activity in games requires special attention to its current conditions. Therefore, in these sports, the main form of brain activity is not the execution of motor stereotypes, but the creative function. This necessitates the need for a methodology that accurately measures parameters that characterize various features of tactical thinking in basketball players, which would allow them to be comprehensively assessed in athletes of various qualifications, age, gender, and experience. The aim of the study was to develop and test a methodology for assessing tactical thinking in basketball players. The task model is a game situation in a 5x5 attack. The subjects were asked to solve the problem for the player holding the ball. The test included 42 tasks. It was implemented on the platform of the psychodiagnostic complex Multipsycometer-05. Three modes were used in the study: with a 5-second limit, a 3-second limit on decision making, and a 3-second one with acoustic interference. Highly qualified basketball players have increased efficiency in solving tactical problems compared to less qualified athletes. Moreover, it increases in them as extreme operating conditions are created, such as time pressure and disruptive interference. Increasing complexity of performance conditions leads to greater mobilization in more qualified athletes and to a progressive decrease in efficiency in less trained second category basketball players. Highly qualified basketball players quickly make decisions when solving tactical problems, having a short response latency, which results in greater efficiency, and their motor component of the reaction (decision latency) is higher at all stages of testing compared to less qualified athletes. Perhaps this makes it possible to increase variability in the performance of motor actions and carry out ongoing correction of responses. The accuracy of solving tactical problems in highly qualified athletes increases as testing conditions become more complex (lack of time and disruptive interference), which has a mobilizing effect on them to realize functional reserves. Basketball players of the second category show the exact opposite reaction, expressed in a drop in the accuracy of responses and the appearance of chaotic random actions. The effectiveness of solving tactical problems by basketball players in all three tests has a pronounced positive correlation with the accuracy of answers and a significant inverse correlation with indicators of response latency.

Keywords: basketball, tactical thinking, efficiency, latency, accuracy, stability

For citation: Shanskov, M.A., Melnikov, D.S. & Fokin, A.M. (2023) A study of the effectiveness of basketball players' tactical thinking. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 163–171. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/17

Актуальность исследования. Достижение высоких спортивных результатов во многих видах спорта зависит от развития физических качеств, к которым относят различные характеристики временных свойств человека [1–4], в том числе и от комплексных проявлений быстроты, таких как реакция на движущийся объект (РДО) и реакция выбора.

В последнем случае требуется не только максимально быстро отреагировать на сигнал, но и выбрать за частую единственно верное решение из нескольких альтернатив в условиях дефицита времени при активном противодействии со стороны одного или нескольких соперников. Несомненно, успешность принятия решения будет одним из критериев, определяющих эффективность соревновательной деятельности в таких дисциплинах, как спортивные игры и единоборства [5, 6].

Наряду с совершенствованием навыков моторных действий у спортсменов-игровиков происходит формирование навыков тактического мышления – специализированной формы умственной деятельности. Это связано с тем, что отсутствие в спортивных играх стандартных программ двигательной деятельности требует особого внимания к текущим условиям. Поэтому в ситуационных видах спорта основной формой активности мозга является не выполнение двигательных стереотипов, а креативная функция. Это обуславливает большое значение процессов восприятия и переработки информации центральной нервной системой.

Под тактическим мышлением понимается мышление спортсмена, совершающееся в процессе спортивной деятельности, в условиях дефицита времени и психического напряжения, направленное непосредственно на решение конкретных задач в игровых ситуациях, отражающих специфику игровых видов спорта [7].

С.В. Барбашов считает, что основными средствами формирования тактического мышления в процессе тренировок являются проблемные ситуации, создаваемые тренером и реализуемые basketболистами, а также игровые задания, возникающие в ходе соревновательной деятельности. При организации многолетней тактической подготовки автор выделяет два принципиально важных периода. Возраст 11–13 лет является сенситивным периодом для формирования тактического мышления. Для него характерен высокий интерес к мыслительной практической (игровой) деятельности. Отличительной особенностью второго периода (17–19 лет) является высокая мотивация в развитии тактической подготовленности, которая связана со значительной конкуренцией между спортсменами за место в командах высшей лиги и юниорской сборной [8].

По мнению А.М. Фокина с соавторами, при высоком уровне развития тактического мышления для спортсменов игровых видов спорта характерно умение удерживать в своей памяти большое количество тактических схем и нескольких вариантов для принятия решений. Игроки с высоким уровнем тактической подготовленности оценивают игровую ситуацию целиком,

отбрасывая лишние варианты, и принимают самое верное решение, а игроки с низким уровнем тактической подготовленности принимают поспешное решение, не оценив игровую ситуацию до конца [9].

А.В. Быков выделяет тактические знания, умения и навыки, которые приобретаются в процессе тактической подготовки при овладении теоретическими основами тактики и навыками практического их использования в игровой деятельности. Оптимальное решение конкретной тактической задачи в игре может быть принято спортсменом на основе анализа собственных знаний и текущей информации, поступающей в ходе матча [10].

Следует отметить, что для оценки состояния тактического мышления необходимо наличие соответствующего инструментария. С.В. Барбашов использовал для определения характеристик тактического мышления показатели времени решения простых и сложных тактических задач (планшетно-бланковая методика М.Н. Грабаря) [8]. Для измерения уровня тактического мышления basketболистов Д.С. Борщ предлагает специально разработанные тесты на карточках. В тестах измеряется ряд показателей: время решения задач, правильность решения, креативность мышления и вариативность мышления. За каждый из пунктов начисляются баллы. В конце каждого теста суммируются баллы и время, за которое решаются задачи [11]. Система оценки – качественная, что несколько снижает ее точность с метрологической точки зрения. Наличие методики, позволяющей точно измерять параметры, характеризующие различные особенности тактического мышления у basketболистов, позволило бы комплексно оценить их у спортсменов различной квалификации, возраста, пола, стажа занятий.

Цель, методы и организация исследования. Целью исследования явилась разработка и апробирование методики оценки тактического мышления у basketболистов. Модель задач – игровая ситуация в нападении 5×5. Испытуемым предлагалось решить задачу за игрока, владеющего мячом. Были использованы следующие варианты ответов: бросок по кольцу, проход с мячом и передача одному из четырех партнеров. Необходимо указать, что в каждой ситуации правильное решение было только одно, хотя на выбор испытуемым предлагалось 6 альтернатив. Тест включает 42 задачи, средняя продолжительность выполнения составляла 2,0–2,5 минуты. Тактические задачи были разработаны мастером спорта международного класса по basketболу В.Н. Яковлевым, доцентом кафедры спортивных игр РГПУ им. А.И. Герцена. Тест был реализован на платформе психодиагностического комплекса Мультипсихометр – 05 коллективом сотрудников под руководством К.В. Сугоняева. Комплекс рассчитывал следующие показатели: эффективность, латентность ответа, латентность решения, точность и стабильность. Показатели приводятся в шкале стэнов.

В исследованиях использовалось три режима: с 5-секундным, 3-секундным лимитом на принятие решения и 3-секундным с акустическими помехами. Порядок тестирования по режимам определялся случайным образом, чтобы избежать адаптации испытуемых

к условиям проведения исследования. В качестве акустических помех использовалась запись в виде звукового комментирования баскетбольного матча, включающая шум спортивного зала.

В исследованиях приняли участие две группы баскетболистов: студенты НГУ им. П.Ф. Лесгафта ($n = 49$ чел.) и учащиеся училища олимпийского резерва № 1 (УОР-1) г. Санкт-Петербург ($n = 16$ чел.). Учащиеся УОР приняли участие только в серии с 3-секундным лимитом.

Некоторые результаты и их обсуждение. Студенты НГУ им. П.Ф. Лесгафта были разделены по спортивной квалификации на три группы: кандидаты в мастера спорта – КМС (16 чел.), спортсмены первых (22 чел.) и вторых разрядов (11 чел.). Главным комплексным показателем является эффективность – отношение правильно выполненных заданий к общему числу заданий в тесте, скорректированное на вероятность случайного угадывания (0,167). На рис. 1 приведены данные по эффективности решения тактических задач.

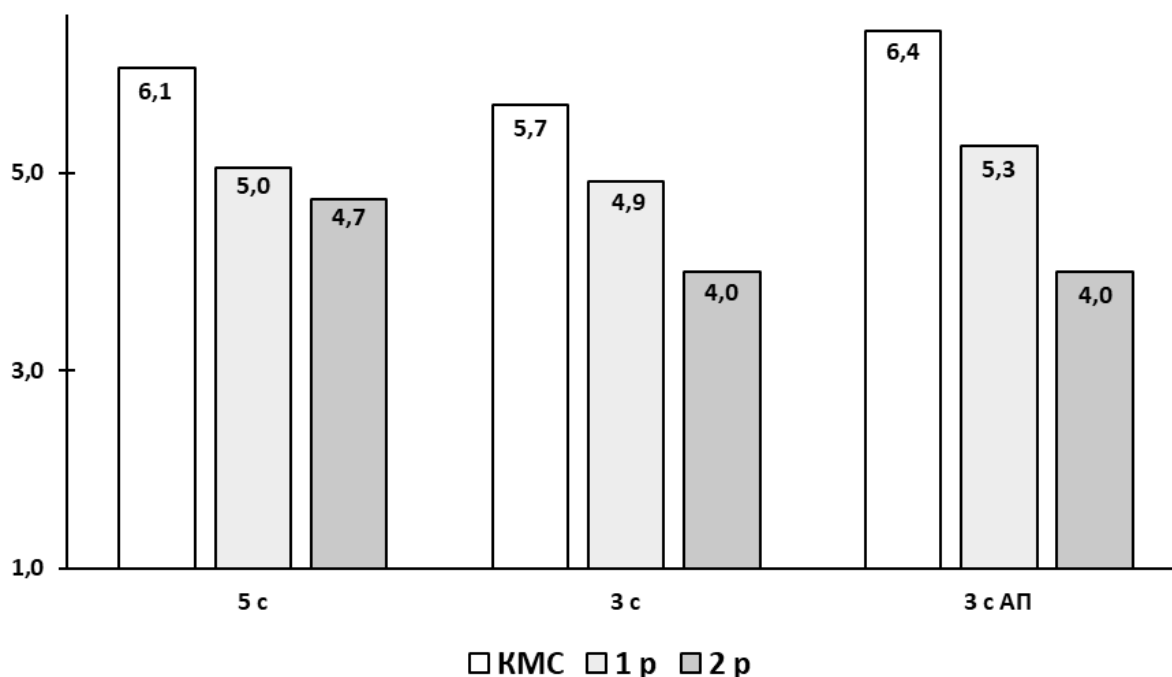

Рис. 1. Эффективность решения тактических задач баскетболистами различной квалификации

При решении задач в комфортных условиях с 5-секундным лимитом времени группа КМС имеет преимущество перед менее квалифицированными баскетболистами. Эффективность решения задач у них составила $6,1 \pm 0,5$ стэна по сравнению со спортсменами 1-х ($5,0 \pm 0,4$) и 2-х разрядов ($4,7 \pm 0,7$). Различия достоверны ($p < 0,05$). Дефицит времени при 3-секундном лимите привел к снижению эффективности решения задач в трех группах. В группе КМС эффективность снизилась до $5,7 \pm 0,5$, у спортсменов 1-го разряда – до $4,9 \pm 0,3$, у второразрядников она упала до $4,0 \pm 0,6$. Достоверными оказались различия между спортсменами 1-х и 2-х разрядов, 1-го разряда и КМС ($p < 0,05$), а также группой КМС и второразрядниками ($p < 0,01$). Дефицит времени на решение задач в сочетании с аудиопомехами привел к возрастанию эффективности в группах КМС до $6,4 \pm 0,5$ и перворазрядников до $5,3 \pm 0,3$. В группе 2-го разряда зафиксировано сохранение эффективности на уровне $4,0 \pm 0,7$. Различия достоверны на уровне $p < 0,05$ между 1-м разрядом и 2-м разрядом. Между группой КМС и двумя другими группами достоверность различий на уровне $p < 0,01$. По внутригрупповым показателям эффективности достоверными оказались различия в

группе второразрядников между тестами с 5-секундным и 3-секундным лимитом времени ($p < 0,05$), в группе 1-го разряда – между тестами с 3-секундным лимитом времени и 3-секундным с аудиопомехами ($p < 0,05$). Аналогичные различия в группе КМС достоверны на уровне ($p < 0,01$). Таким образом, более квалифицированных баскетболистов при решении тактических задач отличает не просто повышенная эффективность по сравнению с менее квалифицированными спортсменами, но и ее возрастание по мере создания экстремальных условий деятельности, таких как дефицит времени и сбивающие помехи. Тест с 5-секундным лимитом проводится в достаточно комфортных временных границах, поэтому игроки высокой квалификации (КМС и 1-го разряда), скорее всего, не испытывают значительного стресса при его выполнении. Менее квалифицированные спортсмены 2-го разряда характеризуются большим развитием стресс-реакции, что ведет к некоторому спаду эффективности в условиях дефицита времени и сбивающих помех. Очевидно, именно уровень первого разряда – та граница овладения двигательным арсеналом баскетболиста, когда отмечается значимый качественный скачок в эффективности игровой деятельности.

На рис. 2 представлены данные латентности ответа, под которой понимается время решения от момента предъявления на экране тактической задачи до начала ответной реакции (отпускания удерживаемой клавиши).

На рис. 3 приводятся результаты показателя латентности решения – время от отпускания удерживаемой клавиши до нажатия на клавишу ответа, т.е. его

можно назвать моторным компонентом двигательной реакции. Оба этих показателя уместно рассматривать в единстве, поскольку они в сумме составляют общее время реакции при решении тактических задач. Оптимально для обоих показателей будет являться величина в стэнах 1, поэтому меньшие значения латентности ответа характеризуют более короткое время латентности.

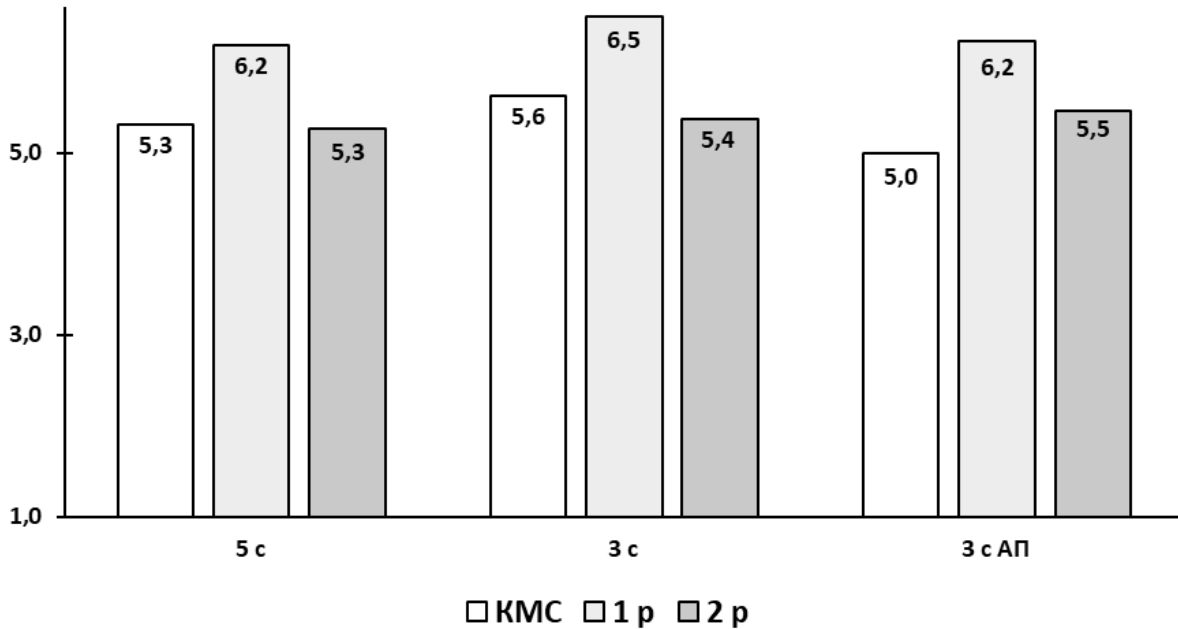

Рис. 2. Латентность ответа при решении тактических задач баскетболистами различной квалификации

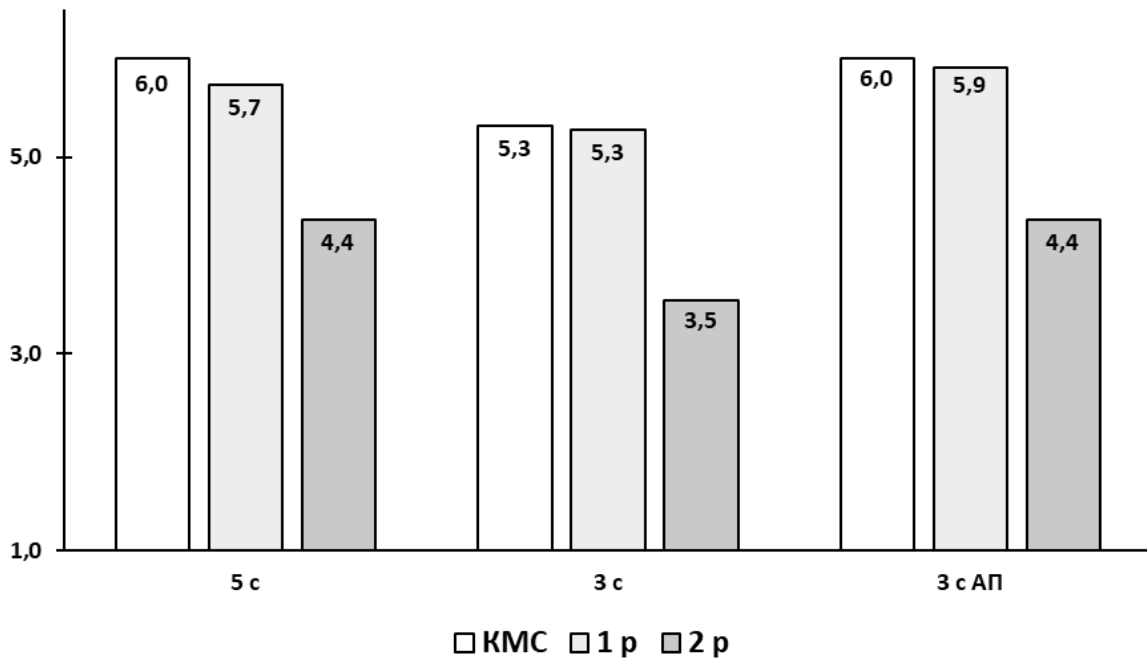

Рис. 3. Латентность решения при решении тактических задач баскетболистами различной квалификации

Во всех трех тестах показатели латентности ответа у 1-разрядников превышают 6 стэнов, и это хуже, чем

у спортсменов 2-го разряда и КМС. Достоверны различия между ними на уровне $p < 0,05$ в тесте

с 3-секундным лимитом, а также между 1-м разрядом и КМС с 3-секундным лимитом и аудиопомехами. По внутригрупповым различиям достоверно снижение латентности ответа в группе КМС с $5,6 \pm 0,5$ до $5,0 \pm 0,5$ на уровне $p < 0,01$. По показателям латентности решения наиболее короткое время демонстрируют 2-разрядники. При 3-секундном лимите времени они достигают $3,5 \pm 0,5$ секунды и $4,4 \pm 0,5$ в двух других тестах. У 1-разрядников они находятся в диапазоне $5,3 - 5,9$, у КМС располагаются от $5,3$ до $6,0$. Все различия по трем тестам между 2-разрядниками и двумя другими группами достоверны на уровне $p < 0,01$. Во всех трех группах имеются достоверные различия между тестами с 5-секундным и 3-секундным лимитом ($p < 0,05$), а также между 3-секундным лимитом с аудиопомехами. Для групп 1-го и 2-го разряда они находятся на уровне $p < 0,01$, для КМС – на уровне $p < 0,05$. Складывается весьма интересная картина по способам управления двигательными реакциями при решении тактических задач.

В группе КМС наблюдается по мере усложнения условий деятельности сокращение латентности ответа

к третьему тесту, при этом латентность решения (моторный компонент) сначала снижается, а затем возрастает. Таким образом, они быстрее принимают решение в тесте с аудиопомехами, но несколько увеличивают время двигательной реакции. Менее квалифицированные баскетболисты 1-х и 2-х разрядов сохраняют неизменной латентность ответа во всех трех тестах. Изменения латентности решения у них выглядят аналогично группе КМС: сначала укорочение времени от 5-секундного до 3-секундного лимита времени, а затем увеличение его в 3-секундном тесте с аудиопомехами. Следовательно, центральная обработка информации в высших отделах головного мозга у квалифицированных спортсменов в экстремальных условиях происходит быстрее, чем у менее квалифицированных. Очевидно, что можно выделить разные стратегии решения тактических задач – долгое «размышление» и «быстрый» ответ, либо освобождение пусковой клавиши сразу по предъявлению стимула и уже дальнейшее размышление у высококвалифицированных спортсменов. При анализе полученных результатов по этим показателям уместно рассматривать их совместно с анализом следующего показателя – точности, результаты которого приводятся на рис. 4.

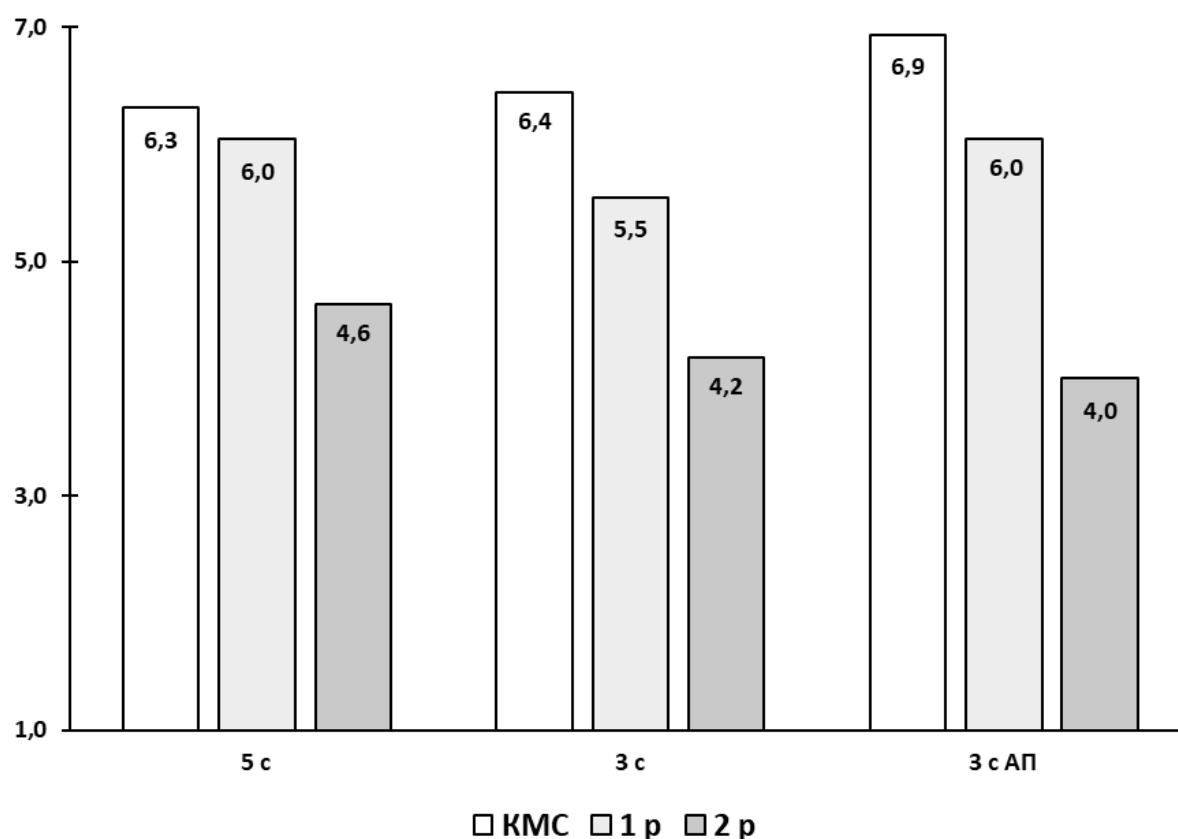

Рис. 4. Точность при решении тактических задач баскетболистами различной квалификации

Под точностью понимается отношение суммарного числа правильных ответов к общему количеству просмотренных (предъявленных) пунктов, что позволяет выявить лиц, действующих при решении интеллектуальных заданий «наугад».

Точность в группе КМС возрастает от первого теста ($6,3 \pm 0,5$) к третьему тесту ($6,9 \pm 0,5$), и она достоверно

выше, чем в двух других группах, за исключением различий между 1-м разрядом и КМС при 5-секундном лимите времени.

Перворазрядники демонстрируют примерно одинаковую точность решения задач при трех вариантах, которая колеблется в пределах от $5,5 \pm 0,4$ до $6,0 \pm 0,4$ стэнов. Спортсмены 2-го разряда снижают точность

ответов от первого ($4,6 \pm 0,7$) ко второму тесту ($4,2 \pm 0,6$). Различия достоверны на уровне $p < 0,05$. В группе КМС различия достоверны между первым и третьим, а также между вторым и третьим тестами ($p < 0,05$), т.е. наиболее точно они решают задачи в экстремальных условиях. Что касается абсолютных «сырых» значений, то в группе КМС в тесте с 3-секундным лимитом и аудиопомехами точность составляет 0,77, у первоуровневых – 0,73, а у баскетболистов 2-го разряда всего 0,57. Это говорит о том, что низкоквалифицированные спортсмены в условиях дефицита времени и сбивающих помех предпочитают действовать максимально быстро, но наугад, хаотично. Они достаточно быстро отвечают (латентность ответа), их решения имеют самую короткую латентность, но очень неточно реагируют. Квалифицированные баскетболисты КМС в условиях, приближенных к игровым, имеют самое короткое время ответа, максимально точно и с умеренной скоростью (латентность решения) выполняют действия. Таким образом, усложнение условий выполнения привело к большей мобилизации более квалифицированных и снижению помехоустойчивости у менее подготовленных баскетболистов 2-го разряда.

На рис. 5 показаны результаты по показателю стабильности решения тактических задач. Стабильность

решения тактических задач определяется площадью фигуры в системе координат «латентность правильного ответа – вероятность безошибочных действий». Чем меньше площадь фигуры, тем выше стабильность действий испытуемого. Различия между группами отмечаются только в тесте с 5-секундным лимитом. Показатели стабильности первоуровневых $4,7 \pm 0,5$ достоверно ниже ($p < 0,05$) по сравнению с группой КМС ($5,7 \pm 0,4$) и второуровневыми. При этом наивысшие показатели отмечаются у спортсменов 2-го разряда ($5,9 \pm 0,6$). Однако, по стандартизированной оценке, сложно судить о качественном аспекте реакции. Вполне возможно, что стабильность ответов второуровневых связана с тем, что на все задания давался ответ примерно за одинаковый временной интервал, практически совпадавший с временным лимитом, тогда как у более квалифицированных время ответа менялось в зависимости от сложности игровых ситуаций. В тесте с 3-секундным лимитом показатели всех групп одинаковы, а в тесте с аудиопомехами достоверные различия отсутствуют. По внутригрупповым различиям можно отметить, что они наблюдаются только в группе баскетболистов 1-го разряда. Достоверные различия между тестом с 5-секундным лимитом времени и двумя другими тестами – на уровне $p < 0,05$.

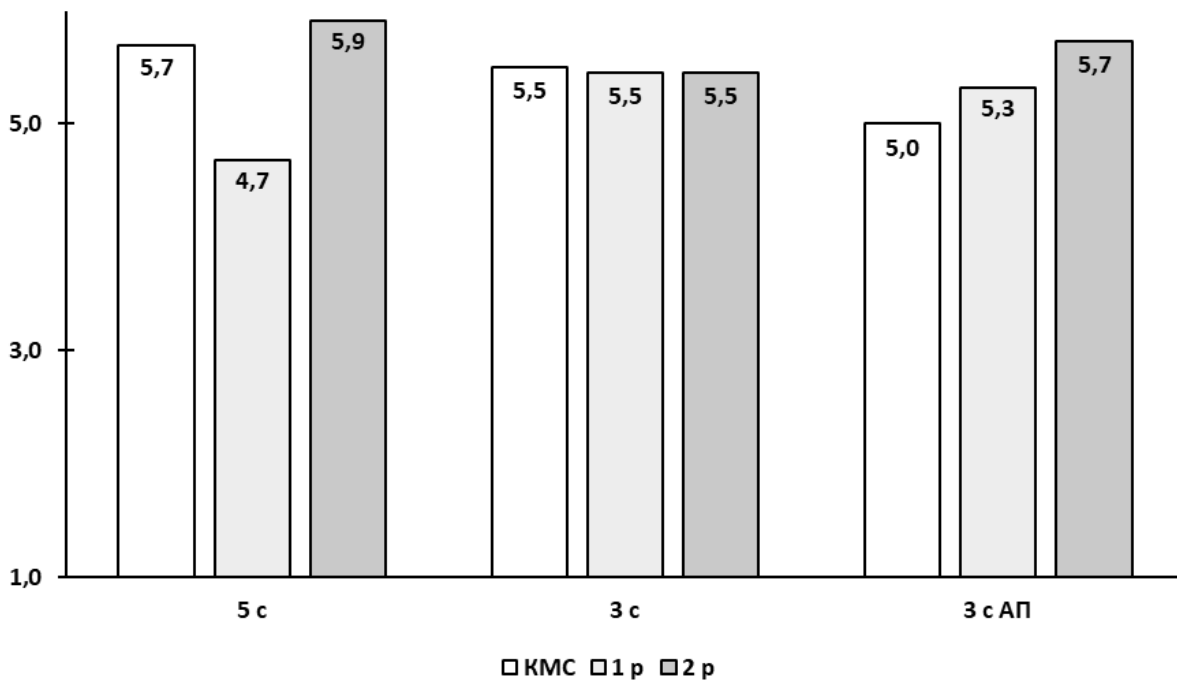

Рис. 5. Стабильность при решении тактических задач баскетболистами различной квалификации

На рис. 6 представлены данные двух групп баскетболистов: учащиеся УОР-1 и студенты НГУ им. П.Ф. Лесгафта. Выборка студентов была представлена старшекурсниками, возраст которых составил $19,8 \pm 0,2$ лет. В нее вошли 26 человек, среди которых были спортсмены КМС, 1-х и 2-х разрядов. Средний возраст учащихся УОР-1 был $16,1 \pm 0,2$ лет. Приводятся данные тестирования в режиме с 3-секундным лимитом времени.

Эффективность решения тактических задач в группе УОР-1 составляет $6,9 \pm 0,4$, что значительно выше по сравнению с группой НГУ, у которых она всего $5,0 \pm 0,3$. Различия достоверны на уровне $p < 0,001$. При этом в группе УОР-1 отмечается короткое время латентности ответа – $4,3 \pm 0,5$ в сочетании с высокой точностью, составляющей $7,0 \pm 0,4$. У студентов

эти величины значительно отличаются и достигают соответственно $5,9 \pm 0,4$ и $5,7 \pm 0,4$ стэна. Различия достоверны по латентности ответа на уровне $p < 0,01$ и по точности на уровне $p < 0,05$. Интересным оказался факт, что латентность решения у учащихся УОР-1 значительно выше по сравнению со студентами. Они значительно медленнее осуществляют моторный компонент двигательной реакции. Их показатель составляет $7,4 \pm 0,3$. У студентов латентность решения значительно ниже – $4,8 \pm 0,3$. Различия достоверны на уровне $p < 0,001$. По стабильности решения тактических задач различия недостоверны.

Таким образом, учащиеся УОР-1 демонстрируют стратегию решения задач таким же способом, который отмечается у КМС: быстрое отпусканье удерживаемой клавиши в ответ на предъявляемый стимул в

сочетании с умеренным по времени моторным компонентом. Это дает возможность управлять точностью ответной реакции по ходу движения руки к ответной клавише, осуществляя при необходимости текущую коррекцию. Если обратить внимание на «сырые» оценки точности, то в группе УОР-1 она составляет $0,79 \pm 0,02$, а у студентов НГУ – $0,72 \pm 0,02$. Следовательно, 4 из 5 ответных реакций учащихся УОР-1 являются точными, что аналогично показателям группы КМС. Подобный подход позволяет достигать значительно более высокой эффективности в решении тактических задач.

Для понимания, каким образом связаны показатели тестов между собой, нами был проведен корреляционный анализ изучаемых показателей во всей выборке студентов НГУ им. П.Ф. Лесгафта.

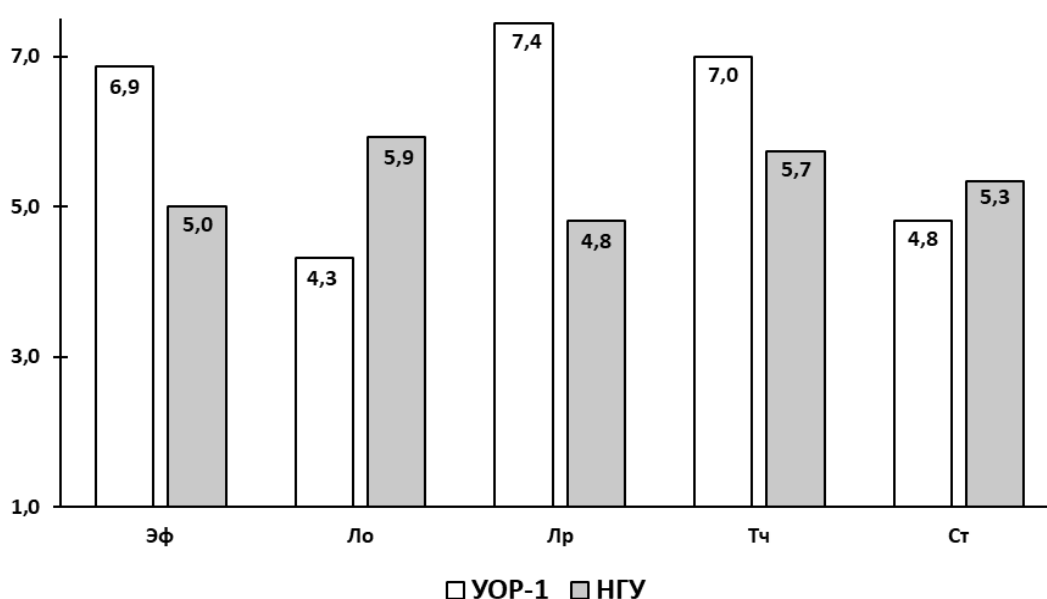

Рис. 6. Показатели решения тактических задач баскетболистами УОР-1 и НГУ им. П.Ф. Лесгафта

Результаты приведены в табл. 1–3. Статистически значимые коэффициенты корреляции ($p < 0,05$) находятся в ячейках с серым фоном. Высокие и средние величины корреляции выделены жирным шрифтом.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между показателями эффективности (Эф), латентности ответа (Ло), латентности решения (Лр), точности (Тч) и стабильности (Ст) при решении тактических задач при 5-секундном лимите времени

	Эф	Ло	Лр	Тч	Ст
Эф	1,00				
Ло	-0,70	1,00			
Лр	0,32	-0,06	1,00		
Тч	0,69	-0,04	0,37	1,00	
Ст	-0,20	-0,11	-0,09	-0,39	1,00

Между эффективностью и точностью коэффициент (табл. 1) в тесте с 5-секундным лимитом времени корреляции составляет 0,69. Латентность ответа имеет обратную корреляцию с эффективностью и составляет –

0,70. Это свидетельствует от том, что достижение высокой эффективности в решении тактических задач баскетболистами зависит от точности ответов и минимизации времени латентности решения. Взаимосвязи с другими показателями либо незначимы, либо представлены невысокими значениями (до 0,39).

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между показателями Эф, Ло, Лр, Тч и Ст при решении тактических задач при 3-секундном лимите времени

	Эф	Ло	Лр	Тч	Ст
Эф	1,00				
Ло	-0,74	1,00			
Лр	0,21	-0,04	1,00		
Тч	0,85	-0,38	0,21	1,00	
Ст	-0,42	0,24	-0,03	-0,45	1,00

Как следует из данных, представленных в табл. 2, корреляция между эффективностью и точностью в тесте с 3-секундным лимитом времени возрастает до 0,85. Латентность ответа также имеет обратную кор-

реляцию с эффективностью и составляет $-0,74$. Достижение высокой эффективности при сокращении времени еще больше определяется точностью ответов и минимизацией времени латентности решения. Взаимосвязи с другими показателями также либо незначимы, либо представлены невысокими значениями (до $0,45$).

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между показателями Эф, Ло, Лр, Тч и Ст при решении тактических задач при 3-секундном лимите времени с аудиопомехами

	Эф	Ло	Лр	Тч	Ст
Эф	1,00				
Ло	-0,56	1,00			
Лр	0,11	0,19	1,00		
Тч	0,77	-0,08	0,17	1,00	
Ст	-0,33	0,15	0,09	-0,36	1,00

По данным табл. 3 сохраняется высокая корреляция между эффективностью и точностью в тесте с 3-секундным лимитом времени с аудиопомехами ($0,77$). Корреляция латентности ответа с эффективностью снижается и составляет $-0,56$. Взаимосвязи с другими показателями также либо незначимы, либо представлены невысокими значениями (до $-0,36$).

Следовательно, эффективность решения тактических задач баскетболистами во всех трех тестах имеет выраженную положительную корреляцию с точностью ответов и значительную обратную корреляцию с показателями латентности ответов.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно констатировать, что разработанная методика оценки тактического мышления у баскетболистов продемонстрировала возможность регистрации пяти параметров, характеризующих разные стороны протекания мыслительных процессов и двигательных действий спортсменов.

1. Высоккоквалифицированные баскетболисты при решении тактических задач обладают повышенной эффективностью по сравнению с менее квалифицированными спортсменами. При этом она у них возрастает по мере создания экстремальных условий деятельности, таких как дефицит времени и сбивающие помехи. Усложнение условий выполнения ведет к большей мобилизации у более квалифицированных спортсменов и к прогрессирующему снижению эффективности у менее подготовленных баскетболистов 2-го разряда.

2. Баскетболисты высокой квалификации при решении тактических задач быстро принимают решение, обладая короткой латентностью ответа, что сказывается на большей эффективности, а моторный компонент реакции (латентность решения) у них выше на всех этапах тестирования по сравнению с менее квалифицированными спортсменами. Возможно, это позволяет повысить вариативность при выполнении двигательных действий и осуществлять текущую коррекцию ответных реакций.

3. Точность решения тактических задач у спортсменов высокой квалификации нарастает по мере усложнения условий тестирования (дефицита времени и сбивающих помех), которые оказывают на них мобилирующий эффект по реализации функциональных резервов. Баскетболисты 2-го разряда обнаруживают прямо противоположную реакцию, выражающуюся в падении точности ответных реакций и появлении хаотичных действий «наугад».

4. Учащиеся УОР-1 превосходят по эффективности и точности студентов НГУ им. П.Ф. Лесгафта, несмотря на то, что их возраст почти на 4 года меньше, чем у студентов. Возможно, это связано с существенно большим количеством тренировок в неделю. Показатели решения тактических задач у них практически совпадают с результатами, показанными высококвалифицированными баскетболистами (КМС).

Список источников

1. Бойко Е.И. Механизмы умственной деятельности. Избранные психологические труды. Воронеж : НПО «МОДЭК», 2002. 688 с.
2. Моисеева Н.И. Восприятие времени человеческим сознанием // Хронобиология и хрономедицина. М. : Медицина, 1989. С. 261–277.
3. Петров А.М. Мозг и движение. М. : Изд-во ВПК, 1997. 300 с.
4. Селуянов В.Н., Шестаков М.П. Определение одаренности и поиск талантов в спорте. М. : СпортАкадемПресс, 2000. 112 с.
5. Корягина Ю.В. Уровень развития процессов восприятия времени и пространства как фактор, лимитирующий спортивную результативность // VII Международный конгресс «Современный олимпийский спорт и спорт для всех». М., 2003. Т. 1. С. 259–260.
6. Некрасов В.П., Худадов Н.А., Пиккенхайн Л. и др. Психорегуляция в подготовке спортсменов. М. : ФиС, 1985. 176 с.
7. Филатова Н.П., Арбузин И.А. Мышление в спортивных играх. Омск : Изд-во СибГУФК, 2011. 147 с.
8. Барбашов С.В. Тактическая подготовка в баскетболе в контексте тактического мышления как системообразующего компонента // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2008. № 4 (38). С. 17–20.
9. Фокин А.М., Фетисова С.Л., Егоров В.Ю. Формирование индивидуального тактического мышления у хоккеистов на этапе начальной специализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 244–250.
10. Быков А.В. Стратегия и тактика в командных игровых видах спорта // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2011. № 12 (82). С. 44–50.
11. Борщ Д.С. Контроль уровня развития тактического мышления баскетболистов // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 72-й Региональной науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. Витебск : Изд-во ВГТ им. П.М. Машерова, 2020. С. 308–309.

References

1. Boyko, E.I. (2002) *Mekhanizmy umstvennoy deyatel'nosti. Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Mechanisms of mental activity. Selected psychological works]. Voronezh: NPO "MODEK".
2. Moiseeva, N.I. (1989) *Vospriyatie vremeni chelovecheskim soznaniem* [Perception of time by human consciousness]. In: *Khronobiologiya i khronomeditina* [Chronobiology and chronomedicine]. Moscow: Meditsina. pp. 261–277.
3. Petrov, A.M. (1997) *Mozg i dvizhenie* [Brain and movement]. Moscow: Izd-vo VPK.

- Seluyanov, V.N. & Shestakov, M.P. (2000) *Opređenje odarennosti i poisk talantov v sporte* [Determination of giftedness and search for talents in sports]. Moscow: SportAkademPress.
- Koryagina, Yu.V. (2003) [Development level of time and space perception processes as a factor limiting sports performance]. *VII Mezhduнародnyy kongress "Sovremennyy olimpiyskiy sport i sport dlya vseh"* [VII International Congress "Modern Olympic sport and sport for all"]. Vol. 1. Moscow. pp. 259–260. (In Russian).
- Nekrasov, V.P. et al. (1985) *Psikhoregulyatsiya v podgotovke sportsmenov* [Psychoregulation in the training of athletes]. Moscow: FiS.
- Filatova, N.P. & Arbuzin, I.A. (2011) *Myshlenie v sportivnykh igrakh* [Thinking in sports games]. Omsk: Izd-vo SibGUFK.
- Barbashov, S.V. (2008) Takticheskaya podgotovka v basketbole v kontekste takticheskogo myshleniya kak sistemoobrazuyushchego komponenta [Tactical training in basketball in the context of tactical thinking as a system-forming component]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 4 (38). pp. 17–20.
- Fokin, A.M., Fetisova, S.L. & Egorov, V.Yu. (2019) Formirovanie individual'nogo takticheskogo myshleniya u khokkeistov na etape nachal'noy spetsializatsii [Formation of individual tactical thinking among hockey players at the stage of initial specialization]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 192. pp. 244–250.
- Vykov, A.V. (2011) Strategiya i taktika v komandnykh igrovnykh vidakh sporta [Strategy and tactics in team sports]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 12 (82). pp. 44–50.
- Borshch, D.S. (2020) [Control of the development level of basketball players' tactical thinking]. *Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike* [Science to education, production, economics]. Conference Proceedings. Vitebsk: Izd-vo VGG im. P.M. Masherova. pp. 308–309. (In Russian).

Информация об авторах:

Шансков М.А. – канд. биол. наук, доцент кафедры физического воспитания Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: shanse1@yandex.ru

Мельников Д.С. – канд. биол. наук, зав. кафедрой физиологии Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: d.s.mel@mail.ru

Фокин А.М. – канд. пед. наук, директор Института физической культуры и спорта Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: studio_grand@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.A. Shanskov, Cand. Sci. (Biology), associate professor, HSE University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: shanse1@yandex.ru

D.S. Melnikov, Cand. Sci. (Biology), head of the Physiology Department, Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: d.s.mel@mail.ru

A.M. Fokin, Cand. Sci. (Pedagogics), director of the Institute of Physical Culture and Sports, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: studio_grand@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.09.2023;
одобрена после рецензирования 19.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 18.09.2023;
approved after reviewing 19.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 378.14.014.13
doi: 10.17223/15617793/494/18

Онлайн-экскурсии как инструмент обучения иностранному языку в информационной образовательной среде вуза

Анна Игоревна Шевченко¹

¹ *Вятский государственный университет, Киров, Россия,
usr10761@vyatsu.ru*

Аннотация. В центре внимания находится проблема проведения онлайн-экскурсий на иностранном языке в специально отобранной и организованной информационной образовательной среде вуза для обучающихся неязыковых направлений подготовки с учетом принципов организации. Цель статьи заключается в представлении технологии организации онлайн-экскурсий как продуманного показа достопримечательностей мест, памятников истории и культуры в режиме реального времени, а также опытно-экспериментальная проверка данной технологии в рамках подготовки обучающихся к иноязычному общению.

Ключевые слова: информационная образовательная среда, онлайн-экскурсии, принципы организации онлайн-экскурсии, метрики оценивания уровня владения иностранным языком, опытно-экспериментальное обучение

Для цитирования: Шевченко А.И. Онлайн-экскурсии как инструмент обучения иностранному языку в информационной образовательной среде вуза // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 172–179. doi: 10.17223/15617793/494/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/18

Online excursions as tools for teaching a foreign language in the university's informational educational environment

Anna I. Shevchenko¹

¹ *Vyatka State University, Kirov, Russian Federation,
usr10761@vyatsu.ru*

Abstract. The article focuses on the problem of organizing online excursions in a foreign language in a specially selected and organized informational educational environment of the university for non-linguistic students. In order to organize this environment, it is necessary to take into account the principles of intercultural and professional orientation, the principle of informational fullness, the comparative principle, the principles of personal and subjective individualization, as well as informational sufficiency. These principles allow organizing a technology of conducting online excursions related, firstly, to the emotional sphere of students, where the goals, values, motives and attitudes of each student are taken into account by building individual educational trajectories, and, secondly, to organize virtual tours in a foreign language in such a way that they are aimed at consistently mastering all types of speech activity (reading, listening, speaking, and writing). The aim of the article is to present the technology of organizing online excursions as a thoughtful display of sights, historical and cultural monuments in real time, as well as the results of its experimental verification for preparing students for foreign language communication. The methodological basis of the research is a combination of competence-based, environmental and intercultural approaches. The research methods are the analysis of literature connected with the problem, questionnaires, experimental training, quantitative and qualitative analysis of the results, statistical and two-factor variance analysis of data. The article presents the technology of organizing online excursions in the informational educational environment of the university. Due to the consideration of the principles of selection and organization, an online excursion is a tool that allows the teacher to structure and present linguistic and cross-cultural material. However, at the same time, virtual tours require preliminary preparation and clear staging, which will allow students to understand and analyze historical and cultural information, participate in discussions and express their opinions about historical events, people and objects. The metrics which are described in the article allow determining and evaluating the level of foreign language proficiency during online excursions. The article describes the progress and results of an experimental study aimed at identifying the effectiveness of using online excursions as an additional tool in teaching foreign language communication, which leads to the formation of foreign language communicative competence. The results of the study and the statistical and two-factor analysis of the data proved the viability and effectiveness of using online excursions as part of the educational process for teaching a foreign language in the informational educational environment of the university.

Keywords: informational educational environment, online excursions, principles of organizing online excursions, metrics for determining the level of foreign language, experimental teaching

For citation: Shevchenko, A.I. (2023) Online excursions as tools for teaching a foreign language in the university's informational educational environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 172–179. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/18

Современный этап развития общества и информатизация системы образования требуют от вузов создать оптимальные условия для осуществления обучающимися межличностных и межкультурных коммуникаций в рамках профессиональных сфер деятельности, руководствуясь нормами, предполагающими отказ от этноцентризма и уважение к своеобразию иноязычной культуры, а также проявление личностных и профессиональных качеств, таких как культурная непредвзятость, эмпатия, толерантность, речевой и социокультурный такт, интерес к будущей профессиональной деятельности и т.д. Дисциплина «Иностранный язык», входящая в блок обязательных дисциплин, вносит вклад в достижение поставленной цели, а также способствует формированию иноязычной коммуникативной компетенции, т.е. способности и готовности осуществлять межличностное и межкультурное общение с носителями языка. Овладение данной компетенцией и эффективность ее формирования определяется способностью преподавателя создать условия и организовать ситуации, моделирующие условия реального процесса коммуникации, и отобрать средства (инструменты), способные создать информационную образовательную среду, как на занятии, так и во внеурочное время.

В последнее время наблюдается значительный интерес отечественных и зарубежных исследователей (Е.В. Дашкова, А.С. Гусейнова, Ю.С. Камардина, А.В. Порываев, С. Calongne и J. Hiles, A. Downing и L.R. Klein, C. Major, D. Jan с соавторами и др.) [1. С. 23; 2. С. 5; 3. С. 7; 4. С. 31; 5. Р. 17, 6. Р. 500; 7. Р. 12; 8. Р. 373] к использованию на занятиях иностранного языка онлайн-экскурсий, так как они решают сразу несколько задач, а именно: а) делают процесс обучения интерактивным; б) могут использоваться как в аудитории на занятии, так и вне аудитории; в) мотивируют обучающихся к изучению иностранного языка; г) дают возможность познакомиться с иноязычной культурой, а также сопоставить иноязычные картины мира.

Однако использование онлайн-экскурсий в рамках образовательного процесса на занятиях иностранного языка не может рассматриваться в отрыве от информационной образовательной среды, которая должна быть специально создана и отобрана преподавателем для достижения поставленной цели. Представители пространственно-средового подхода (В. Best, S. Conceição [9], R.V. Mayer [10], В.И. Гинецинский [11], С.К. Гураль, О.А. Обдалова [12] и др.) в своих исследованиях рассматривают различные способы определения структуры и содержания образовательной среды.

Чтобы оценить эффективность использования онлайн-экскурсий на занятиях иностранного языка для формирования иноязычной коммуникативной компетенции, до начала опытно-экспериментальной проверки был проведен предэкспериментальный срез, показавший, что средний коэффициент сформированности данной компетенции 42,3%. Названный показатель демонстрирует, что студенты в недостаточной степени владеют знаниями о культурно-исторических событиях и объектах культуры, испытывают трудности при восприятии и понимании информации, допускают ошибки в использовании лексико-грамматических средств при построении монологических и диалогических высказываний в процессе дискуссии.

Изложенное показывает комплекс проблем, которые могут быть решены при условии использования онлайн-экскурсий как дополнительного инструмента обучения иностранному языку в информационной образовательной среде. Цель статьи заключается в том, чтобы представить технологию организации онлайн-экскурсий и результаты ее опытно-экспериментальной проверки на занятиях по иностранному языку в вузе.

Методология данного исследования базируется на совокупности компетентностного (А.Л. Бердичевский, Л.Г. Викулова [13] А.В. Хуторской [14]), пространственно-средового (R. Bdiwi, C. de Runze, S. Faiz, A.A. Cherif [15], Н.В. Попова, Т.В. Овсянникова [16], Э.К. Самарханова [17] и др.), профессионально ориентированного (К.Э. Безукладников, Б.А. Жигалев, Б.А. Крузе [18], С.С. Куклина [19] и т.д.) подходов. Данные подходы позволили выделить принципы отбора и организации информационной образовательной среды, в которой планируется проведение онлайн-экскурсий.

Принципы отбора направлены на выбор соответствующего содержания предлагаемой информации, которое может лечь в основу проведения онлайн-экскурсии и поможет студентам [20]:

- 1) увидеть объекты, на основе которых раскрывается тема в режиме реального времени;
- 2) услышать необходимую информацию об этих объектах на иностранном языке.

Принципы организации, в свою очередь, предполагают такое структурирование информации, которое позволит студентам:

- 1) ощутить значение исторического события или важность культурного объекта;
- 2) овладеть навыками самостоятельного наблюдения и анализа экскурсионных объектов (рис. 1).

Рис. 1. Принципы отбора и организации информационной образовательной среды

Представленные принципы легли в основу организации технологии проведения онлайн-экскурсий. Онлайн-экскурсии представляют собой продуманный показ достопримечательностей мест, памятников истории и культуры в режиме реального времени, в основе которых лежит анализ объектов, а также рассказ о событиях, связанных с ними [21. С. 35]. Онлайн-экскурсии связаны непосредственно с эмоционально-ценностной сферой обучающихся. Во-первых, они ориентированы на цели, ценности, мотивы и установки каждого студента за счет построения индивидуальных образовательных траекторий (ответ на вопрос: «Для чего ты учишь ИЯ?»). Во-вторых, они призваны снять языковые и психологические барьеры, такие как барьер боязни контакта с реальным человеком, барьер понимания, барьер говорения и межкультурный барьер.

Для того, чтобы правильно организовать онлайн-экскурсии, в своем исследовании мы использовали технологию «трех китов», которая позволяет каждому обучающемуся осознать свои эмоции, чувства, переживания, а также проблемы, с которыми они сталкиваются при изучении иностранного языка, что поможет впоследствии сформировать и поддерживать их мотивацию

к саморазвитию и самосовершенствованию. **1-й кит – «Я знаю».** Направлен на расширение культурного кругозора, освоение современного поликультурного мира посредством онлайн-экскурсий на иностранном языке. **2-й кит – «Я не боюсь».** Направлен на достижение определенного уровня знаний в познавательной сфере за счет освоения интерактивного материала, участия в дискуссии во время онлайн-экскурсии во вступительном чате. Это ведет, во-первых, к осознанию преимуществ от владения иностранным языком, а во-вторых, к развитию творческого потенциала личности. **3-й кит – «Я могу».** Направлен на мотивирование каждого пользователя осуществлять иноязычное общение, что позволит любому участнику в будущем самому провести онлайн-экскурсию на иностранном языке из любого уголка мира.

Однако для того, чтобы онлайн-экскурсии способствовали формированию иноязычной коммуникативной компетенции, необходимо, чтобы содержание таких экскурсий было целенаправленно отобрано и методически организовано для овладения рецептивными и продуктивными видами речевой деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Онлайн-экскурсии как инструмент обучения видам речевой деятельности

Вид речевой деятельности	Умения
<i>Аудирование</i>	Развитие умений воспринимать иноязычную информацию на слух, извлекать и понимать общую и детальную информацию, выделять факты и примеры, обобщать информацию, сообщенную в ходе онлайн-экскурсии, и определять свое отношение к ней
<i>Чтение</i>	Развитие умений выделять необходимые факты, сведения и информацию, которая во время онлайн-экскурсии отправляется во встроенный чат и телеграмм-канал
<i>Письменная речь</i>	Развитие умений запрашивать информацию, учитывая социокультурные реалии, выражать собственное мнение, а также отвечать во встроенном чате или телеграмм-канале на вопросы, которые задает гид во время онлайн-экскурсии
<i>Говорение</i>	Развитие умений проводить онлайн-экскурсии, соблюдая нормы и правила в соответствии с национально-культурными особенностями, а также запрашивать информацию и обмениваться ею, высказывать свою точку зрения, давать характеристику фактам

Как видно, такой инструмент обучения, как онлайн-экскурсии, способствует развитию умений структурировать и представлять межкультурный материал и требует предварительной подготовки и четкой этапизации.

Так, онлайн-экскурсию следует начать со вступительного слова, где отражаются основные моменты будущего виртуального тура, рассматривается межкультурный и лингвострановедческий материал. Далее идет проведение самой онлайн-экскурсии, где в режиме реального времени участники знакомятся с экскурсионными объектами, предметами, историческими событиями и осуществляют поиск информации, которая поможет им справиться с проблемными вопросами и заданиями в конце экскурсии. Завершается экскурсия итоговой беседой, в ходе которой обобщается и систематизируется увиденная и услышанная информация, даются ответы на поставленные вопросы.

Для получения наибольшего эффекта от онлайн-экскурсии необходимо разработать специальные вопросы и задания, которые выполняются в ходе экскурсии или после, что способствует пониманию содержания и формированию навыков говорения и письменной речи.

Изложенное позволяет говорить о формировании иноязычной коммуникативной компетенции в информационной образовательной среде посредством онлайн-экскурсий.

Так, например, первые три онлайн-экскурсии (Сумба, остров в Индонезии; Любляна, столица Словении, Севилья, город на юге Испании) предназначены для этапа развития умений, где происходит присвоение межкультурной информации и способов работы с ней. После данных онлайн-экскурсий было проведено анкетирование обучающихся, которое позволило определить организационные параметры, влияющие на усвоение учебного материала на иностранном языке. В табл. 2 можно увидеть, какие организационные параметры являлись определяющими для организации онлайн-экскурсий, а также процентное соотношение положительных и отрицательных ответов на вопросы в расчете на количество обучающихся больше 30, но меньше 50 (табл. 2). Отметим, что студенты как субъекты информационной образовательной среды в основном обладают определенным набором качеств для участия в межкультурных взаимодействиях, однако испытывают трудности, связанные с учебно-познавательными и лексико-грамматическими аспектами.

Таблица 2

Организационные параметры при проведении онлайн-экскурсий

Вопрос	Организационный параметр, выявляемый при помощи вопроса	Ответы студентов, %, ответ «да»	Ответы студентов, %, ответ «нет»
Достаточно ли по времени продолжалась онлайн-экскурсия?	Достаточность	82	18
Сложно ли было Вам воспринимать информацию на иностранном языке во время онлайн-экскурсии?	Сложность	35	65
Интересно ли Вам было слушать онлайн-экскурсию и выполнять предложенные задания?	Интересность	74	26
Удалось ли Вам при просмотре онлайн-экскурсии запомнить больший объем информации?	Полезность	34	66
Использовали ли Вы дополнительные материалы, чтобы расширить информацию по онлайн-экскурсии?		75	25
Будете ли Вы рекомендовать онлайн-экскурсии своим друзьям, знакомым?	Вовлеченность	78	24

Данные анкетирования позволяют выявить, что обозначенные параметры с точки зрения технологии организации онлайн-экскурсий являются важными для студен-

тов и непосредственным образом влияют на их успеваемость и, как результат, прогресс в обучении. Так, достаточность и сложность материалов характеризует количе-

ственные показатели, т.е. объем предлагаемой для изучения межкультурной и лингвострановедческой информации, а также последовательность при предъявлении материалов (от простого к сложному или наоборот). Интересность, полезность и вовлеченность являются параметрами, которые показывают уровень психологической и учебной подготовки обучающихся. Способны ли студенты, во-первых, прогнозировать и планировать свою учебную деятельность, во-вторых, выделять необходимую информацию и самостоятельно структурировать ее, в-третьих, с достаточной полнотой и точностью выражать свои мысли в соответствии с учебно-речевыми задачами, вступая во взаимодействие как друг с другом, так и с преподавателем?

Заключительная онлайн-экскурсия (Задар, Хорватия) проектируется для этапа функционирования общения, где с помощью межкультурной и лингвострановедческой информации, полученной в ходе виртуального тура, а также приобретенных речевых умений

обучающиеся участвуют в расширенной дискуссии. Продуктом данного занятия являются монологические и диалогические высказывания обучающихся в новых ситуациях для представления своей точки зрения по историко-культурным проблемам и принятия взаимоприемлемого решения.

Качество продуктов, созданных на этапе развития умений и функционирования общения, оценивается с учетом критериев путем присвоения баллов и является кумулятивным результатом, характеризующим уровень готовности и способности студентов обще и детально понимать представленную межкультурную и лингвострановедческую информацию, а также строить монологические и диалогические высказывания разной степени сложности, вступая во взаимодействия, как друг с другом, так и с преподавателем. В обоих случаях от обучающихся ожидается проявление личностных и профессиональных качеств, значимых для иноязычного общения (табл. 3).

Таблица 3

Метрики оценивания уровня владения иностранным языком

	I уровень – готовность	Оценка, баллы
	1. Актуально-смысловое членение сообщаемой информации с учетом целевой установки	10
2. Целенаправленность, логичность и завершенность высказывания	10	
3. Опора на содержание полученной информации и форму ее предъявления для обеспечения полноты высказывания	10	
4. Корректность и грамотность в употреблении межкультурных и лингвострановедческих единиц	10	
5. Соответствие речевых высказываний определенному жанру (описание, сообщение, повествование, объяснение)	10	
	II уровень – готовность и способность	
6. Аргументированность, логичность и убедительность высказываний для представления своей точки зрения	10	
7. Понимание логического и побудительного аспектов сообщения оппонента и выявление сходств и различий в позициях	10	
8. Самостоятельность в общении, а также корректность в употреблении межкультурных и лингвострановедческих единиц	10	
9. Особенности трансформации диалога, монолога в соответствии с введением нового условия общения	10	
10. Динамика речевого взаимодействия коммуникативных партнеров	10	

В качестве показателя степени готовности и способности обучающихся вступать в иноязычное общение был избран коэффициент, предложенный В.П. Беспалько [22], рассчитываемый по формуле:

$$K = \frac{a}{n} \times 100\%,$$

где a – количество набранных баллов, n – максимально возможное количество баллов. Предельным считается коэффициент не ниже 0,6 (60%), соответствующий среднему уровню.

Во время предэкспериментального среза средний коэффициент по группе обучающихся (количество 36 человек) составил 42,3%, что соответствует низкому уровню владения иностранным языком, необходимым для осуществления иноязычного общения. После проведения четырех онлайн-экскурсий, где применялась разработанная технология, был сделан итоговый срез, показавший положительную динамику изменения в полученных результатах. Так, на этапе развития умений большинство обучающихся смогли понять общее и детальное содержание онлайн-

экскурсий, вычленив необходимые межкультурные и лингвострановедческие единицы для правильного оформления высказываний в рамках дискуссии.

В то же время студенты испытывали трудности в обобщении полученной информации для представления историко-культурных сведений, допускали незначительные ошибки при использовании иноязычных лексико-грамматических средств ($K = 65\%$). На этапе функционирования расширенная дискуссия показала, что студенты в основном пользуются усвоенными межкультурными и лингвострановедческими единицами, следуют логике изложения своей точки зрения, однако не полностью понимают позицию оппонента ($K = 63\%$).

Чтобы проверить достоверность представленных данных, проведем дисперсионный анализ факторов, способных повлиять на уровень владения иностранным языком обучающимися, при помощи критерия Фишера. F-тест в дисперсионном анализе устанавливает, значительно ли отличаются средние показатели нескольких независимых выборок. Результат явля-

ется валидным, если $F_{\text{стат}} > F_{\text{крит}}$, т.е. если у большинства испытуемых значение показателя повышается, то этот сдвиг называется $F_{\text{стат}}$, а сдвиги противоположного направления соответственно будут рассматриваться как $F_{\text{крит}}$ [23]. Другими словами, когда уровень статистической значимости Р-значение $< 0,05$, то критерий Фишера значим, и влияние исследуемого фактора можно считать доказанным (табл. 4).

Согласно таблице, очевидно, что сумма квадратов отклонений SS (4166,381), число степеней свободы df (16), дисперсия MS- 217,432 и 324,64 содержат данные о начальных величинах для фактора и итоговых. Все это необходимо для расчетов в последних трех столбцах – статическое значение отношения Фишера ($F_{\text{стат}}$),

Р-значение и критическое значение отношения Фишера ($F_{\text{критич}}$). Поскольку $F_{\text{стат}}$ значение отношения критерия Фишера (4,059136) больше $F_{\text{крит}}$ (2,143680), то с вероятностью 94% делаем вывод о том, что результаты итогового среза не зависят от влияния случайных факторов. В подтверждение этому на пересечение строки «Между обучающимися» и столбца «Р-значение» находится величина 0,02976512076, которая меньше 0,05. Это позволяет сделать вывод о том, что с субъективной точки зрения выявленные параметры предоставляют преподавателю возможность использовать онлайн-экскурсии на занятиях по иностранному языку в качестве дополнительного инструмента при организации иноязычного общения.

Таблица 4

Дисперсионный анализ факторов

Дисперсионный анализ социальных факторов						
ИТОГИ						
Группы	Счет	Сумма	Среднее	Дисперсия		
Столбец 1 (предэкспериментальный срез)	36	180	1,2875	13,4321		
Столбец 2 (итоговый срез)	36	230	3,4367	18,2858		
Дисперсионный анализ						
Источник вариации	SS	Df	MS	$F_{\text{стат}}$	Р-Значение	$F_{\text{крит}}$
Предэкспериментальный срез	1 801,254	8	217,432	4,059136	1,24E – 75 = = 0,02976512076	2,143680
Итоговый срез	2 365,127	8	324,64			
Итого	4 166,381	16		44,262		

Результаты проведенного теоретико-эмпирического исследования и статистический анализ полученных данных доказали, что проведение онлайн-экскурсий способствует, во-первых, росту личностных результатов обучающихся для расширения культурного поля личности за счет осознания не только преимуществ от владения иностранным языком, но и развития таких личностных качеств, как эмпатия, толерантность, способность совмещать, различать и сопоставлять «свою» и «иноязычную» картины мира, а также социализация, расширение кругозора, осознание ценности иноязычной речи и красоты иностранного языка при непосредственном и опосредованном взаимодействии с носителем языка. Во-вторых, данные экскурсии обеспечивают академический результат за счет качественных и количественных результатов по подготовке целевых групп в рамках «комфортного изучения иностранного языка» посредством разработанных ин-

формационных технологий, что позволяет обучающимся в будущем реализовать себя в разных сферах человеческой деятельности (карьера, образование, путешествия, коммуникации и др.).

Таким образом, онлайн-экскурсии как инструмент обучения иностранному языку затрагивают три компонента при подготовке обучающихся в рамках образовательного процесса, а именно: а) поликультурную составляющую (доступность и открытость во взаимодействии с представителями других культур, расширение культурного кругозора); б) образовательную составляющую (активизация речемыслительной деятельности, развитие навыков самостоятельной работы, формирование всех видов речевой деятельности – аудирование, чтение, говорение, письменная речь); в) личностную составляющую (мотивация к изучению языка, снятие языковых и психологических барьеров, общение с носителем языка).

Список источников

1. Дашкова Е.В., Ивущкина Е.В. Особенности организации экскурсий для современных школьников // Педагогика и современность. 2014. Т. 1, № 1. С. 60.
2. Гусейнова А.С. Использование технологии виртуальные туры при обучении иностранному языку // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. Вып. 12-2 (51). С. 143–146.
3. Камардина Ю.С. Технология разработки «web-квеста» при изучении английского языка // Научный журнал «Дискурс». 2019. № 6 (32). С. 90–96.
4. Порываев А.В. Виртуальные экскурсии: методический аспект // Вестник Мининского университета. 2015. № 2. С. 25–36.
5. Calongne C., Hiles J. Blended realities: A virtual tour of education in Second Life // Technology, Colleges & Community. 2007. P. 17–19.

6. Downing A., Klein L.R. A multilingual virtual tour for international students: The Web-based library at Baruch College opens doors // *College & Research Libraries News*. 2001. Vol. 62, № 5. P. 500–502.
7. Major C. *Teaching online: A guide to theory, research, and practice*. Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 2015.
8. Jan D. et al. A virtual tour guide for virtual worlds // *Intelligent virtual agents*. Springer Berlin Heidelberg, 2009. P. 372–378.
9. Best B., Conceição S.C.O. Transactional Distance Dialogic Interactions and Student Satisfaction in a Multi-Institutional Blended Learning Environment // *European Journal of Open, Distance and E-Learning*. 2017. Vol. 20, Is. 1. P. 139–153.
10. Mayer R.V. Research of didactic systems with use of methods of computer modeling // *Psychology, Sociology and Pedagogy*. 2014. № 7 (34). P. 37–42.
11. Гинесинский В.И. Проблема структурирования мирового образовательного пространства // *Педагогика*. 1997. № 3. С. 10–15.
12. Гураль С.К., Обдалова О.А. Синергетическая модель развития образовательного пространства // *Язык и культура*. 2011. № 4 (16). С. 90–94.
13. Бердичевский А.Л., Викулова Л.Г. Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности / отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М. : Неолит, 2017. 424 с.
14. Хуторской А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // *Инновации в общеобразовательной школе. Методы обучения : сборник научных трудов / под ред. А.В. Хуторского*. М. : ГНУ ИСМО РАО, 2006. С. 65–79.
15. Bdiwi R., de Runze C., Faiz S., Cherif A.A. Smart learning environment: Teacher's role in assessing classroom attention // *Research in Learning Technology*. 2019. Vol. 27. doi: 10.25304/rlt.v27.2072
16. Попова Н.В., Овсянникова Т.В. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции и позиции посредника у студентов университета в поликультурном образовательном пространстве // *Инновации в образовании*. 2016. № 6. С. 68–83.
17. Самерханова Э.К. Информационно-образовательное пространство: теоретико-методологический аспект. Н. Новгород : НГПУ, 2011. 129 с.
18. Безукладников К.Э., Жигалев Б.А., Крузе Б.А. Профессионально-ориентированное обучение английскому языку: методы, приемы, оценивание = ESP TEACHING, LEARNING, ASSESSMENT: MODERN TOOLS, STRATEGIES, PRACTICES. Пермь : Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2017. 122 с.
19. Куклина С.С. Учебная деятельность по овладению иноязычным общением и ее организационные формы. Киров : РадугаПРЕСС, 2013. 175 с.
20. Shevchenko A.I, Kuklina S.S. How to Make Professionally Oriented Educational Environment of Intercultural and Professionally Oriented Character // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. Vol. 131. P. 71–81.
21. Деревякина А.В. Виртуальная экскурсия как инновационная форма практико-ориентированного обучения иностранным языкам бакалавров туризма // *Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: Педагогика и психология*. 2013. № 4. С. 34–37.
22. Беспалько В.П. *Слагаемые педагогической технологии*. М. : Педагогика, 1989. 192 с.
23. Куклина С.С., Шевченко А.И. Формирование межкультурной компетенции в профессионально ориентированной информационной образовательной среде вуза // *Язык и культура*. 2019. № 47. С. 197–216.

References

1. Dashkova, E.V. & Ivushkina, E.V. (2014) Osobennosti organizatsii ekskursiy dlya sovremennykh shkol'nikov [Features of organizing excursions for modern schoolchildren]. *Pedagogika i sovremennost'*. 1 (1). p. 60.
2. Guseynova, A.S. (2020) Ispol'zovanie tekhnologii virtual'nye tury pri obuchenii inostrannomu yazyku [Using virtual tours technology in teaching a foreign language]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 12-2 (51). pp. 143–146.
3. Kamardina, Yu.S. (2019) Tekhnologiya razrabotki "web-kvesta" pri izuchenii angliyskogo yazyka [Technology for developing a "web-quest" when learning English]. *Nauchnyy zhurnal "Diskurs"*. 6 (32). pp. 90–96.
4. Poryvaev, A.V. (2015) Virtual'nye ekskursii: metodicheskiy aspekt [Virtual excursions: methodological aspect]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2. pp. 25–36.
5. Calongne, C. & Hiles, J. (2007) Blended realities: A virtual tour of education in Second Life. *Proceedings of TCC 2007*. TCC Hawaii. pp. 17–19.
6. Downing, A. & Klein, L.R. (2001) A multilingual virtual tour for international students: The Web-based library at Baruch College opens doors. *College & Research Libraries News*. 62 (5). pp. 500–502.
7. Major, C. (2015) *Teaching online: A guide to theory, research, and practice*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
8. Jan, D. et al. (2009) A virtual tour guide for virtual worlds. In: *Intelligent virtual agents*. Berlin; Heidelberg: Springer. pp. 372–378.
9. Best, B. & Conceição, S.C.O. (2017) Transactional Distance Dialogic Interactions and Student Satisfaction in a Multi-Institutional Blended Learning Environment. *European Journal of Open, Distance and E-Learning*. 20 (1). pp. 139–153.
10. Mayer, R.V. (2014) Research of didactic systems with use of methods of computer modeling. *Psychology, Sociology and Pedagogy*. 7 (34). pp. 37–42.
11. Ginesinskiy, V.I. (1997) Problema strukturirovaniya mirovogo obrazovatel'nogo prostranstva [The problem of structuring the world educational space]. *Pedagogika*. 3. pp. 10–15.
12. Gural', S.K. & Obdalova, O.A. (2011) Sinergeticheskaya model' razvitiya obrazovatel'nogo prostranstva [Synergetic model of development of educational space]. *Yazyk i kul'tura*. 4 (16). pp. 90–94.
13. Berdichevskiy, A.L. & Vikulova, L.G. (2017) *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: Chelovek i novye sotsiogumanitarnye tsennosti* [Dialogue of cultures. Culture of dialogue: Man and new socio-humanitarian values]. Moscow: Neolit.
14. Khutorskoy, A.V. (2006) Tekhnologiya proektirovaniya klyuchevykh i predmetnykh kompetentsiy [Technology of designing key and subject competencies]. In: *Innovatsii v obshcheobrazovatel'noy shkole. Metody obucheniya* [Innovations in secondary schools. Teaching methods]. Moscow: GNU ISMO RAO. pp. 65–79.
15. Bdiwi, R. et al. (2019) Smart learning environment: Teacher's role in assessing classroom attention. *Research in Learning Technology*. 27. doi: 10.25304/rlt.v27.2072
16. Popova, N.V. & Ovsyannikova, T.V. (2016) Formirovanie mezhkul'turnoy kommunikativnoy kompetentsii i pozitsii posrednika u studentov universiteta v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve [Formation of intercultural communicative competence and mediator position among university students in a multicultural educational space]. *Innovatsii v obrazovanii*. 6. pp. 68–83.
17. Samerkhanova, E.K. (2011) *Informatsionno-obrazovatel'noe prostranstvo: teoretiko-metodologicheskiy aspekt* [Information and educational space: theoretical and methodological aspect]. N. Novgorod: N. Novgorod State Pedagogical University.
18. Bezukladnikov, K.E., Zhigalev, B.A. & Kruze, B.A. (2017) *Professional'no-orientirovannoe obuchenie angliyskomu yazyku: metody, priemy, otsenivanie = ESP TEACHING, LEARNING, ASSESSMENT: MODERN TOOLS, STRATEGIES, PRACTICES*. Perm: Perm State Humanitarian-Pedagogical University.
19. Kuklina, S.S. (2013) *Uchebnaya deyatel'nost' po ovladeniyu inoyazychnym obshcheniem i ee organizatsionnye formy* [Educational activities for mastering foreign language communication and its organizational forms]. Kirov: RadugaPRESS.
20. Shevchenko, A.I. & Kuklina, S.S. (2020) How to Make Professionally Oriented Educational Environment of Intercultural and Professionally Oriented Character. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 131. pp. 71–81.

21. Derevyakina, A.V. (2013) Virtual'naya ekskursiya kak innovatsionnaya forma praktiko-orientirovannogo obucheniya inostrannym yazykam bakalavrov turizma [Virtual excursion as an innovative form of practice-oriented teaching of foreign languages to tourism bachelor's students]. *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. 4. pp. 34–37.
22. Bespal'ko, V.P. (1989) *Slagaemye pedagogicheskoy tekhnologii* [Components of pedagogical technology]. Moscow: Pedagogika.
23. Kuklina, S.S. & Shevchenko, A.I. (2019) Formirovanie mezhkul'turnoy kompetentsii v professional'no orientirovannoy informatsionnoy obrazovatel'noy srede vuza [Formation of intercultural competency in a professionally oriented information educational environment of a university]. *Yazyk i kul'tura*. 47. pp. 197–216.

Информация об авторе:

Шевченко А.И. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков неязыковых направлений Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: usr10761@vyatsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.I. Shevchenko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: usr10761@vyatsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.03.2022;
одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 04.03.2022;
approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Original article
UDC 372.881.111.1
doi: 10.17223/15617793/494/19

Learning and teaching in the contexts of artificial intelligence: Transforming content for the humanities

Darya V. Aleynikova^{1,2}, Lyudmila V. Yarotskaya^{1,3}

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

² festabene@mail.ru

³ lvyar@yandex.ru

Abstract. The incredible spread of artificial intelligence and its integration in business processes around the world pose a challenging task for foreign language teachers. Current research focuses on improving teaching strategies within the scope of artificial intelligence on an interdisciplinary basis, where foreign language could be seen as an integrating ground for unifying professional and digital knowledge. The authors suppose such an approach aims at educating competitive specialists.

Keywords: annotation, artificial intelligence, foreign language teaching, labeling, social sciences and humanities

For citation: Aleynikova, D.V. & Yarotskaya, L.V. (2023) Learning and teaching in the contexts of artificial intelligence: Transforming content for the humanities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 180–186. doi: 10.17223/15617793/494/19

Introduction

In recent decades, we have witnessed an incredible rise of modern technologies. Various innovative instruments appear at a new cross-border level. Subsequently, they act as a basis for changing social and economic relations within the scope of the digital society. The crucial influence is attributed to the new wave of artificial intelligence development, the “summer of AI” [1]. Artificial intelligence is regarded as a foundation for a wide range of companies and an instrument for the complete digital transformation. It helps both efficiently and quickly carry out a growing array of tasks. The fact that it increases overall productivity by several times makes most companies consider it as a professional tool.

Current trends, previously related to the industry of IT, today change the corporate world, creating a digitally unified labour market. Such processes highlight the necessity for organizations to verify their strategy goals. The COVID-19 pandemic has significantly accelerated the pace of digital tool application in the social sciences and humanities. To some extent, it led to the scaling of a number of services provided and, at certain stages, the replacement of a “human” with automated algorithms. Innovations influence the ways of performing professional activities and contribute to the emergence of new professions. Obviously, artificial intelligence is not likely to substitute for humans in most professional areas. However, it is to completely alter careers themselves, including duties performed. For instance, are the areas of responsibility in law [2] or records management [3] to be transformed? If so, how will it change teaching approaches? At the same time, one of the biggest matters of concern is the preparation of

future specialists to deal with constantly transforming digital contexts.

Historically, university graduates who want to be competitive must possess a high level of subject knowledge, language proficiency in one or more foreign languages, and well-developed soft skills. The critical point is that knowledge in demand today is also undergoing transformation, adding a digital component to the primary specialists’ needs in any professional field. That sheds the light on the idea of revisiting higher education considering widespread artificial intelligence application. The point to highlight is to revise the social sciences and the humanities. We suppose that the discipline Foreign Languages has a great potential for unifying subject and digital knowledge while sharpening foreign language fluency on an interdisciplinary basis.

The scope of our teaching deals with teaching psychologists, lawyers, specialists in records management and intercultural professional communication. It should be noted that professional communication goes beyond borders with the help of innovations and artificial intelligence. New demands call for adequate measures, posing a challenging task for foreign language teachers in higher educational institutions. We aim at educating competitive specialists in the area of social sciences and the humanities with comprehensive skills and knowledge. These above-mentioned perceptions created the intrinsic motivation that guided this research.

Literature review

Artificial intelligence finds its way into various areas, revealing technical aspects of its application as well as a human factor. In terms of professional activities, we will

examine how corporate areas react to the ongoing transformation.

Artificial intelligence is widely applied in psychology [4, 5], jurisprudence [2, 6–8], records and information management [3, 9, 10], human resource management [11, 12], etc.

It is necessary to note that artificial intelligence significantly changes traditional professional activities. Artificial intelligence is part of legal practices all over the world [13–15]. Lawyers face the need not only to keep track of legal innovations but also to correlate algorithms in accordance with the changes made. Thus, scientists from the University of Pennsylvania and Sheffield created a form of artificial intelligence that can predict the decisions of the European Court of Human Rights with an accuracy of 79% [16].

As things stand, most legal services will soon be carried out online, and basic Web services will replace lawyers. It is essential that lawyers develop new strategies to build a future in which the legal profession is digitalized. Such an approach logically leads us to the conclusion that legal education should employ new techniques that are technologically appropriate. The current changes in the legal services market mean that restrictions will inevitably disappear, and new lawyers and other legal professionals will have to adapt to a new reality [17].

The influence of artificial intelligence in psychology is also seen as inevitable though assessments of its role in the field differ. According to the survey conducted by C.B. Frey, the integration of AI technologies in the area of psychology is not significant; however, it has increased since 2013 [18]. Researchers see great prospects for the use of artificial intelligence in the area of psychological help [19, 20]. There is now a plethora of smartphone applications (Cogniant, Woebot, BioBase, Youper, Replika, Talkspace, Tess, Moodmission) that can help monitor current psychological state and provide advice. For instance, app users report their bad mood or anxiety symptoms to MoodMission, and AI algorithms recommend five strategies to help them cope with anxiety, improve their mood, and reduce general anxiety. These strategies include: relaxation strategies, cognitive reframing exercises, physical activity, etc. The participants of the experiment reported their mood before and after applying the strategies [21]. Electronic therapy is becoming increasingly popular. It can serve as an additional diagnostic tool for psychologists as well as an independent technology. It should be noted that the work of modern psychologists is evolving in the digital context, which should have an impact on the training of future specialists [22].

The field of electronic documents and records management also faces transformations due to AI impact [23, 24].

Obviously, the transformation of professional activities requires shaping learning and teaching content. Researchers in different professional fields highlight that it is of utmost importance to revise teaching social sciences and humanities students considering the apparent artificial intelligence growth [22], which results in accentuating the potential of the

discipline – foreign language teaching as an interdisciplinary basis for such digital integration.

The idea proposed called into a question: How should the educational content be revised? Artificial intelligence is regarded as inefficient in solving problems that are presented as abstract, that do not have a clear answer, imply persuasion or arbitrary talk, and are associated with the awareness of humanistic concepts of the real world [25]. At the same time, issues of a non-standardized nature that contain real-life problems are not unlikely to be solved. Moreover, artificial intelligence algorithms work with datasets and there is a clear correlation – the more tasks to be solved, the more data to be provided. Artificial intelligence algorithms need quality data to be successfully trained [26]. Furthermore, more complex tasks require high-quality data.

Artificial intelligence systems are trained rather than programmed. The creation of datasets is regarded as challenging [27]. In some areas, datasets are not available, but even when they are available, labeling efforts can require huge human resources. When starting to work with data, the subject of the data is analyzed according to their belonging to one of the categories (structured or unstructured). Missing data could refer to publicly available information that the system will have easy access to, or it could refer to closed-access databases.

In law and medicine, databases are frequently inaccessible. In such cases, synthetic data is used, which is created artificially from scratch or based on real data. It is useful when there is insufficient data to train the algorithm. After analyzing the available data, a conclusion can be drawn about what data is missing and how to expand the data sets [28].

A very interesting point in this regard is that in most cases, in specialized areas, those who work with data (label data) must be professional lawyers, psychologists, records managers, etc., who are highly trained in data labeling [29]. At the same time, we observe an exponential growth in the AI labeling market from USD 1.5 billion in 2019 to USD 3.5 billion in 2024 [30]. The analysis of these factors brought us to the following idea: future professionals' teaching should include basic labeling techniques. We suppose that such an approach could be implemented within the framework of foreign language teaching on an interdisciplinary basis.

Research

There has been a great increase of artificial intelligence application. The incorporation of artificial intelligence into various companies' day-to-day operations has resulted in significant changes to professional activities. Taking into account the fact that professional activity is reflected in higher education, consequently, the educational system must respond to these new challenges by providing innovative educational content. This study intends to examine how artificial intelligence is changing the content of teaching social

sciences and humanities. The following research questions guided the study:

- How is AI changing careers and how should the educational content be revised?
- What innovative techniques could be introduced in the studying process?
- What is the outcome of the new instruments' integration?

Research Methodology

In this study we employed a qualitative research design combining observation with an open questionnaire survey.

Participants

The participants were second-year (8 students), fourth-year (11 students), and fifth-year (8 students) learners of English majoring in social sciences and humanities (records management and law) at Moscow State Linguistic University.

Materials

At the pre-teaching stage, we applied YouTube videos and research articles presenting current trends in artificial intelligence. For stages 2 and 3, authentic texts from the areas of law and records management were used. At the post-teaching stage, an open questionnaire was shared via Google Forms.

Procedure

The whole survey procedure lasted for two months and was divided into four successive stages:

Stage 1. AI discourse exploration (At this pre-teaching stage, learners discovered AI trends in their professional areas. Students were asked to reveal the areas of concern considering the spread of AI technologies).

Stage 2. Techniques for labeling (At this point, we introduced labeling techniques in response to demand).

Stage 3. Labeling: From theory to practice (This stage involved a professional task simulating a real-life situation).

Stage 4. Feedback: Open questionnaire (At this stage we asked the students to analyze the importance of the AI training component. The open questionnaire survey was implemented to accumulate the students' feedback).

We applied the qualitative approach to analyze the responses provided. We distinguished two categories: a) benefits of AI module integration; b) students' impressions.

Results and discussion

The process of marking up a text document or various elements of its content is known as data labeling. Human language has its own specific features that quite frequently pose problems for machines. Labeling (annotation) envisages classifying images, text structures, and other objects according to distinguished criteria in order to prepare datasets for training a model. Any successful professional activity in the area of machine

learning starts with highly qualitative datasets. Inaccuracy or lack of professional expertise will bring inefficiency and cost lots of money. Subsequently, teaching social sciences and humanities students to label should be seen as one of the priority tasks. Moreover, considering cross-disciplinary approach, this aspect could be taught during foreign language classes.

Stage 1. AI Discourse Exploration

Labeling is a vast domain directly related to artificial intelligence. It includes all sorts of labeling, considering the tasks proposed.

Therefore, we decided to specify which types of labeling may necessitate the involvement of experts from various professional communities. To determine relevant types of labeling, we felt it was critical to develop criteria that they must meet. Among such criteria, we distinguished the following:

- text material for labeling;
- critical thinking inclusion;
- linguistic and discourse analysis application.

The choice of the above-mentioned criteria is directly related to the specific features incorporated in the activities of social science and humanities specialists. Firstly, at large, they deal with text and not images / video / audio files. Secondly, their professional activity is inextricably linked with analysis. For instance, records management specialists gather, input, monitor, and classify given information. By the same token, lawyers think analytically, precisely, and rigorously to describe legal procedures and find reasonable solutions.

Stage 2. Labeling techniques

With regard to what has been said, we believe that these types of labeling meet the criteria (Figure 1):

1) **Named entity recognition (NER)**. It enables us to extract valuable data information from utterances. It aims at finding words and classifying them as entities. Extracted entities could be used to work with databases, make decisions, and generate phrase maps. NER is best suited for marking up key information in text that could include people, geographic locations, and any frequently occurring objects [31].

2) **Key word labeling** includes identifying key words and phrases. Quite often AI applies wrongfully the factor of "frequency" to mark the most important information. At the same time, for the human it is obvious that even rarely appearing words and phrases may be the ones in need.

3) **Named entity linking (NEL)**. NER is linked to finding entities from the text, while NEL is the process of connecting those named entities to an existing base. Entity annotations correlate with discourse annotation and, therefore, discourse analysis.

4) **Text classification** involves labeling texts, namely, attaching documents to certain categories. For instance, document classification, contract classification, and text sentiment labeling. It is necessary to tag a single label that will sort large amounts of textual information for document classification [31].

Data Labeling

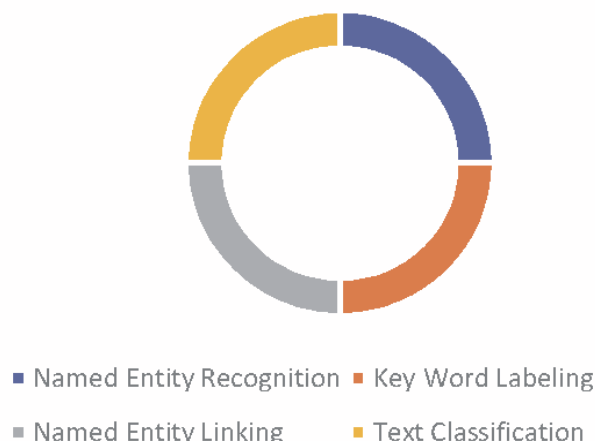

Fig. 1. Data labeling types relevant to the social sciences and humanities specialists

Stage 3. Labeling: From theory to practice

The next challenge we faced after specifying the types was how to teach and what exactly to teach. So, we worked out a set of rules that may be helpful for those who start on a journey of labeling:

- 1) Read the given text and analyze it thoroughly.
- 2) Summarize the text in your own words using bullets.
- 3) Specify the categories / phrases / key concepts that are relevant for labeling (Figure 2).

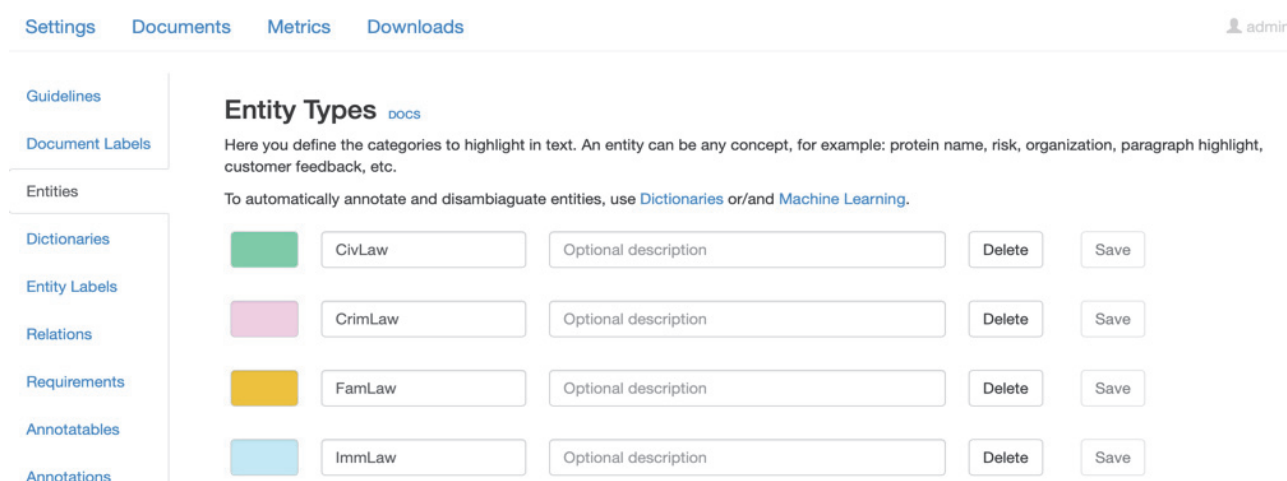

Fig. 2. Entity types (created with tagtog.com)

4) Do not forget about margins. They may be helpful for writing questions and notes.

5) While labeling text use abbreviations or symbols.

6) If you deal with text classification, it may be useful to work out features that are applicable to the specified text type.

7) While labeling, avoid including unnecessary data in your labels and only include what you want extracted.

8) Do not forget that the same entity should be labeled the same way across all documents. Be consistent!

9) After labeling, check the text to verify if you managed to label all the important pieces.

Having discussed labeling and its possible strategies, we asked the students to label the texts. Our law students

were supposed to deal with text classification and categorize legal cases in different branches based on the content of the cases (Figure 3).

Text classification may mistakenly be seen as an easy task for artificial intelligence algorithms. However, when we look at the example, we notice some indicators that are only visible to humans: “civil litigation” may mislead to the idea of civil law, when in fact it belongs to the area of family law. “An offer of employment” may be incorrectly attributed to the sphere of labor law, though in this context it is about civil law.

Records management includes labeling documents. Subsequently, records management students dealt with entity labeling – tagging entities such as names, department, location, and key phrases (Figure 4).

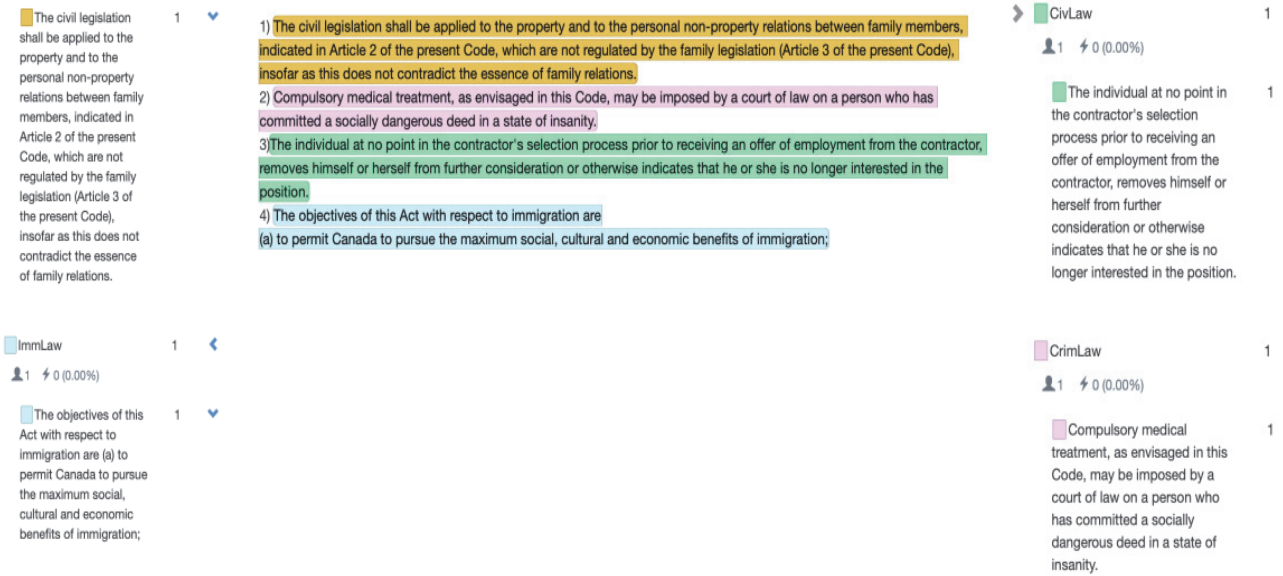

Fig. 3. Text classification (created with tagtog.com; compiled from: the Civil Code of Russian Federation; the Family Code of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation; the Immigration and Refugee Protection Act, Canada, 2001)

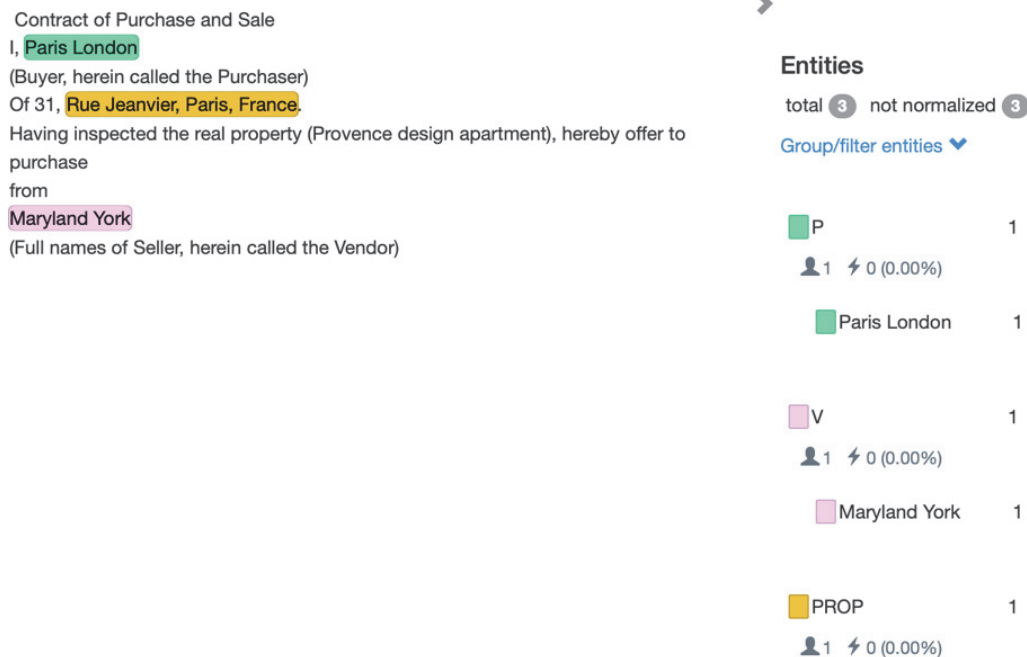

Fig. 4. Named entity recognition (created with tagtog.com)

It is necessary to highlight that all the above mentioned labeling types come in useful. Moreover, some labels may mislead the AI algorithms. For instance, Paris is a city and a name. Maryland is a state in the USA, but, in the contract provided, it is the vendor's name (Figure 4).

Stage 4. Feedback: Open questionnaire

The post-teaching stage provided feedback. At this point, we asked the students to assess the significance of the AI training component. The open questionnaire survey was used to collect student feedback.

To analyze the responses provided, we used a qualitative approach. We divided our findings into two

categories: a) the benefits of AI module integration, and b) students' impressions. The categories evaluated by the students are presented below (Figure 5).

Evaluating the benefits of the AI module integration, the students found it *necessary*, *beneficial*, and *up-to-date*. Most students commented positively on the idea of investigating new profession-related instruments. A practice-oriented approach was emphasized. It was pointed out that this is of utmost importance for their future careers. The students specified that before the AI module they lacked knowledge in the sphere of AI application, especially in their professional areas.

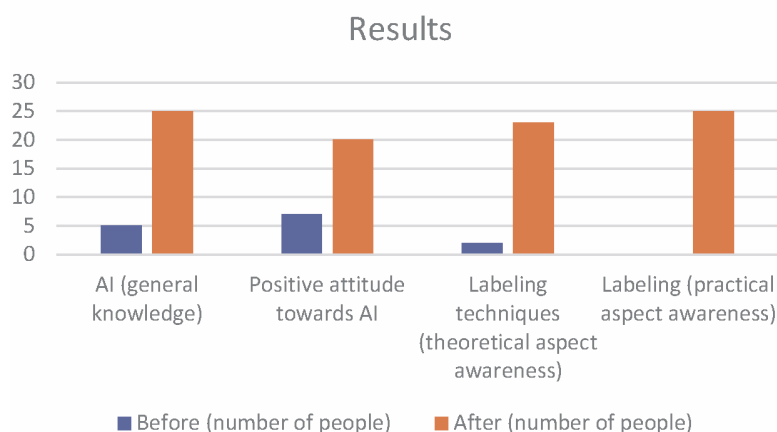

Fig. 5. Results (Open questionnaire analysis)

Conclusions

The widespread inclusion of AI algorithms in professional areas is not to be discussed. Most companies all over the world keep looking for the fastest, highest-quality decisions to solve the ever-increasing number of everyday problems. Considering this idea, it is obvious that AI changes professional activities and future careers, including the social sciences and humanities. Many careers are undergoing transformation. Such reshaping processes are to be reflected in teaching practices.

Our research focused on improving current teaching strategies within the scope of artificial intelligence on an interdisciplinary basis, where foreign language course is seen as an integrating ground for unifying professional and digital knowledge.

One of the professional areas that is in high demand is labeling. Labeling is the process of categorizing

images, text structures, and other objects using specific criteria in order to prepare datasets for training a model. Any successful professional activity in machine teaching and learning begins with high-quality datasets. We suppose that teaching labeling to students in the social sciences and the humanities should be regarded as one of the priority tasks.

It is also important to highlight that our research revealed that not all texts can be easily labeled automatically. This sort of activity is usually reserved for humans. Further investigation undertaken by the authors of the article after completing the pre-teaching stage of the research described above revealed that social sciences and humanities students should study current trends and learn to differentiate between them. Therefore, foreign languages professors should be provided with special manuals, recommendations, and other teaching and learning aids to ensure the expected educational results.

References

1. Francesconi, E. (2022) The winter, the summer and the summer dream of artificial intelligence in law. *Artificial Intelligence Law*. 30. pp. 147–161. doi: 10.1007/s10506-022-09309-8
2. Marques Martins, J. (2020) A system of communication rules for justifying and explaining beliefs about facts in civil trials. *Artificial Intelligence Law*. 28. pp. 135–150. doi: 10.1007/s10506-019-09247-y
3. Jaillant, L., Aske, K., Goudarouli, E. & Kitcher, N. (2022) Introduction: challenges and prospects of born-digital and digitized archives in the digital humanities. *Archival Science*. 22. pp. 285–291. doi: 10.1007/s10502-022-09396-1
4. Malgaroli, M., Hull, T.D., Wiltsey Stirman, S. & Resick, P. (2020) Message delivery for the treatment of posttraumatic stress disorder: longitudinal observational study of symptom trajectories. *Journal of Medical Internet Research*. 22 (4). Art. e15587. doi: 10.2196/15587
5. Rickard, N., Arjmand, H.-A., Bakker, D. & Seabrook, E. (2016) Development of a Mobile Phone App to Support Self-Monitoring of Emotional Well-Being: A Mental Health Digital Innovation. *JMIR Mental Health*. 3. Art. e49. doi: 10.2196/mental.6202
6. Billi, M., Calegari, R., Contissa, G., Lagioia, F., Pisano, G., Sartor, G. & Sartor, G. (2021) Argumentation and Defeasible Reasoning in the Law. *J*. 4 (4). pp. 897–914. doi: 10.3390/j4040061
7. Huttner, L. & Merigoux, D. (2022) CATALA: Moving towards the future of legal expert systems. *Artificial Intelligence Law*. doi: 10.1007/s10506-022-09328-5 [Online] Available from: <https://hal.inria.fr/hal-02936606v3/document> (Accessed: 01.02.2023).
8. Nowotko, P.M. (2021) AI in judicial application of law and the right to a court. *Procedia Computer Science*. 192. pp. 2220–2228. doi: 10.1016/j.procs.2021.08.235
9. Chabin, M.-A. (2020) “he potential for collaboration between AI and archival science in processing data from the French great national debate. *Records Management Journal*. 30 (2). pp. 241–252. doi: 10.1108/RMJ-08-2019-0042
10. Xie, S.L., Siyi, L. & Han, R. (2022) Competing with artificial intelligence – can the records and information management profession withstand the challenge? *Records Management Journal*. 32 (2). pp. 151–169. doi: 10.1108/RMJ-08-2021-0033
11. Nawaz, N. (2020) Exploring artificial intelligence applications in human resource management. *Journal of management Information and Decision Sciences*. 23 (5). pp. 552–563.
12. Tambe, P., Cappelli, P. & Yakubovich, V. (2019) Artificial Intelligence in Human Resources Management: Challenges and a Path Forward. *California Management Review*. 61 (4). pp. 15–42. doi: 10.1177/0008125619867910
13. Reiling, A.D. (2020) Courts and Artificial Intelligence. *International Journal for Court Administration*. 11 (2). Art. 8. doi: 10.36745/ijca.343
14. Shi, C., Sourdin, T. & Li, B. (2021) The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? *International Journal for Court Administration*. 12 (1). Art. 4. doi: 10.36745/ijca.367

15. Zou, M. (2020) 'Smart Courts' in China and the Future of Personal Injury Litigation. *Journal of Personal Injury Law*. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=3552895> (Accessed: 12.12.2022).
16. Aletras, N., Tsarapatsanis, D., Preotjiuc-Pietro, D. & Lampos, V. (2016) Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: A natural language processing perspective. *PeerJ Computer Science*. 2. doi: 10.7717/peerj-cs.93. [Online] Available from: <https://peerj.com/articles/cs-93/> (Accessed: 10.11.2022).
17. Susskind, R. (2017) *Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future*. 2nd Ed. Oxford University Press.
18. Frey, C.B. (2019) *The Technology Trap: Capital, Labor, and Power in the Age of Automation*. Princeton Press.
19. Fitzpatrick, K.K., Darcy, A. & Vierhile, M. (2017) Delivering cognitive behavior therapy to young adults with symptoms of depression and anxiety using a fully automated conversational agent (Woebot): A randomized controlled trial. *JMIR Mental Health*. 4 (2). doi: 10.2196/mental.7785
20. Stepanov, S.Yu., Orzhekovsky, P.A., Ushakov, D.V. (2020) Problems of digitalization and development strategies of lifelong learning. *Lifelong education: the XXI century*. 2 (30). doi: 10.15393/j5.art.2020.5684. (In Russian).
21. Bakker, D. & Rickard, N. (2019) Engagement with a cognitive behavioral therapy mobile phone app predicts changes in mental health and wellbeing: MoodMission. *Australian Psychology*. 54. pp. 245–260. doi: 10.1111/ap.12383
22. Gratzner, D. & Goldbloom, D. (2020) Therapy and E-therapy – Preparing Future Psychiatrists in the Era of Apps and Chatbots. *Acad Psychiatry*. 44. pp. 231–234. doi: 10.1007/s40596-019-01170-3
23. Katuu, Sh. (2022) Managing records in enterprise-wide systems and some artificial intelligence considerations. *International Conference on Artificial Intelligence and the development of Records and Archives Management*. doi: 10.13140/RG.2.2.23271.52644 [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/361119203_Managing_records_in_enterprise-wide_systems_and_some_artificial_intelligence_considerations (Accessed: 10.02.2023).
24. Yarotskaya, L.V. (2017) *Electronic documents and records management in Russian and foreign companies*. Moscow: Triumph. (In Russian).
25. Remus, D. & Levy, F.S. (2016). Can Robots Be Lawyers? Computers, Lawyers, and the Practice of Law. *SSRN Electronic Journal*. doi: 10.2139/ssrn.2701092. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2701092# (Accessed: 10.02.2022).
26. Pugliese, R., Regondi, S. & Marini, R. (2021) Machine learning-based approach: global trends, research directions, and regulatory standpoints. *Data Science and Management*. 4. pp. 19–29. doi: 10.1016/j.dsm.2021.12.002
27. Whang, S.E. & Lee, J.-G. (2020) Data collection and quality challenges for deep learning. *Proceedings of the VLDB Endowment*. 13 (12). pp. 3429–3432. doi: 10.14778/3415478.3415562
28. Polachowska, K. (2019) AI in education: can AI improve the way we teach and learn? In: *Neoteric. Software House That Helps You Innovate*. [Online] Available from: <https://neoteric.eu/blog/ai-in-education-can-ai-improve-the-way-we-teach-and-learn/> (Accessed: 09.08.2022).
29. Baidakova, D. (2021) *Data Labelers in Highly Specialized Fields: How and Where Do We Get Them?* [Online] Available from: <https://towardsdatascience.com/data-labelers-in-highly-specialized-fields-how-and-where-do-we-get-them-26306a4952b9> (Accessed: 05.12.2022).
30. Cognilytica.com. (2020) *Data engineering, preparation and labeling for AI, 2020*. [Online] Available from: <https://www.cognilytica.com/document/data-preparation-labeling-for-ai-2020/> (Accessed: 13.08.2022).
31. Ovchinnikov, I. (2021) *Named entity recognition with Dasha AI Platform in practice*. [Online] Available from: <https://dasha.ai/en-us/blog/named-entity-recognition> (Accessed: 01.12.2022).
32. Kamruzzaman, S.M. (2010) *Text classification using artificial intelligence*. arXiv preprint arXiv:1009.4964. [Online] Available from: <https://ui.adsabs.harvard.edu/abs/2010arXiv1009.4964K/abstract> (Accessed: 03.02.2023).

Information about the authors:

D.V. Aleynikova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: festabene@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5397-7999

L.V. Yarotskaya, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lvyar@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6539-3085

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Алейникова Д.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: festabene@mail.ru

Яроцкая Л.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой психологии и педагогической антропологии Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: lvyar@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*Статья поступила в редакцию 23.02.2023;
одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 23.02.2023;
approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 341.218.1
doi: 10.17223/15617793/494/20

Системы законодательства Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики от самопровозглашения до принятия в Российскую Федерацию: этапы и основные черты развития

Евгений Сергеевич Аничкин¹

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, rrd231@rambler.ru*

Аннотация. Исследована эволюция законодательства народных республик Донбасса (ДНР, ЛНР) как непризнанных государств со времени их самопровозглашения до принятия в состав Российской Федерации. Выявлены и охарактеризованы этапы формирования законодательства ДНР и ЛНР в этот период, а также его специфические черты: активное развитие собственного законотворчества; эклектика элементов украинского и российского законодательства; влияние на формирование правового регулирования режима военного положения. **Ключевые слова:** Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, законодательство, Донбасс, рецепция, военное положение, правовые системы непризнанных государств

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 23-28-00138 «Системы права признанных республик Донбасса: проблемы переходного состояния и пути достижения самодостаточности»

Для цитирования: Аничкин Е.С. Системы законодательства Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики от самопровозглашения до принятия в Российскую Федерацию: этапы и основные черты развития // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 187–197. doi: 10.17223/15617793/494/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/20

Legislative systems of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic from self-proclamation to acceptance into the Russian Federation: Stages and main development features

Evgeny S. Anichkin¹

¹ *Altai State University, Barnaul, Russian Federation, rrd231@rambler.ru*

Abstract. This study is aimed at revealing the periodization and specific development features of the legislation of the Donetsk People's Republic (DPR) and the Luhansk People's Republic (LPR) from the time of their self-proclamation in 2014 until their acceptance to the Russian Federation as its subjects in 2022. In preparing the article, a wide list of laws and other normative legal acts of DPR and LPR, as well as doctrinal sources (mainly articles by legal scholars of DPR and LPR) were used. The methodological basis of the study was a wide range of general (dialectical, analysis and synthesis, induction and deduction) and special (synergistic, system-structural and comparative legal) methods of scientific knowledge. General scientific methods, especially the dialectical one, made it possible to study the conditions and the evolution of the systems of legislation of DPR and LPR, taking into account the changing socio-political context. With the help of the synergistic method, the intersectoral communication of the emerging legislation was analyzed. The system-structural method was used in studying the hierarchical, spatial and subject aspects of the relationship between the sources of legislation. By means of the comparative legal method, the legislative acts of DPR and LPR were compared with each other, as well as with Ukrainian and Russian laws. In the course of the study, the features of the legislation systems of the Republics of Donbass were revealed, which include the focus on integration with the more developed legal system of Russia and at the same time moving away from Ukrainian law, the lack of self-sufficiency due to the constant reception of the best legal decisions of Ukraine and Russia and the resulting eclecticism and compilativity, the high level of intensity of lawmaking, the proximity of the pace and content of the legislation of the two republics, caused, among other things, by their formation under the conditions of the special legal regime of martial law. The conclusion is substantiated that the republics have gone through two stages in their legal development and are currently in the third. The first stage is characterized by the formation of the actual republican legislation with a parallel reception of Russian legal experience, but the predominant influence of Ukrainian law (2014–2018). The second stage

is characterized by the further formation of the legislative array of the republics against the backdrop of increased Russian legal influence and a significant decrease in the Ukrainian legal segment (2019–2022). The third stage is explained by the acceptance in September 2022 of DPR and LPR into our state and the beginning of systematic work to significantly update the legislation of the new constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, legislation, Donbass, reception, martial law, legal systems of unrecognized states

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00138, <https://rscf.ru/project/23-28-00138/>

For citation: Anichkin, E.S. (2023) Legislative systems of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic from self-proclamation to acceptance into the Russian Federation: Stages and main development features. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 187–197. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/20

Абрис исследования

Важнейшие для дальнейшего развития и судьбы России события, наблюдаемые в настоящее время (беспрецедентные антироссийские санкции со стороны «коллективного Запада», специальная военная операция нашей страны на Украине, частичная мобилизация и др.) в значительной степени являются следствием тех процессов, которые рельефно обозначились и оформились на Украине в 2014 г. Самопровозглашение Донецкой и Луганской народных республик (далее – ДНР, ЛНР) в апреле 2014 г. и их вооруженная борьба за независимость с материнским государством, последующее международное признание несколькими странами мира (Российской Федерацией, Сирией, КНДР), а затем и включение этих территорий в сентябре 2022 г. в состав Российской Федерации стали важными событиями в обновлении геополитической архитектуры на постсоветском пространстве. Все эти события актуализируют научный и практический интерес к осмыслению специфики и тенденций развития законодательства указанных территорий после 2014 г. и до сегодняшнего дня.

Качественно новый этап развития обуславливает активное формирование республиками собственной государственности и стремление к построению существенно модернизированных автономных правовых систем. Это закономерно встречает на своем пути многочисленные препятствия и сложности как военно-политического, так и организационно-правового и экономического характера. Закономерно, что право непризнанных или частично признанных государственных образований переживает переходный период формирования, характеризующийся коренными изменениями, незавершенностью системы, противоречивостью, неравномерностью развития отраслей и институтов, динамичностью и пробельностью правового регулирования, незрелостью и радикализмом правосознания [1. С. 401–411]. Не являются исключением и формирующиеся правовые системы республик Донбасса. Более того, переходный период в них получил даже формальное отражение. Так, Конституция ЛНР, принятая 18 мая 2014 г., называлась «Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики» [2], а в ДНР первоначальный этап ее правового развития ознаменовался принятием Постановления Совета Министров ДНР от

2 июня 2014 г. № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» [3], а позднее Постановления Совета Министров ДНР от 31 мая 2016 г. № 7-58 «О применении уголовно-процессуального законодательства на территории Донецкой Народной Республики в переходный период» [4].

Поскольку главным компонентом правовой системы является законодательство, то в данной статье основной фокус внимания сосредоточим на основных чертах его развития в период от самопровозглашения республик до их принятия в состав Российской Федерации. Полагаем, что в своем развитии системы законодательства ДНР и ЛНР прошли несколько этапов, каждый из которых имеет свою специфику, обусловленную динамикой текущих внешне и внутривнутриполитических изменений. Нижней хронологической границей первого этапа является самопровозглашение ДНР и ЛНР в апреле 2014 г. Следует согласиться с А.А. Поправко в том, что он характеризуется созданием «смешанной правовой системы с преобладанием законодательства Украины» [5. С. 194], влияние которого заметно ослабевает к 2018 г.

Для второго этапа примерно с 2018 г. и по 2022 г. характерно усиление пророссийской правовой ориентации и расширение рецепции российского опыта. Этот вектор особенно усилился после февраля 2022 г., когда Российская Федерация официально признала независимость республик Донбасса как субъектов международного права и начала на территории Украины специальную военную операцию. Как известно, это признание было оформлено указами Президента РФ [6, 7], а также договорами о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанными Российской Федерацией с ДНР и ЛНР 21 февраля 2022 г. и ратифицированными в форме федеральных законов на следующий день [8, 9]. Показательным «водоразделом» между этапами послужили конституционные реформы в ДНР и ЛНР на рубеже 2018–2019 гг., когда в конституции республик были внесены многочисленные поправки о взаимоотношениях между высшими органами государственной власти (главы республик, народные собрания, правительства), копирующие модель взаимоотношений между Президентом РФ, Государственной Думой Федерального Собрания РФ и Правительством РФ [10, 11].

Третий этап, продолжающийся в настоящее время, юридически обособлен фактом включения территорий

ДНР, ЛНР, а также Запорожской и Херсонской областей 30 сентября 2022 г. в состав Российской Федерации [12–15]. Поскольку третий этап начал формироваться совсем недавно, и необходимый для научного осмысления нормативный и эмпирический материал только появляется, он станет предметом отдельного изучения в рамках настоящего проекта в следующих публикациях. В данной статье поставим исследовательский акцент на характеристике первых двух этапов развития систем законодательства самопровозглашенных республик Донбасса.

У первых двух этапов наблюдались как общие черты, так и различия. Основными общими чертами стали: 1) активное развитие собственно республиканского законодательства ДНР и ЛНР; 2) смешанное содержание систем законодательства ДНР и ЛНР с эклектикой элементов украинского и российского законодательства и соответствующего правового опыта; 3) влияние на формирование правового регулирования новых республик режима военного положения. Ключевое различие заключается в преобладающем действии на первом этапе украинского законодательства и, напротив, дистанцировании от него и активной рецепции российских правовых практик в последующем. Данные утверждения требуют подробного обоснования.

Развитие собственного законодательства ДНР и ЛНР

Обретение республиками Юго-Востока Украины независимости и активное формирование ими собственной государственности объективно предопределяло необходимость форсированного формирования автономных систем права как в ДНР, так и в ЛНР. По нашим подсчетам за период с 2015 г. (парламент – Народный Совет ЛНР приступил к работе только 17 ноября 2014 г., а первые результаты его законодательной деятельности появились в начале 2015 г.) по 2021 г. в ЛНР было принято 638 законов, причем темп законодательской активности Народного Совета ЛНР заметно увеличился (на 30–40%) в последние годы, что объясняется увеличением количества законов о поправках в ранее принятые законы. Так, в 2015 г. в ЛНР было принято 75 законов, в 2016 г. – 61, в 2017 – 58, в 2018 – 89, в 2019 – 120, в 2020 – 117 и в 2021 – 118 (данные за 2022 г. пока недоступны в открытых источниках) [16].

Примерно такие же количественные данные о принятых законах в ДНР. В соответствии с данными официального сайта Народного совета ДНР количество принятых парламентом и подписанных главой ДНР законов составило в 2014 г. – 13, в 2015 – 94, в 2016 – 56, в 2017 – 62, в 2018 – 57, в 2019 – 78, в 2020 – 153, в 2021 – 105, за 2022 – 84. Таким образом, общее количество принятых законов с учетом 2022 г. составило 688 [17]. В тоже время несколько иные количественные данные приведены А.А. Поправко – 778 законов. При этом далее уточняется, что за период 2014–2021 гг. принято 147 новых законов, 9 кодексов, а также 625 изменений и дополнения к уже существующим законам [18. С. 21]. Примерно

такая цифра действительно складывается без учета законов, принятых парламентом, но отклоненных главой ДНР.

Такое количество принятых законов динамично заполнило все основные сферы общественных отношений, среди которых государственное строительство, хозяйственная деятельность, социальная политика, культурно-образовательная сфера, финансы и налоговая система, экология и недра и др. Это послужило основой генезиса и развития соответствующих отраслей права (конституционного, гражданского, предпринимательского, социального обеспечения, финансового, налогового, экологического и т.д.). Прежде всего, в образовавшихся квазигосударствах были приняты собственные конституции – 14 мая 2014 г. Конституция ДНР и 18 мая 2014 г. Конституция ЛНР. Они послужили основой формирования кодифицированного и обычного законодательного регулирования. Кроме того, в ЛНР изначально было предусмотрено принятие конституционных законов, но вскоре они были исключены из системы нормативных правовых актов Республики [19].

В настоящее время в ДНР принято 10 кодексов, в ЛНР 11, но также несколько проектов кодексов находятся в разработке (например, Трудовой кодекс ДНР, Жилищный кодекс ЛНР). При этом обращают на себя внимания два ключевых различия между республиками в этом вопросе. Во-первых, несовпадение темпов принятия кодексов. Если в ДНР первым был принят Уголовный кодекс (14.08.2014), а все остальные были приняты с 2018 по 2022 г. (Уголовно-процессуальный кодекс 24.08.2018, Гражданский кодекс 13.12.2019, Водный кодекс 07.02.2020, Семейный кодекс 17.07.2020, Арбитражный процессуальный кодекс 30.04.2021, Гражданский процессуальный кодекс 30.04.2021, Кодекс административного судопроизводства 30.06.2021, Уголовно-исполнительный кодекс 30.06.2021, Земельный кодекс 11.04.2022), то в ЛНР, напротив, все кодексы принимались равномерно с 2015 по 2018 г. – Трудовой кодекс 30.04.2015, Уголовный кодекс 14.08.2015, Уголовно-процессуальный кодекс 21.08.2015, Кодекс гражданской защиты 24.06.2016, Кодекс об административных правонарушениях 15.07.2016, Таможенный кодекс 07.04.2017, Арбитражный процессуальный кодекс 14.06.2018, Кодекс административного судопроизводства 14.06.2018, Семейный кодекс 14.06.2018, Гражданский кодекс 08.10.2018, Гражданский процессуальный кодекс 08.10.2018. Во-вторых, обращает на себя внимание частичное различие в видах кодексов. В-третьих, в ЛНР и ДНР кодексы обладают разным уровнем юридической силы: если в соответствии со ст. 3 и ч. 3 ст. 9 Закона ЛНР «О нормативных правовых актах в Луганской Народной Республике» от 30.04.2015 г. кодексы занимают промежуточное положение между конституцией и законами [20], то в иерархии нормативных правовых актов ДНР кодексы занимают третье место после конституции и законов (п. 1 ст. 6 Закона ДНР «О нормативных правовых актах» от 07.08.2015) [21].

Сведения о принятии обычных законов и содержании некоторых из них хорошо представлены в ряде научных публикаций [22–24]. Поскольку становление ДНР и ЛНР было обусловлено одинаковыми причинами, происходило в схожей общественно-политической обстановке и имело идентичные ориентиры дальнейшего развития, то неудивительно тождественность многих правовых институтов, источников и норм права этих республик. Также для унификации и синхронизации законодательства ДНР и ЛНР кроме политических (создание на первоначальном этапе Союза народных республик) [25] были и юридические основания, оформившие интеграционные намерения республик в Меморандуме о правовом сотрудничестве 2015 г., Соглашении о сотрудничестве в области регистрации актов гражданского состояния 2015 г., Протоколе о намерениях создания единого таможенного пространства 2018 г., Договоре о создании единого экономического пространства 2021 г. и ряде других подобных документов. Важнейшим направлением этой работы явилось расширение межпарламентского сотрудничества между Народным Советом ДНР и Народным Советом ЛНР. В частности, в Протоколе о сотрудничестве между законодательными органами ДНР и ЛНР от 15 июня 2018 г. предусмотрены регулярный обмен информацией о текущей деятельности обоих парламентов, принятыми нормативными актами и их проектами, находящимися на рассмотрении; совместные консультации при разработке проектов законов; сотрудничество в сфере обмена методическими и другими материалами [26].

В связи с этим хотелось бы сосредоточить внимание не на обзоре текущего законодательства, а на выявлении ряда принципиальных различий в законодательном регулировании двух республик Донбасса. Только сопоставление основных законов позволяет констатировать наличие Счетной палаты в ЛНР и отсутствие таковой в ДНР, запрет продажи земель в ЛНР (п. 4 ст. 5 Конституции ЛНР 2014 г.) и отсутствие такого запрета в ДНР, полномочие Народного Совета ДНР толковать Конституцию ДНР (ст. 69 Конституции ДНР 2014 г.) и, напротив, отсутствие такого права у Народного Совета ЛНР (хотя до 2019 г. такое полномочие в Регламенте Народного Совета ЛНР было), обладание Народным Собранием ЛНР контрольным полномочием в обязательном порядке рассматривать нормативные правовые акты главы Республики с целью рекомендовать ему внести в них изменения, отменить либо обжаловать в судебном порядке (ч. 4 ст. 60 Конституции ЛНР) и отсутствие данного полномочия у парламента ДНР и ряд других. При сравнении первоначальных редакций конституций ДНР и ЛНР различий было еще больше: например, различался срок избрания глав республик и парламентов (4 года в ЛНР и 5 лет в ДНР), признание «первенствующей и господствующей» религией «православной веры, исповедуемой Русской Православной Церковью (Московским Патриархатом)» в Конституции ДНР (п. 2 ст. 9) и отсутствие подобных норм в Основном Законе ЛНР, амби-

циозное и прямолинейное заявление в ч. 1 ст. 55 Конституции ДНР, согласно которому «в случае присоединения Донецкой Народной Республики к федеративному государству Донецкая Народная Республика становится равноправным субъектом федеративного государства» (что свидетельствовало о конституированной пророссийской ориентации), и, в отличие от этого, нейтральные формулировки Конституции ЛНР.

Сказанное свидетельствует об активной деятельности республик в области законотворчества и создания государственного механизма с присущей им самостоятельностью и принятием оригинальных правовых решений.

Влияние правовой системы Украины

Несмотря на активную законодательную деятельность парламентов ДНР и ЛНР, констатировать автономию и самодостаточность систем права данных республик было бы ошибочно и преждевременно. С одной стороны, республики не могли в одночасье разорвать сформировавшиеся правовые связи с материнским государством, с другой стороны, их ориентация в дальнейшем государственном развитии на Россию также получала явное правовое отражение. Поэтому важнейшей чертой права республик Донбасса с 2014 по 2022 г. является его смешанный характер со сложным переплетением различных сегментов украинского и российского права.

В этой связи применительно к ДНР В.В. Введенская справедливо отмечает: «Государственное устройство Украины и ее законодательство сформировали “правовые привычки”, которые население принесло с собой в государственные реалии ДНР», что послужило «немажорным фактором, обусловившим невозможность одновременного полного отказа от использования законодательства Украины на территории ДНР» [27. С. 8]. Поэтому в ч. 2 ст. 86 Конституции ДНР устанавливалось правило, согласно которому законы и иные нормативные правовые акты, действовавшие на территории ДНР до вступления в силу Конституции ДНР, применяются в части, не противоречащей Конституции ДНР. Иными словами, на территории ДНР продолжилось действие нормативных правовых актов Украины по состоянию на май 2014 г. Аналогичное правило содержалось в ч. 2 ст. 86 Конституции ЛНР. Также в соответствии с Постановлением Совета Министров ДНР от 02.06.2014 № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» до принятия законов ДНР, регулирующих отношения между субъектами права, предписывалось применять законы Украины или законы других государств в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете ДНР и Конституции ДНР, но после утверждения их Советом Министров ДНР [3].

Именно Совет Министров ДНР, а не Народный Совет ДНР получил право внесения изменений в законы Украины, действующие на территории ДНР, в целях их адаптации к нуждам республики. Например, посредством Постановления Совета Министров ДНР № 7-58

от 31.05.2016 «О применении уголовно-процессуального законодательства на территории Донецкой Народной Республики в переходный период» были внесены изменения в названия, упоминаемые в УПК Украины, но не соответствующие реалиям ДНР (замена «Уголовного кодекса Украины» на «Уголовный кодекс ДНР», «Генерального прокурора Украины» на «Генеральный прокурор ДНР»), исключено применение слов-анахронизмов («Верховный суд Автономной Республики Крым», «областной суд», «прокурор области», «прокурор города Киева»), внесены изменения в редакцию ряда статей УПК с целью их гармонизации с Уголовным кодексом ДНР [4]. При этом примечательно, что в ДНР было подтверждено действие не того Уголовно-процессуального кодекса Украины, который имеет юридическую силу в настоящее время, а УПК УССР 1960 г. (в редакции 2001 г.), действовавшего на территории Украины до апреля 2013 г. Как видно, наблюдается реставрация отдельных компонентов советского права как лучших или во всяком случае приемлемых правовых образцов. В таком адаптированном варианте УПК Украины советского периода действовал на территории ДНР до принятия 24 августа 2018 г. УПК ДНР. Подобным же образом на территории ДНР в скорректированно-усеченном варианте по сравнению с украинским аналогом до сих пор сохраняет действие Кодекс об административных правонарушениях Украины 1984 г., в который постановлениями Совета Министров ДНР несколько раз вносились изменения и дополнения (Кодекс об административных правонарушениях ДНР находится на стадии обсуждения).

Однако есть и примеры необоснованного отказа от украинского законодательного опыта, когда закон принимается ради закона. Депутат Народного Совета ДНР С.В. Рубин приводит пример с заменой ранее действующего Закона Украины «Об отпусках» от 15 ноября 1996 г. № 504/96-ВР, «который за время своего действия был максимально усовершенствован и доработан, имел обширную правоприменительную практику и ни одной нормой не противоречил Конституции ДНР, на Закон ДНР «Об отпусках» № 16-ІНС от 6 марта 2015 года», «в результате чего обществом и государством был получен новый до конца непроработанный закон, на доработку которого в настоящее время тратятся людские ресурсы и бюджетные деньги», а также вносятся многочисленные поправки [28. С. 30].

В то же время не все положения украинского права по объективным причинам применимы на территории самопровозглашенных республик. Всякого рода ограничения и запреты, подчеркивающие непризнание групповой идентичности русскоязычных этнических групп, проживающих на Юго-Востоке Украины, блокируются на территории республик. Так, по данным В.В. Груздева, на территории Луганской области русский язык на переписи 2001 г. определили как родной 68,8% населения области, по сравнению с данными переписи 1989 г. этот показатель возрос на 4,9% [24. С. 14]. В этой связи Л.А. Бердегулова резонно отмечает, что нормы украинского права, установившие запрет на использование русского языка, не были восприняты руководством ДНР и

ЛНР при формировании законодательной базы, и, напротив, положения, «которые увязываются с политикой квазигосударственного образования, становятся предметом рецепции» [29. С. 170]. Более того, украинские нормативные акты в ряде случаев получают официальное толкование верховных судов ДНР и ЛНР и действуют на территориях республик только в соответствующей интерпретации [30. С. 39].

В целом первые годы после самопровозглашения правовые системы ДНР и ЛНР представляли собой постепенное отдаление от украинского законодательства к собственному республиканскому законодательству. Во многом законодательство Украины воспринималось как временное и вынужденное, т.е. до построения республиками самодостаточной системы законодательства. Законы и подзаконные нормативные правовые акты Украины регулировали те общественные отношения, которые в первые годы не были и не могли быть сразу урегулированы законодательством ДНР и ЛНР и применялись в части, не противоречащей конституциям ДНР и ЛНР и декларациям об их суверенитете.

Рецепция российского права

Однако с момента независимости и с каждым годом все более явно набирала силу противоположная тенденция к активной рецепции российского правового опыта. Нацеленность правовых систем самопровозглашенных государств Юго-Востока Украины на гармонизацию с российской правовой системой имеет существенные основания, объясняемые не только военным противостоянием с Украиной, а также социально-экономической и гуманитарной блокадой со стороны материнского государства (невыплаты пенсий, пособий, заработной платы бюджетникам, разрушение инфраструктуры и т.д.), но и «духовной и кровной приверженностью к Русскому миру, его языку, традициям и истории» [31. С. 234]. Ведь из 8 млн русских, проживавших на Украине в 2014 г., более 50% были жителями Донецкой и Луганской областей (около 3 млн чел. в ДНР и около 1,5 млн чел. в ЛНР). Восприятие украинским режимом Донбасса как «пророссийской недоукаины», с одной стороны, «стало катализатором раскола общества и формирования внутри него с одной стороны – Евромайдана, а с другой – общественных объединений на Донбассе, образовавших собственную публичную власть, оппозиционную Евромайдану» [27. С. 12] и направленную на политическую, экономическую и правовую интеграцию с Россией. Юридическое непризнание новых республик со стороны Украины на фоне интенсивного формирования ими собственной государственности повлекло за собой образование множества правовых пробелов, которые нужно было чем-то заполнить. С учетом пророссийских ориентиров и сжатых сроков оптимальным вариантом решения образовавшихся проблем стала рецепция отечественного законодательства вплоть до копирования структуры и содержания отдельных федеральных законов. По этой причине Постановление Совета Министров ДНР от 2 июня 2014 г. № 9-1 «О применении Законов

на территории ДНР в переходный период» прямо предусматривало: «до принятия Законов ДНР, регулирующих отношения между субъектами права, применять Законы Украины или Законы других государств в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете ДНР и Конституции ДНР». Указанная формулировка о «законах других государств» рассматривается исследователями как очевидный шаг, который «был сделан для использования законодательства России в дальнейшем» [32. С. 40].

Наиболее распространенным вариантом сближения законодательства республик с российским законодательством стало заимствование отечественных правовых образцов в качестве первоосновы для законов ДНР и ЛНР. Таким путем был реципирован в ДНР Гражданский кодекс РФ и Уголовный кодекс РФ [33. С. 97–98], фактической копией Кодекса РФ об административных правонарушениях стал одноименный кодекс ЛНР [32. С. 41], при разработке законодательства о судебной системе ЛНР было использовано российское законодательство о судоустройстве [34. С. 230], при формировании системы государственной службы ДНР [35] и нотариата ДНР весьма полезным стал опять же российский опыт [36].

Однако были известны и случаи прямого действия отдельных нормативных правовых актов РФ на территории ДНР в первое время после обретения независимости. Например, Постановлением Совета Министров ДНР № 20-3 от 28.07.2014 «О временном положении “О полиции Донецкой Народной Республики”» было предусмотрено (абз. 12), что принципы деятельности полиции, ее права и обязанности, порядок прохождения службы, присвоение специальных званий и иные вопросы функционирования органов полиции устанавливаются Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», а также Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части, не противоречащей основам конституционного строя ДНР и его законодательной базы [37].

Уменьшению правовых различий между законодательствами ДНР, ЛНР и Российской Федерации способствует углубленное правовое сотрудничество, предусмотренное договорами о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанными Российской Федерацией с ДНР и ЛНР 21 февраля 2022 г. и ратифицированными в форме федеральных законов на следующий день. Данные договоры предусматривают обмен правовой информацией, упрощенный прием жителей признанных республик в российское гражданство, взаимное признание документов, выданных органами публичной власти договаривающихся сторон, а также принятие мер по унификации законодательства. Но отдельные проявления правового партнерства наблюдались и ранее, показательным примером чего может послужить признание в России паспортов ДНР и ЛНР и регистрационных знаков транспортных средств на основании Указа Президента РФ от 18 февраля 2017 г. «О признании в Российской Федерации документов и ре-

гистрационных знаков транспортных средств, выданных гражданам Украины и лицам без гражданства, проживающим на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины» [38].

В то же время активная компиляция украинских и российских правовых практик сочетается с сохранением уникальных черт правового развития республик, отличающих их как от материнского государства, так и от государства-патрона. Так, в отличие от России и Украины в республиках отсутствует институт гражданства, нет конституционных судов, не предусмотрена муниципальная служба, а в первые годы было предусмотрено два государственных языка – русский и украинский (впоследствии упоминание об украинском языке из основных законов ДНР и ЛНР было исключено). В отличие от России обе республики провозгласили себя как унитарные государства. Оригинальной выглядит и реставрация отдельных законов советского периода, которые прекратили юридическую силу на территории Украины и России.

Формализация режима военного положения

По объективным причинам с самого начала развитие систем права республик Донбасса происходило в условиях действия особого правового режима – режима военного положения. Согласно статистическим данным, число погибших только среди мирного населения республик в результате боевых действий между вооруженными силами Украины и ДНР, ЛНР составило уже к началу 2019 г. не менее 3 300 чел., раненых мирных жителей – 7–9 тыс. чел., число внутренне перемещенных лиц из ДНР и ЛНР в другие регионы Украины и за рубеж составило 1 361 912 чел. [39. С. 23].

Военное положение было формализовано серией нормативных правовых актов республик в самое первое время после их самопровозглашения. Так, после создания ДНР как независимого государства законодательные полномочия на ее территории первое время до формирования Верховного Совета ДНР исполнял Совет Министров ДНР, издавший за это время два постановления, приравненных к законам, одно из которых № 6-5 от 25.05.2014 «О введении на территории Донецкой Народной Республики военного положения» [40]. Вскоре последовал принятый уже Верховным Советом ДНР Закон ДНР № 15-5 ВС «О неотложных мерах социальной защиты граждан, проживающих на территории Донецкой Народной Республики в условиях агрессии вооруженных сил и вооруженных формирований Украины» от 20.06.2014 [41]. Пришедший на смену Верховному Совету ДНР и приступивший к работе в ноябре 2014 г. Народный Совет ДНР одним из первых принял Закон ДНР 07-ИНС «О гражданской обороне» от 13.02.2015 [42] и Закон ДНР 10-ИНС «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Донецкой Народной Республике» от 17.02.2015 [43], действующие до настоящего времени.

В ЛНР режим военного положения был установлен Законом ЛНР № 17-II «О военном положении» от 24.04.2015 [44] и конкретизирован сопутствующими законодательными актами: Законом ЛНР № 8-II «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Луганской Народной Республике» от 13.02.2015 [45], Законом ЛНР № 30-II «Об обороне» от 22.05.2015 [46], Законом ЛНР № 147-II «Об участниках боевых действий в период отражения вооруженной агрессии Украины против Луганской Народной Республики» от 21.02.2017 [47]. Ввиду непрекращающихся боевых действий все указанные законы на сегодняшний день сохраняют юридическую силу.

Режим военного положения предопределил централизованную и милитаризованную систему государственного управления, функционирование специальных органов власти, а также широкий перечень ограничительных мер. Так, в обоих регионах были сформированы добровольческие армии (народные ополчения), в структуре органов исполнительной власти ЛНР было создано Управление мобилизационной работы и Центр управления восстановлением ДНР (действовавший до 2016 г.), на территории боевых действий в ДНР создавались военно-полевые суды. В первые два-три года существования республик полноценно не функционировала судебная система. По свидетельству В.Л. Толстых, в этот период суды ЛНР не рассматривали гражданские дела, а «судебные функции по назначению мер пресечения, наказаний за совершение административных проступков частично осуществляла прокуратура, а в некоторых случаях приговоры выносились по законам военного времени» [30. С. 40], т.е. допускался народный суд, отправление на фронт в качестве вида наказания и смертная казнь. До сих пор судебные решения, вынесенные судами ДНР и ЛНР, не признаются на Украине и за границей.

Кроме того, особый правовой режим повлек за собой целый ряд непопулярных ограничительных мер, среди которых запрет приватизации предприятий, акций, земли, объектов жилищного фонда; запрет продажи земли (характерно только для ЛНР); запрет игорного бизнеса, продажи пиротехнических средств, эмиссии ценных бумаг (ДНР); внешнее управление предприятиями в целях переориентации налоговых поступлений в бюджеты самопровозглашенных республик; частичная национализация рынков, супермаркетов и предприятий, которые принадлежали украинским олигархам, в ответ на торговую блокаду со стороны Украины (ДНР); особый режим въезда и выезда; ограничение свободы передвижения; неоднократные

введения и отмены комендантского часа; запрет забастовок; ограничение проведения публичных манифестаций; допустимость изъятия имущества физических и юридических лиц для нужд вооруженных сил; возможность применения смертной казни. Закономерным последствием режима военного положения являются дополнительные меры социальной защиты населения ДНР и ЛНР и участников военных действий по защите интересов новых республик [48, 49].

Иными словами, с учетом реалий осадного положения для республиканского законодательства 2014–2022 гг. характерно широкое использование приемов чрезвычайного регулирования. Поскольку системы права ДНР и ЛНР неизбежно сгенерировали все сопутствующие вызовы, то режим военного положения стал вынужденным следствием военной агрессии со стороны материнского государства.

Некоторые выводы

Вышесказанное позволяет с уверенностью констатировать наличие ряда особенностей в системах законодательства республик Донбасса. Эти особенности отражают нацеленность на интеграцию с более развитой правовой системой России и одновременное отдаление от украинского права, отсутствие самодостаточности в силу постоянной рецепции лучших правовых решений Украины и России и обусловленную этим эклектичность и компилятивность, высокий уровень интенсивности законодательства двух республик, вызванных, в том числе, их формированием в условиях действия особого правового режима военного положения. Повторимся, что, несмотря на перечисленные специфические черты, в своем правовом развитии республики прошли два этапа и в настоящее время находятся на третьем. Первый этап характеризуется становлением собственно республиканского законодательства с параллельной рецепцией российского правового опыта, но преобладающим влиянием украинского права (2014–2018 гг.). Для второго этапа характерно дальнейшее формирование законодательного массива республик на фоне усиления российского правового воздействия и значительного уменьшения украинского правового сегмента (2019–2022 гг.). Третий этап объясняется принятием в сентябре 2022 г. ДНР и ЛНР в состав нашего государства и началом системной работы по качественному обновлению законодательства новых субъектов Российской Федерации.

Список источников

1. Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода. Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2007. 512 с.
2. Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики от 18.05.2014 г. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/> (дата обращения: 27.01.2023).
3. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период»: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 г. № 9-1 // Официальный сайт Совета Министров Донецкой Народной Республики. URL: <http://smdnr.ru/wp-content/uploads/2016/07/9-1.docx>. (дата обращения: 27.01.2023).
4. «О применении уголовно-процессуального законодательства на территории Донецкой Народной Республики в переходный период»: Постановление Совета Министров ДНР от 31.05.2016 г. № 7-58 // Официальный сайт Донецкой Народной Республики. URL: https://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2016/06/Postanov_N7_58_31052016.pdf. (дата обращения: 27.01.2023).

5. Поправко А.А. Перспективы развития правовой системы Донецкой Народной Республики после дипломатического признания со стороны Российской Федерации // Человек – Общество – Культура как предмет философской рефлексии : материалы междунар. науч. конф. Серия: Социально-гуманитарные исследования ученых Донбасса / отв. ред. Т.Э. Рагозина. Донецк, 2022. С. 192–196.
6. Указ Президента РФ от 21.02.2022 г. № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» // Официальный интернет-портал правовой информации. 22.02.2022. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.01.2023).
7. Указ Президента РФ от 21.02.2022 г. № 72 «О признании Луганской Народной Республики» // Официальный интернет-портал правовой информации. 22.02.2022. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.01.2023).
8. Федеральный закон от 22.02.2022 г. № 15-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой» // Российская газета. 2022. 23 февраля. № 39.
9. Федеральный закон от 22.02.2022 г. № 16-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой» // Российская газета. 2022. 23 февраля. № 39.
10. Закон о внесении изменений в Конституцию Донецкой Народной Республики № 01-ПНС от 30.11.2018 г. // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/konstitutsiya/> (дата обращения: 09.02.2023).
11. Закон о внесении изменений в Конституцию Луганской Народной Республики № 76-III от 31.07.2019 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/9344/> (дата обращения: 09.02.2023).
12. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства РФ. 10.10.2022. № 41. Ст. 6930.
13. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» // Собрание законодательства РФ. 10.10.2022. № 41. Ст. 6931.
14. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области» // Собрание законодательства РФ. 10.10.2022. № 41. Ст. 6932.
15. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6933.
16. Статистика законодательного процесса Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/statistika-zakonodatelnogo-protsessa/> (дата обращения: 27.01.2023).
17. Аналитика законодательной деятельности Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/statistika-zakonodatelnoy-deyatelnosti/> (дата обращения: 27.01.2023).
18. Поправко А.А. Основные этапы становления и развития правовой системы Донецкой Народной Республики // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2022. № 1 (12). С. 13–23.
19. Закон «О внесении изменений в Закон Луганской Народной Республики “О нормативных правовых актах в Луганской Народной Республике”» № 151-II от 07.03.2017 г. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/4205/> (дата обращения: 28.01.2023).
20. Закон ЛНР «О нормативных правовых актах в Луганской Народной Республике» № 24-II от 30.04.2015 г. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/937/> (дата обращения: 28.01.2023).
21. Закон ДНР «О нормативных правовых актах» № 72-ИНС от 07.08.2015 г. URL: <http://rst-dnr.ru/documents/zakon-donetskoy-narodnoy-respubliki-o-normativnykh-pravovykh-aktakh-ot-07-08-2015-72-ins/?ckattempt=1> (дата обращения: 28.01.2023).
22. Охотский Е.В., Боршевский Г.А. Непризнанные республики Донбасса: правовые основы и особенности организации государственного управления // Публичное и частное право. 2019. № 2 (42). С. 38–58.
23. Введенская В.В. Становление законодательства Донецкой Народной Республики // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7, № 8А. С. 115–129.
24. Груздев В.В. Формирование признаков государства в Луганской Народной Республике // Признание государств и правительств: проблемы и перспективы, барьеры и возможности : материалы междунар. научн.-практ. конф., г. Луганск, 18–19 мая 2017 г., МВД ЛНР, Луган. акад. внутр. дел им. Э.А. Дидоренко. Луганск, 2017. С. 11–40.
25. Руденко М.В., Никольский В.Н. Первая попытка интеграции ДНР и ЛНР: создание союза народных республик и деятельность парламента Новороссии // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : материалы Междунар. науч. конф. студ. и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонГУ / под общ. ред. С.В. Беспаловой. 2017. С. 137–140.
26. Протокол о сотрудничестве между Народными Советами Донецкой и Луганской Народных Республик от 15.06.2018 г. URL: <https://dnrsovet.su/protokol-o-sotrudnichestve-mezhdu-narodnymi-sovetami-donetskoj-i-luganskoj-narodnyh-respublik/> (дата обращения: 28.01.2023).
27. Введенская В.В. Признаки государства Донецкая Народная Республика // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 5А. С. 5–16.
28. Рубин С.В. Формирование правовой системы Донецкой Народной Республики в современных условиях // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания : теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. И.П. Подмаркова. 2017. С. 26–34.
29. Бердегулова Л.А. Оценка влияния рецепции на формирование правовых систем квазигосударственных образований // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 169–172.
30. Толстых В.Л., Григорян М.А., Коваленко Т.С., Халабуденко О.А. Проблемы формирования и функционирования правовых систем непризнанных государств // Российский юридический журнал. 2018. № 3. С. 36–44.
31. Бабичева Н.А. Признаки государственности в контексте признания Луганской Народной Республики международным сообществом // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 3. С. 234–238.
32. Исаков В.С., Тимофеев Е.И. ДНР и ЛНР: особенности законодательства и государственно-правового статуса новых республик // Молодежь в науке: Новые аргументы : сб. науч. работ III Междунар. молодежной науч. конф. / отв. ред. А.В. Горбенко. 2017. С. 38–42.
33. Шестак С.В. Правовая рецепция в законодательстве Донецкой Народной Республики (теоретико-правовой аспект) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. 2021. № 1. С. 95–99.
34. Коваленко Т.С. Влияние российского опыта организации судебной системы на конституцию Луганской Народной Республики // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 3. С. 230–233.
35. Сичкар В.А., Гутров А.И. Сравнительный анализ системы государственной службы ДНР и Российской Федерации // Сборник научных работ серии «Право». 2019. № 3. С. 130–140.
36. Мельничайко А.Ю. Значение опыта Российской Федерации для формирования системы нотариата в Донецкой Народной Республике // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности : материалы I Междунар. науч. конф. Т. 8. / под общ. ред. С.В. Беспаловой. 2016. С. 111–113.

37. О Временном положении «О полиции Донецкой Народной Республики»: Постановление Совета Министров ДНР от 28.07.2014 г. № 20-3 // Официальный сайт Донецкой Народной Республики. URL: <http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2014/07/> (дата обращения: 05.02.2023).
38. Указ Президента РФ от 18.02.2017 г. № 74 «О признании в Российской Федерации документов и регистрационных знаков транспортных средств, выданных гражданам Украины и лицам без гражданства, проживающим на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 8. Ст. 1224.
39. Михайлов В.В. Юридические проблемы непризнания уязвимых групп на Украине // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3 (65). С. 20–33.
40. Постановление Совета Министров ДНР «О введении на территории Донецкой Народной Республики военного положения» от 25.05.2014 г. № 6-5 // Сайт Министерства Иностранных Дел Донецкой Народной Республики и Новороссии. URL: <http://www.mid.dnpr.su/DOC/20140525.htm> (дата обращения: 07.02.2023).
41. Закон ДНР № 15-5 ВС «О неотложных мерах социальной защиты граждан, проживающих на территории Донецкой Народной Республики в условиях агрессии вооруженных сил и вооруженных формирований Украины» от 20.06.2014 г. // ГИС НПА ДНР. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0008-15-5-vs-20140620/> (дата обращения: 07.02.2023).
42. Закон ДНР 07 - ИНС «О гражданской обороне» от 13.02.2015 г. // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatel'naya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-grazhdanskoj-oborone/> (дата обращения: 07.02.2023).
43. Закон ДНР 10 - ИНС «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Донецкой Народной Республике» от 17.02.2015 г. // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. URL: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-mob-podgotovke-i-mobilizatsii/> (дата обращения: 07.02.2023).
44. Закон ЛНР № 17-II «О военном положении» от 24.04.2015 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/902/> (дата обращения: 07.02.2023).
45. Закон ЛНР № 8-II «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Луганской Народной Республике» от 13.02.2015 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/887/> (дата обращения: 07.02.2023).
46. Закон ЛНР № 30-II «Об обороне» от 22.05.2015 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/986/> (дата обращения: 07.02.2023).
47. Закон ЛНР № 147-II «Об участниках боевых действий в период отражения вооруженной агрессии Украины против Луганской Народной Республики» от 21.02.2017 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/4131/> (дата обращения: 07.02.2023).
48. Закон ДНР № 47-ИНС «О социальной защите ветеранов войны» от 15.05.2015 г. Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. URL: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-sotsialnoj-zashhite-veteranov-voynu/> (дата обращения: 07.02.2023).
49. Закон Луганской Народной Республики от № 10-I 10.06.2014 г. № 10-I «О неотложных мерах социальной защиты граждан, проживающих на территории Луганской Народной Республики в условиях агрессии вооруженных сил и вооруженных формирований Украины». URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/597/> (дата обращения: 07.02.2023).

References

1. Sorokin, V.V. (2007) *Teoriya gosudarstva i prava perekhodnogo perioda* [Theory of state and law of the transition period]. Barnaul: OAO "Altayskiy poligraficheskiy kombinat".
2. Nslnr.su. (2014) *Vremennyy Osnovnoy Zakon (Konstitutsiya) Luganskoy Narodnoy Respubliki ot 18.05.2014 g.* [Temporary Basic Law (Constitution) of the Luhansk People's Republic of May 18, 2014]. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/> (Accessed: 27.01.2023).
3. Official website of the Council of Ministers of the Donetsk People's Republic. (2014) *On the application of Laws on the territory of the DPR during the transition period: Resolution of the Council of Ministers of the Donetsk People's Republic dated 02 June 2014 No. 9-1.* [Online] Available from: <http://smdnr.ru/wp-content/uploads/2016/07/9-1.docx>. (Accessed: 27.01.2023). (In Russian).
4. Official website of the Council of Ministers of the Donetsk People's Republic. (2016) *On the application of criminal procedural legislation on the territory of the Donetsk People's Republic during the transition period: Resolution of the Council of Ministers of the DPR dated May 31, 2016, No. 7-58.* [Online] Available from: https://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2016/06/Postanov_N7_58_31052016.pdf. (Accessed: 27.01.2023). (In Russian).
5. Popravko, A.A. (2022) *Perspektivy razvitiya pravovoy sistemy Donetskoj Narodnoy Respubliki posle diplomaticheskogo priznaniya so storony Rossiyskoj Federatsii* [Prospects for the development of the legal system of the Donetsk People's Republic after diplomatic recognition from the Russian Federation]. *Chelovek – Obshchestvo – Kul'tura kak predmet filosofskoy refleksii* [Man – Society – Culture as a subject of philosophical reflection]. Proceedings of the International Conference. Donetsk. pp. 192–196. (In Russian).
6. Pravo.gov.ru. (2022) *Decree of the President of the Russian Federation dated February 21, 2022, No. 71: On recognition of the Donetsk People's Republic.* [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru> (Accessed: 27.01.2023). (In Russian).
7. Pravo.gov.ru. (2022) *Decree of the President of the Russian Federation dated February 21, 2022, No. 72: On recognition of the Luhansk People's Republic.* [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru> (Accessed: 27.01.2023).
8. *Rossiyskaya gazeta.* (2022) *Federal'nyy zakon ot 22.02.2022 g. № 15-FZ "O ratifikatsii Dogovora o druzhbe, sotrudnichestve i vzaimnoy pomoshchi mezhdru Rossiyskoj Federatsiyey i Donetskoj Narodnoy Respublikoy"* [Federal Law No. 15-FZ of February 22, 2022: On the ratification of the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Donetsk People's Republic]. 23 February. 39 S.
9. *Rossiyskaya gazeta.* (2022) *Federal'nyy zakon ot 22.02.2022 g. N 16-FZ "O ratifikatsii Dogovora o druzhbe, sotrudnichestve i vzaimnoy pomoshchi mezhdru Rossiyskoj Federatsiyey i Luganskoy Narodnoy Respublikoy"* [Federal Law of February 22, 2022, No. 16-FZ: On the ratification of the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Luhansk People's Republic]. 23 February. 39 S.
10. Official website of the People's Council of the Donetsk People's Republic. (2018) *Law on amendments to the Constitution of the Donetsk People's Republic No. 01-IINS dated November 30, 2018.* [Online] Available from: <https://dnrsovet.su/zakonodatel'naya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/konstitutsiya/> (Accessed: 09.02.2023). (In Russian).
11. Official website of the People's Council of the Donetsk People's Republic. (2019) *Law on amendments to the Constitution of the Luhansk People's Republic No. 76-III dated July 31, 2019.* [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/9344/> (Accessed: 09.02.2023).
12. Russian Federation. (2022) *Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 04.10.2022 g. N 5-FKZ "O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Donetskoj Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoj Federatsii novogo sub"ekta - Donetskoj Narodnoy Respubliki"* [Federal constitutional law of October 4, 2022, No. 5-FKZ: On the acceptance of the Donetsk People's Republic into the Russian Federation and the formation of a new subject within the Russian Federation – the Donetsk People's Republic]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 10 October. 41. Art. 6930.

13. Russian Federation. (2022) Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 04.10.2022 g. N 6-FKZ "O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Luganskoj Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoj Federatsii novogo sub"ekta – Luganskoj Narodnoy Respubliki" [Federal constitutional law of October 4, 2022, No. 6-FKZ: On the acceptance of the Luhansk People's Republic into the Russian Federation and the formation of a new subject within the Russian Federation – the Luhansk People's Republic]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 10 October 2022. 41. Art. 6931.
14. Russian Federation. (2022) Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 04.10.2022 g. N 7-FKZ "O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Zaporozhskoy oblasti i obrazovanii v sostave Rossiyskoj Federatsii novogo sub"ekta – Zaporozhskoy oblasti" [Federal constitutional law of October 4, 2022, No. 7-FKZ: On the acceptance of Zaporozhye Oblast into the Russian Federation and the formation of a new subject within the Russian Federation – the Zaporozhye Oblast]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 10 October. 41. Art. 6932.
15. Russian Federation. (2022) Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 04.10.2022 g. N 8-FKZ "O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Khersonskoy oblasti i obrazovanii v sostave Rossiyskoj Federatsii novogo sub"ekta - Khersonskoy oblasti" [Federal constitutional law of October 4, 2022, No. 8-FKZ: On the acceptance of Kherson Oblast into the Russian Federation and the formation of a new subject within the Russian Federation – Kherson Oblast]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 41. Art. 6933.
16. Nslnr.su. (2023) *Statistika zakonodatel'nogo protsessa Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoy Respubliki* [Statistics of the legislative process of the People's Council of the Luhansk People's Republic]. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/statistika-zakonodatelnogo-protsessa/> (Accessed: 27.01.2023).
17. Dnrsovet.su. (2023) *Analiitika zakonodatel'noy deyatelnosti Narodnogo Soveta DNR* [Analysis of the legislative activities of the People's Council of the DPR]. [Online] Available from: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/statistika-zakonodatelnaya-deyatelnosti/> (Accessed: 27.01.2023).
18. Popravko, A.A. (2022) Osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya pravovoy sistemy Donetskoj Narodnoy Respubliki [The main stages of the formation and development of the legal system of the Donetsk People's Republic]. *Vestnik Luganskoj akademii vnutrennikh del imeni E.A. Didorenko*. 1 (12). pp. 13–23.
19. Nslnr.su. (2017) *Zakon "O vnesenii izmeneniy v Zakon Luganskoj Narodnoy Respubliki "O normativnykh pravovykh aktakh v Luganskoj Narodnoy Respublike"" № 151-II ot 07.03.2017 g.* [Law: On Amendments to the Law of the Luhansk People's Republic "On Regulatory Legal Acts in the Luhansk People's Republic" No. 151-II dated 07 March 2017]. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/4205/> (Accessed: 28.01.2023).
20. Nslnr.su. (2015) *Zakon LNR "O normativnykh pravovykh aktakh v Luganskoj Narodnoy Respublike" № 24-II ot 30.04.2015 g.* [Law of the LPR "On normative legal acts in the Luhansk People's Republic" No. 24-II dated April 30, 2015]. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/937/> (Accessed: 28.01.2023).
21. Rst-dnr.ru. (2015) *Zakon DNR "O normativnykh pravovykh aktakh" № 72-IHC ot 07.08.2015 g.* [Law of the DPR "On normative legal acts" No. 72-IHC dated August 07, 2015]. [Online] Available from: <http://rst-dnr.ru/documents/zakon-donetskoj-narodnoy-respubliki-o-normativnykh-pravovykh-aktakh-ot-07-08-2015-72-ins/?ckattemp=1> (Accessed: 28.01.2023).
22. Okhotskiy, E.V. & Borshchevskiy, G.A. (2019) Nepriznannye respubliki Donbassa: pravovye osnovy i osobennosti organizatsii gosudarstvennogo upravleniya [Unrecognized republics of Donbass: legal foundations and features of the organization of public administration]. *Publichnoe i chastnoe pravo*. 2 (42). pp. 38–58.
23. Vvedenskaya, V.V. (2017) Stanovlenie zakonodatel'stva Donetskoj Narodnoy Respubliki [Formation of legislation of the Donetsk People's Republic]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. 7 (8A). pp. 115–129.
24. Gruzdev, V.V. (2017) [Formation of signs of the state in the Luhansk People's Republic]. *Priznanie gosudarstv i pravitel'stv: problemy i perspektivy, bar'ery i vozmozhnosti* [Recognition of states and governments: problems and prospects, barriers and opportunities]. Proceedings of the International Conference. Luhansk. 18–19 May 2017. Luhansk. pp. 11–40. (In Russian).
25. Rudenko, M.V. & Nikol'skiy, V.N. (2017) [The first attempt to integrate the DPR and the LPR: the creation of a union of people's republics and the activities of the parliament of Novorossiia]. *Donetskie chteniya 2017: Russkiy mir kak tsivilizatsionnaya osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kul'turnogo razvitiya Donbassa* [Donetsk Readings 2017: The Russian World as a civilizational basis for the scientific, educational and cultural development of Donbass]. Proceedings of the International Conference. Donetsk. pp. 137–140. (In Russian).
26. Dnrsovet.su. (2018) *Protokol o sotrudnichestve mezhdunarodnymi Sovetami Donetskoj i Luganskoj Narodnykh Respublik ot 15.06.2018 g.* [Protocol on cooperation between the People's Councils of the Donetsk and Luhansk People's Republics dated June 15, 2018]. [Online] Available from: <https://dnrsovet.su/protokol-o-sotrudnichestve-mezhdunarodnymi-sovetami-donetskoj-i-luganskoj-narodnykh-respublik/> (Accessed: 28.01.2023).
27. Vvedenskaya, V.V. (2018) Priznaki gosudarstva Donetskaya Narodnaya Respublika [Signs of the state of the Donetsk People's Republic]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. 8 (5A). pp. 5–16.
28. Rubin, S.V. (2017) [Formation of the legal system of the Donetsk People's Republic in modern conditions]. *Aktual'nye problemy pravovogo, ekonomicheskogo i sotsial'no-psikhologicheskogo znaniya: teoriya i praktika* [Current problems of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice]. Proceedings of the International Conference. Donetsk. pp. 26–34. (In Russian).
29. Berdegulova, L.A. (2015) Otsenka vliyaniya retseptsii na formirovaniye pravovykh sistem kvazigosudarstvennykh obrazovaniy [Assessing the influence of reception on the formation of legal systems of quasi-state entities]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 4. pp. 169–172.
30. Tolstykh, V.L. et al. (2018) Problemy formirovaniya i funktsionirovaniya pravovykh sistem nepriznannykh gosudarstv [Problems of formation and functioning of legal systems of unrecognized states]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 3. pp. 36–44.
31. Babicheva, N.A. (2017) Priznaki gosudarstvennosti v kontekste priznaniya Luganskoj Narodnoy Respubliki mezhdunarodnym soobshchestvom [Signs of statehood in the context of recognition of the Luhansk People's Republic by the international community]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 23 (3). pp. 234–238.
32. Isakov, V.S. & Timofeev, E.I. (2017) [DPR and LPR: features of legislation and state-legal status of the new republics]. *Molodezh' v nauke: Noveye argumenty* [Youth in Science: New Arguments]. Conference Proceedings. Lipetsk. pp. 38–42. (In Russian).
33. Shestak, S.V. (2021) Pravovaya retseptsiya v zakonodatel'stve Donetskoj Narodnoy Respubliki (teoretiko-pravovoy aspekt) [Legal reception in the legislation of the Donetsk People's Republic (theoretical and legal aspect)]. *Vestnik Donetskoj natsional'noy universiteta. Seriya E: Yuridicheskie nauki*. 1. pp. 95–99.
34. Kovalenko, T.S. (2017) Vliyaniye rossiyskogo opyta organizatsii sudebnoy sistemy na sudoustroystvo Luganskoj Narodnoy Respubliki [The influence of Russian experience in organizing the judicial system on the judicial system of the Luhansk People's Republic]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 23 (3). pp. 230–233.
35. Sichkar, V.A. & Gutrov, A.I. (2019) Sravnitel'nyy analiz sistemy gosudarstvennoy sluzhby DNR i Rossiyskoj Federatsii [Comparative analysis of the civil service system of the DPR and the Russian Federation]. *Sbornik nauchnykh rabot serii "Pravo"*. 3. pp. 130–140.
36. Mel'nichayko, A.Yu. (2016) [The significance of the experience of the Russian Federation for the formation of the notary system in the Donetsk People's Republic]. *Donetskie chteniya 2016. Obrazovanie, nauka i vyzovy sovremennosti* [Donetsk Readings 2016. Education, science and challenges of our time]. Proceedings of the International Conference. Vol. 8. Donetsk. pp. 111–113. (In Russian).
37. Donetsk People's Republic. (2014) *O Vremennom polozenii "O politzii Donetskoj Narodnoy Respubliki": Postanovlenie Soveta Ministrov DNR ot 28.07.2014 g. № 20-3* [On the Temporary Regulations "On the Police of the Donetsk People's Republic": Resolution of the Council of Ministers of the DPR dated July 28, 2014, No. 20-3]. [Online] Available from: <http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2014/07/> (Accessed: 05.02.2023).

38. Russian Federation. (2017) Ukaz Prezidenta RF ot 18.02.2017 g. № 74 “O priznanii v Rossiyskoy Federatsii dokumentov i registratsionnykh znakov transportnykh sredstv, vydannykh grazhdanam Ukrainy i litsam bez grazhdanstva, prozhivayushchim na territoriyakh ot del’nykh rayonov Donetskoy i Luganskoy oblastey Ukrainy” [Decree of the President of the Russian Federation dated February 18, 2017, No. 74: On the recognition in the Russian Federation of documents and registration plates of vehicles issued to citizens of Ukraine and stateless persons living in the territories of certain regions of the Donetsk and Lugansk regions of Ukraine]. *Sobranie zakonodatel’stva RF*. 8. Art. 1224.
39. Mikhaylov, V.V. (2021) Yuridicheskie problemy nepriznaniya uyazvimykh grupp na Ukraine [Legal problems of non-recognition of vulnerable groups in Ukraine]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 3 (65). pp. 20–33.
40. Ministry of Foreign Affairs of the Donetsk People’s Republic and Novorossiia. (2014) *Postanovlenie Soveta Ministrov DNR “O vvedenii na territorii Donetskoy Narodnoy Respubliki voennogo polozheniya” ot 25.05.2014 g. № 6-5* [Resolution of the Council of Ministers of the DPR “On the introduction of martial law on the territory of the Donetsk People’s Republic” dated May 25, 2014, No. 6-5]. [Online] Available from: <http://www.mid.dnr.ru/DOC/20140525.htm> (Accessed: 07.02.2023).
41. GIS NPA DNR. (2014) *Zakon DNR № 15-5 VS “O neotlozhnykh merakh sotsial’noy zashchity grazhdan, prozhivayushchikh na territorii Donetskoy Narodnoy Respubliki v usloviyakh agressii vooruzhennykh sil i vooruzhennykh formirovaniy Ukrainy” ot 20.06.2014 g.* [Law of the DPR No. 15-5 VS: On urgent measures of social protection of citizens living on the territory of the Donetsk People’s Republic in the conditions of aggression of the armed forces and armed formations region dated June 20, 2014]. [Online] Available from: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0008-15-5-vs-20140620/> (Accessed: 07.02.2023).
42. Dnrsovet.su. (2015) *Zakon DNR 07 – INS “O grazhdanskoy oborone” ot 13.02.2015 g.* [DPR Law 07 – INS “On Civil Defense” dated February 13, 2015]. [Online] Available from: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatyelzakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-grazhdanskoy-oborone/> (Accessed: 07.02.2023).
43. Dnrsovet.su. (2015) *Zakon DNR 10 – INS “O mobilizatsionnoy podgotovke i mobilizatsii v Donetskoy Narodnoy Respublike” ot 17.02.2015 g.* [DPR Law 10 – INS “On mobilization preparation and mobilization in the Donetsk People’s Republic” dated February 17, 2015]. [Online] Available from: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-mob-podgotovke-i-mobilizatsii/> (Accessed: 07.02.2023).
44. Nslnr.su. (2015) *Zakon LNR № 17-II “O voennom polozhenii” ot 24.04.2015 g. // Ofitsial’nyy sayt Narodnogo Soveta Luganskoy Narodnoy Respubliki* [Law of the LPR No. 17-II “On martial law” dated April 24, 2015]. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/902/> (Accessed: 07.02.2023).
45. Nslnr.su. (2015) *Zakon LNR № 8-II “O mobilizatsionnoy podgotovke i mobilizatsii v Luganskoy Narodnoy Respublike” ot 13.02.2015 g.* [Law of the LPR No. 8-II “On mobilization preparation and mobilization in the Luhansk People’s Republic” dated February 13, 2015]. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/887/> (Accessed: 07.02.2023).
46. Nslnr.su. (2015) *Zakon LNR № 30-II “Ob oborone” ot 22.05.2015 g.* [Law of the LPR No. 30-II “On Defense” dated May 22, 2015]. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/986/> (Accessed: 07.02.2023).
47. Nslnr.su. (2017) *Zakon LNR № 147-II “Ob uchastnikakh boevykh deystviy v period otrazheniya vooruzhennoy agressii Ukrainy protiv Luganskoy Narodnoy Respubliki” ot 21.02.2017 g.* [Law of the LPR No. 147-II “On participants in combat operations during the period of repelling the armed aggression of Ukraine against the Luhansk People’s Republic” dated February 21, 2017]. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/4131/> (Accessed: 07.02.2023).
48. Dnrsovet.su. (2015) *Zakon DNR № 47-INS “O sotsial’noy zashchite veteranov voyny” ot 15.05.2015 g.* [Law of the DPR No. 47-INS “On the social protection of war veterans” dated May 15, 2015]. [Online] Available from: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-sotsialnoj-zashchite-veteranov-voyny/> (Accessed: 07.02.2023).
49. Nslnr.su. (2014) *Zakon Luganskoy Narodnoy Respubliki ot 10.06.2014 g. № 10-I “O neotlozhnykh merakh sotsial’noy zashchity grazhdan, prozhivayushchikh na territorii Luganskoy Narodnoy Respubliki v usloviyakh agressii vooruzhennykh sil i vooruzhennykh formirovaniy Ukrainy” ot 21.02.2014 g.* [Law of the Luhansk People’s Republic dated October 10, 2014, No. 10-I “On urgent measures of social protection of citizens living on the territory of the Luhansk People’s Republic in the conditions of aggression of the armed forces and armed formations of Ukraine”]. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/597/> (Accessed: 07.02.2023).

Информация об авторе:

Аничкин Е.С. – д-р юрид. наук, директор Юридического института, зав. кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: rrd231@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.S. Anichkin, Dr. Sci. (Law), director of the Law Institute, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: rrd231@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.09.2023;
одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.

The article was submitted 08.09.2023;
approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.17223/15617793/494/21

Обусловленность места и роли адвоката-защитника типом уголовного производства

Николай Васильевич Азарёнок¹, Ахтям Ахатович Давлетов², Александр Викторович Чарыков³

^{1,2} Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
Azarenok_96@mail.ru

³ Адвокатская палата Свердловской области, адвокатский кабинет «Консильери», Екатеринбург, Россия, ekb@advokat66.su

Аннотация. Рассматривается проблема определения места и роли адвоката-защитника в системе континентальной формы уголовного производства. Прослеживается исторический путь состязательного и розыскного типа процесса, выделяются ключевые отличия в процедуре доказывания. Резюмируется, что адвокат-защитник в отечественном уголовном процессе не может выступать равноправной стороной спора, так как такое положение не соответствует типу российского уголовного процесса, а является субъектом, оказывающим квалифицированную юридическую помощь.

Ключевые слова: адвокат-защитник, континентальная форма уголовного производства, англо-американская форма уголовного производства, состязательность, розыск, стороны, право каждого на получение квалифицированной юридической помощи

Для цитирования: Азарёнок Н.В., Давлетов А.А., Чарыков А.В. Обусловленность места и роли адвоката-защитника типом уголовного производства // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 198–204. doi: 10.17223/15617793/494/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/21

Conditionality of a defense lawyer's place and role by the type of criminal proceedings

Nikolay V. Azarenok¹, Akhtyam A. Davletov², Alexandr V. Charykov³

^{1,2} Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation, Azarenok_96@mail.ru
³ Law Chamber of the Sverdlovsk Region, Consiglieri lawyer's office, Yekaterinburg, Russian Federation, ekb@advokat66.su

Abstract. The article aims to determine the conditionality of the place and role of a defense lawyer in criminal proceedings, to analyze the points of view on reforming the defense lawyer institution in criminal proceedings. In accordance with the aim, the conceptual apparatus is primarily determined, in particular, such categories as “type” and “form” of the criminal procedure. The history of criminal proceedings in England and on the continent is considered. It is noted that, in the Anglo-American form of criminal proceedings, the adversarial process has been preserved, while in the continental form its own – inquisitorial – type has emerged. The authors use a conceptual approach to distinguish the types of criminal proceedings based on the performance of the functions of prosecution, defense and resolution of the case by the participants in the procedure. When one subject combines three functions, this is the inquisitorial type; if the functions are divided between the prosecutor, the defense, and the court, then the type is adversarial. As a consequence, the inquisitorial and adversarial type of proceedings are fundamentally different in the process of proof. The three-subject nature of the adversarial process obliges the court, the defense, and the prosecutor to participate in the first stage of proof, and therefore evidence is “formed” in such a procedure. The formation of evidence consists in the fact that the parties have the right to cross-examination and alternative examination. At the same time, in inquisitorial proceedings, the process of proving begins with the “collection” of evidence by one powerful subject, and the defense lawyer's powers are limited only by “petitions”. Based on the comparative legal and historical-legal analysis, the authors note that a defense lawyer is only part of a large system of criminal procedural relations. Its place and role are methodologically determined by the type of criminal proceedings. In continental society, the lawyer has always been a person providing legal assistance, whereas in the Anglo-American process, the lawyer acted as an equal party to the dispute. As a result of the conducted research, the authors come to the conclusion that the concepts of reforming the institution of a defense lawyer in criminal proceedings proposed in the literature do not correspond to the historical path of development of the legislation of our country and will entail a change in the type of criminal proceedings. To date, Part 3 of Article 123 of the Constitution of the Russian Federation uses the adversarial nature and equality of the parties only in relation to judicial proceedings. Despite attempts at a complete adversarial reorganization of criminal procedural activity, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation has retained the preliminary investigation, i.e. the authoritative activity of officials collecting evidence, which is later used by the court in motivating conclusions

about the guilt or innocence of the defendant, the question of the conceptual definition of the place and role of the defense lawyer in the criminal procedure remains open.

Keywords: defense lawyer, continental type of criminal procedure, Anglo-American type of criminal procedure, parties, right of everyone to receive qualified legal assistance

For citation: Azarenok, N.V., Davletov, A.A. & Charykov, A.V. (2023) Conditionality of a defense lawyer's place and role by the type of criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 198–204. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/21

Революционные изменения в общественно-правовой жизни страны, произошедшие после 1991 г., повлекли за собой попытку смены континентальной формы отечественного уголовного производства на англо-американскую с равноправием обвинения и защиты [1. С. 25–26]. С этой целью в УПК РФ 2001 г. уголовно-процессуальная деятельность в целом, т.е. судебное и досудебное производство, была объявлена составительской (п. 56 ст. 5 и ст. 15 УПК РФ), где органы предварительного расследования, потерпевший, его представитель, частный обвинитель и гражданский истец оказались на стороне обвинения (гл. 6 УПК РФ), тогда как подозреваемый, обвиняемый, адвокат-защитник и адвокат-представитель гражданского ответчика стали стороной защиты (гл. 7 УПК РФ).

Одним из последствий такого подхода стало представление об адвокате-защитнике как о равноправной стороне юридическому спору, осуществляющей «параллельное» адвокатское расследование [2. С. 21–29], в связи с чем и возникла необходимость введения института «следственного судьи» [3]. В обоснование первой позиции ученые отмечают, что «принятие в 2001 г. УПК РФ, основанного на иных принципах, чем УПК РСФСР, высветило явное противоречие между концепцией формирования доказательств и принципами составительности и независимости судебной власти, поскольку значение судебных доказательств имеют материалы, сформированные одной из сторон – стороной обвинения. Это обстоятельство делает актуальным исследование концепции формирования доказательства в свете принципа составительности» [4. С. 22–27]. Поэтому предлагается реформирование досудебного производства в соответствии со стандартами составительности, равенства сторон, в том числе по собиранию доказательств [5. С. 138–151], что возможно при наделении защитника наряду со следователем правом на производство своего собственного расследования с формированием защитительных материалов [6]. Вместе с тем реализация указанных предложений в УПК РФ ограничилась лишь включением защитника в число субъектов собирания доказательств, наделенных правом производства опроса лица с его согласия и привлечения специалиста для разъяснения вопросов (ст. 53 и ст. 86 УПК РФ). При этом данные «собирательные» действия защитника не были обеспечены в УПК РФ надлежащим процессуальным механизмом и положениями, определяющими доказательственное значение полученных таким образом адвокатом-защитником сведений. Для устранения этого законодатель в 2003 г. включил в перечень доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ, заключение специалиста (п. 3.1). Но ввиду отсутствия уголовной ответственности специалиста по ст. 307 УК РФ

за дачу заведомо ложного заключения, получаемые сведения так и не стали полноценным доказательством по уголовному делу.

В результате следователи, как правило, отказывают адвокатам-защитникам в приобщении к уголовному делу материалов, полученных путем привлечения специалиста и опроса лица. В целях исправления сложившейся ситуации в 2017 г. ст. 159 УПК РФ «Обязательность рассмотрения ходатайства» была дополнена ч. 2.2, где было указано, что в ходатайстве защиты о приобщении к делу заключения специалиста не может быть отказано. Однако оговорка «если обстоятельства, о которых ходатайствует, имеют значение для дела» фактически сделала данную норму диспозитивной для правоприменителя. В этом плане лишь императивные положения ч. 4 ст. 271 УПК РФ в определенной степени гарантируют допрос свидетеля и специалиста, вызванного стороной защиты в судебное заседание. Но и эта возможность в последнее время ограничивается решениями Пленума Верховного Суда РФ [7. С. 60–64].

Изложенное позволяет заключить, что концепция «параллельного» адвокатского расследования в настоящее время в УПК РФ своей реализации не получила.

Кроме этого, как уже отмечалось, в юридической науке существует позиция о необходимости составительного переустройства досудебного производства путем введения фигуры следственного судьи [8, 9]. В результате предлагается «наделить следственных судей настолько широкими полномочиями, в результате которых «весь уголовный процесс превратится в собственно судопроизводство, построенное на основе составительности и равенства сторон», в котором предварительное расследование выступает как «судебное предварительное следствие, ведущееся особым следственным судьей, не участвующим в рассмотрении дел по существу» [8]. Однако такой подход был подвергнут критике со стороны ряда ученых [10. С. 45; 11. С. 40; 12. С. 26].

Как известно, судебный контроль появился потому, что в советское время в нашем уголовном процессе превалировал публичный интерес, а права и свободы человека оставались на втором плане. Курс на построение правового государства обусловил переход наиболее строгих мер процессуального принуждения под судебную юрисдикцию. В результате действующий порядок судебного контроля полностью обеспечивает защиту конституционных прав и свобод личности. Поэтому если современный судебный контроль выполняет свое конституционное назначение и при этом не создает препятствий для деятельности органов предварительного расследования, то нет никакой необходимости ломать сложившуюся систему досудебного производства.

Таким образом, сторонники «параллельного» адвокатского расследования предлагают наделить адвоката такими же полномочиями по собиранию доказательств, как и у следователя, создав тем самым в российском уголовном процессе «институт двух папок», когда в суд направляются материалы, собранные как обвинением, так и защитой. Наряду с этим предлагается ввести в досудебное производство специального судью, который бы преобразовал процесс доказывания в «треугольник» состязательности с равноправными сторонами.

Вместе с тем противники предлагаемых изменений, критикующие как идею следственного судьи [13], так и самостоятельное адвокатское расследование [14. С. 41–43], отмечают, что нормы УПК РФ во многом сохранили классический «розыскной» характер и потому содержание предварительного расследования принципиально не изменилось. Следователь как был, так и остался «хозяйном» дела, защитник не получил права проводить параллельное адвокатское расследование, не стал равноправной стороной правового спора, а судья не вошел в досудебное производство в качестве постоянно действующего арбитра в состязании обвинения и защиты.

В связи с этим возникает необходимость определения места и роли адвоката-защитника в архитектонике современного отечественного уголовного процесса.

Принято считать, что за всю историю человечества в самом общем виде существовало два основных правовых способа разрешения правового спора – тремя субъектами (состязательная) и одним субъектом (инквизиционная) [15. С. 10]. В этой связи первый способ именуют *accusatorial* (обвинительный), а второй *inquisitorial* (инквизиционный) [16. Р. 5]. Инквизиционный процесс, в свою очередь, обозначается как розыскной или следственный, чтобы не путать его с церковным производством времен святой инквизиции. Поэтому в настоящей статье мы будем пользоваться терминами «состязательный» и «розыскной» соответственно.

Одним из способов теоретического водораздела между состязательностью и розыском, предложенным еще в XIX в. [17. С. 5–6], является распределение функций обвинения, защиты и разрешения дела. Если один субъект соединяет в себе три функции – это розыск, если же функции разделены между обвинителем, защитой (сторонами) и судом – то это состязательность.

Как отмечается в литературе, фактически все процессы цивилизованных государств являются смешанными по тому признаку, что в них в разной степени присутствуют идеи состязательного и розыскного типа процесса [18]. Тем не менее англо-американский (состязательный) и континентальный (розыскной) процесс принципиально отличаются по процессу доказывания.

Уголовный процесс в Англии на протяжении длительного времени не подвергался коренному изменению, и процесс доказывания в нем сложился как спор защиты и обвинения при формировании доказательств непосредственно перед судом, т.е. при разделении трех функций между субъектами. Приверженность англичан консерватизму, а также иные исторические фак-

торы сохранили в основных положениях тот тип процесса, который сложился еще в античном Риме эпохи Республики [19].

Поэтому Великобритания и США так и не ввели в свой процесс отдельную стадию предварительного расследования, хотя элементы розыска до суда в данном процессе все же присутствуют. Например, в США признание подозреваемого вины на досудебной стадии может быть принято в суде через перекрестный допрос сотрудника полиции («правило Миранды»). Протоколы опросов, полученные в досудебном производстве, как правило, не имеют доказательного значения в суде, если стороны их оспаривают [15. С. 75]. Основным требованием к доказательствам является относимость, т.е. соблюдение разнообразных правил доказывания [15. С. 78].

По-другому происходило формирование уголовного процесса в континентальной Европе. Принято считать, что перерождение состязательного производства в розыскное началось с четвертого Латеранского собора в XII в. путем внедрения письменного и тайного собирания доказательств одним субъектом. Считается, что подобный тип не мог возникнуть сам собой и, возможно, базировался на позднейших разработках юристов Рима эпохи Империи [20. С. 194–205]. В дальнейшем розыскной процесс получил развитие в немецкой Каролине Карла V (1532 г.). Затем в 1670 г. во Франции был принят Ордонанс Людовика XIV, окончательно оформивший стадию предварительного расследования, состоящую из комплекса следственных действий, направленных на установление события преступления и выявление подозреваемого лица: осмотр места происшествия, осмотр трупа, освидетельствование, допросы, очные ставки, экспертизы. При этом судебное следствие фактически не проводилось, так как суть дела была установлена и заранее запротоколирована. Суд в количестве трех судей должен был допросить обвиняемого, а затем решал лишь вопросы назначения наказания [21. С. 135–144].

Великая французская революция 1789 г. положила конец Ордонансу 1670 г. В 1790 г. был принят Декрет об изменениях в уголовном процессе [22. С. 84–87], отменивший его действие. В Декрете были осмыслены английский суд присяжных, состязательность и гласность судебной процедуры, право обвиняемого на квалифицированную юридическую помощь и др. После чего 16 декабря 1808 г. был принят Кодекс уголовного следствия (*Code d'instruction criminelle*). Вместе с тем данный Кодекс полностью вернул стадию предварительного расследования, ранее уже детально разработанную в Ордонансе 1670 г. В литературе отмечается, что именно так был создан континентальный тип реформированного процесса [23], который, по мнению исследователей, является дальнейшим развитием идей розыскного процесса [24. С. 6–7].

Таким образом, с момента усиления христианской церкви и зарождения «святой инквизиции» начал обособляться тип процесса, в котором функцию расследования в процессе доказывания осуществляло одно обличенное властью лицо. Этот тай-

ный и письменный процесс, осуществляемый должностным субъектом, собирающим доказательства, не получилось изжить даже по итогам Великой французской революции. Двухэтапное производство на сегодняшний день существует почти во всех европейских государствах: Франции, Германии, Австрии, Швейцарии и др. При этом правительства государств стараются проводить реформы, направленные на модернизацию производства, не отменяя основного положения континентального процесса – собирание доказательств властным субъектом путем письменного и тайного производства на досудебной стадии.

Как известно, «сердце» любого процесса – это доказывание. Поэтому, когда речь идет о разделении трех функций, нельзя обойти стороной процедуру доказывания. Закономерным отличием доказывания в состязательном и розыском типе производства является процесс собирания (формирования) доказательств. На наличие в процессах обоих типов одинаковых элементов доказывания уже обращалось внимание в литературе [18]. Трехсубъектность состязательного процесса обязывает участвовать в первом этапе доказывания суд, защиту и обвинителя, в связи с чем доказательства в таком процессе «формируются». Формированием доказательств именуют также и перекрестный допрос [25. С. 19–24]. На тот факт, что англо-американский и континентальный процессы могут быть разграничены по признаку наличия перекрестного допроса, обращает внимание С.И. Конева [26. С. 155–162].

Полагаем, что термин «формирование» в данном случае для проведения сравнительно-правового исследования вполне уместен и логичен, хотя в отечественной процессуальной литературе его также используют и в отношении действий континентального следователя. Однако сама суть формирования очень точно уловлена С.А. Шейфером – это процесс преобразования доказательственной информации в форму доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом [27. С. 32–33]. Необходимо лишь добавить, что «преобразование» происходит при участии сторон под руководством суда.

Формирование доказательств – это принципиальная составляющая, которая присутствует неизменно и определяет как целое часть, место и роль адвоката-защитника во всем уголовном процессе.

Формирование доказательств включает в себя два важных момента. Первый – перекрестный допрос, который состоит из основного допроса (chief examination), перекрестного допроса противоположной стороной (cross-examination) и повторного допроса (re-examination) [15. С. 79]. Второй момент – это альтернативная экспертиза. Так, например, глава 19 Criminal Procedure Rules and Practice Directions 2020 в Великобритании предусматривает, что «каждая сторона вправе выбрать эксперта и инициировать проведение собственного исследования. Сторона обвинения обязана предоставить стороне защиты материалы и доступ к объектам, на основании которых было проведено исследование. Для проверки заключения другой стороны

эксперт может быть допрошен в суде. При спорных заключениях с обеих сторон суд назначает экспертизу по своей инициативе и сам определяет экспертов из списка, предложенного сторонами» [28]. Как следует из описанного выше, для назначения и проведения экспертизы, а также допроса любого лица в процессе требуются действия трех субъектов.

Таким образом, подобная совокупность полномочий, включенных в процесс формирования доказательств, позволяет именовать адвоката в состязательном процессе стороной. Противостоит ему такая же сторона, полномочия которой также ограничиваются формированием доказательств.

На сегодняшний день часть 3 статьи 123 Конституции РФ использует состязательность и равноправие сторон только применительно к судебному производству. Несмотря на попытки полного состязательного переустройства уголовно-процессуальной деятельности, УПК РФ сохранил предварительное расследование, т.е. властную деятельность должностных лиц, собирающих доказательства, которые в дальнейшем используются судом при мотивировании выводов о виновности или невиновности подсудимого (ч. 2 ст. 240 УПК РФ). Например, показания подозреваемого, обвиняемого, данные в стадии предварительного расследования в присутствии защитника могут быть использованы в качестве доказательства в суде даже при дальнейшем отказе от них (ч. 2 ст. 75, ст. 276 УПК РФ).

Поэтому когда континентальный следователь работает самостоятельно, то он собирает доказательства, как это прямо предусмотрено в ч. 1 ст. 86 УПК РФ, согласно которой «собрание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства... следователем... путем производства следственных и иных процессуальных действий». Аналогичную логику продолжает и ч. 1 ст. 74 УПК РФ, в силу которой «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых... следователь... устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию».

Собирание доказательств – неизменная аксиома розыского процесса. Следователь выполняет функцию обвинения, защиты и разрешения дела. Так как один субъект в процессе доказывания соединяет в себе три функции, достаточно понятным термином будет именно «собрание» как единоличное познавательное действие.

Что в таком случае остается делать адвокату? Для признания его стороной правового состязания нет никаких юридических и фактических оснований. Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ адвокат «собирает» доказательства в трех закрепленных в законе формах. Однако механизм такого «собрания» ограничивается лишь приведенной статьей УПК РФ. Никаких иных нормативных положений относительно «собираемых» мероприятий, проводимых адвокатом, Кодекс не содержит.

Возможности адвоката в доказывании на досудебной стадии ограничены правом на заявление ходатайств следователю о собирании тех или иных доказательств, в том числе проведении экспертиз или приобщении неких добытых адвокатом сведений в

качестве доказательств. Такие ходатайства, как известно, могут быть удовлетворены в редких случаях, когда они «имеют значение для дела» (ст. 159 УПК РФ). Об альтернативной экспертизе, например в виде «заключения специалиста», не может идти и речи [29. С. 45–48].

Общие правила производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ) не обязывают следователя уведомлять адвоката об их проведении, допускать адвоката к участию в них (кроме следственных действий с доверителем адвоката) или разрешать адвокату задавать вопросы участвующим лицам.

Даже в судебной стадии документы со стороны защиты не обязательны для приобщения к материалам уголовного дела, а уже приобщенные документы суд не обязан оглашать (ст. 285, 286 УПК РФ). В практике вопросы адвоката к свидетелям и потерпевшим могут быть сняты председательствующим, хотя УПК РФ прямо этого и не предусматривает. Единственное на сегодняшний день право защиты на обязательный допрос лица, «явившегося в суд по инициативе сторон» (ч. 4 ст. 271 УПК РФ), не перевешивает все преимущества государственных органов. Кроме того, это право стороны защиты может быть ограничено, и на сегодняшний день в практике существуют примеры его ревизии [7. С. 60–64].

Невозможно кардинально изменить в УПК РФ процесс доказывания, например, путем создания в досу-

дебной стадии института «следственного судьи», введения «адвокатского расследования» и др. Такие реформы не отвечают эволюционному пути развития, который должен проходить любой уголовный процесс, а ведут, скорее, к революции [30. С. 4–9], последствия которой сложно предугадать. Превращение адвоката-защитника в «сторону» процесса противоречит типу российского уголовного производства. Кроме этого, понимание адвоката исключительно как стороны соотнесения сужает его возможности, поскольку касается лишь судебных стадий, так как в досудебном производстве суд участвует эпизодически и далеко не всегда с участием сторон. Рассмотрение адвоката-защитника как стороны, по сути, сводит его деятельность к судебным стадиям, оставляя без адвокатской помощи лиц в досудебном производстве [31. С. 120].

Таким образом, адвокат-защитник – это лишь часть большой системы уголовно-процессуальных отношений. Его место и роль методологически определяются типом уголовного производства. Так, если в англо-американском уголовном производстве защитник выступает исключительно стороной правового спора, то в континентальном процессе гандикап органов предварительного расследования не позволяет защитнику быть равноправным субъектом доказывания. Поэтому адвокат-защитник в российском уголовном процессе на сегодняшний день – это «лицо, оказывающее квалифицированную юридическую помощь» (статья 48 Конституции РФ).

Список источников

1. Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001–2011 гг. : сб. науч. ст. / Л.Б. Алексеева, Г.Н. Ветрова, Л.М. Карнозова и др. ; под ред. И.Б. Михайловской. М. : Проспект, 2012. 176 с.
2. Мартынич Е.Г. Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы формирования нового института и модели // Адвокатская практика. 2012. № 1. С. 21–29.
3. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и Комментарии к ней / А.С. Александров и др. М. : Юрлитинформ, 2015. 304 с.
4. Лазарева В.А. Концепция формирования доказательств в свете принципа состязательности и перспективы его развития // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 1 (36). С. 22–27.
5. Рудич В.В. Перспективы смены существующей модели механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / науч. ред. О.И. Андреева, Т.В. Трубникова. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2018. С. 138–151.
6. Мартынич Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М., 2009. 258 с.
7. Давлетов А.А., Чарыков А.В. Верховный суд «сворачивает» право адвоката-защитника привлекать специалиста в судебное следствие? // Российский судья. 2022. № 1. С. 60–64.
8. Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (дата обращения: 29.07.2023).
9. Морщакова Т.Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/documents/nauka/document-622573> (дата обращения: 29.07.2023).
10. Быков В.М. Нужен ли в уголовном судопроизводстве России следственный судья? // Законность. 2015. № 6. С. 45.
11. Ляхов Ю.А. Стоит ли кардинально изменять российское уголовное судопроизводство? // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 40.
12. Шеховцева Ю.Н. Быть ли в России следственным судьям? // Прокурор. 2015. № 3. С. 26.
13. Головкин Л.В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? URL: <http://www.iuaj.net/node/1740> (дата обращения: 30.07.2023).
14. Давлетов А.А. Адвокатское расследование: миф или реальность? // Российская юстиция. 2017. № 6. С. 41–43.
15. Уголовный процесс европейских государств / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцика. М. : Проспект, 2018.
16. European Criminal Procedure / Ed. by M. Delmas-Marty, J.R. Spencer. Cambridge, 2004.
17. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судостройства Франции, Англии, Германии и России. СПб., 1868.
18. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств : учеб. пособие / под ред. Гуценко К.Ф. М. : Зерцало, 2001. 470 с.
19. Миттермайер К.Ю.А. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке. М. : в типографии Грачева и Комп., 1864. 446 с.
20. Ли Г.Ч. История инквизиции в Средние века. СПб., 1999.
21. Ишков А.Ю. Уголовный ординас 1670 года – источник уголовно-процессуального права Франции эпохи абсолютизма // Вестник Московского университета. 2017. № 5. С. 135–144.
22. Декрет об изменениях в уголовном процессе 8–9 октября 1789 г. // Великая французская революция : документы и исследования. М., 1990. Т. 1. С. 84–87.
23. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. 1280 с.

24. Roberto E. Kostoris (ed.) Handbook of European Criminal Procedure. Springer International Publishing AG, 2018.
25. Александров А.С. Перекрестный допрос в суде как средство формирования доказательств // Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. СПб., 2021. С. 19–24.
26. Конева С.И. О значении перекрестного допроса для формирования фактов во время судебного разбирательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5. С. 155–162.
27. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2014. С. 32–33.
28. Criminal Procedure Rules 2020 and Criminal Practice Directions 2023. URL: <https://www.gov.uk/guidance/rules-and-practice-directions-2020> (дата обращения: 16.04.2023).
29. Вдовцев П.В., Чарыков А.В. Новые поправки в УПК РФ о специалисте // Российский следователь. 2017. № 18. С. 45–48.
30. Зайцева Е.А. Уголовный процесс России: «Есть у революции начало, нет у революции конца»? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 4–9.
31. Корсаков К.В. Парадигмальный фон дискурса об абсолютном и утилитарном в уголовном наказании // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, Вып. 1. С. 119–132.

References

1. Mikhaylovskaya, I.B. (ed.) (2012) *Ugolovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo RF 2001–2011 gg.* [Criminal procedural legislation of the Russian Federation in 2001–2011]. Moscow: Prospekt.
2. Martynchik, E.G. (2012) Pravovye osnovy advokatskogo rassledovaniya: sostoyanie i perspektivy formirovaniya novogo instituta i modeli [Legal foundations of legal investigation: the state and prospects for the formation of a new institution and model]. *Advokatskaya praktika*. 1. pp. 21–29.
3. Aleksandrov, A.S. et al. (2015) *Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiyskoy Federatsii i Kommentarii k ney* [Doctrinal model of criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and Commentaries on it]. Moscow: Yurlitinform.
4. Lazareva, V.A. (2019) Kontsepsiya formirovaniya dokazatel'stv v svete printsipa sostyazatel'nosti i perspektivy ego razvitiya [The concept of forming evidence in the light of the principle of competition and the prospects for its development]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 1 (36). pp. 22–27.
5. Rudich, V.V. (2018) Perspektivy smeny sushchestvuyushchey modeli mekhanizma primeneniya mer presecheniya v kontekste perekhoda k sostyazatel'nomu tipu ugolovnogo sudoproizvodstva [Prospects for changing the existing model of the mechanism for applying preventive measures in the context of the transition to the adversarial type of criminal proceedings]. In: Andreeva, O.I. & Trubnikova, T.V. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 138–151.
6. Martynchik, E.G. (2009) *Advokatskoe rassledovanie v ugolovnom protsesse. Teoretiko-metodologicheskie osnovy doktriny advokatskogo rassledovaniya* [Legal investigation in criminal proceedings. Theoretical and methodological foundations of the doctrine of legal investigation]. Moscow: [s.n.].
7. Davletov, A.A. & Charykov, A.V. (2022) Verkhovnyy sud “svorachivaet” pravo advokata-zashchitnika privlekat' spetsialista v sudebnoe sledstvie? [Is the Supreme Court “curtailing” the right of a defense lawyer to involve a specialist in a judicial investigation?]. *Rossiyskiy sud'ya*. 1. pp. 60–64.
8. Smirnov, A.V. (2023) *Rossiyskiy ugolovnyy protsess: neobkhodima novaya model'* [Russian criminal procedure: a new model is needed]. [Online] Available from: http://rapnews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (Accessed: 29.07.2023).
9. Morshchakova, T.G. (2023) *O kompetentsii i poryadke formirovaniya instituta sledstvennykh sudey v Rossiiskoi Federatsii* [On the competence and procedure for forming the institution of investigative judges in the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://genproc.gov.ru/documents/nauka/document-622573> (Accessed: 29.07.2023).
10. Bykov, V.M. (2015) Nuzhen li v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii sledstvennyy sud'ya? [Does Russia need an investigative judge in criminal proceedings?]. *Zakonost'*. 6.
11. Lyakhov, Yu.A. (2015) Stoit li kardinal'no izmenyat' rossiyskoe ugolovnoe sudoproizvodstvo [The worth of radically changing Russian criminal proceedings]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 10.
12. Shekhovtseva, Yu.N. (2015) Byt' li v Rossii sledstvennyy sud'yam? [Should there be investigative judges in Russia?]. *Prokuror*. 3. pp. 26.
13. Golovko, L.V. (2023) *Sledstvennye sud'i ili ocherednoy raund “amerikanizatsii” rossiyskogo ugolovnogo protsessa?* [Investigating judges or another round of “Americanization” of the Russian criminal procedure?]. [Online] Available from: <http://www.uiaj.net/node/1740> (Accessed: 30.07.2023).
14. Davletov, A.A. (2017) Advokatskoe rassledovanie: mif ili real'nost'? [Legal investigation: myth or reality?]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 6. pp. 41–43.
15. Samarin, V.I. & Lutsik, V.V. (eds) (2018) *Ugolovnyy protsess evropeyskikh gosudarstv* [Criminal procedure of European states]. Moscow: Prospekt.
16. Delmas-Marty, M. & Spencer, J.R. (eds) (2004) *European Criminal Procedure*. Cambridge: CUP.
17. Gartung, N. (1868) *Istoriya ugolovnogo sudoproizvodstva i sudoustroystva Frantsii, Anglii, Germanii i Rossii* [History of criminal proceedings and the judicial system of France, England, Germany and Russia]. Saint Petersburg: [s.n.].
18. Gutsenko, K.F., Golovko, L.V. & Filimonov, B.A. (2001) *Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv: ucheb. posobie* [Criminal procedure of Western states: textbook]. Moscow: Zertsalo.
19. Mittermayer, K.Yu.A. (1864) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo v Anglii, Shottlandii i Severnoy Amerike* [Criminal proceedings in England, Scotland and North America]. Moscow: v tipografii Gracheva i Komp.
20. Li, G.Ch. (1999) *Istoriya inkvizitsii v Srednie veka* [History of the Inquisition in the Middle Ages]. Saint Petersburg: [s.n.].
21. Ishkov, A.Yu. (2017) Ugolovnyy ordonans 1670 goda – istochnik ugolovno-protsessual'nogo prava Frantsii epokhi absolyutizma [The Criminal Ordinance of 1670 as the source of the criminal procedural law of France in the era of absolutism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 5. pp. 135–144.
22. Ado, A.V. et al. (eds) (1990) Dekret ob izmeneniyakh v ugolovnom protsesse 8–9 oktyabrya 1789 g. [Decree on changes in the criminal procedure. October 8–9, 1789]. In: *Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya: dokumenty i issledovaniya* [The Great French Revolution: documents and research]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University. pp. 84–87.
23. Golovko, L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugolovnogo protsessa* [Course of criminal procedure]. 2nd ed. Moscow: Statut.
24. Kostoris, R.E. (ed.) (2018) *Handbook of European Criminal Procedure*. Springer International Publishing AG.
25. Aleksandrov, A.S. (2021) *Perekrestnyy dopros v sude kak sredstvo formirovaniya dokazatel'stv* [Cross-examination in court as a means of forming evidence]. Collection of articles based on materials from the All-Russian Round Table. Saint Petersburg. pp. 19–24.
26. Koneva, S.I. (2012) O znachenii perekrestnogo doprosa dlya formirovaniya faktov vo vremya sudebnogo razbiratel'stva [On the importance of cross-examination for the formation of facts during the trial]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 5. pp. 155–162.
27. Sheyfer, S.A. (2014) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: [s.n.]. pp. 32–33.
28. UK. (2023) *Criminal Procedure Rules 2020 and Criminal Practice Directions 2023*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/guidance/rules-and-practice-directions-2020> (Accessed: 16.04.2023).

29. Vdovtsev, P.V. & Charykov, A.V. (2017) Novye popravki v UPK RF o spetsialiste [New amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on a specialist]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 18. pp. 45–48.
30. Zaytseva, E.A. (2018) Ugolovnyy protsess Rossii: “Est’ u revolyutsii nachalo, net u revolyutsii kontsa”? [Russian criminal procedure: “The revolution has a beginning, but the revolution has no end”?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*. 1. pp. 4–9.
31. Korsakov, K.V. (2014) Paradigmal’nyy fon diskursa ob absolyutnom i utilitarnom v ugolovnom nakazanii [Paradigmatic background of the discourse about the absolute and the utilitarian in criminal punishment]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural’skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 14 (1). pp. 119–132.

Информация об авторах:

Азарёнок Н.В. – д-р юрид. наук, директор Института юстиции, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: Azarenok_96@mail.ru

Давлетов А.А. – д-р юрид. наук, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: Azarenok_96@mail.ru

Чарыков А.В. – адвокат Адвокатской палаты Свердловской области, адвокатский кабинет «Консильери» (Екатеринбург, Россия). E-mail: ekb@advokat66.su

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Azarenok, Dr. Sci. (Law), director of the Institute of Justice, professor, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Azarenok_96@mail.ru

A. A. Davletov, Dr. Sci. (Law), professor, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Azarenok_96@mail.ru

A.V. Charykov, lawyer, Law Chamber of the Sverdlovsk Region, Consiglieri lawyer’s office (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ekb@advokat66.su

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.08.2023;
одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 07.08.2023;
approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 343.2/7
doi: 10.17223/15617793/494/22

Особенности уголовной ответственности участников специальной военной операции в контексте национальных интересов России

Магомед Муратбекович Долгиев^{1,2}

¹Ассоциация юристов России, Москва, Россия

²СПК «Долаковский», Москва, Россия

Magomedurist@yandex.ru

Аннотация. Проанализирован новый Федеральный закон «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Дана оценка международно-правовым нормам о наемничестве в контексте признания факта существования в России частных военных компаний. Сделан вывод, что положения данного федерального закона не соотносятся с устоявшейся институциональной системой права, вместе с тем отражают приоритет национальных интересов над частными в их взаимосвязи с внешнеполитическими процессами.

Ключевые слова: национальные интересы, частные военные компании, наемничество, освобождение от уголовной ответственности, погашение судимости, специальная военная операция, военное положение

Для цитирования: Долгиев М.М. Особенности уголовной ответственности участников специальной военной операции в контексте национальных интересов России // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 205–210. doi: 10.17223/15617793/494/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/22

Features of criminal liability of participants in the special military operation in the context of Russia's national interests

Magomed M. Dolgiev^{1,2}

¹ Association of Lawyers of Russia, Moscow, Russian Federation

² APC Dolakovsky, Moscow, Russian Federation

^{1,2} Magomedurist@yandex.ru

Abstract. In this article, the author analyzes Federal Law No. 270-F, On the Specifics of Criminal Liability of Persons Involved in the Special Military Operation, dated June 24, 2023. In the conditions of the current foreign policy, military and domestic situation, the need for separate regulation of the issues of criminal liability of the above-mentioned persons is caused by the need to provide additional capabilities for manning the Armed Forces of the Russian Federation, which currently meets the national interests of the country. The methodological basis of the research is the application of general scientific and special scientific methods of cognition, including historical and formal legal ones. The author concludes that this Federal Law symbolizes the strategically important need to introduce guarantees at the highest legislative level for certain categories of citizens of the Russian Federation. Since the law is not only about the special military operation, but also about martial law, it seems that it is the possibility of declaring martial law on the territory of the Russian Federation or in its individual localities that justifies the adoption of this Federal Law and the provisions specified in it as a separate regulatory legal act, bypassing the introduction of conceptual changes in criminal and criminal procedure legislation. Regulation of private military companies and the actual recognition at the state level of the Wagner PMCs are key issues. In this regard, the Federal Law is an important step in resolving the issue of providing guarantees to participants in the special military operation who joined the Armed Forces of the Russian Federation from private military companies. The author comes to the conclusion that there were no private military companies in Russia, and all existing military associations were state-owned. This position of the Russian military leadership is the only correct one, since the existence of a private army, as well as the existence of private money on the territory of the country is unacceptable. Accordingly, the adoption of legislation on private military companies in Russia is inappropriate. Despite the fact that the Constitution of the Russian Federation, as well as criminal and criminal procedure legislation, guarantees equality before the law and the court to all citizens, participants in the special military operation are granted rights and exclusive legal consequences (exemption from criminal liability and repayment of criminal records) by a special federal law, which other persons cannot use. In this regard, the author concludes that the national interests of the state directly affect criminal policy and its regulatory implementation, which in some cases is justified

by the priority of national interests over private ones. Thus, the timeliness and necessity of formulating the concept of national interests of the state in the science of law, based on a methodology that will allow studying the internal processes of criminal and criminal procedure lawmaking and formulate its interdependence with the foreign policy of the state, are justified.

Keywords: national interests, private military companies, mercenary activity, exemption from criminal liability, repayment of criminal record, special military operation, martial law

For citation: Dolgiev, M.M. (2023) Features of criminal liability of participants in the special military operation in the context of Russia's national interests. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 205–210. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/22

Инициатива, направленная на освобождение от уголовной ответственности лиц, выполняющих конституционный долг и обязанность по защите Отечества, представленная в Федеральном законе от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», заслуживает внимания научного сообщества по ряду важных причин.

Указанным Федеральным законом устанавливаются специальные основания для освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы. В условиях сложившейся внешнеполитической, военной и внутригосударственной ситуации необходимость отдельного регулирования вопросов уголовной ответственности вышеуказанных лиц концептуальных возражений не вызывает, поскольку очевидно, что правовые гарантии и новые основания освобождения от уголовной ответственности позволят обеспечить дополнительными возможностями комплектования Вооруженные Силы Российской Федерации, что в настоящее время отвечает национальным интересам страны.

Как справедливо отмечает М.А. Троицкий, национальные интересы представляют собой открытую декларацию потребностей и намерений государства, основанных на оценке текущей ситуации, устанавливая иерархию внешнеполитических приоритетов, ограничивая свободу действий властей и обеспечивая как преемственность, так и возможность своевременной корректировки важнейших направлений политики [1. С. 71]. Вне всякого сомнения, национальные интересы, находящиеся в политическом приоритете в определенный момент времени, должны сплачивать гражданское общество, при этом соответствовать сложившейся институциональной системе, соотноситься с нормативными положениями, доказавшими свою эффективность. Правовая форма, в которой отечественный законодатель конструирует нормы об ответственности за посягательства на национальные интересы, – это закон, исполнение которого является гарантией безопасности и жизненных благ для общества и страны в целом [2. С. 202].

Однако, несмотря на позитивный предмет регулирования вышеуказанного Федерального закона, представляется, что он противоречит части первой статьи первой Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), согласно которой «преступность дея-

ния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только данным Кодексом». В свою очередь порядок производства по уголовным делам определяется лишь Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее УПК РФ). Таким образом, УК РФ и УПК РФ не допускают регулирование порядка уголовного судопроизводства иными федеральными законами и, соответственно, имеют приоритет над ними. В рамках правового регулирования института освобождения от уголовной ответственности федеральный законодатель, действуя в пределах предоставленных ему дискреционных полномочий, предусмотрел в УК РФ соответствующие основания, которые, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, содержатся исключительно в уголовном законе¹.

Новые основания и порядок освобождения от уголовной ответственности вне рамок названных кодифицированных нормативно-правовых актов, закрепленные законодателем в Федеральном законе «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», на наш взгляд, не соотносятся с устоявшейся системой. Более того, прописанные в новом законе правила назначения уголовного наказания и погашения судимости противоречат фундаментальным основам уголовного и уголовно-процессуального права. В частности, статьей 5 Федерального закона предусматривается, что осужденный, призванный на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключивший в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, освобождается от наказания условно 1) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы; 2) со дня увольнения с военной службы по возрасту, по истечении срока военной службы по призыву или срока контракта или в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени.

Между тем глава 11 УК РФ, регламентирующая общие основания освобождения от уголовной ответственности, не содержит таковых норм применительно к участникам специальной военной операции. Кроме того, условия погашения судимости данных субъектов правоотношений (аналогичные основаниям для условного освобождения), предусмотренные статьей 6 Федерального закона, идут вразрез со статьей 86 УК РФ, определяющей общие правила погашения судимости.

Представляется также не совсем конкретной формулировка «освобождается от наказания условно» (часть 1 статьи 5). В частности, необходимо определить, какой смысл заложен законодателем в данном положении: осужденному назначено наказание, которое постановлено отбывать условно, либо фигурант условно-досрочно освобождается от дальнейшего отбывания наказания? При этом статья 5 Федерального закона в части определения категории осужденных, подлежащих освобождению от наказания в связи с заключением контракта о прохождении военной службы, нуждается в уточнении, так как из пункта 3 статьи 2 Федерального закона следует, что такой контракт не может быть заключен с лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы.

Также стоит отметить, что наименование Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» не соответствует его содержанию, поскольку в тексте документа речь идет не об участниках специальной военной операции, а о лицах, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, военного положения или в военное время.

Согласно тексту закона, под его действие подпадают мобилизованные граждане, лица, поступившие на военную службу добровольно (по контракту), а также кадровые военные. Вместе с тем участие в защите Российской Федерации могут также принимать лица, вступившие в добровольческие формирования путем заключения контракта о пребывании в добровольческом формировании (о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации)². Справедливо, на наш взгляд, распространить «льготные» правила освобождения от уголовной ответственности, наказания и погашения судимости в отношении и названной категории лиц.

Также стоит отметить, что согласно статье 2 Федерального закона его действие распространяется на обычных лиц, совершивших преступления только небольшой и средней тяжести, а также на проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации и осужденных, совершивших любые преступления, что явно ставит их в неравное положение. Кроме того, действие норм распространяется на правоотношения, возникшие до дня вступления в силу закона, что в большей мере соответствует институту применения амнистии.

Кроме того, части первая и вторая статей 3 и 4 не согласуются между собой в части стадии приостановления уголовных дел. Так, в части 1 статьи 3 и части 1 статьи 4 Федерального закона указывается об основаниях освобождения от уголовной ответственности лиц, уголовные дела в отношении которых приостановлены (видимо, речь об уголовных делах, приостановленных как в ходе досудебного, так и в ходе судебного производства). При этом в частях вторых этих же статей (о контроле за поведением соответствующей катего-

рии обвиняемых командованием воинских частей) говорится об уголовных делах, по которым «приостановлено предварительное следствие». И далее по тексту закона указанное противоречие не устранено. Соответственно, если речь идет о приостановлении уголовных дел в рамках как судебного, так и досудебного производства по ходатайству командования воинской части (учреждения), то порядок принятия такого решения должен обязательно содержаться в уголовно-процессуальном законе.

Кроме того, на наш взгляд, следовало бы исключить возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (ст. 207.3 УК РФ); публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ); публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4 УК РФ); уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах (ст. 330.1 УК РФ), а также за преступления, предусмотренные главами 33 и 34 УК РФ, которые прямо посягают на национальные интересы Российской Федерации.

Федеральный закон «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», являясь, на наш взгляд, откровенно «сырым» и не прошедшим формальную стадию общественных обсуждений (с момента внесения законопроекта в Государственную Думу Российской Федерации до его подписания и официального опубликования прошло всего 10 дней³), символизирует в первую очередь стратегически важную потребность введения на высшем законодательном уровне гарантий для определенных категорий граждан Российской Федерации (которых в стране немало число).

Помимо прочего, речь в законе идет не только о специальной военной операции (первой и единственной в истории современной России), но и о военном положении. На наш взгляд, именно возможностью объявления военного положения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях обосновывается принятие данного Федерального закона и указанных в нем положений в качестве отдельного нормативно-правового акта, минуя внесение концептуальных изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Актуальные в настоящее время внешнеполитические тенденции, формирующие нормотворческую повестку, безусловно, оправдывают реабилитирующую уголовную политику в отношении лиц, принимающих участие в защите Родины. Причем в условиях, когда Россия фактически легализовала частные военные

компании, допустив их к участию в специальной военной операции, представляется логичным, что государство должно взять на себя и ответственность за их участников.

В последние годы во всем мире наблюдается увеличение числа частных военных и охранных компаний, действующих в ситуациях вооруженного конфликта, которые все чаще оказываются на одной линии военного соприкосновения с военнослужащими, находящимися под защитой международного гуманитарного права. На сегодняшний день общее количество частных военных компаний составляет несколько сотен более чем в 110 странах мира, а существенное влияние на международный рынок их услуг оказывают транснациональные компании США, Великобритания, Франции и Израиля [3].

Наблюдатели и критики частных военных компаний обоснованно выражали озабоченность как по поводу ответственности частных субъектов за нарушения прав человека в зоне боевых действий и в целом разумности их нахождения там, так и по поводу защиты их собственных прав при выполнении задач, опасных для жизни, с учетом того что они могут полагаться только на коммерческий контракт. В России же, ввиду отсутствия законодательного закрепления статуса частных военных компаний, такие контракты рассматривались как сугубо частное дело, не относящееся ни к гражданско-правовым, ни к военным правоотношениям.

В настоящее время для органов власти, юристов и политологов подотчетность и регулирование частных военных компаний являются ключевыми вопросами, при этом подразумевается их фактическое признание в качестве определенных субъектов права, которых уже невозможно объявить вне закона. В этой связи Федеральный закон «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» является важным шагом в решении вопроса предоставления гарантий участникам специальной военной операции, перешедшим в Вооруженные Силы Российской Федерации из частных военных компаний.

Стоит также отметить, что и в сфере международно-правового регулирования отсутствует единая нормативная регламентация деятельности частных военных и охранных компаний. Единственным значимым документом, провозглашающим на международном уровне правила осуществления деятельности таких компаний, является Документ Монтрё⁴, к которому по состоянию на 2022 г. присоединились 58 государств и который, по мнению исследователей, не смотря на отсутствие юридической силы и имея исключительно рекомендательный характер, является ориентиром для создания и совершенствования национального законодательства [4. С. 116].

Российская Федерация не подписала данный документ, так как российские эксперты полагают, что Документ Монтрё разработан для определенной группы государств (в первую очередь США и Великобритании), пользующихся услугами частных военных и охранных компаний, и не учитывает интересы других

стран, а перспективы создания узкоспециализированной универсальной конвенции по частной охране пока не просматриваются⁵.

В отечественной уголовной науке, на основании доклада ООН от 2007 г. по изучению проблемы участия частных военных компаний в боевых действиях высказываются мнения о том, что частные военные компании – это новая форма наемничества, применяемая в нарушение норм международного права [5. С. 2].

Согласно проведенным исследованиям в области международно-правовой оценки деятельности частных военных и охранных компаний прослеживается деление государств на две группы: первая – отстаивающая регулирование таких компаний на основе актов рекомендательного характера (США, Великобритания и их союзники); вторая – придерживающаяся традиционной модели конвенционального, юридически обязательного регулирования с закреплением ответственности государств (страны Ближнего Востока и Латинской Америки) [6. С. 122–135]. Отсутствие в Российской Федерации какого бы то ни было регулирования частных военных компаний, при условии, что российская «ЧВК Вагнера» по версии ряда зарубежных военных изданий является лучшей частной военной компанией в мире⁶, находясь при этом на государственном финансировании⁷, может свидетельствовать о том, что в России не было и нет частных военных компаний, а все существовавшие военные объединения являлись государственными. На наш взгляд, такая позиция российского военного руководства является единственно верной, поскольку существование частной армии, как, например, существование частных денег на территории страны, недопустимо. Соответственно, и принятие законодательства о частных военных компаниях в нашей стране является неуместным, и, более того, раз уж все эти военные объединения в условиях специальной военной операции вышли из тени и стали публичными, требуется обязательное официальное подчинение этих структур Вооруженным Силам Российской Федерации.

Не давая оценку статусу зарубежных частных военных и охранных компаний, стоит отметить, что частная военная деятельность и частная охранная деятельность существенно различаются между собой. Во многих странах, в том числе и в России, частная охранная деятельность законодательно урегулирована, в отличие частной военной деятельности.

В академической литературе часто ставится знак равенства между наемничеством и частной военной деятельностью, при этом критики частных военных компаний ссылаются на положения Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников, принятой резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1989 г., вступившей в силу 20 октября 2001 г. Российская Федерация не подписала и не ратифицировала данную Конвенцию, признав при этом наемничество уголовным преступлением и установив за него максимальное наказание в виде 20 лет лишения свободы (ст. 359 УК РФ). Кроме того, в ходе консультаций по Документу Монтрё российскими экспертами был

представлен разработанный проект Международной конвенции о частных военных и охранных компаниях [7. С. 16–17], однако в настоящее время данные исследования мало известны юридической общественности.

Стоит также отметить, что база данных Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» по запросу количества приговоров по статье 359 УК РФ содержит информацию только о семи таких судебных актах за период с 2014 г. по настоящее время⁸. В этой связи принятие Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» является одним из этапов консолидации военных структур и предоставления гарантий отдельной категории граждан.

Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации, а также уголовное и уголовно-процессуальное законодательство гарантируют всем гражданам равенство перед законом и судом, участникам специальной военной операции данным Федеральным законом предоставлены права и исключительные правовые последствия (освобождение от уголовной ответственности и погашение судимости), которыми не могут воспользоваться иные лица. Собственно, сама форма, в которой были приняты данные нормативные положения (в виде отдельного нормативно-правового акта), несмотря на

критический взгляд автора, свидетельствует о том, что скорее всего эта законодательная инициатива является временной мерой. Данный вывод мы можем сделать и потому, что законодатель решил не включать эти изменения в единственный нормативный акт, устанавливающий преступность и наказуемость деяния, а также иные уголовно-правовые последствия – в УК РФ, чтобы в последующем безболезненно можно было отказаться от положений, утративших свою актуальность.

Таким образом, мы можем констатировать, что национальные интересы государства напрямую влияют на уголовную политику и ее нормативную реализацию. По мнению некоторых специалистов, нормотворчество в России избыточное⁹, но стоит отметить, что в ряде случаев оно оправдано приоритетом национальных интересов над частными. Ярким примером тому является Федеральный закон «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». В этой связи обосновывается своевременность и необходимость формулирования в науке права концепции национальных интересов государства, основанной на методологии, которая позволит изучить внутренние процессы уголовного и уголовно-процессуального законотворчества и сформулировать его взаимозависимость с внешней политикой государства.

Примечания

¹ См. определения Конституционного Суда Российской Федерации от 13.02.2018 № 248-О, от 28.02.2019 №536-О.

² См. ст. 22.1 Федерального закона от 31.05.1996 №61-ФЗ «Об обороне».

³ Законопроект № 378326-8 «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/378326-8#bh_hron

⁴ Документ Монтрё О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта 17 сентября 2008 года. URL: <https://www.montreuxdocument.org/pdf/document/ru.pdf>

⁵ Интервью директора ДНВ МИД России В.Е. Тарабрина МИА «Россия сегодня». URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1773604/

⁶ «ЧВК Вагнера» – лучшая в мире частная военная компания по версии Spec Ops Magazine. URL: <https://tehnovar.ru/213878-chvk-vagnera-luchshaja-v-mire-chastnaja-voennaja-kompanija-po-versii-spec-ops-magazine.html>

⁷ Путин: ЧВК «Вагнер» полностью финансировалась государством – 86 млрд руб. за год. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6069287>

⁸ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <http://www.sudrf.ru/>

⁹ Нормотворчество у нас избыточно, заявил Президент ТПП РФ Сергей Катырин. URL: <https://logistics.ru/upravlenie-logistikoi-i-kompaniei/normotvorcestvo-u-nas-izbytocno-zaavil-prezident-tpp-rf-sergei>

Список источников

1. Троицкий М.А. Зачем нужны национальные интересы? // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13, № 3. С. 70–80.
2. Долгиева М.М., Долгиев М.М. Развитие современного института уголовной ответственности за посягательства на национальные интересы Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 2. С. 201–206.
3. Луценко С. Правовой статус частных военных компаний и национальные интересы // Россия в глобальной политике. 2023. № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/chvk-i-nacjonalnye-interesy/>
4. Сайфуллин Э.К. Документ Монтрё как инструмент регулирования частных военных и охранных компаний: контекст принятия и анализ положений // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 3. С. 107–116.
5. Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Принципы МГП и права вооруженных конфликтов: вопросы соотношения // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 6. С. 2–15.
6. Сайфуллин Э.К. Международное регулирование деятельности частных военных и охранных компаний: нормативная и рекомендательная модели // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 122–135.
7. Волеводз А.Г. О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1. С. 12–17.

References

1. Troitskiy, M.A. (2015) *Zachem nuzhny natsional'nye interesy?* [Why do we need national interests?]. *Rossiya v global'noy politike*. 13 (3). pp. 70–80.

2. Dolgieva, M.M. & Dolgiev, M.M. (2023) Razvitiye sovremennogo instituta ugolovnoy otvetstvennosti za posyagatel'stva na natsional'nye interesy Rossiyskoy Federatsii [Development of the modern institution of criminal liability for attacks on the national interests of the Russian Federation]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 2. pp. 201–206.
3. Lutsenko, S. (2023) Pravovoy status chastnykh voennykh kompaniy i natsional'nye interesy [Legal status of private military companies and national interests]. *Rossiya v global'noy politike*. 6. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/chvk-i-natsionalnye-interesy/>
4. Sayfullin, E.K. (2023) Dokument Montre kak instrument regulirovaniya chastnykh voennykh i okhrannykh kompaniy: kontekst prinyatiya i analiz polozheniy [Montreux Document as a tool for regulating private military and security companies: context of adoption and analysis of provisions]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 3. pp. 107–116.
5. Kudashkin, A.V. & Mel'nik N.N. (2022) Printsipy MGP i prava voozuzhennykh konfliktov: voprosy sootnosheniya [Principles of IHL and the law of armed conflicts: issues of correlation]. *Pravo v Voozuzhennykh Silakh – Voенно-pravovoe obozrenie*. 6. pp. 2–15.
6. Sayfullin, E.K. (2023) Mezhdunarodnoe regulirovanie deyatel'nosti chastnykh voennykh i okhrannykh kompaniy: normativnaya i rekomendatel'naya modeli [International regulation of the activities of private military and security companies: normative and recommendatory models]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 4. pp. 122–135.
7. Volevodz, A.G. (2009) O mezhdunarodnykh initsiativakh v sfere pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti chastnykh voennykh i okhrannykh kompaniy [On international initiatives in the field of legal regulation of the activities of private military and security companies]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 1. pp. 12–17.

Информация об авторе:

Долгиев М.М. – канд. экон. наук, член Ассоциации юристов России (Москва, Россия); зам. председателя СПК «Долаковский» (Москва, Россия). E-mail: Magomedurist@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.M. Dolgiev, Cand. Sci. (Economics), member of the Association of Lawyers of Russia (Moscow, Russian Federation); deputy chairman, APC Dolakovsky (Moscow, Russian Federation). E-mail: Magomedurist@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.07.2023;
одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 23.07.2023;
approved after reviewing 28.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 347.9
doi: 10.17223/15617793/494/23

Соглашения (оговорки) о досудебном урегулировании споров в Великобритании

Дмитрий Владимирович Князев^{1, 2}

¹*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

²*Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета, Томск, Россия*
^{1, 2} *Kdv1979@inbox.ru*

Аннотация. Исследуются вопросы признания и приведения в исполнение соглашений (оговорок) о досудебном урегулировании гражданских споров в Великобритании. Прослежена эволюция практики судов Великобритании в вопросах признания и приведения в исполнение указанных соглашений. Установлены требования судов Великобритании к содержанию соглашений (оговорок) о досудебном урегулировании, последствия неисполнения сторонами условий соглашений о досудебном урегулировании.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, медиация, соглашение о применении медиации, соглашение о досудебном урегулировании, досудебный порядок, процессуальное соглашение

Для цитирования: Князев Д.В. Соглашения (оговорки) о досудебном урегулировании споров в Великобритании // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 211–223. doi: 10.17223/15617793/494/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/23

Alternative dispute resolution agreements (clauses) in the United Kingdom

Dmitry V. Kniazev^{1, 2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *West Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Tomsk, Russian Federation*
^{1, 2} *Kdv1979@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the issues of recognition and enforcement of agreements (clauses) on pre-trial settlement of disputes in the UK. In the course of the research, the following objectives were reached: the evolution of the practice of the UK courts in matters of recognition and enforcement of these agreements was traced; the requirements of the UK courts to the content of ADR agreements (clauses), the consequences of non-fulfillment by the parties of the terms of these agreements (clauses) were established. The study was conducted on the basis of comparative, systemic, concrete historical, analytical and other methods. The obtained results are formulated. The author comes to the following conclusions. At present, ADR clauses in the UK are quite enforceable. When evaluating an agreement, courts are more likely to pay more attention to how clearly the positive obligation to participate in the pre-trial procedure is formulated or, at the same time, both the positive and negative obligation not to go to court. Courts favor agreements providing for institutional mediation governed by the rules of a particular mediating institution rather than an ad hoc mediation agreement, due to the fact that the latter often lack certainty on key terms. In particular, the provisions on mediation should deal directly or indirectly with the appointment/selection of the mediator (or mediators) and the conduct of the mediation. Alternatively, the contract should include detailed provisions regarding the start and end of the mediation procedure. The agreement must clearly state what specific event gives rise to the right of the parties to take the dispute to court (arbitration). This may be the expiration of a certain period of time from the beginning of the mediation (an event that must also be determined) or the termination of the mediation process. If the termination of mediation is indicated as a trigger, then it should be indicated in what way or ways the mediation is terminated or can be terminated. The main consequence of a breach of the ADR agreement in the UK courts is the stay of the case. However, the peculiarity of the position of the UK courts is that the judges are endowed with a significant degree of discretion in deciding whether it is necessary to stay the proceedings in these circumstances, in other words, the power of the court to stay is discretionary. At the same time, to refuse to implement the court decision (suspension of proceedings), weighty grounds are required, which include the possibility of occurrence: the likelihood that the procedure of action will lead to any result of unreasonable delay by the defendant in the time of detention on suspension of detention.

Keywords: alternative dispute resolution (ADR), mediation, agreement to mediate, ADR agreement, dispute resolution clauses

For citation: Kniazev, D.V. (2023) Alternative dispute resolution agreements (clauses) in the United Kingdom. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 211–223. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/23

Постановка проблемы. Количество дел, рассматриваемых российскими судами, ежегодно растет. Так, с 2016 г., когда было рассмотрено 24,7 млн дел, к 2021 г. оно выросло на 58% до 39,2 млн дел¹. Развитие примирительных процедур в сфере цивилистических споров является одним из приоритетных направлений государственной политики, о чем явно свидетельствуют изменения в процессуальном законодательстве последних лет². Принимая во внимание то, что досудебные процедуры в России рассматриваются в качестве одного из средств борьбы с повышенной судебной нагрузкой, объяснимо наблюдаемое в последнее время увеличение ряда категорий дел, подлежащих обязательному досудебному урегулированию в силу прямого указания закона³. Риторика представителей судебной власти свидетельствует также о том, что сфера применения обязательных досудебных процедур будет и дальше расширяться, сужая применение принципа их добровольности⁴.

В статье предлагается обратиться к тем случаям, когда стороны гражданских правоотношений своим соглашением договорились о необходимости соблюдения досудебного порядка урегулирования спора перед обращением в суд. Глобально медиация фактически приобрела наибольшую популярность среди иных досудебных процедур, в РФ действует специальный нормативный правовой акт, посвященный исключительно процедуре медиации, он довольно подробно регулирует эту сферу общественных отношений. Согласно п. 5 ст. 2 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования спора с участием посредника (процедуре медиации)» (далее ФЗОМ), соглашение о применении процедуры медиации – соглашение сторон, заключенное в письменной форме до возникновения спора или споров (медиативная оговорка) либо после его или их возникновения, об урегулировании с применением процедуры медиации спора или споров, которые возникли или могут возникнуть между сторонами в связи с каким-либо конкретным правоотношением. Медиативные оговорки часто фигурируют в международных коммерческих соглашениях, не чужды и внутренним контрактам (в развитых странах зачастую являются стандартом для коммерческих контрактов). Применение медиативных оговорок в мире неизменно растет. При этом в силу неразвитости медиации в России потенциал соглашений о ее применении у нас остается поистине громадным.

Необходимо подчеркнуть, что соглашения (оговорки) не всегда предусматривают обязательность медиации или иной досудебной процедуры. Например, как предлагается в модельных оговорках о медиации Международной торговой палаты (ИСС), такие оговорки могут быть просто факультативными или предусматривать ограниченное обязательство «обсудить», а не фактически использовать медиацию (например, оговорки А⁵ и В⁶ правил ИСС). Кроме того, встречаются и такие оговорки, которые, несмотря на обязательность

для сторон некой досудебной процедуры, предусматривают возможность параллельного судебного разбирательства или арбитража (оговорка С⁷ правил ИСС). Далее речь пойдет только об оговорках, которые делают обращение к досудебным процедурам обязательным.

Верховный суд РФ (ВС РФ) в Постановлении Пленума от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» дал довольно однозначные рекомендации для случаев, когда между сторонами имеется соглашение о досудебном урегулировании: медиация становится обязательным досудебным урегулированием спора в случае, если стороны заключили соглашение о применении процедуры медиации и в течение оговоренного для ее проведения срока обязались не обращаться в суд (ч. 1 ст. 4 ФЗОМ) или заменили предусмотренную федеральным законом процедуру досудебного урегулирования спора на медиацию при условии, что соответствующий федеральный закон позволяет изменить порядок такого урегулирования договором (например, ч. 5 ст. 4 АПК РФ). Верховный суд РФ прямо указывает, что судам следует применять «негативные» процессуальные последствия в случае несоблюдения досудебного порядка, предусмотренного соглашением сторон: оставлять исковое заявление без движения (если не представлено доказательств соблюдения); возвращать его (если не указано на соблюдение досудебного порядка); оставлять без рассмотрения (если не соблюден досудебный порядок). Важно отметить, что совершение всех этих действий суд осуществляет по собственной инициативе, т.е. для этого не требуется заявление ответчика. В п. 19 разъясняется, как истцу следует доказывать соблюдение досудебного порядка: досудебный порядок урегулирования спора в виде примирительной процедуры (например, переговоров, медиации) считается соблюденным в случае представления истцом документов, подтверждающих использование соответствующей процедуры спорящими сторонами. Видим, что в настоящий момент арбитражное процессуальное законодательство, учитывая разъяснения ВС РФ, не делает различий в последствиях несоблюдения досудебного порядка, предусмотренного законом и договором. Приведенный подход ВС РФ подвергается критике [1. С. 83–86].

Несмотря на широкое распространение в мировой практике рассматриваемых оговорок, по-прежнему остается дискуссионным вопрос о возможности принудительного исполнения соглашения (оговорки) о досудебной процедуре урегулирования спора, он по-разному решается в различных юрисдикциях. И в практике судов, и в доктрине остаются нерешенными вопросы о необходимой степени определенности содержания соглашения (оговорки), об исполнимости такого соглашения в принципе, о том, какие действия сторон следует считать достаточными для признания

соглашений исполненными, а также о последствиях (материально-правовых, процессуальных) неисполнения сторонами (стороной) условий такого соглашения. В Великобритании в настоящий момент также отсутствует законодательство, регулирующее вопросы заключения и исполнения соглашений о досудебном урегулировании гражданских споров. Вместе с тем указанные общественные отношения, что традиционно для правовой системы Соединенного Королевства, получили регулирование на уровне судебной практики. В настоящей статье анализируются знакомые дела, которые в настоящий момент определяют отношение судов Соединенного Королевства к рассматриваемым соглашениям (оговоркам).

Регулирование на международном и национальном уровнях. Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (Великобритания является участником Нью-Йоркской конвенции с 1975 г.) предусматривает признание и приведение в исполнение арбитражных решений, вынесенных в других договаривающихся государствах, а также позволяет сторонам договариваться о передаче споров в арбитраж в соответствии с правилами арбитражного учреждения или в соответствии с их собственными согласованными процедурами. Великобритания также является участником Европейской конвенции о международном коммерческом арбитраже (1961 г.) и Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств (1965 г.), которые предусматривают признание и приведение в исполнение арбитражных решений при определенных обстоятельствах.

На уровне национального законодательства Великобритании основную роль играют Закон об арбитраже 1996 г. [2] и Правила гражданского судопроизводства 1998 г. [3] (далее ПГС 1998 г.). Закон об арбитраже устанавливает основу для арбитража в Великобритании. Он определяет сферу применения арбитражных соглашений и устанавливает порядок возбуждения и проведения арбитража, в нем изложены полномочия и обязанности арбитров, в том числе право выносить решения, обязательные для сторон. Закон предусматривает, что арбитражное соглашение является обязательным для сторон и может быть приведено в исполнение судом. Закон позволяет сторонам согласовывать методы альтернативного разрешения споров (АРС), отличные от арбитража, такие как медиация, заключать многоступенчатые соглашения. Важно отметить, что закон предусматривает возможность проведения справедливого разрешения споров беспристрастным судом «без ненужных задержек или расходов», суды не должны вмешиваться в процесс арбитража, за исключением случаев, когда это необходимо для надлежащего проведения арбитража; предусматривается признание и приведение в исполнение арбитражных решений. Арбитражное решение, вынесенное в соответствии с арбитражным соглашением, подлежит исполнению так же, как и решение суда. Однако арбитраж-

ное решение может быть отменено, если оно было получено ненадлежащим образом или если арбитры превысили свои полномочия.

ПГС 1998 г. также играют важную роль в регулировании рассматриваемых соглашений. Правило 1.4(2)(е) ПГС 1998 г. требует от сторон «обсудить, могут ли переговоры, посредничество или другая форма АРС позволить им урегулировать спор без возбуждения судебного разбирательства». Предусматривается возможность проведения АРС по решению суда – правило 26.4 ПГС 1998 г. позволяет суду выносить постановление об альтернативном разрешении споров как по собственной инициативе, так и по запросу одной из сторон. Суд также может приостановить судебное разбирательство, чтобы позволить сторонам использовать АРС-процедуру. Практическая директива к правилам [4] предусматривает, что стороны должны рассмотреть вопрос о том, могут ли переговоры или какая-либо другая форма АРС позволить им урегулировать свой спор без начала судебного разбирательства. Это означает, что от сторон может потребоваться попытка обращения к АРС до начала судебного разбирательства, даже если пункт об урегулировании споров в их контракте не требует от них этого. Часть 1 ПГС 1998 г. содержит общие положения, применимые ко всем гражданским делам, как заявлено, главной целью ПГС 1998 г. является предоставление суду возможности рассматривать дела справедливо и с пропорциональными затратами. Значит, стороны должны проводить любые АРС-процедуры таким образом, который пропорционален ценности, сложности и важности дела.

Однако помимо приведенных крупных нормативных актов следует упомянуть также следующие. Закон о недобросовестных условиях контрактов 1977 г. (UCTA) [5]. Согласно разделу 6 UCTA, «когда одна сторона имеет дело с другой на основе письменных стандартных условий бизнеса, любое положение об исключении или ограничении ответственности должно быть разумным», чтобы иметь законную силу. Иными словами, любое АРС-соглашение, содержащее положение об исключении или ограничении ответственности, должно быть составлено в соответствии с критерием разумности, изложенным в разделе 2 UCTA. Кроме того, раздел 3 UCTA предусматривает, что сторона не может исключить или ограничить ответственность за смерть или телесные повреждения в результате халатности. Это означает, что любой пункт об исключении или ограничении ответственности в соглашении, который пытается исключить или ограничить ответственность за смерть или телесные повреждения в результате небрежности, будет недействительным. Кроме того, UCTA применяется к соглашениям, заключенным до судебного разбирательства, поскольку такие соглашения могут по-прежнему включать отказ или компромисс в отношении законных прав стороны. В целом любое АРС-соглашение, содержащее положение об исключении или ограничении ответственности, должно быть тщательно составлено, чтобы гарантировать его соответствие требованиям UCTA.

Закон о правах в сфере занятости 1996 г. (ERA 1996) [6]. Раздел 203 ERA 1996 г. предусматривает, что любое соглашение об исключении или ограничении права работника на подачу иска в суд по трудовым спорам или об отказе от такого права является недействительным, если только оно не заключено в контексте мирового соглашения или действительного соглашения о примирении в соответствии с разделом 18А Закона о судах по трудовым спорам 1996 г. [7]. Поэтому любое соглашение о порядке урегулирования споров, направленное на ограничение прав работника на подачу иска в суд по трудовым спорам, не будет признано судом как действительное, если оно не отвечает требованиям статьи 203. ERA 1996 г. предусматривает, что в случае возникновения спора между работодателем и работником любая из сторон может передать этот вопрос в Консультативную, примирительную и арбитражную службу (ACAS) [8] для скорейшего примирения.

Закон о правах потребителей 2015 г. (CRA) [9] предусматривает, что любое договорное условие, направленное на исключение или ограничение законных прав потребителя, считается несправедливым и не имеющим законной силы. Соответственно, любое APC-соглашение, направленное на ограничение возможности потребителя подать иск или отказаться от своих законных прав, не будет иметь силы. CRA требует, чтобы любая процедура альтернативного разрешения споров, предлагаемая продавцом, была справедливой и прозрачной и не препятствовала бы осуществлять свои законные права потребителю. CRA требует, чтобы продавцы предоставляли потребителям определенную информацию о процедурах APC, которые они предлагают, включая сведения о провайдере APC и процедурах, которые предполагается использовать.

В соответствии с Положением об альтернативном разрешении споров между потребителями (компетентные органы и информация) 2015 г. [10], предприятия, которые предлагают процедуры APC для разрешения потребительских споров, должны предоставлять потребителям определенную информацию о них, включая сведения о провайдере процедуры и процедурах, которые будут использоваться. Эта информация должна быть предоставлена в ясной и понятной форме и до того, как потребитель согласится участвовать в процедуре. Кроме того, правила требуют, чтобы провайдеры были компетентными и независимыми, а также действовали честно и прозрачно. Следовательно, любое соглашение о досудебном урегулировании, предусматривающее обращение к провайдеру процедуры, не соответствующему этим стандартам, может быть признано неисполнимым.

Кроме того, закон о сроках обращения в суд 1980 г. [11] устанавливает сроки для подачи иска в суд, и любое соглашение об урегулировании споров, направленное на продление или сокращение этих сроков, неисполнимо. Закон о продаже товаров 1979 г. [12] устанавливает права, которые потребители имеют при покупке товаров, и любое соглашение об урегулировании споров, направленное на ограничение или отказ от этих прав, может быть признано неисполнимым.

Подобные положения содержит также Закон о поставке товаров и услуг 1982 г. [13] в отношении прав потребителей при покупке ими услуг. Положение о потребительских контрактах (информация, аннулирование и дополнительные сборы) 2013 г. [14] требует от предприятий предоставления потребителям определенной информации об их правах на аннулирование контракта, и любое соглашение об урегулировании споров, направленное на ограничение этих прав, может быть признано неисполнимым.

Практика судов как основной источник. Отношение к досудебным процедурам, установленным соглашением сторон, в Великобритании менялось с течением времени. Еще полвека лет назад суды Великобритании скептически относились к применимости оговорок о медиации. В значительной степени это связано с тем, что подобные оговорки фактически приравнивались к оговоркам о ведении переговоров, которые считались не подлежащими исполнению. Например, в деле Кортни и Фабиан [15] Апелляционный суд Англии указал, что соглашение о проведении переговоров не может быть исполнено, так как характер переговоров таков, что стороны могут никогда не достичь соглашения.

Однако с течением времени ситуация стала меняться. Первым знаковым делом касательно оговорок о порядке разрешения спора было дело Тоннель под Ла-Маншем [16]. Палата лордов, по сути, признала исполнимой оговорку⁸ о порядке разрешения споров: «те, кто заключает соглашения об урегулировании споров, должны продемонстрировать веские причины для отступления от таких соглашений». Понятие арбитражного соглашения было расширено судом – в него было включено «соглашение об урегулировании споров, которое почти сразу же вступает в силу в качестве арбитражного соглашения, хотя и не совсем». Суд признал исполнимой оговорку в договоре, которая требовала от сторон перед тем, как прибегнуть к арбитражу, обратиться к группе экспертов для вынесения ими не имеющего обязательной силы решения.

Далее в 1997 г. в деле Котт, Соединенное Королевство [17], одна из сторон попыталась использовать более широкое определение арбитража из дела Тоннель под Ла-Маншем для подачи заявления о приостановлении судебного разбирательства и обеспечения выполнения соглашения об урегулировании споров, который требовал от сторон передачи спора на рассмотрение экспертов. Суд подтвердил, что «даже в случае отсутствия арбитражной оговорки в свете дела... [Тоннель под Ла-Маншем], а также в свете изменения позиции нашей правовой системы суд, безусловно, обладает юрисдикцией на то, чтобы приостановить производство в силу присущей ему юрисдикции, в том случае, когда стороны выбрали какие-либо альтернативные средства урегулирования споров». Однако несмотря на занятую судом позицию, оговорка в рассматриваемом деле не была исполнена, так как суд установил более высокий стандарт, чем в деле Тоннель под Ла-Маншем, требуя, чтобы стороны предусмотрели конкретные параметры процедуры (такие как ее продолжительность,

доступность доказательств и их представление эксперту). Поскольку стороны не уточнили таких вопросов, суд отказался приостановить разбирательство. Таким образом, суд уточнил свою позицию, указав, что лишь оговорки, содержащие в себе конкретные детали процедуры, могут быть исполнены [18. P. 551]. Таким образом, основанием для отказа в исполнении оговорки послужила недостаточная определенность самой процедуры. Кроме того, судья сослался на то, что эксперт не имеет возможности наложить санкции на стороны в случае, если те не будут взаимодействовать [19. P. 261].

Далее в деле *Halifax Fin. Serv. Ltd., v. Intuitive Sys. Ltd.* 1999 г. [20] суд указал, что дело Тоннель под Ламаншем имеет значение только для «определяющих» (determinative) процедур. Определяющие процедуры обеспечивают окончательное и неоспоримое решение третьей стороны и включают такие процедуры, как арбитраж, обязательная экспертная оценка и сертификация третьей стороной. Переговоры, посредничество, необязательная экспертная оценка и подобные необязывающие процедуры относятся к категории «неопределяющих» (non-determinative) процедур, которые просто помогают сторонам урегулировать их спор, но не предусматривают «обязательство разрешать спор таким образом» [18. P. 552]. То есть добавилось требование о том, что процедура должна быть «определяющей».

Роль APC во всем мире в тот период возрастала. Те же процессы происходили и в Соединенном Королевстве. Тенденция не могла не найти отражения при реформировании гражданского процесса Великобритании в 1990-е гг. По задумке авторов проекта ПГС 1998 г., стороны необходимо поощрять в разрешении их правовых конфликтов без обращения в суд, они должны раньше «раскрывать свои карты». В итоге в правилах значительное внимание уделяется досудебным процедурам – появился институт досудебных протоколов (pre-action protocols), предусмотрены санкции за ненадлежащее поведение в ходе предусмотренных законом досудебных процедур. Само судебное разбирательство рассматривается как крайнее средство разрешения правового спора [4]. Тема альтернативного разрешения споров стала одной из центральных в новых ПГС 1998 г. [21. P. 21].

Обозначенная тенденция вскоре нашла свое отражение в практике Высокого суда правосудия. В деле *Cable & Wireless Plc v IBM United Kingdom Ltd* [22] суд подтвердил исполнимость оговорки, в которой стороны не определили конкретную процедуру разрешения спора. Согласно оговорке стороны должны были добросовестно попытаться урегулировать любой спор, вытекающий из соглашения, путем переговоров со старшими должностными лицами, уполномоченными урегулировать его. Если эти переговоры не увенчаются успехом, то стороны должны добросовестно попытаться урегулировать спор с помощью APC, как это рекомендовано сторонам Центром по урегулированию споров (CEDR⁹). Проанализировав приведенную оговорку, суд заключил, что стороны, несомненно, намеревались использовать судебное разбирательство в качестве последнего средства (last resort). Суд счел, что

оговорка «содержит в себе достаточно определенное взаимное обязательство сторон пройти через процедуру инициирования медиации, выбора медиатора, наконец познакомить его с делом и документами и явиться к нему». Из решения следует, что достаточно хорошо сформулированная оговорка об урегулировании споров способна создать условие, которое должно быть выполнено до начала судебного разбирательства. Суд разделил оговорки на 3 вида. Первый – оговорка под патронажем постоянно действующих APC-институтов (как в рассматриваемом деле), они вполне исполнимы. Второй – оговорка о «стремлении урегулировать спор мирным путем». Суд со ссылкой на дело *Paul Smith Ltd против H&S International Holding Inc* указал на отсутствие определенности в простом обязательстве вести переговоры по контракту или по соглашению об урегулировании спора. Так как у суда не было бы достаточных объективных критериев для принятия решения о соблюдении соглашения, оговорка «добросовестно пытаться разрешить спор» не может бы быть поддержана судом, такое соглашение неисполнимо. Третий – промежуточный вариант – оговорка не содержит отсылки к какой-либо конкретной процедуре, как в первом случае, однако является достаточно определенной для того, чтобы быть поддержанной судом.

Вместе с тем в *Cable & Wireless Plc v IBM United Kingdom Ltd* суд не привел критериев, при соблюдении которых оговорку можно считать достаточно определенной. Это фактически произошло в 2007 г. в деле *Holloway v Chancery Mead Ltd* [23]. В нем Высокий суд определил три требования, которым должна соответствовать оговорка¹⁰, чтобы она могла быть исполнена (пункт 81). Оговорка об APC должна отвечать по крайней мере трем следующим требованиям: во-первых, процедура должна быть достаточно определенной с тем, чтобы всякий раз не возникало необходимости заключать соглашение относительно дальнейшей процедуры. Во-вторых, должна быть определена процедура выбора посредника для разрешения спора и оплаты труда этого лица. В-третьих, сама процедура или по крайней мере модель процедуры должны быть изложены таким образом, чтобы ее детали были достаточно определенными.

Далее видим, как эта позиция подтверждается в других решениях Высокого суда. Особенный интерес представляют случаи, когда суд отказывает в признании оговорки. Так, рассматривая в *Balfour Beatty Construction Northern Ltd v Modus Corovest (Blackpool) Ltd* (2008 г.) [24] оговорку¹¹, Высокий суд со ссылкой на *Cable & Wireless* пришел к выводу о том, что оговорка может принадлежать ко второму типу оговорок, а соглашение в настоящем деле является не чем иным, как соглашением о согласии (agreement to agree). В отличие от соглашения об APC в *Cable & Wireless*, оно слишком неопределенно, чтобы суд мог его исполнить.

В деле *Sulamerica CIA Nacional De Seguros SA & Ors v Enesa Engenharia SA & Ors* [25] стороны договорились¹² о том, что в случае возникновения какого-либо спора стороны будут стремиться к тому, чтобы разрешить его мирным путем с помощью медиации. На

первый взгляд оговорка выглядит довольно подробной. Однако Высокий суд не посчитал ее исполнимой, указав со ссылкой на *Cable & Wireless и Holloway v Chancery Mead Ltd*, что оговорка о применении медиации может привести к обязательству сторон при условии, что вопросы, существенные для самой процедуры, не остаются несогласованными. В рассматриваемом деле оговорка не отвечает этим требованиям, поскольку не содержит однозначного обязательства вступить в медиацию, четких положений о назначении медиатора и четко определенной процедуры медиации. Таким образом, существенные вопросы оставались неразрешенными и подлежали согласованию сторонами в последующем (п. 33). Оговорка не содержит какую-либо определенную процедуру медиации и не отсылает к какой-либо конкретной процедуре институциональной медиации. Первый абзац содержит лишь обязательство добиваться мирного разрешения спора путем медиации. Процедура, посредством которой медиация должна осуществляться, не предусмотрена, поэтому, названное условие не может создать обязательство приступить к медиации или участвовать в ней. Самое большее, что можно было бы сказать, это то, что оно налагает на любую сторону, которая рассматривает возможность передачи спора в арбитраж, обязательство пригласить другую сторону принять участие в медиации *ad hoc*, но содержание даже такого обязательства настолько неопределенно, что его принудительное исполнение невозможно (п. 36).

В деле *Wah (Aka Alan Tang) & Anor v Grant Thornton International Ltd & Ors* [26] суд, со ссылкой на *Cable & Wireless Plc v IBM United Kingdom Ltd и Sulamerica CIA Nacional De Seguros SA & Ors v Enesa Engenharia SA & Ors*, подтвердил свою позицию об определенности оговорки¹³ об APC, указав, что оговорка об APC необходимо проверять: являются ли обязательства и/или запрет на обращение в суд, которые она предусматривает, достаточно четкими и определенными, чтобы иметь юридическую силу (п. 59). Суд проверяет, предписывает ли оговорка без необходимости заключения дополнительного соглашения (а) достаточно определенное и недвусмысленное обязательство начать процедуру, (б) шаги, которые необходимо предпринять каждой стороне для начала процедуры. Кроме того, (с) оговорка должна позволить суду объективно определить: (1) какие в соответствии с ней минимальные требования предъявляются к сторонам в споре с точки зрения их участия в этой процедуре, (2) когда и как процедура будет исчерпана или может быть надлежащим образом прекращена без нарушения (п. 60).

Суд явно провел различие между двумя обязательствами, вытекающими из оговорки: позитивное обязательство – попытаться урегулировать спор или разногласия полюбовно и негативное обязательство – воспрепятствовать обращению в суд до наступления определенного события: «в контексте отрицательной оговорки или судебного запрета, препятствующего рассмотрению дела или судебному разбирательству до определенного события, вопрос заключается в том, достаточно ли определено событие и объективно ли оно

может быть установлено, чтобы суд мог определить, произошло ли это событие и когда» (п. 61).

Как видим, в тот период Высокий суд занял довольно жесткую позицию по отношению к APC-оговоркам. Исполнимость их признавалась, однако требования к самой оговорке, ее определенности можно признать довольно высокими. Стандарт, провозглашенный в *Holloway v Chancery Mead Ltd* (о трех условиях, которым оговорка должна отвечать), было не просто соблюсти. Наибольшие шансы были у оговорки об институализированной медиации (по правилам постоянно действующего учреждения).

В 2014 г. позиция судов смягчается. В решении *Emirates Trading Agency v Prime Mineral Exports Private Ltd* [27] заявитель оспаривал арбитражное решение по мотивам отсутствия у третейского суда компетенции по рассмотрению и разрешению дела, предметом спора явилась многоступенчатая оговорка о порядке разрешения спора¹⁴. Суд пришел к выводу, что рассматриваемое соглашение подлежит исполнению (п. 63). Доводы суда таковы: «соглашение не является неполным; ни одно условие не пропущено. Оно не является неопределенным; обязанность стремиться разрешить спор путем добросовестных дружеских обсуждений имеет определенный стандарт, а именно справедливые, честные и искренние обсуждения, направленные на разрешение спора. Сложность доказывания его нарушения в некоторых случаях не следует путать с предположением о том, что оговорке не хватает определенности. В контексте положения об урегулировании споров, в соответствии с которым стороны добровольно приняли ограничение своего права не вести переговоры, неуместно предполагать, что это обязательство несовместимо с позицией стороны, участвующей в переговорах. Приведение в исполнение такого соглашения, если оно признано частью пункта об урегулировании споров, отвечает общественным интересам, во-первых, потому что экономические субъекты ожидают от суда принудительного исполнения обязательств, которые они добровольно взяли на себя, и, во-вторых, потому что цель соглашения состоит в том, чтобы избежать того, что в противном случае может быть дорогостоящим и длительным арбитражным разбирательством» (п. 64). Таким образом, суд признал, что в данном случае обязанность вести переговоры явно вытекает из соглашения и, следовательно, такая оговорка подлежит исполнению.

В деле 2019 г. *Ohpen Operations UK Ltd v Invesco Fund Managers Ltd* [28] суд, основываясь на предыдущих прецедентах (в том числе на приведенных выше), предложил четыре принципа, которыми необходимо руководствоваться стороне в случае, если она желает заявить о приостановлении судебного процесса по мотивам несоблюдения оговорки¹⁵ об APC. 1. Соглашение должно создавать подлежащее исполнению обязательство, требующее от сторон участия в альтернативном разрешении спора. 2. Обязательство должно быть четко сформулировано как условие, соблюдение которого необходимо перед судебным разбирательством или арбитражем. 3. Процедура разрешения

спора, которой необходимо следовать, не должна быть формальной, но должна быть достаточно четкой и определяться ссылкой на объективные критерии, включая механизм назначения посредника или определение любого другого необходимого шага в процедуре – без необходимости заключения дополнительного соглашения. 4. Суд может по своему усмотрению приостановить судебный процесс, начатый в нарушение действующего соглашения об урегулировании споров. Реализуя такое усмотрение, суд будет учитывать интерес государственной политики в поддержке коммерческого соглашения сторон и достижении первостепенной цели содействия сторонам в разрешении их споров (п. 32).

Содержание оговорки. Определенность (ясность). В доктрине последствия заключения арбитражного соглашения принято рассматривать через разграничение его позитивного и негативного эффектов [29. С. 77]. Эти эффекты являются, прежде всего, юрисдикционными, т.е. арбитражное соглашение наделяет компетенцией третейский суд и одновременно отменяет юрисдикцию государственного суда, который в противном случае обладал бы компетенцией в отношении споров, охватываемых арбитражным соглашением. На уровне сторон эти последствия принимают форму позитивного обязательства передавать определенные категории споров в арбитраж и негативного обязательства не передавать такие споры в национальный суд.

Медиативная оговорка (оговорка об иной процедуре) также имеет позитивный и негативный эффект. Первый состоит в создании позитивного обязательства для сторон попытаться разрешить спор путем участия в оговоренной сторонами процедуре. В этом случае медиация есть предварительное, необходимое условие, которое должно быть выполнено сторонами перед обращением в суд или к процедуре арбитража. Соответственно, суд (третейский суд) не может рассматривать спор, который ожидает передачи его в процедуру медиации. Для сторон же данный негативный эффект влечет за собой обязанность не передавать возникший спор в суд (арбитраж).

Стоит обратить внимание на то, что если сторона добивается неких негативных процессуальных последствий для иска (в виде различных вариантов отклонения иска или приостановления производства по делу), предъявленного без соблюдения оговоренной сторонами процедуры, то в этом случае она требует исполнения негативного обязательства. Действительно, следствием совершения судом (арбитрами) некоего процессуального действия, которое препятствует дальнейшему движению дела, будет то, что суд (арбитры) не будет рассматривать дело дальше, тем самым приводя в действие негативное обязательство сторон не передавать спор в суд (третейский суд). При этом, однако, указанное процессуальное действие суда само по себе не заставляет работать позитивное обязательство сторон попытаться провести процедуру медиации. В связи с этим некоторые авторы приходят к выводу о

том, что судам следует применять требование об определенности не к оговорке о медиации в целом или к позитивному обязательству о медиации, а только к негативному обязательству не обращаться в суд (арбитраж) [30. Р. 52].

Ключевой вопрос, однако, состоит в том, в какой момент указанная обязанность должна считаться исполненной, какое конкретно событие необходимо считать триггером, который как бы «переключает» рассматриваемую обязанность в режим «исполнено». Английские суды сосредотачиваются на позитивном обязательстве, а не на негативном. Суды либо вообще не проводят различия между негативным и позитивным обязательством (Holloway, Sulamerica, Ohpen), либо считают, что для приведения в исполнение оговорки требуется, чтобы были ясно определены как позитивное, так и негативное обязательства. Рассмотрим подробнее.

В деле Holloway, в своем анализе требования определенности, суд сосредоточился на «процессе» медиации, указав, что процедура должна быть достаточно определенной, с тем, чтобы всякий раз не возникало необходимости заключать соглашение относительно дальнейшей процедуры, должна быть определена процедура выбора посредника для разрешения спора и оплаты труда этого лица, сама процедура или по крайней мере модель процедуры должны быть изложены таким образом, чтобы ее детали были достаточно определенными.

Вместе с тем в п. 24.6 рассматриваемой оговорки негативное обязательство сформулировано достаточно ясно: передача дела в арбитраж возможна исключительно либо после вынесения резолюции расследователем NHBC, либо по соглашению сторон. Иными словами, стороны ясно сформулировали те факты (триггеры), при наступлении которых негативное обязательство может считаться исполненным.

В деле Sulamerica вывод суда о том, что медиативная оговорка не имеет достаточной определенности для приведения в исполнение, основывается на двух посылах: во-первых, в оговорке не излагался «какой-либо определенный процесс посредничества» и, во-вторых, что в ней не было ссылки на «процедуру конкретного провайдера медиации». Очевидно, суд в этой ситуации имеет ввиду именно позитивное обязательство, не упоминая негативного.

Если бы суд применил правило определенности к негативному обязательству, то он, скорее всего, пришел бы к другому выводу, т.е. постановил бы, что оговорка о медиации подлежит исполнению. По сути, в этой оговорке предусматривалось четыре альтернативных события, при которых у сторон возникало право на передачу данного спора в арбитраж. Стороны, формулируя оговорку, сосредоточили свое внимание именно на негативном обязательстве и тех фактах, которые свидетельствуют о его исполнении. В целом, если рассматривать оговорку исключительно как негативное обязательство не обращаться в суд (арбитраж), его можно считать вполне согласованным и отвечающим требованию определенности.

В деле *Emirates* суд признал оговорку исполнимой, однако акцент также был сделан именно на позитивном обязательстве (п. 64: «...соглашение не является неполным; ни одно условие не пропущено. Оно не является неопределенным; обязанность стремиться разрешить спор путем добросовестных дружеских обсуждений имеет определенный стандарт, а именно справедливые, честные и искренние обсуждения, направленные на разрешение спора»). Несмотря на то, что оговорка явно содержала в себе негативное обязательство не обращаться в арбитраж (стороны должны сначала попытаться разрешить спор или претензию путем дружеского обсуждения), описывая факт, наступление которого позволяет считать данное обязательство исполненным (если между сторонами не может быть достигнуто соглашение в течение непрерывного периода в четыре недели), суд эти условия не принял во внимание, негативное обязательство не имело для суда никакого значения.

В деле *Wah*, напомним, суд впервые сформулировал четкое различие между позитивным и негативным обязательством. Однако несмотря на то, что оговорка ясно предусматривала негативное обязательство не обращаться в суд и этого могло быть достаточно для ее исполнения, суд обратил внимание на необходимость ясного определения как негативного так и позитивного обязательств.

В деле *Ohren* аргументация суда была очень похожа на доводы суда по делу *Holloway*. В решении, подтверждающем исполнимость рассматриваемой оговорки, суд подчеркнул, что стороны выбрали поставщика посреднических услуг (CEDR), чьи правила устанавливали «процесс, который [не требовал] какого-либо дальнейшего соглашения со стороны сторон, позволяющих продолжить посредничество», и что как выбор посредника, так и проведение процедуры медиации регулируются этими правилами (п. 32).

Опять же, суд рассмотрел только позитивное обязательство, созданное оговоркой о медиации. При том что оговорка явно содержала в себе условия негативного обязательства: 1) не обращаться в суд 2) до совершения всех действий, направленных на урегулирование конфликта, предусмотренных оговоркой; 3) наконец, сформулирован триггер исполнения обязательства не обращаться в суд – стороны не могут разрешить спор путем медиации по правилам CEDR. Правила CEDR позволяют восполнить это условие. Однако приведенное негативное обязательство не получило никакого отражения в решении суда, не имело для него значения.

Исполнение соглашения (оговорки) судом. Приведение в исполнение APC-соглашения (оговорки) означает, что суд или третейский суд вводит в действие эту оговорку, т.е. предоставляет стороне, добивающейся ее приведения в исполнение, средства правовой защиты. Можно назвать несколько существующих в мировой практике способов обеспечения соблюдения соглашений об APC, т.е. принудительного исполнения судом таких соглашений: 1) присуждение компенсации

за нарушение условий соглашения (в рамках гражданско-правового обязательства); 2) обяание сторон принять участие в APC-процедуре; 3) приостановление производства по делу (запрещение продолжения разбирательства) до тех пор, пока не будет предпринята попытка провести оговоренную процедуру; 4) «отклонить» иск со ссылкой на несоблюдение истцом оговоренной процедуры (варианты: на отсутствие у суда юрисдикции, на неприемлемость иска). Конкретные средства правовой защиты APC-соглашения (оговорки) могут варьироваться от юрисдикции к юрисдикции. Россия, учитывая разъяснения Постановление пленума ВС РФ от 21.06.2021 № 18, видимо, выбрала четвертый вариант.

В Великобритании судебная практика идет по третьему варианту – несоблюдение сторонами досудебной процедуры может являться основанием для приостановления судебного разбирательства. Однако особенность рассматриваемой юрисдикции состоит в том, что судьи наделяются значительной степенью усмотрения при решении вопроса о необходимости приостановления производства по делу в указанных обстоятельствах.

В частности, по делам *Cable & Wireless* и *Ohren* суды пришли к выводу о том, что приостановление разбирательства по своему характеру есть средство правовой защиты по праву справедливости и (*equitable remedy*), следовательно, оно дискреционно. Как отметил суд, такое усмотрение законодательно признано в правиле 26.4 Правил гражданского судопроизводства, в соответствии с которым суды имеют право приостанавливать разбирательство, чтобы позволить сторонам урегулировать свой спор посредством APC или иным образом. Дополнительным (или альтернативным) основанием, закрепленным в законодательстве, является раздел 49(3) Акта о судах высших инстанций 1981 г. [31], в соответствии с которым английские суды имеют общее право приостанавливать судебное разбирательство, когда они сочтут такое приостановление уместным.

В деле *Cable & Wireless* суд приходит к выводу о том, что ссылка на APC аналогична арбитражному соглашению. «Как таковое, оно [соглашение о досудебном урегулировании] представляет собой отдельное соглашение, дополняющее основной договор, и может быть приведено в исполнение путем приостановления разбирательства или судебного запрета в отсутствие какого-либо незавершенного разбирательства. Полномочие суда на приостановление разбирательства, хотя и предусмотрено законом в области арбитражных соглашений, по своему происхождению является средством правовой защиты по праву справедливости. Кроме того, это процессуальный инструмент, предусмотренный в соответствии с статьей 26.4 ПГС, для поощрения и предоставления сторонам возможности использовать APC... Тем не менее, доступность средства правовой защиты, будь то приостановление или отсрочка или иное постановление о ведении дела, должно оставаться на усмотрение суда».

Обратим внимание на то, что применение каких-либо процессуальных последствий в целях обеспечения соблюдения медиативной оговорки является, по мнению суда, дискреционным полномочием суда. Однако усмотрение суда, как поясняется в решении, должно зависеть от ряда факторов. Здесь Высокий суд также ясно проводит аналогию с соблюдением арбитражного соглашения – должны быть представлены веские основания для того, чтобы суд отказал в реализации такого соглашения. Например, могут быть случаи, когда «направление сторон на АРС будет явно бесполезным, а вероятность продуктивной медиации будет настолько незначительной, что не оправдывает принудительного исполнения соглашения, в таких обстоятельствах АРС должно быть совершенно безнадежным занятием».

Оба решения (и *Cable & Wireless* и *Ohpen*) дают полезную информацию о тех обстоятельствах, которые могут в отдельных случаях оправдать отказ суда в применении оговорки о медиации. В деле *Cable & Wireless* суд привел два таких обстоятельства (хотя ни одно из них не было обнаружено судом в указанном деле): (а) очень ограниченную вероятность того, что «будет иметь место продуктивная медиация», указывая, что медиация будет «явно бесполезной», и (б) необоснованное затягивание ответчиком заявления ходатайства о приостановлении разбирательства.

В деле *Ohpen* суд отметил – без каких-либо дополнительных разъяснений, – что приведение в исполнение оговорок о медиации служит интересам правосудия. Тем не менее суд также добавил, что необходимо учитывать главную цель, провозглашенную в ПГС (правило 1.1), а именно «дать суду возможность рассматривать дела справедливо и с соразмерными затратами». Стремление к достижению приведенной цели побудило суд дополнить свое решение о приостановлении разбирательства приказом, в котором сторонам предлагалось подать письменные пояснения (которые позволили бы прояснить важные обстоятельства перед проведением медиации), отмечая, что «перспективы урегулирования улучшатся, если стороны будут иметь четкое представление об объеме и основаниях требований и возражений, на которые они ссылаются...» (п. 60).

Стоит отметить, что в литературе подвергается критике дискреционность полномочий суда приостановить судебное разбирательство. В частности, указывается, что такое усмотрение (1) подрывает предсказуемость судебных решений, побуждает стороны оспаривать действительность медиативных оговорок и препятствует заключению многоуровневых оговорок о разрешении споров, предусматривающих предвари-

тельную попытку посредничества. Кроме того, (2) судебное усмотрение порождает дискриминацию, учитывая, что некоторым сторонам договоров, содержащих оговорки о медиации, будет предписано соблюдать эти оговорки (т.е. содержащиеся в них негативные обязательства), а другим – нет [30. Р. 52].

Выводы. В настоящий момент оговорки об АРС в Великобритании являются вполне исполнимыми. Суды при оценке соглашения скорее обратят большее внимание на то, насколько ясно сформулировано позитивное обязательство участвовать в досудебной процедуре либо (одновременно) указанное позитивное и негативное обязательство не обращаться в суд. Суды более благосклонны к соглашениям, предусматривающим институциональную медиацию, регулируемую правилами конкретного медиативного учреждения, нежели соглашениям о медиации *ad hoc* (как в делах *Sulamerica* и *Ohpen*) в силу того, что последние зачастую страдают отсутствием определенности по ключевым условиям. В частности, условия соглашения о проведении медиации перед обращением в суд должны прямо или косвенно касаться назначения (выбора) медиатора (медиаторов) и проведения процедуры медиации. Самый простой способ достичь этой цели – выбрать институциональную медиацию, регулируемую правилами конкретного медиативного учреждения. Либо в договор должны быть включены подробные положения, касающиеся начала и окончания процедуры медиации. В соглашении должно быть ясно указано, какое конкретное событие вызывает право сторон на передачу спора в суд (арбитраж). Это может быть истечение определенного периода времени с начала медиации (событие, которое также должно быть определено) или прекращение процесса медиации. Если прекращение медиации указано в качестве триггера, то следует указать, каким образом или способами медиация прекращается или может быть прекращена.

Основное последствие нарушения соглашения об АРС-процедуре – приостановление судопроизводства. Однако особенность позиции судов Великобритании состоит в том, что судьи наделяются значительной степенью усмотрения при решении вопроса о необходимости приостановления производства по делу в указанных обстоятельствах, иными словами, полномочия суда приостановить носят дискреционный характер. Вместе с тем для отказа в реализации судом соглашения (приостановления производства) требуются веские основания: низкая вероятность того, что процедура приведет к какому-либо результату, либо необоснованное затягивание ответчиком заявления ходатайства о приостановлении разбирательства.

Примечания

¹ URL: <https://pravo.ru/story/239027/>

² Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ В качестве иллюстрации увеличения количества категорий таких дел за последние 5 лет можно привести широкий круг споров о выплатах по договору ОСАГО (п. 5.1 ст. 14.1, п. 1 ст. 16.1, абз. 3 п. 1 ст. 16.1, п. 3 ст. 19, абз. 2 п. 4 ст. 19 Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных

средств»), большой массив дел о защите прав потребителей финансовых услуг (ч. 2 ст. 25 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»), споры о назначении обеспечения по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев и профзаболеваний (ст. 15.2 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»), споры в области физической культуры и спорта (ст. 36.5 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»), обжалование решений контрольного (надзорного) органа, действий или бездействия его должностных лиц, за исключением обжалования гражданами, не осуществляющими предпринимательской деятельности (ч. 2 ст. 39, ч. 13 ст. 98 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»), Постановление Правительства РФ от 28.04.2021 № 663).

⁴ Так, Председатель ВС РФ В. Лебедев заявил, что уже подготовлен проект закона о внесудебной процедуре взыскания налоговой задолженности с физлица, не являющегося индивидуальным предпринимателем. По нему должник сможет в течение месяца со дня получения решения о взыскании задолженности направить в налоговый орган письменные возражения. Если такие возражения есть, то взыскание может быть осуществлено только в судебном порядке. Глава Совета судей РФ В. Момотов предложил ввести обязательное досудебное урегулирование споров между дольщиками и застройщиками. Кроме того, Совет судей РФ предлагает наделить суд правом направлять стороны к судебному примирителю в ходе судебного производства, по словам В. Момотова, «в целом необходимо расширять круг споров, по которым стороны обязаны использовать досудебное урегулирование, которое при этом не должно ограничиваться только претензионным порядком» (URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/30563/).

⁵ Стороны могут в любое время, без ущерба для любого другого разбирательства, попытаться урегулировать любой спор, возникающий из настоящего договора или в связи с ним, в соответствии с Правилами ИСС.

⁶ В случае возникновения любого спора, вытекающего из настоящего договора или в связи с ним, стороны соглашаются в первую очередь обсудить и рассмотреть вопрос о передаче спора в соответствии с Правилами ИСС.

⁷ (х) В случае возникновения любого спора, вытекающего из настоящего договора или в связи с ним, стороны должны сначала передать спор для рассмотрения в соответствии с Правилами ИСС. Начало процедуры, в соответствии с Правилами ИСС, не препятствует любой стороне начать арбитражное разбирательство в соответствии с подпунктом у ниже. (у) Все споры, возникающие из настоящего договора или в связи с ним, подлежат окончательному разрешению в соответствии с Арбитражным регламентом Международной торговой палаты одним или несколькими арбитрами, назначенными в соответствии с указанными Правилами.

⁸ Текст оговорки: (1) ...спор или разногласие по просьбе работодателя или подрядчика в первую очередь передается в письменной форме и разрешается группой из трех человек (действующих в качестве независимых экспертов, но не в качестве арбитров), которые изложат свое решение в письменной форме...

(2) ...решение является окончательным и обязательным для исполнения подрядчиком и работодателем, за исключением случаев, когда спор или разногласие переданы в арбитраж, как указано ниже.

(3) ...если либо заказчик, либо подрядчик не удовлетворены решением комиссии, или комиссия не дает единогласное решение в течение 90 дней, или любое единогласное решение комиссии не вступило в силу в соответствии с пунктом 67(2), то либо работодатель, либо подрядчик могут в течение 90 дней после получения уведомления о таком решении или в течение 90 дней после истечения указанного периода в 90 дней или такого другого периода, который может быть согласован с работодателем и подрядчиком (в зависимости от обстоятельств), уведомляет другую сторону в письменной форме о том, что спор или разногласие должны быть переданы в арбитраж. Если ни одна из сторон не направила такое уведомление другой стороне в течение таких периодов, решение комиссии остается окончательным и обязательным для сторон.

⁹ Centre for Effective Dispute Resolution.

¹⁰ Текст оговорки: 24.1 Если между Продавцом и Покупателем возникает какой-либо спор, касающийся строительства или обустройства жилого дома и/или имущества, любая из сторон должна по письменному запросу другой стороны попытаться разрешить такой спор (и если в той мере, в какой этот предмет спора относится к компетенции Службы разрешения споров NHBC) посредством примирения со стороны NHBC.

24.2 Если и в той мере, в какой спор выходит за рамки компетенции Службы разрешения споров NHBC, такой спор настоящим передается в арбитраж в соответствии с Арбитражной схемой NHBC, действующей на дату настоящего документа.

24.3 Споры или части спора, которые выходят за рамки обычной сферы применения Арбитражной схемы NHBC, передаются на рассмотрение в арбитраж, и правила, применимые к этим спорам или частям споров, определяются арбитром.

24.4 Если споры или части споров, выходящие за рамки Арбитражной схемы NHBC, совпадают со спорами, подпадающими под эту сферу, то все споры должны рассматриваться одним и тем же арбитром в одно и то же время.

24.5 Резолюция расследователя NHBC не должна препятствовать тому, чтобы сторона впоследствии передала тот же самый спор или его часть в арбитраж.

24.6 Вынесение резолюции расследователем NHBC является предварительным условием для любого права на передачу дела в арбитраж в соответствии с настоящим документом, за исключением того, что это условие может быть отменено по согласию сторон.

¹¹ Пункт 6А: «Если возникает какой-либо спор или разногласие по настоящему Контракту или в связи с ним, если стороны договорились об этом, спор или разногласие могут быть переданы на рассмотрение в соответствии с положениями пункта 39В».

Пункт 6В: «С учетом статей 5 и 6А, если какой-либо спор или разногласие по какому-либо вопросу или предмету любого характера, возникающие по настоящему Контракту или в связи с ним, возникают между Сторонами либо в ходе выполнения, либо после завершения или прекращения Работ или после определения найма Подрядчика, это должно быть определено в судебном порядке, и стороны настоящим безоговорочно подчиняются неисключительной юрисдикции английских судов».

39.1 Любая сторона может сообщить другой стороне о любом споре или разногласии как о вопросе, который, по ее мнению, может быть разрешен путем медиации, и, по запросу, другая сторона должна в течение семь дней сообщить, согласна ли она участвовать в медиации с целью разрешения спора или разногласия. Целью посредничества в соответствии со статьей 39 должно быть достижение обязывающего соглашения в разрешении спора или разногласия.

39.2 Медиатор или выбор способа его назначения определяется по соглашению сторон.

¹² Текст оговорки: Стороны будут стремиться к тому, чтобы разрешить его мирным путем с помощью медиации. Последняя может быть прекращена (1) по желанию любой стороны путем письменного уведомления назначенного посредника и другой стороны об этом. Уведомление о прекращении может быть вручено в любое время после первой встречи или обсуждения в рамках посредничества. Если (2) спор не был разрешен к удовлетворению любой из сторон в течение 90 дней с момента вручения уведомления о начале медиации, или (3) если какая-либо из сторон не может или отказывается участвовать в медиации, или (4) если какая-либо из сторон направляет письменное уведомление о прекращении медиации в соответствии с настоящим пунктом, то любая из сторон может передать спор в арбитраж.

¹³ Текст оговорки: (а) Любой спор или разногласие, описанные в Разделе 14.2, в первую очередь должны быть переданы на рассмотрение Главе исполнительной власти в попытке урегулировать такой спор или разногласие путем полюбовного примирения или в неофициальном порядке. Примирение, предусмотренное в настоящем Разделе 14.3, должно применяться, несмотря на то, что ГТЛ может быть стороной в рассматриваемом споре или разногласии.

(б) Главный исполнительный директор должен попытаться разрешить спор или разногласие мирным путем. Любая сторона может подать запрос на такое примирение в отношении любого такого спора или разногласия, и Главный исполнительный директор должен иметь до одного (1) месяца после получения такого запроса, чтобы попытаться его разрешить.

(с) Если спор или разногласие не будут разрешены в течение одного (1) месяца после подачи материалов Генеральному директору, они должны быть переданы Группе из трех (3) членов Совета, которые будут выбраны Советом, ни один из которых должен быть связан или каким-либо иным образом связан с Фирмой-членом или Фирмами-членами, которые являются сторонами спора или разногласий. У Группы будет до одного (1) месяца, чтобы попытаться разрешить спор или разногласие.

(д) Ни одна из сторон не может начинать арбитражное разбирательство до того момента, когда Группа решит, что она не может разрешить спор или разногласие, или до даты, наступившей через месяц после того, как ей была передана просьба о примирении спора или разногласия, в зависимости от того, что произойдет раньше процедур, в соответствии с настоящим Соглашением.

¹⁴ Текст оговорки: 11.1 В случае любого спора или претензии, возникающих из или в связи с настоящим Контрактом или в соответствии с ним... Стороны должны сначала попытаться разрешить спор или претензию путем дружеского обсуждения. Любая сторона может уведомить другую сторону о своем желании вступить в консультацию для разрешения спора или претензии. Если между Сторонами не может быть достигнуто соглашение в течение непрерывного периода в 4 (четыре) недели, сторона, не нарушившая обязательства, может применить арбитражную оговорку и передать спор в арбитраж.

11.2 Все споры, возникающие в связи с настоящим Контрактом, подлежат окончательному разрешению в арбитраже в соответствии с Арбитражным регламентом Международной торговой палаты («ICC»).

¹⁵ Текст оговорки: 11.1.1 Стороны сначала приложат соответствующие разумные усилия для разрешения любого Спора, который может возникнуть в связи с настоящим Соглашением или в связи с ним или любым его нарушением, в соответствии с настоящим пунктом. Если какой-либо такой Спор не может быть урегулирован мирным путем посредством обычных переговоров в сроки, приемлемые для Клиента и Опен, любая из Сторон может передать Спор Менеджерам по контрактам, которые должны встретиться и приложить разумные усилия для разрешения Спора.

11.1.2 На этапе разработки и внедрения любые споры должны в первую очередь рассматриваться лицами, указанными в пункте 22.1. Если такая эскалация не приводит к разрешению Спора, то Спор передается на рассмотрение исполнительным комитетам соответственно Клиента и Опена. Если передача в исполнительный комитет не приводит к разрешению Спора, то Спор передается для разрешения на рассмотрение в соответствии с Типовой процедурой медиации Центра разрешения споров (CEDR), действующей на данный момент. Если Стороны не могут разрешить Спор путем медиации, любая из Сторон может обратиться в суд.

Список источников

1. Князев Д.В. Процессуальные последствия несоблюдения досудебного порядка, предусмотренного договором: закон нужно менять // Современное право. № 7. 2022. С. 80–86.
2. Arbitration Act 1996. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/23/contents>
3. The Civil Procedure Rules 1998. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/1998/3132/contents>
4. Practice Direction – Pre-Action Conduct and Protocols. URL: https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/pd_pre-action_conduct
5. The Unfair Contract Terms Act 1977 (UCTA). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50>
6. The Employment Rights Act 1996 (ERA 1996). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/18/contents>
7. The Employment Tribunals Act 1996. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/17/contents>
8. Advisory, Conciliation and Arbitration Service (Acas). URL: <https://www.acas.org.uk/>
9. The Consumer Rights Act 2015 (CRA). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/15/contents/enacted>
10. Alternative Dispute Resolution for Consumer Disputes (Competent Authorities and Information) Regulations 2015. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2015/542/contents/made>
11. Limitation Act 1980. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1980/58>
12. Sale of Goods Act 1979. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/54>
13. Supply of Goods and Services Act 1982. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1982/29>
14. Consumer Contracts (Information, Cancellation and Additional Charges) Regulations 2013. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2013/3134/contents/made>
15. Courtney and Fairbairn Ltd. v Tolaini Brothers (Hotels) Ltd., [1975] 1 All ER 716. URL: [https://casebrief.fandom.com/wiki/Courtney_and_Fairbairn_Ltd_v_Tolaini_Brothers_\(Hotels\)_Ltd](https://casebrief.fandom.com/wiki/Courtney_and_Fairbairn_Ltd_v_Tolaini_Brothers_(Hotels)_Ltd)
16. Channel Group v Balfour Beatty Ltd. [1993] Adj.L.R. 01/21. URL: <http://expertdeterminationelectroniclawjournal.com/wp-content/uploads/2017/04/Channel-Tunnel-Group-Ltd-Anor-v-Balfour-Beatty-Construction-Ltd-v-Ors-1993-AC-334.pdf>
17. Cott UK Ltd v FE Barber Ltd [1997] 3 All ER 540
18. Alyson Carrel, ADR Clause by Any Other Name Might Smell as Sweet: England's High Court of Justice Queens Bench Attempts and Fails to Define What Is Not an Enforceable ADR Clause - Cable 7 & (and) Wireless Plc v. IBM United Kingdom Ltd, An, 2003 J. Disp. Resol. (2003).
19. Lee J. Enforcing an ADR Clause: Cott UK Ltd v Barber Ltd. // Singapore Journal of Legal Studies. 1999. P. 257–264.
20. Halifax Fin. Serv. Ltd., v. Intuitive Sys. Ltd., 119991 1 All E.R. 303 (Q.B. 1998). URL: <http://www.nadr.co.uk/articles/published/AdrLaw-Rep/HALIFAX.pdf>
21. Dwyer Déirdre M. The Civil Procedure Rules Ten Years on. Oxford ; New York : Oxford UP, 2009.

22. Cable & Wireless Plc v IBM United Kingdom Ltd. [2002] EWHC 2059 (Comm) (11 October 2002). URL: <https://www.bailii.org/cgi-bin/markup.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Comm/2002/2059.html>
23. Holloway & Anor v Chancery Mead Ltd [2007] EWHC 2495 (TCC) (30 July 2007). URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/TCC/2007/2495.html>
24. Balfour Beatty Construction Northern Ltd v Modus Corovest (Blackpool) Ltd [2008] EWHC 3029 (TCC) (04 December 2008) <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/TCC/2008/3029.html>
25. Sulamerica CIA Nacional De Seguros SA & Ors v Enesa Engenharia SA & Ors [2012] EWCA Civ 638 (16 May 2012) URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2012/638.html>
26. Wah (Aka Alan Tang) & Anor v Grant Thornton International Ltd & Ors [2012] EWHC 3198 (Ch) (14 November 2012). URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2012/3198.html>
27. Emirates Trading Agency Llc v Prime Mineral Exports Private Ltd [2014] EWHC 2104 (Comm) (01 July 2014). URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2014/2104.html>
28. Ohpen Operations UK Ltd v Invesco Fund Managers Ltd [2019] EWHC 2246 (TCC) (16 August 2019). URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/TCC/2019/2246.html>
29. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2021. 416 с.
30. Petsche M. The enforceability of mediation clauses: A critical analysis of English case law // Journal of Strategic Contracting and Negotiation. 2021. Vol. 5 (1–2). P. 43–59. doi: 10.1177/20555636211017415
31. Senior Courts Act 1981. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/54/contents>

References

1. Knyazev, D.V. (2022) Protssessual'nye posledstviya nesoblyudeniya dosudebnogo poriyadka, predusmotrennogo dogovorom: zakon nuzhno menyat' [Procedural consequences of non-compliance with the pre-trial procedure provided for by the contract: the law needs to be changed]. *Sovremennoe pravo*. 7.
2. Legislation.gov.uk. (1996) *Arbitration Act 1996*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/23/contents>
3. Legislation.gov.uk. (1998) *The Civil Procedure Rules 1998*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/1998/3132/contents>
4. Justice.gov.uk. (n.d.) *Practice Direction – Pre-Action Conduct and Protocols*. [Online] Available from: https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/pd_pre-action_conduct
5. Legislation.gov.uk. (1977) *The Unfair Contract Terms Act 1977 (UCTA)*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50>
6. Legislation.gov.uk. (1996) *The Employment Rights Act 1996 (ERA 1996)*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/18/contents>
7. Legislation.gov.uk. (1996) *The Employment Tribunals Act 1996*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/17/contents>
8. Acas.org.uk. (n.d.) *Advisory, Conciliation and Arbitration Service (Acas)*. [Online] Available from: <https://www.acas.org.uk/>
9. Legislation.gov.uk. (2015) *The Consumer Rights Act 2015 (CRA)*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/15/contents/enacted>
10. Legislation.gov.uk. (2015) *Alternative Dispute Resolution for Consumer Disputes (Competent Authorities and Information) Regulations 2015*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2015/542/contents/made>
11. Legislation.gov.uk. (1980) *Limitation Act 1980*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1980/58>
12. Legislation.gov.uk. (1979) *Sale of Goods Act 1979*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/54>
13. Legislation.gov.uk. (1982) *Supply of Goods and Services Act 1982*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1982/29>
14. Legislation.gov.uk. (2013) *Consumer Contracts (Information, Cancellation and Additional Charges) Regulations 2013*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2013/3134/contents/made>
15. Casebrief. (n.d.) *Courtney and Fairbairn Ltd. v Tolaini Brothers (Hotels) Ltd., [1975] 1 All ER 716*. [Online] Available from: [https://casebrief.fandom.com/wiki/Courtney_and_Fairbairn_Ltd._v_Tolaini_Brothers_\(Hotels\)_Ltd](https://casebrief.fandom.com/wiki/Courtney_and_Fairbairn_Ltd._v_Tolaini_Brothers_(Hotels)_Ltd)
16. Expert Determination Electronic Law Journal. (2017) *Channel Group v Balfour Beatty Ltd. [1993] Adj.L.R. 01/21*. [Online] Available from: <http://expertdeterminationelectroniclawjournal.com/wp-content/uploads/2017/04/Channel-Tunnel-Group-Ltd-Anor-v-Balfour-Beatty-Construction-Ltd-v-Ors-1993-AC-334.pdf>
17. *Cott UK Ltd v FE Barber Ltd [1997] 3 All ER 540*
18. *J. Disp. Resol.* (2003) Alyson Carrel, ADR Clause by Any Other Name Might Smell as Sweet: England's High Court of Justice Queens Bench Attempts and Fails to Define What Is Not an Enforceable ADR Clause – Cable 7 & (and) Wireless Plc v. IBM United Kingdom Ltd, An, 2003
19. Lee, J. (1999) Enforcing an ADR Clause: *Cott UK Ltd v Barber Ltd. Singapore Journal of Legal Studies*. pp. 257–264.
20. NADR. (1998) *Halifax Fin. Serv. Ltd., v. Intuitive Sys. Ltd., 119991 1 All E.R. 303 (Q.B. 1998)*. [Online] Available from: <http://www.nadr.co.uk/articles/published/AdrLawRep/HALIFAX.pdf>
21. Dwyer Déirdre M. (2009) *The Civil Procedure Rules Ten Years on*. Oxford; New York: Oxford UP.
22. BAILII. (2002) *Cable & Wireless Plc v IBM United Kingdom Ltd. [2002] EWHC 2059 (Comm) (11 October 2002)*. [Online] Available from: <https://www.bailii.org/cgi-bin/markup.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Comm/2002/2059.html>
23. BAILII. (2007) *Holloway & Anor v Chancery Mead Ltd [2007] EWHC 2495 (TCC) (30 July 2007)*. [Online] Available from: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/TCC/2007/2495.html>
24. BAILII. (2008) *Balfour Beatty Construction Northern Ltd v Modus Corovest (Blackpool) Ltd [2008] EWHC 3029 (TCC) (04 December 2008)*. [Online] Available from: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/TCC/2008/3029.html>
25. BAILII. (2012) *Sulamerica CIA Nacional De Seguros SA & Ors v Enesa Engenharia SA & Ors [2012] EWCA Civ 638 (16 May 2012)*. [Online] Available from: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2012/638.html>
26. BAILII. (2012) *Wah (Aka Alan Tang) & Anor v Grant Thornton International Ltd & Ors [2012] EWHC 3198 (Ch) (14 November 2012)*. [Online] Available from: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2012/3198.html>
27. BAILII. (2014) *Emirates Trading Agency Llc v Prime Mineral Exports Private Ltd [2014] EWHC 2104 (Comm) (01 July 2014)*. [Online] Available from: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2014/2104.html>
28. BAILII. (2019) *Ohpen Operations UK Ltd v Invesco Fund Managers Ltd [2019] EWHC 2246 (TCC) (16 August 2019)*. [Online] Available from: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/TCC/2019/2246.html>
29. Kurochkin, S.A. (2021) *Tretyeskoie razbiratel'stvo i mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh* [Arbitration proceedings and international commercial arbitration]. 2nd ed. Moscow: Statut.
30. Petsche, M. (2021) The enforceability of mediation clauses: A critical analysis of English case law. *Journal of Strategic Contracting and Negotiation*. 5 (1–2). pp. 43–59. doi: 10.1177/20555636211017415
31. Legislation.gov.uk. (n.d.) *Senior Courts Act 1981*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/54/contents>

Информация об авторе:

Князев Д.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского процесса Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); зав. кафедрой гражданского процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Kdv1979@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Kniazev, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); head of the Department of Civil Procedural Law, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kdv1979@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.04.2023;
одобрена после рецензирования 08.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 12.04.2023;
approved after reviewing 08.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

Научная статья
УДК 342.4, 342.722.3, 342.82
doi: 10.17223/15617793/494/24

Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация в современной доктрине и практике: теоретические, методологические и сравнительно-правовые аспекты

Игорь Александрович Кравец¹

¹ *Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия, kravigor@gmail.com*

Аннотация. Обсуждаются природа и предназначение коммуникативного конституционализма, гносеологические, аксиологические и коммуникативные основы конституционной мобилизации, проблема конституционного прогнозирования и научной обоснованности конституционной реформы как публично-правового явления. Раскрываются научные дискуссии и спорные аспекты конституционной коммуникации в публично-правовом пространстве на основе российских и международных исследований, практики сравнительных конституционных изменений и осуществления конституционной реформы в пределах национальной юрисдикции. Используются делиберативный и эпистемологический подходы, методы диалектического материализма, критических исследований в области права, формально-юридического, конкретно-исторического, сравнительного конституционно-правового и комплексного анализа.

Ключевые слова: коммуникативный конституционализм, конституционная мобилизация, информационное общество, конституционализация, алгоритмическое общество, цифровой конституционализм, делиберативная демократия, императивная демократия

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

Для цитирования: Кравец И.А. Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация в современной доктрине и практике: теоретические, методологические и сравнительно-правовые аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 224–238. doi: 10.17223/15617793/494/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/24

Communicative constitutionalism and constitutional mobilization in modern doctrine and practice: Theoretical, methodological and comparative legal aspects

Igor A. Kravets¹

¹ *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation,
kravigor@gmail.com*

Abstract. The article discusses the nature and purpose of communicative constitutionalism, epistemological, axiological and communicative foundations of constitutional mobilization, the problem of constitutional forecasting and scientific validity of constitutional reform as a public legal phenomenon; reveals scientific discussions and controversial aspects of constitutional communication in the public legal space based on Russian and international research, practice of comparative constitutional change and implementation of constitutional reform within national jurisdiction. The author reveals the theoretical, legal, domestic, comparative and international foundations of communicative constitutionalism; notes the problem of the legal regulation and the creation of state legal guarantees for the participation of citizens, their associations in the processes of constitutional development, constitutional communication and constitutional mobilization. The author believes that the doctrine of communicative constitutionalism is based on a number of values that are already enshrined in the Russian Constitution, but require an adaptive approach in terms of the use of legal and information technologies and technologies for the participation of citizens and their associations in the processes of constitutional development and constitutional changes. These values include the values of democratic participation, public debate and political decision-making after full discussion, disavowal of secret decisions or forms of their adoption if such decisions do not relate to issues of national, public or personal security; use of the institution of public and scientific opinion for the purpose of identifying the scientific basis and social significance of the decisions being

discussed and made in the constitutional sphere. The author examines the scientific discussion about communicative constitutionalism, the relationship between the ideas of deliberative participation and democracy and the technological achievements of the information and algorithmic society, and about the integration of constitutional law, legal communication and forms of democracy. Particular attention is paid to the analysis of models of constitutional mobilization in the modern world, especially based on the experience of Ireland, Iceland, Russia. The author reveals constitutional crowdsourcing as the latest model, which combines traditional and new information and digital technologies, forms of imperative and deliberative democracy and creates conditions for the emergence of new forms of expression of popular constituents. The author uses deliberative and epistemological approaches, methods of dialectical materialism, critical research in the field of law, formal legal, concrete historical, comparative constitutional legal and complex analysis, as well as the method of constitutional design.

Keywords: communicative constitutionalism, constitutional mobilization, information society, constitutionalization, algorithmic society, digital constitutionalism, deliberative democracy, imperative democracy

Financial support: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, research project No 23-28-00627, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00627/>: Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: The problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms).

For citation: Kravets, I.A. (2023) Communicative constitutionalism and constitutional mobilization in modern doctrine and practice: Theoretical, methodological and comparative legal aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 224–238. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/24

Введение

Введение в научный оборот в сфере конституционной юриспруденции и в публично-правовом пространстве новых концептов – коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация предполагает новое качество важнейших конституционно-правовых институтов, развитие доктрины современного конституционализма, появление новых векторов и методологии анализа процесса конституционных изменений, подготовки и осуществления конституционной реформы, создание научно обоснованных подходов к конституционному прогнозированию¹.

Коммуникативный конституционализм развивается как парадигма конституционного вовлечения граждан, профессионального и экспертного сообщества, институтов гражданского общества и институтов публичной власти в процесс конституционного обсуждения, конституционного мониторинга и конституционной мобилизации. Формирование нормативных, процедурных и интеллектуальных основ конституционной коммуникации в первые два десятилетия XXI в. основывается на применении современных (информационных и цифровых) и традиционных технологий, форм императивной и делиберативной демократии.

Коммуникативный конституционализм в международной дискуссии и отечественной юриспруденции

Первые два десятилетия XXI в. показали значимость национальной конституционной юрисдикции, возвышающуюся роль конституционного права в обеспечении государственного суверенитета и национальных интересов различных государств. Сомнения в том, что конституционное право уступает свое место международному публичному праву и международному праву в области прав человека с учетом текущей международной обстановки и напряженности в межгосударственных отношениях,

в значительной степени не оправдались. Следует отметить, что позитивные и проблемные стороны юридической глобализации оказались на перекрестке течений, которые показали нерешенные публично-правовые вопросы относительно влияния конституционализма на глобальный правовой порядок, распространения в международной практике различных моделей либерального и нелиберального конституционализма, дальнейшего развития информационного общества и вызревания в его недрах алгоритмического общества со своим набором рисков и трудностей юридического оформления гарантий использования искусственного интеллекта в интересах людей, отдельных государств и наднациональных институтов.

Конституционализм как правовая концепция в современных исследованиях развивается с позиций *многомерного явления*. В определенном смысле конституционализм приобретает характер *мега-парадигмы* в процессе научного осмысления *многообразных конституционных явлений* в современном мире [1], задавая программу коммуникативных научных и публично-правовых возможностей. Хотя сама *многомерность* явления может иметь *структуру* (доктрина, ценности, принципы, институты и практика), феномен конституционализма приобретает характер *полимодальной структуры*, когда мы обращаемся к широкой конституционной карте мира, к территориальным разнообразиям, к национальной и региональной специфике не только в пределах отдельных государств и их групп, но и в отношении складывающихся *межрегиональных различий* и *глобальных конституционных систем* на Юге и Севере, на Западе и Востоке. Как справедливо отмечают авторы коллективной монографии, «ценности и принципы конституционализма получили нормативное закрепление и предопределяют содержание позитивного права, служат критерием для оценки действующего законодательства» в различных странах и частях современного мира, так как «конституционализм развивается в единстве и противоположности универсального и особенного, регионального и национального» [2. С. 5].

На современной юридической карте мира наблюдается сегментация и локализация национальных правовых систем, происходит смена приоритетов в вопросе о том, как соотносится внутригосударственное и международное право. Повсеместно возникает сфера ограниченного действия норм и принципов международного права, государства смещают международную политику в пользу отказа от универсальных международных договоров и переходят к двухсторонним или региональным (межрегиональным) международным организациям. На Глобальном Юге и Глобальном Востоке, в Центральной и Восточной Европе многие государства демонстрируют намерения в сфере *конституционного популизма и конституционного патриотизма*. Возникает тренд создания *института общественного участия в конституционных изменениях*, в обсуждении и принятии решений в публично-правовой сфере. В научном сообществе осознается *проблема правового регулирования и создания государственно-правовых гарантий участия граждан, их объединений в процессах конституционного развития, конституционной коммуникации и конституционной мобилизации*. Эти концепты являются относительно новыми для отечественной и мировой конституционно-правовой науки.

Исследование конституционной мобилизации и коммуникативного конституционализма в публичной политической и правовой сферах направлено на решение *фундаментальной научной задачи* оптимизации взаимосвязанных процессов: с одной стороны, *модернизации политико-правовых институтов* в условиях «работы» сложных внутригосударственных и геополитических факторов, приводящих к сложным и комплексным взаимодействиям современной правовой и политической системы России с мировыми трендами формирования глобальной политики, глобального управления и глобального конституционализма; с другой стороны, стремлении российской публичной власти на федеральном уровне укрепить и оправдать «*перманентное суверенное государство*» с *долгим главой государства*, выработать стратегию адаптивного развития Российского государства в контексте прекращения членства в Совете Европы, развития евразийского сотрудничества (особенно с дружественными государствами на постсоветском пространстве), налаживания перспективных и ограниченных по стратегическому влиянию форм международной активности и «мостов участия» на геополитическом пространстве национальных интересов страны.

В методологическом и предметном плане исследование предполагает *комплексный, межотраслевой и системный анализ* влияния процессов конституционной мобилизации и коммуникативного конституционализма на нормативные основы и практику модернизации политико-правовых институтов законодательной и исполнительной власти на федеральном уровне в Российской Федерации. Демократизация и интернационализация конституционного права – важные и широко обсуждаемые тенденции в современной юриспруденции и международном конституционализме.

С одной стороны, в России, как и в других странах (в Казахстане и в Беларуси), осуществляются конституционные преобразования (или конституционная реформа), вектор *реформаторской конституционализации* выводит в публично-правовое пространство дилемму о сохранении верности конституции и поддержания конституционной легитимности органов публичной власти [3. С. 6], с другой стороны, претворяется в жизнь потребность и определенная модель конституционной модернизации страны, которая не может не основываться на конструктивных изменениях национальной конституции страны.

В условиях сложных международных отношений, снижения уровня и изменения направлений интеграционной политики государства возникают риски утраты векторов демократизации и интернационализации конституционного права. Выработывая новые нормативные основы конституционной идентичности благодаря проведению конституционной реформы 2020 г., Россия сталкивается с *проблемами в области публичного права и правопорядка*, решение которых усложняется условиями вхождения в Четвертую промышленную революцию, *развитием техногенной цивилизации, информационного и алгоритмического общества* и рисками *дегуманизации права и правопорядка*.

С момента вхождения России в состав Совета Европы и вплоть до выхода из него (в 2022 г.) *конституционная идентичность* как Российского государства, так и публично-правового сегмента российской юриспруденции и (с позиций конституционных принципов организации и деятельности, закрепленных в Конституции РФ 1993 г.) формировалась в *диалоге с европейским правовым пространством* [4. С. 814], который учитывал некоторые отечественные государственно-правовые традиции и определял перспективы развития российского конституционализма в контексте *гуманизации, демократизации и интернационализации права и правопорядка*.

Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» заложил нормативные и институциональные основы конституционной реформы 2020 г. Данная реформа предложила по-новому осмыслить *природу, цели, предназначение, институциональный дизайн и будущее российского конституционализма*, обозначив ряд ключевых проблем в публично-правовой и политической сфере: среди них роль конституционной реформы в изменении легитимности политического режима в России [5. С. 15]; влияние на систему правосудия, высшие судебные инстанции и конституционное правосудие [6. С. 7; 7. С. 3]; работа принципа единства системы публичной власти и динамические возможности вертикали исполнительной власти [8. С. 3]; значение формирования новых нормативных основ для транзита публичной власти на федеральном уровне [9. С. 3; 10. С. 3]; конституционализация *новых* традиционных ценностей в духовной сфере, религии и в области культуры [11. С. 3]; осмысление преемственности поста

главы государства в российских и сравнительно-правовых реалиях [12. С. 27]; критическое переосмысление новых тенденций в конституционном праве (децентрализация, централизация местного самоуправления, дивергенция российской правовой системы, архаизация традиционных ценностей и др.) [13. С. 15]; проблемы формирования предпринимательского конституционализма и конституционализации предпринимательской деятельности и статуса юридического лица [14. С. 10]; порядок подготовки и реализации конституционной реформы и перспективы новой конституционной реформы, обоснование необходимости принятия новой конституции [15, 16] и ряд других.

В *российском конституционном праве* под влиянием осложнившейся международной обстановки, СВО и усиления международных санкций появилась тенденция, связанная с *социальным торможением конституционной реформы 2020 г.*, частичным «замораживанием» *нормативно-правовых основ муниципальной реформы*, конструированием *конституционно-правовых основ противодействия антироссийским санкциям* [17. С. 2] в условиях значительного ограничения и применения государственно-правовых средств противодействия коррупции в рамках национальной юрисдикции.

Предложенная в научных исследованиях доктрина *коммуникативного конституционализма* питается в нормативном и аксиологическом плане целым рядом ценностей, которые нашли закрепление в Конституции РФ 1993 г. Они нуждаются в адаптивном подходе с точки зрения применения юридических, информационных технологий и технологий участия граждан и их объединений в процессах *конституционного развития и конституционных изменений*. К таким ценностям относятся ценности демократического участия, публичных дебатов и принятия политических решений после их всестороннего обсуждения, дезавуирование тайных решений или форм их принятия, если такие решения не относятся к вопросам национальной, общественной или личной безопасности, включенность института общественного и научного мнения для целей выявления научных основ и общественной значимости обсуждаемых и принимаемых решений.

Конституционные коммуникации в публично-правовом пространстве возникают на всех территориальных уровнях действия Конституции РФ, однако не все уровни нормативно-правового регулирования оснащены правовыми средствами для конституционной коммуникации. Конституционные коммуникации опираются на базовые ценности конституции, в случае Конституции РФ 1993 г. – на основы конституционного строя, на положения главы 2 о правах и свободах человека и гражданина. Они формируются и осуществляются в условиях *стабильного конституционного строя и демократического государства*, верифицируя верность конституционным нормам и принципам, возникая вследствие конституционного мониторинга и оценки действующих норм, но значимость конституционных коммуникаций также велика и в период кризиса *легитимности*, проведения конституционных

преобразований или частичных конституционных изменений, например в случае разработки и принятия поправок к Конституции или разработки и принятия новой конституции.

В случае конституционных изменений (в первую очередь формальных, но и неформальных) конституционные коммуникации служат антиконституционной *превенции* и предотвращают (в определенной степени) развитие *революционной парадигмы конституционализма*, снижая риски конституционных революций, выраженных в революционном преобразовании права, которое сопровождается экстраординарными действиями политических сил и социальных слоев [18. С. 6].

Проведенные исследования по вопросам влияния теории и практики делиберативной демократии на современное конституционное право России и отражения в конституционном развитии страны институтов делиберативного участия показывают, что коммуникационные возможности политического участия в конституционной модернизации страны ограничены подавляющим влиянием органов публичной власти, слабостью «гражданского элемента» (гражданского общества), участием института общественности в обсуждении уже внесенных конституционных проектов (проектов поправок к Конституции РФ) [19. С. 24–25]. Немалое значение имеют и намерения органов публичной власти в ходе реализации конституционной реформы 2020 г. использовать институт прямой демократии в виде общероссийского голосования без надлежаче закрепленного законодательного и шире – конституционно-правового основания. Развернувшаяся дискуссия о природе и границах, формах реализации конституционной реформы порождает выводы о том, что «представителями власти сознательно сужено применение институтов прямой демократии в конституционной модернизации» [20. С. 18].

Современная российская юриспруденция и наука конституционного права стоят перед проблемой создания *государственно-правовых и информационно-управленческих гарантий* конституционной коммуникации в общенациональном масштабе. Доктрина коммуникативного конституционализма (предлагаемая в данном исследовании) может стать нормативной основой для установления границ, процедур и форм конституционной коммуникации в процессе проведения в жизнь конституционных изменений. Доктрина *коммуникативного конституционализма* становится возможной благодаря доминирующему влиянию *теории коммуникативной деятельности* (ранее переводимой как *теория коммуникативного действия*) (Ю. Хабермаса), новым информационным и цифровым технологиям и повышенной востребованности различных форм участия общественности в публично-правовом пространстве.

Прескриптивный и дескриптивный конституционализм в ограниченной территориальной юрисдикции как *программа и практика* политико-правовой модернизации государства и общества не может быть завершенной картиной *мира конституционного*.

Здесь сказывается и упадок философской традиции о завершенности картины мира, и многообразие дискурсов и практик современного конституционализма, который может оцениваться в категориях не только нормативно-правовых и этических, институциональных и судебно-практических, но и в категориях *коммуникативной деятельности* вследствие широкого и повсеместного развития современных информационных технологий и практик участия общественности в публично-правовом пространстве. В частности, Ю. Хабермас указывал, что философская традиция, основанная на возможности «некой философской картины мира, стала проблематичной» сегодня; он называет такие картины мира «теоретическими суррогатами», которые «обесценены не только фактическим прогрессом эмпирических наук, но еще более – рефлексивным сознанием, сопровождавшим этот прогресс» [21. С. 25].

Коммуникативный конституционализм – это объяснительная концепция для сферы взаимодействия субъектов конституционного права, конституционных изменений; она связывает различные идеи *делиберативного участия* и *делиберативной демократии* с технологическими достижениями информационного и алгоритмического общества, которые применяются для целей выявления мнения граждан и других участников конституционных изменений, для создания *публично-правового поля обсуждения* конституционной модернизации страны, для выявления как моделей конституционного развития, так и для создания информационной и цифровой среды участия в процессах конституционных изменений.

Доктрина коммуникативного конституционализма в области права базируется на двух теориях: 1) *теории правовой коммуникации* [22, 23] с ее российской разновидностью (коммуникативной теорией права), оказавшей влияние на развитие российской теории права [24. С. 78]; 2) *теории делиберативного права* [25. Р. 612], или «*права делиберативной демократии*» [26], которая развивается в различных сегментах публично-правового пространства (например, в сфере избирательного права и избирательных технологий). В частности, по словам Пабло Маршалла, «теоретики совещательной демократии утверждают, что совещательные дебаты не только будут более уважительны к интересам всех участников, но и обеспечат лучший результат» [27. Р. 872]. Обращаясь к критическому осмыслению книги «Право делиберативной демократии» (авторы Рон Леви и Грэм Орт), он считает оправданным, что пора распространять на анализ выборов доктрину совещательной демократии; по его мнению, выход «на поле выборов, пространство, где традиционно преобладали теории, вдохновленные агонистическими отношениями», давно назрелое решение. Это различие между совещательной и агонистической демократией (*agonistic democracy*) «проходит через всю книгу», и авторы хорошо осознают его важность [27. Р. 872]. Различные проблемы избирательного законодательства и политики Леви и Орт в своей книге «Право делиберативной демократии» разбирают с новой точки зрения: *агонистическая демократия уступает место делиберативным подходам*; следовательно, традиционная

концепция политики как конфликта между правительством и оппозицией или между левыми и правыми партиями заменяется информационным полем обсуждения, использование языка обсуждения содействует выработке возможного согласия как меры политики. Информационное пространство и публично-правовое поле конституционной коммуникации формируются не только нормативно-правовым базисом, но и институтами публичной власти, гражданского общества, информационным и цифровым пространством, формами взаимодействия граждан, органов публичной власти и их должностными лицами, в том числе при подаче и рассмотрении обращений (как в электронной, так и в обычной письменной форме), предоставлении или получении государственных и муниципальных услуг, обсуждении общественных инициатив или проектов нормативных правовых актов, реализации правотворческих инициатив или инициативных проектов (на уровне отдельных муниципальных образований).

Для российской юриспруденции и правовой системы в целом характерна высокая *дисперсность* и *разрозненность* по источникам и уровням правового регулирования различных форм участия института общественности в обсуждении и решении публично-значимых вопросов. Несмотря на то, что в 2023 г. отмечается 30-летие Конституции РФ, по-прежнему не урегулированными остаются вопросы об *участии общественности в конституционных изменениях* и об *участии граждан в конституционной модернизации* страны. Нет ни конституционной, ни законодательной основы для *вовлечения граждан, профессионального и экспертного сообщества в процесс обсуждения даже желательности поправок к Конституции*, не говоря уже о проекте новой Конституции. Современный конституционализм требует, чтобы достижения и инструменты информационного и алгоритмического общества использовались при осуществлении форм императивной, делиберативной и партиципаторной демократии (демократии участия). *Для этого необходимо изменять нормативные и институциональные основы дизайна системы конституционализма в цифровую эпоху*. Конституционализм взаимодействует с демократическими формами организации и осуществления государственной и муниципальной власти; соединяясь с делиберативными формами участия, *конституционная нормативная теория* синтезируется в *доктрину делиберативного конституционализма* (R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King) [28].

Коммуникативный конституционализм как концепция требует дальнейшего развития и в системе науки конституционного права, и в системе коммуникативно-информационных знаний. Эта концепция имеет несколько *научных источников* из различных областей знаний: философии (в том числе политической философии, особенно теории коммуникативной деятельности), политической науки (концепция делиберативной демократии и демократии участия), юриспруденции (включая и философию права, например, теория конституционализма, конституционного ди-

зайна, конституционных изменений, коммуникативные теории права), информатики, информационных технологий и информационного права (теории информационного и алгоритмического общества), интернет-технологий (включая краудсорсинг и др.).

Следовательно, *коммуникативный конституционализм* – гибридный концепт, предназначенный для исследования и объяснения различных форм участия в процессах конституционного мониторинга, конституционных обсуждений и конституционных изменений в условиях информационного и алгоритмического общества.

Конституция в мобилизационном процессе: правовые, политические и информационные аспекты конституционной мобилизации

Вопросы организации и проведения конституционной реформы как в рамках российской юрисдикции, так и в контексте широкой панорамы сравнительных конституционных преобразований занимают важное, но пока до конца недооцененное место в системе научных знаний и в системе правового регулирования в отечественной правовой системе [29–31], в том числе и когда речь заходит о понимании субъектов права на конституционную модернизацию и границах нормативных возможностей участников конституционных изменений. Опыт конституционных реформ, состоявшихся в странах в первой четверти XXI столетия, свидетельствует о следующих тенденциях:

1. Происходит расширение круга участников конституционных изменений в различных юрисдикциях; это возобновляемый процесс (постепенный и неумолимый), но часто без фиксации такого расширения в нормативной структуре конституции (может не отражаться в тексте конституции).

2. Оценка динамики вовлечения института общественности в конституционную модернизацию страны не может быть исключительно положительной (есть проблемы с качеством экспертного и профессионального мнения); вместе с тем само расширение представительности граждан и институтов гражданского общества заслуживает поддержки (по большей части), однако требует внимательного правового регулирования внутрисударственными актами, так как каких-либо нормативных требований современное международное публичное право в качестве неоспоримых стандартов не выработало.

3. Возникают риски конституционного популизма в виде *популистского конституционализма* в тех случаях, когда органы публичной власти расширяют социальное поле политического и конституционного вовлечения как в устойчивых демократиях, так и при авторитарном и нелиберальном конституционализме.

4. Из опыта отдельных малых демократий (подобных Исландии и Ирландии) следует, что возникает *неоднозначный результат* участия института общественности в конституционных изменениях страны. С одной стороны, может быть значительным успех в во-

просах предварительного обсуждения конституционных поправок на ассамблеях общественности и их позитивное принятие на конституционных императивных референдумах, в частности об этом говорит опыт Ирландии по внесению поправок в Конституцию страны. С другой стороны, новации в конституционном проектировании (например, при создании проекта новой Конституции в Исландии), когда использовались *процедуры краудсорсинга и совместно написания текста конституции с участием обычных граждан и органов публичной власти*, наделенных учредительными полномочиями, не гарантируют позитивный итоговый результат. Опыт Исландии в сфере конституционного краудсорсинга привел к отрицательному конечному результату, и новая конституция посредством применения новейших информационных и цифровых технологий так и не была принята [32. Р. 251, 276; 33. С. 99–101].

Конституции в современных обществах регулируют различные области правовой, политической, экономической, социальной и культурных систем, претендуя на установление основополагающих принципов подсистем общества и принципов для разнообразных отраслей права. Учредительная и юридическая функции конституции хорошо проявляют себя как в отношении органов государства, их компетенции, самой территории государства, так и в отношении институтов гражданского общества, основ правового статуса личности. Однако *насколько нормы и принципы конституции участвуют в регулировании процессов мобилизации*, когда такие процессы затрагивают вопросы конституционной модернизации, обсуждения и принятия поправок к Конституции, выявления степени желательности конституционных изменений и принятия новой конституции? Чаще всего учредители, органы государства и публичные должностные лица, уполномоченные решать вопросы в сфере конституционной модернизации, смотрят на конституцию *как на текст и корпус правил*, которые следует изменить; конституция в этом случае объявляется *объектом преобразований*.

Международный тренд на расширение участия граждан, их объединений, гражданских инициатив в конституционных изменениях возродил интерес в сравнительном конституционном праве к вопросам конституционных преобразований и конституционной модернизации; поставил *институт конституционных изменений* в научно-исследовательское поле *сравнительного конституционализма*, по мнению международной группы ученых, появилась *новая область компаративистики – сравнительные конституционные изменения* [34. Р. 1–2]. Данная область конституционной компаративистики постепенно становится привлекательной парадигмой исследований, которая расширяет типологию современных конституций с позиций форм и методов формальных и неформальных изменений действующей конституции и конституционного правопорядка. Существует неочевидная, но прогнозируемая взаимосвязь между динамичным международным трендом на развитие *института участия обще-*

ственности в конституционных изменениях и появлением доктрины конституционной мобилизации наряду с уже активно используемыми в общественных науках теориями мобилизации (политической, социальной) и ее ветвью – правовой мобилизацией.

В сравнительное конституционное право категория «конституционная мобилизация» была введена совсем недавно благодаря усилиям нескольких ученых [35, 36]. За редким исключением сравнительные конституциональные исследования в значительной степени «игнорировали конституционную мобилизацию как тему» по некоторым причинам, среди которых наиболее важное значение имели: 1) *методологические основания*, вызванные различием исследовательских интересов юристов, конституционалистов, с одной стороны, и социологов, политологов, с другой стороны; 2) *трудности нормативного измерения процесса мобилизации*, особенно когда речь заходит о конституционной мобилизации в связи со значительным объемом пробелов в современных конституциях относительно вопросов регулирования субъектов, процедур и форм вовлечения в конституционные изменения в рамках национальной юрисдикции; 3) *отсутствие стабильного и расширяющегося тренда мобилизации конституции, ее норм и субъектов конституционного права* в процедуру конституционной модернизации страны вследствие, скорее, волнообразной динамики, расширения и угасания института общественного участия, наличия всплесков проявления конституирующей власти в ходе подготовки и реализации конституционных реформ, которые не выработывали устойчивых общепринятых правил или стандартов участия общественности, а, как правило, измерялись конечными результатами успехов в принятии поправок к конституции (как в Ирландии) или нивелировкой результатов вследствие не промульгирования новой конституции (как в Исландии).

Тем не менее *конституционная лексика* развивается вместе с проникновением в юридическую сферу новых понятий и категорий из смежных наук или в силу исследовательских интересов, или вследствие объективной потребности осмыслить и дифференцировать новые общественные отношения, которые были явными или латентными, однако не подвергались концептуализации с позиций конституционного права, доктрины конституционализма. Несмотря на то, что в науке конституционного права давно используются такие категории, как «конституционная реформа», «пересмотр конституции», «конституционные поправки», с конца XX в. стали вовлекаться в научный анализ сравнительно новые категории: «конституционная модернизация», «модернизация конституции», «преобразование конституции». XXI в. и новое тысячелетие открывают двери в новую область исследований в условиях динамических возможностей демократических институтов, народного конституционализма, современных политических форм популизма, которая может быть названа именем, сочетающим различные знания и такие области, как политическая социология, право и конституционализм. Имя этой научной категории –

«конституционная мобилизация». Современное конституционное право обогащается достижениями из области политологии, наук о жизни, информационных и цифровых систем, медицины и исследований когнитивных процессов. Новая область конституционных исследований может формироваться под влиянием различных факторов. Среди них следует отметить три ключевых: 1) фактор запроса на современные формы *конституционного популизма*; 2) фактор *волнообразного расширения исследовательского интереса к участию общественности* в различных процедурах конституционной модернизации, обсуждения желательности принятия поправок к Конституции или проекта новой Конституции [37]; 3) фактор *информатизации публично-правовых отношений*, связанных с использованием различных прав в информационно-телекоммуникационной системе на национальном уровне, в субфедеральном или муниципальном уровнях; 4) фактор *цифровизации конституционных и в целом публично-правовых отношений*, возникновение *цифрового конституционализма* [38], цифровых конституционных прав [39] и использование цифровых технологий для реализации гражданских, политических, социальных, культурных прав, в том числе посредством обращения к порталу государственных услуг, где многие услуги стали предоставляться, а права реализовываться в цифровом формате (мобильный избиратель, электронное голосование, подача заявления в онлайн-режиме и др.).

Конституционная мобилизация не исследуется в литературе по вопросам государственного управления и политического анализа, однако привлекает внимание в процессе исследования глобализирующегося и основанного на сетевых принципах политического мира. Следует признать, что возвышается роль государства и публично-правовых акторов в использовании средств и методов конституционной мобилизации; увеличивается влияние на публично-правовых акторов институтов гражданского общества, представителей гражданской активности; следовательно, появляется необходимость изучения и правового регулирования форм взаимодействия государства и институтов гражданского общества, граждан и их объединений как в общем процессе конституционной модернизации страны, так и в специфических условиях осуществления конституционной мобилизации для целей разработки, обсуждения и принятия поправок к Конституции или разработки нового проекта Конституции.

Концепции коммуникативного конституционализма и конституционной мобилизации предлагают преодолеть отмеченный дисбаланс посредством использования двух взаимосвязанных подходов: 1) путем пересмотра традиционных концепций конституционно-правового и политического анализа и применения их к формированию конституционной политики и политики конституционной модернизации; 2) посредством расширения новых рамок комплексного подхода, определяемого как системный институционализм, конституционный институционализм и конституционный дизайн. Данный подход связывает консти-

туционную политику с публичным управлением и государством и предлагает способы решения реальных проблем, в том числе через активизацию вовлечения различных групп граждан и институтов профессиональных сообществ и гражданского общества².

Важно сформулировать новые объект и предмет исследования, которые охватывают такие явления, как конституционная мобилизация и коммуникативный конституционализм. *Объект исследования* – общественные отношения, возникающие в сферах коммуникативного конституционализма и конституционной мобилизации, практики осуществления коммуникативных действий в информационном, правовом и политическом пространстве России в контексте сравнения с мировыми моделями конституционной модернизации и делиберативного участия и взаимодействия с европейским правовым и евразийским экономическим пространством. *Предмет исследования* – нормативные системы регулирования, институциональные механизмы, коммуникационные основы (информационные, технологические, электорально-процедурные) формирования и развития российской модели коммуникативного конституционализма и конституционной мобилизации в публично-правовом и информационном пространстве. Новизна предмета – в его неповторимой комбинации исследовательской проблематики и элементов, в междисциплинарном характере, фундаментальности используемых научных доктрин и научно-прикладном значении предполагаемых результатов исследования.

Современная доктрина конституционного права не только обогащается новыми идеями и концепциями, но и содействует *качественным изменениям* институционального дизайна и предназначения различных конституционно-правовых институтов. Как отмечает С.А. Авакьян, конституционное право становится ориентированным на развитие более тесных связей с обществом [40. С. 6]; предлагается авторская концепция проекта нового Основного закона страны [41].

В концепции коммуникативного конституционализма должна занять свое достойное место теория конституционного правопользования [42] и доктрина конституционного правопонимания [43], которые обеспечивают использование прав и свобод в публично-правовом пространстве ради достижения цели *активного вовлечения* в процесс конституционной коммуникации, *создания пространства обсуждения* по значимым конституционно-правовым вопросам и *выработки решений*, приемлемых как с позиций учета информационных и государственно-правовых интересов участников, так и с точки зрения учета рисков информационного и алгоритмического общества.

Возникает *предметное поле* коммуникативного конституционализма и конституционной мобилизации, которое имеет пересекающиеся сферы и динамические формы осуществления. Важнейшими *сферами общественных отношений*, которые входят в предметное поле коммуникативного конституционализма, являются следующие: 1) сфера *конституционно-делиберативного пространства*, в котором обсуждается же-

лательность разработки и принятия поправок к Конституции РФ с участием экспертного и научного сообщества, а также с привлечением граждан, институтов гражданского общества; 2) сфера *конституционно-петиционного пространства*, в котором реализуется право на обращение в уполномоченные органы публичной власти (на федеральном уровне прежде всего, но допустимо регулирование подобных обращений и в органы публичной власти субъектов РФ) с предложениями о принятии поправок к Конституции РФ, об изменении федеральных конституционных законов или федеральных законов, которыми затрагиваются права и свободы, а также обязанности человека и гражданина в РФ (*может быть специальный интернет-портал с аккумулярованием таких обращений*); 3) сфера *конституционных общественных инициатив*, в которой инициируются и обсуждаются общественные инициативы конституционного характера или по конституционным вопросам; при этом должно гарантироваться *выступление с общественными инициативами на различных территориальных уровнях* (включая различные публично-правовые и муниципальные образования); 4) область *делиберативно-избирательного пространства*, в которой осуществляется *публично-правовая коммуникация* при организации и проведении выборов, других голосований на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; 5) область *конституционно-дискурсивного пространства*, которое связано с проведением *всенародного обсуждения поправок к Конституции* или изменений положений статьи 65 Конституции (в том числе по составу субъектов РФ, изменению территории Российского государства); 6) сфера *конституционно-правовой коммуникации по вопросам референдумного права*, например при организации и проведении референдума РФ по вопросам конституционного и международного характера (в частности, в России не решен вопрос об участии граждан и инициативах по проведению референдума при создании межгосударственных объединений, вхождении в межгосударственные объединения, при выходе из таких объединений); 7) сфера *публично-делиберативного мониторинга*, в которой осуществляется общероссийский (народный) конституционный мониторинг в отношении действующей Конституции РФ или принятых поправок к ней; 8) сфера использования *иных форм делиберативной демократии* (или делиберативного участия) на трех уровнях организации публичной власти, включая разработку инициативных проектов, правотворческих инициатив граждан, развитие форм участия в общественных палатах и общественных советах.

Отмеченные сферы коммуникативного конституционализма имеют весьма разрозненные источники правового регулирования, отсутствует системная кодификация и системная связь между различными нормативными правовыми актами. *Институт участия общественности* в публично-правовом пространстве и его работа на различных уровнях организации публичной власти показывает дисперсность и несогласованность в правовом поле. В частности, имеющиеся формы инициативных проек-

тов, общественных инициатив и обсуждения нормативно-правовых актов и их проектов не устанавливают возможность обсуждения поправок к Конституции, проекта новой Конституции, мониторинга действующих конституционных норм, что свидетельствует о необходимости совершенствования правовой, организационной и информационно-коммуникационной основы института участия общественности в конституционно-правовых (или шире – публично-правовых) коммуникациях.

Модели конституционной мобилизации в современном мире

Модель всеобщей конституционной мобилизации сочетает формы *императивной* и *делиберативной демократии* в условиях широкого привлечения граждан и институтов гражданского общества к обсуждению предлагаемых поправок к конституции с последующим вынесением на конституционный референдум самих поправок для всенародного голосования. Опираясь на опыт проведения конституционных референдумов в Ирландии и широкое обсуждение конституционных поправок, исследователи как в России (Т. Васильева) [44. С. 46], так и в зарубежных странах (К. Контиадес и А. Фотиаду) отмечают расширение сферы делиберативного участия по конституционным вопросам и что ведущее участие граждан в процессе конституционных изменений в настоящее время становится «отдельной тенденцией в теории и практике конституционного проектирования» [37. Р. 2–3].

Модель *всеобщей конституционной мобилизации* хорошо прослеживается на основе анализа опыта одобрения поправок в Конституцию Ирландии посредством референдума (в том числе новейших и проектируемых поправок). Данный опыт показал и усиление значения *императивных форм демократии для решения конституционных вопросов*, и расширение дискурсивного поля обсуждения содержания и значения поправок по болезненным и значимым вопросам [33. С. 99–101]. В статье 46 (часть 1) Конституции Ирландии закрепляется, что «любое положение Конституции может быть изменено путем поправки, изменения или отмены способом, установленным в этой статье». После принятия любого предложения об изменении Конституции обеими палатами Парламента такой законопроект («Акт об изменении Конституции») «должен быть представлен на референдум для решения народом в соответствии с действующим законом о референдуме»³. Опыт Ирландии в сфере проведения *императивных конституционных референдумов* показывает, что с момента принятия Конституции в 1937 г. (проект самой Конституции был одобрен на референдуме 1 июля 1937 г.⁴) в стране было проведено 38 референдумов (39 – в случае учета референдума по самой конституции), и ожидаются новые. Резонансным решением конституционного характера была отмена восьмой поправки (принятой на основании референдума от 7 сентября 1983 г.) к Конституции Ирландии в 2018 г. (статья 40 часть 3), которая признавала право на жизнь нерожденного ребенка и сохраняла право на аборт

только в случае опасности для жизни женщины⁵. *Тридцать шестой поправкой* к Конституции Ирландии 18 сентября 2018 г. восьмая поправка была отменена, и появилось следующее положение в статье 40: «3. Законом может быть предусмотрено регулирование прерывания беременности»⁶. Кроме того, 27 ноября 2018 г. была принята *тридцать седьмая поправка* к Конституции, которая перестала рассматривать в качестве преступления публикацию или произнесение богохульных материалов⁷. А 11 июня 2019 г. *тридцать восьмой поправкой* к Конституции Ирландии статья 41 была дополнена новым положением о признании иностранных разводов («3. Законом может быть предусмотрено признание в соответствии с законодательством государства расторжения брака, заключенного в соответствии с гражданским законодательством другого государства»)⁸. В ноябре 2023 г. в Ирландии пройдет конституционный референдум о судьбе положения статьи 41 (часть 2) Конституции, в которой закрепляется роль женщины в ирландском обществе и государстве (1. «В частности, Государство признает, что своей домашней жизнью женщина оказывает Государству поддержку, без которой не может быть достигнуто общее благо»; 2. «Государство поэтому должно стремиться к тому, чтобы матери не были вынуждены по экономической необходимости заниматься трудом, пренебрегая своими домашними обязанностями»)⁹. Данная статья стала предметом общественной дискуссии, когда на нее обратила внимание Гражданская ассамблея по гендерному равенству в 2021 г.: было предложено исключить данные положения и заменить их более нейтральными положениями, не относящимися к гендеру. Хотя традиция проведения конституционных референдумов в Ирландии восходит к периоду, начавшемуся задолго до появления Интернета, современные цифровые и информационные технологии, включая Интернет, содействуют на уровне государственной поддержки политическому и правовому вовлечению граждан в обсуждение конституционных и иных инициатив с большим публичным значением, в том числе по поправкам к Конституции страны. В частности, об этом свидетельствует портал Ассамблеи граждан, или Гражданская ассамблея (англ.: *The Citizens' Assembly*)¹⁰. Гражданская ассамблея – это группа граждан, сформированная из «представителей широкой общественности, избранных для обсуждения вопроса или вопросов государственной важности». Начало Гражданской ассамблеи положила программа правительства 2011 г., которая обязалась создать конституционное собрание. Собрания граждан основывались на работе «Конвенции о Конституции» (англ.: *Constitutional Convention*) и создавались для рассмотрения публично значимых вопросов «за последнее десятилетие», включая отмену восьмой поправки к Конституции страны, старение населения, гендерное равенство и утрату биоразнообразия. На сегодняшний день программа правительства «Наше общее будущее»¹¹ (англ.: *Programme for Government Our Shared Future*) включает обязательство провести четыре собрания граждан за время своего существования. Две из

этих ассамблей уже завершены: Гражданская ассамблея по вопросам утраты биоразнообразия и Дублинская ассамблея. В настоящее время проводится третья Ассамблея по вопросам употребления наркотиков. В рамках данного портала работает и Гражданская ассамблея по гендерному равенству, которая была создана резолюцией Парламента Ирландии (ирл.: *Oireachtas*) в июле 2019 г. для «рассмотрения вопроса о гендерном равенстве и вынесения рекомендаций *Oireachtas* по продвижению гендерного равенства»¹².

Модель частичной профессиональной и экспертной конституционной мобилизации с применением технологий делиберативной демократии с некоторыми элементами императивности принимаемых решений, когда процедура всенародного голосования тяготеет к всеобщей мобилизации, однако она применяется в ограниченном информационном пространстве без использования современных интернет-технологий для выявления предварительного мнения населения о содержании конституционных поправок, а сама процедура голосования предполагает только пакетный способ волеизъявления по конституционным вопросам.

Существенной новацией в российском конституционном развитии стало общероссийское голосование 1 июля 2020 г. по Закону РФ о поправке к Конституции 2020 г., которое соединило *пакетный способ волеизъявления граждан* без возможности выбора между различными по предмету регулирования поправками к разным положениям Конституции РФ и *технологии конституционного арт-популизма* с использованием общероссийских каналов телевидения. *Пакетное конституционное волеизъявление граждан* основывалось на традиционной форме бюллетеня и способах подачи голоса без применения каких-либо цифровых или интерактивных технологий с использованием сетей или иных информационных технологий, позволяющих обсуждать отдельные элементы или содержание поправок.

Как отмечает В.А. Кряжков, опыт внесения поправок в 2008–2020 гг. показал, что жесткий характер Конституции может быть с достаточной легкостью преодолен благодаря фактически сложившейся в России государственной действительности, «элементами которой являются вертикаль власти, имитация разделения властей, отсутствие парламентской оппозиции и слабость институтов гражданского общества» [45. С. 11]. В ходе доработки текста проекта Закона РФ о поправке к Конституции преобладали персональные предложения членов Рабочей группы; в дальнейшем применялся сбор предложений к тексту проекта Закона РФ о поправке к Конституции РФ в период прохождения через палаты Федерального Собрания (в отношении рассмотрения и принятия Государственной Думой текста Закона) без использования цифровых и интерактивных технологий, к тому же сайт о поправках к Конституции РФ так и не был создан Парламентом страны.

Именно в ходе обсуждения Закона РФ о поправке к Конституции РФ 2020 г. перед общероссийским голосованием, когда уже была решена судьба данного акта

согласно порядку, установленному Федеральным законом «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ (в редакции Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ), *активно применялась технология конституционного арт-популизма*. Такую технологию можно охарактеризовать как относительно новую для конституционных изменений в России. Во-первых, проводилась *конституционная мобилизация* ведущих деятелей культуры и искусства, артистов, директоров театров и музеев, многие из которых были включены в Рабочую группу актом Президента РФ. Во-вторых, в средствах массовой информации (прежде всего на общероссийских каналах телевидения) *демонстрировались заранее записанные ролики «известных артистов, деятелей культуры с положительными призывами за поправки»* [46. С. 92], которые оказывали культурно-пропагандистское воздействие на широкое общественное сознание, что, несомненно, повлияло на исход голосования. В-третьих, *ограниченное значение имело экспертное и профессиональное мнение специалистов в области конституционного права и политической науки*, так как публичные дебаты по Закону о поправке к Конституции РФ не проводились; граждане, эксперты, общественные объединения (другие институты гражданского общества) не имели информационных каналов (как общей платформы по примеру ирландской Гражданской ассамблеи) для выражения своих мнений или записи роликов по собственной инициативе, поскольку такой подход требовал интерактивных технологий и возможности использовать информационные технологии для доступа в Интернет (на основе общей информационной и цифровой платформы), а также создания портала «Открытая Конституция» или «Гражданская ассамблея». Конечно, это не означало, что отдельные ученые или представители гражданского общества не могли разместить в интернет-пространстве критические статьи или иные публикации; они это делали, однако *общая информационная и цифровая платформа* для формирования взглядов и обсуждения поправок к Конституции отсутствовала.

Модель конституционного краудсорсинга, которая сочетает *традиционные и новые информационные и цифровые технологии*, комбинирует формы императивной и делиберативной демократии и создает условия для появления новых форм выражения *народной конституанты*. Наиболее активно обсуждаемым в современной сравнительной конституционно-правовой литературе стал эксперимент *по соучастию общественности и органов публичной власти* (в качестве носителей *конституирующей власти*) в написании конституции в Исландии. Данный эксперимент отражал не только новации в использовании сетей и информационных технологий и традиционные формы реализации конституирующей власти, но и поставил вопрос о возможности обычных граждан, не наделенных профессиональными знаниями в области конституционного права или права вообще, участвовать в создании конституционных норм. Высокая гомогенность и образованность граждан-учредителей, с одной стороны, и

соединение технологии краудсорсинга и традиционных институтов конституанты, с другой стороны, создали условия для активного обсуждения, которое выходило далеко за пределы одной юрисдикции вопроса о возможностях создания новых способов конституционных изменений в стране [47].

Следовательно, *модели конституционной мобилизации* демонстрируют *разную степень вовлеченности граждан и институтов гражданского общества в процесс конституционных изменений*; в такой же степени они показывают неодинаковую готовность различных государств (с различающимися политическими режимами и формами правления) использовать новые технологии (цифровые и информационные) создания информационного и конституционно-правового поля для обсуждения и принятия поправок к конституции или разработке проекта новой конституции. Вместе с тем *область сравнительного конституционного права*, получив *новые исследовательские и предметные сферы*, какими являются сферы *конституционных изменений и конституционной мобилизации* (теоретические, нормативные, процедурные, коммуникативные основы), нуждается в продвинутой концептуализации этих основ как на уровне отдельных юрисдикций, так и в международном масштабе для современного сообщества конституционалистов.

Выводы

Коммуникативный конституционализм формируется как *гибридная модель конституционализма*, сочетающая нормативные, институциональные и коммуникативные элементы, с одной стороны, теории делиберативного конституционализма и делиберативной демократии в контексте участия граждан в обсуждении конституционных изменений – с другой. Современные конституции, действующие в первой четверти XXI в., оказываются под воздействием нескольких международных и внутригосударственных трендов: 1) вектор пересмотра форм и методов участия народа в конституционных изменениях (граждан, гражданских ассамблей, институтов гражданского общества) не всегда находит отражение в нормативной структуре конституций, хотя, очевидно, назрела такая потребность; 2) *цифровизация* форм императивной и делиберативной демократии становится велением времени в условиях информационного и алгоритмического общества; их применение для *обсуждения и принятия как поправок к конституции, так и проектов новых конституций* происходит в условиях различных моделей конституционной мобилизации; 3) нормы конституций и конституционного права пока мало внимания уделяют закреплению в качестве незыблемых или устойчивых в конституционном дизайне *принципов участия граждан в конституционном проектировании, в конституционном мониторинге и в конституционной модернизации*. Не следует дожидаться кризисных явлений в экономике, праве или социальной сфере, с которыми время от времени сталкиваются современные государства. Очевидно, назрела необходимость разработки с позиций конституционного дизайна моделей норм и, возможно, отдельных

глав конституций, которые закрепляют не просто правила внесения поправок и пересмотра конституций, а формы, методы участия граждан и в целом института общественности в конституционных изменениях с использованием новейших информационных и цифровых технологий.

Развитие современных государств, а также кризисные явления в таких странах, как Исландия, на европейском континенте, конституционные реформы в России, Казахстане, Белоруссии показывают, что значимость участия народа и института общественности повышается. При этом появившийся опыт конституционных изменений и конституционной мобилизации нуждается в *концептуальной систематизации*. Выявленные проблемы с получением конечного конституционного результата показывают, что формирование конституционно-делиберативного пространства, дискурсивного поля для обсуждения конституционных изменений затрагивает чувствительные для легитимности публичной власти вопросы, одновременно выявляя проблему *результативности участия граждан*, не обладающих специальными познаниями в области права, в выработке содержания конституционных норм. Наука конституционного права идет по пути выработки *общих или релевантных принципов такого участия граждан и института общественности в целом*. Как отмечают авторы исследования, нужна «здоровая структурная теория», которая сможет бросить вызов «консолидированным, но теперь явно недостаточным догматическим категориям» [48. Р. 46–47], с широким привлечением граждан (как участников), представителей экспертного и профессионального сообщества (юристов и ученых как исследователей). В качестве такой *здоровой теории может быть доктрина коммуникативного конституционализма*.

Российский опыт проведения общероссийского голосования в 2020 г. как новшество конституционной реформы свидетельствует об осознанной *проблеме конституционной легитимности* проводимых преобразований. В такой же степени новый опыт вовлечения граждан в процесс конституционных изменений показывает, что действующая Конституция и поле федеральных конституционных законов нуждаются в серьезных нормативных новациях в части установления принципов, процедур и форм участия граждан в реализации учредительной власти при осуществлении конституционных изменений. В качестве одного из предложений для решения этой проблемы может быть разработана и принята федеральная конституционная норма о формах учредительной власти и о конституционных общественных инициативах (с возможным внесением соответствующей поправки в текст Конституции РФ). Таким образом, во-первых, одной из актуальных задач современного сравнительного конституционного права становится исследование такого опыта конституционной мобилизации и конституционного участия и разработка моделей и способов конституционной мобилизации для понимания содержания тех конституционных норм, в которых нуждаются современные конституции; во-вторых, новые технологии

несут с собой риски подлинной идентификации граждан, злоупотребления электронными процедурами и возможной непрозрачностью алгоритмического управления.

Примечания

¹ Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом, № 23-28-00627. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

² Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом, № 23-28-00627. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> (проект «Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

³ См.: Конституция Ирландии. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=151>

⁴ Referendum results 1937–2015. URL: <https://2016-2018.citizensassembly.ie/en/Manner-in-which-referenda-are-held/Referendum-Results-1937-2015.pdf>

⁵ В переводе с английского текст поправки выглядит так: «3. Государство признает право на жизнь нерожденного ребенка и, учитывая должным образом равное право на жизнь матери, гарантирует в своих законах уважение и, насколько это практически возможно согласно законам, защиту и поддержку этого права». См.: Eighth Amendment of the Constitution Act, 1983. URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/1983/ca/8/enacted/en/print>

⁶ См.: Thirty-sixth Amendment of the Constitution Act 2018. URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/2018/ca/36/schedule/enacted/en/html#sched-part2>

⁷ См.: Thirty-seventh Amendment of the Constitution (Repeal of offence of publication or utterance of blasphemous matter) Act 2018. URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/2018/ca/37/enacted/en/print>

⁸ Thirty-eighth Amendment of the Constitution (Dissolution of Marriage) Act 2019. URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/2019/ca/38/enacted/en/html>

⁹ Текст части 2 статьи 41 Конституции на английском языке выглядит следующим образом: «1° In particular, the State recognises that by her life within the home, woman gives to the State a support without which the common good cannot be achieved. 2° The State shall, therefore, endeavour to ensure that mothers shall not be obliged by economic necessity to engage in labour to the neglect of their duties in the home». См.: Constitution of Ireland. URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html>

¹⁰ The Citizens' Assembly. URL: <https://citizensassembly.ie/overview-previous-assemblies/>

¹¹ В этой Программе Правительства сказано следующее: «Мы заявляем о наших стремлениях» решить насущные проблемы, «возместить ущерб, нанесенный пандемией и, опираясь на обновленный дух, возникший в эти трудные времена, воплотить его в действия – действия, которые могут обеспечить более высокое качество жизни для всех, равенство в обществе, и достичь более глубокого чувства связи с миром природы вокруг нас и друг с другом». См.: Programme for Government. Our Shared Future. URL: <https://www.gov.ie/pdf/?file=https://assets.gov.ie/130911/fe93e24e-dfe0-40ff-9934-def2b44b7b52.pdf#page=null>

¹² См.: The Citizens' Assembly on Gender Equality. URL: <https://citizensassembly.ie/overview-previous-assemblies/assembly-on-gender-equality/>

Список источников

1. Кравец И.А. Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. 2018. № 12. С. 44–55. doi: 10.31857/S013207690002199-0
2. Алексеева Т.А., Васильева Т.А., Варламова Н.В. и др. Конституционализм: универсальное и национальные измерения. М.: Ин-т государства и права РАН, 2022.
3. Безруков А.В., Дубровин О.В., Дудко И.Г. и др. Современная модель государственной власти в Российской Федерации. Вопросы совершенствования и перспективы развития. М.: Проспект, 2019. 192 с.
4. Кравец И.А. Господство права как универсальная ценность и многообразие конституционной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 4. С. 813–851.
5. Медушевский А.Н. Конституционная реформа – 2020 с позиций теории легитимности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С. 15–30.
6. Клеандров М.И. О проблемных нововведениях 2020 года в Конституцию РФ в сфере механизма правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 7–11.
7. Брежнев О.В. Конституционная реформа 2020 г. и развитие конституционного правосудия в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 3–6.
8. Безруков А.В. Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 3–9.
9. Боброва Н.А. Конституционная реформа – 2020 как решение проблемы «транзита власти» – 2024 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 3–9.
10. Добрынин Н.М. Конституционализм и парадигма общественных отношений в России: исторический опыт, конформизм или неизбежность перемен // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 3–11.
11. Бабурин С.Н. О духовности целей и социальности задач российской конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 3–8.
12. Дробот С.Е. Конституционно-правовые основы преемственности поста выборного главы государства (российский и сравнительно-правовой аспекты) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 27–30.
13. Кондрашев А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15–25.
14. Кравец И.А. Судебный конституционализм и конституционализация предпринимательской деятельности и статуса юридического лица (в контексте конституционной реформы 2020) // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 10–15.
15. Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18.

16. Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть (Окончание) // Государство и право. 2022. № 3. С. 7–18.
17. Аничкин Е.С. Конституционно-правовые основы противодействия антироссийским санкциям // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 2–7.
18. Кравец И.А. Конституционные революции в исторической и современной юриспруденции: правовые и методологические аспекты // История государства и права. 2023. № 5. С. 6–14. doi: 10.18572/1812-3805-2023-5-6-14
19. Дробот С.Е. Коммуникативные возможности политического участия в механизме конституционной модернизации: ретроспективные аспекты и перспективы совершенствования // История государства и права. 2023. № 5. С. 21–26.
20. Раздьяконова Е.В. Делиберативное участие в конституционном развитии России: теоретические аспекты и историческая ретроспектива // История государства и права. 2023. № 5. С. 15–20.
21. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности : пер. с нем. (Habermas, Jürgen. Theorie des kommunikativen Handelns). М. : Весь Мир, 2022. 880 с.
22. Ван Хук М. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова, А.В. Полякова. СПб. : Издательский дом СПб. гос. ун-та ; Университетский издательский консорциум, 2012. 288 с.
23. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 94 с.
24. Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 78–95.
25. Ponet D., Leib E.J. Deliberative Law // Andre Bächtiger and others. (eds) The Oxford Handbook of Deliberative Democracy. Oxford Handbooks, 2018. P. 612–624.
26. Levy R., Orr G. The Law of Deliberative Democracy. New York, NY : Routledge, 2016. 231 p.
27. Marshall P. The Law of Deliberative Democracy // International Journal of Constitutional Law. 2017. Vol. 15, Is. 3. P. 872–875. doi: 10.1093/icon/mox066
28. Levy R., Kong H., Orr G., King J. (Eds.). The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. doi: 10.1017/9781108289474
29. Киреев В.В. Конституционная реформа в Российской Федерации. М. : Изд-во МГУ, 2006. 268 с.
30. Хабриева Т.Я. Конституционное развитие: статика и динамика // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 5–17.
31. Кравец И.А. Учредительная власть и конституционная модернизация в современном конституционализме (российский, сравнительный и международный аспекты) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 206–217. doi: 10.17223/15617793/450/25
32. Suteu S. Constitutional Conventions in the Digital Era: Lessons from Iceland and Ireland // Boston College International & Comparative Law Review. 2015. Vol. 38, № 2. P. 251–276.
33. Кравец И.А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2 (153). С. 93–123. doi: 10.21128/1812-7126-2023-2-93-123
34. Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London : Routledge, 2020.
35. Son B.N. Constitutional Mobilization // Washington University Global Studies Law Review. 2018. Vol. 17, № 1. P. 113–179. URL: https://openscholarship.wustl.edu/law_globalstudies/vol17/iss1/7
36. Blokker P. Constitutional Mobilization and Contestation in the Transnational Sphere // Journal of Law and Society. 2018. Vol. 45, Is. S1. P. S52–S72.
37. Contiades X., Fotiadou A. Introduction: Participatory Constitutional Change // Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. Abingdon ; New York : Routledge, 2017. P. 1–6.
38. Кравец И.А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 9–15.
39. Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник РАН. 2018. Т. 88, № 12. С. 1076–1077.
40. Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы : сб. материалов междунар. науч. конференции / отв. ред. С.А. Авакьян. М. : РГ-Пресс, 2017. С. 6–14.
41. Авакьян С.А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 1. С. 3–21.
42. Крусс В.И. Теория конституционного правоупотребления. М. : НОРМА, 2007. 751 с.
43. Крусс В.И. Конституционное правоупотребление и вызовы инструментально-юридической эпистемологии // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 46–57.
44. Васильева Т. Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6 (151). С. 46.
45. Кряжков В.А. Поправки к Конституции Российской Федерации: правовые основы, пределы и их обеспечение // Государство и право. 2016. № 1. С. 5–12.
46. Кравец И.А. Цифровой конституционализм и будущее информационного общества (в контексте глобализации и интеграционных процессов) // Право и государство. 2020. № 3–4. С. 85–104.
47. Васильева Т.А. Конституционные реформы в цифровую эпоху: опыт Исландии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3. С. 55–62.
48. Palermo F. Participation, Federalism, and Pluralism: Challenges to Decision Making and Responses by Constitutionalism // Citizen Participation in Multi-Level Democracies / ed. by C. Fraenkel-Haeberle, S. Kropp, F. Palermo, K.-P. Sommermann. Leiden ; Boston, MA : Brill Nijhoff, 2015. P. 31–47.

References

1. Kravets, I.A. (2018) *Konstitutsiya i tsennosti konstitutsionalizma kak mega-paradigm* [The Constitution and the values of constitutionalism as a mega-paradigm]. *Gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 44–55. doi: 10.31857/S013207690002199-0
2. Alekseeva, T.A. et al. (2022) *Konstitutsionalizm: universal'noe i natsional'nye izmereniya* [Constitutionalism: universal and national dimensions]. Moscow: Institute of State and Law RAS.
3. Bezrukov, A.V. et al. (2019) *Sovremennaya model' gosudarstvennoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii. Voprosy sovershenstvovaniya i perspektivy razvitiya* [Modern model of state power in the Russian Federation. Issues of improvement and development prospects]. Moscow: Prospekt.
4. Kravets, I.A. (2020) *Gospodstvo prava kak universal'naya tsennost' i mnogoobrazie konstitutsionnoy identichnosti* [The rule of law as a universal value and diversity of constitutional identity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 11 (4). pp. 813–851.
5. Medushevskiy, A.N. (2020) *Konstitutsionnaya reforma – 2020 s pozitsiy teorii legitimnosti* [Constitutional reform – 2020 from the standpoint of the theory of legitimacy]. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*. 4. pp. 15–30.

6. Kleandrov, M.I. (2021) O problemnykh novovvedeniyakh 2020 goda v Konstitutsiyu RF v sfere mekhanizma pravosudiya [On problematic innovations of 2020 to the Constitution of the Russian Federation in the field of the justice mechanism]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 1. pp. 7–11.
7. Brezhnev, O.V. (2020) Konstitutsionnaya reforma 2020 g. i razvitiye konstitutsionnogo pravosudiya v Rossii [Constitutional reform of 2020 and the development of constitutional justice in Russia]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 7. pp. 3–6.
8. Bezrukov, A.V. (2020) Konstitutsionnaya reforma: osnovnye napravleniya i puti sovershenstvovaniya konfiguratsii publichnoy vlasti v Rossii [Constitutional reform: main directions and ways to improve the configuration of public power in Russia]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 6. pp. 3–9.
9. Bobrova, N.A. (2021) Konstitutsionnaya reforma – 2020 kak reshenie problemy “tranzita vlasti” – 2024 [Constitutional reform of 2020 as a solution to the problem of “transit of power” of 2024]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2. pp. 3–9.
10. Dobrynin, N.M. (2020) Konstitutsionalizm i paradigma obshchestvennykh otnosheniy v Rossii: istoricheskiy opyt, konformizm ili neizbezhnost' peremen [Constitutionalism and the paradigm of social relations in Russia: historical experience, conformism or the inevitability of change]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 1. pp. 3–11.
11. Baburin, S.N. (2020) O dukhovnosti tseye i sotsial'nosti zadach rossiyskoy konstitutsionnoy reformy [On the spirituality of the goals and sociality of the tasks of the Russian constitutional reform]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 4. pp. 3–8.
12. Drobot, S.E. (2021) Konstitutsionno-pravovye osnovy preemstvennosti posta vybornogo glavy gosudarstva (rossiyskiy i sravnitel'no-pravovoy aspekt) [Constitutional and legal foundations of succession to the post of elected head of state (Russian and comparative legal aspects)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 4. pp. 27–30.
13. Kondrashev, A.A. (2021) Tendentsii konstitutsionnogo razvitiya Rossii v kontekste konstitutsionnoy reformy 2020 goda [Trends in the constitutional development of Russia in the context of the constitutional reform of 2020]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 11. pp. 15–25.
14. Kravets, I.A. (2022) Sudebnyy konstitutsionalizm i konstitutsionalizatsiya predprinimatel'skoy deyatel'nosti i statusa yuridicheskogo litsa (v kontekste konstitutsionnoy reformy 2020) [Judicial constitutionalism and constitutionalization of entrepreneurial activity and the status of a legal entity (in the context of constitutional reform 2020)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 1. pp. 10–15.
15. Kleandrov, M.I. (2022) O neizbezhnosti razrabotki i prinyatiya novoy Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i chto v ney dolzhno byt' [On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what should be in it]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 7–18.
16. Kleandrov, M.I. (2022) O neizbezhnosti razrabotki i prinyatiya novoy Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i chto v ney dolzhno byt' (Okonchanie) [On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what should be in it (Conclusion)]. *Gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 7–18.
17. Anichkin, E.S. (2023) Konstitutsionno-pravovye osnovy protivodeystviya antirossiyskim sanktsiyam [Constitutional and legal basis for countering anti-Russian sanctions]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 4. pp. 2–7.
18. Kravets, I.A. (2023) Konstitutsionnye revolyutsii v istoricheskoy i sovremennoy yurisprudentsii: pravovye i metodologicheskie aspekty [Constitutional revolutions in historical and modern jurisprudence: legal and methodological aspects]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 5. pp. 6–14. doi: 10.18572/1812-3805-2023-5-6-14
19. Drobot, S.E. (2023) Kommunikativnye vozmozhnosti politicheskogo uchastiya v mekhanizme konstitutsionnoy modernizatsii: retrospektivnye aspekty i perspektivy sovershenstvovaniya [Communicative possibilities of political participation in the mechanism of constitutional modernization: retrospective aspects and prospects for improvement]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 5. pp. 21–26.
20. Razd'yakonova, E.V. (2023) Deliberativnoe uchastie v konstitutsionnom razvitiy Rossii: teoreticheskie aspekty i istoricheskaya retrospektiva [Deliberative participation in the constitutional development of Russia: theoretical aspects and historical retrospective]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 5. pp. 15–20.
21. Habermas, J. (2022) *Theorie des kommunikativen Handelns*. Moscow: Izdatel'stvo “Ves' Mir”. (In Russian).
22. van Hoecke, M. (2012) *Pravo kak kommunikatsiya* [Law as communication]. Translated from English by M.V. Antonov, A.V. Polyakov. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
23. Polyakov, A.V. (2002) *Kommunikativnaya kontseptsiya prava (genesis i teoretiko-pravovoe obosnovanie)* [Communicative concept of law (genesis and theoretical and legal justification)]. Law Dr. Diss. Sankt-Peterburg.
24. Antonov, M.V., Polyakov, A.V. & Chestnov, I.L. (2013) Kommunikativnyy podkhod i rossiyskaya teoriya prava [Communicative approach and Russian theory of law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 6(311). pp. 78–95.
25. Ponet, D. & Leib, E.J. (2018) Deliberative Law. In: Bächtiger, A. et al. (eds) *The Oxford Handbook of Deliberative Democracy*. Oxford Handbooks. pp. 612–624.
26. Levy, R. & Orr, G. (2016) *The Law of Deliberative Democracy*. New York, NY: Routledge.
27. Marshall, P. (2017) The Law of Deliberative Democracy. *International Journal of Constitutional Law*. 15 (3). pp. 872–875. doi: 10.1093/icon/mox066
28. Levy, R. et al. (eds) (2018) *The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism*. Cambridge: Cambridge University Press, doi: 10.1017/9781108289474
29. Kireev, V.V. (2006) *Konstitutsionnaya reforma v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional reform in the Russian Federation]. Moscow: Moscow State University.
30. Khabrieva, T.Ya. (2018) Konstitutsionnoe razvitiye: statika i dinamika [Constitutional development: statics and dynamics]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 12. pp. 5–17.
31. Kravets, I.A. (2020) Constituent Power and Constitutional Modernisation in Modern Constitutionalism (Russian, Comparative, and International Aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 450. pp. 206–217. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/450/25
32. Suteu, S. (2015) Constitutional Conventions in the Digital Era: Lessons from Iceland and Ireland. *Boston College International & Comparative Law Review*. 38 (2). pp. 251–276.
33. Kravets, I.A. (2023) Tsifrovoye grazhdanstvo i konstitutsionnye vyzovy v informatsionnom i algoritmicheskom obshchestve [Digital citizenship and constitutional challenges in the information and algorithmic society]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2 (153). pp. 93–123. doi: 10.21128/1812-7126-2023-2-93-123.
34. Contiades, X. & Fotiadou, A. (eds) (2020) *Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change*. London: Routledge.
35. Son, B.N. (2018) Constitutional Mobilization. *Washington University Global Studies Law Review*. 17 (1). pp. 113–179. [Online] Available from: https://openscholarship.wustl.edu/law_globalstudies/vol17/iss1/7
36. Blokker, P. (2018) Constitutional Mobilization and Contestation in the Transnational Sphere. *Journal of Law and Society*. 45 (S1). pp. S52–S72.
37. Contiades, X. & Fotiadou, A. (2017) Introduction: Participatory Constitutional Change. In: Contiades, X. & Fotiadou, A. (eds) *Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution*. Abingdon; New York: Routledge. pp. 1–6.
38. Kravets, I.A. (2020) Informatsionnyy i tsifrovoy konstitutsionalizm i konstitutsionnye obshchestvennye initsiativy v usloviyakh rossiyskogo pravovogo prostranstva [Informational and digital constitutionalism and constitutional public initiatives in the conditions of the Russian legal space]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 9. pp. 9–15.

39. Shakhrai, S.M. (2018) Tsifrovaya konstitutsiya. Osnovnye prava i svobody lichnosti v total'no informatsionnom obshchestve [Digital Constitution. Basic rights and freedoms of the individual in a totally informational society]. *Vestnik RAN*. 88 (12). pp. 1076–1077.
40. Avak'yan, S.A. (2017) [Main trends in the modern development of constitutional law]. *Konstitutsionnoe pravo: itogi razvitiya, problemy i perspektivy* [Constitutional law: results of development, problems and prospects]. Proceedings of the International Conference. Moscow: RG-Press. pp. 6–14. (In Russian).
41. Avak'yan, S.A. (2023) O roli konstitutsionnogo prava v usloviyakh novykh zadach i kontseptual'nykh resheniy dlya politicheskogo budushchego Rossii [On the role of constitutional law in the context of new tasks and conceptual solutions for the political future of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 1. pp. 3–21.
42. Kruss, V.I. (2007) *Teoriya konstitutsionnogo pravopol'zovaniya* [Theory of constitutional law use]. Moscow: NORMA.
43. Kruss, V.I. (2020) Konstitutsionnoe pravoponimanie i vyzovy instrumental'no-yuridicheskoy epistemologii [Constitutional understanding of law and challenges to instrumental legal epistemology]. *Vestnik Yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*. 7 (3). pp. 46–57.
44. Vasil'eva, T. (2022) Konstitutsionnoe sobranie v Irlandii: deliberativnaya demokratiya v deystvii [Constitutional Assembly in Ireland: deliberative democracy in action]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 6 (151). p. 46.
45. Kryazhkov, V.A. (2016) Popravki k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: pravovye osnovy, predely i ikh obespechenie [mndments to the Constitution of the Russian Federation: legal foundations, limits and their provision]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 5–12.
46. Kravets, I.A. (2020) Tsifrovoy konstitutsionalizm i budushchee informatsionnogo obshchestva (v kontekste globalizatsii i integratsionnykh protsessov) [Digital constitutionalism and the future of the information society (in the context of globalization and integration processes)]. *Pravo i gosudarstvo*. 3–4. pp. 85–104.
47. Vasil'eva, T.A. (2019) Konstitutsionnye reformy v tsifrovuyu epokhu: opyt Islandii [Constitutional reforms in the digital era: the experience of Iceland]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 3. pp. 55–62.
48. Palermo, F. (2015) Participation, Federalism, and Pluralism: Challenges to Decision Making and Responses by Constitutionalism. In: Kropp, S. et al. (eds) *Citizen Participation in Multi-Level Democracies*. Leiden; Boston, MA: Brill Nijhoff. pp. 31–47.

Информация об авторе:

Кравец И.А. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права, главный научный сотрудник Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: kravigor@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Kravets, Dr. Sci. (Law), head of the Department of the Theory and History of State and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kravigor@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.07.2023;
одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 03.07.2023;
approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2023. № 494. Сентябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 29.09.2023 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 30,5. Усл. печ. л. 28,3. Тираж 50 экз.
Заказ № 5779. Цена свободная.

Дата выхода в свет 14.02.2024 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru